

Н. П. РУМЯНЦЕВ

Д. К. АДАМС

М. В. ЛОМОНОСОВ

Б. ФРАНКЛИН

Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ

**Становление
русско -
американских
отношений
1775-1815**

ВОЛГОГРАДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1966

На суперобложке и форзацах помещены фрагменты архивных подлинников следующих документов:

1. Письма Ф. В. Каржавина из Виргинии от 1 сентября 1785 г. с упоминанием о проекте посылки его с дипломатической миссией в Россию от американского конгресса (на русск. яз.).

2. Первого личного послания Т. Джефферсона Александру I от 15 июня 1804 г. в связи с посредничеством России в деле освобождения команды американского фрегата, захваченного у берегов Триполи (на англ. яз.).

3. Депеши Н. П. Румянцева М. М. Алопеусу от 6 (18) октября 1807 г. с сообщением о согласии русского правительства установить дипломатические отношения с США (на франц. яз.).

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. Ф. ИВАНОВ

Введение

Отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки привлекают в наши дни всеобщее внимание. Все мы много говорим, думаем и спорим о настоящем и будущем этих отношений и удивительно мало знаем об их прошлом. Действительно, как складывались и развивались первые дипломатические, торговые и общественно-политические связи между Россией и Соединенными Штатами? Как завязались ранние научные и культурные контакты между народами этих стран? Что знали и писали об Америке в России в XVIII — начале XIX в. и как относились в то время к русскому народу в Соединенных Штатах? Каковы, наконец, главные уроки русско-американских отношений и чем может быть полезен опыт их изучения для современности?

Мы, конечно, понимаем огромное принципиальное отличие нашей эпохи от второй половины XVIII в. И мы совсем не собираемся навязывать читателю какие-то упрощенные аналогии, преувеличивать значение исторических традиций и подходить с одной меркой к совершенно различным по своей социальной и классовой природе явлениям. Уроки истории, вытекающие из анализа отношений феодально-крепостнической России с буржуазными Соединенными Штатами в XVIII—XIX вв., нельзя механически переносить в наше время, но тем не менее их важно хорошо знать и правильно понимать. Между тем ни в советской, ни в мировой литературе проблема становления и развития русско-американских отношений в XVIII—XIX вв. не получила сколько-нибудь подробного исследования и даже по отдельным, частным вопросам

существует очень мало серьезных документированных работ.) Больше того, в худшие годы «холодной войны» историю русско-американских отношений на Западе пытались использовать для пропаганды идеи о существовании чуть ли не «естественной» и «извечной» враждебности между Россией и Америкой.

Эту мысль пропагандировали политические деятели и идеологи «политики силы» вроде Д. Ф. Даллеса. Реакционные историки и публицисты усиленно выискивали факты о существовании «русской опасности» как в прошлом, так и в настоящем, писали о традиционном столкновении интересов России и Америки, пропагандировали враждебность и недоверие между народами. В результате в конце 40-х — начале 50-х годов в Соединенных Штатах и в Западной Европе появилось немало книг и статей, в которых давалось одностороннее, а в некоторых случаях и прямо фальсифицированное представление об истории русско-американских отношений.

Печальным примером такого рода исследований явилась книга известного историка внешней политики США профессора Томаса Бейли «Америка против России», вышедшая в 1950 г. Начав свою работу с разоблачения «легенды о благожелательной Екатерине», маститый ученый в ходе дальнейшего изложения объявил «мифами» и «легендами» старые представления о благожелательной позиции России в период войны за независимость в Северной Америке в 1775—1783 гг., англо-американской войны 1812—1815 гг., гражданской войны 1861—1865 гг. и т. д. Если верить Т. Бейли, то оказывалось, что Россия чуть ли не со дня образования США и до наших дней всегда занимала исключительно враждебную по отношению к Соединенным Штатам позицию, а об «угрозе Москвы» Западному полушарию автор пишет уже применительно к первой четверти XIX в.¹

Объемистый труд Т. Бейли, к сожалению, далеко не единственный пример тенденциозного, презентистского подхода к истории русско-американских отношений. В этом плане написана не имеющая никакой научной ценности книга американского специалиста по русским делам Кларенса Мэннинга, а в известной мере также монография

¹ Th. A. Bailey. *America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to Our Day.* Ithaca, 1950.

западногерманского историка Эрвина Хёлцле, популярная работа Виктора Александрова, вышедшая в 1958 г. в Париже, и др.² Рассматривая исторические события «в свете современных конфликтов», К. Мэннинг перепевает избитый западной пропагандой тезис, что как русские цари, так и «современные кремлевские власти» всегда стремились к завоеваниям и что интересы России и США как в прошлом, так и в настоящем неизменно сталкивались³.

Примерно аналогичные методологические позиции занимает и Эрвин Хёлцле, хотя в части документальных источников его монография производит более благоприятное впечатление. В русской колонизации автор видит прежде всего стремление распространить господство России от Арктики до Калифорнии, а Соединенные Штаты у него выглядят защитниками свободы и демократии на американском континенте. Следуя традициям немецкой геополитики, центральное место в своей монографии Э. Хёлцле отводит изложению борьбы двух мировых держав в области «идеологии и пространства», противопоставляет американскую демократию «автократии» русских царей⁴.

Влияние «холодной войны» вполне определенно сказалось и на сборнике статей «Америка и Россия. Полтора века драматических столкновений», вышедшем в Нью-Йорке в 1962 г. под редакцией О. Дженсена. Авторы книги, среди которых мы встречаем Б. Волфа, У. Хейла, Е. Холидея, М. Дэвидсона и др., поставили своей целью не столько дать очерк последовательной истории отношений между двумя странами, сколько выбрать в этой истории «определенные узловые моменты и события, которые превратили прошлое в настоящее»⁵. Общая картина русско-американских отношений в освещении авторов книги оказалась в конечном итоге довольно тенденциозной.

² C. A. Manning. *Russian Influence on Early America*. New York, 1953; E. Hölzle. *Russland und Amerika. Aufbruch und Begegnung zweier Weltmächte*. München, 1953; V. Alexandrov. *L'Ours et la baleine. L'histoire des relations extraordinaires russo-américaines*. Paris, 1958.

³ C. A. Manning. *Op. cit.*, p. VII.

⁴ E. Hölzle. *Op. cit.*, S. 81—150, 163—166 und s. w.

⁵ *America and Russia. A Century and a Half of Dramatic Encounters*, ed. by O. Jensen. New York, 1962, p. 11.

Рассматривая прошлое (в том числе и начало XIX в.) под углом зрения настоящего, авторы книги изображают русско-американские отношения как историю «драматических столкновений», преувеличивают антирусскую направленность доктрины Монро, раздувают экспансионистские замыслы России в Калифорнии и т. д.⁶

Современные пропагандисты «естественной враждебности» между Россией и Соединенными Штатами отнюдь не являются оригинальными. Достаточно сказать, что еще в 1905 г. известный в то время юрист, член постоянного суда в Гааге Оскар Штраус выступил со специальной статьей, в которой подверг резкой критике политику России в отношении Соединенных Штатов. Произвольно и тенденциозно подбирая факты и документы, О. Штраус доказывал, что еще со времени войны за независимость Россия занимала враждебную позицию и что американскому народу не за что ее благодарить⁷. Что касается тезиса о «русской угрозе» западной цивилизации, то впервые в американской литературе его выдвинул более 150 лет назад Р. Уолш, опубликовавший в 1813 г. свою полемическую «Корреспонденцию о России»⁸ (не говоря уже о довольно частых антирусских выпадах на страницах американской печати).

Опираясь на тенденциозно подобранные факты и документы, сторонники концепции «естественной враждебности» создали в целом очень одностороннюю, а иногда и прямо фальсифицированную картину истории русско-американских отношений. Следует заметить, что объективные уроки прошлого в конечном итоге трудно согласовать с тезисом о «извечной враждебности». Так, нельзя отрицать, что Россия и Америка никогда не воевали между собой (за исключением периода американской интервенции в годы гражданской войны) и, наоборот, выступали как союзники в самые критические моменты современной истории — в годы первой и второй мировой войны. В трудное и сложное для американского народа

⁶ America and Russia. A Century and a Half of Dramatic Encounters, p. 12, 40—62.

⁷ O. S. Straus. The United States and Russia: Their Historical Relations.— «The North American Review», Vol. 181, N 2, Aug. 1905, p. 237—250.

⁸ R. Walsh. Correspondence Respecting Russia between Robert Goodloe Harper and Robert Walsh, jun. Philadelphia, 1813.

время — в период войны за независимость 1775—1783 гг., англо-американской войны 1812—1815 гг., гражданской войны 1861—1865 гг. — позиция России в отношении США объективно была благожелательной.

Это не означает, конечно, что между США и Россией в прошлом не было противоречий, споров и даже конфликтов, причем их решение, безусловно, осложнялось различием в общественно-политических системах. Игнорировать классовые противоречия, писать об искренней и «забытой дружбе» царей и президентов столь же неверно, как пропагандировать тезис о «естественной враждебности»

Характерным примером в этом отношении может служить книга Александра Тарсаидзе, вышедшая в Нью-Йорке в 1958 г. Автор поставил своей задачей напомнить обеим странам об их «исключительно дружественном прошлом» и настойчиво проводил на страницах своей работы идею о том, что вплоть до 1917 г. между царской Россией и Соединенными Штатами не было ни войн, ни серьезных дипломатических конфликтов⁹.

В поле зрения Тарсаидзе только одна Россия — Россия царей, министров и дипломатов (в свою очередь Соединенные Штаты представлены у него президентами, секретарями и посланниками). Другая Россия — Россия, представленная прогрессивными общественными кругами, революционерами-демократами, народом, — оказалась вне рамок внимания автора. Знаменательно и окончание книги Тарсаидзе — изложение доведено только до 1917 г. Тем самым читателю невольно навязывается мысль, что дружественные отношения, существовавшие между Россией и Соединенными Штатами, прекратились после свержения династии Романовых (о чем Тарсаидзе явно сожалеет).

Принципиально ошибочен и сам тезис автора об «исключительно дружественном прошлом» в отношениях между царской Россией и Соединенными Штатами. Никакой «искренней» дружбы между царями и президентами по существу никогда не было и не могло быть. Русско-американские отношения развивались в благожелательном плане в силу конкретных объективных причин, а не

⁹ A. Tarsaidze, *Czars and Presidents. The Story of a Forgotten Friendship*. New York, 1958, p. V—VI.

в результате каких-то американских «симпатий» Екатерины II, Александра I, Н. П. Румянцева, А. М. Горчакова и любого другого русского царя или министра.

Принципиальные методологические изъяны (узкий дипломатический подход, отсутствие классового анализа, игнорирование социально-экономических факторов, роли народных масс и т. д.) в большей или меньшей степени присущи не только упоминавшимся выше тенденциозным книгам современных западных авторов, но и значительной группе других работ, написанных в основном с позиций буржуазного объективизма. В их числе могут быть названы специальные исследования Д. Хилдта, Ф. Голдера, С. Ф. Бемиса, книги Ф. Рено и У. Крессона о миссии Ф. Дейна, известные работы Ф. Р. Даллеса, У. Уильямса и др. (см. библиографию в конце работы).

Наибольший интерес для нашей темы представляла работа Д. Хилдта, опубликованная в трудах университета Джона Гопкинса ещё в 1906 г. Эта первая небольшая книга о ранних русско-американских дипломатических переговорах до настоящего времени остается наиболее подробным и в целом более или менее объективным исследованием начального этапа отношений между США и Россией, от войны за независимость до конца первой четверти XIX в.)¹⁰. Хотя Д. Хилдт опирался на сравнительно ограниченный круг источников (причем только американских) и изложил историю первых дипломатических контактов довольно бегло, неполно и, главное, с рядом фактических ошибок, его исследование сохраняет свою значимость как попытка создать последовательную картину взаимоотношений между Россией и США.

Из большой группы общих трудов по истории США, а также специальных курсов американской внешней политики особо заслуживает быть отмеченной старая девятитомная работа Генри Адамса, посвященная администрации Т. Джефферсона и Д. Мэдисона¹¹. В своих оцен-

¹⁰ J. Hildt. Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906.— In: «John Hopkins University Studies in Historical and Political Science», Series XXIV, N 5—6.

¹¹ H. Adams. A History of the United States of America during the Administration of Jefferson and Madison, 9 Vols. New York, 1931. Любопытно, что из всех доступных ему источников автор, пожалуй, меньше всего использовал семейную коллекцию Адамсов и в его исследовании практически отсутствуют ссылки на это богатейшее собрание.

как маститый историк пристрастен и особенно несправедлив к Томасу Джефферсону, но в целом в понимании международного и внутреннего положения США, знании английских и американских источников, в том числе и архивов, ему отказать нельзя. Не удивительно поэтому, что, хотя труд Г. Адамса был издан впервые еще в конце XIX в., тем не менее он сохраняет свою научную значимость до настоящего времени. Более того, именно Генри Адамс дал, пожалуй, наиболее обстоятельное и документированное изложение позиции России накануне и во время войны 1812 г. (насколько это возможно, учитывая отсутствие в распоряжении автора русских материалов, а также ограниченные рамки его общего труда).

Обращая внимание на достоинства старых трудов Г. Адамса и Д. Хилдта, мы делаем это совсем не потому, что располагаем избытком историографического материала. Скорее наоборот. Их упоминание вызвано крайним недостатком серьезных исследований по истории русско-американских отношений. Ведь по сути дела, за исключением общих обзорных работ и нескольких безнадежно устаревших специальных книг по отдельным вопросам, в историографии США по проблемам становления и развития ранних русско-американских отношений ничего не имеется¹². Не получили сколько-нибудь деталь-

¹² В данном обзоре мы не касаемся огромной литературы по различным проблемам международных отношений 1775—1815 гг., внешней политики Соединенных Штатов и России, их внутреннего положения, состояния экономики и т. д. Естественно, что в каждом конкретном случае приходилось привлекать разнообразные специальные исследования как советских, так и зарубежных авторов. В качестве примера можно назвать известные труды акад. Е. В. Тарле, в частности, его фундаментальную монографию о континентальной блокаде (Е. В. Тарле. Сочинения, т. III, М., 1958), обширное исследование И. Мадариаги о вооруженном нейтралитете 1780 г. (*I. de Madagascar. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780*. New Haven, 1962), книги Б. Перкинса об англо-американских отношениях (B. Perkins. *The First Rapprochement*. Philadelphia, 1955; *idem*. *Prologue to War*. Berkeley, 1961; *idem*. *Castlereagh and Adams*. Berkeley, 1964) и т. д. Нельзя не упомянуть в этой связи и многочисленные работы С. Ф. Бемиса — наиболее крупного специалиста по внешней политике США изучаемого нами периода (S. F. Bemis. *The Diplomacy of the American Revolution*. New York, 1935, rev. ed. 1957; *idem*. *Pinkney's Treaty*. New Haven, 1960; *idem*. *John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy*. New York, 1949 и др.).

ного исследования даже такие узловые проблемы дипломатической истории, как позиция России в период войны североамериканских колоний Англии за независимость, установление русско-американских дипломатических отношений, вопрос о посредничестве в англо-американской войне 1812—1815 гг. и т. д.

Еще хуже обстоит дело с исследованием становления первых торговых, культурных, научных и общественно-политических связей. Правда, после второй мировой войны интерес к этой стороне русско-американских отношений несколько увеличился. Появился ряд специальных статей и даже книг, однако общая картина изменилась мало. Характерным примером в этом отношении может служить монография профессора Колумбийского университета М. Лазерсона «Американское влияние на Россию 1784—1917», вышедшая в Нью-Йорке двумя изданиями в 1950 и 1962 гг. В числе своих учителей автор называет таких известных ученых, как М. Ковалевский, М. Туган-Барановский, М. Острогорский и др., ссылается в ряде случаев на русские источники, приводит интересные сравнения, но в целом его книга производит впечатление скорее популярного очерка, чем серьезного научного исследования.

Удивительной и почти анекдотической ошибкой выглядит исходная дата монографии М. Лазерсона — 1784 г., когда, как утверждает автор, «Бенджамин Франклин был избран почетным членом императорской Академии наук в С.-Петербурге»¹³. В действительности это событие, как известно, произошло лишь пять лет спустя и в этой связи уже само название работы приобретает нелепый смысл¹⁴. В книге имеется и ряд других фактических ошибок и недостаточно обоснованных выводов, свидетельствующих о поверхностном знакомстве ее автора с документальным материалом.

Едва ли не единственной американской работой, в которой уделяется серьезное внимание русской литературе и источникам XVI—XVIII вв., является небольшой библиографический очерк А. Ярмолинского. Значительную

¹³ M. Laserson. The American Impact on Russia 1784—1917. New York, 1950, p. VII.

¹⁴ Нельзя не отметить, что эта ошибка перекочевала и в новое посмертное издание книги М. Лазерсона (см. M. Laserson. The American Impact on Russia 1784—1917. New York, 1962, p. 7).

ценность представляет, в частности, приводимый автором материал о наиболее ранних сведениях об Америке в русских источниках начиная с XVI в. В то же время важный вопрос — позиция русской печати в период войны за независимость в Северной Америке — изложен в этой работе не только крайне бегло, но и явно тенденциозно. Отмечая, например, что на страницах русской печати событиям американской революции уделялось значительное место, А. Ярмолинский здесь же утверждает, что эти события излагались «целиком с английской точки зрения». Даже в тех случаях, указывает автор, когда помещались сообщения из Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии и Род-Айленда, они отражали якобы исключительно лоялистскую позицию¹⁵.

Полезное обобщающее исследование об американцах, побывавших в России начиная с конца XVIII в., опубликовала Анна Бейби¹⁶, хотя сведения, приводимые ею, являются далеко не исчерпывающими. Так, упоминая о Ф. Дейне, Д. К. Адамсе, П. Джонсе, Д. Ледиарде, Л. Гаррисе (о двух последних с фактическими ошибками)¹⁷, автор ничего не говорит, например, о А. Смите, Д. Пойнсетте, А. Бенсоне и многих других американцах, посетивших Россию в начале XIX в. Как правило, А. Бейби ограничивается самыми краткими замечаниями только на основе американских печатных источников. Серьезные возражения вызывают тенденциозные обобщения о наблюдениях, сделанных американскими путешественниками в России. Но что в книге, действительно, является ценным, так это обширная и тщательно составленная библиография редких иностранных изданий и, прежде всего, документальных материалов, опубликованных американцами, побывавшими в России¹⁸.

¹⁵ A. Yarmolinsky. *Russian Americana. Sixteenth to Eighteenth Centuries. A Bibliographical and Historical Study.* New York, 1943, p. 36—37, 43.

¹⁶ A. M. Babey. *Americans in Russia 1776—1917. A Study of the American Travellers in Russia from the American Revolution to the Russian Revolution.* New York, 1938.

¹⁷ Д. Ледиард приехал в Россию не в 1785 г., а лишь два года спустя, в 1787 г. Л. Гаррис, наоборот, уже осенью, 1803 г. находился в С.-Петербурге, а не в 1804 г., как указано у А. Бейби (*ibid.*, p. 3, 6—7).

¹⁸ A. M. Babey. *Op. cit.*, p. 127—169.

Учитывая слабую изученность истории русско-американских отношений в буржуазной литературе, наличие многочисленных ошибочных представлений и явно тенденциозных версий, получивших особенно широкое распространение в годы «холодной войны», важность всестороннего объективного исследования этой проблемы с марксистских позиций не может вызывать сомнений.

К сожалению, в советской литературе в этой области сделано еще очень мало. Русская историография XIX в. уделяла преимущественное внимание изучению отношений с системой европейских стран, в первую очередь с Францией, а также Англией, Австрией, Пруссией и др. Эта традиция в известной мере сохранилась и в дальнейшем. В результате у нас имеется немало серьезных общих и специальных работ, относящихся к странам Европы, в частности Франции и Англии, и до сих пор нет ни одной монографической работы, охватывающей сколько-нибудь значительный период времени русско-американских отношений (если не считать известной книги М. М. Малкина «Гражданская война в США и царская Россия», вышедшей еще в 1939 г.).

Слабая изученность истории отношений между Россией и США уже неоднократно отмечалась в нашей литературе. Можно сослаться в этой связи на недавно вышедший историографический обзор советской литературы по истории США, авторы которого специально обращали внимание на «досадный пробел в разработке русско-американских отношений»¹⁹. Это же обстоятельство неоднократно отмечал и выдающийся советский ученый член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов, сам внесший крупный вклад как в принципиальную оценку всей проблемы в целом, так и в решение связанных с ней важных конкретных вопросов. Широко известны, в частности, его очерки первого периода истории США, а также главы по истории американской внешней политики в I томе «Истории дипломатии»²⁰.

¹⁹ Г. П. Куропятник, И. А. Белявская. Советская литература по истории США.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История Западной Европы и Америки». М., 1963, стр. 149—150.

²⁰ См. А. В. Ефимов. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны, изд. 2-е. М., 1958; История дипломатии, т. 1, изд. 2-е. М., 1959, стр. 382—403, 503—525, 670—690.

В обеих этих работах автор уделяет русско-американским отношениям серьезное внимание и в ряде случаев использует новые архивные материалы. Большой интерес представляют также оригинальные исследования А. В. Ефимова по истории великих русских географических открытий в XVII—XVIII вв., основанные на изучении не известных ранее документов, карт, редких печатных источников и т. д. В дальнейшем нам еще придется неоднократно обращаться к этим трудам в соответствующих разделах, но сейчас хотелось бы обратить внимание на одну оригинальную и плодотворную идею, выдвинутую их автором в работе по истории великих русских географических открытий. Касаясь вопроса о периодизации русско-американских отношений, А. В. Ефимов справедливо и метко заметил: «Америка была включена в сферу русской внешней политики не в 1809 г., когда были установлены формальные дипломатические сношения с США, и не в период войны за независимость, а значительно раньше, после того, как Петр I сокрушил могущество Швеции, и Россия, став сильнейшей державой мира, широко включилась в мировую политику того времени»²¹. ✓

Действительно, обмен дипломатическими представителями в 1809 г. знаменовал, как будет показано ниже, по существу не начальный, а заключительный этап в становлении отношений между Россией и Соединенными Штатами. Этот внешнеполитический акт был подготовлен не только в первом десятилетии XIX в., когда имели место известные дипломатические контакты, которые привели к принятию формального решения об обмене дипломатическими миссиями, но в еще большей степени на протяжении XVIII в., когда были заложены основы будущего русско-американского сближения и завязались первые экономические, культурные, общественно-политические и научные связи между обеими странами²². ✓

²¹ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950, стр. 233.

²² Интересно отметить, что наиболее ранние сведения об Америке в русских источниках восходят еще к XVI в. В литературе уже неоднократно тщательно анализировался соответствующий отрывок из сочинения Максима Грека, относящегося примерно к 1530 г. Ученый монах, комментируя одно из «недоуменных речений» константинопольского патриарха Григория Богослова, приводил самые общие сведения об открытии «нового мира» и даже упоминал

Как отмечал А. В. Ефимов, Америка была включена в сферу русской внешней политики уже в первой половине XVIII в. главным образом в результате блестящих русских географических открытий на тихоокеанском севере. Следует напомнить также, что еще весной 1698 г. состоялась встреча Петра I с Уильямом Пенном во время пребывания русского царя в Англии²³. Наконец, уже в первой половине XVIII в. между Россией и Америкой завязываются спорадические экономические связи. «Пионером» оказался, по всей видимости, виргинский табак, попадавший на русский рынок через Англию. Появились и разного рода записки, в которых, хотя и в довольно общей форме, но все же достаточно определенно обращалось внимание на различные аспекты торговых контактов с далекой Америкой²⁴.

В конечном итоге, однако, важнейшей и решающей вехой в истории русско-американских отношений явилась война за независимость в Северной Америке в 1775—1783 гг. Речь идет не только о том, что со времени войны за независимость между обеими странами завязывались более или менее регулярные торговые, а также дипломатические контакты. Следует учитывать, что американская революция внесла и качественно новые моменты в сам характер отношений между Россией и Соединенными Штатами. С учетом этих соображений исходной датой настоящего исследования был избран 1775 г. Официаль-

«обширнейшую землю, называемую Куба, конца которой не ведают живущие там». Более обстоятельные, хотя также далеко не всегда точные, сведения о новом континенте содержались в компилятивной «Хронике всего света» М. Бельского, русский перевод которой датирован 1584 г. Именно в этой рукописи впервые на русском языке употреблялся термин «Америка» как название «великого острова», открытого во время путешествия Аммерикуса Веспуччи. Подробнее см. А. Yagmolinsky. Op. cit.; Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 72—79; Н. Лазарев. Первые сведения русских о Новом свете.— «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 72—75.

²³ E. Dvoichenko-Markov. William Penn and Peter the Great.— «Proceedings of the American Philosophical Society» (далее: PAPS), Vol. 97, N 1, Febr. 1953 (текст письма У. Пенна к Петру I см. *ibid.*, p. 16—17).

²⁴ См. А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, стр. 221—224; O. J. Frederiksen. Virginia Tobacco in Russia under Peter the Great.— «Slav. and East European Review», Vol. XXI, 1942—1943, p. 40—56.

но свою независимость США провозгласили, правда, несколько позже — 4 июля 1776 г., но в известном смысле это уже был формальный момент. С апреля 1775 г. американцы отстаивали свою независимость на деле с оружием в руках, и это было главное. В то же время, выбирая в качестве исходной даты 1775 г., мы считаем необходимым обращаться в ряде случаев и к более раннему периоду, в частности, рассматривать историю географических открытий начиная с первой половины XVIII в., деятельность русских промысловых экспедиций у северо-западных берегов Америки, становление первых научных и общественно-политических связей начиная с середины XVIII в. и т. д.

Что касается конечной даты настоящей работы, то было решено остановиться на 1815 г. Эта дата является важной вехой как в американской, так и в европейской истории. В январе 1815 г. закончился вооруженный конфликт Соединенных Штатов с Англией, а в Европе в этом же году завершилась грандиозная эпопея наполеоновских войн. Как мы увидим, в истории русско-американских отношений этот год служит вполне обоснованным логическим окончанием всего этапа становления дипломатических, торговых и общественно-политических связей между Россией и США и открывает новый период их дальнейшего развития²⁵.

²⁵ Мы останавливаемся столь подробно на обосновании хронологических рамок в связи с тем, что в этом вопросе в литературе по сути дела еще не существует сколько-нибудь определенного мнения, и исследователи часто руководствовались довольно случайными и второстепенными соображениями. В известной степени это относится и к работе Н. М. Гольдберга — единственной пока кандидатской диссертации, посвященной истории ранних русско-американских связей (см. Н. М. Гольдберг. Русско-американские отношения в начале XIX века. 1801—1815 гг. ЛГУ, 1947). Предприняв попытку осветить начальный этап русско-американских отношений (пусть и на сравнительно ограниченном отрезке времени), автор впервые привлек ряд ценных материалов из советских архивов. Вместе с тем уже сам выбор в качестве исходной даты исследования 1801 г. вряд ли можно признать удачным: для историка русско-американских отношений эта дата вообще ничего не говорит. Кроме того, даже в пределах избранных автором хронологических рамок его работа не дает, к сожалению, достаточно полного анализа проблемы в целом — Н. М. Гольдберг почти не касается научных и культурных связей, не исследует позицию русской и американской общественности и даже собственно дипломатическую историю изла-

Если историки мало чем могут похвастаться в изучении ранних русско-американских культурных и общественно-политических связей, то значительно больших успехов достигли филологи, среди которых нельзя не выделить имена А. И. Старцева и Е. Двойченко-Марковой. Еще в начале 40-х годов А. И. Старцев опубликовал на страницах журнала «Интернациональная литература» ряд содержательных статей, посвященных А. Н. Радищеву, Б. Франклин и русскому обществу XVIII в.²⁶ Если когда-то В. П. Семенников только наметил близость некоторых мотивов знаменитой радищевской оды «Вольность» к американской тематике и к сочинениям аббата Рейналя, то А. И. Старцев исследовал эту проблему в полном объеме, с привлечением широкого круга печатных, а отчасти и архивных источников.

Опубликованные работы А. И. Старцева легли в основу выводов его докторской диссертации «Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века»²⁷. Сам автор относил свое исследование к «радищевскому циклу» и указывал, что фигура А. Н. Радищева является для его темы центральной²⁸. Вместе с тем работы А. И. Старцева представляют значительный интерес не только как исследования о великом русском революционере XVIII в. Автор обстоятельно и со знанием дела показал общую историческую обстановку в период войны США за независимость и впервые осветил вопрос об отношении к Америке русской общественности. В его работах есть, конечно, некоторые пробелы и даже ошиб-

гает со значительными пробелами. Слабо изучены автором такие важные вопросы, как позиция русской дипломатии в англо-американской войне 1812—1815 гг., история противоречий на Северо-Западе Америки, заключение конвенции 1812 года и некоторые другие.

²⁶ А. Старцев. Вениамин Франклин и русское общество XVIII века.— «Интернациональная литература», 1940, № 3—4; его же. О западных связях Радищева.— «Интернациональная литература», 1940, № 7/8, стр. 256—265; его же. Америка и русское общество.— «Интернациональная литература», 1941, № 9. В дальнейшем А. И. Старцев опубликовал также интересное сообщение о Ф. В. Каржавине и его американском путешествии («История СССР», 1960, № 3) и новое исследование о А. Н. Радищеве (см. А. И. Старцев. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960).

²⁷ А. И. Старцев-Куниин. Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века. [М., 1946]

²⁸ Там же, стр. 3.

ки (можно отметить, в частности, что им слабо освещено новиковское десятилетие «Московских ведомостей» (1779—1789 гг.), не показано принципиальное различие в позиции этой газеты в сравнении с официальными «С.-Петербургскими ведомостями» и т. д.)²⁹. Но это ни в коей мере не умаляет общих достоинств исследований А. И. Старцева, которые, несомненно, представляют интерес не только для специалистов-филологов, но и для историков.

Специального внимания заслуживают статьи и заметки Е. Двойченко-Марковой, которые по новизне и оригинальности тематики занимают совершенно особое место. Их автор — специалист несколько необычного профиля и разнообразных исследовательских интересов. Будучи большим знатоком жизни и творчества А. С. Пушкина, Е. Двойченко-Маркова занималась румынской литературой, работала во Франции, Румынии, США и Советском Союзе. За время своего пребывания в Соединенных Штатах она опубликовала целую серию статей и заметок, связанных с историей ранних русско-американских культурных связей³⁰.

Еще в конце XVIII в. в своей знаменитой книге «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» А. Н. Радищев выдвинул тему Франклина и Ломоносова. Изучение жизни и деятельности этих двух гениальных ученых давно уже стало прочной традицией как в Америке, так и в России. Считалось, однако, что никаких прямых связей между Франклином и Ломоносовым не существовало, и в наиболее авторитетных изданиях вполне определенно указывалось, что наши академики никакой переписки со знаменитым американцем вообще не вели³¹. Между тем в 1947 г. Е. Двойченко-Маркова выдвинула интересную гипотезу о возможности прямого обращения Б. Франклина к М. В. Ломоносову в 1765 г. и представила доказательства существования связей великого американца с его коллегами в России³². Хотя возможность такого

²⁹ Там же, стр. 130 и др.

³⁰ См. главу V.

³¹ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века 1766—1782. М.—Л., 1937, стр. 23.

³² E. Dvoïchenko-Markoff. Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science.—PAPS, Vol. 91, N 3, Aug. 1947, p. 250—257.

обращения представляется маловероятной³³, осведомленность американских ученых о работах М. В. Ломоносова и значительный интерес к ним можно считать вполне установленными. Безусловной заслугой автора следует признать и тщательное изучение давних связей между Американским философским обществом и Академией наук в С.-Петербурге³⁴.

Достоверность приводимых Е. Двойченко-Марковой сведений (проведенная нами проверка за редким исключением не обнаружила каких-либо существенных неточностей), а также наличие в ее работах специальных документальных приложений из архива Американского философского общества позволяют использовать ее труды в качестве ценного источника. Вместе с тем существенным недостатком ее исследований следует признать необычайную разбросанность и случайность затронутых сюжетов. Е. Двойченко-Маркова детально изучает отдельные частные вопросы (путешествие Ледиарда, деятельность штурмана Г. Измайлова), но даже не пытается воссоздать общую картину, выяснить место рассматриваемых ею событий в истории русско-американских отношений и дать дифференцированную оценку приводимых фактов. На содержании ее статей отрицательно сказывается и отсутствие знакомства с русскими архивами.

Из советских исследователей, кроме А. И. Старцева, в смежной области с Е. Двойченко-Марковой работал М. И. Радовский, опубликовавший небольшую книгу о связях Б. Франклина с Россией. Эта работа дает полезную сводку материала и показывает значительный интерес, который проявляли к Франклину в нашей стране

³³ Письмо, которое Э. Стайлес 20 февраля 1765 г. просил переслать М. В. Ломоносову, сохранилось в архиве Американского философского общества, что свидетельствует о том, что Б. Франклин, по всей видимости, в С.-Петербург его не отправил (см. Г. М. Лестер. Знакомство ученых Северной Америки колониального периода с работами М. В. Ломоносова и Петербургской академии наук.— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12. М., 1962, стр. 145 с ссылкой на «American Philosophical Society», Franklin Papers). Ко времени получения Б. Франклином в Лондоне письма Э. Стайлеса из Америки ему могло уже быть известно о смерти М. В. Ломоносова, последовавшей 4 (15) апреля 1765 г.

³⁴ E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations.— PAPS, Vol. 94, N 6, Dec. 1950, p. 549—610.

с середины XVIII в. вплоть до празднования его юбилея в 1956 г.³⁵

Наряду с историей ранних русско-американских культурных и общественно-политических отношений большое внимание в нашей работе уделяется истории русской колонизации Северо-Запада Америки и складывавшихся на этой основе контактов с Соединенными Штатами.

В связи с общей историей колонизации Северо-Запада Америки нельзя не остановиться и на двух наиболее значительных специальных исследованиях о Российско-американской компании, опубликованных П. Тихменевым и видным советским историком С. Б. Окунем.

Капитальный двухтомный труд П. Тихменева, снабженный ценным документальным приложением, является не только наиболее подробным исследованием деятельности компании, но может служить в известной мере первоисточником. Следует учитывать, конечно, что работа П. Тихменева издавалась в 1861—1863 гг., т. е. более ста лет назад. Это была, так сказать, «ведомственная» история, цель которой заключалась во всемерном прославлении деятельности Российско-американской компании, заботившейся якобы о распространении «просвещения», обуздании страстей «первобытных дикарей», а также введении в колониях «общего благоустройства»³⁶. Нарисовав такую идиллическую картину, даже сам автор, по всей видимости, усомнился в ее достоверности и стыдливо заметил, что описываемый им период «с неизбежной необходимостью» отмечен «жестокостью, своеволием и вообще неустройством всякого рода». В целом же, несмотря на явно тенденциозный характер труда П. Тихменева, при критическом подходе к общей концепции автора современный исследователь найдет в его работе неоценимый материал для истории Российско-американской компании, особенно, если учесть, что им

³⁵ М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией. М.—Л., 1958. Ряд недостатков и пробелов этой книги связан со слабым знакомством автора с американской литературой и источниками. См. также его работу: «Вениамин Франклин 1706—1790». М.—Л., 1965, стр. 228 и далее.

³⁶ П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I—II. СПб., 1861—1863, ч. I, стр. III—IV.

использовались утраченные ныне документы ее главного правления.

Многочисленными достоинствами отмечен известный труд проф. С. Б. Окуня, основанный на широком использовании разнообразных архивных материалов. По замыслу автора, основное внимание в книге обращено на экспансию царской России в Северном бассейне Тихого океана, которая велась под прикрытием компании³⁷. С. Б. Окунь также специально исследует положение русских промысловых рабочих и коренного населения на территориях, находившихся под управлением компании. Хотя в отдельных случаях работа С. Б. Окуня нуждается в некоторых уточнениях и исправлениях, в целом она, безусловно, сохраняет большую ценность вплоть до настоящего времени.

Наличие указанных выше трудов освобождает нас от необходимости детального изложения истории освоения Русской Америки. В соответствии с общим замыслом нашей работы основное внимание может быть сосредоточено на изучении деятельности Российско-американской компании лишь в той мере, в какой она связана с отношениями с Соединенными Штатами. Надо сказать, что эта сторона истории Русской Америки еще не служила предметом специального исследования и поэтому, естественно, в дальнейшем именно она будет находиться в центре нашего внимания.

Обзор буржуазной и советской историографии по истории начального этапа отношений между Россией и Соединенными Штатами позволяет, таким образом, определить в общих чертах основной замысел настоящей работы и наметить наиболее важные вопросы, подлежащие выяснению в ходе исследования.

Несмотря на довольно значительный круг упомянутых выше работ советских и зарубежных авторов, следует еще раз подчеркнуть, что история русско-американских отношений еще не получила полного и документированного освещения. В этой связи главная цель настоящей монографии — сделать попытку подробного и всестороннего исследования на основе первоисточников (архивных материалов и опубликованных документов) на-

³⁷ С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 8.

чального периода отношений между Россией и США — их становления (1775—1815 гг.). Наряду с детальным анализом дипломатических отношений между обеими странами предполагается подробно исследовать развитие первых русско-американских торговых контактов (а также научных, культурных и общественно-политических связей в XVIII и начале XIX в.). Большое внимание в ходе изложения намечается уделить освещению отношения к Америке и американской революции русского общества в целом, и в первую очередь его передовых кругов. Наконец, одной из важнейших задач монографии является изучение отношений между Россией и Соединенными Штатами на Северо-Западе Америки, развитие которых привело весной 1812 г. к заключению специальной конвенции между Российско-американской компанией и Американской меховой компанией Д. Д. Астора.

Хотя по отдельным проблемам становления русско-американских отношений уже существует ряд ценных исследований (например, по истории культурных и общественно-политических связей в XVIII в.), в целом, как правило, приходилось начинать с выяснения самых первоначальных данных и затем на основе первоисточников воссоздавать более или менее связную картину событий.

Теоретической и методологической основой исследования служили труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Среди них в первую очередь следует назвать статьи и письма К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные различным проблемам истории США и России в конце XVIII — первой половине XIX в., фундаментальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и др. Следует учитывать, что русско-американские отношения во многом были производными и зависимыми от общей системы европейской, а отчасти и дальневосточной политики России. Их всестороннее исследование и правильное понимание возможно поэтому только с учетом состояния отношений России с Англией, со странами Европейского континента, деятельности Российско-американской компании и т. д. Если же принять во внимание, что наряду с дипломатической историей в настоящей работе детально рассматриваются торговые, общественно-политические и культурные связи между Россией и Соединенными Штатами, то становятся вполне очевидными трудности в изучении и обобщении необы-

чайню широкого и разнообразного по своему характеру круга документальных источников.

В числе наиболее крупных официальных публикаций царской России следует в первую очередь назвать широко известный «Сборник Русского исторического общества» (всего вышло 147 томов этого издания, из которых почти половина посвящена внешней политике XVIII — первой половины XIX в.), «Полное собрание законов Российской империи» (к периоду 1775—1815 гг. относятся тома XIX—XXXIII), «Собрание трактатов» Ф. Мартенса, «Архив Государственного совета» и т. д.

Хотя при использовании этих публикаций всегда приходилось иметь в виду их официальный характер, а также учитывать многие другие недостатки, связанные с временем их опубликования (в том числе технические дефекты — отсутствие полных указателей и т. д.), но благодаря огромной ценности колоссального документального материала, включенного в эти издания, они и теперь сохраняют большую научную значимость. К сожалению, однако, даже в относительно лучше освещенной области дипломатической истории далеко не все важные стороны политики России получили достаточно полное отражение. В «Сборниках Русского исторического общества» непомерно большое внимание уделялось дипломатической переписке иностранных представителей в С.-Петербурге (французских, английских, австрийских и прусских посланников) явно в ущерб собственно русской документации. Крайне неравномерно освещались отношения России с отдельными странами. Главное внимание уделялось Европе, очень слабо освещались дальневосточные проблемы и практически совершенно отсутствовала американская тематика.

Широкое международное признание получили в свое время многотомные русские публикации из истории русско-французских отношений, изданные А. Трачевским, С. Горяиновым, Н. М. Романовым, А. А. Половцовым, Н. М. Шильдером и др. и освещающие дипломатическую борьбу в период наполеоновских войн³⁸.

³⁸ См., в частности, А. Трачевский (ред.). Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I, т. I—IV.—Сб. РИО, т. 70, 77, 82, 88. СПб., 1890—1893; Николай Михайлович [Романов], вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Напо-

В то же время отношения с Англией (а равно и с другими европейскими странами), к сожалению, оказались освещенными гораздо слабее, хотя для нашей работы, как уже отмечалось, они представляли наибольший интерес. К числу важнейших недостатков старых русских публикаций по внешней политике следует отнести и сам состав отобранных материалов. Основное внимание уделялось дипломатическим донесениям и гораздо реже публиковались общие доклады, планы, разного рода записки руководителей царского правительства, а также инструкции МИД русским дипломатам за границей. Лишь отчасти этот недостаток может быть восполнен изучением опубликованных материалов из личных архивов. Нами широко использовались, в частности, богатейшее собрание бумаг семьи Воронцовых³⁹, «Архив графов Мордвиновых», записки А. Чарторыйского, П. Строганова, опубликованная политическая переписка Екатерины II, документы Александра I, письма и бумаги К. Нессельроде и т. д. (см. библиографию).

Глубокому и всестороннему освещению внешней политики России и ее роли в международных отношениях призвана служить новая фундаментальная публикация материалов российского министерства иностранных дел, предпринятая комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР. В настоящее время вышли I—IV и VI тома первой серии этой публикации, охватывающие март 1801 г.— март 1809 г. и 1811—1812 гг.⁴⁰

леона 1808—1812, т. I—VII. СПб.—Пг., 1905—1914; А. А. Половцов (под наблюдением). Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе. 1814—1820 гг.—Сб. РИО, т. 112, 119, 127. СПб., 1901—1908 и др.

³⁹ Архив князя Воронцова, кн. 1—40. М., 1870—1895. Полезным указателем, облегчающим пользование этой коллекцией, является «Роспись сорока книгам архива князя Воронцова...». М., 1897.

⁴⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая, 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий, т. I—IV, VI. М., 1960—1965. При отборе документов основное внимание уделяется важнейшим инструкциям и рескриптам русским дипломатам за границей, докладам министров, протоколам совещаний высших сановников, а также официальным дипломатическим актам (договорам, важнейшим нотам, декларациям и т. д.). Наряду с дипломатическими документами в издание включены материалы, освещающие различные аспекты военной, торговой и финансовой политики России в их связи с международными отношениями.

Нет необходимости подробно останавливаться на многочисленных достоинствах данной публикации, получившей высокую оценку в советской и иностранной печати. Хотелось бы лишь отметить, что на ее страницах впервые получили отражение отношения России не только с Европой, но и со странами Азии, Дальним Востоком и Америкой. Тем самым было положено начало созданию документальной основы для всестороннего исследования внешней политики и дипломатии России за соответствующий период. Одновременно в исторических журналах был опубликован ряд подборок документов и исследовательских статей по материалам советских архивов, которые примыкали к затронутым во «Внешней политике России» проблемам и в том числе отношениям с Америкой.

При всем значении использования опубликованных русских документов, и особенно упоминавшейся выше «Внешней политики России», основным источником для нашей работы служили материалы центральных советских архивов в Москве и Ленинграде, среди которых в первую очередь следует остановиться на богатейших фондах Архива внешней политики России (АВПР).

Собственно дипломатическая переписка с Соединенными Штатами за ранние годы относительно невелика. Так например, сохранилось всего несколько небольших дел, связанных с пребыванием Ф. Дейна в С.-Петербурге⁴¹, и лишь с 1804 г. началась систематическая переписка с консулом США Л. Гаррисом, а затем посланником Д. К. Адамсом, изучавшаяся нами до 1815 г.⁴² Сохранилось также несколько писем, которыми обменялись Т. Джефферсон и Александр I в 1804—1806 гг.⁴³ Основная корреспонденция велась ведомством иностранных дел России со своими дипломатическими и консульскими представителями в США после установления официальных отношений в 1809 г.⁴⁴ Большую ценность представляют также материалы царского представительства в Вашингтоне, в которых наряду с подлинниками инструкций, полученных русскими представителями из С.-Пе

⁴¹ Ф. Сношения России с США. 1783 г., л. 1—3

⁴² Ф. Канцелярия, л. 3325—3349.

⁴³ Ф. Канцелярия, л. 6033—6034.

⁴⁴ Ф. Канцелярия, л. 12160—12174, 9235—9245, 2585, 7698. 13405 и др.

тербурга, имеются также важные документы, относящиеся к практической деятельности русской миссии в Соединенных Штатах⁴⁵. Сохранившиеся журналы записей исходящих депеш позволяют установить и полный состав корреспонденции русского посланника⁴⁶.

Необходимость исследования проблемы становления русско-американских связей создавала, естественно, большие трудности в поисках документального материала, который откладывался в самых различных фондах. Исследователю, занимающемуся отношениями с США, неизбежно приходится знакомиться с огромной перепиской чуть ли не со всеми основными европейскими столицами: Лондоном, Парижем, Гаагой, Мадридом, а также иногда Стокгольмом, Рио-де-Жанейро и Константинополем. Причем во многих случаях эти материалы служат не каким-то побочным или дополнительным каналом для уточнения и расширения документальной базы, а самым главным источником сведений о позиции русской дипломатии в отношении Соединенных Штатов. Так обстоит дело, в частности, при изучении отношения русской дипломатии к войне за независимость в Северной Америке. Чтобы разобраться в позиции русского правительства в отношении Америки, приходилось исследовать состояние прежде всего русско-английских, а также русско-французских отношений на всем протяжении войны (1775—1783 гг.), а в некоторых случаях просматривать дипломатическую переписку даже начиная с 1763 г. Лишь на основе детального ознакомления с перепиской с Лондоном, Парижем, Гаагой, а в некоторых случаях также Мадридом и другими европейскими столицами⁴⁷ удалось составить более или менее деталь-

⁴⁵ Ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 1—9.

⁴⁶ Ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/2, д. 1—6.

⁴⁷ Особое значение имели, в частности, следующие материалы: ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, 1774 г., д. 261, 1775 г., д. 36—37, 266—267, 1776 г., д. 274, 1777 г., д. 282, 1778 г., д. 288, 295, 298, 595—596, 1779 г., д. 599—600, 1780 г., д. 312, 1781 г., д. 320, 319, 323, 604, 1782 г., д. 73, 331—333, 1783 г., д. 341; ф. Лондонская миссия, оп. 36, 1779—1781 гг., д. 345, 1781 г., д. 357; ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, 1775 г., д. 303, 1776 г., д. 312, 1777 г., д. 323, 1778 г., д. 333, 1779 г., д. 343—345, 1780 г., д. 354, 1782 г., д. 386, 1783 г., д. 393—394, 397; ф. Парижская миссия, оп. 941, 1781 г., д. 4, 1782 г., д. 1, ч. 1, 1783 г., д. 1; ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 207—208, 1781 г., д. 218, 223, 1782 г., д. 28, 236—237; ф. Сношения России с Испанией, оп. 58/1, 1780 г., д. 388 и др.

ное представление как об общей системе европейской политики России, так и о ее позиции в связи с восстанием в английских колониях в Америке.

Систематически знакомиться с европейской корреспонденцией русского ведомства иностранных дел приходилось и в дальнейшем, в результате чего были, в частности, выявлены важные документы об отношении царского правительства к вопросу о признании США⁴⁸, о проекте заключения торгового договора между Россией и США⁴⁹ и т. д.

Очень широко материалы европейской дипломатической корреспонденции использовались за первые полтора десятилетия XIX в., причем и в это время наиболее интересный материал поступал из Лондона и Парижа⁵⁰; привлекались документы и по другим столицам⁵¹.

Для истории отношений с США на Северо-Западе Америки первостепенное значение имели документы Главного архива, а также сравнительно недавно созданного специального «Собрания документальных материалов по истории Российско-американской компании и русских владений в Северной Америке»⁵². Документы фонда Российско-американской компании поступили в АВПр из самых различных центральных и местных архивов и составляют в настоящее время самое крупное и ценное собрание материалов этой компании.

Наряду с документами АВПр в настоящей работе систематически привлекались фонды других центральных архивов Москвы и Ленинграда (ЦГАДА, ЦГАОР, ЦГИА, ЦГАВМФ), ценные рукописные коллекции Института русской литературы (Пушкинский дом), Ленинградского отделения Института истории АН СССР, а также материалы из рукописных отделов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архива АН СССР и др.

⁴⁸ Ф. Сношения России с Голландией, 1784 г., д. 268, 271; ф. Сношения России с Англией, 1799 г., д. 507—509.

⁴⁹ Ф. Сношения России с Францией, 1784 г., д. 411.

⁵⁰ См., в частности, ф. Канцелярия, д. 6807—6810, 6820—6822, 6829, 6831, 6834—6835 и др.

⁵¹ Ф. Канцелярия, д. 111 (Константинополь); ф. Канцелярия, д. 10825—10827 (Стокгольм) и т. д.

⁵² По этому фонду просматривались, в частности, д. 36, 68, 105, 130, 153, 172—174, 177, 178, 183, 192, 207, 215, 219, 284, 419, 963 и др.

Значительную ценность представляли, в частности, бумаги личного архива русского посланника в США А. Я. Дашкова, хранящиеся в ЦГАОР, в том числе его обширная официальная и частная переписка, обзоры русско-американских торговых связей, -дневниковые заметки, выписки из различных иностранных книг о Соединенных Штатах и т. д.⁵³

Множество интереснейших документов было выявлено среди материалов министерства финансов, государственного совета, коммерц-коллегии и т. д. за первые полтора десятилетия XIX в. в ЦГИА, а за более ранний период (конец XVIII в.) в ЦГАДА. В этих же архивах были изучены материалы, непосредственно связанные с установлением первых консульских и дипломатических отношений между США и Россией⁵⁴. Вместе с документами АВПР, а также личными фондами А. Я. Дашкова и П. Свинына (ГПБ, ф. 679) использование этих материалов позволило установить точную фактическую сторону развития ранних связей между Россией и США и последующего официального обмена дипломатическими миссиями.

Большое значение имело также изучение документов, относящихся к пребыванию П. Джонса и Д. Ледиарда в России⁵⁵, о первых торговых связях между Россией и Америкой⁵⁶, журналов комитета министров и протоколов общих собраний государственного совета⁵⁷ и т. д.

Значительную ценность как для историков, так и для филологов представляют документы Ф. В. Каржавина, хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского дома⁵⁸,

⁵³ ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 47, 49, 51, 54—57, 59, 64—69, 71—75, 78, 79, 83, 84, 88, 90—94, 96—98, 102—105, 107, 108, 115—118, 120, 123, 125, 138, 142, 154, 159, 161, 163, 170, 172, 173, 175, 176, 182, 183, 193, 262—263, 276, 300, 304, 312.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 675; ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 310, 301; ф. 13, оп. 2, д. 1408 и др.

⁵⁵ См. соответственно ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 99, 349; ф. 197, оп. 1, д. 52, 67, 77; ф. 223, оп. 1, д. 63; ф. 227, оп. 1, д. 51, 53; ф. 245, оп. 1, д. 16, 17, 22 и ЦГАДА, ф. 168, д. 166; ф. XXIV, Госархив, оп. 1, д. 62, ч. II и ч. III.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 1; ф. 13, оп. 2, д. 777, 1128, 1156, 1417, 1629, 1645, 1702, 1445; ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 262, ч. 11—13 и др.; ф. 246, оп. 1, д. 668; ф. 19, д. 360 и др.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1263 и 1148.

⁵⁸ РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, д. 100—103.

а также в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР⁵⁹. В последнем архиве имеется также богатейшая коллекция бумаг семьи Воронцовых, которая вместе с воронцовским собранием в ЦГАДА (ф. 1261) представляла важный источник, в частности, для выявления первых торговых связей с Америкой⁶⁰.

Существенным дополнением к фонду Российско-американской компании в АВПР является переписка А. А. Баранова с И. А. Кусковым, а также другие материалы, связанные с попытками открытия торговых связей с Калифорнией, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁶¹.

Изучение материалов высших правительственных учреждений царской России и в первую очередь ведомства иностранных дел позволяет вскрыть глубокие внутренние пружины управления внешней политикой, проникнуть в тайны царской дипломатии, проследить ее «бюрократический механизм». В. И. Ленин в свое время очень тонко заметил, что «государством российским» по существу (*de facto*) правит «отечественная *бюрократия*»⁶². Давая детальную картину сложившейся в стране системы управления, В. И. Ленин писал: «В России нет выборного правления, а правят не только одни богатые и знатные, но самые худшие из них. Правят те, кто лучше наушничает при царском дворе, кто искуснее подставляет ножку, кто лжет и клеветает царю, льстит и заискивает. Правят тайком, народ не знает и не может знать, какие законы готовятся, какие войны собираются вести, какие новые налоги вводятся, каких чиновников и за что награждают, каких смещают. Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России». «Царское самодержавие,— заключал В. И. Ленин,— есть самодержавие чиновников»⁶³.

Как правило, все важнейшие решения по вопросам внешней политики представлялись на окончательную

⁵⁹ Архив ЛОИИ, ф. 238, картон 146, д. 1—26.

⁶⁰ См. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 543/520, 544/190, 545/191, 546/623, 547/418, 548/434, 550/196, 551/1033, 556/426, 563/840, 564—570, 578/342, 586/83; ф. 36, оп. 2, д. 205.

⁶¹ ГБЛ ОР, ф. 204 (ОИДР), к. 32, д. 1—20, 24—26, 34, 35, 37, 39, 40; ф. 255 (Румянцевы), к. 15, д. 29, 32, 33, 34, 35.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 301.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 136—137.

визу царю, но эта виза в большинстве случаев была чисто формальной. Размашистым почерком всероссийский самодержец ставил привычную резолюцию: «Быть по сему» на различных «всеподданнейших» докладах и записках, проектах инструкций дипломатическим представителям за границей, многочисленных важных, иногда довольно существенных и часто совсем незначительных официальных документах. «Царь просто утверждает волю нескольких десятков самых крупных и самых знатных чиновников»,— писал В. И. Ленин и делал далее вывод: «Управляет Россией не царь,— это только говорить можно о самодержавии одного человека! — управляет Россией кучка самых богатых и знатных чиновников»⁶⁴.

Важнейшие принципиальные решения по вопросам внешней политики оказывается возможным проследить прежде всего по материалам так называемой внутренней переписки — докладам руководителей ведомства иностранных дел царю, протоколам совещаний высших царских сановников (в частности, заседаний государственного совета), различного рода специальным запискам, планам, «секретным мнениям» и т. п. Характерным примером в этом отношении может служить секретный доклад коллегии иностранных дел Екатерине II от 31 июля (11 августа) 1779 г.⁶⁵ В этом важном документе были по существу намечены главные, узловые моменты внешней политики страны в связи с войной Англии в Европе и Америке и определена позиция России в отношении восставших колоний. Дальнейшие действия русской дипломатии в общих чертах соответствовали изложенным в докладе взглядам.

Внутренний механизм политики царской России был строго скрыт от посторонних наблюдателей, и со стороны казалось, что в правящем лагере не существовало сколько-нибудь серьезных разногласий и противоречий. Между тем знакомство с архивными фондами высших правительственных учреждений царской России позволяет воссоздать обстоятельства, предшествовавшие при-

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 135.

⁶⁵ Подлинник секретного доклада коллегии иностранных дел Екатерине II от 31 июля (11 августа) 1779 г. за подписью Н. И. Панина, И. А. Остермана и братьев Бакуниных см. АВПР, ф. Секретные мнения, 1725—1798 гг., д. 597, лл. 100—114.

нятию тех или иных решений, проследить борьбу мнений внутри правящего лагеря и выяснить действительную роль лиц, стоявших во главе царского правительства (в том числе и самого царя). Значительный интерес представляет, в частности, выяснение мотивов неожиданного отклонения в 1788 г. Екатериной II проекта Г. Шелихова и И. Голикова об образовании монопольной компании для колонизации Северо-Запада Америки, несмотря на то, что они были поддержаны «комиссией о коммерции» и Непременным советом, а также характер исправлений, сделанных окончательным редактором учредительных документов об образовании Российско-американской компании в 1799 г. (см. гл. VI). Еще большее значение имеет анализ материалов обсуждения осенью 1811 г. пленумом Государственного совета записки канцлера Н. П. Румянцева об открытии прямых торговых связей с восставшими испанскими колониями в Америке, а также выявление последующих разногласий и колебаний внутри царского правительства в связи с вопросом о посредничестве между США и Англией в 1812—1814 гг.⁶⁶

Обнаруженные нами документы (в ЦГИА и АВПР) позволили уточнить и в ряде случаев пересмотреть старые представления о Н. П. Румянцеве и, в частности, показать его выдающуюся роль в развитии русско-американских отношений. Хотя Александр I и сделал резкий выговор своему доверенному сатрапу обер-гофмейстеру Р. А. Кошелеву за его гнусный политический донос на Н. П. Румянцева осенью 1811 г., в решительный момент царь не поддержал министра иностранных дел, а в дальнейшем уклончивая и колеблющаяся позиция Александра I в американских делах заставила Н. П. Румянцева в конце концов окончательно отойти от государственных дел и подать в отставку, которая была принята в августе 1814 г. Впрочем, фактически уже с 1813 г. министром иностранных дел стал К. В. Нессельроде, неизменно находившийся в ставке вместе с царем и ведавший всей важной дипломатической корреспонденцией.

Из американских исследователей только профессор Фрэнк А. Голдер знакомился с материалами русских

⁶⁶ Наряду с материалами соответствующих разделов настоящей работы см. также наши публикации в журналах «Исторический архив», 1962, № 3 и «Новая и новейшая история», 1961. № 4.

архивов. В 1914 г. он посетил Россию и составил краткую опись архивных документов, относящихся к истории США⁶⁷. Указатель Ф. Голдера не утратил своего значения до настоящего времени и может быть полезен всем исследователям, занимающимся историей русско-американских отношений. Необходимо, однако, очень критически относиться к этому труду и иметь в виду, что он является далеко не исчерпывающим. Достаточно сказать, например, что в описи Ф. Голдера совершенно отсутствуют ценные документы русского дипломатического представительства в США, известные как материалы «миссии» или посольства в Вашингтоне, хотя они, как уже отмечалось, имеют для данной темы первостепенное значение. Отметим также, что крайне бедно отражен в работах Ф. Голдера важный период войны североамериканских колоний Англии за независимость: в указателе мы находим лишь несколько малозначительных записей⁶⁸. Не дает сколько-нибудь полного представления о позиции России во время войны США за независимость и заметка Ф. Голдера в журнале «Америкэн историкал ревью»⁶⁹. Даже важнейшие документальные материалы, встречающиеся в переписке с основными европейскими столицами за эти годы, остались вне поля зрения американского исследователя, который учел в своем указателе лишь несколько конкретных документов.

Наряду с русскими материалами в ходе работы широко привлекались документы Национального архива США в Вашингтоне, в том числе инструкции государственного департамента американским дипломатам за границей⁷⁰, донесение посланника в С.-Петербурге⁷¹ и др. Существенные дополнения и уточнения были сделаны в результате изучения переписки русского дипломатического представительства в США с государствен-

⁶⁷ F. A. Golder. Guide to Materials for American History in Russian Archives, Vols. I—II. Washington, 1917—1937.

⁶⁸ Ibid., Vol. I, p. 149—150.

⁶⁹ F. A. Golder. Catherine and the American Revolution.—«The American Historical Review», Vol. XXI, N 1, 1915, p 92—96 (далее: AHR).

⁷⁰ National Archives. Washington. Diplomatic Instructions, All Countries, Vols. VI—VII, см. также библиографию.

⁷¹ Diplomatic Despatches, Russia, Vols. I—II.

ным департаментом ⁷², а также донесений американского консула в С.-Петербурге Л. Гарриса ⁷³. Отметим, наконец, что на основе документов Национального архива США нам удалось объяснить загадку с «кражей» иркутским генерал-губернатором И. А. Пилем отчета Г. И. Шелихова о его «странствовании» к северо-западным берегам Америки, по поводу которой в свое время так недоумевали А. И. Андреев и С. Б. Окунь. Между тем дело заключалось просто в ошибке знаменитого американского историка Г. Бэнкрофта в переводе русского документа ⁷⁴: журнал странствований Г. И. Шелихова был выкраден не г. Пилем, а «из канцелярии г. Пиля», а это, конечно, совсем не одно и то же ⁷⁵.

Недостаточное использование архивных документов Соединенных Штатов автор стремился компенсировать привлечением широкого круга опубликованных материалов: важнейших официальных публикаций, протоколов конгресса, бумаг государственных деятелей, различных специальных изданий дипломатической переписки и тематических сборников документов, мемуарной литературы и т. д.

В числе крупнейших официальных публикаций по истории США следует отметить «American State Papers», охватывающие период с конца 80-х годов XVIII в. до начала 30-х годов XIX в. (1832), а также хорошо известные протоколы конгресса, издававшиеся первоначально как «Annals of Congress» ⁷⁶. Вместе с приложенными к ним официальными документами протоколы конгресса дают обширный и ценный материал как по внутренней, так и по внешней политике Соединенных Штатов

⁷² Russia, Notes, Vol. I.

⁷³ Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I.

⁷⁴ См. H. H. Bancroft. History of Alaska 1730—1885. San Francisco, 1886, p. 223.

⁷⁵ NA, Records of the Russian-American Company 1802—1867, Vol. I, p. 6.

⁷⁶ American State Papers. Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States, 38 Vols. Washington, 1832—1861. Это издание имеется полностью в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— The Debates and Proceedings in the Congress of the United States... (March 3, 1789) — May 27, 1824. Washington, 1834—1856, 42 Vols. (в литературе более известны как «Annals of Congress of the United States»). Впоследствии издавались как «Register of Debates», «Congressional Globe» и, наконец, как «Congressional Record».

и в ряде случаев (например, при изучении деятельности так называемых «военных ястребов» накануне англо-американской войны 1812—1815 гг.) могут служить в качестве основного источника.

В то же время следует сказать, что протоколы конца XVIII — первых десятилетий XIX в. существенно отличаются от современных. Материал «Annals of Congress» был в основном заимствован из газетных отчетов и, кроме того, подвергнут переработке и сокращению. Само издание «протоколов» происходило много лет спустя.

Обширнейшие материалы «American State Papers» распадаются на 10 серий: иностранные сношения, финансы, торговля и навигация, военные дела и т. д. Для нашей работы наибольший интерес представляют, естественно, документы по вопросам внешней политики⁷⁷, хотя приходилось обращаться и к другим сериям. При всех недостатках данной публикации, издание которой было завершено более 100 лет назад, она охватывает все стороны деятельности американского правительства за сравнительно длительный период и является в этом отношении единственной в своем роде. В дальнейшем она, к сожалению, не была продолжена, и вплоть до настоящего времени публикуются документы, относящиеся только к отдельным областям деятельности правительства США, например, внешней политике⁷⁸.

Для нашей работы, однако, были важны не последующие, а предшествующие годы и в первую очередь документация периода революционной войны США за независимость. В этой связи заслуживают быть отмеченными известные протоколы Континентального конгресса, охватывающие период 1774—1789 гг.⁷⁹, дипломатическая корреспонденция Соединенных Штатов Америки 1783—1789 гг.⁸⁰ и особенно публикация Ф. Уорто-

⁷⁷ American State Papers. Foreign Relations (1789—1828), 6 Vols. Washington, 1832—1859 (далее: ASPFR).

⁷⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Washington, 1862 — до настоящего времени.

⁷⁹ «Journals of the Continental Congress, 1774—1789», 34 Vols. Washington, 1904—1937.

⁸⁰ The Diplomatic Correspondence of the United States of America from the Signing of the Definitive Treaty of Peace, 10th September, 1783 to the Adoption of the Constitution March 4, 1789, 7 Vols. Washington, 1834 (микрофильм).

на «Революционная дипломатическая корреспонденция Соединенных Штатов»⁸¹. Наибольший интерес для нашей темы представляли заключительные тома этого издания (в частности, т. VI), где опубликованы материалы, связанные с миссией Ф. Дейна в С.-Петербурге.

Весьма полезным оказалось также использование собрания президентских посланий под ред. Д. Ричардсона, фундаментального издания договорных актов США Х. Миллера, а также многочисленных общих и специальных документальных публикаций по истории США под ред. Г. Коммаджера, А. Харта, Д. Мура и др. Определенным дополнением к американским собраниям в ряде случаев служила официальная документация западноевропейских стран. В качестве примера можно сослаться на известную британскую публикацию «British and Foreign State Papers» за соответствующие годы, протоколы английского парламента (The Parliamentary Debates), знаменитое собрание трактатов Г. Мартенса (Recueil des principaux traités, Supplément au Recueil, Nouveau Recueil de traités) и т. д.

В еще большей степени, чем официальная документация, в настоящей работе использовались корреспонденция, дневники и мемуары виднейших государственных деятелей того времени. Следует специально отметить многотомные собрания бумаг Б. Франклина, Г. Вашингтона, Д. Адамса, Т. Джефферсона, Д. К. Адамса, Д. Монро, Д. Мэдисона, А. Галлатина, Э. Джексона, П. Джонса, Г. Клея, Д. Кэлхауна, Д. Бейарда, а также переписку Наполеона I, лорда Кэстльри, князя Меттерниха, Д. Гарриса (лорда Малмсбери), воспоминания генерала Коленкура, графа Герца, фон Дома и многих других (см. библиографию).

Особый интерес для нашей темы представляют материалы семьи Адамсов и прежде всего, конечно, документы Д. К. Адамса — первого американского посланника в России (1809—1814 гг.), а затем государствен-

⁸¹ The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States, ed. by F. Wharton, Vols. I—VI. Washington, 1889 (далее: F. Wharton (ed.). Correspondence...). Большинство томов (I—III, VI) имеется в ГПБ, два других были получены из библиотеки конгресса США.

ного секретаря и президента США⁸². Рукописные материалы семьи Адамсов, бережно сохранившиеся наследниками, были в 1956 г. переданы в распоряжение Массачусетского исторического общества. По единодушному мнению американских специалистов, значение этой богатейшей коллекции очень велико и ее микрофильмирование и последующее издание было признано одной из важнейших задач Национальной комиссии по историческим публикациям⁸³.

Как считает редактор бумаг Адамсов (*The Adams Papers*) Л. Баттерфилд, публикация будет насчитывать чуть ли не 100 томов⁸⁴ и в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Ведь, по выражению Генри Адамса, его дедушка «только и делал, что писал в течение семидесяти лет не останавливаясь»⁸⁵.

В 1874—1877 гг. значительная часть огромной рукописи дневника Д. К. Адамса (примерно половина) была опубликована Ч. Ф. Адамсом, и это издание сохраняет свою большую научную ценность вплоть до настоящего времени⁸⁶.

По многим вопросам дневник Д. К. Адамса дает материал, который нельзя найти ни в одном из других источников. Будучи посланником в России, Д. К. Адамс,

⁸² Квалифицированный обзор документов семейного архива Адамсов, специально относящихся к России, составила совсем недавно М. Мейнваринг (см. John Quincy Adams and Russia. A Sketch of Early Russian-American Relations as Recorded in the Papers of the Adams Family and Some of Their Contemporaries. Quincy (Mass.), 1965).

⁸³ По оценке комиссии, бумаги семьи Адамсов по своему значению, поскольку речь идет о личных материалах, не имеют равных в мире (см. A National Program for the Publication of Historical Documents. A Report to the President by the National Historical Publications Commission. Washington, 1954, p. 18; S. F. Bemis. The Adams Family and Their Manuscripts.—«American Foreign Policy and the Blessings of Liberty», New Haven and London, 1962, p. 289—303).

⁸⁴ *The Adams Papers*. L. H. Butterfield, Editor in Chief. A Prospectus. The Belknap Press of Harvard University Press, p. 5.

⁸⁵ L. H. Butterfield. The Papers of the Adams Family: Some Account of Their History.—«Proceedings of the Massachusetts Historical Society», Vol. 71 (1953—1957), p. 349.

⁸⁶ *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848*, ed. by C. F. Adams. Philadelphia, 1874—1877, Vols. I—XII (особенно Vols. I и II) (далее: J. Q. Adams. *Memoirs*). Эта публикация давно уже стала редкостью даже в библиотеках США. В связи с этим в 1928 г. А. Невинс вновь издал днев-

в частности, подробно записал содержание своих бесед (в том числе частных и неофициальных) с руководителями русского правительства. Особенно часто Д. К. Адамс встречался с канцлером Н. П. Румянцевым, и их продолжительные и откровенные беседы касались самых разнообразных международных и внутренних проблем. Часто беседовал посланник и с Александром I не только на официальных церемониях, но и систематически встречаясь с ним во время прогулок по С.-Петербургу.

Наш опыт работы показал, что в отношении сведений фактического характера дневник Д. К. Адамса, как правило, является довольно надежным источником. Проведившаяся многократная проверка записей Д. К. Адамса другими документальными материалами, в том числе архивными источниками, не обнаружила каких-либо серьезных искажений. По-видимому, свои наблюдения Д. К. Адамс вел не для печати. Это отразилось на стиле и содержании рукописи. Дневник для Д. К. Адамса был нужен прежде всего как запись фактов, необходимых в его практической деятельности, и для самоконтроля. В известной степени это была также удобная форма для откровенного изложения мыслей.

Наряду с дневником большую ценность для исследователей представляет переписка Д. К. Адамса, изданная лишь частично выдающимся американским публикатором документов Вашингтоном Фордом⁸⁷. В настоящее время кажется удивительным, что в 1917 г. это важное издание было прекращено — стало ясно, что оно не окупится⁸⁸. Коммерческие соображения оказались решающими, и историкам с тех пор не раз пришлось пожалеть, что публикация Форда не нашла своего продолжателя. К счастью, ранний период деятельности Д. К. Адамса (до 1815 г.) получил отражение в первых пяти томах публикации, которые В. Форд успел издать,

ник Д. К. Адамса (The Diary of John Quincy Adams 1774—1845, ed. by A. Nevins. New York, 1928). Однако издание А. Невинса, рассчитанное на широкий круг читателей, по существу лишь знакомит с отдельными отрывками дневника и как исторический источник имеет очень ограниченную ценность.

⁸⁷ Writings of John Quincy Adams, ed. by W. S. Ford, Vols. I—VII. New York, 1913—1917 (далее: J. Q. Adams. Writings).

⁸⁸ A National Program for the Publication of Historical Documents, p. 9.

и хотя они отсутствовали в советских библиотеках, в конце концов их удалось получить из США. Значение этого издания еще более увеличивалось, поскольку частные американские архивы оставались для нас недоступными, и корреспонденция Д. К. Адамса, естественно, служила основным источником информации о его миссии в С.-Петербурге.

Существенным дополнением к материалам Д. К. Адамса о деятельности специальной американской миссии в С.-Петербурге в 1813—1814 гг. служили бумаги Д. Бейарда, и особенно переписка А. Галлатина, также полученная из Соединенных Штатов⁸⁹.

Среди других важнейших американских публикаций, использовавшихся в настоящей работе, нельзя не назвать сочинения и переписку Б. Франклина, изучавшиеся по изданиям Д. Спаркса, А. Смайта и Л. Лабаре. Наиболее авторитетным изданием бумаг Б. Франклина до сих пор остается публикация А. Смайта (1907)⁹⁰, которая была любезно предоставлена в наше распоряжение В. Д. Казакевичем. Вместе с тем приходилось широко пользоваться и старым изданием трудов великого американца (1840)⁹¹, в котором имеется много документов, отсутствующих в более поздних публикациях (в частности, письма, свидетельствующие о связях Б. Франклина с Петербургской академией наук, его знакомстве с трудами М. В. Ломоносова и т. д.).

Много можно также ожидать от новой публикации бумаг Б. Франклина, начавшей издаваться в США в 1959 г. под редакцией Л. Лабаре. К 1964 г. в советские библиотеки поступили первые шесть томов этого издания, которые доводят переписку до 1756 г.⁹² Таким образом, наиболее интересный для нас период деятельности Б. Франклина, к сожалению, этой публикацией еще не охвачен.

⁸⁹ Papers of James A. Bayard, 1796—1815, ed. by E. Donnan Washington, 1915; The Writings of Albert Gallatin, ed. by Henry Adams, 3 Vols. Philadelphia, 1879, Vol. 1 (1788—1816) (далее: A. Gallatin. Writings).

⁹⁰ The Writings of Benjamin Franklin, ed. by A. B. Smyth, 10 Vols. New York, 1907 (далее: B. Franklin. Writings).

⁹¹ The Works of Benjamin Franklin, ed. by J. Sparks, 10 Vols. Boston, 1840 (далее: B. Franklin. Works).

⁹² The Papers of Benjamin Franklin. L. W. Labaree ed., Vols. I—VI. New Haven, 1959—1963 (далее: B. Franklin. Papers).

Следует отметить, что в целом с 50-х годов в США значительно увеличилось число документальных публикаций, издаваемых по инициативе и при участии упоминавшейся выше Национальной комиссии. Большую пользу принесло нам использование первых томов бумаг Д. Кэлхауна, Г. Клея, и особенно Т. Джефферсона. О последней публикации нельзя не сказать подробнее. Дело в том, что лучшие старые издания переписки Т. Джефферсона (под ред. П. Форда, а также известное «Мемориальное издание») в СССР отсутствуют. С другой стороны, имеющийся в наших библиотеках небольшой четырехтомник бумаг этого выдающегося американского государственного деятеля и просветителя совершенно не удовлетворяет современным научным требованиям и не может рассматриваться в качестве серьезного источника для изучения грандиозного джефферсоновского эпистолярного наследия. Именно поэтому столь ценным для нас является новая фундаментальная публикация, начатая в 1950 г. профессором Д. Бойдом⁹³.

Это издание значительно отличается от предшествующих американских документальных собраний и в определенной степени устанавливает новые критерии для публикаций подобного рода⁹⁴. Заслуживает, в частности, быть отмеченным высокий технический уровень издания, и особенно то обстоятельство, что публикуются как письма, исходящие от Т. Джефферсона, так и адресованные ему. В новую публикацию включены различные варианты и черновики документов, которые сопровождаются подробными и компетентными примечаниями.

Давать общую оценку новому изданию пока, конечно, преждевременно⁹⁵, так как оно еще очень далеко от завершения, но есть основания рассчитывать, что в конечном итоге исследователи получат, наконец, достаточно полное и основательное знакомство с богатейшим архивом Т. Джефферсона.

⁹³ The Papers of Thomas Jefferson. J. P. Boyd, ed. Princeton, 1950 — (далее: Th. Jefferson. Papers).

⁹⁴ См. «General View of the Work» (Vol. I, p. VII—XX) и особенно «Editorial Method» (ibid., p. XXV—XXXVIII).

⁹⁵ Все издание рассчитано на 52 тома. К настоящему времени вышло лишь 16 томов, охватывающих документы до начала 90-х годов XVIII в.

При широком использовании архивных материалов, а также документальных публикаций, автору не было необходимости часто прибегать к периодической печати как источнику фактических сведений. Недостатки прессы как документального источника достаточно хорошо известны. Даже в наиболее солидные газеты, подобные лондонскому «Times», парижскому «Moniteur», балтиморскому «Weekly Register», вашингтонскому «National Intelligencer» или «С.-Петербургским ведомостям», часто проникали заведомо ложные сообщения. Разного рода домыслы и несостоятельные версии обычно перепечатывались из одной газеты в другую, затрудняя выяснение исторической правды, которую исследователи могли в дальнейшем установить лишь в результате изучения соответствующих архивных документов. Что касается сведений чисто фактического характера, то их обычно оказывалось легче найти в соответствующих документальных изданиях в более точном и систематизированном виде.

Это не означает, конечно, что мы стремились обойти периодическую печать и заведомо отказывались от ее привлечения в качестве источника. Можно отметить, что в ходе работы широко использовались «С.-Петербургские ведомости» и другие русские газеты и журналы, в частности, для сбора сведений о приходе в русские порты американских кораблей, установления характера и времени появления разного рода официальных сообщений и т. п. В качестве источника документальной информации приходилось привлекать и британский «Annual Register», печатавший на своих страницах многочисленные официальные материалы.

Однако главная цель предпринятого нами обследования периодической печати и книжной литературы последней четверти XVIII и начала XIX в. заключалась в изучении отношения общественности, и в первую очередь русской общественности, к Америке, американской революции и связям России с Соединенными Штатами.

С американской периодической печатью за ранние годы, как известно, в наших библиотеках дело обстоит очень неблагоприятно. Существовало мнение, что никаких полных комплектов американских газет и журналов за первую половину XIX в. в СССР вообще не существует. Между тем в Библиотеке Академии наук в Липецке были выявлены полные комплекты самой извест-

пой и влиятельной газеты того времени — балтиморской «Weekly Register», издававшейся Х. Найлсом с 1811 г.⁹⁶ Большую ценность представляют также отдельные номера и выдержки из американских газет, систематически пересылавшиеся в С.-Петербург русскими дипломатическими представителями в США. Вместе с книжной литературой того времени эти материалы позволили проследить отношение к России со стороны различных кругов американской общественности и показать борьбу мнений, происходившую в США по этому вопросу в 1812—1815 гг.

Гораздо полнее и систематичнее удалось исследовать отношение к Соединенным Штатам со стороны различных кругов русского общества и, в частности, сопоставить позицию правительственного официоза — «С.-Петербургских ведомостей» с газетой, издававшейся в Москве Н. И. Новиковым («Московские ведомости», 1779—1789).

Среди русских журналов, уделявших большое внимание американской тематике, следует отметить в первую очередь издания Н. И. Новикова (в частности, знаменитое «Прибавление к „Московским ведомостям“»), публикации Н. М. Карамзина («Московский журнал», и особенно «Вестник Европы»), «Политический журнал», печатавшийся при Московском университете П. А. Сохацким в переводе с немецкого, «Академические известия», «Сын отечества» и многие другие.

Серьезный интерес русской печати к Америке и американской революции XVIII в. ни в коей мере не был случайным или праздным. Революционные события, происходившие в английских колониях в Северной Америке, оказывались неразрывно связанными с общим мировым историческим процессом, они тесно вплетались в общественно-политическое развитие стран Европы. В отношении к Америке и американской революции в то время очень ярко проявлялась борьба двух основных политических направлений: передового — республиканско-демократического и реакционного — феодально-крепостнического.

⁹⁶ Н. Niles. The Weekly Register, Containing Political, Historical etc. Documents, Essays and Facts, Vols. I—L. Baltimore, 1811—1836 (к 1811—1815 гг. относятся тома I—VIII).

Русское общество не могло оставаться безучастным к восстанию английских колоний в Северной Америке и образованию США. Деятели реакционно-охранительного, монархического направления не скрывали своего отвращения к буржуазным принципам и новой республике за океаном, зато американскую революцию приветствовали передовые общественные круги России и выражали свои симпатии и сочувствие борьбе Соединенных Штатов за независимость.

Проследить борьбу мнений на страницах русской печати того времени — дело, конечно, довольно сложное. В стране, как известно, существовала строгая цензура. Кроме того, особенность русских газет и журналов состояла в том, что на их страницах, как правило, печатались только переводы из различных иностранных изданий. Тем не менее уже сама тематика переводного материала, общее направление его отбора и отдельные редакционные примечания позволяют выявить истинные позиции издателей.

Систематическому изучению были подвергнуты труды виднейших русских ученых, литераторов, общественных деятелей, мореплавателей и путешественников, затрагивавших американскую тематику, а также значительное число переводных книг об Америке. И в этом вопросе автор стремился охватить наиболее широкий и разнообразный круг материалов начиная от переписки Екатерины II с бароном Гриммом, воспоминаний княгини Е. Р. Дашковой, сочинений Н. М. Карамзина и кончая «Протоколами заседаний конференции императорской Академии наук», научными трудами М. В. Ломоносова, Г.-В. Рихмана, Ф. У. Эпинуса и др.

Исключительный интерес представляло изучение работ передовых людей России того времени — Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Ф. В. Каржавина и особенно А. Н. Радищева. Широкая издательская деятельность Н. И. Новикова в 70—80-х годах XVIII в. имела огромное значение для пропаганды передовых идей западного просвещения и американской революции. Что же касается оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву», то можно без преувеличения сказать, что по глубине анализа событий и идей американской революции, богатству содержания и мастерству изложения эти произведения можно отнести к самым выдающимся

откликом мировой литературы на американскую революцию XVIII в. V

Нельзя не сказать несколько слов и о специальных книгах русских авторов, посвященных Соединенным Штатам. Первая такая работа появилась еще в начале 1783 г., т. е. в период окончания войны США за независимость. Это была небольшая книга Д. М. Ладыгина, носившая справочный характер и дававшая читателю общее представление о новом государстве, возникшем в Северной Америке⁹⁷.

Если брошюра Д. М. Ладыгина и некоторые другие работы об Америке того времени носили в основном компилятивный характер, то совсем иную оценку следует дать книгам П. П. Свинына и П. И. Полетики, которые сами провели несколько лет в Соединенных Штатах и занимались углубленным изучением этой страны. Очерк П. Свинына впервые был опубликован в России на страницах журнала «Сын отечества» в 1814 г. и затем выходил отдельными изданиями в 1815 и 1818 гг.⁹⁸ Позднее, уже в 20-е годы XIX в. за границей вышел оригинальный труд П. И. Полетики⁹⁹. Несмотря на известные недостатки, связанные со временем издания и ограниченностью мировоззрения авторов (главным образом это относится к П. П. Свиныну), указанные книги до сих пор сохраняют значительную познавательную ценность прежде всего по богатству своего фактического содержания, а также ряду интересных обобщений и выводов об особенностях исторического развития Соединенных Штатов.

Выше мы касались наиболее важных документальных источников преимущественно общего характера. В ходе работы приходилось, однако, широко пользоваться разного рода специальными публикациями, игравшими важную, а иногда и решающую роль при разработке

⁹⁷ Д. М. Ладыгин. Известие в Америке о селениях агличких, в том числе ныне под названием Соединенных Провинций, выбрано перечнем из новейших о том пространно сочинителей. СПб., 1783.

⁹⁸ П. Свинын. Взгляд на республику Соединенных Американских областей.— «Сын отечества», 1814, ч. XVII и XVIII; его же. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815, 2-е изд., 1818.

⁹⁹ A Sketch of the Internal Conditions of the United States and of Their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826.

тех или иных конкретных вопросов. Особенно характерны в этой связи разделы о колонизации Русской Америки, пребывании П. Джонса в России, американском путешествии Ф. В. Каржавина, о ранних русско-американских торговых связях и др.

Естественно, что в работе приходилось широко пользоваться официальными статистическими материалами и сборниками (в частности, известными трудами Г. Небольсина и Т. Питкина)¹⁰⁰, разнообразными справочниками и указателями, а также многочисленными общими и специальными трудами по истории России и США. Учитывая детальную разработку узловых проблем русской и американской истории, а также международных отношений в рассматриваемый период, автор считал возможным ограничиться приведением в своей работе лишь самого минимума общих сведений и не ставил, понятно, своей задачей проводить новое исследование по войне США за независимость, международным отношениям в эпоху наполеоновских войн, внутреннему положению в России в XVIII — начале XIX в. и т. д. Исключение было сделано, пожалуй, лишь в отношении англо-американской войны 1812—1815 гг., поскольку данная проблема еще не получила подробного освещения в марксистской историографии и в ряде случаев высказывались противоречивые точки зрения (см. гл. X). Во всех остальных случаях приходилось ограничиваться по возможности краткими вступительными замечаниями, самыми необходимыми пояснениями по ходу изложения и отсылками к специальной литературе.

Переходя к основному изложению, автор считает своим долгом отметить содействие и помощь, которую ему постоянно оказывали работники центральных советских архивов и библиотек, и в первую очередь сотрудники Архива внешней политики России. Большую пользу автору принесло обсуждение монографии на заседании Сектора истории США Института истории АН СССР, 27 ноября 1964 г., в ходе которого были высказаны цен-

¹⁰⁰ Г. Небольсин. Статистические записки о внешней торговле России, ч. I—II. СПб., 1835; Т. Pitkin. A Statistical View of the Commerce of the United States of America. New Haven, 1835; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. A Supplement to the Statistical Abstract of the United States. Washington, 1960.

Часть первая

**РОССИЯ
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
В XVIII ВЕКЕ**

Часть первая

**РОССИЯ
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
В XVIII ВЕКЕ**

Почти два века назад в огне революционной войны за независимость родилось новое государство — Соединенные Штаты Америки. «История новейшей, цивилизованной Америки,— писал В. И. Ленин,— открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн». Исключительно высоко оценивая историческое значение войны США за независимость, великий основатель Советского государства отмечал, что американский народ дал миру «образец революционной войны против феодального рабства»¹.

— Основные события, причины и характер войны североамериканских колоний Англии за независимость 1775—1783 гг. достаточно хорошо известны: этой теме посвящены многие сотни и тысячи больших и малых книг, документальных публикаций, статей, обзоров и т. д. Среди лучших американских работ можно назвать, в частности, соответствующий том «Истории Соединенных Штатов» Э. Чаннинга, богатое мыслями исследование Д. Ф. Джеймсона о социальном аспекте революции, фундаментальный труд Ч. Эндрюса о ее предпосылках и многие другие². Марксистская историо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48, 49.

² Ed. Channing. A History of the United States, Vols. I—VI. New York, 1927—1932, Vol. III, 1761—1789; J. F. Jameson. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton,

графия в США, помимо известных общих трудов У. З. Фостера, Г. М. Морейса и Ф. Фонера, обогатилась в последнее время специальной книгой Г. Аптекера³. Ряд общих и специальных работ о войне Соединенных Штатов за независимость появился и в советской литературе⁴.

Наряду с общей историей американской революции XVIII в. детальному исследованию был подвергнут и международный аспект войны США за независимость, политика основных европейских держав и прежде всего Франции⁵. Много работ посвящено изучению позиции Испании, Голландии и других стран. Относительно недавно появилась публикация об отношении прусской дипломатии к независимости Соединенных Штатов⁶.

Значительно менее полно освещена позиция России. Нельзя, правда, сказать, что по русско-американским отношениям за эти годы вообще нет специальных работ. Выше уже упоминалась краткая заметка Ф. Голдера о политике Екатерины II⁷, а также специальные книги

1926; Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, 4 Vols. New Haven, 1934—1938.

³ Г. Аптекер. История американского народа, т. 2. Американская революция 1763—1783. Пер. с англ. М., 1962. Книга Г. Аптекера написана в значительной степени в историографическом плане и содержит анализ важнейших точек зрения о характере войны США за независимость (см. стр. 23—41 и др.). Полезный обзор современного состояния изучения истории американской революции XVIII в. дает также П. Маршалл (см. P. Marshall. Radicals, Conservatives and the American Revolution.—«Past and Present», Nov. 1962, N 23, p. 44—56).

⁴ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1958; «Очерки новой и новейшей истории США», т. I. Под ред. Г. Н. Севостьянова (отв. ред.), И. А. Белявской, Г. П. Куропятника, Б. Я. Михайлова. М., 1960; А. А. Фурсенко. Американская буржуазная революция XVIII в. М.—Л., 1960.

⁵ H. Doniol. Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique, 5 vols. Paris, 1886—1892; E. S. Corwin. French Policy and the American Alliance of 1778. Hamden, 1962.

⁶ The American Independence through Prussian Eyes. A Neutral View of the Peace Negotiations of 1782—1783; Selections from Prussian Diplomatic Correspondence. Translated and edited by M. L. Brown. Durhan, 1959.

⁷ F. A. Golder. Catherine and the American Revolution.—AHR, Vol. XXI, p. 92—96.

Ф. Рено и У. Крессона о миссии Ф. Дейна в С.-Петербург⁸.

Тем не менее приходится констатировать, что в целом позиция России не получила в исторической литературе сколько-нибудь полного отражения. Показательно, что даже в таком считающемся наиболее обстоятельным и авторитетным издании, как официальная публикация по дипломатической истории войны США за независимость, под редакцией Ф. Уортона, политике России уделяется минимальное внимание: в просторном «введении», охватывающем весь первый том, изложение политики России заняло неполных две страницы⁹. Что касается общих курсов внешней политики США, то во многих из них позиции России в период американской революции вообще не уделяется серьезного внимания¹⁰. Некоторое исключение в этом смысле составляет, пожалуй, только курс С. Ф. Бемиса, который, хотя и известен консервативностью своих воззрений, но тем не менее достаточно хорошо знаком с документальными материалами, чтобы полностью игнорировать роль России в международных делах того времени¹¹.

Детальное исследование позиции России в период войны США за независимость сильно тормозилось от-

⁸ F. P. Renault. Les relations diplomatiques entre la Russie et les Etats-Unis. Catherine II et les insurgés. La mission Dana 1776—1783. Paris, 1923; W. P. Cresson. Francis Dana. A Puritan Diplomat at the Court of Catherine the Great. New York, 1930.

⁹ F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. I, p. 447—448.

¹⁰ L. M. Sears. A History of American Foreign Policy. New York, 1938; J. H. Latane and D. W. Wainhouse. A History of American Foreign Policy. New York, 1941; J. Pratt. A History of the United States Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1955; R. J. Bartlett. Policy and Power. Two Centuries of American Foreign Relations. New York, 1963; Th. A. Bailey. A Diplomatic History of the American People, 7th ed. New York, 1964.

¹¹ S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York, 1955, p. 38—45. Монография С. Ф. Бемиса (The Diplomacy of the American Revolution. New York, 1935) до сих пор остается наиболее обстоятельным исследованием по дипломатической истории войны США за независимость. С. Ф. Бемис признает, что вооруженный нейтралитет, провозглашенный Россией, сам по себе был «мощным инструментом в осуществлении изоляции Великобритании». В то же время маститый историк явно вступает в противоречие с приводимыми им самим фактами, когда утверждает, что за пределами Франции сочувственный интерес к американской революции представлял собой «редкое явление», а его проявления носили «пассивный» и «чисто теоретический характер».

сутствием соответствующей документальной базы. Основная русская дипломатическая переписка конца 70-х — начала 80-х годов XVIII в. оставалась мало известна широкому кругу специалистов. Издание «Политической переписки» Екатерины II было доведено только до конца 1777 г.¹² Еще ранее оказались прерванными публикации корреспонденции французских, английских, австрийских и прусских посланников в С.-Петербурге, а ценный сборник русских документов по истории провозглашения вооруженного нейтралитета¹³ давно уже превратился в уникальную библиографическую редкость, разыскать которую даже в центральных советских библиотеках оказалось делом удивительной трудности.

В результате в ходе исследования главное внимание приходилось уделять поискам новых архивных источников с тем, чтобы на их основе воссоздать подлинную документальную картину действий русской дипломатии в трудное и сложное для США время — в годы их героической борьбы за независимость.

¹² Политическая переписка имп. Екатерины II, т. 1—9, 1762—1777. СПб., 1885—1914.— Сб. РИО. т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145 (т. 8 и 9 — «Дипломатическая переписка...»).

¹³ О вооруженном морском нейтралитете. Составлено... по документам Московского главного архива министерства иностранных дел. СПб., 1859; «Морской сборник», т. XLIII—XLIV, сентябрь — декабрь 1859, № 9—12, сост. кн. Оболенский (далее: «О вооруженном морском нейтралитете»).

**Русская дипломатия
и война США
за независимость
1775—1783 гг.**

События в английских колониях в Северной Америке уже с середины 60-х годов XVIII в. систематически привлекали внимание русских дипломатов за границей, которые подробно и довольно объективно информировали ведомство иностранных дел о развитии конфликта между колонистами и метрополией. Еще до начала военных действий все определеннее становилось убеждение, что разрыв между колониями и метрополией неизбежен. Характерно в этом отношении донесение русского посланника в Лондоне А. С. Мусина-Пушкина от 31 октября (11 ноября) 1774 г., в котором подчеркивалась твердая решимость американских колонистов отстаивать свои права от посягательств английских властей. «Вчера полученные здесь из Америки письма,— сообщал А. С. Мусин-Пушкин первоприсутствующему в коллегии иностранных дел Н. И. Панину,— подтверждают доказательнейшим образом сколь твердое, столь и единогласное почти тамошних жителей намерение не повиноваться никаким таким повелениям, кои хотя бы мало клонились к утверждению за ними права здешнего законодательства... Генеральным в Филадельфии конгрессом решено уже не вывозить сюда никаких американских товаров, а здешних тамо не принимать»¹.

Русский посланник в Лондоне не только правильно оценил сложившееся в то время положение, но и с за-

¹ А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 31 октября (11 ноября) 1774 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1774 г., д. 261, л. 158.

видной проницательностью сумел увидеть последствия конфликта с колониями как для внутренней жизни Англии, так и для ее международных позиций. В том же донесении в С.-Петербург А. С. Мусин-Пушкин писал: «Положение такое справедливо тревожит здешнее правление и тем более, что известны оному все выгоды, кои здешний торг и фабрики получают и от подвозимых сюда из Америки необделанных, и от вывозимых туда здесь обделанных товаров. Тамошний сюда ежегодный вывоз простирается вообще ценою не меньше трех миллионов фунтов стерлингов, между которыми Ново-Йорская провинция высылает ежегодно на шестьсот тысяч фунтов стерлингов, а Филадельфская — с лишком на семьсот тысяч. Всякое вывозу такому прекращение, если не вовсе подорвет, то по крайней мере повредит все здешние мануфактуры весьма чувствительно. Беспокойная Франция и Гишпания не оставят вмешиваться в несогласие между Англиею и колонистами ее. Под флагом первой показывались уже две фрегаты около Бостона, как слышно, нагруженные разными военными припасами, вторая же отправила из Феруль еще пять военных кораблей, вероятно, в Америку»².

Последующие события, как известно, подтвердили справедливость этих предположений: конфликт с колониями в Америке не только «весьма чувствительно» затронул экономику Великобритании, но и привел ее к войне с Францией и Испанией, стремившимся использовать «несогласие» в своих интересах.

То, что представлялось столь очевидным для иностранного дипломата, явно не укладывалось в голове Георга III и членов консервативного правительства Норта. Английские министры не желали принимать во внимание коммерческие «уважения» и пошли на «ужасное объявление американцев бунтовщиками»³.

Близорукая политика правящих кругов Великобритании не оставляла колонистам иного выхода, кроме вооруженной борьбы. «Междоусобная с ними война

² А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 31 октября (11 ноября) 1774 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1774 г., д. 261, лл. 158—159.

³ См. об этом А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 3(14) февраля 1775 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1775 г., д. 266, л. 18 и сл.

кажется тем неизбежнее,— справедливо писал А. С. Мусин-Пушкин,— что доведены они через то до крайности или необыкновенно повиноваться всем здешним узаконениям, или супротивляться оным яко отяготительным и утесняющим природные и законные их правости»⁴. Сообщая, что в различных местах в Америке найдены «великие запасы всяких военных орудий, с достаточным количеством пороха», А. С. Мусин-Пушкин продолжал далее: «Народ тамошний, оставляя обыкновенные свои промыслы, добровольно упражняется в военных эксерсиях. Антузиатский дух сей заражает равномерно все чины и звания, начинает оный оказываться в Виргинской провинции сильнее еще, нежели по ныне действовал оный и в самой Новой Англии»⁵.

19 апреля 1775 г. в сражении при Лексингтоне и Конкорде прозвучали выстрелы, возвестившие об открытой вооруженной борьбе североамериканских колоний Англии за независимость. В условиях начавшейся войны в Америке позиция России приобретала для Великобритании особое значение. Именно от России английское правительство рассчитывало получить помощь, в которой оно так теперь нуждалось. И не раз британским министрам пришлось пожалеть, что в прошлом они были слишком неуступчивы при переговорах о заключении союзного трактата. Напомним в этой связи, что со времени осуществления «северной системы» Н. И. Панина (идея которой была, как известно, подана русским посланником в Дании бароном Корфом), русско-английские отношения развивались в дружественном направлении, что объяснялось отчасти совместным противодействием влиянию Франции. В подробных инструкциях русскому посланнику в Лондоне И. Г. Чернышеву от 24 июля (4 августа) 1768 г. указывалось: «Северною системою полагаем и разумеем мы сколь можно большее и теснейшее соединение северных держав в один непосредственный пункт нашего общего интереса, дабы тем против бурбонского и австрийского домов составить

⁴ См. об этом А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 3(14) февраля 1775 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1775 г., д. 266, л. 18 и сл.

⁵ А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 10(21) февраля 1775 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1775 г., оп. 35/6, д. 266, л. 28.

твердое в европейских дворах равновесие и тишину северную и совсем освободить от их инфлюенции, которая толь часто производила в оной бедственные последствия»⁶.

Еще в 1762 г. английский посол граф Бакингхэм получил инструкции добиваться заключения союзного и торгового договоров с Россией⁷. 20 июня (1 июля) 1766 г. в С.-Петербурге был подписан важный торговый договор с Великобританией⁸. Переговоры о заключении союзного трактата практических результатов не дали: английская дипломатия не склонна была оказать решительную поддержку России в ее отношениях со Швецией, Польшей и Турцией, упорно не соглашаясь, в частности, включить войну России с Турцией в *casus foederis*, а именно это больше всего интересовало в то время русское правительство.

В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Англия хотя занимала в целом благожелательную к России позицию, однако принимать на себя союзные обязательства не торопилась. С другой стороны, она была не прочь вмешаться в конфликт и осуществить свое посредничество, что в свою очередь было решительно отвергнуто Россией⁹.

Война в Америке весьма существенно повлияла на последующее развитие русско-английских отношений, обнажив скрытые до того времени противоречия и изменив в известной степени даже сам характер этих отношений. 1 сентября 1775 г. английский король Георг III направил личное послание к Екатерине II. Играя на монархических чувствах императрицы, король в возвышенных выражениях по форме «принимал», а по существу просил русских солдат для участия в подавлении восстания своих подданных в Северной Америке¹⁰. Британскому посланнику в С.-Петербурге были даны подро-

⁶ Проект инструкции И. Г. Чернышеву см. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1768 г., оп. 36/6, д. 202, л. 3. О значении инструкции см. В. Н. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. I—II. Варшава, 1897, т. I, стр. 38.

⁷ Сб. РИО, т. 12, стр. 16 и сл.

⁸ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX(X). Трактаты с Англией 1710—1801 гг. СПб., 1892, стр. 242—259.

⁹ См. там же, стр. 259—287.

¹⁰ Георг III — Екатерине II, 1 сентября 1775 г. — Сб. РИО, т. 19, стр. 478—479.

ные инструкции добиваться посылки 20-тысячного корпуса и переслан проект соответствующего договора¹¹.

Расчеты английского короля на поддержку России не оправдались. Речь идет, разумеется, не о каком-то сочувствии Екатерины II восставшим колонистам, а о соображениях реальной политики. Императрица, мечтавшая «быть вершительницей судеб Европы», была мало расположена посылать русских солдат в далекую Америку бороться во славу его британского величества, в добродетелях и способностях которого она, кстати говоря, сильно сомневалась. Известно, например, что, характеризуя Георга III, Екатерина II еще летом 1775 г. в письме к своей приятельнице г-же Бьелке язвительно заметила, что потеря «никчемной сестры»¹² (букв.— «сестры, которая ничего не стоит») причинила ему больше горя, «нежели поражения его войск в Америке». И далее продолжала: «Его прекрасные подданные очень им тяготятся (букв.— скучают) и часто даже...»¹³ Екатерина II умышленно не договорила, поставив многозначительное отточие: она не могла и не хотела даже в частном письме признать законность и справедливость восстания подданных Георга III. Вместе с тем следует признать, что царица достаточно реалистично учитывала перспективы войны в Америке, когда заканчивала письмо словами: «От всего сердца желаю, чтобы мои друзья англичане поладили со своими колониями; но сколько моих предсказаний сбывалось, что боюсь, что еще при моей жизни нам придется увидеть отпадение Америки от Европы»¹⁴. Не удивительно поэтому, что в письме

¹¹ Саффолк — Ганнингу, 1 сентября 1775 г.— Сб. РИО, т. 19, стр. 476—478. Проект договора см. там же, стр. 483—487.

¹² Екатерина II имела в виду Каролину-Матильду — супругу датского короля Христиана VII, которая умерла 10 мая 1775 г.

¹³ Екатерина II — г-же Бьелке, 30 июня (11 июля) 1775 г.— Сб. РИО, т. 27, стр. 44. Перевод с фр. уточнен. См. также: А. В. Ефи м о в. Очерки истории США. М., 1955, стр. 112—113.

¹⁴ Сб. РИО, т. 27, стр. 44. Свое убеждение в неизбежности потери Англией своих колоний в Америке Екатерина сохранила и в дальнейшем: «Что скажете Вы об этих колониях, которые навсегда прощаются с Англией? — спрашивала она свою корреспондентку год спустя (см. Екатерина II — г-же Бьелке, 5(16) сентября 1776 г.— Там же, стр. 119). А еще позднее, 7(18) июня 1778 г., возвращаясь к оценке Георга III, Екатерина писала: «В дурных руках все становится дурным. Франклин, Дин за то, что выставляли вещи такими, какими они были, когда они находились в Англии, отнюдь не заслуживали»

от 23 сентября (4 октября) 1775 г. Екатерина ответила своему августейшему адресату вежливо, но твердо решительным отказом¹⁵.

Все попытки английского посланника Р. Ганнинга добиться через Н. И. Панина и Алексея Орлова благоприятного решения или даже просто несколько смягчить отказ результатов не дали. Посланник приписывал неудачу интригам всесильного Г. А. Потемкина и братьев Чернышевых¹⁶, но не в этом, конечно, было главное. Принимая решение, Екатерина II не могла не учитывать в первую очередь внутреннее и международное положение России: лишь относительно недавно закончилась война с Турцией (1768—1774 гг.) и слишком свежи были в памяти грозные события крестьянской войны под руководством Е. Пугачева (1773—1775 гг.), чтобы думать о защите интересов английского короля в Америке.

Не получив поддержки России, британский кабинет занялся вербовкой солдат у германских владетельных князей¹⁷. Впрочем, наемные солдаты не принесли английской короне особых успехов: отделение колоний стало фактом. 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости, официально возвестившая о рождении нового государства — Соединенных Штатов Америки. «Издание пиесы сей, да и обнародование формальной декларации войны против Великобритании доказывает всю отвагу тамошних начальников», — доносил из Лондона советник русского посольства В. Г. Лизакевич¹⁸.

Хотя исход борьбы представлялся европейским дипломатам еще не вполне ясным, уже в то время было очевидно, что в любом случае влияние Англии значительно

живали быть повешенными: их надлежало слушать и поступать по-английски; не следовало раздражать американцев и потом дать перевес королю...» (см. черновое письмо Екатерины II — к неизвестной даме, 7(18) июня 1778 г. — Там же, стр. 154).

¹⁵ Екатерина II — Георгу III, 23 сентября (4 октября) 1775 г. — Сб. РИО, т. 19, стр. 500—501.

¹⁶ См. донесения Р. Ганнинга Саффолку от 20 сентября (1 октября), № 60 и 26 сентября (7 октября) 1775 г., № 62, 64. — Сб. РИО, т. 19, стр. 489—499, 503—505.

¹⁷ Подробные сведения об этом приводил советник русского посольства в Лондоне В. Г. Лизакевич в донесении Н. И. Панину 29 декабря 1775 г. (9 января 1776 г.) — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1775 г., д. 267, лл. 121—122.

¹⁸ В. Г. Лизакевич — Н. И. Панину, 9(20) августа 1776 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1776 г., д. 274, лл. 152—153.

уменьшится, и в общей системе международных отношений произойдут серьезные изменения. «Происшедшие между Англией и американскими ее селениями распри, а из оных и самая война,— писал Н. И. Панин в секретном докладе Екатерине II в октябре 1776 г.,— предвозвещают знатные и скорые, по-видимому, перемены в настоящем положении европейских держав, следовательно же и во всеобщей системе. Удастся ли селениям устоять в присвоенной ими ныне независимости или же преуспеет напоследок Англия истощительными ее усилиями поработить их своей власти, ибо без внутренних тех селений в конец изнеможения рассудительным образом предположено быть не может, но в обоих сих случаях наверное считать надлежит, что лондонский двор потеряет весьма много из своей настоящей знатности...»¹⁹

По мере развития военных действий в Америке и обострения противоречий европейских держав все большее значение в качестве центра дипломатической борьбы приобретал Париж — столица основного соперника Англии в Европе. Именно сюда в декабре 1776 г. приехал Б. Франклин, завязавший тайные переговоры с французским правительством. Сообщая о его приезде, русский посланник в Париже И. С. Барятинский в подробном шифрованном донесении вице-канцлеру И. А. Остерману в декабре 1776 г. подчеркивал важность миссии Франклина и огромное впечатление, произведенное им во Франции. «Публика столько им занята,— писал И. С. Барятинский,— что ни о чем ином более теперь и не говорят, как о причинах его сюда приезда...»²⁰ Сообщая далее о «сенсации, каковую он произвел» во французской столице, и о предполагаемых целях его миссии, И. С. Барятинский отмечал, что, по «общему мнению» дипломатического корпуса, «Франклейнов сюда приезд» произведет, конечно, «важный евенемент»²¹.

Значительный удар международному престижу Англии нанесло известие о капитуляции английских войск под командованием генерала Бургойна при Саратоге 17 октября 1777 г. Не случайно поэтому А. С. Мусин-

¹⁹ Н. И. Панин — Екатерине II, 10(21) октября 1776 г.— Сб. РИО, т. 145, стр. 243—244.

²⁰ И. С. Барятинский — И. А. Остерману, 4(15) декабря 1776 г.— АВГР, ф. Сношения России с Францией, 1776 г., д. 312, л. 245.

²¹ Там же, лл. 245—248.

Пушкин очень скептически смотрел на новые военные приготовления Англии, справедливо полагая, что их результатом будет лишь дальнейшее сплочение сил восставших колонистов. «Самое искусство доказало,— отмечал русский посланник в Лондоне в декабре 1777 г.,— что с начала сдешних на Америку намерений усиливались американцы не иначе, как точно по мере рановременных здешних угрожающих их приуготовлений»²².

После долгих проволочек 6 февраля 1778 г. министр иностранных дел Франции Верженн подписал с американским посланником Б. Франклином два важных договора о союзе и о торговле²³. Комментируя неофициальные сведения о заключении «трактата» и его условиях, И. С. Барятинский писал в С.-Петербург 26 февраля (9 марта) 1778 г.: «Франция сделала оплошность, что долго медлила сие сделать, ибо она могла бы иметь выгоднейшие кондиции с американцами, естли бы решилась на сие в прошедшем июле месяце; тогда американцы считали бы себя обязанными Франции и что независимостью должны они помощи ее. Теперь же-де американцы чувствуют, что они получают вольность собственными своими ресурсами и притом ведают, что Франция решилась к сему приступить тогда только, когда была точно уведомена о приключении ген[ерала] Бургоена. По исчислению времени полагают, что помянутый трактат должен быть объявлен в будущем апреле месяце, притом сказывают, что уже и план войны с Англиею здесь сделан. Гишпанцы будут действовать в Средиземном море, а Франция в океане»²⁴.

Нельзя не отметить в этой связи, что в продолжение всего периода войны США за независимость Париж оставался одним из важнейших (если не главным) центров информации как царского правительства, так и русского общества о международной политике и, в частности, о событиях, связанных с войной в Америке. Богатейшая информация содержалась прежде всего в доне-

²² А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 19(30) декабря 1777 г.—АВПр, ф. Сношения России с Англией, 1777 г., д. 282, л. 27 и сл.

²³ Documents of American History, ed. by H. S. Commager (далее: H. S. Commager (ed.). Documents...). New York, 1958, Vol. I, p. 105—107.

²⁴ И. С. Барятинский — И. А. Остерману, 26 февраля (9 марта) 1778 г.—АВПр, ф. Сношения России с Францией, 1778 г., д. 333, лл. 76—77.

сениях русского посланника в Париже И. С. Барятинского. Кроме того, во Францию часто приезжали из России представители высшей аристократии, а также видные деятели русской культуры. В их числе можно упомянуть княгиню Е. Р. Дашкову, графа А. П. Шувалова, графа И. Г. Чернышева, Д. И. Фонвизина и др. О последнем нельзя не сказать особо. Выдающийся деятель русской культуры, знаменитый писатель XVIII в., Денис Иванович Фонвизин с конца 1769 г. служил в коллегии иностранных дел, был секретарем, ближайшим помощником и другом Н. И. Панина. В 1777—1778 гг. Д. И. Фонвизин ездил в Европу как частное лицо и длительное время находился в Монпелье и в Париже.

Во время своего пребывания во Франции Д. И. Фонвизин регулярно переписывался со своей сестрой и Петром Ивановичем Паниным, братом руководителя ведомства иностранных дел. Письма Д. И. Фонвизина — замечательный образец художественной прозы XVIII в., интересны для нас и как ценные исторические документы, запечатлевшие важные события международной жизни того времени. В своих письмах Д. И. Фонвизин неоднократно обращал внимание на все обострившиеся отношения Англии и Франции в связи с войной в Америке. «Англичан здесь терпеть не могут,— писал Д. И. Фонвизин 31 декабря 1777 г. (11 января 1778 г.),— и хотя в глаза очень обходятся с ними учтиво, однако за глаза бранят их и смеются над ними... Американские их дела доходят до самой крайности, и они в таком отчаянии, что думать надобно, отступятся от Америки и объявят войну Франции: ибо издревле всякий раз, когда ни доходила Англия до крайнего несчастья, всегда имела ресурсом и обычаем объявлять войну Франции»²⁵.

Некоторое время спустя, в марте 1778 г., Д. И. Фонвизин сообщал в письме к П. И. Панину, «что положение здешних дел столь худо, что война, конечно, неизбежна». Франция заключила «трактат с американцами, как с державою независимую... Словом, война хотя формально и не объявлена, но сего объявления с часу на час ожидают. Франклин, поверенный американский у здеш-

²⁵ Д. И. Фонвизин — сестре Ф. И. Аргамаковой, 31 декабря 1777 г. (11 января 1778 г.).— Д. И. Фонвизин. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866, стр. 428.

него двора, сказывают, на сих днях аккредитуется полномочным министром от Соединенных Американских Штатов»²⁶. Вообще о Франклине Д. И. Фонвизин упоминал неоднократно и, в частности, в августе 1778 г. сообщил о своей встрече с ним. «В заведенное нынешним годом собрание под именем rendez-vous des gens de lettre (т. е. встреча литераторов.— Н. Б.),— писал Д. И. Фонвизин,— прислали ко мне приглашение, так же как и к славному Франклину, который живет здесь министром от Американских Соединенных Провинций. Он, славный английский физик Магеллан и я были приняты отменно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали в газетах о нашем визите»²⁷.

Комментируя встречу Фонвизина с Франклином в Париже, П. В. Вяземский писал: «Представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки»²⁸. Уже сам факт такой встречи был, несомненно, весьма знаменателен, особенно если сопоставить его со скрытой неприязнью к Франклину «просвещенной» Екатерины II²⁹ и откровенной бестактностью наследника престола Павла. Последний, как известно, находясь в 1782 г. в Париже под именем графа Северного, грубо игнорировал американского посланника. Неприятный инцидент, который произошел в связи с ошибочным вручением Франклину визитной карточки «графа Северного и князя Барятинского», был, однако, быст-

²⁶ Д. И. Фонвизин — П. И. Панину, 20(31) марта 1778 г.— Там же, стр. 331—332.

²⁷ Д. И. Фонвизин — сестре Ф. И. Аргамаковой, август 1778 г.— Там же, стр. 445.

²⁸ П. В. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1880, стр. 91.

²⁹ Еще весной 1778 г. императрица настоятельно просила своего постоянного корреспондента в Париже барона М. Гримма под благовидным предлогом отговорить Франклина от намерения посетить Россию (см. Екатерина II — Гримму, 2—4 (13—15) марта 1778 г.— Сб. РИО, т. 23, стр. 83—84). Показательно также, что если заграничному корреспонденту Екатерина II в мае 1782 г. лично и через очередного фаворита А. Ланского выражала благодарность за присылку памфлетов «прославленного Франклина», причем записки «простака Ричарда» были даже найдены «прелестными», то своему секретарю А. В. Храповицкому императрица спустя некоторое время откровенно заметила, указывая на портрет великого американца: «Я его не люблю» (см. письма к М. Гримму от 8(19) и 10(21) мая 1781 г.— Сб. РИО, т. 23, стр. 303, 310; Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901, стр. 1. Запись от 6(17) июля 1782 г.).

ро ликвидирован и не имел каких-либо политических последствий³⁰.

В целом, несмотря на очевидную неприязнь монархических кругов к мятежным республиканцам, американской дипломатии удавалось с редким успехом использовать к своей выгоде давние противоречия европейских держав. Молодая республика, отмечал В. И. Ленин, умело использовала в своих интересах «рознь между французами, испанцами и англичанами», американский народ сражался «вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан»³¹.

Положение Англии становилось все более затруднительным. Расширение конфликта, вступление в войну Франции и Испании еще более повысило значение позиции могущественной державы Севера. Именно сюда, к С.-Петербургу были устремлены взоры лондонского двора — в Англии все еще рассчитывали добиться поддержки России если не против Америки, то хотя бы против европейских держав. В русскую столицу был направлен один из наиболее способных английских дипломатов, молодой Джеймс Гаррис (впоследствии лорд Малмсбери)³², возобновивший в начале 1778 г. переговоры о заключении союза. Пересылая в апреле 1778 г. проект союзного договора, Д. Гаррис писал о необходимости сорвать «честолюбивые планы бурбонского дома». Усиленно напирая на свою «чистосердечность» и «бесхитрость», английское правительство все же не забыло «исключительно по торговым соображениям»

³⁰ «Во время придворного приема,—записал Б. Франклин в своем дневнике,—русский посланник князь Бярятинский проявил исключительную любезность по отношению ко мне. Он принес свои извинения по поводу того, что случилось в связи с визитом, заявил, что был весьма тронут дружелюбием, проявленным мною при ликвидации этого инцидента, который мог иметь неприятные для него последствия, и т. д.» (цит. по кн.: М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией, стр. 42—43; см. также А. И. Старцев. Вениамин Франклин и русское общество XVIII века.—«Интернациональная литература», 1940, кн. 3—4, стр. 216).

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 56.

³² О миссии Д. Гарриса см. монографию I. de Madagaga. Britain, Russia... (подробный анализ этой книги был дан нами в журнале «История СССР», 1964, № 1, стр. 206—209). Документальные материалы о переговорах Гарриса см. также: Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury, Vol. I. London, 1844.

оговориться, что в *casus foederis* не включается война с Турцией. Одновременно оно великодушно соглашалось не распространять действие договора на происходившую войну в Америке³³.

Ответ русского правительства, изложенный в ноте Н. И. Панина Д. Гаррису от 6(17) мая 1778 г. был мало утешителен для лондонского двора. Н. И. Панин писал, что «хотя ее и. в. понимает все значение присоединения» Великобритании к северной системе, она «вынуждена с глубоким сожалением признать, что считает существующую обстановку совершенно не подходящей для заключения союза между двумя дворами»³⁴.

Не увенчались успехом и последующие обращения английского правительства, предлагавшего уже заключение оборонительного союза «без каких бы то ни было оговорок»³⁵. Разъясняя позицию России, Н. И. Панин подчеркивал в декабре 1779 г., «что заключение оборонительного союза по самой природе своей не может совпадать по времени с войной фактической, особенно такой, как данная война, причиной возникновения которой послужили обстоятельства, всегда исключавшиеся из союзных договоров между Россией и Англией как не имеющие отношения к владениям этих стран в Европе»³⁶. Еще ранее, в июле 1779 г., новому русскому посланнику в Англии И. М. Симолину самым категорическим образом указывалось по поводу переговоров о союзном договоре, что в нынешнем «критическом и нежном положении» лондонского двора «самый вопрос существовать не может»³⁷.

Таким образом, с самого начала войны английских колоний в Северной Америке за независимость русское правительство твердо и неуклонно проводило политику строгого нейтралитета, решительно отвергая все попытки Англии навязать ему союзные обязательства.

³³ Д. Гаррис — Н. И. Панину, апрель 1778 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1778 г., д. 596, лл. 21—24.

³⁴ Н. И. Панин — Д. Гаррису, 6(17) мая 1778 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1778 г., д. 595, лл. 3—8.

³⁵ Д. Гаррис — Н. И. Панину, 26 ноября 1779 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1779 г., д. 600, лл. 11а—13.

³⁶ Н. И. Панин — Д. Гаррису, 5(16)—7(18) декабря 1779 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1779 г., д. 599, лл. 15—16.

³⁷ Екатерина II — И. М. Симолину, 15(26) июля 1779 г.— В. Н. Александренко. Указ. соч., т. II. Материалы, стр. 195—199.

Позиция, занятая русским правительством, получила высокую оценку в Соединенных Штатах. «Мы немало обрадованы узнать из достоверного источника, — писал Георг Вашингтон маркизу Лафайету весной 1779 г., — что просьбы и предложения Великобритании русской императрице отвергнуты *с презрением*»³⁸. В другой раз, отмечая решительный отказ Екатерины II заключить какой-либо договор о взаимопомощи с Англией, Г. Вашингтон подчеркивал, что русское правительство мотивировало свою позицию в выражениях, носящих отпечаток «уважения к правам человечества»³⁹.

Надо сказать, что, рассуждая о «благах человечества», правительство Екатерины II исходило, понятно, прежде всего из государственных интересов самой России и трезвой оценки международной обстановки. Подробный анализ общего международного положения и системы внешней политики России в связи с войной Англии в Европе и в Америке был дан в секретном докладе коллегии иностранных дел Екатерине II летом 1779 г. Доклад выражал общее мнение первоприсутствующего в коллегии иностранных дел Н. И. Панина, вице-канцлера И. А. Остермана и членов секретной экспедиции коллегии иностранных дел братьев Бакуниных, выработанное на заседании 31 июля (11 августа) 1779 г.⁴⁰ Этот документ имеет первостепенное значение для понимания общей политики России в связи с войной, которую вела Англия. «Американские ее селения, — указывалось в докладе, — превратившиеся собственной виной правительства британского в область независимую и самовластную (подчеркнуто нами. — Н. Б.) не иначе противу ее воюют и воевать могут, как внутри своих жилищ и земель, обороняя единственно новое свое бытие по мере ее атаки».

Из приведенного отрывка совершенно очевидно, что русское правительство не только считало отделение

³⁸ Г. Вашингтон — маркизу Лафайету, 8(10) марта 1779 г. — *The Writings of George Washington. From the Original Manuscript Sources 1745—1799.* John G. Fitzpatrick, ed., 40 Vols. Washington, 1931—1944 (далее: *G. Washington. Writings*), Vol. 14, p. 220.

³⁹ Г. Вашингтон — Г. Клинтону, 6 марта 1779 г. — *Ibid.*, p. 196.

⁴⁰ Секретный доклад коллегии иностранных дел Екатерине II 31 июля (11 августа) 1779 г. Подлинник хранится в АВПР, ф. Секретные мнения, 1725—1798 гг., д. 597, лл. 100—114; копия опубли. в кн.: Архив кн. Воронцова, кн. 34, стр. 388—405.

колоний от метрополии совершившимся фактом, но усматривало причину этого в «собственной вине» английского кабинета. Больше того, в докладе прямо указывалось, что отделение колоний от Англии не только не противоречит интересам России, но выгодно ей, поскольку русские товары могут с успехом заменить изделия, доставлявшиеся ранее на английский рынок из Америки, и, кроме того, с самой Америкой будут развиваться взаимовыгодные прямые торговые связи. «...Потеря Англией колоний ее на твердой земле,—делался вывод в докладе,— не только не вредна, но паче и полезна еще быть может для России в части торговых ее интересов, поскольку со временем из Америки новая непосредственная отрасль коммерции с Россией открыться и завестись может для получения из первых рук взаимных нужд».

Следует иметь в виду, что все это высказывалось не как мнение отдельного, пусть даже и влиятельного государственного деятеля, а как итог коллективной работы лиц, руководивших внешней политикой страны; сам характер документа — секретный доклад императрице — придавал его содержанию особое значение.

Авторы доклада придерживались весьма скептического мнения о тогдашнем английском правительстве. «Подлинно внутреннее состояние двора и министерства аглинского не таково, чтоб могло возбуждать национальную и постороннюю к ним доверенность». Особое недовольство высказывали они в отношении действий Англии на море. «Будучи окружена множеством сильнейших неприятелей, не перестает она, однако же, захватом нейтральных судов и с самыми невинными грузами вяще и вяще озлоблять и раздражать прочие народы».

В целом авторы доклада исходили из того, что при определении позиции России в первую очередь должны приниматься во внимание «собственные наши (т. е. русские.— *Н. Б.*) интересы и самое основание всей нашей политики» — «северная система». В этой связи они рекомендовали, придерживаясь политики строгого нейтралитета, одновременно укреплять северную систему, в частности, «благовременно и откровенно» «сноситься и советовать об общих мерах» с Данией и Пруссией. Этим, по их мнению, подготавливался для России путь к выступлению в роли могущественного посредника для

примирения воюющих сторон. Последующие действия русского правительства в общих чертах соответствовали изложенным в секретном докладе взглядам.

† Важнейшим международным актом, предпринятым Россией в связи с войной, которую Англия вела с США и европейскими державами, явилось провозглашение «вооруженного нейтралитета». Деспотические действия держав, особенно Англии, на море подрывали международную морскую торговлю, приводили к захвату нейтральных судов и нарушению элементарных прав морского судоходства⁴¹. О наглых действиях «аглинских арматоров», бросавшихся «на все встречавшиеся им корабли» «без всякого почтения к разным флагам», неоднократно доносил еще А. С. Мусин-Пушкин⁴². По этому поводу у лондонского двора систематически происходили «неприятные изъяснения» с представителями нейтральных стран. «Сильнейшее представление» по поводу захвата двух кораблей рижских купцов Карла Беренса и компании предписывалось, в частности, сделать И. М. Симолину в рескрипте Екатерины II от 8 (19) ноября 1779 г.⁴³

Словесные «изъяснения», однако, помогали мало, и наряду с ними приходилось предпринимать и более действенные меры. 28 февраля (11 марта) 1779 г. правительствам Англии и Франции была направлена нота в форме декларации, в которой сообщалось о намерении России послать «эскадру своих линейных кораблей и фрегатов, которым будет приказано должным образом защищать торговлю и судоходство, удаляя из этой береговой полосы любое каперское судно, которое там появится, без исключения, не взирая на его национальную принадлежность»⁴⁴.

Через год в связи с захватом Испанией купеческого судна «Св. Николай» правительство России признало

⁴¹ По подсчетам И. Мадариаги, за время войны Англия захватила 17 русских судов (I. de Madariaga. Op. cit., p. 374).

⁴² См., например, А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 28 ноября (9 декабря) 1778 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1778 г., д. 288, л. 241.

⁴³ Екатерина II — И. М. Симолину, 8 (19) ноября 1779 г. — АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., оп. 36, д. 345, лл. 62 и 66. Частично опубликовано в кн.: В. Н. Александренко. Указ. соч., т. II, стр. 200—202.

⁴⁴ См. «О вооруженном морском нейтралитете», стр. 29 и сл.

необходимым, «прежде чем оскорбления российского торгового флага преобразятся во вредную привычку», сообщить в Лондон, Париж и Мадрид о решении «употребить со своей стороны к совершенному ограждению и обеспечению его все от нас и державы нашей зависящее пособие с твердым, однако же, предположением свято и ненарушимо согласовывать оные в продолжение настоящей войны с правилами строжайшего беспристрастия и нейтралитета»⁴⁵. Речь шла об отправлении летом новой эскадры в Северное море «для удаления из тамошних вод всяких арматоров и обеспечения к портам нашим свободного плавания всех вообще дружеских народов» и о подготовке в Кронштадте дополнительного флота в составе 15 кораблей и четырех фрегатов⁴⁶.

Для того чтобы «по неведению или по неосновательным соображениям» иностранные государства и прежде всего воюющие державы не впали в «ложные заключения» и не использовали принимаемые Россией меры в «собственных своих изворотах», одновременно 27 февраля (9 марта) 1780 г. провозглашалась знаменитая декларация о вооруженном нейтралитете, основанная, как указывалось в том же рескрипте, с одной стороны, «на простых, чистых и неоспоримых понятиях естественного права, а с другой,— на словестных постановлениях коммерческого нашего с Великобританией трактата».

В декларации указывалось: 1) нейтральные суда могут свободно посещать порты воюющих держав; 2) собственность воюющих держав на нейтральных судах за исключением военной контрабанды пропускается неприкосновенно; 3) военной контрабандой признаются только предметы, перечисленные 10 и 11-й статьями договора России с Англией 1766 г. (т. е. оружие, военные припасы и пр.); 4) под определение блокируемого порта подпадает лишь порт, вход в который фактически затруднен военно-морскими силами; 5) эти принципы

⁴⁵ Екатерина II—И. М. Симолину, 27 февраля (9 марта) 1780 г.—АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., д. 345, лл. 2—6.

⁴⁶ Позднее было сообщено, что снаряженный в Кронштадте флот, разделенный на три эскадры, отправляется для защиты нейтрального мореплавания в Средиземном море, к «высотам лиссабонским» и в Северное море (см. Екатерина II—И. М. Симолину, 7(18) июня 1780 г.—АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., д. 345, лл. 10—11).

будут служить правилом в определении законности призов⁴⁷.

Провозглашение вооруженного нейтралитета имело огромное международное значение: отныне устанавливались твердые начала в международном праве, ограждавшие морскую торговлю нейтральных держав во время войны. Этим актом, как отмечал Ф. Энгельс, Екатерина II «впервые сформулировала от своего имени и от имени своих союзников принцип «вооруженного нейтралитета» (1780 г.) — требование ограничения прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море»⁴⁸.

На протяжении 1780—1783 гг. к декларации присоединились практически все нейтральные страны Европы, что было официально оформлено соответствующими соглашениями. Франция и Испания также признали выдвинутые Россией принципы.

Истории вооруженного нейтралитета, происхождению принципов декларации России и их значению посвящена трудно обозримая литература — книги и документальные публикации немецких, французских, английских, датских, американских и других зарубежных (не говоря уже о русских!) авторов, среди которых можно встретить государственных деятелей, ученых-историков, юристов, профессиональных дипломатов и т. д. Выше уже упоминалась ценная русская публикация документов 1859 г. и новая монография И. Мадариаги. Следует отметить также исследование немецкого юриста К. Бергбома⁴⁹, монографию французского ученого П. Фошилля⁵⁰, американскую публикацию Д. Скотта⁵¹ и т. д.

Несмотря на обилие исследований по вооруженному нейтралитету, многие проблемы, связанные с его историей и значением, все еще остаются не вполне ясными. Самые разноречивые взгляды высказывались, в частно-

⁴⁷ Текст декларации от 27 февраля (9 марта) 1780 г. см. «О вооруженном морском нейтралитете», стр. 64—66; Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX(X), стр. 307—310.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 25.

⁴⁹ С. Bergbohm. Die bewaffnete Neutralität 1780—1783. Berlin, 1884.

⁵⁰ P. Fauchille. La diplomatie française et la ligue des neutres de 1780. Paris, 1893.

⁵¹ The Armed Neutralities of 1780 and 1800, ed. by J. B. Scott. New York, 1918.

сти, по вопросу об авторе знаменитого акта 1780 г. В числе главных претендентов называли Н. И. Панина, Екатерину II, датского министра иностранных дел графа А. Бернсторфа, прусского короля Фридриха II, министра иностранных дел Франции Верженна и др. В свое время фон Дом и граф Герц⁵² создали версию о том, что провозглашение вооруженного нейтралитета было чуть ли не случайным актом, результатом дворцовой интриги и соперничества графа Н. И. Панина и князя Г. А. Потемкина. Что касается Екатерины II, то она, по их мнению, так мало понимала действительное значение составленной по инициативе Н. И. Панина декларации, что полагала, что последняя провозглашается... в интересах Англии (?)⁵³.

Однако еще в старых русских работах (В. Лешков, В. Даневский и др.) справедливо отмечалось, что провозглашение вооруженного нейтралитета явилось естественным результатом предшествующих событий и что внутренние интересы самой России, совпадавшие в то время с общими принципами знаменитой декларации 1780 г., были причиной ее провозглашения⁵⁴.

Морская торговля России во второй половине XVIII в. находилась в основном в руках английского купечества и производилась на английских судах. Естественным стремлением России было освободиться от чрезмерной зависимости от Англии, поощрять развитие собственного и нейтрального мореплавания. В 1775 г. во внешней торговле было занято 414 кораблей (из них 17 русских и 236 английских), а в 1787 г.— уже 2015 кораблей (в том числе 141 русский и 767 английских)⁵⁵.

Следует также учитывать, что принципы декларации 1780 г. не были чем-то совершенно новым: многие из них

⁵² Ch. W. Dohm. *Denkwürdigkeiten meiner Zeit*. Hannover, 1814—1818, Bd. II, S. 100—150; Goertz, comte de. *Mémoire ou précis historique sur la neutralité armée et son origine, suivi de pièces justificatives*. Bâle, 1801.

⁵³ В числе сторонников этой точки зрения были такие компетентные лица, как Г. Мартенс, Г. Гарден, а также упоминавшийся выше К. Бергбом (см. C. Bergbom. *Op. cit.*, S. 239—247).

⁵⁴ В. Лешков. Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли. М., 1841, стр. 105—107; В. Даневский. Исторический очерк нейтралитета. М., 1879, стр. 69—77.

⁵⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956, стр. 128 и др.

уже ранее встречались в договорных актах (характерно, что в самой декларации имеется ссылка на торговый договор с Англией 1766 г.), дипломатической переписке, трудах ученых-юристов и т. д. Известно, например, что ответ графа Бернсторфа русскому правительству от 29 сентября 1778 г. по вопросу о защите морского судоходства в соответствии с определенной системой принципов, основывался на материалах, представленных в МИД Дании известным юристом Максом Хюбнером⁵⁶.

Наконец, особо следует отметить, что русская декларация 1780 г. по сути дела отстаивала тот же принцип, который в 1776 г. по предложению Д. Адамса одобрил Континентальный конгресс США («свободные корабли, свободные товары»), т. е. право свободной торговли нейтральных стран во время войны любыми товарами за исключением прямой военной контрабанды⁵⁷. Позднее этот принцип получил отражение в тексте упоминавшегося выше торгового договора между Францией и Соединенными Штатами 1778 г. В этой связи объективно оказывалось, что русское правительство, провозглашая декларацию о вооруженном нейтралитете, отстаивало (разумеется, в силу своих собственных интересов) один из принципов, во имя которых сражались восставшие колонисты в Америке. Не случайно поэтому много лет спустя президент США Д. Мэдисон писал о вооруженном нейтралитете как об «американской доктрине», подчеркивал, что его провозглашение в 1780 г. составило «эпоху в истории морского права», и отмечал, что Соединенные Штаты «особо заинтересованы» в его поддержке⁵⁸.

В том, что принципы вооруженного нейтралитета были подготовлены предшествующими событиями, развитием теории морского права и практикой торгового мореплавания, заключаются причины широкого признания декларации 1780 г. и ее значение в истории международных отношений. Ссылки в литературе на то, что русское правительство будто бы не понимало значения предприня-

⁵⁶ S. F. Bemis. The Diplomacy of the American Revolution, p. 151.

⁵⁷ См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 229—230, 235, 243.

⁵⁸ Д. Мэдисон — Ингерсолу, 28 июля 1814.— Writings of James Madison, ed. by G. Hunt, Vols. I—IX. New York — London, 1900—1910 (далее: J. Madison. Writings), Vol. VIII, p. 282—286.

гого им акта, а Екатерина II полагала даже, что оказывает своей декларацией услугу Англии, не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Действительно, само британское правительство, как мы видели, все эти годы не оставляло мысли о возможной поддержке со стороны России. Не далее как 5 ноября 1779 г. «искренне любящий брат» Екатерины II английский король Георг III просил о демонстрации русских морских сил, которые могли бы, по его словам, «восстановить и укрепить спокойствие Европы, рассеять организовавшуюся против меня (т. е. Георга III.— Н. Б.) лигу и утвердить систему равновесия, которую эта лига стремится уничтожить»⁵⁹.

Екатерина II произвела такую демонстрацию, послав эскадру в Северное море и провозгласив декларацию о вооруженном нейтралитете, но эта демонстрация была не в пользу, а против Великобритании. В литературе часто ссылаются на то, что сама Екатерина в беседе с Д. Гаррисом 7 (18) декабря 1780 г. заметила: «Какой же вред причиняет вам вооруженный нейтралитет, или, лучше сказать, вооруженный нуллитет?»⁶⁰.

В донесениях в Лондон Д. Гаррис приложил немало сил, чтобы всячески очернить декларацию о вооруженном нейтралитете, а также принизить ее значение. Но, как не без оснований писал Ф. Мартенс, «остроумный английский дипломат не заметил, что, называя свой грандиозный план пустяками или ничтожеством, Екатерина II и успокаивала его, и смеялась над ним»⁶¹.

Несмотря на обилие упоминаемых в литературе лиц, которым приписываются большие, а иногда исключительные заслуги в подготовке провозглашения вооруженного

⁵⁹ Георг III — Екатерине II, 5 ноября 1779 г.— *Diaries and Correspondence of James Harris*, Vol. I, p. 265; История дипломатии, 2-е изд., т. I. М., 1959, стр. 394.

⁶⁰ Д. Гаррис — Стормонту, 13 (24) декабря. Запись беседы от 7 (18) декабря.— *Diaries and Correspondence of James Harris*, vol. I, p. 355.

⁶¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX (X), стр. 297. В целом Ф. Мартенс, хотя и дает интересное, документированное изложение истории провозглашения вооруженного нейтралитета, однако склонен чрезмерно переоценивать личную роль Екатерины, которой он по существу полностью приписывает главное, если не исключительное авторство. К преувеличению роли императрицы склонна и И. Мадариага (см. I. de Madariaga. *Op. cit.*, p. 173 ff.).

нейтралитета, и тщательность проведенных исследований, действительная роль отдельных деятелей (например, Ф. У. Т. Эпинуса) до настоящего время оставалась иногда не вполне ясной. Мало известна также роль П. Бакунина в непосредственной подготовке проекта декларации, хотя на этот счет имеются свидетельства С. Р. Воронцова и самой Екатерины II⁶². До последнего времени вне поля внимания ученых осталась и деятельность русского посланника в Гааге Д. А. Голицына⁶³. Между тем ему-то в известной мере принадлежит если и не решающая, то все же довольно существенная роль как в подготовке провозглашения вооруженного нейтралитета, так и в установлении первых русско-американских дипломатических контактов⁶⁴.

Интересная и своеобразная фигура Д. А. Голицына занимает в истории русской дипломатии не совсем обычное место. Человек широкого кругозора, разносторонне образованный, автор работ по теории электричества, по минералогии, географии, политической экономии и философии, князь Дмитрий Алексеевич Голицын занимал в 1762—1768 гг. пост посланника в Париже, а затем был переведен в Гаагу. Он состоял почетным членом нескольких академий и научных обществ (в том числе Академии наук в С.-Петербурге, Берлине, Стокгольме и др.), являлся другом Вольтера, Дидро, Мерсье де ла Ривьера, и особенно был близок к физиократам. Именно ему принадлежит заслуга посмертного опубликования в 1773 г. знаменитой книги философа-материалиста К. А. Гельвеция «О человеке» (*De l'homme*), а также разработка радикального по тем временам, хотя и очень ограниченного в принципе, проекта отмены крепостного права в

⁶² См. Архив кн. Воронцова, кн. 9, стр. 133; Дневник А. В. Храповицкого, стр. 485.

⁶³ Это относится даже к такому осведомленному исследователю, как Ф. Рено, который ошибочно полагал, что русская политика в отношении Голландии была пассивной (*F. Renaut. Les Provinces Unies et la Guerre d'Amérique, 3 Vols. Paris, 1924—1932*).

⁶⁴ Мы считаем своим приятным долгом отметить, что впервые на роль Д. А. Голицына обратила наше внимание Ю. Я. Мошковская, которой принадлежит и основная заслуга в выявлении обширных архивных материалов по этому вопросу. Деятельность Д. А. Голицына, хотя и неполно (с учетом только голландских источников), освещается также в работе И. Мадариаги (*I. de Madariaga. Op. cit., p. 151—154, 160, 168—169*).

России, предусматривавшего освобождение крестьян за выкуп и без земли⁶⁵.

Не останавливаясь подробно на сложных и во многом противоречивых взглядах Д. А. Голицына, отметим, что по своей классовой сущности они отражали дворянский либерализм XVIII в.⁶⁶ В конечном итоге он был сторонником развития сельского хозяйства по тому пути, который мы теперь назвали бы «прусским». Ограниченность и противоречивость взглядов Д. А. Голицына были связаны с тем, что, объективно отражая развитие капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнической формации, он стремился направить его в интересах дворянства, к которому сам принадлежал.

Находясь в Гааге, Д. А. Голицын систематически поддерживал контакты с американскими агентами, сначала с Ш. Дюма, а затем с Д. Адамсом, переписывался с Б. Франклином и даже получил выговор из С.-Петербурга за пересылку портрета Г. Вашингтона, который Екатерина распорядилась вернуть обратно⁶⁷. В мае 1782 г. ему было также дано строгое предписание воздерживаться от официального признания Д. Адамса как американского посланника⁶⁸.

⁶⁵ О взглядах Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу см. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. I. СПб., 1888.

⁶⁶ Подробнее см. И. С. Бак. Дмитрий Алексеевич Голицын (философские, общественно-политические и экономические воззрения).— «Исторические записки», т. 26. М., 1948, стр. 258—272.

⁶⁷ А. А. Безбородко — И. А. Остерману, 21 мая (1 июня) 1782 г.— АВПР, ф. Высочайше апробованные доклады по сношениям с иностранными державами, 1782 г., д. 8, л. 185. «С.-петербургский двор заходил в своей негибкости так далеко,— справедливо писал позднее неизвестный автор обзора о политике Екатерины в отношении США из числа сотрудников российского МИД,— что князь Голицын получил весьма резкое порицание за то, что принял и отослал полученный из Америки пакет, адресованный г-ну Дейну, который находился в С.-Петербурге в качестве путешественника с полномочиями для признания его посланником Соединенных Штатов Америки» (ЦГАДА, ф. 15, д. 214, л. 1 и сл.).

⁶⁸ И. А. Остерман писал по этому поводу 6 (17) мая 1782 г.: «В настоящее время, когда Генеральные Штаты Голландии официально признали г-на Адамса в качестве полномочного посланника Соединенных Штатов Америки, необходимо, чтобы я оповестил с-во о том, что ее и. в. не желает, чтобы Вы со своей стороны чем-либо проявили ее одобрение этого демарша. В этой связи, князь, Вам надлежит уклоняться от приема или посещения как г-на Адамса, так и всякого другого лица, аккредитованного коло-

В отличие от многих своих коллег — тупых и самодовольных царских сановников, Д. А. Голицын не только придерживался самостоятельных взглядов по ряду важных вопросов, но систематически подавал советы в С.-Петербург Н. И. Панину, И. А. Остерману и самой Екатерине II (не говоря уже о А. М. Голицыне), что не очень часто встречалось в дипломатической практике того времени.

Особый интерес для истории провозглашения февральской декларации 1780 г. представляет, в частности, письмо Д. А. Голицына Н. И. Панину от 7(18) февраля, в котором посланник подробно обосновывал проект союзного договора России и Голландии с участием также Дании и Швеции «единственно в целях защиты торговли договаривающихся держав и поддержания нейтралитета и свободы мореплавания»⁶⁹. Он сообщал об этом проекте как о плане Голландии и называл его «справедливым, разумным и правильным». «Что касается выгоды от этого договора,— писал Д. А. Голицын,— то в с-во понимает ее лучше, чем я. Англичане и немцы, захватывая все корабли Республики, до такой степени затрудняют ее торговлю, что голландцы будут вынуждены отказаться от нее, вследствие чего пострадает сбыт наших товаров, поскольку фактически с начала войны Америки с Англией одна только Россия должна поставлять воюющим державам пеньку, паруса и строительный лес. Однако именно эти товары англичане наиболее усердно отбирают у голландцев. Я должен также уведомить в с-во, что мне известно из достоверного источника, что версальский двор не будет возражать против образования союза между Республикой и нашим двором и даже между всеми северными дворами и что в настоящее время он желает мира, если только таковой будет заключен на разумных условиях, главным из которых является сво-

ниями, отделившимися от Великобритании» (АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1782 г., д. 28, л. 10). В этих действиях, формально обосновывавшихся строгим нейтралитетом помимо дипломатических соображений, вполне определенно сказались классовые симпатии царского правительства. Несколько позже это распоряжение было отменено, о чем см. ниже.

⁶⁹ Д. А. Голицын — Н. И. Панину, 7 (18) февраля 1780 г.— АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 207, лл. 35—39. (Одновременно такое же донесение было направлено и И. А. Остерману.— См. там же, лл. 41—46.)

бода торговли и мореплавания для всех европейских наций».

Подробно развивая свои мысли в письме к Н. И. Панину в марте 1780 г.⁷⁰, Д. А. Голицын отмечал: «По моему мнению, самая главная выгода, которую можно извлечь из этого, состояла бы в том, чтобы выступить в качестве посредников между воюющими державами: они не смогут отказаться от этого посредничества; императрица принудит их к миру и продиктует свои условия, как она это сделала на Тешенском конгрессе. Именно в этом состоит основная цель, которую нужно иметь в виду, заключая данный союз».

Нам трудно окончательно судить о степени влияния Д. А. Голицына на провозглашение русским правительством вооруженного нейтралитета. Во всяком случае, его советы не могли не ускорить развития событий. Обратим внимание и на любопытное хронологическое совпадение: письмо Д. А. Голицына от 7(18) февраля 1780 г., как свидетельствует надпись на нем, было получено в С.-Петербурге 26 февраля (8 марта) 1780 г., а уже на следующий день, 27 февраля (9 марта), была подписана знаменитая декларация о вооруженном нейтралитете. Русское правительство выступило инициатором создания лиги нейтральных держав для защиты торгового мореплавания. Мы далеки от того, чтобы делать какие-либо категорические выводы из простого хронологического совпадения. Письмо Голицына явилось, так сказать, последней каплей, переполнившей уже наполненную до краев чашу. Нет сомнений также и в том, что деятельность Д. А. Голицына в Гааге заслуживает специального внимания историков.

— Действия России имели немалое значение для улучшения международного положения Соединенных Штатов, подрыва морского могущества Англии и ее дипломатической изоляции. Высокую оценку вооруженного нейтралитета дал Б. Франклин, писавший американскому агенту в Голландии Ш. Дюма в июне 1780 г.: «Я весьма одобряю принципы конфедерации нейтральных держав и хотел бы не только уважать суда как приятельский дом, хотя бы и вмещающий товары противника, но и желал бы во имя человечества, чтобы международное

⁷⁰ Д. А. Голицын — Н. И. Панину, 3(14) марта 1780 г. — АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 206, лл. 3—6.

право было дополнено постановлением, гласящим, что даже в военное время всем людям, трудящимся над доставлением пропитания другим или над обменом предметов первой необходимости или удобств для общего блага человечества, как хлебопашцам на своих нивах, рыбакам на своих ладьях и купцам на невооруженных судах, было разрешено продолжать разную свою невинную и полезную деятельность без перерывов и помех и чтобы у них ничего не было отнято, даже если это будет нужно неприятелю, без надлежащей оплаты за все у них взятое»⁷¹.

Характеризуя благоприятную для США международную обстановку, сложившуюся после провозглашения вооруженного нейтралитета, Г. Вашингтон отмечал, что декларация России, к которой присоединились все другие государства Европы, унижает «гордость и силу Великобритании на море»⁷².

Исключительно высокую оценку декларации России давал Д. Адамс, рассматривавший ее чуть ли не как более неприятный для Англии акт, чем объявление войны. В частности, в письме президенту Континентального конгресса США от 26 апреля 1780 г., основываясь на материалах английских газет и прений в парламенте, Д. Адамс сообщал об огромном недовольстве в Англии провозглашением Россией вооруженного нейтралитета. Вместе с тем он считал, что исправление международного права, к которому стремится русское правительство, будет выгодно для всех стран, и особенно для США⁷³.

В сентябре-октябре 1780 г. декларация о вооруженном нейтралитете стала предметом специального рассмотрения Континентального конгресса США. На заседании 26 сентября 1780 г. Р. Ливингстон внес предложение признать, что содержащиеся в русской декларации правила «полезны, разумны и справедливы». Как и другие члены конгресса, он считал, что декларация России

⁷¹ Б. Франклин — Ш. Дюма, 5 июня 1780 г. — В. Franklin. Writings, Vol. VIII, p. 82. Копия письма Франклина была, по-видимому, передана Д. А. Голицыну Ш. Дюма и прилагалась к донесению от 27 мая (7 июня) 1780 г. — АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 208, л. 36.

⁷² G. Washington. Writings, Vol. 20, p. 122.

⁷³ Д. Адамс — президенту Континентального конгресса США, 26 апреля 1780 г. — F. Wharton (ed). Correspondence..., Vol. III, p. 632—633.

заслуживает «самого неотложного внимания поднимающей республике» (the earliest attention of a rising republic)⁷⁴.

В соответствии с рекомендациями комитета, созданного для рассмотрения этого вопроса, 5 октября 1780 г. Континентальный конгресс принял специальное постановление, полностью одобряющее декларацию Екатерины II как основанную «на принципах справедливости, беспристрастности и умеренности». Постановление предусматривало подготовку соответствующих инструкций для военных судов США⁷⁵, а также уполномочивало американских представителей за границей присоединиться к провозглашенным Россией принципам⁷⁶.

Пересылая решение Континентального конгресса Д. А. Голицыну, Д. Адамс писал 8 марта 1781 г., что он счастлив «быть орудием формального обязательства Соединенных Штатов Америки в верности преобразованию международного морского права, делающему такую честь нынешнему веку»⁷⁷. Это письмо в литературе считают первым дипломатическим документом в истории отношений между Россией и США⁷⁸. С формальной стороны это, по-видимому, правильно. Следует иметь в виду, однако, что еще ранее это решение вместе с прелестествовавшими ему дебатами в Континентальном конгрессе было направлено Д. А. Голицыну Ш. Дюма, о чем свидетельствует заверительная надпись на присланном документе: «Ш. В. Ф. Дюма, агент Соединенных Штатов»⁷⁹. Если же иметь в виду встречи русских диплома-

⁷⁴ «Journals of the Continental Congress, 1774—1789», Vol. XVIII, Sept. 7—Dec. 29, 1780. Washington, 1910, p. 866.

⁷⁵ Эти инструкции были даны 27 ноября 1780 г. (см. E. Albrecht. Die Stellung der Vereinigten Staaten von Amerika zur bewaffneten Neutralität von 1780.—«Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht», Bd. VI, Ht. 5 und 6, 1913, S. 443).

⁷⁶ Решение Континентального конгресса США от 5 октября 1780 г. — «Journals of the Continental Congress, 1774—1789», Vol. XVIII, p. 905—906. Об одобрении Соединенными Штатами декларации России о вооруженном нейтралитете было сообщено и в русской печати (см. «С.-Петербургские ведомости», 1781, № 17).

⁷⁷ Д. Адамс — Д. А. Голицыну, 8 марта 1781 г.—АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1781 г., д. 218, л. 24.

⁷⁸ См., например, E. Hölzle. Op. cit., S. 36.

⁷⁹ Из протоколов Континентального конгресса США за 1 сентября — 5 октября 1780 г.—АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1781 г., д. 218, л. 26.

тов с американскими представителями, то здесь наиболее благоприятные возможности были, конечно, у И. С. Барианского, который вступил по поручению Н. И. Панина в «партикулярные» переговоры с Б. Франклином еще в конце 1779 г. в связи с известиями о появлении иностранных судов в районе Чукотского полуострова⁸⁰.

→ Учитывая значение благожелательной позиции России в войне США за независимость и высоко оценивая провозглашение Екатериной II вооруженного нейтралитета, Континентальный конгресс принял в середине декабря 1780 г. решение о необходимости послышки в С.-Петербург американского дипломатического представителя. Для подготовки полномочий и инструкций новому посланнику была создана комиссия в составе Д. Дуана, Д. Уитерспуна и Д. Мэдисона, а в качестве кандидатов на вакантный пост были выдвинуты Ф. Дейна, А. Ли и полковник А. Гамильтон⁸¹.

Избранным на пост посланника 19 декабря 1780 г. оказался Ф. Дейна — «бывший делегат в конгрессе от штата Массачусетс и член совета указанного штата»⁸². В тот же день председатель Континентального конгресса С. Хантингтон подписал соответствующие инструкции, полномочия и верительную грамоту новому посланнику⁸³. «Великая цель вашей миссии,— указывалось в этих инструкциях,— заключается в том, чтобы заручиться расположением и поддержкой ее и. в. в отношении суверенитета и независимости Соединенных Штатов и заложить основу для взаимопонимания и дружественной связи между подданными ее и. в. и гражданами этих Соединенных Штатов в целях взаимной выгоды обеих стран»⁸⁴. В случае благоприятного приема Ф. Дейна должен был подписать в С.-Петербурге конвенцию о присоединении США к вооруженному нейтралитету и согласовать проект договора о дружбе и торговле.

⁸⁰ Подробнее см. главу VI.

⁸¹ «Journals of the Continental Congress, 1774—1789». Vol. XVIII, p. 1155—1156.

⁸² Ibid., p. 1166.

⁸³ Ibid., p. 1166—1173.

⁸⁴ См. инструкцию председателя Континентального конгресса С. Хантингтона Ф. Дейна от 19 декабря 1780 г.— «Journals of the Continental Congress, 1774—1789», Vol. XVIII, p. 1168—1169; F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. IV, p. 201.

Наряду с провозглашением вооруженного нейтралитета важнейшим актом русской дипломатии в эти годы было выдвижение предложений о мирном посредничестве между Англией и ее противниками. И не случайно еще в цитировавшемся выше секретном докладе коллегии иностранных дел Екатерине II от 31 июля (11 августа) 1779 г. отмечалось, что в интересах России было бы приобретение «в настоящей, все части света объемлющей войне завидной роли медиации».

В своих честолюбивых планах Екатерина II не прочь была стать «арбитром дел» при заключении мира, который «будет обнимать все части обитаемого света»⁸⁵. В этой связи одной из главных целей провозглашения вооруженного нейтралитета было стремление укрепить международный авторитет России и придать большее значение ее мирной инициативе. Касаясь этого вопроса, Н. И. Панин в докладе Екатерине II в марте 1780 г. заметил, что соединение нейтральных держав «придаст еще более важности нашим беспристрастным стараниям восстановить тишину в Европе»⁸⁶. Характерно также, что в письме Н. И. Панину от 7 (18) февраля 1780 г. Д. А. Голицын, излагая план союза нейтральных держав для защиты торгового мореплавания, в свою очередь, отмечал, что его основная цель — «положить конец войне между Англией и бурбонским домом, предложив им посредничество императрицы и Республики»⁸⁷.

Вопрос о мирном посредничестве время от времени обсуждался в дипломатических кругах в С.-Петербурге еще с декабря 1778 г. В течение 1779—1780 гг. русское правительство вновь и вновь возвращалось к этой теме и приводило лондонскому, версальскому и мадридскому дворам весьма резонные аргументы, указывая, что «расходы одной компании дороже обходятся, нежели чего

⁸⁵ Секретный доклад коллегии иностранных дел Екатерине II 31 июля (11 августа) 1779 г.— АВПР, ф. Секретные мнения, 1725—1798 гг., д. 597, л. 114.

⁸⁶ «Протокол по делу о вооруженном нейтралитете от 5 марта 1780 г., писанный рукою А. А. Безбородко».— «О вооруженном морском нейтралитете», стр. 89.

⁸⁷ Д. А. Голицын — Н. И. Панину, 7 (18) февраля 1780 г. Полный текст см. АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 207, лл. 35—39.

могут стоять приобретаемые напоследок выгоды»⁸⁸. Наконец, 16 декабря 1780 г. И. М. Симолин сделал английскому правительству официальное предложение о посредничестве (известное «*insinuation verbale*»), составленное в весьма туманных выражениях. Британский кабинет не выразил особого энтузиазма по поводу русской инициативы и предложил вести переговоры при совместном посредничестве России и Австрии. Вообще в Лондоне, равно как в Париже и Мадриде, с трудом усваивали приводимые в пользу примирения аргументы. Трезвые и расчетливые западные деятели вообще мало склонны были верить в особое «человеколюбие» Екатерины II и, что самое главное, опасались неожиданной инициативы и возрастающего влияния России, грозившей помешать выполнению их замыслов. У всех достаточно отчетливо сохранялось в памяти также заключение Тешенского договора 24 мая 1779 г., когда Россия выступила как могущественный посредник в переговорах и гарант мирного договора между Пруссией и Австрией, получив тем самым право участия в германских делах.

Не вдаваясь в сложные перипетии длительных переговоров о русском (преобразованном вскоре в австро-русское) посредничестве, отметим, что особое внимание русская дипломатия уделяла примирению Англии с Голландией, в связи с чем 30 января (10 февраля) 1781 г. И. М. Симолину и Д. А. Голицыну было предписано официально предложить добрые услуги и посредничество России⁸⁹. Позднее были подписаны манифест и верительная грамота о назначении в качестве посредников для прекращения войны между Англией и Голландией Д. А. Голицына и А. И. Моркова⁹⁰.

Для русского правительства не составляло секрета, что истинной причиной нападения Англии на Голландию было присоединение последней к системе вооруженного

⁸⁸ Екатерина II — И. М. Симолину, 27 октября (7 ноября) 1780 г. — АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., оп. 36, д. 345, лл. 15—17.

⁸⁹ См. Екатерина II — И. М. Симолину, 30 января (10 февраля) 1781 г. — АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., д. 345, лл. 90—92.

⁹⁰ Манифест о назначении Д. А. Голицына и А. И. Моркова посредниками от 18 (29) апреля 1782 г. см. ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ч. 1, д. 174. Верительная грамота от того же числа, см. там же, д. 284, лл. 1—2.

нейтралитета. По этой же причине Англия не желала заключения мира с Голландией, опасаясь, что в противном случае республика воспользуется плодами воздвигнутой Россией «новой системы в пользу торговли и кораблеплавания нейтральных народов»⁹¹.

В конечном итоге попытки склонить Англию к «вящей податливости» серьезных практических результатов не принесли. И хотя внешне между обеими странами сохранялись вполне удовлетворительные отношения, по существу не было секретом, что Англия вела открытую борьбу против созданной Россией системы вооруженного нейтралитета. Характерно в этой связи, что объектом интриг английской дипломатии стал Д. А. Голицын, писавший 7 (18) апреля 1780 г. И. А. Остерману из Гааги: «Английская партия строит дьявольские козни, чтобы все сорвать и, особенно, погубить меня. Она заявляет совершенно открыто, что, хотя намерения нейтральных держав вполне справедливы и основаны на договорах с Англией, они не устраивают лондонский двор». Д. А. Голицын с горечью сообщал далее, что о нем распространялись всякого рода «мерзости», его представляли как «интригана», «опрометчивого человека», превысившего полномочия, и т. п.⁹²

Сколь ни неприятно для Англии было возникновение системы вооруженного нейтралитета, в начале 80-х годов XVIII в. эта система стала фактом, с которым приходилось так или иначе считаться. Нельзя было полностью игнорировать и настойчивые выступления России с целью примирения сторон. И хотя посредничество в конце концов было отвергнуто, сам факт его выдвижения и неоднократные выступления России в пользу мирного урегулирования не могли не способствовать в определенной мере открытию переговоров о мире.

Особо следует сказать, что, хотя с самого начала Россия тщательно избегала какого-либо вмешательства в конфликт между Англией и ее восставшими колониями и стремилась ограничить свое посредничество европейскими делами, тем не менее и в этом щекотливом вопро-

⁹¹ См. Секретный доклад коллегии иностранных дел Екатерине II, 9 (20) апреля 1781 г.—АВПР, ф. Секретные мнения, 1742—1799 гг., д. 593, лл. 163—176 и 177—186.

⁹² Д. А. Голицын — И. А. Остерману, 7 (18) апреля 1780 г.—АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 207, л. 68 и сл.

се на Англию было оказано некоторое воздействие. Так, в середине марта 1780 г. через третьи руки Д. Гаррису было передано пожелание Екатерины II, чтобы Англия возобновила свои попытки достичь перемирия с американцами. В начале апреля «туманные и неприемлемые планы примирения» (по отзыву Д. Гарриса) развивал Н. И. Панин, подчеркивавший необходимость найти какое-либо решение американской проблемы. Несколько позже, летом 1780 г., обсуждая различные проекты примирения в беседе с французским посланником Вераком, Н. И. Панин выразил одобрение независимости Америки как выгодной для России⁹³.

Наконец, в феврале 1782 г., передавая И. А. Остерману «высочайшую волю», всесильный секретарь Екатерины II А. А. Безбородко писал, что, следуя «дружественному к короне великобританской расположению», императрица «весьма желала бы, чтобы дело между ею и селениями в Америке, от нее отложившимися, кое по сие время было единым препятствием в примирении, могло быть окончено беспрепятственным и предварительным между ними соглашением и чтобы нынешняя бытность в Голландии г-на Венворта равно как и помянутых селений емиссара *Адамса* могла дать тому повод». В соответствующих инструкциях А. И. Моркову в этой связи предлагалось одновременно подтвердить, чтобы он действовал в этом вопросе с крайней осторожностью, «не давая причины Англии заключить, будто здешний двор хотел мешаться в дела ее с американскими селениями»⁹⁴.

Первоначально, как известно, в вопросе о независимости восставших колоний английское правительство решительно отказывалось идти на какие-либо уступки⁹⁵. С течением времени, однако, этот вопрос все более от-

⁹³ См. об этом I. de Madariaga. Op. cit., p. 223—227.

⁹⁴ А. А. Безбородко — И. А. Остерману, 14 (25) февраля 1782 г. — АВПР, ф. Высочайше апробованные доклады по сношениям с иностранными державами, 1782 г., д. 8, лл. 43—44. Вице-канцлер, понятно, выполнил это распоряжение, и соответствующие инструкции Моркову были даны (см. И. А. Остерман — А. И. Моркову, 21 февраля (4 марта) 1782 г. — АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1782 г., д. 236, лл. 1—2).

⁹⁵ См., например, И. М. Симолин — Н. И. Панину, 12 (23) марта 1781 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1781 г., д. 320, лл. 157—158.

ходил в область теории: независимость восставших колоний была не только провозглашена, но и завоевана ими в трудной и длительной борьбе против метрополии. Именно эта борьба определила в конечном итоге полное торжество дела независимости. Огромное значение имела, в частности, капитуляция английских войск под командованием генерала Корнваллиса при Йорктауне 19 октября 1781 г. Поражение английских войск в Америке вызвало весной 1782 г. падение старого торийского кабинета и приход к власти вигского правительства Рокингема — Фокса. У Англии не оставалось иного выхода, кроме признания независимости США и согласия на открытие мирных переговоров.

«Когда бывшее министерство мне заявляло и повторяло, — доносил И. М. Симолин из Лондона 7 (18) июня 1782 г., — что нация скорее похоронит себя под обломками государства, чем пойдет на признание независимости Америки, то в с-во соблаговолит вспомнить — оно говорило внушительным тоном и располагало голосами избирателей до катастрофы пленения армии Корнваллиса... Событие в Чесапике создало новую обстановку и вызвало отставку упомянутого министерства. Если в то время шансы на победу и на поражение британского оружия были бы равны, я склонен думать, что упомянутое министерство продолжало бы еще существовать и не отступилось бы от своего плана покорить Америку силой оружия и с этой целью прибегнуть к самым крайним средствам»⁹⁶.

В результате переговоров американской делегации с английскими уполномоченными 30 ноября 1782 г. был заключен предварительный мирный договор. Позднее, 3 сентября 1783 г., в Версале было подписан текст окончательного договора⁹⁷. В связи с подготовкой акта подписания вновь встал вопрос об австро-русском посредничестве. На этот раз речь шла о чисто формальной стороне дела — будут ли под текстом договора стоять подписи русского и австрийского представителей. Этот процедурный момент имел тем не менее существенное значение для Соединенных Штатов, поскольку из акта

⁹⁶ И. М. Симолин — И. А. Остерману, 7 (18) июня 1782 г. Полный текст см. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1782 г., д. 332, лл. 7—10.

⁹⁷ H. S. Commager (ed.). Documents..., Vol. I, p. 117—119.

подписания договора Россией и Австрией вытекало официальное признание независимости нового государства правительствами обеих держав. Понятно поэтому, что когда министр иностранных дел Франции Верженн спросил американских уполномоченных, не хотят ли США подписать окончательный мирный договор при посредничестве с.-петербургского и венского дворов, они не замедлили ответить согласием⁹⁸. С другой стороны, английский представитель Хартли решительно отклонил это предложение.

Русский посланник в Париже И. С. Барятинский сообщил по этому поводу в С.-Петербург 13(24) августа 1783 г.: «Вчерашний день съехался я с Франклином; он всегда со мною обращается с довольною доверенностью. Между разговорами сделал я ему персонально от себя приветствие по поводу учиненного от Адамса отзыва о намерении их пригласить нас и гр[афа] Мерсия к подписанию трактата с Англией... Франклин ко мне отозвался: мы, конечно, за особенную честь всегда поставлять бы себе стали, что начало нашей независимости утвердилось, и мы все силы к тому с нашей стороны и употребляем, но мы еще в том не уверены, можем ли иметь честь, ибо г-н Гартлей, комиссар аглинский, с которым мы теперь по сему делу трактуем, в том нам упорствует, отзываясь, что Англии нет нужды ни в какой медиации»⁹⁹.

В переговорах, которые Франклин и Адамс вели с Д. Хартли и Верженном, французский министр, хотя и делал вид «строго нейтральной стороны», на деле также был против принятия посредничества, и вопрос в конце концов был оставлен. Для американских представителей не составляло секрета, что эта оппозиция проистекала из стремления Англии и Франции предотвратить укрепление международных позиций США. «Подписание договора двумя императорскими дворами (речь идет о с.-петербургском и венском дворах.— Н. Б.),— писал Д. Адамс, произвело бы глубокое и важное впечатление

⁹⁸ См. Д. Адамс — Р. Ливингстону, 9, 12 и 16 июля 1783 г.— F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. VI, p. 529, 539, 551—552.

⁹⁹ И. С. Барятинский — И. А. Остерману, (13) 24 августа 1783 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1783 г., д. 397, лл. 43—44.

в нашу пользу на добрую половину Европы, как друзей этих дворов, и на другую половину, как их врагов... Из всех бесед, которые я имел с графом Мерси и г-ном Морковым, очевидно, что оба двора желали, и их посланники были, конечно, честолюбивы, подписать наш договор. Они и их государи хотели, чтобы их имена могли бы прочитывать в Америке и чтобы их уважали там, как своих друзей»¹⁰⁰.

Не удивительно, что английская дипломатия приложила также немало усилий, чтобы воспрепятствовать успеху миссии Ф. Дейна в С.-Петербурге и предотвратить установление прямых дипломатических отношений между обеими странами. Едва только в Лондоне весной 1781 г. стало известно о назначении Ф. Дейна в С.-Петербург, британский министр иностранных дел лорд Стормонт не замедлил сообщить И. М. Симолину, что в Англии «совершенно не обеспокоены этим и считают, что нанесли бы оскорбление дружеским чувствам ее и. в. к Великобритании, если бы заподозрили у нее хоть малейшее желание принять этого нового посланника при своем дворе»¹⁰¹. Не очень полагаясь, по-видимому, только на «дружеские чувства» императрицы, Д. Гаррис предпринял в С.-Петербурге открытое давление с целью помешать успеху миссии Ф. Дейна, предупредив, что в условиях приближающейся войны с Турцией России вряд ли целесообразно «одобрить меру, которая навсегда возбудит неприязнь английской нации»¹⁰².

В этих условиях Ф. Дейну трудно было надеяться на особый успех своей миссии в С.-Петербурге, куда он прибыл под видом частного гражданина еще 27 августа 1781 г. Вместе с Ф. Дейна в качестве его секретаря в С.-Петербург приехал сын Джона Адамса, знаменитый впоследствии Джон Куинси Адамс, пробывший в России более года¹⁰³. Немного владея (в отличие от своего

¹⁰⁰ Д. Адамс — президенту Континентального конгресса, 5 сентября 1783 г.— F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 674—676.

¹⁰¹ См. И. М. Симолин — Н. И. Панину, 26 марта (6 апреля) 1781 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1781 г., д. 320, лл. 188—189.

¹⁰² Д. Гаррис — лорду Грэнтхэму, 11 марта 1783 г.— J. Hildt. Op. cit., p. 23.

¹⁰³ О своем путешествии в Россию и впечатлениях о пребывании в С.-Петербурге, иногда по-детски наивных, а иногда не по

шефа) французским языком, молодой Джон Куинси служил «переводчиком» в переговорах с французским посланником в С.-Петербурге Вераком и в меру своих сил (а ему было в то время около 15 лет) пытался облегчить незавидное положение, в котором оказался его начальник¹⁰⁴.

Несмотря на длительность своего пребывания в С.-Петербурге, осторожный Ф. Дейна не отличался особой деятельностью и долгое время не предпринимал каких-либо официальных шагов. Лишь 24 февраля (7 марта) 1783 г. после получения известий о заключении предварительного мирного договора Ф. Дейна решился наконец официально известить русское правительство о своем назначении на пост посланника США в С.-Петербурге¹⁰⁵. 12(23) апреля в беседе с Ф. Дейном вице-канцлер И. А. Остерман сообщил, что до подписания окончательного мирного договора императрица не может принять американского посланника, так как это было бы несовместимо с правилами нейтралитета и с принятой ею ролью беспристрастного посредника. «Коль же скоро оный трактат совершится,— заявил И. А. Остерман,— может он (Ф. Дейна.— Н. Б.) быть уверен, что тогда не будет уже настоять никакого затруднения к заведению такого с его начальниками непосредствен-

возрасту серьезных, Д. К. Адамс рассказывал в письмах к отцу Джону Адамсу и матери Абригейл Адамс. Россия показала юному дипломату загадочной страной «князей и рабов» (Princes and Slaves). Восхищаясь великолепием и роскошью столичных дворцов, он в то же время резко критиковал господствовавшие в стране порядки. «Не может быть счастлив народ, который находится в личном рабстве»,— писал молодой Джон Куинси в составленном им по возвращении из России небольшом очерке, основанном на личных наблюдениях и литературных данных. В этом же очерке он решительно осуждал систему, когда народ практически лишен возможности выехать за пределы своей страны, и одновременно отмечал огромное желание крепостных получить свободу. «Я встретил человека, который заплатил помещику за свою свободу и свободу своих детей 450 000 рублей»,— писал Д. К. Адамс и справедливо усматривал в этом факте доказательство того, как высоко ценят русские люди личную свободу (см. J. Q. Adams. Writings, Vol. I, p. 4—13; John Quincy Adams and Russia, p. 6).

¹⁰⁴ В связи с необходимостью продолжить образование Д. К. Адамс уехал из С.-Петербурга 30 октября 1782 г. (см. J. Q. Adams. Writings, Vol. I, p. 7).

¹⁰⁵ Ф. Дейна — И. А. Остерману, 24 февраля (7 марта) 1783 г. и 10 (21) апреля 1783 г.— F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 275, 390.

ного сношения». И. А. Остерман указал также на необходимость представления новой верительной грамоты¹⁰⁶.

Выдвинутые русским правительством формальные мотивы встретили решительные возражения Ф. Дейна. Особенно смущало американского посланника требование представления новой верительной грамоты. В пространном меморандуме, представленном И. А. Остерману 27 апреля (8 мая) 1783 г., Ф. Дейна указал, что США уже около 7 лет являются независимым и суверенным государством и их независимость отнюдь не проистекает от признания английского короля¹⁰⁷.

Аргументация Ф. Дейна, основанная на принципах народного суверенитета, не могла, разумеется, произвести особого впечатления (разве только отрицательно) на царское правительство. В официальном ответе Ф. Дейну от 3 (14) июня 1783 г. подтверждалось, что, хотя императрица «с чувством удовлетворения» восприняла известие о посылке официального представителя США, она может признать его только после подписания окончательного мирного договора. Вместе с тем (и это очень важно) в ответе указывалось, что не только Ф. Дейна, но и все его соотечественники, которые приедут в Россию «по торговым и другим делам», встретят «самый благожелательный прием и защиту в соответствии с международным правом»¹⁰⁸. По существу это означало признание США де-факто.

Что же касается щекотливого вопроса о времени существования США как независимого государства с юридической точки зрения, то русское правительство предпочло уклониться от рассмотрения «столь нежной

¹⁰⁶ Запись беседы Ф. Дейна с И. А. Остерманом, 12 (23) апреля 1783 г.—АВПР, ф. Сношения России с США, 1783 г., д. 1, лл. 1—4.

¹⁰⁷ Ф. Дейна — И. А. Остерману, 27 апреля (8 мая) 1783 г.— F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. VI, p. 411—415.

¹⁰⁸ И. А. Остерман — Ф. Дейну, 3 (14) июня 1783 г.—АВПР, ф. Сношения России с США, 1783 г., д. 3, лл. 1—2. «Проект словесного ответа американцу Дану относительно признания его здесь в публичном характере от Американских Соединенных Штатов» был представлен А. А. Безбородко Екатерине II и получил апробацию императрицы 29 мая (9 июня) 1783 г. (АВПР, ф. Высочайшие апробованные доклады по сношениям с иностранными державами, 1783 г., д. 9, л. 91. В английском переводе «вербальная нота» И. А. Остермана опубликована F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. VI, p. 494—495).

материи». И. А. Остерман весьма прозрачно «партикулярно» намекнул Ф. Дейну, «что, чем менее будет он входить в споры и разбирательства, тем приятнее будет его особа и тем скорее достигнет он желаемого в деле своем успеха»¹⁰⁹. Благодаря за данные ему «обнадеживания», Ф. Дейна обещал ожидать подписания окончательного мирного трактата¹¹⁰.

По иронии судьбы в то время, как в С.-Петербурге Ф. Дейна добивался официального признания, в США уже приняли решение о его отозвании. Еще 26 февраля 1783 г. Р. Ливингстон написал президенту Континентального конгресса, что он не видит причин для дальнейшего пребывания Ф. Дейна в России и не считает целесообразным иметь дипломатического представителя в С.-Петербурге даже после заключения мирного договора¹¹¹. Соответственно 1 апреля 1783 г. конгресс принял резолюцию об отзыве Дейна в США при условии, что в момент получения данной резолюции он не будет вести переговоры с русским правительством. В этом случае выражалось желание, чтобы переговоры были бы завершены до его возвращения¹¹².

Как уже отмечалось, при своем назначении в С.-Петербург в декабре 1780 г. Ф. Дейна был уполномочен подписать конвенцию о присоединении к вооруженному нейтралитету и согласовать проект договора о дружбе и торговле. В новых условиях, когда независимость США была фактически обеспечена и был подписан предварительный мирный договор, они стали меньше нуждаться в поисках новых союзников и даже опасались быть вовлеченными в систему европейской политики, в частности в связи с предложениями о присоединении к вооруженному нейтралитету, сделанными Голландией. Полномочия Ф. Дейна в части заключения соглашения о присоединении США к вооруженному нейтралитету не были

¹⁰⁹ Запись беседы И. А. Остермана с Ф. Дейна 3 (14) июня 1783 г.— АВГР, ф. Сношения России с США, 1783 г., д. 1, лл. 5—6.

¹¹⁰ Ф. Дейна—И. А. Остерману, 5 (16) июня 1783 г.— F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 495.

¹¹¹ Р. Ливингстон— президенту конгресса, 26 февраля 1783 г.— F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 264—265.

¹¹² J. Hildt. Op. cit., p. 26. Сообщая об этом решении конгресса, Р. Ливингстон отмечал, что в полномочия Ф. Дейна входит только ведение переговоров о торговом договоре, но не его подписание (см. Р. Ливингстон— Ф. Дейну, 1 мая 1783 г.— F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 403—404)

возобновлены, так как «действительные интересы этих штатов требуют, чтобы они были как можно меньше связаны с политикой и спорами европейских стран». Вместе с тем в решении от 12 июня 1783 г. отмечалось, что в целом либеральные принципы лиги нейтральных благоприятны для интересов всех стран, особенно Соединенных Штатов, и «в этой связи последним надлежит содействовать им в той мере, в которой это совместимо с основным направлением их политики»¹¹³. Получив от американского конгресса разрешение вернуться в США, Ф. Дейна 28 июля (8 августа) 1783 г. известил И. А. Остермана о своем намерении покинуть С.-Петербург. Во избежание «недоразумений» о причинах своего неожиданного отъезда Ф. Дейна счел целесообразным сослаться в письме к И. А. Остерману от 3 (14) августа 1783 г. на расстроенное здоровье и личные дела¹¹⁴.

Ф. Дейна уехал из С.-Петербурга, так и не дождавшись официального признания, которое было уже очень близко. (Окончательный мирный договор был, как известно, подписан в Версале 3 сентября 1783 г.) Но не в этом, конечно, было главное, если иметь в виду действительные причины малой результативности его миссии. Успех переговоров, естественно, затруднялся классово-неприятельской позицией царского правительства и прежде всего самой Екатерины II к мятежным республиканцам. Немалую роль играло при этом и открытое противодействие английского посланника Д. Гарриса. Вряд ли способствовали успеху миссии Ф. Дейна и «советы» его союзника — французского посланника маркиза Верака, который, по-видимому, больше всего был заинтересован в том, чтобы как можно дольше удерживать Ф. Дейна от каких-либо решительных действий¹¹⁵.

¹¹³ F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. VI, p. 482. Об отношении США к вооруженному нейтралитету см. также E. Albrecht. *Die Stellung der Vereinigten Staaten...*—*Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht*, Bd. VI, Hft. 5 und 6, 1913, S. 436—449; W. S. Carpenter. *The United States and the League of Neutrals of 1780.*—*American Journal of International Law*, Vol. XV (1921), p. 511—522.

¹¹⁴ Ф. Дейна — И. А. Остерману, 3 (14) августа 1783 г.— F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. VI, p. 656.

¹¹⁵ См. об этом переписку Верака с Дейном, Верженном и Люцерном.— F. Renaut. *Les relations diplomatiques...*, p. 119—120, 177—178, 182—183, 326 ff.

Наконец, не последнюю роль во всем этом, как нам представляется, сыграли ошибки самого Ф. Дейна, который жил в С.-Петербурге в изоляции не только от царского правительства (это еще можно как-то объяснить), но и от русского общества в целом, хотя в самом начале данных ему Континентальным конгрессом инструкций прямо указывалось, что «великая цель» его миссии наряду с достижением поддержки от Екатерины II заключается в том, чтобы «заложить основу для взаимопонимания и дружественных связей между подданными ее и. в. и гражданами Соединенных Штатов в целях взаимной выгоды обеих стран»¹¹⁶.

Ф. Дейна практически ничего не сделал, чтобы хоть как-то выполнить эту важную часть своей миссии. И в этом была его едва ли не самая крупная ошибка, которая обычно, однако, ускользает от внимания исследователей. Находясь в С.-Петербурге около двух лет, Ф. Дейна, несомненно, имел возможности завязать связи с теми кругами русского общества, которые в какой-то степени могли содействовать успеху его миссии, тем более, что в этом отношении уже имелся блестящий опыт Б. Франклина во Франции. Конечно, Франция накануне революции — это не крепостническая Россия времен Екатерины II. Рассчитывать на особый успех пуританскому дипломату не приходилось. Столь же очевидно, однако, что Ф. Дейна — это не Б. Франклин, и проникнуть в высшее общество С.-Петербурга неизвестному гражданину Массачусетса было куда труднее, чем его знаменитому коллеге — прославленному естествоиспытателю и философу в парижские салоны. Деятельность Ф. Дейна еще более затруднялась в связи с тем, что он не знал не только русского, но даже французского языка, и одно это уже не могло не сказаться во время его пребывания в С.-Петербурге самым отрицательным образом.

Заканчивая анализ позиции русской дипломатии в связи с войной США за независимость, необходимо отметить, что, хотя формального признания США как независимого государства в то время не произошло

¹¹⁶ Инструкция С. Хантингтона Ф. Дейну от 19 декабря 1780 г. — «*Journals of the Continental Congress, 1774—1789*», Vol. XVIII, p. 1168—1169; F. Wharton (ed.). *Correspondence...*, Vol. IV, p. 201.

(после заключения мира с Англией, опасаясь вовлечения в европейскую систему политики, само американское правительство не проявляло интереса к установлению дипломатических отношений с С.-Петербургом), по существу можно с полным основанием говорить о признании нового государства де-факто. На это дает право прежде всего упоминавшийся выше ответ русского правительства Ф. Дейна от 3(14) июня 1783 г., практическая деятельность русских дипломатов за границей и, наконец, официальные инструкции, полученные ими несколько позже из С.-Петербурга. Показательно, в частности, сообщение И. С. Бярятинского летом 1783 г. о том, что Б. Франклин сделал «всему дипломатическому корпусу первую визиту и все послы и посланники ему новую отдали»¹¹⁷.

Как уже отмечалось, Д. А. Голицын в свое время получил строгое предписание воздерживаться от официального признания Д. Адамса как американского посланника в Голландии. Когда же в июне 1784 г. Д. Адамс сделал русскому посланнику в Гааге С. А. Колычеву, как и другим иностранным дипломатам, сообщение о признании независимости США и подписании окончательного мирного договора, русский дипломат не уклонился от ответного визита¹¹⁸. Наконец, само правительство Екатерины II дало официальное указание русским дипломатам руководствоваться в отношениях с представителями США общепринятыми нормами, которым следуют другие беспристрастные державы, «тем паче, что по признанию независимости областей американских со стороны самой Англии ничто не препятствует уже поступать с ними, как и с другими республиками»¹¹⁹.

¹¹⁷ И. С. Бярятинский — Екатерине II, 29 июня (10 июля) 1783 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1783 г., д. 393, л. 204. Любопытным штрихом в этой связи может служить присылка Б. Франклином в сентябре 1783 г. И. С. Бярятинскому для передачи Екатерине II конституции США и медали, выбитой в честь их независимости, что и было сразу же выполнено русским посланником (см. И. С. Бярятинский — Екатерине II, 30 августа (10 сентября) 1783 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1783 г., д. 394, л. 10).

¹¹⁸ С. А. Колычев — И. А. Остерману, 7 (18) июня 1784 г.— АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1784 г., д. 271, лл. 9—10.

¹¹⁹ И. А. Остерман — С. А. Колычеву, 23 августа (3 сентября) 1784 г.— АВПР, ф. Сношения России с Голландией, 1784 г., д. 268, л. 7. На первый взгляд наш вывод о фактическом признании США правительством Екатерины II может показаться известной «модер-

Впрочем, все это до известной степени только формальные моменты. Гораздо важнее, что, как показывают изученные нами материалы, общая позиция России в трудные, критические для США годы борьбы за их свободу и независимость объективно имела определенное положительное значение для улучшения международного положения восставших колоний, для дипломатической изоляции Англии и в конечном итоге для победы США в борьбе против метрополии. Ряд документов о мирном посредничестве России свидетельствует даже о ее стремлении, выраженном, правда, очень осторожно, склонить Англию к примирению с восставшими и признанию их независимости. Речь идет, понятно, не о каких-то «симпатиях» Екатерины II и ее правительства к восставшим колониям, а о соображениях реальной политики — все возрастающем недовольстве политикой британского кабинета, стремлении императрицы играть роль арбитра в европейских делах, понимании неизбежности отделения колоний и даже заинтересованности России в образовании независимых США, поддержании европейского «равновесия», укреплении международного престижа и влияния России и т. д.

Огромное международное значение имело провозглашение Россией в 1780 г. декларации о вооруженном нейтралитете. Эта декларация, направленная своим острием против Англии, была выгодна для всех других стран, и особенно для США. Не случайно поэтому она получила одобрение Континентального конгресса США. Впоследствии на протяжении многих десятилетий защита прав нейтрального судоходства стала прочной основой русско-американского сближения. Нельзя не отметить, что принципы свободы нейтрального мореплавания, выдвинутые в декларации 1780 г. и ставшие одной из основ международного морского права, сохраняют в известной мере свое значение до наших дней.

низацией», однако приводимые документы достаточно определенно говорят сами за себя. Что же касается «модернизации», то следует обратить внимание на краткий обзор политики Екатерины II в отношении США, составленный по материалам коллегии иностранных дел ее сотрудником около 160 лет назад, в котором автор приходил по существу к аналогичному выводу (см. Обзор отношений России с США во время царствования Екатерины II. Без даты. Не ранее 1796 г. и не позднее первых лет XIX в. (установлено по тексту обзора).— ЦГАДА, ф. 15, д. 214, лл. 1—18).

**Отношение
русского общества
к американской
буржуазной революции XVIII в.**

Война за независимость в Северной Америке привлекала пристальное внимание не только Екатерины II, царского правительства и официальной дипломатии. В неизмеримо большей степени и, понятно, по совсем иным причинам революционные события в Америке волновали передовые круги русского общества, прежде всего литераторов, ученых, деятелей русского просвещения XVIII в.

В силу целого ряда объективных причин и благоприятных обстоятельств ход американской войны за независимость 1775—1783 гг. мог получить в русской печати если не более полное, то во всяком случае гораздо более правдивое и беспристрастное отражение, чем впоследствии события Великой французской революции 1789—1794 гг.¹ При этом следует учитывать и резкое отличие общей позиции царского правительства в отношении США в 1775—1783 гг. и революционной Франции в 1789—1794 гг., и особенности внутреннего развития России в соответствующие годы и, наконец, своеобразие методов управления, применявшихся самой Екатериной II в различные периоды ее царствования.

В принципе, конечно, революционная война США за независимость и буржуазная революция во Франции XVIII в. как однотипные явления вызывали резко отрицательную реакцию правящих классов как России, так

¹ Об отношении русского общества к событиям французской революции см. М. М. Штрагге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956.

и других феодально-абсолютистских государств Европы. Но это только в принципе. На практике же события в Америке затрагивали интересы прежде всего Англии, происходили где-то очень далеко за океаном и, казалось, не представляли сколько-нибудь реальной угрозы существующему строю. Напротив, грозные события 1789—1794 гг. во Франции (не говоря о том, что по своему характеру они были гораздо радикальнее американских) происходили не где-то на краю света, а в центре Европы и создавали в глазах европейских монархов непосредственную угрозу существующему порядку.

Для понимания причин более или менее объективной оценки событий американской революции в русской печати следует учитывать и сохранение в 70—80-х годах XVIII в. некоторых остатков «либерализма» Екатерины II, стремившейся таким путем замаскировать уродливые формы крепостного строя в России. Оказывая покровительство европейским просветителям, Екатерина II надеялась укрепить свое положение внутри страны, и особенно повысить свой международный престиж. Переписка с крупнейшими философами использовалась русской императрицей для распространения выгодных для нее сведений и укрепления ее авторитета в европейском общественном мнении. И хотя с «законодательными проказами», как их называла сама Екатерина, после восстания Пугачева было покончено, связи с европейскими просветителями продолжались и далее. «Умов и моды властелин» — Вольтер регулярно переписывался с императрицей вплоть до своей смерти в 1778 г. Еще более оживленной и длительной (вплоть до 1796 г.) была переписка Екатерины II с французским критиком бароном Мельхиором Гриммом, принадлежавшим к кругу энциклопедистов. Гримм был не только постоянным корреспондентом, но стал по существу доверенным лицом и агентом Екатерины II за границей, с которым императрица советовалась по самым различным вопросам и, кроме того, оказывала материальную поддержку².

От «просвещенной» царицы стремились не отстать и представители высшей аристократии. Екатерина II звала в С.-Петербург Дидро и Д'Аламбера, Г. Орлов и

² См. «Письма имп. Екатерины II барону Мельхиору Гримму». — Сб. РИО, т. 23. СПб., 1878; «Письма барона Мельхиора Гримма к имп. Екатерине II». — Сб. РИО, т. 33. СПб., 1881.

К. Разумовский приглашали к себе философа-изгнанника Руссо. Царица зачитывалась «духом законов» Монтескье, граф П. С. Потемкин переводил Руссо, княгиня Е. Р. Дашкова печатала в журнале «Невинные упражнения» отрывки из книги Гельвеция «Об уме». Находясь в Париже, княгиня не прочь была познакомиться с Б. Франклином, позавтракать у аббата Рейналя, а вечером принять у себя «целое общество», включая Дидро³. Просветительские «приказы» императрицы Екатерины не следует, разумеется, слишком преувеличивать. Увлечение западным просвещением было в конечном итоге только внешним: когда дело касалось России, отношение императрицы круто менялось. С горькой иронией Александр Сергеевич Пушкин метко и правильно заметил по этому поводу: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространявший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность»⁴.

Тем не менее в какой-то степени либеральные «приказы» императрицы создавали некоторую легальную возможность распространения в России передовой литературы и революционных идей, что было очень хорошо использовано русскими просветителями. О степени знакомства русского читателя с идеями и литературой западного просвещения XVIII в. можно судить уже по тому, что в годы царствования Екатерины было переведено около 60 отдельных, преимущественно крупных произведений Вольтера, а некоторые из них выдержали несколько изданий⁵.

Конечно, популярность Вольтера в России нельзя сравнивать с популярностью Франклина, и степень американского влияния по сравнению с французским была в то время невелика. Тем не менее мы полагаем, что имеются достаточные основания считать, что русское

³ Записки княгини Дашковой, под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907, стр. 137.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VIII. М.—Л., 1949, стр. 125.

⁵ М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество.— «Вольтер. Статьи и материалы», под ред. В. П. Волгина. М., 1948, стр. 69.

общество (во всяком случае его образованная часть) было вполне удовлетворительно осведомлено о положении в Северной Америке и характере происходивших там в 70—80-е годы событий. В распоряжении читателя находились целый ряд книг на русском языке (не говоря уже о разнообразных иностранных изданиях), множество журнальных статей и, наконец, обширный и разнообразный материал о событиях в Америке, систематически печатавшийся на страницах Московских и С.-Петербургских ведомостей.

Следует иметь в виду, что американская тема не была совершенно новой для русского читателя последней четверти XVIII в. В той или иной степени тема Америки, история ее открытия и колонизации привлекали внимание различных слоев русского общества и ранее. Достаточно вспомнить, что этой темы в различных аспектах и в разной связи касался М. В. Ломоносов. Широко известно также стихотворение А. П. Сумарокова «О Америке» (1759 г.), проникнутое взволнованным сочувствием к индейцам.

«Коснулись европейцы суши,
Куда их наглость привела,
Хотят очистить смертных души
И поражают их тела»⁶.

Вопросом появления в Северной Америке первых жителей интересовался граф Артемий Воронцов⁷. Наконец, в 1765 г. была опубликована одна из первых обстоятельных книг о Северной Америке⁸.

Этот перечень можно было бы, разумеется, продолжить: к середине 70-х годов XVIII в. в России уже накопились первоначальные сведения и существовала некоторая (хотя и весьма ограниченная) литература об Америке. Однако только после начала войны США за независимость и в результате этой войны в русском об-

⁶ «Трудолюбивая пчела», ноябрь 1759, стр. 704 (см. также А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений, под ред. Н. И. Новикова, т. IX. М., 1787, стр. 156—157).

⁷ Диссертация о вероятнейшем способе, каким образом в Северной Америке первые жители появились. С латинского на русский язык переведенная графом Артемием Воронцовым.— «Собрание лучших сочинений», ч. IV, 1762, стр. 173.

⁸ «Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей». Пер. с нем. А. Р. СПб., 1765.

шестве впервые обнаруживается серьезный и все возрастающий интерес к Америке и стало возможным говорить о действительной осведомленности русского читателя об американских событиях. И дело заключалось не только в значительном количественном росте литературы об Америке. Речь идет о том, что сами американские сюжеты, затрагивавшиеся ранее более или менее случайно, получают теперь совсем иное звучание, наполняются (косвенно, а иногда и прямо) новым, революционным содержанием. Волнующие вести из-за океана заставляют русского читателя с интересом относиться к самым различным сочинениям об Америке, даже не имевшим, на первый взгляд, прямого отношения к текущим событиям.

Значительную известность с конца 70-х годов XVIII в. получает «История Америки» видного английского историка В. Робертсона, изданная в Англии в 1777 г. «Перечень истории Америки, сочиненный г. Робертсоном, историографом е. в. короля Великобританского» печатают в 1779—1780 гг. «Академические известия»⁹. Кстати говоря, переводчик Ив. Богаевский скорее излагал, чем переводил основное содержание книги Робертсона, представлявшей для русского читателя особый интерес «по среди внимания Европы, обращенного на дела, происходящие ныне в отложившихся от Англии Американских селениях, столь упорно противящихся великобританской силе...»¹⁰

Несколько позже, в 1784 г., сочинение В. Робертсона выходит отдельным изданием¹¹.

✓ Знаменательно, что в год окончания войны США за независимость, т. е. в 1783 г., в С.-Петербурге вышла в свет первая книга русского автора, специально посвященная новому государству — Соединенным Штатам. Это была небольшая работа справочного характера

⁹ «Академические известия», ч. III, 1779, стр. 267, 391; ч. IV, 1780, стр. 19, 185.

¹⁰ «Академические известия», ч. III, стр. 267.

¹¹ В. Робертсон. История о Америке, кн. I—II. СПб., 1784. В предисловии к этому труду В. Робертсон сообщал о своей успешной поездке в Россию, где он собирал материал о географических открытиях на Северо-Западе Америки, что позволило ему сделать «обстоятельное описание об успехах и обширности Российских открытий» (см. стр. VIII—IX).

Д. М. Ладыгина, дававшая читателю общее представление об истории колонизации и современном положении в бывших английских поселениях в Северной Америке, провозгласивших свою независимость¹².

В том же году американская тематика была особенно богато представлена в изданиях Н. И. Новикова, который опубликовал, в частности, в русском переводе книги Шарля Боссю¹³ и Ф. В. Таубе¹⁴. Следует обратить внимание, что уже в самом названии книги Таубе был выделен 1776 г.— год провозглашения независимости США, а также указывалось на справедливость причин, вызвавших войну в Северной Америке. К сожалению, автор книги не был последовательным и называл в предисловии «распри между Англией и Американскими ее селениями» «противоестественными». Однако в самом тексте читатель находил следующие волнующие строки: «Вольность, благороднейшее сие естественное право разумной твари! Населила великие сии земли (речь шла об английских селениях в Америке.— Н. Б.) и учинила их могущими, богатыми и храбрыми...»¹⁵

Знакомство русского читателя с иностранной книжной литературой об Америке не ограничивалось, разумеется, только переводами. Следует учитывать, что многие лучшие зарубежные книги об Америке по цензурным соображениям так и не появились в то время на русском языке. Однако образованные круги русского общества были хорошо осведомлены об их содержании, выписывали их из-за границы и читали в оригинале.

¹² Д. М. Ладыгин. Известие в Америке о селениях аглицких, в том числе ныне под названием Соединенных Провинций, выбрано перечнем из новейших о том пространно сочинителей. СПб., 1783. Характерно, что уже в самом заглавии книги автор отразил новое наименование государства, возникшего на месте старых английских колоний в Северной Америке — «Соединенные Провинции». Его заслугой следует также признать пропаганду мысли о целесообразности установления и развития торговых связей России с новым государством (см. стр. 58—59).

¹³ Ш. Боссю. Новые путешествия в Западную Индию..., ч. I—II, пер. с франц. М., 1783.

¹⁴ Ф. В. Таубе. История о аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныѣ в древние, средние и новейшие времена до 1776 года; с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке и прочих тому подобных вещей до 1776 года. Пер с нем. М., 1783.

¹⁵ Там же, стр. 121 (примечание).

Характерным примером в этом отношении может служить знаменитое сочинение аббата Рейналя «Философская и политическая история поселений и торговли в обеих Индиях»¹⁶, многократно издававшаяся в 70-х годах XVIII в. и дополненная в 1780 г. главами об американской революции. Необычайное разнообразие затрагиваемых сюжетов, политическая актуальность, критика феодально-абсолютистского строя и разоблачения колониальной политики европейских монархий в сочетании с блестящим литературным мастерством автора поставили «Историю обеих Индий» Г. Рейналя в ряд наиболее популярных произведений европейского просвещения. В многотомном труде аббата Рейналя читатель наряду с пропагандой американской революции находил беспощадное разоблачение крепостнического строя в России. И хотя в деталях Рейналь мог, конечно, ошибаться, его страстная критика системы политического и гражданского рабства звучала смелым призывом к насильственному свержению старого порядка¹⁷.

Не удивительно поэтому, что передовые общественные круги России и царское правительство отнеслись к книге аббата Рейналя совершенно по-разному. Екатерина II получила главы об американской революции еще в рукописи летом 1780 г. и заметила в письме к своему постоянному корреспонденту барону М. Гримму, что «американская грамота исполнена декларациями, в которых слишком мало разумного и слишком много неуместной дерзости» и что у нее «менее чем когда-либо времени на почти бесполезное чтение»¹⁸. Время для чтения, очевидно, все же нашлось, поскольку в письме 1 (12) апреля 1782 г. Екатерина II вновь упоминает о «пустых разглагольствованиях против нас аббата Рейналя», а спустя несколько дней уже с явным раздраже-

¹⁶ G. T. Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, 10 vols. Genève, 1780—1781. Главы, посвященные американской революции, выходили и отдельным изданием (см. G. T. Raynal. Révolution de l'Amérique. Londres — La Haye, 1781).

¹⁷ Подробнее о работе Г. Рейналя и ее распространении в России см. Л. Лехтблау. Из истории просветительной литературы в России. — «Историк-марксист», 1939, № 1 (71), ст. 197—202.

¹⁸ Екатерина II — Гримму, 24 июля (4 августа) 1780 г. — Сб. РИО, т. 23, стр. 183 (бук. — «la pancarte américaine rempli de déclarations de peu de sagasse et de beaucoup de hardiesse déplacée»).

нием на своем родном языке добавляет, что аббат Рейналь «квакает и лжет» (quackt und lügt)¹⁹.

Совсем по-иному, однако, оценила сочинение аббата Рейналя русская общественность. Сошлемся, в частности, на мнение видного литератора, редактора «Академических известий» П. И. Богдановича, упоминавшего о переводе книги Рейналя, сделанном И. П. Хмельницким. П. И. Богданович отмечал, что «нигде нельзя почерпнуть столь беспристрастных и столь основательных известий о таковых предметах, как в прекрасной Философической и политической истории о селениях и торговле европейцев в обеих Индиях, переведенной на российский язык Ив. Парф. Хмельницким», и выражал уверенность, что книга, «без сомнения, будет в непродолжительном времени издана в свет»²⁰. «В непродолжительном времени» издать перевод книги Рейналя по вполне понятным причинам не удалось. Потерпел неудачу и ряд других попыток осуществить издание книги Рейналя на русском языке в XVIII в.²¹

Но если можно было запретить опубликование перевода книги Рейналя и даже конфисковать и сжечь уже вышедшие экземпляры, как это сделало во Франции правительство Людовика XVI в 1781 г., то остановить распространение революционных идей было нельзя.

В какой-то мере известия о запрещении книги Рейналя привлекали к ней дополнительное внимание читателей и способствовали ее популярности, а карательные меры французских властей были малоэффективны. «Никто почти не принес на истребление запрещенную сию книгу, и сочинителю даны способы уехать в Англию»,—

¹⁹ Екатерина II — Гримму, 1—4 (12—15) апреля 1782 г. — Сб. РИО, т. 23, стр. 231, 235. К стати говоря, Екатерина II была знакома и с более ранним вариантом работы Рейналя и еще в конце 1774 г. поручала графу Миниху прочитать раздел о России и сделать свои замечания (см. Екатерина II — Гримму, 21 декабря 1774 г. (1 января 1775 г.) — Сб. РИО, т. 23, стр. 13).

²⁰ П. И. Богданович. О Америке. — «Академические известия», ч. VIII, 1781, стр. 671—672.

²¹ Лишь много лет спустя, в начале XIX в., учитывая непрекращавшийся интерес русской общественности к сочинению Рейналя, препарированный «перевод» этой работы был, наконец, издан «по высочайшему повелению» (см. «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, сочиненная аббатом Рейналем», пер. с франц. (Григория Городчанинова), ч. 1—6. СПб., 1805—1811.

сообщали «С.-Петербургские ведомости» летом 1781 г.²² Как правило, французский оригинал сочинения Рейналя (иногда в нескольких изданиях) был представлен во всех крупных книжных собраниях Москвы и С.-Петербурга и его можно было приобрести в свободной продаже. Так например, 13 (24) ноября 1781 г. в «Московских ведомостях» было помещено объявление, что в С.-Петербурге «у купцов Куртенера Реннбера и компании» «на сочинения славного аббата Рейналя» открыта подписка²³.

Примерно в это же время в газетах можно было прочитать еще более интересное объявление относительно возможности выписать собрание американских законодательных актов: «Пишут из Филадельфии от 28 июля, что недавно в сем городе, по определению американского конгресса, напечатано собрание разных сего конгресса актов, относительно к новому правлению тринадцати Соединенных Американских Провинций, а именно: 1. Конституции разных независимых штатов в Америке. 2. Декларации о независимости помянутых штатов. 3. Статьи Конфедерации между сими штатами. 4. Трактаты, заключенные между е. в. королем французским и Соединенными Американскими Штатами. Сие собрание составляет 226 страниц в 8-ю долю листа, и охотники могут выписать оное из Голландии»²⁴.

В целом возможности ознакомления с лучшими зарубежными изданиями у русского читателя в эти годы все более расширяются. Резко возрастает число книжных магазинов: если в С.-Петербурге в 1768 г. существовала только одна книжная лавка, то за 30 последующих лет открылось еще 29. В Москве в конце XVIII в. существовало уже 20 книжных магазинов и в провинции — 17²⁵.

²² «С.-Петербургские ведомости», 22 июня (3 июля) 1781 г., № 50.

²³ «Московские ведомости», 13 (24) ноября 1781, № 91.

²⁴ «С.-Петербургские ведомости», 26 октября (6 ноября) 1781 г. № 86.

²⁵ Книжная торговля, под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.—Л., 1925, стр. 98. Широкое развитие книжной торговли стало особенно пугать царские власти в 90-е годы XVIII в., после начала революции во Франции. Князь А. А. Прозоровский не без оснований жаловался Екатерине II в письме от 20 (31) мая 1792 г., «что все какие только во Франции печатаются книги здесь скрытно купить можно» и просил «положить границы книгопродавцам книг

При всем значении книжной литературы в формировании представлений русского читателя об Америке и происходивших там событиях это был не единственный и даже не главный источник информации. Гораздо более важными были обширнейшие материалы, опубликованные в русской периодической печати того времени. Именно периодическая печать, отчасти журналы, и особенно газеты (Московские и С.-Петербургские ведомости), являлись в то время основным источником сведений русского читателя о событиях в Америке, и именно в них мы находим наиболее важные материалы о ходе революционной войны США за независимость.

Текущая информация о важнейших событиях в Америке, больше всего интересовавшая тогдашнего читателя, естественно, попадала в книжную литературу с большим опозданием²⁶. Большими возможностями располагала в этом отношении периодическая печать. Американская тематика привлекала внимание самых различных журналов: среди них можно отметить близкий к академическим кругам журнал «Собрание новостей», издававшийся И. Ф. Богдановичем в 1775—1776 гг., умеренно либеральный «С.-Петербургский вестник» Г. Л. Брайко, выходивший в 1778—1781 гг., «Академические известия» (1779—1781 гг.), редактировавшиеся П. И. Богдановичем и, наконец, особенно новиковское «Прибавление к «Московским ведомостям»» (1783—1784 гг.)²⁷. Позднее, в 90-

иностранных». Своим последним официальным постановлением 16 (27) сентября 1796 г. Екатерина II установила строгий досмотр литературы из-за границы, а в конце царствования Павла I, в апреле 1800 г., последовал полный запрет на ввоз иностранных книг в Российскую империю (см. В. В. Сиповский. Из прошлого русской цензуры.— «Русская старина», т. 98, 1899, стр. 164—166. 451).

²⁶ Более или менее систематическое описание войны английских колоний в Северной Америке за независимость появилось в русском переводе лишь в 1790 г. в виде приложения к книге Купера по истории Англии. «Сокращенная аглинская история с древнейших до нынешних времен, сочиненная г. Купером, по распоряжению графа Честерфильда, с присовокуплением в дополнение из другого автора описания войны Англии с Соединенными Американскими Областями», пер. с англ. СПб., 1790, стр. 171—238. Как видно из посвящения Е. Р. Дашковой, автором перевода был Иван Ливотов.

²⁷ Подробную характеристику упоминаемых журналов см. в кн: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 320, 326, 348, 413.

годы XVIII в. значительный материал о Соединенных Штатах можно было найти в «Политическом журнале», издававшемся при Московском университете П. А. Сохацким в переводе с немецкого.

«Собрания новостей» И. Ф. Богдановича систематически помещали обзоры иностранной информации, в которых видное место уделялось известиям о начавшемся восстании в североамериканских колониях Англии. Хотя в целом в журнале преобладали английские сообщения, в некоторых статьях читатель знакомился с материалами из французских и даже американских источников²⁸.

В 1781 г. «Академические известия» поместили «Описание стран, войною объятых», где основное внимание уделялось войне США и Англии, а также всячески превозносилась Екатерина II и система вооруженного нейтралитета²⁹. В том же году редактор журнала П. И. Богданович на протяжении шести номеров публиковал пространную статью «О Америке»³⁰, основанную, по-видимому, на ряде французских сочинений и, в частности, книге Рейналя.

Но если в журналах сообщения о войне США за независимость носили в известной мере случайный характер и публиковались не регулярно (да и сам срок издания большинства журналов был ограничен часто несколькими годами, а в некоторых случаях даже месяцами), то в обеих столичных газетах — С.-Петербургских и Московских ведомостях начиная с 1775 г. регулярно помещался огромный материал, дававший систематическое представление о ходе военных действий, общей международной обстановке и внутреннем положении восставших.

Советские исследователи, сначала А. И. Старцев и

²⁸ См., в частности, «Выписку из писем некоторого филаделфийского жителя к своему приятелю Барбе ди Бург в Париже». — «Собрание разных сочинений и новостей», март 1776, стр. 14—15.

²⁹ «Академические известия», ч. VII, 1781, стр. 244—254.

³⁰ П. Богданович. О Америке. — «Академические известия», ч. VII, 1781, стр. 225, 363, 528; ч. VIII, 1781, стр. 646, 784, 934. Эта работа в основном была посвящена испанским владениям в Америке и лишь в самом конце (ч. VIII, стр. 934 и далее) П. Богданович обращался к положению в «аглинских селениях». Важно отметить, однако, что автор осуждал «пагубное самовластие» и видел в нем причину распространения в английских колониях «на краю Нового света» драгоценной вольности

относительно недавно М. Н. Шпрыгова³¹, уже обращали внимание на значение богатых материалов, публиковавшихся в русской периодической печати в связи с войной США за независимость, что существенно облегчает нашу задачу. Их ценные исследования не лишены, правда, некоторых недостатков и пробелов. Так, например, если А. Старцев, на наш взгляд, ошибочно отрицает наличие существенных различий в позициях Московских и С.-Петербургских ведомостей и не выделяет специально новиковское десятилетие (1779—1789 гг.), то М. Н. Шпрыгова начинает исследование лишь с 1779 г., оставляя тем самым вне поля своего внимания предшествующие годы. Между тем очевидно, что использование материала 1775—1779 гг. позволило бы ярче оттенить и проанализировать то новое, что позднее внес Н. И. Новиков, став с 1779 г. редактором «Московских ведомостей», и в то же время не принижать значение предшествующего периода.

При общей оценке содержания обеих русских газет (кроме С.-Петербургских и Московских ведомостей других газет в стране не было) следует учитывать, что они, хотя и издавались одна при Академии наук, а другая при Московском университете, были официальными, правительственными органами (а не частными изданиями, как многие иностранные газеты), что неизбежно накладывало определенный казенный отпечаток как на их содержание, так и на оформление. Особенно трудно, естественно, приходилось издателям с.-петербургской газеты. (В 1776—1782 гг. ее редактировал упоминавшийся выше известный литератор екатерининского времени Ипполит Федорович Богданович³².) Казенная атмосфера царской столицы, близость двора и цензурные рогатки не могли не сказываться на содержании с.-петербургского официоза.

Нельзя не обратить внимание также еще на одну особенность русской печати того времени: при просмотре газет и журналов XVIII — начала XIX в. сразу же бро-

³¹ М. Н. Шпрыгова. Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» Н. И. Новикова. — «Науч. док. высшей школы. Ист. науки», 1961, № 3, стр. 74—89; А. Старцев. Америка и русское общество. М., 1942; его же. Американская война за независимость в русской печати конца XVIII в. — «Историческая литература», 1940, № 5—6 и другие работы.

³² Об И. Ф. Богдановиче см. «Русский архив», 1911, № 9, стр. 108—116.

сается в глаза преобладание переводного материала. Для современного исследователя часто представляется затруднительным определить, где он имеет дело с авторским текстом, а где с переводом, как отделить автора от переводчика, что является оригинальным и что заимствованным. Преобладание переводной литературы не было, конечно, случайным: то, о чем нельзя было писать в крепостнической России от своего имени, можно было в завуалированной форме высказывать от имени иностранного автора. Уже сам выбор темы, и особенно отбор материала для перевода, позволяет в ряде случаев судить об общем направлении того или иного печатного органа, взглядах издателя или переводчика.

Обе русские газеты уделяли событиям в Америке значительное внимание еще до начала открытой вооруженной борьбы североамериканских колоний Англии против метрополии. Материалы, помещавшиеся в них, прямо подводили читателя к мысли о серьезности конфликта Англии с ее американскими селениями и неизбежности вооруженного столкновения. Так, в сообщении из Лондона от 20 января 1775 г. после упоминания о непримиримой позиции правительства лорда Норта указывалось: «Из нижеследующего легко заключить можно, что почти неминуемо должно ожидать междоусобной брани: ибо войску, состоящему из 3000 человек в Ирландии, приказано готовиться на кораблях к походу в Америку и сверх того еще один полк легких драгунов получил такое же повеление». И далее: «...Все советы, все определения и все распоряжения клонятся к тому, чтобы укротить американцев...»³³

По мере обострения конфликта, и особенно после начала открытой вооруженной борьбы североамериканских колоний Англии против метрополии, информация о событиях в Америке становится все более регулярной и обильной. Основная информация продолжает поступать из английских источников. (Сообщения из Лондона, как правило, посвященные в это время в значительной части, а нередко и целиком, событиям в Америке, печатаются почти в каждом номере.) Вместе с тем читатель находил в ряде случаев материалы о событиях

³³ «С.-Петербургские ведомости», 13 (24) февраля 1775, № 13; «Московские ведомости», 24 февраля (7 марта) 1775, № 16.

в Америке в сообщениях из Парижа, а также из американских источников (уже в 1775 г. встречались сообщения из Бостона, Филадельфии и т. д.). Интересно отметить, что, как правило, материал в московской и с.-петербургской газетах совпадал (вплоть до конца 70-х годов), причем в Москве те же сообщения публиковались с некоторым опозданием, а иногда и с сокращениями.

Много внимания в обеих русских газетах было уделено уже первым известиям о начале военных действий. С июня 1775 г. на страницах газет появились ранее неизвестные географические названия — Лексингтон и Конкорд, где прозвучали выстрелы, возвестившие о начале войны английских колоний в Северной Америке за независимость. В сообщении из Лондона от 29 мая 1775 г., опубликованном как в С.-Петербургских, так и Московских ведомостях, отмечалось: «С прибывшим вчера сюда из Америки от генерала Гажа³⁴ нарочным получено известие, что вражда между королевским войском и бостонскими жителями напоследок дошла действительно до неприятельских действий»³⁵. Далее следовало краткое описание сражения «неподалеку от местечка Конкорды». Спустя несколько дней обе газеты упоминали о сражении 19 апреля при Лексингтоне³⁶. Наконец, подробное описание сражений у Конкорда и Лексингтона по официальным английским источникам было помещено «С.-Петербургскими ведомостями» 30 июня (11 июля) 1775 г. Это было сообщение «из Витегалья» (т. е. Уайтхолла) от 10 июля 1775 г., в котором американцы именовались не иначе, как «мятежники», и всячески расписывались их «безчеловечие и варварство». В сообщении отмечалось также, что лондонский двор «намерен нанять 10 000 немецкого войска и послать в Бостон»³⁷.

³⁴ Так в то время именовали губернатора Массачусетса генерала Гейджа.

³⁵ «С.-Петербургские ведомости», 16 (27) июня 1775 г., № 48; «Московские ведомости», 30 июня (11 июля) 1775 г., № 52.

³⁶ «С.-Петербургские ведомости», 19 (30) июня 1775 г., № 49; «Московские ведомости», 3 (14) июля 1775 г., № 53.

³⁷ «С.-Петербургские ведомости», 30 июня (11 июля) 1775 г. Это сообщение, кстати говоря, отсутствующее в «Московских ведомостях», интересно сопоставить с донесением русского посланника в Лондоне А. С. Мусина-Пушкина Н. И. Панину 1 (12) июня 1775 г. Излагая те же самые официальные английские материалы, русский посланник в Лондоне писал в несколько смягченных вы-

Преобладание сообщений из английских источников накладывало, естественно, определенный неблагоприятный для восставших колонистов отпечаток на общий тон информации о событиях в Северной Америке. При этом не могли не сказываться классовые симпатии правящих кругов России, рассматривавших восставших колонистов как «бунтовщиков» против законного монарха. Особое недовольство вызывали также действия, которые патриоты вынуждены были предпринять против внутренних врагов американской независимости, открытых сторонников английского короля, именовавшихся тори и лоялистами. Осенью 1776 г. «С.-Петербургские ведомости» поместили в этой связи сообщение, в котором указывалось: «Провинциалы или тамошняя чернь... все грабят и расхищают, и теперь многие знатные фамилии пришли от того в крайнее разорение»³⁸. Заметим, однако, что даже из этих проникнутых лютой классовой злобой к восставшим слов вдумчивый читатель мог сделать свои собственные выводы о характере происходивших в Америке событий, где война велась не только за независимость, не только против внешнего врага — Англии, но и против сторонников старого колониального режима внутри страны, против «знатных фамилий», против связанных с английской короной лоялистов.

Вообще сообщения о событиях в Америке давали русскому читателю большой материал для размышлений. Несмотря на ложь официальных английских реляций о ходе военных действий, общее впечатление оказывалось часто отнюдь не в пользу британского правительства. В газетах можно было прочесть, что «вся Америка приняла оружие» и что «королевские войска приведены, повидимому, до крайности»³⁹. Читатель узнавал о широком недовольстве народа политикой торийского кабинета

ражениях о столкновении между «королевскими и американскими провинциальными войсками». А. С. Мусин-Пушкин отмечал, что в отличие от «прежде обнародованных подробностей» в придворной газете начало военных действий «приписывается американцам, которые из домов и из скрытых мест украдкой стреляли по королевским войскам, посланным для разорения запасенных американцами военных припасов» (см. А. С. Мусин-Пушкин — Н. И. Панину, 1 (12) июня 1775 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1775 г., д. 266, лл. 92—93).

³⁸ «С.-Петербургские ведомости», 14 (25) октября 1776 г., № 83.

³⁹ «Московские ведомости», 14 (25) июля 1775 г., № 56.

Норта, о протестах английского купечества в связи с войной в Америке, о разногласиях внутри самого правительства и т. д. Так, в сообщении из Лондона от 20 июня 1775 г. говорилось: «По причине весьма критических обстоятельств, в каких ныне находится вся Англия, производят беспрестанно при дворе тайные советы; а двор каждый день от часу более видит, что большая часть народа крайне недовольна поступком министерства в рассуждении Америки. Теперь дублинское мещанство между собой советует об отправлении к королю депутатов с представлением, касающимся до американских дел, о чем уже и прежде сего слышно было: ибо оно от совершенного пресечения торгов с Америкой в крайнее приходит разорение. В таком же намерении и лондонское мещанство будет иметь 24 сего месяца собрание в ратуше; да тоже самое вскоре учинят и торгующие в Америку купцы»⁴⁰.

Как бы обобщая разнообразный материал о событиях в Америке, обе газеты поместили следующее сообщение: «Из Америки много пришло известий, но которые все почти одного содержания. Оные объявляют о единодушии всех селений, о постановлении американской силы против королевского войска, о жалобах г-нерала Гажа, что вся страна против него вооружилась, что у него и у королевского войска отнята способность, и ничего не дают ему из съестных припасов, хотя вся страна избыточествует оными»⁴¹.

Английское правительство и консервативная пресса настойчиво стремились представить восставших колонистов в самом черном свете как «бунтовщиков», «мятежников» и «разбойников». Между тем русский читатель узнавал, что представителем этих «бунтовщиков» во Франции являлся «славный доктор Франклин», имя которого было хорошо известно во всем мире уже с середины XVIII в. Но если раньше о нем знали прежде всего как о выдающемся ученом — изобретателе громоотвода, то теперь он олицетворял в передовом общественном мнении новое государство, поднявшееся на борьбу за свою независимость против Англии. С конца 1776 — начала 1777 г. имя «славного доктора» не сходит со страниц обе-

⁴⁰ «С.-Петербургские ведомости», 7 (18) июля 1775 г., № 54; «Московские ведомости», 17 (28) июля 1775 г., № 57.

⁴¹ «С.-Петербургские ведомости», 14 (25) июля 1775 г., № 56; «Московские ведомости», 28 июля (8 августа) 1775 г., № 60.

их русских газет. Читатель узнавал интересные подробности о его прибытии сначала в Нант, а затем в Париж, о знакомстве с выдающимися французскими просветителями и посещении им престарелого Вольтера, о тайных переговорах с французским правительством и, наконец, о заключении франко-американского союза 1778 г., признании Франклина в качестве официального представителя «Американских Соединенных Селений» и торжественном приеме в Версале⁴².

Знакомясь с этими материалами, наблюдательный современник, естественно, мог составить свое собственное заключение об американских «мятежниках», чьим представителем в Европе являлся всемирно известный ученый, друг Вольтера, Дидро и других выдающихся французских просветителей. В конечном итоге, несмотря на ложь официальных английских бюллетеней, правда о действительном ходе войны в Америке становилась так или иначе известной русскому обществу, а сообщения о наиболее крупных поражениях королевских войск приобретали в этой связи особо сенсационный характер. Так было, например, когда 29 декабря 1777 г. (9 января 1778 г.) «С.-Петербургские ведомости» опубликовали известие о капитуляции королевских войск под командованием генерала Бургойна при Саратоге осенью 1777 г. В этом сообщении не только подробно излагались военные операции, закончившиеся позорной капитуляцией «генерала Бургоня», но и отмечалось, что члены английского парламента были приведены этим известием «в такое изумление, в каком были римские сенаторы по получении в сенате известия о претерпенном при Канне поражении»⁴³. Напоминание о Каннах давало читателю достаточно яркое и убедительное представление о размерах постигшей англичан катастрофы, а также о силе и искусстве американских войск.

Освещение заключительного этапа американской войны за независимость в русской печати связано с деятельностью выдающегося русского просветителя XVIII в.

⁴² Об освещении миссии Франклина в Париже в русской печати см. А. Старцев. Вениамин Франклин и русское общество XVIII века.— «Интернациональная литература», 1940, № 3—4, стр. 213 и сл.; М. И. Радовский. Вениамин Франклин..., стр. 24—33.

⁴³ «С.-Петербургские ведомости», 29 декабря 1777 г. (9 января 1778 г.), № 104.

Николая Ивановича Новикова⁴⁴. Весной 1779 г. Н. И. Новиков заключил контракт, по которому к нему в аренду поступила университетская типография сроком на 10 лет (с 1(12) мая 1779 г. по 1(12) мая 1789 г.). Вместе с типографией в его ведение поступило и издание «Московских ведомостей». С приходом Н. И. Новикова начинается новый блистательный период, подлинный расцвет газеты и всей московской печати в целом. Сам будучи выходцем из «среднего класса», Н. И. Новиков много сделал для уничтожения сословно-кастовой замкнутости русской культуры. В то время в России только еще начинал складываться «класс средних между *барином* и *мужиком*... людей, которые везде составляют истинную прочную основу государства. Из среды сего класса вышел Новиков... Он первый создал отдельный от светского круга круг образованных молодых людей среднего состояния»⁴⁵.

Энергичный и талантливый просветитель коренным образом реорганизовал московскую газету, привлек к ее изданию новых сотрудников, прежде всего из числа питомцев университета (Лихонин, Рыкачев, Попов, Степанов, Давыдовский, Петров, Малиновский)⁴⁶, значительно расширил иностранную информацию, а также добавил целый ряд приложений. С 1780 по 1789 г. выходил «Экономический магазин» под редакцией А. Т. Болотова, в 1781 г.— «Московское издание» и в 1783—1784 гг.— знаменитое «Прибавление к «Московским ведомостям»», где помещались важные политические статьи.

В результате изменений, внесенных Н. И. Новиковым, популярность газеты резко увеличилась, во много раз возросло число читателей и подписчиков, и не случайно уже в конце 1781 г. сам издатель с удовлетворением мог отметить благосклонное принятие и одобрение почтенной публики, каким она «удостаивала представленные ей со всем в новом виде против прежнего «Московские ведомости»»⁴⁷. Показательно в этой связи свидетельство

⁴⁴ Подробно о Н. И. Новикове см. Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951.

⁴⁵ Цит. по кн.: Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 35.

⁴⁶ А. Н. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802. СПб., 1874, стр. 69.

⁴⁷ «Московские ведомости», 3 (14) ноября 1781 г., № 88; Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1954, стр. 565.

Н. М. Карамзина, отмечавшего, что до Новикова «расходилось московских газет не более 600 экземпляров»⁴⁸, а с его приходом газета стала «гораздо богаче содержанием... Число пренумерантов ежегодно умножалось и лет через десять дошло до 4000». Особый интерес представляет сделанное здесь же замечание Н. М. Карамзина, что «еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят читать их. Самые бедные люди подписываются и самые безграмотные желают знать, что пишут из других земель»⁴⁹. Н. М. Карамзина трудно заподозрить в неприязни к дворянству, и его свидетельство о социальном составе читателей «Московских ведомостей» приобретает поэтому дополнительную ценность. Газету Н. И. Новикова читали не только и даже не столько «просвещенные дворяне», ее читал народ, читали купцы, мещане, представители разных сословий, люди разного материального состояния и культурного уровня.

Среди обширной и разнообразной иностранной информации «Московских ведомостей» едва ли не центральное место занимали сообщения, в той или иной степени связанные с войной, которую вела Англия против своих бывших колоний в Америке, а теперь также против Франции и Испании. С начала 1780 г. в газете печаталась обильная информация о все растущих затруднениях Англии, об открытом недовольстве в стране полигикой консервативного кабинета Норта, упрямо наставлявшего на продолжении американской войны и, в частности, приводились резкие выступления представителей вигской оппозиции в парламенте. В газете часто можно было встретить имена блестящих ораторов-вигов и прежде всего Фокса. 8 (19) января 1780 г. «Московские ведомости», подробно информируя читателей о выступлениях лидеров оппозиции, приводили заявление Фокса о том, что в английских летописях «не можно отыскать несчастливейшей и постыднейшей войны для Англии, как нынешняя»⁵⁰. В целом в 1780—1782 гг. московская газета (кстати говоря, в отличие от «С.-Петербургских ведомостей») много

⁴⁸ Ту же цифру для периода до 1779 г. называет и такой авторитетный библиограф, как А. Н. Неустров (Указ. соч., стр. 69).

⁴⁹ Н. М. Карамзин. Сочинения, т. III. СПб., 1848, стр. 545—546.

⁵⁰ «Московские ведомости», 8 (19) января 1780 г., № 3.

писала об усилении оппозиции в английском парламенте, о тяжелом положении внутри страны, об умножении национальных долгов, займов и податей, о предостережении различными группами населения петиций с требованием прекратить войну в Америке и заключить мир⁵¹. Видное место уделялось также положению в Ирландии, где жители «раздражены» и где «уважение к британскому парламенту» непрерывно уменьшается⁵².

Если в столичном офицозе в начале 80-х годов все еще можно было встретить немало сообщений неблагоприятного для восставших характера, то информация московской газеты, как правило, подводила читателя к мысли о неизбежном и скором поражении Англии. Так, например, «С.-Петербургские ведомости» много внимания уделяли известиям о военных неудачах американских войск, о тяжелом внутреннем положении восставших, о недовольстве солдат в армии Вашингтона, якобы заявлявших, что «под одним королем можно лучше достать хлеба, нежели под множеством государей», и т. д.⁵³ Газета писала о выступлениях жителей Филадельфии против власти конгресса и о том, что в городе царит полная анархия — печальный результат «мятежей и беспорядков»⁵⁴. С другой стороны, тон «Московских ведомостей» с приходом Н. И. Новикова становился все более объективным и даже благоприятным к Америке. По многим сообщениям у читателя газеты складывалось впечатление о близости полной победы восставших. Так, 25 марта (5 апреля) 1780 г. в сообщении из Пенсильвании «Московские ведомости» отмечали, что «взятие у агличан Рода-Исланда, который служил им убежищем в Америке, доказывает их слабость и предвещает совершенное Америки от агличан очищение»⁵⁵. Немного позже газета сообщала, что американский народ «никогда не был

⁵¹ Подробнее см. М. Н. Шпрыгова. Война Америки за независимость. — «Научн. док. высшей школы. Ист. науки», 1961, № 3, стр. 77—80. За прекращение пагубной американской войны в эти годы начинают выступать даже лица, которые прежде с «великим жаром» ее защищали («Московские ведомости», 16 (27) мая 1780 г., № 10).

⁵² «Московские ведомости», 1 (12) января 1780 г., № 1.

⁵³ «С.-Петербургские ведомости», 22 мая (2 июня) 1780 г., № 41.

⁵⁴ «С.-Петербургские ведомости», 25 августа (5 сентября) 1780 г., № 68.

⁵⁵ «Московские ведомости», 25 марта (5 апреля) 1780 г., № 25.

столь единодушен, как ныне», что армия находится в хорошем состоянии и ее «численность достигает 35 тыс. человек»⁵⁶. Осенью 1781 г. на страницах «Московских ведомостей» можно было прочитать яркую речь одного из сторонников дела американской независимости, призывавшего выступить против Англии голландского штатгальтера: «Стремление всей Европы,— отмечал автор этой речи,— обращено к Америке. Пусть политики учатся из сей великой перемены и уверяют себя, что независимость американцев есть камень преткновения, которым рушатся все силы Великобритании»⁵⁷.

В конце 1782 — начале 1783 г. «Московские ведомости» поместили обширную информацию о фактическом окончании войны в Америке, заключении прелиминарного соглашения и признании независимости нового государства английским королем⁵⁸.

В целом материал «Московских ведомостей» свидетельствовал об очевидных проамериканских симпатиях их издателя. Характерно в этой связи помещение Н. И. Новиковым в его газете в сентябре 1782 г. басни «Синица на поле» из французского журнала «*Courier de l'Eu-gore*», касавшейся «до Англии и до прежде бывших ее Американских селений». Смысл этой басни заключался в том, что, однажды вырвавшись на свободу, синица уже не вернулась к своей госпоже, хотя последняя обещала отпустить ее на волю. Посланным к ней слугам госпожи синица заявила: «Это ваша участь мучиться под ее властью, а я наслаждаюсь независимостью». Комментируя басню, газета отмечала, что ее содержание «походит на правду»⁵⁹. Тем самым давалось одобрение пропагандировавшейся в ней вольнолюбивой идеи, законности права на свободу и независимость⁶⁰.

⁵⁶ «Перечень одного письма из Филадельфии». — «Московские ведомости», 22 апреля (3 мая) 1780 г., № 33.

⁵⁷ «Московские ведомости», 23 октября (3 ноября) 1781 г., № 85.

⁵⁸ См. «Московские ведомости», 1782 г., № 102, 103; 1783 г., № 2, 3, 4 и мн. др.

⁵⁹ «Московские ведомости», 10 (21) сентября 1782 г., № 73.

⁶⁰ Разъяснение публикуемого материала и помещение специальных «примечаний» — одна из характерных особенностей русской печати того времени. Как правило, эти «примечания» дают возможность составить представление об отношении издателя или переводчика к публикуемым материалам, а в некоторых случаях приоб-

Наконец, особый интерес представляет опубликование на страницах «Московских ведомостей» серии кратких биографий о «славных людях нынешнего столетия». Характерно, что наряду с выдающимися французскими просветителями (Монтескье, Вольтер, Руссо и др.), «Московские ведомости» публикуют «примечания» о Вашингтоне, Адамсе, Франклине, Рейнале и Лафайете. О Рейнале, например, можно было прочесть, что «он приобучил народы размышлять о своих важнейших интересах». О Лафайете говорилось: «Сей молодой герой есть один из тех великих умов, которые открывают для себя новую стезю. Он первый, преодолев все преграды, вступил в пространное поле, куда слава приглашала мужество...» Адамс характеризовался как первый «споспешник» американской вольности, решительный сторонник республики. «Простота наружного его вида сопряжена с остротой его мыслей, кои устремлены будучи единственно к республике, не теряли нисколько своего жару, чтобы могли быть выражаемы с приятностью и точностью, подобно как армия, идущая против неприятеля, наблюдает не менее законы тактики».

Наиболее важными были яркие характеристики Франклина и Вашингтона. В «примечании» о Франклине указывалось, что он «в некоторых веках почитаем будет божеством. Электричество преобразует всю физику, селения Английские преобразуют всю политику. Франклин был главою при обеих сих важных переменах и тем заслужил себе у потомства два лучших места». В подробной характеристике Г. Вашингтона (или Васгинтона, как его именовали тогда в русской печати) по сути дела излагалась стройная концепция революции, необходимым условием которой является единство народа и его предводителей. «Генерал Васгинтон,— указывалось в «примечании»,— весьма нужен был для впоследствии в Америке перемены». Революция не может быть успешной, «когда народ возмущается», а его предводители «не

ретают и определенное самостоятельное значение. Впервые этот прием использовал Яков Козельский в 60-е годы XVIII в., а несколько позже А. Н. Радищев, опубликовавший в 1773 г. в издании Н. И. Новикова перевод сочинения Мабли «Размышления о греческой истории» со своими комментариями, в числе которых было знаменитое примечание «о самодержавстве» (см. Г. П. Макогоненко. Николай Новиков..., стр. 396—397).

питают в себе того же духа вольности, каким он оживлен», и равным образом, когда «предводители возбуждают народ к бунту», а «он не предвидит для себя от того таких же выгод, каких они ожидают... Но когда народ и его предводители ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями, то первое волнение содействует совершенную перемену; в таком случае целая нация составляет одну глыбу, которая подавляет все своею тяжестью и величиною, которым ничто супротиву стать не может»⁶¹.

Итак, очевидный вывод из этого «примечания» заключался в том, что залог успеха революции — единство народа и его руководителей, перед чем не могут устоять никакие преграды.

Опубликование подобных материалов на страницах «Московских ведомостей», несомненно, было со стороны Н. И. Новикова очень смелым шагом: писать о революции (пусть даже происходящей где-то очень далеко за океаном) и ее предводителях в то время в России было не так-то просто. И можно только восхищаться, с каким умением Н. И. Новиков использовал для этого открывавшиеся перед ним, как перед издателем, легальные возможности. Умный и осторожный издатель, Н. И. Новиков избегал какого-либо открытого восхваления революции от своего имени. Но уже сам выбор темы, подбор публикуемой информации, а в некоторых случаях и характер собственно редакторских примечаний свидетельствовали о явных проамериканских симпатиях русского просветителя. Н. И. Новиков заставлял читателя мыслить, сравнивать прочитанное об иностранных событиях с русской действительностью и делать собственные выводы. Он не так часто комментировал от своего имени, но публикуемый им материал обычно говорил сам за себя достаточно ярко и убедительно. Кроме того, в некоторых случаях комментарии давались, так сказать, из вторых рук, не прямо, а опосредственно. Таким своеобразным «опосредственным» комментарием к событиям в Америке могла служить, в частности, статья «Рассуждение о войне» в «Московском издании» 1781 г., развивавшая в теоретическом плане мысль о справедливых и несправедливых войнах. При всех «злостных действиях, производимых

⁶¹ «Московские ведомости», 2 (13) сентября 1783 г., № 71.

войной», автор статьи считал законным «прибегнуть к оружию, когда нужда того требует», когда война — «справедливое защищение утесненных против несправедливого утеснителя». Как отмечал автор, «добро, происходящее от справедливой войны и основанной на истине, покроеет зло, происходящее от оной»⁶². Анализируя события происходившей на его глазах войны Америки за независимость, объективный читатель не мог не прийти к мысли о ее законности и справедливости — в этом его все больше убеждал обильный материал, публиковавшийся в новиковских изданиях.

На протяжении 1783 г. обе русские газеты поместили подробные сообщения, связанные с окончанием войны США за независимость и подписанием соответствующих мирных соглашений. В феврале 1783 г. были опубликованы «первоначальные мирные постановления» между Великобританией и Америкой за подписями: «Р. Освальд, И. Адамс, Е. Франклин, И. Яй, Г. Лауренс». В исторической первой статье «постановлений» Великобритания признавала «Американские области свободными, самовладеывающими и независимыми»⁶³. 22 сентября (3 октября) 1783 г. появилось сообщение о подписании 3 сентября в Париже окончательного мирного трактата между Англией и «Соединенными Американскими Областями»⁶⁴.

Сообщения о победоносном завершении войны США за независимость сочувственно воспринимались русскими читателями, возбуждали в них повышенный интерес к международной политике и в первую очередь к американской тематике. Постоянная забота Н. И. Новикова о расширении информации об иностранных событиях заставила его предпринять в 1783 г. издание специального политического журнала «Прибавление к „Московским ведомостям“», сразу же завоевавшего популярность среди самых широких слоев русского общества. Сам Н. И. Новиков, уведомляя читателей о новом издании, подчеркивал его особое значение для российского торгового сословия. «Купечество российское,— писал Н. И. Новиков,— отменную от сих «Прибавлений» полу-

⁶² «Московское ежемесячное издание», ч. II, 1781, стр. 189—190, 193.

⁶³ «С.-Петербургские ведомости», 17 (28) февраля 1783 г., № 14.

⁶⁴ «С.-Петербургские ведомости», 22 сентября (3 октября) 1783 г., № 77.

чить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточные сведения о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большом количестве и с большими выгодами перед другими городами»⁶⁵. С первого же номера «Прибавлений» Н. И. Новиков начинает публиковать обширнейший трактат «О торговле вообще»⁶⁶. Интерес выдающегося русского просветителя XVIII в. к торговле не был случаен. Бурное развитие торговли в то время было одним из важнейших показателей становления новых капиталистических отношений, вытеснявших в недрах старой феодальной формации.

Весьма знаменательно также повышенное внимание автора трактата к Голландии и к республиканской форме правления вообще. «Вольность, приобретенная Голландией через войну против утеснителя своего Филиппа, короля испанского, была главною причиною скорого ее приращения»⁶⁷. «Сия республика,— подчеркивает автор трактата в другом месте,— имела в себе самой источник своего богатства; она находила кредит у собственных своих граждан, ибо торговля беспрестанно удерживала ее силы»⁶⁸. Характерно также, что в войне Англии против ее селений в Северной Америке симпатии Н. И. Новикова уже в самом начале конфликта явно на стороне восставших. «Северная Америка взбунтовалась: налоги сии слишком были отяготительны для нее и несправедливы»⁶⁹.

Большой, интересный и разнообразный материал был опубликован новым журналом в связи с победоносным завершением американской войны. Была напечатана, в частности, биография Г. Вашингтона, содержащая восторженную оценку руководителя восставших колонистов. По мнению автора статьи, выдающиеся герои прош-

⁶⁵ Н. И. Новиков. Избранные произведения, стр. 568.

⁶⁶ Там же, стр. 507—561. Этот трактат печатался в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“» без подписи, от имени редакции. Г. П. Макогоненко считает автором трактата самого Н. И. Новикова. Некоторые исследователи (см. Л. Лехтблау. Из истории просветительской литературы в России.— «Историк-марксист», 1939, № 1 (71), стр. 202) ошибочно приписывают авторство Рейналю. Последний не мог быть и автором статьи «Понятие о торговле невольниками», о чем см. ниже.

⁶⁷ Н. И. Новиков. Избранные произведения, стр. 529.

⁶⁸ Там же, стр. 538.

⁶⁹ Там же, стр. 534.

лого не могут сравниться с Вашингтоном, ибо «он основал Республику, которая, вероятно, будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом»⁷⁰.

Издание «Прибавлений к „Московским ведомостям”», характер публикуемых в них материалов не мог не вызвать неудовольствия царских властей. Узнав, что Н. И. Новиков печатает в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“» «ругательную историю ордена езуитского», Екатерина II повелела «таковые напечатания» запретить, сославшись на свое покровительство этому ордену⁷¹. «Прибавления» издавались Н. И. Новиковым только два года (1783—1784 гг.), однако уже за этот небольшой срок в журнале была опубликована целая серия статей, специально посвященных Америке⁷².

Подробно освещая войну США за независимость и ее результаты, Н. И. Новиков не оставил без внимания и некоторые отрицательные черты американской действительности. В этой связи большой интерес представляет опубликование Н. И. Новиковым в 1784 г. в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“» статьи «Понятие о торге невольниками», принадлежавшей перу открытого защитника американского рабства⁷³. Восхваляя гнусный институт работорговли, автор статьи лицемерно заявлял, что в результате «торга невольниками» негры «извлекаются из своего невежества и преобразуются в лучших

⁷⁰ «Краткое описание жизни и характера ген. Васгинтона». — «Прибавление к „Московским ведомостям“», 1784 г., стр. 362, 369 (№ 46, 47).

⁷¹ Н. И. Новиков. Избранные произведения, стр. 577. Именно с этого времени начинается систематическое преследование Н. И. Новикова, ограничение его просветительской деятельности, что нашло свое завершение в аресте Н. И. Новикова в 1792 г. и полном разгроме его издательского дела. Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии см. там же, стр. 577—672.

⁷² Среди них можно назвать: «О влиянии независимости Соединенных Областей Североамериканских в политическое состояние Европы». — «Прибавление к „Московским ведомостям“», 1784 г., стр. 306, 313, 321, 329, 337; «Размышления о предприятиях, касающихся до торговли с Северной Америкой». — Там же, 1783 г., стр. 302, 305, 309, 311; «Образ правления и гражданские установления в Америке». — Там же, 1783 г., стр. 516; «Всеобщее описание американских нравов». — Там же, 1784 г., стр. 489, 497, 505, 513, 521; «Известие о Пенсильвании». — Там же, 1784 г., № 18; «Торговля европейцев в Америке». — Там же, 1783 г., стр. 265 и др.

⁷³ «Прибавление к „Московским ведомостям“», 1784, стр. 521—564 (№ 72, 73, 74).

человеков» и, кроме того, еще, оказывается, просвещаются «самолучшею религией» (!?) Публикуя эту статью в своем журнале, Н. И. Новиков одновременно поместил специальное примечание, в котором решительным образом осуждал рабство и отвергал фарисейские аргументы его защитника. «Мы сообщили сие письмо,— писал Н. И. Новиков,— наипаче для того, что оно писано благомыслящим очевидцем. Хотя и не выпустили мы предварительного защищения торго невольниками, однако не соглашаемся на оное, ибо оно утверждено на многих ложных заключениях... Извинение, что мы в Европе делаем подобные несправедливости, что посредством торго невольников производится много добра, которое без оно-го должно бы оставлено быть,— все сии извинения не уважаются перед судилищем рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвоенного белыми человеками над черными их собратьями»⁷⁴.

Поместив это примечание, Н. И. Новиков противопоставил взглядам американского работорговца свое собственное мнение — мнение передового русского просветителя XVIII в. Непримиемая позиция Н. И. Новикова в отношении американского рабства вполне понятна: слишком уж тяжело было ярмо крепостничества в России и слишком много пришлось от этого выстрадать русскому народу, чтобы можно было равнодушно наблюдать за распространением рабства где бы то ни было, в том числе и в Америке. Отвергая американское рабство, Н. И. Новиков вместе с тем, хотя и косвенно, но совершенно недвусмысленно протестовал и против крепостного права в России, которое также ничем не могло быть оправдано перед «судилищем рассудка и человечества».

Заканчивая рассмотрение отношения русской печати к событиям американской революции, нельзя не обратить внимание на оценку в газетах восстания Даниеля Шейса (сентябрь 1786 г.— февраль 1787 г.). Как С.-Петербургские, так и Московские ведомости в феврале—апреле 1787 г. сообщали о восстании в целом в недоброжелательном плане. Газеты писали о «безвластии и замешательстве» в Америке, о посылке против «мятежников» правительственных войск и т. д. 24 апреля (5 мая) 1787 г. «Московские ведомости» не без некоторого удов-

⁷⁴ Н. И. Новиков. Избранные произведения, стр. 562.

летворения сообщили, что «возмущение в Массачузетской провинции благополучно укрощено и теперь стараются только поймать главного зачинщика оного Шаира»⁷⁵.

Объективно писать о восстании бедняков в стране, пережившей крестьянскую войну Е. Пугачева, было, конечно, невозможно. Именно в этом была главная причина единодушия московской и с.-петербургской газет в освещении восстания Д. Шейса. Возможно также, что и сам Н. И. Новиков в общем не был склонен отходить в этом вопросе от официальной точки зрения, так как русский просветитель не был сторонником революционного свержения существующего строя, сторонником крестьянской войны и т. п. Он сочувствовал войне США за независимость, но это, разумеется, совсем не означало, что он должен был сочувствовать восстанию, направленному против утвердившейся в Америке власти крупной буржуазии.

Сравнимо более радикальными были взгляды великого русского революционера XVIII в. А. Н. Радищева⁷⁶. Именно А. Н. Радищев, глубже чем кто-либо другой в России, сумел прочесть смысл американской войны за независимость, сделать на основании ее анализа глубокие теоретические обобщения. Его замечательное сочинение — ода «Вольность» по праву принадлежит к числу самых выдающихся произведений европейской литературы того времени, в той или иной степени посвященных американской революции.

⁷⁵ «Московские ведомости», 24 апреля (5 мая) 1787 г., № 33. (О восстании см. также «Московские ведомости» от 3(14) февраля, 3(14) апреля 1787 г. и др.) Несмотря на недоброжелательный тон сообщений о восстании Д. Шейса, внимательный читатель мог сделать свои собственные выводы о происшедших событиях, когда узнавал, например, что предводитель «мятежников» Шер (как и «Шаир», это, конечно, тот же Шейс) «служил в последнюю войну при американских войсках и довольно оказал свою неустрашимость. Все на тягость податей ропщущие, каковых весьма много, кажутся склонны служить под его начальством» (см. «С.-Петербургские ведомости», 2 (13) апреля 1787 г., № 27).

⁷⁶ Подробно об А. Н. Радищеве и его взглядах см. Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956; А. И. Старцев. Радищев в годы «Путешествия»; Г. Шторм. Потаенный Радищев. — «Новый мир», 1964, № 11, стр. 115—161 и т. д. В нашем изложении речь идет только об отношении А. Н. Радищева к Америке и американской революции.

«К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой сокрыл!»⁷⁷

В этих взволнованных строках А. Н. Радищев выразил свое восхищение американской войной за независимость и сделал революционные выводы для России.

Теперь, после целого ряда интересных и обстоятельных исследований наших литературоведов⁷⁸, писать об этом очень легко и просто — все как будто само собой разумеется. А ведь было время, когда даже мысль о связи оды «Вольность» с американской революцией казалась чуть ли не фантазией: обращение А. Н. Радищева к «словутой» стране воспринималось читателями и историками литературы как обращение к революционной Франции⁷⁹. Лишь на основе тщательного анализа текста оды, его сопоставления с развитием исторических событий и с литературными материалами В. П. Семенников установил непосредственную связь этих строк с войной США за независимость и, в частности, проследил влияние на Радищева сочинения Рейналя об американской революции⁸⁰.

⁷⁷ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1938, стр. 14.

⁷⁸ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923; А. И. Старцев. О западных связях Радищева.— «Интернациональная литература», 1940, № 7/8, стр. 256—265.

⁷⁹ Об этом писал даже В. И. Семевский («Былое», 1906, № 1, стр. 26).

⁸⁰ И в том и в другом случае сходен сам прием — обращение: у Радищева к «словутой», у Рейналя к «героической стране». И хотя у А. Н. Радищева основное содержание 46-й строфы совсем другое: оно, кстати говоря, глубже и шире соответствующего абзаца у Рейналя, концовка текста обнаруживает знаменательное совпадение. Рейналь выражал сожаление, что свободная и священная земля не скроет его праха, Радищев мечтал о том, чтобы «брег этой страны хоть «пепл» его «сокрыл». См. В. П. Семенников. Указ соч., стр. 5—6 с ссылкой на «Révolution de l'Amérique», Par l'abbé Raynal. A Londres, 1781, p. 87. А. И. Старцев справедливо

Какой-нибудь буквоед, скрупулезно анализируя текст, может быть, станет утверждать о каком-то «заимствовании» А. Н. Радищева у Рейналя или другого западного автора. Нет ничего нелепее и опаснее подобной примитивной точки зрения. Конечно, анализируя сочинения А. Н. Радищева, да и любого другого русского или иностранного автора, всегда можно обнаружить в какой-то мере следы «западного» или «восточного» влияния⁸¹. Сам А. Н. Радищев неоднократно прямо ссылаясь и цитировал американские законодательные акты. Новое поколение русских революционеров, наследников А. Н. Радищева — декабристы также использовали опыт американской революции XVIII в. И, скажем, в проекте конституции Никиты Муравьева ясно можно обнаружить известное сходство с конституционными актами США. Специфика нашей работы заставляет нас, естественно, обращать внимание именно на эту сторону вопроса, однако мы очень далеки от того, чтобы на этом основании делать какие-либо выводы о «несамостоятельности» А. Н. Радищева или Н. Муравьева, о «заимствовании» из западного источника и т. п.

Да, А. Н. Радищев, а позднее декабристы и другие русские революционеры были знакомы с идеями, событиями и основными документами американской и в еще большей мере французской революций. И это не их недостаток, а их достоинство. Все они были высококультурными и образованными людьми, которые шли в ногу со временем, следили за современной передовой литературой. Так, отстаивая свою точку зрения на необходимость гражданских свобод и, в частности, свободы печати, А. Н. Радищев обнаруживает великолепное знакомство с историей вопроса, о чем свидетельствует, напри-

уточняет, что более правильно сослаться на «Философскую историю Рейналя, поскольку «Революция в Америке» — это только извлечение из нового расширенного издания «Философской истории» 1780 г. (последние 15 глав восемнадцатой книги). См. А. И. Старцев. О западных связях Радищева. — «Интернациональная литература», 1940, № 7/8, стр. 260.

⁸¹ За последнее время поисками «западных источников» А. Н. Радищева усиленно занимались Д. Лэнг в Англии, К. Битнер в ФРГ, Р. Талер в США и др. (см. D. P. Lang. *The First Russian Radical Alexander Radishchev, 1749—1802*. London, 1959). Подробный критический анализ книги см. Е. Г. Плимак. Злоключения буржуазной компаративистики. — «История СССР», 1963, № 3, стр. 183—213.

мер, раздел о «произхождении цензуры». В подтверждение своей точки зрения он ссылается на опыт и документальные материалы, относящиеся к самым различным эпохам и странам, начиная от седой древности, анализирует историю древней Греции и Рима, обращается к материалам по истории Германских государств, Англии, Франции, Австрии, Дании, Испании и, наконец, Америки.

Вполне естественно поэтому, что изложение вопроса давалось А. Н. Радищевым на высоком современном уровне, и ему незачем было открывать уже давно открытые истины. Публикуя свои сочинения и проекты и опираясь прежде всего на русский опыт, русскую действительность, наши революционеры использовали в то же время все лучшее, что было сделано на Западе. Русское общество и революционное движение развивались не каким-то своим особым, специфическим, исключительным путем вне столбовой дороги мирового прогресса. Русские революционеры ценили и изучали опыт других народов. Их взгляды для своего времени были передовыми и их сочинения учитывали лучшее, что было создано до них мировым революционным движением.

Чтобы окончательно покончить с данным вопросом, следует еще раз вернуться к анализируемому отрывку. Да, А. Н. Радищев славит и восхищается американской революцией. Но чего же другого можно ждать от великого русского революционера. «Ликуешь ты! (т. е. Америка.— *Н. Б.*), а мы здесь страждем!..»,— восклицал А. Н. Радищев, соединяя только лишь в одной строчке русский и американский опыт. «Пример твой мету (т. е. цель.— *Н. Б.*) обнажил»,— вот образец настоящего, истинного интернационализма и в то же время патриотизма. Какого патриотизма?— может заметить скептический буквоед, ведь в заключении 46-й строфы идет речь о том, что Радищев мечтает о том, чтобы «брег» Америки сокрыл его «пепл». Нельзя, пожалуй, на это ответить лучше, чем это сделал сам А. Н. Радищев в следующей, 47-й строфе.

«Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел».

Поэт с гордостью видит преемственность между своим первым «прорицанием» вольности и будущим поколением русских революционеров.

«Да юноша, взалкавый славы,
Придешь на гроб мой обветшалый
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал»⁸².

Что касается Рейналя, то А. Н. Радищев знал, конечно, его «Историю обеих Индий» (как, впрочем, и многие другие лучшие сочинения передовых людей того времени) и даже сам показал на следствии: «Сию то книгу могу я почитать началом бедственному моему состоянию». Не следует, однако, понимать это замечание буквально. А. Н. Радищев заявил об этом на следствии, когда в его интересах было выдвинуть на первый план широко известное сочинение западного революционера-просветителя в порядке самозащиты, а также для того, чтобы навести следствие если не на ложный (это было бы глупо), то во всяком случае на второстепенный след.

Читая оду «Вольность», искренне восхищаешься необычайной глубиной ее содержания как в целом, так и в отдельных деталях. А. Н. Радищев не только понял многие самые характерные особенности американской революции, но сумел образно, кратко и выразительно показать их сущность. С исключительной проницательностью А. Н. Радищев, например, сумел увидеть справедливый характер войны США за независимость и оценить преимущества новой, народной армии перед старым, «подневольным» войском феодальных государств. Приведем для иллюстрации известную 34-ю строфу оды:

«Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон».

⁸² А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 15.

Именно на основании анализа этой строфы В. Семенниковым был сделан вывод о том, что ода написана около 1781—1783 гг., поскольку об американской войне за независимость в ней говорится как о факте, еще протекающем или во всяком случае современном, а Вашингтон выступает еще как вождь армии⁸³.

Обратим также специальное внимание на две строчки:

«Не скот тут согнан поневоле»

Сколько презрения к старой армии, ее подневольной организации и к милитаризму вообще в этих нескольких скупых словах! И далее:

«Вождем тут воин каждой зрится»

Уже только из этой одной фразы видно, как ясно и правильно А. Н. Радищев сумел понять главную особенность американской армии, основанной на совершенно других, для своего времени прогрессивных принципах организации.

Мы позволим себе также заметить, что А. Н. Радищев уже в оде «Вольность» сумел увидеть характерные черты нового аграрного строя в Америке, сумел увидеть то, что мы теперь называем американским, или фермерским, путем развития сельского хозяйства. И если употребляемый нами термин звучит слишком по-современному, то суть дела от этого не меняется. А. Н. Радищев прекрасно вскрыл преимущества свободного труда фермеров перед рабским трудом крепостного крестьянина.

«Дух свободы ниву греет,
Безслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет».

Какой счастливой представляется Радищеву жизнь свободного землепашца в сравнении с тяжелой долей русского крепостного крестьянина (см. строфы 31, 32,

⁸³ В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 7; А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1. Примечания, стр. 444. Сравнительно недавно писатель Г. Шторм выдвинул гипотезу о том, что четыре строфы оды (в том числе цитировавшиеся выше 46 и 47-я строфы) были написаны А. Н. Радищевым значительно позднее, уже на склоне лет — вероятнее всего в 1799 г. (см. Г. Шторм. Потаенный Радищев. — «Новый мир», 1964, № 11, стр. 144—148, 156).

33-ю). Для свободных «труд — веселье, пот — роса», — пишет А. Н. Радищев, и он твердо верит, что придет время, когда русский крестьянин обретет счастье свободного труда на свободной земле и в свободной стране. Вера поэта в будущее России и русского народа непоколебима. Если Рейналь рассматривал распад Российской империи как огромное «счастье», то Радищев видел в этом только первый этап революции, которая увенчается образованием республики, построенной на принципах федерации.

«Из недр развалины огромной,

.

Возникнут новые светила;

Незыблемы свои кормила

Украсят дружества венцом

На пользу всех ладью направят»⁸⁴

«О день! Избраннейший всех дней!» — восклицал в заключение А. Н. Радищев, приветствуя время грядущей революции.

Неоднократно обращался к американской тематике А. Н. Радищев и в тексте «Путешествия из Петербурга в Москву»⁸⁵, причем в каждом случае обнаруживал хорошую осведомленность и ясное понимание существа дела. Наиболее обстоятельно им был изложен вопрос о свободе печати. «Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположения-

⁸⁴ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 16—17.

⁸⁵ Впервые «Путешествие» было напечатано самим А. Н. Радищевым в его «Вольной типографии» в 1790 г. Более 100 лет это произведение находилось под запретом царских властей, несмотря на неоднократные попытки издать его легальным путем. Лишь в 1905 г. вышло первое научное и полное издание «Путешествия» под редакцией Н. П. Павлова-Силиванского (см. А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1. Примечания, стр. 470 и сл.). Относительно недавно, в 1958 г., «Путешествие» было опубликовано в США (см. А. Н. Radishchev. A Journey from St. Petersburg to Moscow. Translation by L. Wiener, ed. by R. P. Thaler. Cambridge (Mass.), 1958). Если перевод книги, выполненный покойным Л. Виernerом, заслуживает в целом положительной оценки, то комментарии Р. Талера носят явно тенденциозный характер. Вопреки тексту книги комментатор всеми силами стремится представить А. Н. Радищева не как революционера, а как реформатора и либерала (см. об этом Е. Г. Плимак. Правда книги и ложь комментария. — «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962, стр. 352—411).

ми, вольность гражданскую утверждающими», — писал А. Н. Радищев и приводил далее характерные выписки из конституционных актов Пенсильвании, Делавера, Мэриленда и Виргинии, в частности: «Народ имеет право говорить, писать и обнародывать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема» (из конституции Пенсильвании 1776 г., § 12 декларации — «объявлении» прав). «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной» (из конституции Виргинии, ст. 14-я) и др.⁸⁶

✓ Мысли А. Н. Радищева о свободе слова и печати, приводимые им отрывки из конституций отдельных американских штатов представляют, понятно, огромный интерес. Их значение еще более возрастает, если учесть, что эти отрывки, по всей видимости, являлись первыми официальными американскими конституционными материалами, появившимися на русском языке. ✓ Как практический пример, характеризующий демократический уклад общества в Америке, А. Н. Радищев приводит случай с видным деятелем войны за независимость Дикинсоном (Пенсильвания), который выступил с открытым опровержением несправедливой критики в его адрес. «Первейший градоначальник области (речь шла о Пенсильвании. — Н. Б.), — писал А. Н. Радищев, низшел в ристалище, издал в печать свое защищение, оправдался, опроверг доводы всех противников и их устыдил... Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет перед светом, печатным сочинением»⁸⁷.

✓ Прославляя политическую свободу в Соединенных Штатах, А. Н. Радищев вместе с тем не уклонился от

⁸⁶ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 346—347. Гл. «Торжок», «Краткое повествование о происхождении цензуры»; см. также М. Laserson. The American Impact on Russia, 1784—1917, p. 66—67. Как убедительно показал в своей диссертации А. И. Старцев, с американскими конституционными материалами А. Н. Радищев познакомился по редкому французскому изданию: «Recueil des loix constitutive des colonies angloises confédérées sous la denomination d'Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale — auquel on a joint les Actes d'Independance, de Confédération et autre Actes du Congrès général, traduit de l'anglois. Dedié à M. le Docteur Franklin. A Philadelphie et se vend à Paris 1778» (см. А. И. Старцев - Кунин. Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века, стр. 226, 299—303).

⁸⁷ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 334.

сурового осуждения отрицательных сторон американской действительности. Он гневно критиковал социальную несправедливость, с негодованием отвергал рабство негров и истребление индейцев: «Заклав Индейцев одновременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею. Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала... вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее непоросли тернием и нивы их изобилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова»⁸⁸ ✓

При рассмотрении отношения А. Н. Радищева к Америке иногда приходилось сталкиваться с несколько односторонними взглядами. Некоторые авторы концентрируют внимание только на отрицательных моментах в характеристике Радищевым американского общества, а иные, наоборот, склонны преуменьшать значение критических замечаний и тем самым односторонне выдвигать на первый план лишь положительные оценки Радищевым американской революции. Не избежал известной односторонности, к сожалению, и такой специалист в этом вопросе, как А. И. Старцев. Он, конечно, хорошо знает об отрицательном отношении А. Н. Радищева к рабству в Америке и к истреблению индейцев и даже упоминает об основных его замечаниях на этот счет. Однако здесь же он стремится доказать, что эти замечания относятся «к Америке, вне США», т. е. прежде всего к странам Латинской Америки. Свою мысль он аргументирует тем, что в литературе XVIII в. существовали две американские темы: новая, связанная с революционной войной за независимость, и старая, связанная с завоеванием Америки и истреблением индейцев⁸⁹.

Эти соображения, несомненно, имеют известное основание. Можно считать установленным, что осуждение

⁸⁸ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 316—317.

⁸⁹ А. И. Старцев. О западных связях Радищева.— «Интернациональная литература», 1940, № 7/8, стр. 262.

Радищевым рабства и истребления индейцев распространяется не только на США, но и на всю Америку в целом, особенно, когда А. И. Радищев пишет о сахаре, кофе и красках (т. е. товарах преимущественно латиноамериканского происхождения), не осушившихся еще от «пота, слез и крови их омывших при их возделании»⁹⁰. Но в конечном итоге эта точка зрения представляется нам не убедительной и даже ошибочной. Во-первых, рабство негров и истребление индейцев в Америке, в том числе, конечно, и в Северной, гневно осуждали выдающиеся деятели русской культуры не только до Радищева (Сумароков, Новиков), но и после него (А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский и др.), причем совершенно очевидно, что в XX в. речь шла прежде всего об индейцах и о рабстве в США.

Таким образом, если уже говорить о традиционности, то вряд ли было бы справедливо отделять точку зрения А. Н. Радищева от взглядов других деятелей русской культуры. Далее, если уж быть объективным, то почему мы должны относить все положительные замечания Радищева только к США, а отрицательные главным образом и даже исключительно к Латинской Америке? Разве не правомернее отнести все замечания об Америке прежде всего к США (хотя некоторые из них относились, разумеется, и к Латинской Америке), поскольку в конце XVIII в. основное внимание было приковано именно к новой республике в Северной Америке.

Наконец, решительное осуждение рабства негров и истребления индейцев отнюдь не свидетельствует о каком-то недоброжелательстве А. Н. Радищева к Соединенным Штатам. Наоборот, именно потому, что А. Н. Радищев столь высоко ценил достижения американской революции XVIII в., он с таким гневом осуждал сохранение в новой республике уродливого наследия старого мира.

В целом рассмотренный нами документальный материал убедительно свидетельствует, что звуки «набатного колокола» американской революции XVIII в. звучали в России достаточно внятно и, что самое главное, воспринимались передовыми кругами русского общества весьма сочувственно. Серьезный интерес русского чита-

⁹⁰ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 324.

теля к событиям в Америке не был ни случайностью, ни парадоксом.

Острейшие классовые противоречия русской действительности, жесточайший крепостнический гнет, сочетавшийся с новыми буржуазными формами эксплуатации в связи с начавшим возникать в недрах феодального строя капиталистическим укладом хозяйства, могучая волна стихийного крестьянского движения, не прекращавшегося и после жестокого подавления восстания Пугачева (1773—1775 гг.), — все это объективно создавало благоприятную почву для распространения революционных идей. Следует также иметь в виду, что если в условиях самодержавной России нельзя было говорить о праве русского народа на революцию, на изменение политического режима в своей стране, то в силу известных благоприятных обстоятельств можно было более или менее объективно писать о праве на свободу и независимость американского народа и опыте его успешной революционной войны против Англии.

✓ Опубликование в русской печати и прежде всего в изданиях Н. И. Новикова богатейшего материала о революционной войне США за независимость приобретало в условиях самодержавно-крепостнического строя в России особый смысл и значение. Чтение разнообразных сообщений об успешных военных действиях восставших колонистов против королевских войск, сам факт победоносного завершения революционной войны за независимость и утверждения республиканского государства в Америке — все это, естественно, наводило русского читателя на мысль о своей родине, заставляло его критически взглянуть на окружающую его действительность, сравнить республиканскую Америку и самодержавно-крепостническую Россию.

Таким образом, материал об американской войне за независимость, публиковавшийся в России, по своему объективному содержанию вне зависимости от желаний того или иного издателя, переводчика или автора приобретал в известной мере революционный политический смысл.

Глубоко ошибочно было бы рассматривать те или иные явления русской культуры и русского революционного движения, как результат западноевропейского или американского влияния. Но столь же неправильно было

бы полагать, что развитие русского общества шло каким-то исключительным, своим, совсем изолированным путем, вне связи с мировым прогрессом. Русское общество в целом, и особенно его передовая часть, не говоря уже о таких деятелях, как Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин или А. Н. Радищев, внимательно следили за развитием революционного движения на Западе и, в частности, как показывают материалы данного раздела, были весьма основательно знакомы с событиями и идеями американской революции. И в этом были, понятно, их заслуга и сила, а вовсе не их недостаток или слабость.

Без преувеличения можно сказать, что по глубине анализа событий и идей американской революции, богатству мыслей и яркости изложения соответствующие места в оде «Вольность» и «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева могут быть отнесены к наиболее выдающимся откликам современной мировой литературы на американскую революцию XVIII в. Характерно также, что А. Н. Радищев по важнейшим вопросам освободительного движения занимает наиболее последовательную для того времени передовую позицию и находится, так сказать, в авангарде мирового революционного прогресса. Наконец, необходимо подчеркнуть, что выдающиеся деятели русского просвещения XVIII в., приветствуя революцию в Америке, не оставили без внимания и отрицательные стороны американской действительности, они гневно осуждали рабство негров и истребление индейцев.

Таковы основные выводы, которые можно сделать из анализа материалов об отношении русского общества к событиям и идеям американской буржуазной революции XVIII в.

Первые русские в Соединенных Штатах и американцы в России в конце XVIII в.

(Ф. В. Каржавин и П. Джонс)

При изучении вопроса о наиболее ранних посещениях США русскими подданными, а также пребывании в нашей стране первых американских граждан приходится сталкиваться со многими трудностями. Дошедшие до нас сведения очень и очень ограничены, материалы часто носят второстепенный или случайный характер, да и само число подобных путешествий в XVIII в. не могло быть сколько-нибудь значительным. Существовало множество причин, в силу которых отправиться в Америку русскому или американцу в Россию в то время оказывалось делом далеко не легким и совсем не безопасным: надо было преодолеть огромные расстояния, учесть сложные политические моменты и приспособиться к неизвестным условиям.

Преодолевая все эти трудности, сами путешественники, как правило, мало заботились о том, чтобы сохранить для будущего историка свои ценные впечатления. О некоторых из них мы вообще ничего не знаем. Сведения о других фрагментарны, а иногда малодостоверны и противоречивы. Наконец, наиболее важные путешествия, к сожалению, оказались связаны со столь сложными и запутанными обстоятельствами, что исследователи иной раз вообще отчаивались установить истину.

Выше уже подробно говорилось о миссии Ф. Дейна в С.-Петербурге в 1781—1783 гг. Несколько лет спустя в России побывали Джон Ледиард, а затем знаменитый Поль Джонс. По разным причинам их пребывание в России с внешней стороны закончилось крайне неудачно и

было омрачено печальными обстоятельствами, которые не были окончательно выяснены. Осторожные исследователи предпочитали не касаться щекотливых вопросов и обычно обходили острые моменты молчанием.

Сложная, очень противоречивая и самобытная фигура русского путешественника и литератора Федора Васильевича Каржавина (1745—1812) долгое время вообще находилась вне поля зрения исследователей и практически оставалась неизвестной даже специалистам. Правда, еще в 1875 г. Н. П. Дуров опубликовал на страницах «Русской старины» яркую автобиографическую записку Ф. В. Каржавина, сопроводив ее прекрасно аргументированными пояснениями и дополнениями, однако эта небольшая публикация практически затерялась на страницах редкого исторического издания¹.

Лишь относительно недавно Ф. В. Каржавиным вновь заинтересовались сразу несколько ученых, в результате чего в печати появились историко-филологические этюды, написанные М. П. Алексеевым, А. И. Старцевым и Е. М. Двойченко-Марковой². Хотя эти исследования во многом облегчают стоящую перед нами задачу, сам характер сохранившихся документальных материалов, их разрозненность, противоречивость и фрагментарность не позволяют в ряде случаев сделать вполне определенные выводы и достаточно полно и ясно показать роль Ф. В. Каржавина в становлении ранних русско-американских связей.

Ф. В. Каржавин родился в семье богатого петербургского купца, получил блестящее европейское образование и редкий по разнообразию жизненный опыт, пройдя, как он говорил, «сквозь огонь, воду и землю». Не без некоторых оснований, хотя и с очевидным преувеличением, Ф. В. Каржавин писал, что «объехал $\frac{3}{4}$ света», и даже считал себя чуть ли «не меньше Кристофора Колумбуса».

¹ Н. П. Дуров. Федор Васильевич Каржавин.— «Русская старина», т. XII, 1875, стр. 272—297.

² См. М. П. Алексеев. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина (Из истории русской филологии в XVIII в.).— «Романская филология». Л., 1961, стр. 8—36; А. И. Старцев. Ф. В. Каржавин и его американское путешествие.— «История СССР», 1960, № 3, стр. 132—139; E. Dvoichenko-Markov. A Russian Traveler to Eighteenth-Century America.— PAPS, Vol. 97, N 4, Sept. 1953, p. 350—355.

Судьба оказалась явно несправедливой к этому смелому, разносторонне образованному и способному человеку: в его жизни было слишком много крутых перемен, тяжелых лишений, семейных неурядиц и слишком мало самых обычных, простых человеческих радостей. Явно незаурядный человек, он не мог найти своего настоящего места в крепостной России и вынужден был долгие годы скитаться по разным странам. «Лутче бы было мне быть башмачником,— с горечью писал Ф. В. Каржавин в 1785 г.,— нежели учиться и терять мою жизнь напрасно»³.

Мотивы, руководившие действиями Ф. В. Каржавина, не всегда можно установить с достаточной уверенностью. Сам он обычно ссылался только на чисто личные обстоятельства. Насколько это было правильно, сказать трудно. Во всяком случае это было проще, а главное, гораздо безопаснее. «Повинуясь Вашему дозволению, отъехал я в чужие края,— сообщал Ф. В. Каржавин отцу в сентябре 1773 г.— не ради нужд каких, но чтобы Вас единственно оставить в покое»⁴. Из его автобиографической записки мы узнаем, что, находясь в Париже, Ф. В. Каржавин «вздумал суровость жребия своего умягчить женитьбой в начале 1774 г., но и в брачном состоянии не нашел... истинного спокойствия»⁵. Девица Ш. Рамбур, хотя и была бедной сиротой, оказалась, судя по ее переписке, довольно капризной.

Скорая размолвка с женой и материальные затруднения заставили Ф. В. Каржавина искать счастья за океаном. Сообщая в мае 1775 г. отцу о своем намерении «ехать прогуляться в Мартинику и в Сан-Даминго» по торговым делам, Ф. В. Каржавин писал: «Хотя я имел заведенные там корреспонденции торгов американских,

³ Ф. В. Каржавин — В. Н. Каржавину и А. И. Каржавиной, 1 сентября 1785 г.— Архив ЛОИИ, ф. 238, 1 (коллекция Н. П. Лихачева), картон 146 (Ф. В. Каржавин), д. 3, л. 17.

⁴ Ф. В. Каржавин — В. Н. Каржавину, сентябрь 1773 г.— Там же, л. 1; Ответное письмо «бывшего отца» к «проклятому» и «неблагодарному» сыну «Федьке» от 12(23) ноября 1773 г.— Там же, лл. 3—5.

⁵ «Сказка, показующая вкратце, в какое время и в каких местах я находился» (1788 г.).— РОИРЛ, Материалы Ф. В. Каржавина из собрания П. Я. Дурова, ф. 93, оп. 2, д. 100, лл. 7—10. Один из вариантов «Сказки» опубликован Н. П. Дуровым в «Русской старине», т. XII, 1875, стр. 273—278.

состоящих в сахарном песке... в хлопчатой бумаге и кофе, однако от глаз далеко и самому лучше побывать»⁶.

В сентябре 1776 г. Ф. В. Каржавин отправился на о-в Мартинику. Началось его большое американское путешествие, продолжавшееся до 1788 г. За это время он несколько раз побывал в Соединенных Штатах: сначала в разгар войны за независимость — с мая 1777 г. по 25 января 1780 г., второй раз — находясь на испанском судне в нью-йоркском порту с 12 мая по 11 июня 1782 г., а затем уже после окончания военных действий с 4 сентября 1784 г. по апрель 1787 г. Фактическая сторона сложного и запутанного путешествия Ф. В. Каржавина в настоящее время довольно хорошо известна прежде всего по его автобиографической записке, представленной в 1788 г. в коллегии иностранных дел.

Достоверность сообщенных Ф. В. Каржавиным сведений вполне подтверждается находящимися среди его бумаг документами, в частности несколькими паспортами, выданными ему различными официальными лицами: французским посланником в США А. Жераром 27 февраля 1779 г., консулом в Массачусетсе Ж. де Вальне 13 марта 1779 г., консулом в Виргинии шевалье д'Анмуром 8 января 1780 г., вице-консулом в Виргинии М. Остером 15 апреля 1787 г. и др.⁷ Как показала Е. Двойченко-Маркова, содержание автобиографической записки Ф. В. Каржавина хорошо согласуется с американскими материалами, в том числе сообщениями местной печати.

Но если чисто внешняя хронологическая сторона путешествия Ф. В. Каржавина более или менее установлена и не вызывает особых сомнений, то гораздо сложнее обстоит дело с выяснением мотивов его действий и степени его участия в событиях того времени в Америке.

«В своей борьбе за независимость американцам помогали представители почти всех европейских наций: француз Лафайет, немец Штейбен, поляк Костюшко и другие..., но американским историкам не известен ни один русский, который принимал участие в революционной

⁶ Ф. В. Каржавин — В. Н. Каржавину, 19 мая 1775. — Архив ЛОИИ, ф. 238, к. 146, л. 3, л. 8.

⁷ См. РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, д. 100, соответственно лл. 273, 274, 276, 11. Последняя дата — 15 апреля 1787 г. — позволяет уточнить время отъезда Ф. В. Каржавина из Виргинии на о-в Мартинику, а затем в Россию (не ранее середины апреля 1787 г.).

войне в Америке»⁸, — отмечает Е. Двойченко-Маркова и стремится далее показать (хотя это вряд ли оправданно), что таким русским был Ф. В. Каржавин.

Приехав в Америку, Ф. В. Каржавин действительно оказался в гуще революционных событий. Но какова была его личная роль в этих событиях? Каких политических взглядов он придерживался? На чьей стороне были его симпатии? Ответить на эти вопросы оказалось не так-то просто. «То, что нам известно о политических взглядах Каржавина, — не без оснований пишет хорошо знакомый с документальными материалами А. И. Старцев, — недостаточно, чтобы характеризовать его как сторонника буржуазной революции». В ряде случаев сам Ф. В. Каржавин резко отзывался об американском правлении как «неосновательном и безвластном», а оправдываясь перед отцом, напоминал, что «Каржавины никогда Пугачевыми не были». Однако здесь же А. И. Старцев справедливо замечает, что «заверения Ф. В. Каржавина, сделанные в официальных документах и подцензурных письмах, надо принимать с учетом всех обстоятельств, требовавших от него подтверждения своей благонадежности»⁹.

Верно, конечно, что «Каржавины никогда Пугачевыми не были», но они и не были обычными царскими верноподданными. И не случайно Каржавиных называли «семьей вольнодумцев»¹⁰. Еще в 1755 г. в тайную канцелярию на братьев Каржавиных (отца и дядю Ф. В. Каржавина) был подан политический донос, в котором они обвинялись в атензме, критике царских сановников и самой императрицы Елизаветы¹¹.

Воздерживаясь от окончательных выводов, попытаемся, однако, сопоставить и проанализировать всю совокупность фактов и обстоятельств, связанных с жизнью и деятельностью самого Ф. В. Каржавина. Известно, например, что он был очень близок к знаменитому архитектору В. И. Баженову, а по своей литературной деятельно-

⁸ Е. Dvoichenko-Markov. A Russian Traveler...—PAPS, Vol. 97, № 4, p. 330.

⁹ См. А. И. Старцев. Ф. В. Каржавин...—«История СССР», 1960, № 3, стр. 137.

¹⁰ См. Семья вольнодумцев. Роман екатерининского времени.—«Нива», 1872, № 1—19.

¹¹ Архив кн. Воронцова, кн. 3, стр. 308 и сл.

сти оказался связанным с Н. И. Новиковым¹². Среди бумаг Ф. В. Каржавина можно встретить текст «Марсельезы», отрывок из запрещенного цензурой его собственного стихотворения, проникнутого ненавистью к «гордым вельможам» и сочувствием к бедным¹³, на полях прочитанных им книг — «крамольные» комментарии.

В своих печатных работах он выражал открытое сочувствие поработанным неграм и индейцам, опубликовал эпитафию Б. Франклина, называл Монтеске «славным законоводителем»¹⁴ и т. д. С другой стороны, в поданной им в коллегии иностранных дел записке, а также в письмах к отцу и жене, он усиленно подчеркивал коммерческие мотивы своих действий.

Вполне естественно возникает вопрос: если Ф. В. Каржавин проявлял столь значительный интерес к торговым делам, то была ли у него необходимость покидать Россию и отправляться за океан в объятую войной Америку? Совершенно неоправданной оказывается в этом случае и его ссора с отцом, который посвятил купеческим делам всю свою жизнь, развернул активную иностранную торговлю и даже представлял правительству специальную записку о расширении «российской коммерции в европейских государствах»¹⁵.

Объясняя причины своей поездки с о-ва Мартиника в США, Ф. В. Каржавин пишет: «Желая удвоить свой капитал по тогдашним критическим обстоятельствам новоанглицкой торговлей, вступил я в товарищество с одним креолом (m-г Lassege), отправлявшим большое судно в Америку, положил в него свою сумму и сам на оном судне поехал в 13 число апреля 1777 года»¹⁶.

Что представляла собой эта «новоанглицкая торговля», в которой принял участие Ф. В. Каржавин? Ее характер вряд ли может вызывать особые сомнения. Остров

¹² Еще в 1773 г. он печатался в журнале «Зритель», а после возвращения из Америки опубликовал в университетской типографии у Н. И. Новикова «Сокращенный витрувий, или Совершенный архитектор. Перевод архитектуры помощника Федора Каржавина». М., 1789.

¹³ Архив ЛОИИ. ф. 238, к. 146, д. 20, л. 1.

¹⁴ [Ф. В. Каржавин] Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. *Le guide français par Théodore Karjavine*. СПб., 1794, стр. 198—199, 211.

¹⁵ Архив кн. Воронцова, кн. 3, стр. 312—322.

¹⁶ РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, д. 100, л. 7; «Русская старина», т. XII, 1875, стр. 274—275.

Мартиника превратился в то время в важную базу снабжения восставших колонистов. Правда, в письмах к отцу Ф. В. Каржавин приводил довольно невинный перечень взятых товаров (вино, патока, соль — о военном снаряжении он умалчивал), но вместе с тем сообщал, что отправляемый корабль вооружен и что сам он уполномочен судовладельцами «быть на оном корабле военначальным человеком». Принятые меры предосторожности оказались, как показали дальнейшие события, совсем не лишними. «Мы были,— писал Ф. В. Каржавин,— по неволе в сражении между английским капером и филадельфийским полукупцом полукапером, где и бот свой потеряли»¹⁷. Опасное предприятие окончилось в конце концов благополучно. В густом тумане корабль, на котором находился Ф. В. Каржавин, сумел ускользнуть от английского фрегата и пристать к виргинским берегам. Этот факт подтверждался сообщением «Виргиния газетт» от 16 мая 1777 г. о прибытии корабля с о-ва Мартиника с грузом «пороха, оружия (!), соли и т. д.»¹⁸.

Касаясь своего пребывания в Виргинии, Ф. В. Каржавин отмечал, что он занимался торговлей в различных городах и селениях в течение 22 месяцев. Используя американские источники, Е. Двойченко-Маркова обратила внимание, что он был связан с капитаном Лапортом (в 1779 г. жил в его доме в Вильямсберге) и, возможно, принимал участие в создании по инициативе последнего французской военной части из жителей Мартиники и Сан-Доминго¹⁹.

Обратное путешествие Ф. В. Каржавина на Мартинику сложилось крайне неудачно. «При самом выезде из Виргинии в феврале 1779 г», корабль с «богатым грузом» был захвачен англичанами. «Думая сыскать помощь в Бостоне, исполнен русским не унывающим духом», Ф. В. Каржавин «к удивлению всех знакомых» пешком пустился в далекий путь «с сумою на плечах». В 23 дня «с паспортом министра и консулей французских» добрался до Бостона. Впрочем, никакого успеха в своем деле ему достичь не удалось, и он был вынужден возвратить-

¹⁷ Там же. Хранящийся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) текст «Сказки» Ф. В. Каржавина несколько отличается от варианта, опубликованного в «Русской старине».

¹⁸ Цит. по: Е. Dvoichenko-Markov. A Russian Traveler...— PAPS, Vol. 97, N 4, p. 351.

¹⁹ Ibid., p. 351—352.

ся в Филадельфию, «претерпев величайшую нужду, быв два дня слеп от преломления солнечных лучей на снегом покрытых полях и в опасности как от англичан, так и от самих американцев»²⁰.

Выразительно описывая злоключения своего американского путешествия, Ф. В. Каржавин необычайно скуп в политических оценках. В его бумагах нет каких-либо прямых свидетельств о политических симпатиях к воставшим и тем более об участии в военных действиях. Тем не менее отдельные случайные замечания, сделанные попутно или даже между строк, позволяют судить о его отношении к борьбе американцев за свободу и независимость. Касаясь своего пребывания в Америке, Ф. В. Каржавин с горечью писал жене: «Я потерял три года, 2 корабля и все, что имел в Новой Англии, более 20 раз в течение этого времени я рисковал жизнью... и впереди мне не видно исхода из этого тяжелого положения; из-за чего все это? Все из-за одного рокового нет, сказанного той, которая хотела быть девицей Лами (фамилия, под которой Ф. В. Каржавин жил во Франции) и не согласилась сделаться мадам Каржавиной. Но прочь все гордые мечты о счастье! Помни, бедняк Лами, что ты надолго потерял ее гордое сердце, что ты больше ничего, как несчастный аптекарь, и вари свои лекарства для храбрых людей, которые отомстят твоим врагам, англичанам, за твое разорение...»²¹

Итак, оказывается, для Ф. В. Каржавина англичане — враги, а американцы — храбрые солдаты, для которых он, используя свои медицинские знания, варит лекарства. Вполне определенный вывод о симпатиях Ф. В. Каржавина можно составить и на основании его осторожной автобиографической записки, в которой о событиях 1779 г. в Виргинии сообщалось следующее: «...Англичане, под водительством Годриджа (речь идет о виргинском лоялисте Джоне Гудриче.— Н. Б.), прибыли в Шеспекую губу (т. е. Чесапикский залив.— Н. Б.) и поднялись по всем рекам на грабеж и разорение». Далее мы узнаем, что Каржавин помогал французскому купцу Венелю «от-

²⁰ РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, л. 100, л. 7. О первом путешествии по Соединенным Штатам Ф. В. Каржавин по свежим впечатлениям подробно рассказывал в письме из Сен-Пьера (о-в Мартиника) к Бару от 15 апреля 1780 г.— См. там же, л. 201 и сл.

²¹ «Русская старина», т. XII, 1875, стр. 289.

вести водою товар в дальние леса, где мы скрывались до тех пор, пока не ушел неприятель»²².

Наиболее важным и интересным свидетельством близких связей Ф. В. Каржавина с восставшими колонистами и их руководителями является проект посылки его в С.-Петербург со специальной дипломатической миссией от конгресса Соединенных Штатов. Вспоминая об этом, Ф. В. Каржавин писал своим родителям в Россию 1 сентября 1785 г.: «Лет с тому 6 или 7 будет, как я жил на коште (т. е. содержании.— Н. Б.) виргинского правительства месяцев 6 в Вилиамсбурге с намерением быть посланным к российской государыне от американского конгресса с публичным характером в то время, как они отправили доктора Франклина к королю французскому полномочным министром. Но обстоятельства военные, некоторые повороты в американских делах, помятование, что я был у Вас не в милости, и страх российского министра Панина, ежели бы я, русский человек, послан был к своей государыне в публичном звании от иностранной короны и прочие, причинили мне предпочесть возвратиться в Мартинику на 74-пушечном французском корабле „Фандант“»²³.

Свидетельство Ф. В. Каржавина выглядит очень неожиданным и первоначально может показаться даже невероятным. Нет каких-либо подтверждений этого сообщения и в исторической литературе.

Тем не менее отрицать достоверность приводимых Ф. В. Каржавиным сведений также нет никаких оснований. Прежде всего попытаемся уточнить их датировку. В автобиографической записке Ф. В. Каржавина мы находим, что он сел «на 74-пушечный французский корабль», которым командовал «маркиз де Водриоль (de Vaudrieull)», 25 января 1780 г. «в малом Йорке» и через 20 дней прибыл «в Мартинику, претерпев при въезде в гавань пальбу целого англицкого флота»²⁴. Таким

²² РОНРЛ, ф. 93, оп. 2, л. 100, л. 8.

²³ Ф. В. Каржавин — В. Н. Каржавину и А. И. Каржавиной, 1 сентября 1785 г.— Архив ЛОИИ, ф. 238, к. 146, д. 3, л. 16 об.

²⁴ «Русская старина», т. XII, 1875, стр. 276. Точность приводимых Ф. В. Каржавиным сведений вполне согласуется с другими источниками: маркиз де Водрейль был капитаном корабля «Le Fendant», который находился в Йоркской гавани с 20 ноября 1779 г. по 25 января 1780 г. (см. Th. Jefferson. Papers, Vol. 3, p. 210—211, 247—248).

образом, обсуждение вопроса о его посылке в С.-Петербург, по всей видимости, имело место в конце 1779 — начале 1780 г. (во всяком случае не позднее 25 января 1780 г.). Следует учитывать, что в то время вопрос о дипломатической миссии в России еще не был решен (кандидатура Ф. Дейна получила одобрение Континентального конгресса в декабре 1780 г.). Более или менее вероятное предположение выдвинул А. И. Старцев, отметив, что в предварительном порядке кандидатура Ф. В. Каржавина могла обсуждаться в кругу его виргинских знакомых, в число которых входил профессор «Колледжа Вильяма и Мэри» Карло Беллини (постоянный корреспондент и близкий друг Т. Джефферсона). Не исключена возможность, что К. Беллини предложил кандидатуру Ф. В. Каржавина Т. Джефферсону, который был в 1779—1781 гг. губернатором Виргинии. А. И. Старцев обратил также внимание, что в 1778 г. виргинскими властями для выполнения финансово-дипломатического поручения был послан в Европу близкий друг Беллини итальянский врач и агроном Ф. Маццей²⁵.

Приехав в Соединенные Штаты уже после войны за независимость, Ф. В. Каржавин вновь обосновался в Виргинии (сначала в Смитфилде, а затем «в столице виргинской» городе Вильямсберге). «На последок, пробравшись до Виргинии, докторствовал там, купечествовал и был переводчиком языка англо-американского при канцелярии консульства французского», — писал об этом периоде своей жизни Ф. В. Каржавин в биографической заметке, помещенной в виде учебного перевода в одном из специальных филологических сочинений²⁶. Здесь он имел все возможности восстановить и расширить свои связи с деятелями американского просвещения и, прежде всего, с Карло Беллини. Знаменательно, что одну из своих книг, опубликованную в 1789 г., Ф. В. Каржавин посвятил «г-ну К. Беллини, профессору Вильямсбергского универ-

²⁵ А. И. Старцев. Ф. В. Каржавин... — «История СССР», 1960, № 3, стр. 139. Разумеется, все это продолжает оставаться лишь рабочей гипотезой, которую не удалось подтвердить какими-либо прямыми документальными свидетельствами. Не дал положительных результатов и просмотр бумаг Т. Джефферсона за соответствующий период (см. Th. Jefferson. Papers, Vol. 3).

²⁶ [Е. И. Каржавин и Ф. В. Каржавин] *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*. Publ., corr. et augm. par Théodore Karjavine. St. Pétersbourg, 1791.

ситета в Виргинии»²⁷. В своем посвящении он призвал К. Беллини «принять эти строки как знак близкой связи, существующей между сторонниками истинной веры (букв. — *vrais-croyans*), несмотря на разделяющие их безбрежные моря».

Позднее Ф. В. Каржавин решительно отвергал обвинение в сочувствии идеям «свободы и равенства». Известно, например, что в письме к жене от 27 апреля 1797 г. из С.-Петербурга он специально подчеркивал: «Я не знаю, почему мадам нравится приписывать мне сочувствие свободе и равенству; если бы это было так, я бы никогда не покинул Америки; я мог там стать профессором подобно г-ну Беллини, и все меня там знали и любили»²⁸.

Опровергая обвинения в сочувствии революционным идеям, Ф. В. Каржавин одновременно сам себе противоречил, когда отмечал, что все в Америке его «знали и любили». Если полностью принять «опровержения» Ф. В. Каржавина, то совершенно необъяснимой становится его дружба и идейная близость с К. Беллини. Непонятными также окажутся содержание и дружеский тон их переписки. Особый интерес представляет в этой связи письмо К. Беллини Ф. В. Каржавину из Вильямсберга от 1 марта 1788 г., в котором упоминалась федеральная конституция, принятая Филадельфийским конвентом в 1787 г. Из этого письма видно, что в круг виргинских знакомых Ф. В. Каржавина входили такие известные лица, как будущий президент США Д. Мэдисон и один из наиболее образованных представителей американского просвещения, профессор «Колледжа Вильяма и Мэри» Д. Уайз²⁹.

²⁷ Ph. Carjavine. Description du peu, vu au microscope. En français et en russe. A Carouge, 1789.— In: E. Dvoichenko-Markov. A Russian Traveler...— PAPS, Vol. 97, N 4, p. 153—354.

²⁸ Ф. В. Каржавин — К. П. Каржавиной, 27 апреля 1797 г.— РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, л. 100, л. 87.

²⁹ К. Беллини — Ф. В. Каржавину, 1 марта 1788 г. (на итал. яз.).— Там же, л. 236. Это дружеское послание Беллини, полученное 9 июля, служило ответом на письмо Ф. В. Каржавина от 6 ноября 1787 г. На это письмо, так же как и на ряд других неизвестных ранее документов Ф. В. Каржавина, впервые обратил внимание А. И. Старцев (см. «История СССР», 1960, № 3, стр. 138). Среди бумаг Ф. В. Каржавина сохранилось также письмо его другого американского корреспондента Луи Бернарда от 1 мая 1789 г., в котором, в частности, указывалось: «После Вашего отъезда в Россию я не имел, милостивый государь и дорогой друг, известия от Вас;

Итак, круг американских и русских друзей Ф. В. Каржавина достаточно определенно свидетельствует о направлении его взглядов и симпатий. Будучи еще совсем молодым, Ф. В. Каржавин воспитывался в Париже под наблюдением Д. А. Голицына и жил в его доме. В России, как уже отмечалось, он на всю жизнь сохранил дружбу с В. И. Баженовым и печатался в изданиях И. И. Повикова. В Америке в числе его знакомых были Дж. Мэдисон и Д. Уайз, а особенно близким другом стал К. Беллини. Вполне оправданным и естественным представляется в этой связи и тот факт, что Ф. В. Каржавин — выходец из «семьи вольнодумцев» и представитель русского «третьего сословия» — оказался во время революционной войны США за независимость с самого начала связанным с американо-французской стороной.

С формальной стороны, американское путешествие Ф. В. Каржавина трудно назвать удачным. «Богини, называемые у римлян *Paupertas* и *Necessitas*»³⁰, постоянно преследовали Ф. В. Каржавина, и ему не удалось даже скопить денег на обратную дорогу, в связи с чем пришлось обратиться в русское посольство в Париже к Н. К. Хотинскому, через которого были, наконец, получены необходимые 1200 ливров³¹.

В то же время его роль в установлении первых прямых русско-американских связей и прежде всего культурных контактов представляется довольно существенной. Практическая деятельность Ф. В. Каржавина, его литературные работы, широкий и разнообразный круг знакомых и т. д. — все это, несомненно, способствовало взаимному ознакомлению с условиями жизни в обеих странах, обмену опытом и появлению обоюдного интереса. Нельзя не учитывать также, что Ф. В. Каржавин был первым русским человеком, который по собственной инициативе предпринял путешествие в Америку и прожил в Соеди-

только через г-на Беллини, которому Вы написали из Парижа, я узнал о Вашем благополучном прибытии в эту столицу». Очевидно, таким образом, что, приехав в начале 1788 г. в Париж, Ф. В. Каржавин написал К. Беллини письмо, которое было последним исправно получено (см. Л. Бернгард — Ф. В. Каржавину, 1 мая 1789 г. Порт-о-Пренс (Port du Prince), получено 1(11) февраля 1790 г. — РОИРЛ, ф. 93, оп. 2, д. 100, лл. 213—214).

³⁰ Ф. В. Каржавин — И. К. Хотинскому, 25 ноября 1786 г. — Там же, лл. 261—263.

³¹ Там же, л. 265.

ненных Штатах значительный период времени как в годы войны за независимость, так и после ее окончания.

За время своего пребывания в Соединенных Штатах Ф. В. Каржавин, несомненно, смог детально и глубоко познакомиться с условиями жизни в Америке. По его собственным словам, он «узнал громадную страну и узнал хорошо». Точность приводимых в автобиографической записке Ф. В. Каржавина сведений, многочисленные детали и, особенно, хронологические даты позволяют с уверенностью предположить, что, находясь в Америке, он вел краткий дневник. Не случайно, по-видимому, среди его бумаг попадаются дневниковые записи, в частности, за март — август 1782 г. Интересно также, что о «североамериканском дневнике Каржавина» упоминал и Беллини в письме от 1 марта 1788 г. Последний интересовался, скоро ли читающая публика сможет с ним познакомиться. К сожалению, публика так никогда и не увидела специальной книги Каржавина о его американском путешествии, а судьба его дневниковых записей остается неизвестной.

Вместе с тем в литературных работах Ф. В. Каржавина, в том числе и рукописных, можно встретить довольно неожиданные и часто очень любопытные наблюдения, непосредственно связанные с его американским путешествием. Так, среди учебных материалов читатель находил общую характеристику американского путешествия: «Один из наших соотечичей, человек любопытный и знающий, пускается в 1776 г. по океану Атлантическому и, направляя путь свой на юго-запад, выходит на берег в Вест-Индии ...оттуда продолжает путь до матерой Америки и возвращается в отечество свое не прежде 1788 года... Сей россиянин есть первый из нашего народа человек, который двенадцатилетнее жительство имел в тех отдаленных странах, и должен был видеть их примечательными глазами...»³²

³² Ф. В. Каржавин. Французские, российские и немецкие разговоры в пользу начинающих... СПб., 1803, стр. 64. В другой раз Ф. В. Каржавин сообщал, что он «бывал в Петербурге виргинском, видел Филадельфию и Бостон..., потом зделан военнопленником англичанами... ездил с гишпанцами по морю в Новый Йорк, в Кап французский и в Гавану на острове Кубе...» См. [Е. Н. Каржавин и Ф. В. Каржавин] *Remarques sur la langue russionne et sur son alphabet*. Краткая библиография работ Ф. В. Каржавина с интерес-

Очень показательно также, что предисловие к одной из своих книг Ф. В. Каржавин подписал: «Русский американец»³³.

Знакомясь с содержанием этой книги, читатель в пояснении к одной из таблиц находил интересные подробности об американском путешествии Ф. В. Каржавина, из которых видно, что в 1785 г. в Виргинии им была опубликована аналогичная работа «на англо-американском языке» под заглавием «The Virginian Fortune-teller». Читатель узнавал, далее, что приводимая в обеих книгах таблица была выписана «из 19 номера «Гаванских ведомостей» 1783 г., опубликованных в Гаване, столичном городе острова Кубы, что в Мексиканском заливе, где Ф[едор] К[аржавин] тогда жил»³⁴.

Особый интерес представляет решительное осуждение Ф. В. Каржавиным рабства негров, что было так характерно для передовых кругов русского общества того времени. В той же самой книге, которая по своей тематике казалась очень далекой от политики и, по словам автора, представляла «невинное упражнение во время скуки для людей, не желающих лучшим заниматься», можно было встретить гневные строки в адрес рабства негров и его защитников. «...Все берега Африканские и Американские,— отмечал Ф. В. Каржавин,— стонут от безчеловечия, с каким сахарные промышленники поступают с черноцветными народами»³⁵.

Демократизм и сочувствие Ф. В. Каржавина к неграм и поработанным индейцам Америки ярко проявились также в его характеристике так называемых «диких» народов. «Двенадцать лет я выжил в различных областях как холодные, так и теплые Америки,— писал Ф. В. Каржавин,— был всего 28 лет вне отечества..., множество народов я видел, которые не так живут, как мы, не так, как и прочие европейцы; видел я людей разумных, видел и глупых, везде я нашел человека, но дикого нигде, и признаюсь, что дичее себя не находил»³⁶.

ными пояснениями впервые была составлена Н. П. Дуровым.— «Русская старина», т. XII, 1875, стр. 291—294.

³³ [Ф. В. Каржавин] Новоявленный ведун, поведующий гадание духов... СПб., 1795, стр. IV.

³⁴ Там же, стр. 65.

³⁵ Там же, стр. 71.

³⁶ [Ф. В. Каржавин]. Краткое известие о достопамятныхключениях капитана д'Сивилля... Перевод Ф[едор]а К[аржавин]а. М., 1791, стр. 26—27.

Уже эти краткие замечания, как бы случайно оброненные автором, проливают вполне определенный свет на его взгляды. Становится понятным, почему этот незаурядный и исключительно образованный человек не находил себе места в крепостнической России. Долгое время проживший в Западной Европе и Америке и не принадлежавший к дворянскому сословию, Ф. В. Каржавин казался в крепостнической России политически неблагонадежным, и ему явно не помогали неоднократные заверения в лояльности. Этим заверениям мало верила даже его жена, не говоря уже о царских чиновниках. Не удивительно поэтому, что прошение в коллегии иностранных дел «быть при должности в чужих краях»³⁷ не было удовлетворено и до своей смерти в 1812 г. Ф. В. Каржавин не переставал бороться с жизненными невзгодами и материальной нуждой, с трудом сводя концы с концами случайными литературными заработками.

Рукописное и печатное наследство Ф. В. Каржавина еще не стало предметом всестороннего детального исследования. Далеко не все в этом наследстве представляется ясным и далеко не все сохранило художественную и познавательную ценность. Многие из того, что написал Ф. В. Каржавин, носит случайный или отвлеченный характер и для современного читателя практически утратило всякий смысл. В то же время относительно недавно было установлено, что значительную ценность для своего времени представляли его филологические наблюдения. Специального внимания заслуживают и его литературные сочинения. Выученик Парижского университета, «всемирный странствователь», Ф. В. Каржавин, по словам М. П. Алексеева, «немало потрудился для своей родины в качестве «университетом московским апробованного и привилегированного учителя», переводчика и сочинителя, и не его вина, что он сделал меньше того, что хотел и мог сделать»³⁸.

Говоря об американском путешествии Ф. В. Каржавина, нам не раз уже приходилось пожалеть, что примечательная жизнь и деятельность этого человека еще не стала предметом всестороннего исследования. О Ф. В. Каржавине трудно писать, так как о нем, вообще

³⁷ РОИРЛ, ф. 93, о. 2, д. 100, л. 12.

³⁸ М. П. Алексеев. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина.— «Романская филология», стр. 36.

говоря, очень мало известно. Историки постоянно испытывают трудности из-за недостатка материала, случайности и противоречивости дошедших до нас сведений.

Совсем иные трудности возникают при изучении пребывания в России первых американцев. Как правило, они не могут пожаловаться на недостаток внимания своих потомков. Скорее, наоборот, исследователи сталкиваются со значительными трудностями именно благодаря исключительной популярности человека, который оказался одним из первых американцев, посетивших Россию вскоре после окончания войны США за независимость. Этим американцем оказался не кто иной, как признанный ныне основателем военно-морского флота США Поль Джонс. Строго говоря, он не был «настоящим американцем», так как родился в 1747 г. в Шотландии, а умер в 1792 г. в Париже. Далеко не сразу храбрый капитан получил и признание «благодарных» американских потомков, которые еще долгие годы продолжали именовать его «корсаром», видимо, для того, чтобы избежать употребления более грубого слова «пират». Ведь как-никак он был героем войны за независимость.

Посчастливилось Полю Джонсу лишь тогда, когда США стали претендовать на ведущее место в числе великих морских держав. Военно-морскому флоту могущественного государства срочно понадобились свои традиции и герои. Останки Поля Джонса были срочно перевезены из Парижа в Америку, и он стал одним из самых почитаемых героев войны за независимость, признанным основателем американского флота, его «первым капитаном».

Чтить своих военных героев американцы, как известно, умеют. О Поле Джонсе знает каждый школьник, и очерк о храбром капитане можно найти рядом с биографиями Г. Вашингтона, Б. Франклина, А. Линкольна и Ф. Рузвельта. Поначалу мы несколько удивились, увидев Поля Джонса в столь блестящем окружении, но в конце концов решили, что американцам лучше знать, кого надо больше всего чтить, а мы, вообще говоря, меньше всего помышляем о том, чтобы как-то умалить заслуги знаменитого капитана. (Кстати, в России он получил адмиральский чин, а также был награжден орденом за участие в сражении в Днепровском лимане в июне 1788 г.)

Восторженные биографы П. Джонса не любят касаться деталей его пребывания в России в 1788—1789 гг., поскольку оно закончилось крайне неудачно, и часто ограничиваются сплошной руганью в адрес «восточных варваров». Так, для Г. Джонсона двор Екатерины II — «публичный дом», а Г. Потемкин — не человек, а какое-то животное вроде «троглодита» и т. д. Раздражительные почитатели П. Джонса, видимо, полагают, что нагромождением обвинений и бранных эпитетов в адрес Екатерины II, Г. Потемкина, а за одно и русских моряков они возвышают своего героя³⁹. Совсем наоборот. Несуразные обвинения и брань, в действительности, только вредят, а не помогают их герою, который, кстати говоря, сам был гораздо объективнее в своих оценках.

Основные причины раздражения биографов П. Джонса заключаются в неприятном следственном деле, которое окончательно испортило карьеру американца в России. П. Джонс обвинялся в уголовном преступлении (насилие в отношении несовершеннолетней «девицы Катерины») ⁴⁰. Сам он решительно отвергал возводимое на него обвинение, в частности, в письмах к шефу петербургской полиции генерал-майору Рылееву, Г. А. Потемкину, Екатерине II и др.⁴¹ В конце концов благодаря помощи французского посланника графа Сегюра П. Джонсу удалось прорвать изоляцию, в которой он оказался в чужой для него стране, и вновь появиться при дворе Екатери-

³⁹ G. Johnson's *The First Captain. The Story of John Paul Jones*. New York, 1947, p. 289, 290, 297 ff.

⁴⁰ Материалы следствия (показания свидетелей, медицинское заключение и т. д.) в большинстве случаев неблагоприятны для П. Джонса (см. ЦГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 63, лл. 71—73, 75, 76 и др.). Известное исключение составляют, пожалуй, лишь показания «коллегии иностранных дел титулярного советника Павла Дмитриевского, находившегося в должности переводчика у господина контр-адмирала и кавалера Поль Джонса» (там же, л. 78). Не являясь специалистами по вопросам права, мы лишены возможности высказать квалифицированное заключение по существу следственного дела. Представляется, однако, очевидным, что поскольку никакого официального суда не было, то «виновность» обвиняемого даже с формальной стороны осталась не доказанной. Учитывая же неоднократные решительные опровержения самого П. Джонса, считать его виновным нет никаких оснований.

⁴¹ См., например, П. Джонс — Рылееву, 2(13) апреля 1789 г. — ЦГАВМФ, ф. 72, оп. 1, д. 349, л. 489; П. Джонс — Г. Потемкину, 13(24) 1789 г. — Там же, ф. 223, оп. 1, д. 63, л. 66 и др.

ны II⁴². Впрочем, это было, так сказать, прощальной милостью царицы. Получив двухгодичный «отпуск», П. Джонс осенью 1789 г. навсегда покинул пределы Российской империи.

Некоторые буржуазные авторы не прочь использовать «дело П. Джонса» для искусственного разжигания враждебности между русским и американским народами, нагромождая разного рода несуразные обвинения в адрес «восточных варваров». Если стать на этот путь, то можно было бы, скажем, еще с большим основанием предъявить претензии к «цивилизованной Америке» в связи с аналогичным делом русского генерального консула в Филадельфии Н. Козлова. Как генеральный консул, Н. Козлов пользовался дипломатическим иммунитетом, и его «дело» было, помимо всего прочего, грубейшим нарушением международного права и впоследствии чуть не привело к разрыву дипломатических отношений между Россией и США. Вряд ли, однако, было бы правомерно предъявлять на этом основании какие-либо претензии к американскому народу за «дело Козлова» или к русскому народу за «дело П. Джонса». Кстати, сам П. Джонс был склонен винить в постигшей его в России неудаче своих многочисленных врагов и в первую очередь англичан, хотя ни он сам, ни граф Сегюр не могли дать окончательный ответ⁴³.

Вспоминая по необходимости о следственном деле П. Джонса, мы очень далеки от мысли возбудить недовольство или бросить тень на память национального героя США. Кстати, нельзя считать, что его пребывание в России вообще закончилось неудачно. П. Джонс мог не поладить с Г. Потемкиным, он мог сделаться объектом интриг английских моряков, мог поссориться с Нассау-Зигеном, но все это еще не может служить основанием считать его пребывание в России в целом неудачным. П. Джонс находился в России довольно продолжительное время и встречался с очень большим числом лиц. Он служил в русском флоте, общался с русскими моряками,

⁴² *Memoirs of Paul Jones, Late Rear-Admiral in the Russian Service...* (далее: P. Jones. *Memoirs*), Vol. II. London, 1843, p. 155—170; Л. Ф. Сегюр. *Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789)*. СПб., 1865, стр. 369—370.

⁴³ P. Jones. *Memoirs*. Vol. II, p. 110—111, 143, 156 ff.; Л. Ф. Сегюр. *Записки...*, стр. 367.

о которых, как мы увидим, очень высоко отзывался. Наконец, особенно примечательны его встречи с А. В. Суворовым.

Именно эти стороны его деятельности заслуживают, как мы полагаем, подробного внимания исследователей, и именно поэтому мы позволим себе остановиться на некоторых деталях пребывания П. Джонса в России.

Вопрос о принятии П. Джонса на русскую службу был согласован в конце 1787 — начале 1788 г. при участии русского и американского посланников в Париже И. М. Симолина и Т. Джефферсона и окончательно оформлен через барона Крюденера в Копенгагене⁴⁴. Указом Екатерины II адмиралтейской коллегии от 15(26) февраля 1788 г. Поль Джонс (в России его именовали капитан-командор Павел Жонес) был зачислен на русскую службу «в чине флота капитана ранга генерал-майорского» и определен в Черноморский флот⁴⁵. Сам П. Джонс претендовал на звание контр-адмирала и недоумевал, почему его решили наградить генерал-майорским рангом⁴⁶. В С.-Петербурге решили по этому поводу не торговаться, и 4(15) апреля указом Екатерины II назначили Павла Жонеса контр-адмиралом⁴⁷.

Приехав в Россию в апреле 1788 г., П. Джонс сразу же сделался объектом всеобщего внимания и необычного монаршего благоволения. «Императрица приняла меня с самым лестным вниманием, которым может похвастаться иностранец, поступающий на русскую службу», — сообщал в июне 1788 г. П. Джонс Лафайету⁴⁸. К большой досаде и раздражению англичан, нового любимца императрицы с восторгом приветствовал светский С.-Петербург: его подъезд осаждали кареты, а стол был завален приглашениями⁴⁹.

В отличие от своего осторожного предшественника — Ф. Дейна П. Джонс действовал в русской столице доволь-

⁴⁴ См. об этом P. Jones. Memoirs. Vol. I, p. 307 f.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 51, л. 177.

⁴⁶ P. Jones. Memoirs, Vol. I, p. 323—324.

⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. 277, оп. 1, д. 53, л. 148. Назначение Павла Жонеса контр-адмиралом было позднее оформлено соответствующим «предложением» Черноморскому адмиралтейскому правлению 20(31) мая 1788 г. (ф. 245, оп. 1, д. 21, л. 19).

⁴⁸ П. Джонс — Лафайету, 15(26) июня 1788 г. Полный текст см. Th. Jefferson. Papers, Vol. 13, p. 582—584.

⁴⁹ P. Jones. Memoirs, Vol. I, p. 323—326.

но смело и начал с того, что подарил Екатерине II экземпляр новой американской конституции, подписанный секретарем Континентального конгресса⁵⁰. Самодержавной царице пришлось, по-видимому, «проглотить» этот необычный подарок, хотя знакомство с конституцией вряд ли могло доставить ей особое удовольствие. Впрочем, по отзыву самого П. Джонса, Екатерина II часто говорила с ним о Соединенных Штатах и высказывала убеждение, что «американская революция не может не вызвать других и не оказать влияние на любое правительство»⁵¹.

В беседах с Екатериной II весной 1788 г. П. Джонс затронул вопрос о вооруженном нейтралитете и присоединении США к этой «прославленной ассоциации». Еще ранее, в письме к Т. Джефферсону из Копенгагена от 8 апреля 1788 г. П. Джонс отмечал, что для Америки с ее растущей торговлей было бы очень выгодно присоединиться к системе вооруженного нейтралитета, которую он называл «благородным и гуманным объединением»⁵².

Восторженный прием в С.-Петербурге и высочайшие милости, видимо, окончательно вскружили голову храброго моряка. В своих письмах он расточал непомерные комплименты в адрес Екатерины II и из защитника свободы и равенства на некоторое время превратился в восторженного почитателя и верноподданного русской царицы. Кстати сказать, П. Джонс довольно легкомысленно и простодушно выражал свое, несколько необычное восхищение царицей ни больше ни меньше, как самому Г. Потемкину: «Если бы ее в. не была бы императрицей всея Руси (и не говоря уже о других ее огромных достоинствах), — писал он светлейшему князю 30 мая (10 июня) 1788 г., — в моих глазах она всегда была бы самой любезной (*aimable*) из всех женщин»⁵³.

Григорий Потемкин знал достоинства Екатерины II достаточно хорошо, и П. Джонсу вряд ли следовало изливать свои неумеренные восторги в адрес царицы ее

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 168, л. 166, л. 2; Th. Jefferson. Papers, Vol. 13, p. 538.

⁵¹ «...the American Revolution cannot fail to bring about others, and to influence every other Government» (Th. Jefferson. Papers, Vol. 13, p. 538).

⁵² П. Джонс — Т. Джефферсону, 8 апреля 1788 г. — Th. Jefferson. Papers, Vol. 13, p. 45.

⁵³ П. Джонс — Г. Потемкину, 30 мая (10 июня) 1788 г. — ЦГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 63, лл. 1—2.

всесильному фавориту. В известном смысле слишком блистательное начало карьеры П. Джонса в России уже в зародыше таило печальный конец. Но это было еще впереди, а пока исполненный радужных надежд американец поднял свой новый контр-адмиральский флаг на корабле «Владимир» в Днепровском лимане⁵⁴.

Изучение военно-морских операций в Днепровском лимане летом 1788 г. и выяснение роли в них П. Джонса представляют значительные трудности. Русскими военно-морскими силами в этом районе командовали Нассау-Зиген (гребная флотилия) и П. Джонс (парусная эскадра в составе трех линейных кораблей, пяти фрегатов и шести мелких судов). В результате успешных сражений, происходивших под Очаковым 7(18), 17(28) июня 1788 г., турецкий флот потерпел жестокое поражение. Стремясь уйти в открытое море в ночь на 18(29) июня, турецкие суда попали под огонь русских батарей, установленных на Кинбурнской косе А. В. Суворовым. Под обстрелом этих батарей турецкие суда пришли в полный беспорядок: некоторые из них сели на мель и затем были истреблены гребной флотилией. В сражениях 17(28)—18(29) июня потери турок составляли около 600 человек. Кроме того, почти 1800 человек попало в плен⁵⁵.

В официальных документах и военно-исторической литературе прочно утвердилось мнение о решающей роли в этих операциях гребной флотилии под командованием Нассау-Зигена. С другой стороны, в документах, исходящих от П. Джонса, основная заслуга в разгроме турецкого флота возлагается на парусную эскадру, а действия Нассау-Зигена подвергаются резкой критике. Впоследствии обиженный П. Джонс подготовил к печати собственный отчет об операциях в Днепровском лимане летом 1788 г., в котором стремился доказать, что именно его действия «не только спасли Херсон и Крым, но решили судьбу войны»⁵⁶.

⁵⁴ См. Рапорт бригадира Алексано о сдаче командования эскадрой в Лимане Полю Джонсу от 29 мая (9 июня) 1788 г.—ЦГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67, л. 131.

⁵⁵ А. В. Суворов. Документы, т. II. М., 1951, стр. 415, 418—420; История русской армии и флота, т. VIII. М., 1912, стр. 96—98; Боевая летопись русского флота. М., 1948, стр. 111—112. См. также донесения П. Джонса Г. А. Потемкину от 17(28) и 18(29) июня 1788 г.—ЦГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 63, лл. 14, 15—16.

⁵⁶ P. Jones. Memoirs. Vol. II, p. 3.

Столь явное преувеличение общего значения военно-морских сражений в Днепровском лимане в июне 1788 г., в которых принимал участие П. Джонс, вряд ли нуждается в подробном опровержении. Совершенно очевидно, что при всей важности этих побед они не оказали, да и не могли оказать решающего влияния на исход войны, которая продолжалась, кстати, еще несколько лет и закончилась лишь в 1791 г.

И хотя уязвленное самолюбие явно мешало П. Джонсу правильно оценить общее значение операций, в которых он участвовал, приводимые им материалы, несомненно, заслуживают внимания. Конечно, историк не может не учитывать, что П. Джонс был заинтересованной стороной и исходящие от него документы в целом дают только одностороннюю оценку событий. Поскольку мы знакомы в основном только с этими документами, составить правильное суждение о всей совокупности фактов не всегда оказывалось возможным.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание, что П. Джонс весьма высоко отзывался о моряках своей эскадры уже в отчете о военных операциях «членам черноморского адмиралтейского правления» в Херсоне от 25 июня (6 июля) 1788 г.⁵⁷ Позднее он очень огорчился тем, что офицеры его эскадры (в отличие от офицеров флотилии Нассау) не получили никакого поощрения, и хлопотал об их награждении перед Г. А. Потемкиным⁵⁸. Наконец, даже в тексте его оправдательного отчета о кампании 1788 г. мы систематически встречаем лестные оценки служивших под его командованием русских моряков⁵⁹.

О ком П. Джонс действительно отзывался очень резко, так это о своем коллеге контр-адмирале Нассау-Зигене. И в этом он, по нашему мнению, был совершенно прав. Иностранец-авантюрист, пользовавшийся благосклонностью царского двора, Нассау-Зиген не обладал способностями к руководству военно-морскими операциями и оказался посредственным, если не сказать просто бездарным, флотоводцем. По иронии судьбы он стал «главным» победителем турок в Днепровском лимане

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 245, оп. 1, д. 17, лл. 9—10.

⁵⁸ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 93.

⁵⁹ Ibid., p. 29, 42, 87.

и был осыпан царскими милостями. Позднее, однако, по его вине русский гребной флот потерпел жестокое поражение от шведов во втором Роченсальмском сражении (Нассау-Зиген решил во что бы то ни стало дать сражение в день восшествия на престол Екатерины — 28 июня (9 июля) 1790 г., но «подарок» царице на деле оказался очень сходным с военным преступлением)⁶⁰.

Документы П. Джонса весьма убедительно характеризуют Нассау-Зигена как совершенно бездарного командира, неспособного руководить операциями находившихся под его командованием судов. Особое раздражение у П. Джонса вызвали непомерные царские милости, которыми Нассау-Зиген был осыпан как победитель турецкого флота в Днепровском лимане в июне 1788 г. Недовольный американец отказался «салютовать» новому вице-адмиральскому флагу, поднятому Нассау-Зигеном, и их отношения крайне обострились⁶¹. Самолюбие П. Джонса было сильно уязвлено, когда он узнал, что его собственная награда за победу в Днепровском лимане свелась к награждению орденом св. Анны⁶². Позднее, уже находясь в Париже, П. Джонс подчеркивал в письме Г. А. Потемкину, что именно он руководил всеми полезными операциями против капудан-паши в Днепровском лимане. «Именно я,— писал П. Джонс,— и храбрые люди, которыми я командовал, победили его 17 июня... и именно я дал генералу Суворову (он имел благородство открыто заявить мне об этом при самых уважаемых сви-

⁶⁰ Хотелось бы обратить в этой связи внимание на одно очевидное противоречие, которое встречается в военной литературе. Упомянутая о победах в Днепровском лимане в июне 1788 г., иногда отмечают, что они были достигнуты «благодаря точным и решительным распоряжениям контр-адмирала Нассау-Зигена». Через несколько страниц, однако, в связи с Роченсальмским сражением специалистам приходится давать совсем иную характеристику действиям Нассау-Зигена, который отдавал «бестолковые распоряжения», довершившие дезорганизацию и явившиеся причиной бессмысленного поражения (см., например, А. В. Суворов. Документы, т. II, стр. 415, 420 (примечания); Боевая летопись русского флота, стр. 111—112, 142—143; История русской армии и флота, т. VIII, стр. 93, 96, 148).

⁶¹ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 51, 66.

⁶² Ibid., p. 41. Орден был дан за участие в сражении 7(18) июня 1788 г. и первоначально П. Джонс выразил Г. Потемкину свое удовлетворение этой наградой (см. П. Джонс.— Г. А. Потемкину, 9(20) июля 1788 г.— ЦГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 63, л. 32).

детелях) первый проект установить батарею и наносные брустверы на Кинбурнской косе, которые принесли такую огромную пользу в ночь с 17 на 18 июня»⁶³.

Замечания П. Джонса об «огромной пользе» суворовских орудий на Кинбурнском мысу заслуживают особого рассмотрения. По сути дела именно огонь батарей, установленных А. В. Суворовым на стрелке Кинбурнской косы, определил окончательное поражение турецкого флота, стремившегося уйти в ночь с 17 на 18 июня (по ст. ст.) в открытое море. Вряд ли надо подробно доказывать, что сам А. В. Суворов отлично понимал важность установленных им батарей и предвидел их роль в разгроме турецкого флота. «В соображение мужества ее и. в. морских сил, с нашей стороны на Кинбурнской стрелке совершена батарея с тринадцатью орудиями,— сообщал он Г. А. Потемкину 8(19) июня 1788 г. ...сколько можно, не будем давать золотого моста (т. е. позволять противнику отступить.— Н. Б.) неверным»⁶⁴.

Необходимость установки орудий на Кинбурнской стрелке у выхода из Днепровского лимана представлялась очевидной для всех, кроме разве главнокомандующего Г. А. Потемкина. П. Джонс сообщает, что он был поражен, когда заметил отсутствие батарей, и сразу же предложил А. В. Суворову ее установить⁶⁵. Возможно, что именно так оно и было. (У нас нет оснований не доверять свидетельству П. Джонса.) Хотелось бы обратить внимание лишь на одно существенное обстоятельство. А. В. Суворов недаром был не только гениальным полководцем, но также блестящим тактиком и дипломатом. Именно этих последних качеств так не хватало, по всей видимости, П. Джонсу, который никак не мог поладить ни с Г. А. Потемкиным, ни с Нассау-Зигеном. Находиться под началом у Г. А. Потемкина А. В. Суворову было очень трудно (и мы позволим себе заметить — гораздо труднее, чем П. Джонсу). Но как осторожно и тактично он вел себя даже в этом, казалось бы, совершенно очевидном деле с установкой орудий на Кинбурнской стрелке! «Бога ради, сделайте милость, потерпите,— писал хитрец «светлейшему князю» 10(21) июня 1788 г.,—

⁶³ П. Джонс — Г. А. Потемкину, 24 июля 1790 г.— P. Jones. *Memoirs*, Vol. II, p. 226.

⁶⁴ А. В. Суворов. *Документы*, т. II, стр. 415.

⁶⁵ P. Jones. *Memoirs*, Vol. II, p. 32—33.

батарею не я выдумал, по ней упорствовал я против ред-лихкейта и всех морских начальников недели две и почти, опасаясь вашу светлость, принужден был согласиться. Быть так, теперь уж она есть; и другая к ней, крестная, в сию ночь приспела, как завтра изволите увидеть на плане. Помилуйте, светлейший князь, ежели их сносить, вид не очень будет хорош туркам и нашим»⁶⁶.

Ирония А. В. Суворова буквально граничит в письме с открытым издевательством и, тем не менее, нигде не переходит границ дозволенного. «Светлейшему» пришлось «потерпеть» и примириться как с воздвигнутой батареей, на сносе которой он настаивал, так и с ее «крестной». Заметим, кстати, что отношения П. Джонса с великим русским полководцем с самого начала приняли, по всей видимости, дружественный характер. По отзыву самого А. В. Суворова, они встретились 25 мая (5 июня) 1788 г. «как столетние знакомцы»⁶⁷. К сожалению, А. В. Суворов (возможно, из осторожности) не приводил каких-либо подробностей своих бесед и в опубликованных документах, как правило, ограничивался простым упоминанием «Пауля Жонса».

Общение с А. В. Суворовым мало повлияло на умение американца ладить с начальством, и позднее ему не раз пришлось пожалеть о резкости своего письма Г. А. Потемкину от 14 (25) октября 1788 г., написанного в «крайне возбужденном состоянии»⁶⁸. Осенью 1788 г. светлейший князь счел за лучшее избавиться от беспокойного американца, отправив его под благовидным предлогом в С.-Петербург. Во врученном ему письме к Екатерине II Г. Потемкин отмечал, что П. Джонс проявил на императорской службе «пыл и усердие»⁶⁹. Прибыв в столицу, П. Джонс удостоился частной аудиенции у царицы в канун нового года по старому стилю, но никакого нового назначения не получил. Тем временем в ожидании этого назначения, о возможности которого ему намекнул

⁶⁶ А. В. Суворов — Г. А. Потемкину, 10 (21) июня 1788 г. — А. В. Суворов. Документы, т. II, стр. 415—416.

⁶⁷ А. В. Суворов — Г. А. Потемкину, 26 мая (6 июня) 1788 г. — Там же, стр. 411.

⁶⁸ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 227.

⁶⁹ Г. А. Потемкин — Екатерине II, 31 октября (11 ноября) 1788 г. — Ibid., p. 94.

А. А. Безбородко, П. Джонс развернул несколько необычную для его положения дипломатическую деятельность.

Как видно из писем Т. Джефферсону в январе 1789 г., П. Джонса очень занимала в то время идея тесного союза между Россией и США для совместных действий в Средиземном море против Турции и Алжира. При этом он рассчитывал, что командование объединенными силами, естественно, будет предоставлено ему. Он сообщал также, что уже беседовал по этому вопросу в С.-Петербурге и просил Т. Джефферсона как можно скорее высказать свои соображения на этот счет⁷⁰. В своих «мемуарах» П. Джонс сообщает, что в феврале 1789 г. он представил вице-канцлеру И. А. Остерману проект широкого союза между Россией и Соединенными Штатами⁷¹. В советских архивах сохранился подлинник интересного письма П. Джонса И. А. Остерману от 31 января (11 февраля) 1789 г., содержащего подробное обоснование целесообразности заключения такого союза между Россией и Соединенными Штатами. П. Джонс высказывался, в частности, за объединение действий России и США и предлагал в этой связи создать специальную эскадру в Средиземном море. После заключения мира П. Джонс рассчитывал добиться свободы мореплавания для американских судов как в Средиземном, так и Черном морях. В письме подробно развивались выгоды от торговли между Россией и Америкой на основе принципа наиболее благоприятствуемой нации, высказывались любопытные соображения о перспективах колонизации Крыма, вербовки американских моряков в русский флот и т. д. В целом это была развернутая программа широко военного-политического и торгового соглашения между обеими странами⁷².

Смелый и неожиданный проект П. Джонса, действовавшего, кстати говоря, без каких-либо полномочий от американского правительства, едва ли мог быть осуществлен даже при очень благоприятных обстоятельствах. Вряд ли надо подробно доказывать, что ни в США, ни в России к подобному союзу совершенно не были подго-

⁷⁰ П. Джонс — Т. Джефферсону, 26 и 31 января 1789 г. — Th. Jefferson. Papers, Vol. 14, p. 506, 515—516.

⁷¹ Ibid., p. 97.

⁷² П. Джонс — И. А. Остерману, 31 января (11 февраля) 1789 г. — ЦГАДА, ф. 168, д. 166, лл. 2—3.

товлены, и не удивительно, что Т. Джефферсон предпочел уклониться от какого-либо определенного ответа⁷³.

Наиболее заманчивой для царского правительства могла показаться идея экспедиции в Средиземное море. Кстати говоря, еще раньше, летом 1788 г. в России действительно намечалась посылка морской экспедиции, чтобы нанести удар Турции со стороны уязвимого для нее тыла, используя восстание порабощенных Портой балканских народов⁷⁴. Однако уже в то время Англия приняла решительные меры, чтобы сорвать эту экспедицию, запретив нанимать английских моряков, а также закупать продовольствие и транспортные суда. С тех пор отношения с Великобританией продолжали обостряться. Не без участия английской дипломатии в войну против России с лета 1788 г. была втянута Швеция. Вместо проектов средиземноморской экспедиции России приходилось готовить свой флот к защите С.-Петербурга⁷⁵.

По свидетельству П. Джонса, спустя некоторое время после представления проекта, И. А. Остерман пригласил его к себе в кабинет и высказал свое мнение. Вице-канцлер сообщил, в частности, что «проект содержит несколько хороших идей, но что он не думает, что в настоящее время целесообразно его принимать, так как это может еще больше возбудить англичан против России, и что необходимо сначала заключить мир с турками»⁷⁶.

Опасения И. А. Остермана в отношении реакции англичан были, вообще говоря, вполне обоснованны. Как доносил С. Р. Воронцов из Лондона, со времени принятия на русскую службу П. Джонса английские морские офицеры «потеряли охоту входить в оную» и служить под его командой «никак не могут»⁷⁷. Сам П. Джонс хорошо знал о лютой ненависти к нему со стороны его старых врагов. Ему было известно, что в С.-Петербурге

⁷³ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 172; Th. Jefferson. Papers, Vol. 14, p. 686—689.

⁷⁴ См. А. Н. Петров. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, 1787—1791 гг., т. I. СПб., 1880, приложение, стр. 19—27.

⁷⁵ А. М. Станиславская. Россия и Англия в годы второй турецкой войны 1787—1791 гг.—«Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 26—49.

⁷⁶ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 97.

⁷⁷ С. Р. Воронцов — А. А. Безбородко, без числа, 1789 г.—Архив кн. Воронцова, кн. 9, стр. 481.

англичае всячески его поносили и обвиняли в самых различных преступлениях. Утверждали, например, что он был контрабандистом, убил своего собственного племянника и т. д.⁷⁸ Именно в этих интригах П. Джонс видел одну из главных причин постигшей его в России неудачи⁷⁹.

Злополучное следственное дело, начатое против П. Джонса весной 1789 г., в огромной мере усложнило и без того трудное положение, в котором он оказался в С.-Петербурге после возвращения с юга. Несмотря на его формальную реабилитацию, руководители царского правительства предпочитали избегать встреч с американцем. Между тем П. Джонс с завидным упорством продолжал добиваться осуществления своих обширных военно-дипломатических проектов. 6 (17) июня 1789 г. он передал А. А. Безбородко секретную ноту о посылке в Средиземное море эскадры для того, чтобы прервать коммуникации Константинополя с Египтом, а также с Сирией. Для осуществления своего замысла он просил свободу рук и всего пять кораблей, вооруженных 40—50 орудиями⁸⁰. И это его предложение, которое в обычных условиях было бы вполне разумно и выполнимо, в то время осталось нереализованным. Как А. А. Безбородко, так и И. А. Остерман старались по возможности уклониться от встреч с настойчивым моряком и оставляли его письма без ответа. «Я не могу представить,— с горечью писал П. Джонс А. А. Безбородко 14 (25) июля 1789 г.,— что эти планы были столь легкомысленными, чтобы их отбросить, и... я был очень удивлен, когда его пр-во граф де Брус объявил мне, что императрица предоставляет мне двухгодичный отпуск»⁸¹.

Не желая примириться с мыслью о том, что его предложения остались нереализованными, П. Джонс и на этот раз возвращается к проекту заключения договора о союзе и торговле между США и Россией. «Поскольку вице-канцлер говорил мне о поездке в Америку с этой целью,— сообщал он А. А. Безбородко,— и поскольку я вскоре буду вновь связан с моими старыми друзьями, которые составляют настоящее правительство Соединен-

⁷⁸ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 110—111.

⁷⁹ Ibid., p. 181.

⁸⁰ Ibid., p. 176—177.

⁸¹ Ibid., p. 177—178.

ных Штатов, я был бы необычайно счастлив узнать через в. пр-во намерение ее и. в. на этот счет и быть уполномоченным предложить союз, выгоду от которого должна получить Россия»⁸².

К предложениям, исходившим от П. Джонса, в С.-Петербурге, по-видимому, уже не относились серьезно, и в сентябре 1789 г. он вынужден был покинуть русскую столицу, так и не добившись их одобрения. Мало благоприятствовала широкому проекту русско-американского сближения и начавшаяся летом 1789 г. революция во Франции.

Надо сказать, что сам П. Джонс в некоторых случаях, видимо, плохо отдавал себе отчет, что он находится в столице монархической России, а не в республиканской Америке. Подарив весной 1788 г. экземпляр новой федеральной конституции 1787 г. Екатерине II, он и в дальнейшем не забывал просвещать царское правительство об изменениях в конституционном развитии Соединенных Штатов. П. Джонс сообщил, в частности, в феврале 1789 г., что федеральная конституция, «которая делает столько чести самым просвещенным деятелям, в настоящее время уже принята. Права граждан в ней прекрасно обеспечены, и в то же время правительство, которое в ближайшее время создается, будет самым действенным из всех существующих на земле»⁸³.

Укрепление центральной власти в связи с принятием конституции 1787 г. и предстоящим созданием на ее основе нового правительства представлялось П. Джонсу важнейшим аргументом в пользу целесообразности русско-американского сближения. Не случайно, по-видимому, именно с этого он начинал обоснование своего проекта в письме к И. А. Остерману. Понятно, однако, что дифирамбы П. Джонса республиканской форме правления на царское правительство не могли произвести никакого впечатления (разве только самое отрицательное).

Несмотря на постигшую его неудачу, чуть ли не до последних дней своей жизни П. Джонс не оставлял мысли вернуться в Россию и продолжить службу в русском флоте. 25 февраля (8 марта) 1791 г. он посылает через

⁸² P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 178.

⁸³ П. Джонс — И. А. Остерману, 31 января (11 февраля) 1789 г. — ЦГАДА, ф. 168, д. 166, л. 2.

барона Гримма новое письмо к Екатерине II, все еще рассчитывая на ее расположение. «Я имею в руках средства неоспоримо доказать, что я руководил всеми полезными операциями против капудан-паши»,— писал он императрице и просил как можно скорее вывести его из состояния «жестокой неопределенности»⁸⁴. 9 июля 1791 г. он адресует письмо барону М. Гримму, в котором пишет о новой очень удачной конструкции 54-пушечного военного корабля, и просит барона сообщить об этом Екатерине II⁸⁵. Русская императрица, и ранее мало интересовавшаяся проектами П. Джонса, тем более не была расположена принимать его услуги в разгар французской революции и когда война с Турцией уже близилась к концу (предварительные условия мира были подписаны летом 1791 г.).

П. Джонс умер в революционном Париже 18 июля 1792 г., так и не добившись высочайшей «реабилитации». Американский посланник во Франции Гвернер Моррис не счел нужным даже присутствовать на его похоронах, происходивших 20 июля 1792 г. (В этот «занятый» для него день, как видно из его дневника, он предпочел заниматься более «важными» делами: пообедав в приятном обществе, Гвернер Моррис посетил свою соседку г-жу де Нарбонн, британского посла, г-жу де Жильбер и, наконец, г-жу де Кутлье). Зато (и это, конечно, куда важнее) почтить память храброго американского моряка пришла депутация Национального собрания в составе 12 человек⁸⁶. И, очевидно, по этому поводу Екатерина II соизволила, наконец, высказаться достаточно резко и определенно. «Этот Поль Джонс обладал очень вздорным умом и совершенно заслуженно чествовался презренным сбродом»,— писала царица своему ученому корреспонденту барону М. Гримму 15 (26) августа 1792 г.⁸⁷

Слова в истории часто принимают обратный смысл, и ругань царицы по сути дела — лучшая похвала П. Джонсу, ибо «презренным сбродом» она именвала французских революционеров. Можно сказать, что дол-

⁸⁴ П. Джонс — Екатерине II, 25 февраля (8 марта) 1791 г.— ЦГАДА, ф. 168, д. 166, лл. 4—5.

⁸⁵ П. Джонс — М. Гримму, 9 июля 1791 г.— Там же, л. 6.

⁸⁶ Цит. по: P. Jones. *Memoirs*, Vol. II, p. 311.

⁸⁷ Екатерина II — М. Гримму, 15 (26) августа 1792 г.— Сб. РИО, т. 23, стр. 575.

гожданную «высочайшую награду» П. Джонс все-таки получил, хотя уже и после своей смерти.

Поль Джонс и Ф. В. Каржавин были, пожалуй, наиболее видными, но далеко не единственными лицами, которые побывали в XVIII в. по обе стороны Атлантики — в царской России и в новой заокеанской республике — Соединенных Штатах Америки. Еще до П. Джонса Россию посетили такие известные лица, как Ф. Дейна вместе с молодым Д. К. Адамсом, а также Д. Ледиард, стремившийся собрать сведения о русских владениях на крайнем севере Тихого океана и совершить путешествие через Сибирь и континент Северной Америки (о его путешествии еще будет идти речь в соответствующем разделе гл. VI). В свите Г. Потемкина под Очаковым находился американец Л. Литтлпаж — камергер польского короля, участвовавший в экспедициях против турок вместе с П. Джонсом летом 1788 г.⁸⁸ Именно через него П. Джонс переслал свои письма к Т. Джефферсону и маркизу Лафайету⁸⁹.

Наконец, самую многочисленную группу американцев, посетивших Россию в конце XVIII — начале XIX в., составляли моряки торговых судов США. Вслед за первыми американскими кораблями, пришедшими в С.-Петербург вскоре после окончания войны США за независимость, в порты Балтийского, а позднее и Белого морей начали прибывать десятки, а в наиболее благоприятные годы (о чем подробно см. ниже) даже сотни судов под флагом далекой заокеанской республики. А каждый корабль — это новые десятки моряков, это новые деловые контакты между русскими и американскими купцами, новые встречи и впечатления.

Общее число американцев, побывавших в России, неуклонно возрастало, и в первой половине XIX в. среди них можно упомянуть таких видных деятелей, как министр финансов Альберт Галлатин, будущий президент Д. Бьюкенен и вице-президент Г. Даллас, известный журналист и дипломат А. Эверетт и др. Среди американских военных, посетивших Россию, находились получившие известность в эпоху гражданской войны 1861—1865 гг. генералы У. Шерман и Д. Макклеллан, адмирал

⁸⁸ P. Jones. Memoirs, Vol. II, p. 71—72.

⁸⁹ Л. Литтлпаж — Т. Джефферсону, 12 февраля 1789 г. (из Варшавы). — Th. Jefferson. Papers, Vol. 14, p. 544—545.

Фэррагут и некоторые другие⁹⁰. Уже в начале XIX в. у П. Джонса нашлись прямые преемники и по службе в Черноморском флоте. Так, 13(25) марта 1811 г. «по высочайшему повелению» управляющий министерством военно-морских сил Траверсе подписал распоряжение о зачислении в русский флот «лейтенанта Сонтага, бывшего в морской американской службе»⁹¹.

Самого высокого мнения о русской армии придерживался Д. Аллен Смит, посетивший Россию в начале XIX в. и поддерживавший в течение длительного времени дружеские связи с семьей Воронцовых. «Побывав в России и увидев русских солдат, я больше не опасаясь, что Европа станет жертвой неограниченного честолюбия, соединенного с огромными талантами», — писал он из Севастополя весной 1804 г.⁹²

В архиве ЛОИИ АН СССР сохранились письма Аллена Смита за 1804—1821 гг., в которых он неоднократно восторженно отзывался о подвигах русских солдат в борьбе против Наполеона. Интересно в частности, что летом 1815 г. А. Смит рекомендовал С. Р. и М. С. Воронцовым американского генерала Скотта, отправившегося в Европу с двумя молодыми адъютантами для изучения военной тактики. «Генерал Скотт, — писал А. Смит М. С. Воронцову 25 июня 1815 г. из Филадельфии, — горит желанием увидеть русскую армию, и его высшее тщеславие получит удовлетворение, если ему было бы разрешено встретиться с императором Александром. Дайте ему, мой дорогой Воронцов, дружеские советы (*les conseils d'ami*) и помните, что это не только просто генерал Скотт, которого я Вам рекомендую, но и интересный представитель нашей храброй маленькой

⁹⁰ Подробнее см. А. М. В а b e y. *Americans in Russia. 1776—1917.*

⁹¹ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1224, л. 1. Сонтаг выразил желание служить на одном из военных кораблей в Севастополе (там же, л. 7).

⁹² Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, д. 205, л. 10. Мы отнесли письмо А. Смита из Севастополя к весне 1804 г., поскольку, судя по его переписке, еще 25 февраля 1804 г. он находился в Черкесске и сообщал о своем намерении приехать в Крым в марте, а затем отправиться в Константинополь (там же, л. 3). 16 апреля 1804 г. он пишет прощальное письмо Александру I из Севастополя, в котором благодарит за гостеприимство, оказанное ему во время пребывания в России (АВПР, ф. Канцелярия, д. 3327, лл. 15—16).

американской армии»⁹³. Желание американского генерала познакомиться с русскими войсками вполне понятно. Авторитет победителей Наполеона I был в то время необычайно велик, и русский опыт стал предметом пристального внимания во всем мире, в том числе и в далекой Америке.

Отрывочность и неопределенность дошедших до нас сведений не позволяют еще составить достаточно полное и ясное представление о первых русских путешественниках и переселенцах в Америку. Тем не менее, уже сейчас можно с достаточной уверенностью сказать, что в XVIII в. у Ф. В. Каржавина, несомненно, были предшественники и последователи. В американской литературе встречаются, между прочим, упоминания о некоем Чарльзе Тиле (Charles Thiel), аптекаре из С.-Петербурга, приехавшем в Филадельфию еще в 1769 г. Назвавшись Чарльзом Кистом (Cist), предприимчивый аптекарь вскоре преуспел в издательском деле. Однако его известность главным образом связана с тем, что он одним из первых понял, что каменный уголь может быть использован в качестве топлива⁹⁴. Причудливо сложилась судьба другого русского странствования — нижегородского мещанина Василия Баранщикова, оказавшегося в начале 80-х годов XVIII в. в Америке на принадлежавшем Дании острове Санкто-Томас⁹⁵.

В числе участников войны США за независимость находился эстляндский дворянин Густав Хайнрих Веттер фон Розенталь (1753—1829). В неразборчивой готической рукописи — «Известия о семье Веттер фон Розен-

⁹³ А. Смит — М. С. Воронцову, 25 июня 1815 г. — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп 2, д. 205, лл. 11—12.

⁹⁴ L. Adamic. A Nation of Nations. New York — London, 1945, д. 147. О посещении в 1769 г. пенсильванского ботаника Джона Бартрэма «выходцом с берегов Ладожского озера» неким Иваном Алексеевичем (Iwan Alexiewitz) известно из книги: Hector Saint John de Crèvecoeur. Letters from an American Farmer. London, 1782 (Lettres d'un Cultivateur Américain. Paris, 1787, p. 154, 174). Достоверность этого факта очень сомнительна, и многие исследователи не без оснований высказывали мнение, что этим «русским путешественником», по всей видимости, был сам автор книги (см. PAPS, Vol. 94, N 6, p. 550).

⁹⁵ Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г. СПб., 1787, 1788, 1793.

талей», хранящейся в историческом архиве Эстонской ССР в г. Тарту, можно прочесть, что в 1775 г. он покинул Европу, «чтобы принять участие в освободительной борьбе молодой американской республики против Англии». Мы узнаем далее, что в Америке молодой Густав Хайнрих «стал адъютантом Д. Джэксона, майором и рыцарем ордена Цинциннати» и даже «познакомился с Вашингтоном»⁹⁶.

Ф. В. Каржавин упоминал в своем дневнике (запись от 29 мая 1782 г.), что встретил среди немецких солдат в Америке одного русского, уроженца Ревеля. Через несколько дней (2 июня) он уточняет, что имя русского солдата — Захар Бобух («Захар Иванов сын Бобух?»). В свое время, сообщал Ф. В. Каржавин, он выполнил «для государыни Екатерины вторые и для графов Орловых много алмазной работы на платье и принужден был вместо награждения бежать из России»⁹⁷.

Судьба русского умельца по алмазной работе, как и, возможно, некоторых других безвестных странствователей, так и осталась неизвестной. Зато большое впечатление на современников и позднейших исследователей произвела жизнь и деятельность другого человека, принадлежавшего по своему происхождению к высшей русской аристократии и переехавшего на постоянное жительство в США в конце XVIII в. Это был не кто иной, как сын Д. А. Голицына, приехавший в Балтимор в 1792 г. под именем Августина Смита. Отказавшись от большого состояния и княжеского титула, молодой Дм. Голицын стал католическим миссионером — «отцом Августином» и основал в глухой части Пенсильвании, примерно в 200 милях от Филадельфии, поселение Лоретто, где и поныне сохранился его памятник. Жизни и деятельности «отца Августина» посвящено несколько специальных трудов на немецком, французском и английском языках, и здесь нет необходимости вновь подробно останавливаться на деталях его необычайной

⁹⁶ См. «Nachrichten über die Familie Wetter nob. von Rosenthal in Ehistland». — Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР, ф. 854 (Канцелярия эстляндского дворянства), оп. 2, д. СII 128, лл. 1, 15; д. CIV 54, лл. 1, 20 и др.

⁹⁷ Архив ЛОИИ, ф. 238, к. 146, д. 9, л. 4.

судьбы⁹⁸. Представляется, однако, очевидным, что при выборе Америки в качестве места своей жизни на молодого Голицына в известной мере повлияли американские симпатии его отца.

Обращая внимание на первых русских путешественников и переселенцев в США в XVIII в., мы очень далеки от стремления преувеличить их число и значение. Вместе с тем уже из приводимых нами предварительных сведений и в первую очередь материалов об участии выходцев из России в войне США за независимость (в том числе Ф. В. Каржавина и Г. Х. Веттер фон Розенталя) видно, что этот вопрос заслуживает специального изучения, причем не исключена возможность, что настоящего исследователя могут ждать впереди интересные находки.

⁹⁸ См., например, Th. Heyden. *Der Missioner Fürst Augustin Gallitzin*. Hamburg, 1859; S. M. Brownson. *Life of Demetrius Augustin Gallitzin*. New York, 1873 (нами использовалось французское издание книги — Paris, 1880) и др. Ряд подробностей о жизни Дм. Голицына, его бедственном материальном состоянии и своей встрече с ним сообщил осенью 1809 г. русский генеральный консул в Филадельфии А. Я. Дашков. В этом же донесении А. Я. Дашков также упоминал, что ему довелось встретить в Америке двух выходцев из России, не принадлежавших к дворянскому сословию (ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57, л. 13).

Часть вторая

**РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ
ДЕСЯТИЛЕТНЯ XVIII
И ПЕРВЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА**

Для правильного понимания характера русско-американских отношений, оценки значения первых общественно-политических связей, а также установления торговых контактов, и особенно перспектив их развития в дальнейшем, важно учитывать внутреннее положение обеих стран, состояние их экономики и, в частности, главные тенденции внешней торговли.

В последней четверти XVIII в. феодально-крепостнический строй достиг в России вершины своего развития. Крепостничество, поддерживаемое мощью военно-бюрократической машины, охватывало все народное хозяйство, полностью господствуя в сельском хозяйстве и занимая ключевые позиции в промышленности. Вместе с тем из десятилетия в десятилетие в стране нарастали явления буржуазного характера. Развивались ремесло и мануфактура, увеличивались товарное производство и торговля. Расширялись и укреплялись зачатки капиталистического уклада в промышленности, в результате чего к концу XVIII — началу XIX в. все более осязаемым становится процесс разложения крепостного строя¹.

¹ Вопрос о начале формирования капиталистического уклада и разложении феодализма служил предметом длительной дискуссии, в которой приняли участие такие известные ученые, как Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, С. Г. Струмилин и др. Одни участники этой дискуссии относили зарождение капиталистических отношений к началу XVII и даже XVI в. (акад. С. Г. Струмилин), другие — к гораздо более позднему времени — 40, 60 и 70-м годам XXIII в. В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения, относящая начало переходного периода к 60-м годам

Развитие производительных сил вело и к значительному увеличению численности населения (с 19 млн. человек в 1762 г. до 45 млн. в 1815 г.). Значительно вырос внешнеторговый оборот страны: в 60-х годах XVIII в. экспорт и импорт России составлял 20,4 млн., в 80-х — 50,6 млн., а в 90-е годы превысил 71 млн. руб.² В русском экспорте в целом преобладающее положение занимали предметы феодальной ренты (крестьянское производство) — сельскохозяйственное сырье и полуфабрикаты: лен, пенька, пакля, а также кожа, лес, щетина, сало, пушнина и т. д. Вывоз хлеба (рожь, пшеница, ячмень, овес)³ был значительным, хотя в связи с частыми неурожаями и крайне неустойчивым. Ввозились в Россию преимущественно предметы дворянского потребления: сахар, сукно, шелковые и хлопчатобумажные товары, красильные вещества, кофе, вина, фрукты, пряности, парфюмерия и т. п.

В то же время очень существенную роль играл вывоз изделий русских мануфактур, прежде всего железа и полотна. В общем экспорте России промышленная продукция составляла около 44,5%⁴. В 1790 г. на долю России приходилось 35% мирового производства черного металла, и в 1794 г. было вывезено 3885 тыс. пудов железа, что составляло, по-видимому, самую большую цифру в дореволюционной русской истории⁵.

Говоря о России конца XVIII — начала XIX в., не следует безоговорочно переносить сложившиеся представления о ее экономической отсталости по сравнению с Западной Европой и Америкой, что так характерно

XVIII в. «Именно этим временем датируется начало разложения старой формации и становления капиталистического способа производства не в форме случайных и глоснувших его зачатков, а в форме процесса, который хотя и тормозится старой формацией, но уже не может быть ею подавлен» (Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы для обсуждения, стр. 19; М. В. Нечкина. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. — «Вопросы истории», 1963, № 12, стр. 31—51).

² «Очерки истории СССР», стр. 7, 127.

³ См., например, ЦГАДА, ф. 19, д. 433, л. 44.

⁴ «Очерки истории СССР», стр. 126.

⁵ В. К. Яцунский. Крупная промышленность России в 1790—1860 гг. — «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959, стр. 153.

для второй половины XIX — начала XX в. В свое время Е. В. Тарле в известной статье «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной?» обратил внимание на цветущее состояние внешней торговли Российской империи. Маститого исследователя особенно поразила громадный по тем временам размер отдельных ткацких фабрик, на которых были заняты многие сотни и даже тысячи рабочих. Так, у Гончарова в Москве работало 3479, у Демидова в Перемышле — 427 человек, а на парусно-полотняных мануфактурах Калуги в 1793 г. насчитывалось даже 8860 человек, работавших для вывозной торговли⁶. Сравнивая эти цифры с численностью рабочих на французских мануфактурах, Е. В. Тарле со свойственным ему увлечением и образностью назвал их «поистине чудовищными», но сделал одновременно важную оговорку, «что эти тысячи рабочих, занятых на русских предприятиях, конечно, далеко не все работали в зданиях мануфактуры»⁷.

Позднее историки много спорили об этой статье, которая для Е. В. Тарле, была, так сказать, случайным эпизодом в его обширной и многообразной деятельности. К настоящему времени экономическая история России XVIII и начала XIX в. изучена, понятно, гораздо полнее, детальнее и глубже. Многие из того, что ранее представлялось странным и даже невероятным, удалось осмыслить, вполне логично объяснить или уточнить.

Довольно длительное время в советской историографии велась острая дискуссия о самой «природе» крепостной мануфактуры. В конечном итоге, однако, произошло известное сближение точек зрения и признание большинством исследователей «смешанного» характера мануфактуры с принудительным трудом, в которой переплетались феодальные и капиталистические элементы⁸.

Высокий уровень развития горной промышленности и прежде всего металлургического производства на Урале детально исследован С. Г. Струмилиным, В. В. Данилевым

⁶ Е. В. Тарле. Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 464.

⁷ Там же, стр. 465.

⁸ Б. Б. Кафенгауз, А. А. Преображенский. Проблемы истории России XVII—XVIII вв. в трудах советских ученых.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962.

ским, Б. Б. Кафенгаузом и др.⁹ Советские исследователи учитывали при этом известное положение В. И. Ленина о том, что горная промышленность Урала и суконое производство Европейской России были примером «самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»¹⁰. В определенное время «крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹¹. С другой стороны, позднее — в эпоху расцвета капитализма — оно стало главной причиной застоя Урала и его упадка. В ведомости о состоянии фабрик и заводов за 1805 г. на территории России числилось железодельных заводов — 151, домен — 224, печей — 40¹², а общее производство чугуна в стране в 1806 г. составляло 12 млн. пудов¹³. Хотя объем металлургического производства в начале XIX в. выглядел очень внушительно, уже в то время начинают проявляться отрицательные последствия крепостничества. Темпы роста производства все более замедляются, а экспорт железа с конца XVIII в. идет на понижение.

Вывоз железа в среднем за каждый год составлял (в тыс. пудов)¹⁴:

в 1767—1769	1951
в 1793—1795	2965
в 1800—1814	1771

На мировом рынке усиливается конкуренция дешевого английского железа, которое, как замечает Г. Небольсин, хотя и уступает «в доброте» русскому и шведскому, однако «покупается предпочтительно»¹⁵.

⁹ См. в частности, С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. 1, Феодальный период (1500—1860). М., 1954; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1. М.—Л., 1949 и др.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 471.

¹¹ Там же, стр. 485.

¹² «Обстоятельная ведомость о состоянии фабрик и заводов за 1805 год». — ЦГАДА, ф. 19, д. 379 б, л. 5. Подробный перечень металлургических заводов XVIII в. приводится в кн.: Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962.

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 485.

¹⁴ Г. Небольсин. Указ. соч., ч. II, стр. 215.

¹⁵ Там же, стр. 214.

В целом, во внешней торговле России главное, а в некоторых случаях почти исключительное место принадлежало Англии¹⁶. Так, в 1793—1795 гг. доля Англии в экспорте России составляла по железу около 80%, по пеньке — 58%, по льну — более 60%¹⁷. Следует учитывать, что строительство английского флота было основано в то время в значительной степени на русском корабельном лесе, пеньке, парусине, смоле и т. д.¹⁸

Объем англо-русской торговли был столь значителен, что его действие как в экономической, так и политической сфере давало уже прямо противоположные результаты. Обычно вслед за расширением торговли увеличиваются и укрепляются политические отношения между двумя странами. Степень политического влияния находится, как правило, в прямой зависимости от развития деловых и, в частности, торговых связей. Однако в данном случае объем русско-английских торговых связей становится уже чрезмерным, он создавал угрозу полной зависимости русской торговли от Англии и вызывал, так сказать, обратную реакцию — стремление освободить страну от слишком крепких объятий британского купечества, расширить связи с другими странами.

Следует учитывать также, что большинство русских товаров перевозилось в то время на английских, а отчасти голландских и других иностранных судах, что лишало Россию значительной доли выгод от внешней торговли. И хотя торговля с Англией для России всегда была активной, выгоды от нее терялись в результате оплаты перевозок на английских судах. Не случайно поэтому Россия, стремясь к увеличению собственного торгового флота, выступила решительным защитником свободы нейтрального мореплавания и поощряла рас-

¹⁶ А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962, стр. 65—67.

¹⁷ «Очерки истории СССР», стр. 127. Особую славу завоевали мачты и другие корабельные леса из рижского порта, откуда они доставлялись почти всем европейским морским державам (Г. Небольсин. Указ. соч., ч. II, стр. 216).

¹⁸ Подробнее см. В. Г. Сарычев. Русские кораблестроительные материалы в экономике Англии XVIII в.—«Сборник научных работ Ленинградского института советской торговли», вып. 14, 1958.

ширение торговли с другими странами. Как уже отмечалось, в начале 80-х годов сложилась лига нейтральных стран во главе с Россией для защиты свободного торгового мореплавания на основе принципов декларации 1780 г., имевшей очевидную антианглийскую направленность. Вслед за этим Россия заключила целый ряд торговых договоров с европейскими странами — Данией (1782), Австрией (1785), Францией, Неаполитанским королевством и Португалией (1786—1787). Характерно, что в случае привоза товаров на кораблях договаривающихся сторон предусматривалось снижение ввозных пошлин.

Еще Е. В. Тарле обратил внимание, что торговля с Францией в то время была довольно значительной. Так, в 1782 г. Франция получила от России товаров на 9721 тыс. ливров, а вывезла в Россию всего на 4802 тыс. ливров¹⁹. По новому торговому договору Франция причислялась к «наиболее благоприятствуемым нациям». Не удивительно поэтому, что британская дипломатия пришла в большое раздражение в связи с заключением этого договора, и русско-английские отношения вновь обострились.

Внешнеторговые связи Соединенных Штатов, хотя и по иным причинам, складывались в то время в некоторых отношениях аналогично русским, если иметь в виду преобладающую роль Англии во внешней торговле страны. В результате длительной и упорной борьбы бывшие английские колонии в Северной Америке завоевали политическую независимость. Приобрести экономическую самостоятельность оказалось, однако, много труднее, и это заняло, во всяком случае, гораздо более продолжительное время. Вспомним, что еще в 1866 г. К. Маркс рассматривал США в известном смысле как колонию Европы, а само экономическое развитие США как продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности²⁰. В ходе войны США за независимость экономические связи с метрополией формально были прерваны, но фактически торговля с Англией велась как через прямые, так и особенно через косвенные каналы: британские, датские и голландские владения в Вест-Индии, Новой Шотландии и т. д. Следует

¹⁹ Е. В. Тарле. Сочинения, т. IV, стр. 451.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 462.

учитывать также, что часть территории восставших колоний значительное время находилась под контролем английских войск (Нью-Йорк, Каролина, Джорджия).

Окончание войны и международное признание новой республики в 1783 г. вызвали естественное оживление торговых связей Соединенных Штатов, но оно не привело к какому-либо коренному изменению в общем направлении и характере их внешней торговли.

Не дожидаясь известий о заключении окончательного мира, предприимчивые американские торговцы начали отправлять свои корабли в самые различные страны и прежде всего в хорошо знакомые владения британской короны уже с весны 1783 г. В сообщении из Лондона от 18 июля 1783 г. указывалось: «Американцы не преминули со всевозможной поспешностью воспользоваться подписанием предварительных постановлений мира и не только отправили множество своих товаров в Китай, к островам нашим (т. е. английским.— Н. Б.) в Западной Индии, но и оттуда вывезли довольно большое количество разных произведений. Равно приготовили они немалое число кораблей для открытия торгов и с Восточной Индией»²¹.

Довольно быстро практичные американцы обнаружили, что, став независимыми, они лишились многих преимуществ, которыми располагали прежде, находясь в составе британской колониальной империи. Они оказались, в частности, автоматически оторванными от прямых торговых связей с британской Вест-Индией. Между тем ранее эти торговые связи доходили до 3,5 млн. долл. в год и, по мнению специалистов, составляли «краеугольный камень американской торговли»²². Превратившись в иностранную державу, США лишились права свободного доступа для своих судов в британскую Вест-Индию. В то же время английские купцы наживались на перевозке в Вест-Индию американских товаров.

²¹ «С.-Петербургские ведомости», 11 (22) августа 1783, № 64. Несколько позже, в информации из Бостона от 20 сентября 1783 г., сообщалось о подготовке к отправке в Китай «нарочито великого корабля», купеческие грузы которого оценивались в 150 тыс. ф. ст. («С.-Петербургские ведомости», 28 ноября (9 декабря) 1783, № 95).

²² См. F. L. Benns. *The American Struggle for the British West India Carrying Trade, 1815—1830.*— «Indiana University Studies», Vol. X, N 53, March 1923, p. 7.

Большое неудовольствие в США вызывал также отказ Англии заключить торговый договор. Гордая владычица морей предпочитала регулировать свои взаимоотношения с бывшими колониями изданием односторонних прокламаций. Лишь 19 ноября 1794 г. особым уполномоченным США, верховным судьей Д. Джеем и английским министром иностранных дел лордом Гренвиллем был подписан договор о «дружбе, торговле и мореплавании», который, однако, не был вполне равноправным²³. И хотя политика Англии не могла не раздражать ставших независимыми американцев, торговать новой республике приходилось, как и раньше, прежде всего со своей бывшей метрополией. Причины этого заключались в самом характере экономики обеих стран, в сложившемся еще в колониальный период разделении труда и в исторических традициях. Английские и американские купцы были хорошо знакомы с условиями в обеих странах и имели многолетний опыт взаимных связей.

В целом развитие внешней торговли США после окончания войны за независимость происходило далеко не гладко. Короткий период послевоенного «бума» сменился в 1785 г. тяжелой депрессией²⁴. Страна оказалась наводненной иностранными товарами, кредит подорван. Затруднения увеличивались слабостью центрального правительства, не обладавшего полномочиями ни регулировать торговлю, ни устанавливать общую налоговую систему, ни вводить единую твердую валюту. К концу 80-х годов экономическое положение несколько улучшилось. Этому способствовало укрепление центральной власти в связи со вступлением в силу конституции 1787 г. и началом деятельности на ее основе федерального правительства во главе с президентом Г. Вашингтоном в 1789 г.²⁵ Общая стоимость импорта США составляла в 1790 г. 23 млн. долл. и экспорта 20 млн.²⁶ Торговые связи с Великобританией к этому времени были пол-

²³ Treaties and Other International Acts of the United States of America, ed. by H. Millar, Vol. II. Washington, 1931, p. 245—274.

²⁴ E. Johnson and oth. History of Domestic and Foreign Commerce of the United States. Washington, 1922, Vol. I, p. 135—136.

²⁵ L. D. White. The Federalists: A Study in Administrative History. New York, 1948.

²⁶ Historical Statistics of the United States, p. 538.

ностью восстановлены. На долю Англии и ее владений приходилось $\frac{3}{4}$ американского импорта и около половины экспорта²⁷. Что касается ущерба, наносимого американскому судоходству закрытием британской Вест-Индии, то он компенсировался установлением и развитием торговли с новыми странами и районами — с Дальним Востоком (Кантон), странами Средиземного моря и, наконец, Россией²⁸.

Так были сделаны первые шаги в развитии внешней торговли молодой республики. Подлинный расцвет американской торговли наступил, однако, несколько позже. Его причины заключались, понятно, ни в особой мудрости «отцов-основателей» и достоинствах конституции 1787 г., ни в тарифном и навигационном акте, поощрявшем внешнюю торговлю и мореплавание и принятом первым конгрессом в 1789 г., ни в административных талантах молодого министра финансов А. Гамильтона (1757—1804) — главного инициатора «федералистской программы», одобренной конгрессом в 1789—1792 гг.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, действительной основой торгового процветания Америки стали войны в Европе. Эпоха длительных и кровопролитных войн, начавшихся в 1792—1793 гг. и потрясавших весь Европейский континент с небольшими перерывами до 1814—1815 гг., оказалась периодом невиданных до того времени доходов американской торговли. Небывалый расцвет американской торговли отмечали все наблюдательные очевидцы и последующие исследователи. Заслуживает внимания, в частности, свидетельство П. П. Свинына: «Предприимчивый дух американцев в торговых оборотах, превосходство постройки судов их, при содействии европейской войны, отдали, можно сказать, в прошедшие 20 лет торговлю всего света в их руки. В последние цветущие годы для американцев около 200 000 000 долларов было ежегодно в обороте их торговли и около 5000 кораблей выходило из портов их и приходило туда с товарами.

Вероятно, — продолжал П. Свинын, — что Англия всегда будет ставить все возможные препоны американцам в торговле, ибо она ясно видит, что сей народ своею

²⁷ E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. II, p. 6.

²⁸ E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. I, p. 130—131.

предприимчивостью и искусством в торговле всегда будет страшным ей соперником...»²⁹

Позднее историки с полным правом назвали период 1793—1807 гг. (до введения эмбарго 22 декабря 1807 г.) «золотым веком»³⁰ американского торгового мореплавания. Общий тоннаж американского флота увеличился с 202 тыс. т в 1789 г. до 1269 тыс. т в 1807 г., т. е. возрос более чем в 6 раз³¹. Такое увеличение было беспрецедентным как в мировой истории, так и в истории Соединенных Штатов³². Американские исследователи не могут назвать другого столь же продолжительного периода, когда внешняя торговля привлекала бы столь большое внимание и когда она оказывала бы такое решающее влияние на экономику страны в целом³³. Доходы от внешней торговли служили главным источником крупнейших состояний того времени. (Э. Дерби, Д. Астор, У. Грей, С. Джирард стали богатейшими людьми тогдашней Америки.)

Уже к началу XIX в. экспорт и импорт США достигли невиданных до того времени размеров (соответственно 93 и 111 млн. долл. в 1801 г.). Войны в Европе сеяли смерть и разрушение, разоряли купцов и судовладельцев, грубо нарушали нормальные торговые связи между государствами. Но то, что означало гибель для торговцев в Европе, несло одновременно невиданное процветание и барыши американцам. Характерно, что чуть только в Европе наметилось неустойчивое мирное равновесие после подписания 25—27 марта 1802 г. Амьенского мира между Францией и ее союзниками Испанией и Батавской республикой, с одной стороны, и Англией — с другой³⁴, как кривая торговли США стремительно полетела вниз. «К счастью» для США, мирная передышка оказалась непродолжительной, и в результате очередного

²⁹ П. Свиньин. Взгляд на республику Соединенных Американских областей.— «Сын отечества». ч. XVIII, 1814, стр. 5, 6; его же. Опыт живописного путешествия по Северной Америке, стр. 27.

³⁰ С. P. Nettels. The Emergence of a National Economy 1775—1815. New York, 1962, p. 236.

³¹ Historical Statistics of the United States, p. 445.

³² T. Pitkin. A Statistical View..., p. 370.

³³ E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. II, p. 14.

³⁴ G. Martens. Supplément, Vol. II, p. 563—572.

тура европейских войн общий объем американской торговли к 1807 г. достиг гигантской по тем временам цифры — 247 млн. долл. (последующее сокращение связано с введением эмбарго и англо-американской войной 1812 г.)³⁵.

Военные действия в Европе, содержание огромных армий и неурожай вызвали усиленный спрос на американские сельскохозяйственные продукты. Показателен в этом отношении рост цен на муку. Если в 1783—1793 гг. 1 баррель муки (\cong 89 кг) стоил в Филадельфии в среднем 5,41 долл., то в 1793—1807 гг. (исключая мирную передышку 1802—1803 гг.) его цена возросла до 9,12 долл. В 20-е годы XIX в., когда Европа вернулась к обычной мирной жизни, цены на муку снова понизились до прежнего уровня (5,46 долл. за баррель)³⁶.

В первое десятилетие XIX в. главной культурой американского Юга, основой его могущества и процветания стал хлопок. Еще в начале 90-х годов XVIII в. производство хлопка составляло всего 3—4 тыс. кип (в кипе 500 фунтов). С тех пор под влиянием развития промышленного переворота в Англии, а затем и на северо-востоке США, вызвавшего огромный спрос на этот товар на мировом рынке, производство американского хлопка стало стремительно возрастать, достигнув в 1801 г. — 100, 1805 г. — 146 и 1810 г. — 178 тыс. кип³⁷. Табак, в течение почти двух столетий остававшийся главной культурой Юга, уступил к 1803 г. ведущее место хлопку — новому и гораздо более могущественному «королю» американского экспорта. По стоимости экспорт хлопка уже в 1803 г. превысил 7,9 млн., а в 1807 г. достиг 14,2 млн. долл.³⁸

Огромное увеличение торговли США в эти годы происходило, однако, не столько за счет экспорта собственно американских товаров, а в первую очередь за счет обширной посреднической торговли. Если в 1793 г. в общем экспорте страны (26 млн. долл.) товары иностранного производства составляли лишь очень незначительную часть (2 млн. долл.), то уже через несколько лет, в 1797 г., их стоимость превысила половину (27 млн. долл.

³⁵ Historical Statistics of the United States, p. 538.

³⁶ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 373.

³⁷ Historical Statistics of the United States, p. 302.

³⁸ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 111.

из 51 млн.). В дальнейшем, несмотря на значительное увеличение вывоза американских продуктов до 46 млн. долл. в 1801 г. и 49 млн. в 1807 г., реэкспорт иностранных товаров (за исключением 1802—1804 гг.) продолжал составлять больше половины общего экспорта страны, достигнув в 1806—1807 гг. наивысшего уровня — 60 млн. долл.³⁹

Используя выгоды нейтрального положения, американцы поставляли в Европу товары из Вест-Индии, Южной Америки, Дальнего и Ближнего Востока. Значительная часть огромной массы иностранных товаров, поступавших в те годы в порты США, получив после уплаты ввозных пошлин удостоверение в «нейтральности», тут же грузилась на американские суда и отправлялась в самые различные страны. Так, из общего импорта США в 1807 г. (139 млн. долл.) для внутреннего потребления предназначалось лишь около 79 млн. долл., а остальная часть шла на экспорт⁴⁰.

Занимая ведущее место в нейтральном мореплавании, американские суда доставляли во Францию продукты питания, особенно муку, а также перевозили из французской Вест-Индии в метрополию сахар, кофе, шоколад. Англичане использовали американские корабли для доставки в США своих промышленных изделий и импорта из Америки хлопка, зерна, муки, табака, а также для экспорта английских товаров в европейские порты⁴¹. Тоннаж иностранных судов, использовавшихся во внешней торговле США, составлял в 1793 г. 26,7%, в 1807 г. — 6,8%, а в 1811 г. — всего 3,4%⁴². Таким образом, вся огромная внешняя торговля США осуществлялась почти исключительно на американских судах, и их тоннаж в 1807 г. был больше, чем 100 лет спустя, в 1907 г.⁴³

Огромные размеры торгового мореплавания Соединенных Штатов делали их особенно заинтересованными в строгом соблюдении прав нейтральных держав на море, последовательным защитником которых с 1780 г. выступала Россия. Позднее, в декабре 1800 г., Россия

³⁹ Historical Statistics of the United States, p. 538.

⁴⁰ E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. II, p. 20.

⁴¹ C. P. Nettels. Op. cit., p. 324.

⁴² T. Pitkin. A Statistical View..., p. 363.

⁴³ E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. II, p. 29.

заключила новые конвенции с Данией, Швецией и Пруссией, оформившие так называемый второй вооруженный нейтралитет⁴⁴. В целом защита свободы нейтрального мореплавания уже со времени войны США за независимость стала прочной основой русско-американского сближения. Другим важным фактором в становлении отношений между обеими странами стали торговые связи.

Необходимо учитывать, что первоначально значение и перспективы торговли с Америкой представлялись в России далеко не ясными. С одной стороны, провозглашение независимости США, казалось, предоставляло новые возможности для расширения русской торговли и открывало перспективы установления прямых связей с заокеанской республикой. Эту точку зрения развивал, в частности, автор записки о выгодах прямых торговых связей с США, подчеркивавший, что, еще будучи английской колонией, Америка ввозила через метрополию значительное количество чугуна и стали из Швеции, став же независимыми, американцы, несомненно, смогут получать эти товары прямым путем из Швеции или России⁴⁵.

Вместе с тем в другой записке, озаглавленной «Меморандум о произведениях Северной Америки, аналогичных продуктам Российской империи», подробно развивалась мысль о том, что если Америка получит независимость от метрополии, то она очень скоро будет в состоянии поставлять в Южную Европу «все морское снаряжение и все те продукты, которые в настоящее время поступают из России и из балтийских стран», и превратится через немного лет в «величайшую торговую державу»⁴⁶.

Наряду с данным меморандумом из-за границы поступали в то время и другие сообщения о возможной

⁴⁴ См. соответственно G. Martens. Supplément, Vol. II, p. 399—405, 389—397; Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. VI, стр. 286—294.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 19, д. 360, л. 2 и далее («Mémoire sur les avantages d'un commerce direct entre l'Empire de Russie et les Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale»).

⁴⁶ «Mémoire sur les productions de l'Amérique Septentrionale analogues à celui de l'Empire de Russie».—ЦГАДА, ф. 19, д. 360, л. 7 об. Судя по содержанию, «Mémoire» относится к заключительному периоду войны за независимость. На л. 6 карандашная пометка «de l'année 1781 à 1782».

конкуренции американских товаров, в частности, от русского консула Ф. Бранденбурга из Кадиса от 22 сентября 1781 г. Консул высказывал опасения, что «если Северная Америка утвердит за собой независимость» и «число жителей в ней умножится, то тогда станут разводить тамо лен и пеньку, они имеют уже у себя строевой лес, смолу, вар, воск и другие товары, которые идут из севера, и в состоянии довольствоваться оными все полуденные места за сходнейшую цену и с большей удобностью, нежели то север сделать может»⁴⁷. Ссылаясь на выгоды географического положения американских портов и удобство морских сообщений в любое время года, Ф. Бранденбург писал: «Корабли из Бостона приходят в Кадикс в 20 и 30 дней, а для северных кораблей и судов потребно для сего пути 80 и 90 дней, да сверх того они иногда принуждены бывают зимовать в Норвегии»⁴⁸.

Любопытные сведения об успехах американцев в разведении конопли и об их стремлении к присоединению плодородных земель, прилегавших к реке Миссисипи, приволил примерно 10 лет спустя Г. Итон в записке «Об американской конопле», сохранившейся среди бумаг А. Р. Воронцова. Интересно, кстати, что в этой записке Г. Итон упоминает о находившихся в С.-Петербурге американцах, «которые приложили немало труда, чтобы получить информацию о способе обработки конопли после уборки урожая»⁴⁹. Это сообщение — одну из ранних свидетельств о прямых деловых контактах между русскими и американцами. К сожалению, Г. Итон не упоминает имен находившихся в С.-Петербурге американских граждан. Из записки видно, однако, что американцы сообщали, что, используя машины, приводимые в движение от энергии многочисленных рек в США, можно было бы перерабатывать коноплю с меньшими издержками, чем в России. И хотя в настоящее время американцы, делал вывод Г. Итон, еще не имеют достаточного количества пеньки для своего собственного потребления и для значительной торговли, производимой ими, однако они

⁴⁷ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 543, л. 66.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, д. 563, л. 95. Записка «Sur le Chanvre de l'Amérique» относилась, по-видимому, к началу 90-х годов XVIII в. Во всяком случае, она написана не ранее 1788 г., так как Г. Итон упоминает о своих беседах с Полем Джонсом при осаде Очакова.

занимаются разведением конопли и вскоре не будут уже нуждаться в ее импорте.

Опасения возможной конкуренции американских товаров на европейском рынке имели, конечно, определенное основание: в экспорте как России, так и Америки преобладали продукты сельскохозяйственного производства. Нельзя при этом не учитывать также корыстное влияние и противодействие Англии, сохранявшей прочные позиции на русском и американском рынках и заинтересованной в предотвращении прямых контактов между Россией и США. В целом, однако, как в правительственных кругах, так и, особенно, среди русской общественности, уже со времени войны США за независимость преобладало мнение о выгодности для России образования нового самостоятельного государства в Северной Америке и, в частности, о желательности установления и развития прямых русско-американских торговых связей.

Еще летом 1779 г. руководители ведомства иностранных дел в секретном докладе императрице, отмечая выгоды отделения английских колоний в Северной Америке от метрополии, ссылались на расширение русской торговли, «потому что Англия, лишившись возстанием своих селений всего привоза тамошних продуктов, присуждена теперь заменить их нашими не только в развозе по другим местам, но и в собственном своем употреблении». Авторы доклада подчеркивали далее, «что американские селения не иначе заводили и размножали у себя свойственные здешнему климату продукты, как по умысленному их от британского правления в привозе из других мест отягощению знатными пошлинами, а с другой стороны, по определению на то в пользу американцев знатным денежным награждением». Наконец, делая свой известный вывод о том, что в конечном итоге отделение колоний от Англии «не только не вредно, но паче и полезно еще быть может для России в части торговых ее интересов», руководители коллегии иностранных дел указывали, что со временем между Россией и Америкой откроется «новая непосредственная отрасль коммерции»⁵⁰.

⁵⁰ Подлинник см. АВПР, ф. Секретные мнения, 1725—1798 гг., д. 597, лл. 100—114.

Как уже отмечалось, торговля с Америкой пропагандировалась в русской печати («Прибавление к „Московским ведомостям“», «Политический журнал» и др.). Новый рынок в Америке настоятельно рекомендовал «вниманию и предприимчивости» российского купечества Д. М. Ладыгин⁵¹. Мнение Д. М. Ладыгина о целесообразности установления и развития торговых отношений между Россией и США представляет особый интерес, поскольку он опирался на сведения и опыт, полученные им во время его долголетней службы в коммерц-коллегии. Наконец, в 1786 г. в Риге была издана специальная книга «О торговых или купеческих выгодах, происходящих от независимости Соединенных Статов Северной Америки для Российского государства. Опыт Г. Шнелля». Автор книги считал, что американские «произведения» (мачты, строевой лес, смола, деготь, железо и т. п.) никакого убытка для русской торговли представлять не будут, «потому что им самим большая часть оного потребна, особливо, что принадлежит до исправления их флота, а от части сии вещи не такой доброты, каковы российские, и тем паче в разсуждение величины, толщины и твердости мачт».

Аналогичные соображения высказывались и в отношении русского железа. Исходя из этого, Шнелль отмечал, что «Россия не только своих покупателей соблюдет, но и для одевания негров, к чему американцы употребляют толстый холст и парусину, еще новых получит». В целом же Российское государство, по мнению сочинителя, «от независимости Американской» может надеяться получить «величайшие пользы», и «россияне будут не последние», кто увидит «в своих пристанищах» американские корабли с «вест-индскими товарами»⁵². О том, насколько все эти соображения и прогнозы оказались верными, можно судить по конкретному анализу развития ранних русско-американских торговых контактов.

⁵¹ Д. М. Ладыгин. Известие в Америке о селениях аглицких..., стр. 58—59.

⁵² См. рецензию на книгу Г. Шнелля в журнале «Еженедельные известия вольного экономического общества 1788 года», т. 1, стр. 164—165. К сожалению, саму книгу Г. Шнелля обнаружить в московских библиотеках нам не удалось.

Установление и развитие торговых связей между Россией и США (1778—1807 гг.)

Первые торговые контакты между Россией и США принято относить ко времени окончания войны Соединенных Штатов за независимость. О прибытии американского судна в Ригу сообщил из С.-Петербурга Ф. Дейна в письме секретарю по иностранным делам Р. Ливингстону от 13 (24) июля 1783 г.¹ В этом же году в С.-Петербурге пришло, по крайней мере, два корабля под американским флагом, а в дальнейшем их число стало неуклонно возрастать². Предприимчивым купцам и мореплавателям из городов Сейлема, начавшим в эти годы торговлю с Россией, посвятил интересную заметку Д. Филлипс³. Считалось само собой разумеющимся, что пионерами в установлении первых торговых контактов с Россией были американцы, корабли которых стали проникать в самые отдаленные страны. Появление же российского торгового флота у берегов далекой заокеанской республики принято относить лишь к первому десятилетию XIX в. Речь идет о смелом предприятии русского купца К. Анфилатова, отправившего в 1806—1807 гг. из С.-Петербурга и Архангельска в Америку два больших корабля и получившего поддержку правительства⁴.

¹ F. Wharton (ed.). Correspondence..., Vol. VI, p. 502—503.

² J. Oddy. European Commerce... London, 1805, p. 126.

³ J. D. Phillips. Salem Opens American Trade with Russia.— «The New England Quarterly», Vol. XIV, N 4, Dec. 1941, p. 685—689.

⁴ Г. А. Замятин. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910, стр. 76; С. Окунь. «Научный

Заслуги предприимчивых американских торговцев и мореплавателей из Сейлема, а равно и русского купца из Архангельска в установлении прямых коммерческих связей между Россией и Америкой не подлежат сомнению. Вместе с тем знакомство с документальными материалами наводило нас на мысль о существовании русско-американских торговых контактов уже в годы войны США за независимость. Так, в секретном докладе коллегии иностранных дел Екатерине II в июне 1782 г. отмечалось, что «вся цель» «славной системы морского нейтралитета» заключалась в том, чтобы «плавание и торговлю нейтральных народов поставить в беспечность и тем дать ей к собственной своей пользе чувствительное ободрение. Колико сия цель через два года достигнута, о том свидетельствует появление российского торгового флага даже в Америке»⁵.

Упоминание о появлении российского торгового флага у берегов Америки в секретном докладе коллегии иностранных дел долгое время не удавалось подтвердить какими-либо прямыми документальными материалами. Правда, еще в одном из обстоятельных сочинений по торговле содержалось замечание о том, что «во время Американской войны русские суда ходили из Бордо в Америку», однако его автор — Г. Небольсин — не давал каких-либо дополнительных ссылок, которые облегчили бы документальное подтверждение этого факта⁶. Между тем архивные поиски все ближе подводили нас к цели. В фондах коммерц-коллегии ЦГАДА был выявлен интересный рапорт российского консула в Бордо А. Витфота от 12 мая 1778 г. «О выгодах учреждения торга России с Соединенными Штатами». Бордо служил в то время одним из важнейших центров по снабжению восставших колонистов необходимыми для них товарами из Европы, среди которых, как видно из сообщения Витфота, находились и «российские продукты». «Соединенные Американские Провинции,— писал Витфот,— прислали сюда консула, который здесь останется для оправления дел

бюллетень ЛГУ», 1946, № 8, стр. 19—20; Первые русские торговые корабли в Америке (1805—1955).— «Речной транспорт», 1956, № 10, стр. 30—31.

⁵ Полный текст см. АВНР, ф. Секретные мнения; 1742—1799 гг., д. 593, лл. 187—196 (подчеркнуто нами).

⁶ Г. Небольсин. Указ. соч., ч. II, стр. 104.

онных провинций. Как то всякие товары, так же и российские продукты туда посылаемы, то тамошней торговле небезвыгодно бы было, естлиб на российские товары сюда консигнации⁷ присылаемы были, а особливо на порусину, коя для американских кораблей в великом количестве покупаема и туда отвозима, о чем я уже с помянутым американским консулом и говорил, который тоже уверяет, что сие во многих случаях и Америке учинит великую способность»⁸.

Сообщение Витфота о контактах с американским консулом в Бордо и о посылке в Америку русских товаров, в частности парусины, было воспринято в коммерц-коллегии без какого-либо осуждения, хотя на официальное одобрение его предложений без предварительного согласия ведомства иностранных дел коллегия не решилась. Заслушав 8(19) августа 1778 г. по указу Екатерины II рапорт Витфота, коммерц-коллегия приняла следующее решение: «Как учреждение сего консула во Франции от Американских селений есть дело новое и российские купцы с американскими прямой торговли еще не имели, да притом и не сопряжено ли оное может быть с какими-нибудь трудностями по делам политическим, то коммерц-коллегия к предприятю сей торговли российскими купцами без сношения с коллегией иностранных дел предписать ничего не можно: того ради с прописанием сего послать в ту коллегию ко известию промеморий и ожидать уведомления»⁹.

Приводимый документ, подписанный 5(16) сентября 1778 г., представляет интерес не только по своему содержанию. Дополнительную значимость он приобретает в связи с тем, что среди подписавших его лиц мы встречаем имя Александра Радищева. Отношение автора «Путешествия из Петербурга в Москву» к Америке и американской революции достаточно хорошо известно. В то же время даже специалисты мало знают, что по

⁷ От лат. «konsignatio» (письменное доказательство) — форма комиссионной продажи товаров за границу.

⁸ ЦГАДА, ф. 246, оп 1, д. 668. Подлинник рапорта Витфота от 12 мая 1778 г. см. лл. 2—3, расшифровка по переводу, л. 1. Следует иметь в виду, что А. Витфот русского языка не знал, но в архиве сохранились переводы его донесений, которые использовались нами со сверкой по оригиналу.

⁹ ЦГАДА, ф. 246, оп. 1. д. 668, л. 4.

роду своей практической деятельности А. Н. Радищеву приходилось сталкиваться с вопросом установления первых торговых контактов России с новой республикой. И надо сказать, что уже в то время великий русский революционер выступал решительным сторонником развития русско-американских связей, подчеркивал свое желание, чтобы корабли Соединенных Штатов «ездить к нам не наскучили».

Как долго коммерц-коллегия ожидала «уведомления» из иностранного департамента и дождалась ли она его вообще, установить пока не удалось. Вместе с тем обширная переписка А. Витфота с ведомством иностранных дел позволила более конкретно судить о действиях русского консула в Бордо и сложившейся там к началу 80-х годов XVIII в. обстановке¹⁰. Соединенные Штаты поддерживали в то время весьма оживленные связи с Францией, и, как отмечал Витфот, американские корабли часто посещали Бордо. Консул сообщал в декабре 1778 г., что «российские корабли найдут теперь прибыльный извоз в здешнем порту», так как русский флаг «будет более всякой другой нации уважен от аглинских каперов»¹¹. Уважение к русскому флагу особенно возросло после провозглашения февральской декларации 1780 г. о вооруженном нейтралитете. Страховые конторы начали, по отзывам Витфота в августе 1780 г., страховать русские суда из расчета 4 и 8%¹², в связи с чем благоприятные возможности для развития торговли еще более расширились.

Наконец, прямое подтверждение отправления русских кораблей к берегам Америки было обнаружено нами среди богатейшего собрания бумаг Воронцовых в рукописном фонде Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Речь идет об интереснейшем рапорте в коммерц-коллегию того же Витфота от 30 июля 1782 г., пространный отрывок из которого мы позволим себе привести в переводе того времени: «Ныне здесь многие российские корабли находятся, из числа которых иные на-

¹⁰ См. АВПР, ф. Сношения России с Францией, л. 684—697 (за 1778—1782 и другие годы).

¹¹ А. Витфот — коллегии иностранных дел, 26 декабря 1778 г.— Там же, л. 684, лл. 20—22, 23—24.

¹² А. Витфот — коллегии иностранных дел, 1 (?) августа 1780 г.— Там же, л. 688, лл. 3—6, 7—16.

гружены в Америку, понеже российский флаг по теперешним обстоятельствам гораздо преимущественнее других наций, а потому оные корабли весьма выгодные фрахты получать могут, что для меня тем лестнее, ибо мною начало к сему для российских кораблей столь выгодному случаю сделано было; и для того стараюсь сколько могу для отвращения всяких иногда быть могущих неудобствах просматривать имеющихся у корабельников документов и наблюда[ть], дабы они не погружали в своих кораблях запрещенные товары. Хотя шкипер Бранд, который из С.-Петербурга сюда прибыл, а от селе нагружен будучи в Америку и взят был английским капером, но слышно, что оный паки освобожден с заплаатою за воспоследующий убыток 1500 фунт штерлингов. Означенный корабельщик все свои документы, которые я при отъезде свидетельствовал, в надлежащем порядке имел; по чему я уповаю, что естли впредь с российскими кораблями то же самое случится, то с ними в Англии с таковою же справедливостью поступлено будет»¹³.

Оценивая степень важности приводимых Витфотом сведений, следует учитывать принципиальную значимость самого факта установления торговых конктактов между Россией и США в период американской войны за независимость и плавания русских судов к берегам далекой республики. Показательно также, что эти торговые связи не были ни случайным эпизодом, ни историческим курьезом. Уже из содержания рапорта Витфота видно, что они хорошо «вписывались» в общую международную обстановку того времени и были, так сказать, вполне объяснимы и даже закономерны.

США в эти годы остро нуждались в установлении и всемерном развитии торговых связей с европейскими странами, стремясь использовать для этого любую возможность. В то же время Россия активно боролась за обеспечение свободы нейтрального мореплавания и поощряла расширение собственного торгового судоходства. Число русских судов, прошедших через Зунд, уже к 1779 г. возросло до 62, русский флаг пользовался все возрастающим уважением морских держав, и даже гордая владычица морей была вынуждена считаться с гла-

¹³ А. Витфот — коммерц-коллегии, 30 июля 1782 г.— Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 544, л. 84.

вой лиги нейтральных стран. Не удивительно поэтому, что российский флаг стал в этих условиях «гораздо преимущественнее других наций» и русские корабли получали «весьма выгодные фрахты», в том числе и от американцев, для которых безопасность сообщения была особенно важна.

Значительный интерес к развитию торговых контактов с Россией в США проявляли и после окончания войны за независимость, в связи с чем 15 апреля 1784 г. Континентальный конгресс принял резолюцию о желательности для США заключить специальные договоры о дружбе и торговле с Россией, Австрией, Пруссией и другими европейскими странами¹⁴; Д. Адамсу, Б. Франклину и Т. Джефферсону были даны полномочия начать соответствующие переговоры¹⁵. Упомянув об этой резолюции, Д. Хилдт замечает, что подобного договора с Россией заключено не было¹⁶. Это действительно так, хотя, как показывают материалы наших архивов, попытка завязать переговоры по этому вопросу с американской стороны была предпринята. 22 сентября 1784 г. Д. Адамс, Б. Франклин и Т. Джефферсон направили И. С. Барятинскому письмо, в котором сообщали, что американский конгресс, считая, что торговля между подданными России и гражданами США, «основанная на принципах равенства, взаимности и дружбы, может служить ко взаимной пользе обеих стран», 12 мая 1784 г. уполномочил их начать переговоры и заключить договор о дружбе и торговле с соответствующим русским представителем, если ему будут даны для этого полномочия от императрицы¹⁷.

В тот же день секретарь американской «комиссии» для заключения договоров о дружбе и торговле с иностранными державами м-р Хамфри попросил встречи с русским посланником в Париже И. С. Барятинским для передачи письма от американских уполномоченных¹⁸.

¹⁴ Secret Journal of Foreign Affairs, May 7, 1784.— Diplomatic Correspondence of the United States..., Vol. I, p. 111—116.

¹⁵ Ibid., p. 110—111.

¹⁶ J. Hildt. Op. cit., p. 30.

¹⁷ Д. Адамс, Б. Франклин и Т. Джефферсон — И. С. Барятинскому, 22 сентября 1784 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1784 г., оп. 93/6, д. 411, л. 201.

¹⁸ Хамфри — И. С. Барятинскому, 22 сентября 1784 г.— Там же, л. 198.

Встреча состоялась 26 сентября. Однако, поскольку «американский негацион-секретарь» с «великой трудностью изъяснялся по-французски», а русский посланник английского языка «не разумел», разговор их «не мог быть пространен». Приняв письмо, И. С. Барятинский ограничился обещанием переслать его в С.-Петербург, а м-р Хамфри дал ему «разуметь», что американские уполномоченные «ласкаются», что Екатерина II «соизволит удостоить их ответом»¹⁹.

Насколько можно судить по просмотренной нами переписке с Парижем за 1784—1785 гг., Екатерина II не «соизволила дать какого-либо ответа, хотя донесение И. С. Барятинского вместе с приложенной документацией было исправно получено 9(20) октября 1784 г. Несколько лет спустя, 29 августа 1786 г., секретарь по иностранным делам Д. Джей заявил в конгрессе, что договоры США с «Францией, Соединенными Нидерландами, Швецией, Россией и др.» предусматривают для каждой из сторон «право наиболее благоприятствуемой нации»²⁰. Что подразумевал Д. Джей под Россией, сказать трудно. (Д. Хилдт полагает, что Пруссию, с которой такой договор действительно был заключен 10 сентября 1785 г.) На практике же торговые связи России с новой республикой после войны за независимость развивались вполне нормально, без каких-либо специальных ограничений как с русской, так и с американской стороны.

Начало регулярной торговли с Россией было положено торговцами и мореплавателями Сейлема, установившими после окончания войны США за независимость связи с самыми отдаленными частями мира. Сейлемские купцы рассчитывали получить на русском рынке прежде всего строительные материалы для флота: железо, пеньку, морские снасти, парусину и пр.

15 июня 1784 г. трехмачтовое парусное судно «Лайт Хос», принадлежавшее богатейшему американскому купцу Элиасу Хаскету Дерби, под командованием капитана Н. Баффингтона вышло из Сейлема с грузом сахара, предназначенным для продажи в России. Благополучно прибыв в Кронштадт, американцы, однако, к своему огорчению, не обнаружили особого интереса

¹⁹ И. С. Барятинский — Екатерине II, 15 (26) сентября 1784 г. — Там же, лл. 196—197.

²⁰ Цит. по: J. Hildt. Op. cit., p. 30, note 91.

к привезенному заморскому сахару, который был продан с убытком. Зато на русском рынке удалось закупить необходимые для судостроения и ценные для экспорта товары: пеньку, полотно и железо.)

Таким образом, первое знакомство с русским рынком, хотя и нельзя считать вполне удачным, тем не менее дало американцам конкретное представление о местных условиях и помогло начать более или менее регулярные торговые связи. Агенты в С.-Петербурге (Гейл, Хилл и Карзалет) рекомендовали Дерби не посылать больших грузов в Россию, а выписывать чеки на Лондон, как лучший посредник для покупок²¹.

Пионером в установлении прямых связей с Россией был также бриг «Гектор» под командованием Д. Литтла, совершивший путешествие в С.-Петербург из Сейлема с заходом в Чарлстон в 1783—1784 гг., а затем в 1786—1787 гг. Вновь побывала в России и «Лайт Хос», сначала в 1785 г. через Мартинику, а затем совершив прямой рейс в 1786 г. Всего, по подсчетам Филлипса, с 1784 по 1790 г. включительно в балтийские порты было совершено по крайней мере 19 рейсов. Некоторые из них были прямые, а некоторые с заходом для получения грузов в южные штаты или Вест-Индию²². Степень точности этих сведений, понятно, очень относительна. Тем не менее они дают представление, по крайней мере, о самом минимальном числе американских судов, побывавших в эти годы в России.

Более полные, хотя и не систематические, данные можно найти в русских источниках — «кронштадтских рапортах», содержащих сведения о приходе иностранных кораблей в Санкт-Петербургский порт²³. К сожалению, за многие годы рапорты до нас не дошли, а некоторые сохранившиеся материалы имеют пропуски. Так, существенные пробелы оказались в рапортах за 1781—1784 гг., и записей об американских судах обнаружить в них не удалось²⁴. Зато среди кронштадтских рапортов за конец

²¹ J. D. Phillips. Salem Opens...—«The New England Quarterly», Vol. XIV, N 4, p. 686.

²² Ibid., p. 688.

²³ ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 262 («О приходе иностранных кораблей к кронштадтскому порту». 1743—1810, XIV частей).

²⁴ ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 262, ч. XI. Кронштадтские рапорты 1781—1784 гг. Между тем даже в опубликованных материалах рус-

90-х годов XVIII в. были обнаружены общие ведомости о русской торговле за подписью президента коммерц-коллегии А. Р. Воронцова, относящиеся к середине 80-х годов. Так, из ведомости за 1785 г. видно, что во все русские порты прибыло за год 2145 судов. Из них английских — 640, российских — 100, французских — 18, испанских — 9, американских — 6, а также много голландских, датских, шведских и других кораблей²⁵. В следующем, 1786 г. из общего числа 2155 судов английских прибыло 705, российских — 107, французских — 14, испанских — 4 и американских — 10²⁶.

Внешняя торговля России в то время в основном производилась через Санкт-Петербургский порт, на долю которого приходилось более 60% морской торговли страны²⁷. Существенное значение имели и другие Балтийские порты (Рига, Ревель, Нарва). Из общего числа 803 кораблей, прибывших в 1787 г. в Санкт-Петербургский порт, английских было 400, русских — 64, французских — 17, испанских — 5 и американских — 11²⁸. В 1790 г. прибыло 932 корабля, среди которых «было одних британских 517, датских — 98, американских — 22» и т. д.²⁹ Уже из этих данных совершенно очевидно, что американские суда составляли ничтожную часть общего числа иностранных кораблей, приходивших в те годы в русские порты. Гораздо более существенным, однако, представляется сам факт их появления и принципиальное значение развития первых торговых связей с Заокеанской Республикой. Именно в эти годы американцы впервые получают возможность реально познакомиться с русским рынком и между обеими странами завязываются более или менее регулярные торговые связи. Практический

ских газет и журналов сведения об американских судах, хотя и редко, начинают уже встречаться. Так, среди 890 судов самых различных стран, прибывших в Санкт-Петербургский порт в 1784 г., русских насчитывалось 81, английских — 365, испанских — 10, французских — 10 и американских — 5 (см. «Neues St. Peterburgischen Journal vom Jahre 1784», S. 372). Сведения об иностранных судах систематически печатались также в «С.-Петербургских ведомостях».

²⁵ ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 262, ч. XII, л. 93.

²⁶ Там же, л. 94.

²⁷ «Очерки истории СССР», стр. 128.

²⁸ ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 433 (из бумаг А. К. Разумовского), л. 83.

²⁹ «Политический журнал», ч. V, 1791, стр. 183—184.

опыт этих торговых связей свидетельствовал также, что прежние опасения возможной конкуренции американских товаров на европейском рынке оказались преувеличенными. Возражая против подобного мнения «плохо осведомленных лиц», находившийся в то время в России Поль Джонс в письме к И. А. Остерману от 31 января (11 февраля) 1789 г. специально обращал внимание вице-канцлера на то, что все годы после завоевания независимости американцы посылали в русские порты много судов, чтобы получить там грузы, состоящие как раз из тех товаров, которые Россия поставляет во Францию и Англию³⁰.

Первые русско-американские контакты в области торговли оказались не напрасными. Число прибывавших в русские порты судов постепенно увеличивалось. Так, в 1792 г. в С.-Петербург пришло 24 американских корабля, в 1795 г.— 42 (или 44), в 1798 г.— 39, в 1801 г.— 61 и т. д.³¹ В целом же за десятилетие (1791—1800) в Кронштадт пришло 368, а по некоторым данным (А. Я. Дашков), даже более 500 судов Соединенных Штатов³². Наиболее полное представление о размерах торговли России и, в частности, о численности американских кораблей в русских портах можно составить по издававшимся с 1802 г. по инициативе нового министра коммерции Н. П. Румянцева ежегодных «видах» государственной торговли. По этим материалам, сведенным нами в общую таблицу (стр. 192), можно судить о численности и роли американских судов в торговом мореплавании России³³.

Таким образом, к 1807 г. число как прибывших в Россию, так и отошедших из русских портов американских судов превысило 90. Хотя в целом американские суда составляли менее 4% общего числа кораблей, занятых в торговом мореплавании страны (в 1807 г. из России

³⁰ ЦГАДА, ф. 168, д. 166, л. 3.

³¹ J. Oddy. Op. cit., p. 126; W. Friebe. *Über Rußlands Handel...* Bd. I. Gotha und St. Petersburg, 1796 (приложения); ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 262, ч. XIII, л. 139.

³² См. «Взгляд на торговые сношения между Российской империей и Американскими Соединенными Статами», 9 (21) июня 1808 г.— ЦГАОР, ф. 907 (А. Я. Дашков), оп. 1, д. 107, лл. 55—100, особенно л. 57.

³³ Государственная торговля в разных ее видах, кн. 1—6. 1802—1807 [СПб., 1803—1808?]

Таблица 1

Год	Всего пришло	В том числе						Всего отошло с грузом
		в порты Балтийского моря			в порты Белого моря			
		пришло		отошло с грузом	пришло		отошло с грузом	
		с грузом	без груза		с грузом	без груза		
1802	64	37	26	61	1	—	2	63
1803	85	27	58	85	—	—	—	85
1804	69	29	40	66	—	—	—	66
1805	69	26	43	68	—	—	—	68
1806	78	40	38	77	—	—	—	77
1807	91	36	54	90	—	1	2	92

отошло с грузом 2476 судов)³⁴, их роль становится более или менее ощутимой, и можно сказать, что американский флаг в то время стал уже привычным, а в дальнейшем, в условиях континентальной блокады, даже желанным гостем в русских гаванях.

Значительно сложнее обстоит дело с экспортом и Россией американских товаров. Первые сведения, позволяющие составить представление о размерах торговли с Россией, появляются в американской статистике в 90-е годы XVIII в.³⁵

Год	Долл.	Год	Долл.	Год	Долл.	
1790	—	1796	47 381	1802	73 721	
1791	3 570	1797	3 450	1803	—	
1792	4 669	1798	60 732	1804	—	
1793	5 769	1799	46 030	1805	12 044*	59 328**
1794	90 388	1800	—	1806	3 580	8 827
1795	69 221	1801	9 136	1807	78 850	336 367

* Товары американского производства.

** Товары иностранного производства.

³⁴ Государственная торговля 1807 г. в разных ее видах. СПб., (1808 ?). Таблица № XXII.

³⁵ Таблица составлена по материалам: Ch. H. Evans (ed.). Exports, Domestic, from the United States to All Countries from 1789 to 1883, Inclusive. Washington, 1884, p. 80. Данные об экспорте товаров иностранного производства за 1805—1807 гг. см. T. Pitkin. A Statistical View..., p. 231. Как отмечает Эванс, до 1803 г. различия между экспортом товаров американского и иностранного производства не проводилось (см. Ch. H. Evans (ed.). Op. cit., p. 12).

Приводимые данные, взятые из официальных источников, свидетельствуют о крайне незначительном объеме экспорта США в Россию. Не случайно поэтому в литературе давно уже получила распространение точка зрения о совершенно ничтожном значении торговли между Россией и Соединенными Штатами. Занимаясь в основном чисто дипломатической историей, американские исследователи по существу вообще сбрасывали со счетов экономические факторы, замечая, в лучшем случае, что торговля Соединенных Штатов с Россией была «исключительно мала и незначительна»³⁶.

Нам представляется, что эта точка зрения нуждается в некотором пересмотре и уточнении. Официальные данные об американском экспорте в Россию действительно очень малы. Больше того, цифры столь ничтожны, что кажутся современному исследователю просто невероятными, особенно если сопоставить их с общим числом пришедших в русские порты судов. Трудно представить себе, чтобы десятки американских кораблей пересекали огромный океан только для того, чтобы доставить в С.-Петербург товары, стоимость которых в некоторые годы падала ниже десяти тысяч долларов! Это явно противоречит здравому смыслу и кажется особенно несуразным в отношении практичных американцев, всегда строго соблюдавших в делах коммерческую выгоду.

Объяснение такому, на первый взгляд, парадоксальному явлению следует искать в том, что эти корабли привозили в Россию не только и не столько товары американского производства, сколько иностранные продукты, в частности из Вест-Индии и Южной Америки. «Соединенные Штаты,— писал несколько позднее Г. Небольсин,— производят главнейшую посредническую торговлю между Россией и американскими владениями, ибо известно, что сахарный песок, привозимый на кораблях Соединенных Штатов, есть Гаванский и Бразильский и что российские полотна и канаты, кроме внутреннего потребления в самих Соединенных Штатах, по большей части отправляются в Вест-Индию, Бразилию и другие страны Америки»³⁷.

В приводимой нами таблице экспорт США иностран-

³⁶ J. Hildt. Op. cit., p. 32.

³⁷ Г. Небольсин. Указ. соч., ч. I, стр. 29—30.

ных товаров учитывается отдельно только за последние три года (1805—1807 гг.). Его объем за исключением 1807 г. (366 тыс. долл.), когда начинает сказываться действие континентальной блокады, также составляет ничтожную величину. По-видимому, это объясняется тем, что регистрировался только реэкспорт иностранных товаров из США, а не прямая посредническая торговля, которая могла до 1807 г. быть существенной.

Давая общую оценку торговым связям с Америкой, Г. Небольсин отмечал, что корабли Соединенных Штатов привозят «две трети всего количества сахарного песка, потребляемого в России, отчасти же доставляют кофе, хлопчатую бумагу, индиго, сандал» и другие товары³⁸. Представление о размерах этой торговли дают следующие данные: в 1793—1795 гг. в Россию было привезено сахара-сырца и рафинада 341 356 пудов, а в 1800—1814 гг. ежегодно 244 715 пудов песка и сверх того 172 760 пудов рафинада. «В последние годы привоз сахара через посредство североамериканцев весьма усилился, а прежде Россия снабжалась оным преимущественно через Великобританию»,— писал Г. Небольсин. В значительных размерах в Россию привозилось также кофе (ежегодно в 1793—1795 гг.— 74 811 пудов и в 1800—1814 гг.— 91 829 пудов), «наиболее из Америки», а также «из Великобритании и Ганзейских городов»³⁹. Особенно резко возрастает в эти годы импорт «бумаги хлопчатой»: ежегодно в 1793—1795 гг.— 9616 пудов и в 1800—1814 гг.— 50 615 пудов. «Американские корабли, приходившие прежде в порты наши с баластом,—отмечает Г. Небольсин,—ныне стали привозить, кроме сахара, отчасти хлопчатую бумагу»⁴⁰.

Приводимые Г. Небольсиным данные и выводы относятся ко всему периоду 1800—1814 гг. и поэтому дают в целом преувеличенную картину экспорта США в Россию, если иметь в виду только первые годы XIX в. (О резком увеличении русско-американской торговли в 1809—1811 гг. мы еще будем говорить). Тем не менее, в какой-то степени они отражают тенденцию к увеличе-

³⁸ Г. Небольсин. Указ. соч., ч. I, стр. 29.

³⁹ Г. Небольсин. Указ. соч., ч. II, стр. 230, 231. •

⁴⁰ Там же, стр. 235.

нию торговли с Америкой, которая намечается (пусть еще слабо и неясно) уже к 1807 г.

Американская статистика почти не дает каких-либо сведений о товарах, экспортировавшихся в Россию до 1807 г. Многочисленные таблицы, приводимые Т. Питкином, содержат за эти годы самые незначительные записи, из которых видно, что в 1807 г. в Россию было отправлено кофе 149 271 фунт, сахара-сырца и рафинада — соответственно 52 852 и 297 844 фунта, а также за разные годы совершенно ничтожное количество китового жира, риса, свинины и говядины⁴¹. В то же время из работы Г. Небольсина, а также обзора русско-американской торговли, составленного А. Я. Дашковым в июне 1808 г., известно, что сахар, кофе, хлопчатая бумага, индиго, перец, пряные корни и т. д. доставлялись в Россию в довольно значительных размерах⁴².

✓ До сих пор мы говорили в основном о посреднической торговле американцев иностранными товарами. Это общеизвестный факт, установленный в литературе достаточно твердо и давно. Исследователи, однако, обычно не учитывали, что товары самих Соединенных Штатов, а также стран Латинской Америки доставлялись во многие европейские страны не прямо, а через Великобританию, Ганзейские города и т. д. Между тем еще Ф. Энгельс, конспектируя книгу Гюлиха «Историческое описание торговли», обратил внимание, что после войны США за независимость Бремен занял центральное место в европейской торговле американским табаком, Гамбург — в торговле кофе, сахаром и т. д. О масштабах торговли можно судить по тому факту, что в 1795 г. из Соединенных Штатов в Гамбург прибыло 236 судов (то же в Бремен). Оба эти города становятся главными складами на континенте по торговле колониальными товарами⁴³.

Эти товары поступали, конечно, и на русский рынок, хотя формально и не считались импортом из Америки, в связи с чем тот же Г. Небольсин писал: «Табак привозится наиболее листовой американский до 30 000 пудов из Великобритании, Ганзейских городов

⁴¹ См. T. Pitkin. A. Statistical View..., p. 90—91, 122—123, 125—126, 128—129, 157, 159, 161.

⁴² См., в частности, ЦГАОР, ф. 907; оп. 1, д. 107, л. 60—63.

⁴³ См. Архив Маркса и Энгельса, X, стр. 313.

и Голландии». Показательно, что Соединенные Штаты не упоминаются в этом перечислении стран-поставщиков, хотя именно их табак поступал на русский рынок. Что же касается Англии, Ганзейских городов и Голландии, то они, как известно, никогда производителями табака не являлись и сами покупали табак в Соединенных Штатах. Упоминает Г. Небольсин и о хлопчатой бумаге — «сырце американском», привоз которого в Россию («главнейше из Великобритании и небольшом количестве из Соединенных Штатов») доходил до 70 000 пудов⁴⁴. Хотя «главнейше» хлопок поступал из Англии, сама она его никогда не производила и продавала в Россию, разумеется, хлопок, полученный из Соединенных Штатов.

«Произведения» Соединенных Штатов англичане и другие посредники доставляли в Россию с «накидкой пошлин привоза и барышей»⁴⁵, что, естественно, оказывалось крайне невыгодным для русских потребителей. Касаясь этого вопроса, министр коммерции Н. П. Румянцев в специальной записке от 4(16) мая 1806 г. вполне справедливо обращал внимание на то, что «ансейские» города «богатели посредством передач чужих товаров в чужие руки». «Если причины сии уничтожатся,— писал Н. П. Румянцев,— тогда мы можем получать сахарный песок прямо из Америки, деньги за комиссию и в барыши гамбурцами от нас извлекаемые останутся в государстве, а сахарные заводы умножатся». Министр коммерции предвидел «особые выгоды, коль скоро мы войдем в непосредственный торг там, откуда помянутые города берут и передают нам товары», и считал необходимым для этого умножить русское судоходство⁴⁶.

Подробно обосновывал выгоды «непосредственного торга с Соединенными Штатами в Америке» Н. П. Румянцев и в годовом отчете по министерству коммерции за 1805 г. «Из колониальных товаров,— указывалось в отчете,— сахар вошел у нас в необходимую статью к продовольствию. Такою же необходимостью для наших рукоделий сделалась хлопчатая бумага. Две статьи сии

⁴⁴ Г. Небольсин. Указ соч., т. I, стр. 29.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 107, л. 59.

⁴⁶ Н. П. Румянцев — Александру I, 4(16) мая 1806 г. — ВПР, т. III, № 54, стр. 150, 151.

извлекают от нас до 8 млн. руб., кроме той хлопчатой бумаги, которая к нам привозится из Азии.

Англия, доставляя статьи сии из Америки к нам и наши товары в Америку, не токмо пользовалась выгодами, собственно нам принадлежащими, но умела употребить меры, чтобы американцы держали товары их в ровной цене с теми, какие у нас брали другие нации, доставляющие через Европу оные»⁴⁷.

Последнее, на что необходимо обратить внимание в связи с анализом американского экспорта в Россию,— это значительный процент судов США, пришедших в русские порты с балластом. В отдельные годы (например, в 1803 г.) число американских судов без груза (58) более чем в два раза превышало численность кораблей, груженных товарами (27). Понятно, что эти суда приходили в Кронштадт не ради увеселительной прогулки, даже если иметь в виду, что многие из них предварительно выгружали свои товары в Англии или странах Европейского континента. Совершенно очевидно, что, совершая порожний рейс, они рассчитывали на получение особо ценных и важных товаров на русском рынке. И их надежды, по-видимому, никогда не оказывались напрасными — во всяком случае все американские корабли, как правило, покидали русские порты, нагруженные различными товарами. Характерно, что если об экспорте в Россию в американской статистике приводятся до 1807 г. сведения, имеющие скорее чисто символическое, чем практическое, значение, то импорт русских товаров в Америку достигает уже с 90-х годов XVIII в. более или менее существенных размеров⁴⁸.

Год	Долл.	Год	Долл.
1795	1 168 715	1799	1 274 913
1796	1 382 878	1800	1 524 913
1797	1 418 418	1801	1 672 054
1798	1 067 152		

По своей абсолютной величине приводимые цифры, конечно, не слишком велики. Тем не менее, они в десятки, а иногда и сотни раз превышали соответствующие

⁴⁷ Н. П. Румянцев — Александру I, не позднее 28 декабря 1806 г. (9 января 1807 г.).— ВПР, т. III. № 180, стр. 459 (дата подписания препроводительной записки).

⁴⁸ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 230, 257.

данные об экспорте США в Россию и имели уже определенную практическую значимость. И хотя доля русских товаров в общем импорте США в эти годы составляла обычно немногим более 1,5% и во всяком случае менее 2%, их значение не следует преуменьшать (тем более, что основная доля американского импорта приходилась на Англию, и это оставляло для всех других стран не слишком большое место).

Из России в Америку в значительных размерах доставлялись такие важные товары, как железо, пенька, парусина, равендук, фламское полотно, щетина, свечи, кожи, различные изделия мануфактурной промышленности и т. д. Только одного железа и железных изделий из С.-Петербурга в Америку было вывезено в 1783 г. — 6615 пудов, в 1793 г. — 182 473 пуда и в 1803 г. — 414 076 пудов; пеньки различных сортов, соответственно, — 7943, 160 276 и 362 067 пудов; парусины — 500, 13 391, 32 190 кусков; широкого и узкого полотна — 27 304, 13 288 и 318 643 аршина и т. д.⁴⁹ В среднем в первые годы XIX в. только одного полотна на американских кораблях вывозилось на сумму 1363 тыс. руб. В целом же стоимость пеньки, полотна и канатов, привозимых в США из России, составляла в год около 2,5 млн. руб.⁵⁰ Отметим также, что доля США в общем вывозе железа из России обнаруживала тенденцию к быстрому увеличению. Если в 1797—1798 гг. на Англию приходилось 85% экспорта русского железа, а на США — 9,5%, то с 1801 по 1807 г. доля Англии понизилась до 71,5%, а доля Соединенных Штатов возросла до 21,5%⁵¹. По официальным американским данным, в 1802—1804 гг. средняя стоимость ввезенных из России товаров (железо, изделия из конопли и льна), с которых взимались пошлины соответственно их цене, составляла 1 302 217 долл., а в 1807 г. увеличилась до 1 804 860 долл.⁵²

По этим же данным, русской пеньки в 1802—1804 гг. в США ввозилось ежегодно 88 330 центнеров (cwt =

⁴⁹ J. Oddy. Op. cit., p. 126 (данные обобщены).

⁵⁰ «Взгляд на торговые сношения между Российской империей и Американскими Соединенными Статами», 9(21) июня 1808 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 107, лл. 69, 71.

⁵¹ Там же, л. 77.

⁵² T. Pitkin. A Statistical View..., p. 232.

= 45,3 кг) на сумму в 779 473 долл., а в 1807 г. уже 135 775 центнеров. Кроме того, в США ввозилось снастей различных видов соответственно 1 007 780 и 6843 фунта и, наконец, канатов — 57 579 фунтов⁵³.

И хотя эти цифры, особенно по современным масштабам, выглядят не слишком внушительно, их значение для своего времени представляется все же существенным. Впрочем, речь идет даже не только и не столько о прямом практическом значении первых русско-американских торговых связей — деловые контакты с американским рынком еще только устанавливались, и их объем, естественно, не мог быть значительным. Следует иметь в виду, что торговля с США имела в то время, пожалуй, не столько практическое, сколько политическое значение: с революционной Францией в 90-е годы XVIII в. воевали, а с республиканской Америкой торговали! Уже в одном этом факте сконцентрировано важное принципиальное различие французской и американской политики царской России. Напомним в этой связи, что обстановка феодально-крепостнической реакции, все более усиливавшейся в последние годы царствования Екатерины II под влиянием страха перед грозными событиями великой революционной бури 1789—1794 гг. во Франции, достигла кульминации при Павле I (1796—1801 гг.). Вслед за беспощадной расправой с А. Н. Радищевым был арестован Н. И. Новиков. Начались полицейские преследования других передовых представителей русской интеллигенции. Правительство жесточайше подавляло крестьянские волнения, которые охватили при Павле 32 губернии. В области внешней политики царская Россия с самого начала выступала яростным врагом французской революции. Однако, желая сохранить свободу действий на Востоке и в Польше, правительство Екатерины II воздержалось от прямого участия в первой антифранцузской коалиции. Позднее, уже при Павле I, русские войска все же были посланы в Европу и в последние годы XVIII в. приняли участие в войне против Франции в составе второй коалиции.

В то же время с американцами, особенно с членами правящей федералистской партии, отношения отнюдь

⁵³ Ibidem

не были враждебными. Ярким и любопытным штрихом в этой связи могут служить дружественные отношения, установившиеся у Губернера Морриса сначала с В. П. Кочубеем, а затем с С. Р. Воронцовым. Находясь в Париже, молодой В. П. Кочубей познакомился с Губернером Моррисом и, как видно из дневниковых заметок последнего, неоднократно с ним встречался⁵⁴. В близости молодого графа к американцу, казалось бы, нет ничего удивительного. Другой будущий член Негласного комитета, молодой Павел Строганов, воспитанник монтаньяра Жильбера Ромма и возлюбленный одной из наиболее выдающихся женщин французской революции — Теруань де Мерикур, посещал даже заседания Национального собрания и якобинского клуба! Неожиданности наступают немного позже. Пересылая с Моррисом письмо к русскому посланнику в Лондоне С. Р. Воронцову, В. П. Кочубей писал: «Я попросил м-ра Морриса лично передать Вам мое письмо, полагая, что Вы будете не прочь познакомиться с весьма образованным человеком, который прекрасно разбирается в делах этой страны... несмотря на свою приверженность к старому режиму» (!?)⁵⁵. И хотя в целом В. П. Кочубей больше напирал на «крайнюю умеренность» и беспристрастность Морриса, уже одно это малозаметное «несмотря» говорит очень о многом. «Несмотря на свою приверженность к старому режиму», т. е. феодально-абсолютистской Франции Людовика XVI! Что и говорить, не слишком лестная (но очень верная по существу) характеристика одного из «отцов-основателей», подпись которого украшает федеральную конституцию 1787 г.

Молодого Кочубея в эти годы можно считать «либералом», а в глазах многих фанатиков-реакционеров он выглядел даже революционером. Совсем иным человеком был русский посланник в Лондоне Семен Романович Воронцов — екатерининский вельможа, крайний консерватор, с лютой ненавистью относившийся к французской революции. Люди, разные по возрасту, харак-

⁵⁴ См. *Diary of the French Revolution by Gouverneur Morris*. Boston, 1939. Vol. II.

⁵⁵ В. П. Кочубей — С. Р. Воронцову, 12(23) января 1791 г. — Архив кн. Воронцова, кн. 18, стр. 8 (бук. — «malgré son attachement à l'ancien régime»).

теру и взглядам, С. Р. Воронцов и В. П. Кочубей оказались, однако, совершенно единодушны в своем отношении к Моррису. С завидным успехом Моррис подобрал нужный ключ к сердцу вельможного посла, который писал в июле 1795 г. своему брату, будущему канцлеру Российской империи А. Р. Воронцову буквально следующее: «Но что Вас, без сомнения, удивит, так это то, что два дня назад я познакомился с одним очень образованным человеком. Этот человек — господин Моррис, который три года был американским посланником во Франции и с которым я познакомился здесь перед его отъездом в Париж⁵⁶. Он ненавидит французскую революцию, потому что является человеком, преисполненным рассудительности и знаниями и так как он придерживается тех же самых принципов, что и его соотечественник господин Адамс. Находясь в Париже, он никогда не мог скрыть своего презрения ко всему, что там происходило, и не только не помогал конвенту, который все время старался поссорить Америку с Англией, но всегда писал Вашингтону, который является его другом, в духе, полностью противоположном желаним гнусных царевичей (*voeux des régicides odieux*)»⁵⁷.

Трогательное единомыслие екатерининского сановника и одного из «отцов-основателей» США может показаться злым анекдотом, но это был исторический факт, который совсем не так парадоксален, как кажется на первый взгляд. Гувернер Моррис, находившийся на посту посланника в Париже в самые критические годы революции (1792—1794), был мало похож на своих блестящих предшественников — Б. Франклина и Т. Джефферсона. Его фигура, может быть, очень подходила для двора Людовика XVI или, скажем, прусского короля, но в якобинском Париже ему было явно не место: действия Морриса лишь еще более ухудшали и без того вконец испортившиеся отношения между Францией и США после отказа последних оказать поддержку своей бывшей союзнице (прокламация о нейтралитете от 22 апреля 1793 г.) и требования отозвать французского посланника «гражданина Женэ».

⁵⁶ О знакомстве Морриса с С. Р. Воронцовым см. также *Diary of the French Revolution by Gouverneur Morris*, Vol. II, p. 374.

⁵⁷ С. Р. Воронцов — А. Р. Воронцову, июль 1795 г. — Архив кн. Воронцова, кн. 9, стр. 342.

Обратим внимание еще на одну характерную деталь. Моррис, как и его соотечественники и единомышленники А. Гамильтон и Д. Адамс, был федералистом. В целом в американском правительстве в 90-е годы XVIII в. все большее влияние получали крайне правые элементы. Их образ мыслей и действия не могли не вызывать, как мы видим, искреннего одобрения даже у наиболее консервативных деятелей монархической Европы. И случай с Губернером Моррисом не был, в этой связи, каким-то особым исключением.

Тот же С. Р. Воронцов оказался в самых лучших отношениях с другим «отцом-основателем» — чрезвычайным посланником и полномочным министром США в Великобритании Руфусом Кингом, «человеком,— по его отзыву,— рассудительным и пользующимся здесь всеобщим уважением за свои принципы». (Заметим, что Р. Кинг, представлявший Массачусетс, также был федералистом). В одной из частных и дружеских бесед с С. Р. Воронцовым американский посланник заметил, «что, поскольку его страна объединилась с Англией, союзницей России, и испытывает отвращение к омерзительным принципам, которыми руководствуется французское правительство, он лично считает, что прямые связи между Соединенными Штатами и Россией могли бы быть для них полезными, особенно учитывая все возрастающую торговлю между двумя странами»⁵⁸. Подобная аргументация произвела, по всей видимости, на С. Р. Воронцова самое благоприятное впечатление, и он со своей стороны заметил, что не предвидит каких-либо затруднений при условии, если первый шаг был бы предпринят с американской стороны. Поскольку

⁵⁸ С. Р. Воронцов — Павлу I, 15(26) марта 1799 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1799 г., оп. 35/6, л. 509, л. 112. Судя по переписке Р. Кинга, желательность установления более тесных отношений между Россией и США отмечалась С. Р. Воронцовым в ноябре 1798 г. Обращая внимание на значительную торговлю американцев в бассейне Балтийского моря, С. Р. Воронцов поставил перед Р. Кингом вопрос о целесообразности заключения торгового договора и предложил связаться по этому поводу со своими правительствами (Р. Кинг — Т. Пикерингу, 10 ноября 1798. — *Life and Correspondence of Rufus King*, Vol. 2, p. 463—464. Цит. по: J. Hildt. *Op. cit.*, p. 31—32). У Хилдта беседа ошибочно отнесена к ноябрю 1799 г. Эта ошибка повторяется и современными историками (см. M. Larson. *Op. cit.*, p. 98).

Р. Кинг говорил только «по своей собственной инициативе», С. Р. Воронцов сначала не придавал беседе особого значения. Вскоре, однако, выяснилось, что разговор имел определенные практические последствия. Р. Кинг «только что сообщил мне,— доносил С. Р. Воронцов в С.-Петербурге в марте 1799 г.,— что в Соединенных Штатах желают начать прямую переписку с Россией и что он, возможно, будет уполномочен заключить со мной соглашение о торговле между двумя странами»⁵⁹.

Этот образ действий показался гордому вельможе не вполне приемлемым. Ведь речь шла о великой Российской империи, а не о какой-нибудь там «Пруссии и Португалии, с которыми американцы заключили свои договоры в Лондоне». Многоопытный в дипломатическом протоколе царский сановник «разъяснил» Р. Кингу, что Соединенным Штатам следует прежде всего назначить посланника в С.-Петербург, и если это будет сделано, то он полагает, что русский император, «принимая во внимание хорошее поведение Соединенных Штатов в вопросах, относящихся к правому делу (la Voire Cause), также назначит посланника с местом пребывания в Филадельфии». Вот тогда только и наступит время «говорить о торговых делах», причем договор, как полагал Воронцов, не может быть заключен нигде, кроме как в С.-Петербурге.

Ничего необычного в предложенной С. Р. Воронцовым процедуре не было, и современный читатель, даже если он окажется придирчивым юристом или историком, может, на наш взгляд, снисходительно отнестись к пристрастию С. Р. Воронцова к строгому соблюдению распространенного в тогдашней Европе дипломатического церемониала, тем более, что по существу русский посланник не только одобрил саму идею установления прямых отношений между Россией и США, но даже

⁵⁹ С. Р. Воронцов — Павлу I, 15(26) марта 1799 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1799 г., оп. 36/6. д. 509, лл. 112—113. Действительно, вскоре после получения в США известия о беседе С. Р. Воронцова с Р. Кингом президент Д. Адамс назначил 6 февраля 1799 г. американского посланника в Лондоне специальным уполномоченным для переговоров по заключению договора о дружбе и торговле между США и Россией (J. Richardson (ed.). *Messages...*, Vol. I, p. 310). Подробные инструкции с заключением договора были даны 1 мая 1799 г. (J. Hildt. *Op. cit.*, p. 32—33).

счел возможным подать в этой связи практические советы. В частности, при выборе кандидатуры на пост посланника в далекую Америку С. Р. Воронцов рекомендовал назначить человека, который «прекрасно владел бы английским языком и в состоянии был бы читать, писать и, особенно, говорить, так как в этой стране из тысячи человек с трудом найдется один, знающий французский».

При всем интересе, который вызывают прямые контакты русских представителей за границей с американскими дипломатами, особенно беседы С. Р. Воронцова с Р. Кингом в Лондоне весной 1799 г., гораздо более важной представляется реакция на предложение Р. Кинга царского правительства в С.-Петербурге. Донесение С. Р. Воронцова из Лондона было получено в С.-Петербурге 18(29) апреля, а уже через несколько дней, 23 апреля (4 мая) 1799 г., был дан ответ, в котором царь (в то время это был Павел I) выражал официальное согласие русского правительства на установление дипломатических отношений с США и обмен соответствующими миссиями. «Мы тем охотнее подадимся на установление взаимных миссий,— писал царь С. Р. Воронцову,— что правительство тамошнее поведением своим в настоящих обстоятельствах приобрело со стороны нашей всякое уважение и что пребывает оно в столь хорошем с Англиею, искреннею союзницею нашею, сношении; а потому, коль скоро назначен будет министр упомянутыми Штатами, то и мы к тому приступим»⁶⁰.

Первостепенное значение согласия русского правительства на установление дипломатических отношений с США не вызывает каких-либо сомнений, тем более, что речь идет об официальном документе, одобренном царем. Любопытно, что этим царем оказался крайний реакционер Павел I, который, однако, не только не видел никаких препятствий к установлению прямых дипломатических связей с республиканскими Соединенными Штатами, но и писал даже, что «тамошнее правительство» приобрело с его стороны «всякое уважение».

Г Русско-американское сближение в конце XVIII в.

⁶⁰ Павел I — С. Р. Воронцову, 23 апреля (4 мая) 1799 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1799 г., оп. 35/6, д. 507, л. 3.

в значительной мере определялось внешнеполитическими факторами. Оно было в этом смысле производным от отношений обеих держав с Францией и Англией. Известно, что с 1798 г. между США и Францией шла необъявленная морская война и сотни американских каперов действовали против французского судоходства. Именно в этой связи государственный секретарь Т. Пикеринг уже в феврале 1799 г. высказывал мнение, что назначение президентом уполномоченных для примирения с Францией подорвет переговоры Кинга с Россией. В то же время в Соединенных Штатах продолжали считать, что число американских иностранных представителей следует скорее уменьшить, чем расширять. В результате, когда С. Р. Воронцов сообщил в июне 1799 г. Р. Кингу о решении русского правительства, Соединенные Штаты не использовали открывшиеся перед ними возможности, и американский посланник счел за лучшее уклониться от дальнейших переговоров⁶¹.

Между тем международная обстановка вскоре резко изменилась. Раздраженный вероломной политикой Австрии, Павел I вышел из второй антифранцузской коалиции, отозвал русские войска из Западной Европы, порвал отношения с Англией и наложил секвестр на английские корабли и товары. Действия, предпринятые Павлом I против Англии, подрывали русскую торговлю и вызвали крайнее недовольство среди влиятельных кругов русского дворянства, купцов и гвардейского офицерства. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел I был убит участниками дворцового заговора. На русский престол вступил Александр I.

Приход к власти нового правительства, хотя и не затрагивал практически русско-американских связей, в конечном итоге создал более благоприятную атмосферу для сближения с Америкой. Активным и последовательным сторонником русско-американского сближения стал назначенный в 1802 г. на пост министра коммерции Николай Петрович Румянцев.

Закономерным итогом развития русско-американских отношений в последние десятилетия XVIII и начале XIX в. было назначение американских консулов сначала в С.-Петербург, а затем и другие русские порты

⁶¹ J. Hildt. Op. cit., p. 34—35.

(Рига, Архангельск). Еще 24 ноября 1794 г. президент Г. Вашингтон назначил первым американским консулом в С.-Петербург Джона М. Рассела⁶², который, однако, к месту назначения не прибыл. В марте 1801 г. за посылку в Россию консула США вполне определенно высказался в беседе с Д. К. Адамсом царский посланник в Берлине⁶³ (в то время этот пост занимал барон А. И. Крюденер). В свою очередь сам Д. К. Адамс обратился к посланнику с просьбой об освобождении американских граждан, которые, возможно, оказались задержанными в русских портах в связи с введением эмбарго на английские суда⁶⁴. Д. К. Адамсу было также известно, что в русских правящих кругах весьма благосклонно относятся к расширению торговли с Соединенными Штатами⁶⁵.

Важным событием в истории русско-американских отношений явилось назначение 4 апреля 1803 г. консулом США в С.-Петербурге Леветта Гарриса, который прибыл в русскую столицу 19 октября⁶⁶. Уже первые встречи с государственным канцлером А. Р. Воронцовым и министром коммерции Н. П. Румянцевым показали, что Л. Гаррис имеет все основания рассчитывать на успех своей миссии. Канцлер сразу же заверил американца, что он не предвидит особых трудностей в вопросе о признании, поскольку Александр I «с большим интересом и удовлетворением смотрит на возрастаю-

⁶² J. Richardson (ed.). Messages..., Vol. I, p. 173; NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I (письмо Д. Рассела от 13 декабря 1794 г. из Бостона и дубликат от 17 декабря).

⁶³ Д. К. Адамс — государственному секретарю Д. Мэдисону, 21 марта 1801 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. II, p. 513.

⁶⁴ Необходимость в этом отпала в связи с тем, что вскоре после убийства Павла I отношения с Англией были восстановлены, а «корабли и имущество британских подданных, секвестированные в России, были возвращены по принадлежности». — ВПР, т. I, № 9, стр. 38.

⁶⁵ См. Д. Питкейрн — Д. К. Адамсу, 31 марта 1801 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. II, p. 513.

⁶⁶ Л. Гаррис — Д. Мэдисону, 25 октября 1803 г. — NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I (нумерация листов отсутствует). Д. Хилдт ошибочно утверждал, что Л. Гаррис был назначен на пост консула в С.-Петербурге 11 ноября 1803 г. (J. Hildt. Op. cit., p. 35—36). Между тем архивные документы показывают, что в это время он уже находился в России и приступил к исполнению своих консульских функций.

щую торговлю США со своей империей»⁶⁷. Действительно, уже 16(28) октября 1803 г. канцлер А. Р. Воронцов объявил коллегии иностранных дел указ Александра I о признании Леветта Гарриса «в звании консула Американских Соединенных Штатов». 29 октября (10 ноября) 1803 г. соответствующий указ был направлен из правительствующего сената в коммерц-коллегию⁶⁸. Позднее, 4(16) февраля 1806 г., указом Александра I вице-консулом США в Архангельске был признан иностранный купец Ф. Кизел, а 12(24) июля 1808 г. — вице-консулом в Риге Х. Родде⁶⁹.

Л. Гаррису суждено было сыграть видную роль в развитии русско-американских отношений. Длительное время находясь в С.-Петербурге, он не только справлялся с обычными консульскими делами, но фактически с самого начала с успехом выполнял также некоторые дипломатические функции, завоевав расположение как самого царя, так и многих государственных деятелей.

Большой успех выпал на долю Л. Гарриса, в частности, уже в начале 1804 г. в связи с его обращением с просьбой о посредничестве России для освобождения из триполитанского плена моряков команды американского военного судна «Филадельфия», наскочившего на скалу у берегов Северной Африки 31 октября 1803 г.⁷⁰ «Правительство Соединенных Штатов Америки, — взволнованно писал Л. Гаррис А. Р. Воронцову, — разумеется, не замедлит применить все самые действенные средства, чтобы их (т. е. моряков американского корабля. — Н. Б.) освободить, но поскольку тем временем

⁶⁷ Л. Гаррис — Д. Мэдисону, 27 октября, 17 ноября 1803 г. и др. — NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1 и 2, д. 3032, л. 399.

⁶⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 87, д. 268; ЦГАДА, ф. 276, оп. 2, д. 425, 467; а также Н. М. Гольдберг. Указ. соч.

⁷⁰ Фрегат «Филадельфия» входил в состав эскадры Соединенных Штатов, направленной в 1801 г. в Средиземное море для борьбы с триполитанскими корсарями, мешавшими развитию американской торговли. Об обстоятельствах захвата фрегата корсарями Триполи см. письмо командующего американской эскадрой Э. Прибла (АВПР, ф. Канцелярия, д. 3327, л. 21 и далее). Об американо-триполитанской войне 1801—1805 гг. см. Н. А. Халфин. Начало американской экспансии. М., 1958, стр. 46—49; L. B. Wright and J. H. Macleod. The First Americans in North Africa. Princeton, 1945.

положение могло бы быть значительно улучшено посредничеством европейских дворов и поскольку нижеподписавшийся имеет честь быть аккредитованным при самом влиятельном из них, он счел своим долгом, вытекающим как из характера занимаемого им поста, так и из общечеловеческих побуждений, обратиться с настоящей официальной нотой к е. с-ву г-ну канцлеру, чтобы просить е. в. и. всероссийского повлиять на Порту Оттоманскую или выступить с посредничеством в той форме, которая может быть сочтена необходимой, чтобы облегчить судьбу своих несчастных соотечественников и освободить их из ужасного рабства». Л. Гаррис заверял при этом канцлера, «что как президент, так и народ Соединенных Штатов Америки сумеют оценить столь великодушное и почетное содействие»⁷¹.

Учитывая характер взаимоотношений России с Турцией в начале XIX в., а также влияние русского посланника в Константинополе, обращение Л. Гарриса нельзя не признать весьма удачным и своевременным.

А. Р. Воронцов сразу же довел просьбу Л. Гарриса до сведения Александра I, и она была полностью удовлетворена. «С большим удовольствием я должен сообщить Вам,— писал А. Р. Воронцов Л. Гаррису,— о том, что е. и. в., движимый добрым расположением к Вашему правительству, приказал мне предписать своему посланнику в Константинополе сделать самые энергичные представления перед турецким министерством о том, чтобы бею Триполи был послан фирман Порты освободить не только экипаж, но и само судно. Эти предписания будут посланы в Константинополь с первой же почтой⁷², и я нисколько не сомневаюсь, что представления, которые сделает в соответствии с ними г-н Италинский, возымеют должный результат»⁷³.

⁷¹ Л. Гаррис — А. Р. Воронцову, 20 января (1 февраля) 1804 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3327, лл. 6—7; см. также NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I.

⁷² Соответствующие инструкции действительно были направлены русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому 2(14) февраля 1804 г. (см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 111).

⁷³ А. Р. Воронцов — Л. Гаррису, 25 января (6 февраля) 1804 г. — ВПР, т. I, № 249, стр. 609—610. Интересно отметить, что, как видно из писем командующего эскадрой США в Средиземное море Э. Прибла Л. Гаррису от 7 июня 1804 г., известие о русском посредничестве произвело на него столь большое впечатление, что он не-

Весьма благожелательно относилось русское правительство и к другим обращениям американского консула. Так, например, в связи с просьбой Л. Гарриса содействовать в разрешении американским судам проходить в Черное море, новый руководитель министерства иностранных дел России Адам Чарторыйский⁷⁴ направил в феврале 1804 г. А. Я. Италинскому в Константинополь инструкции приложить «старания свои при турецком министерстве к исходатайствованию просимого позволения американскому флагу»⁷⁵.

В соответствии с этими предписаниями А. Я. Италинский «учинил» рейс-эфенди (министру иностранных дел Порты) «приличное отнесение». «Министр сей,— писал А. Я. Италинский А. А. Чарторыйскому месяц спустя,— обещал довести оное до сведения е. в. султана и дать мне ответ решительный в непродолжительном времени. Разговор, который при сем случае имел рейс-эфенди, не позволяет мне сомневаться в добром успехе отнесения моего». Рейс-эфенди заверил русского посланника, что Порта в «благодарность» императору не откажется разрешить «американскому купеческому флагу свободного плаванья» через проливы, но «при сем уверенни приметил», что «доставление упомянутого преимущества американскому флагу должно необходи-

медленно освободил судно под русским флагом, захваченное его эскадрой при блокаде берегов Триполи. Э. Прибл сообщал также, что его личным мнением и желанием американского правительства является использование каждого случая для развития дружественных отношений между двумя странами (соответствующие письма Л. Гарриса и Э. Прибл см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 3327, лл. 18—32). В дальнейшем, однако, эскадра США в Средиземном море продолжала «задерживать купеческие российские суда под разными предлогами», в связи с чем русскому полномочному министру в Неаполе Д. П. Татищеву было поручено «войти в сношение с командующим тою эскадрою и стараться миролюбиво отвлеши его от таковых непозволительных подвигов, долженствующих в продолжение произвести вящие неудовольствия, влекущие часто за собою самый разрыв, чего избегнуть мне весьма было бы приятно» (см. Александр I — Д. П. Татищеву, 18 февраля (2 марта) 1805 г. — ВПР, т. II, № 108, стр. 331).

⁷⁴ С января 1804 г. престарелый А. Р. Воронцов фактически устранился от дел и управляющим министерством иностранных дел стал товарищ министра, член Негласного комитета, один из молодых друзей Александра I, князь Адам Чарторыйский.

⁷⁵ А. А. Чарторыйский — А. Я. Италинскому, 16 (28) февраля 1804 г. — ВПР, т. I, № 254, стр. 617.

мо сопровождается быть постановлением дружественного трактата между империей Оттоманской и Статов Американских».

По отзыву турецкого министра, ранее Порты уже неоднократно отклоняла соответствующие обращения США и изменение ее позиции явится единственно результатом «искренней дружбы между Россией и Оттоманской империей»⁷⁶.

Ответ рейс-эфенди, как мы видим, говорил о многом. К сожалению, окончательно установить, «оказала» ли Блистательная Порты «в непродолжительном времени» должное «внимание» этому вопросу, нам не удалось. Просмотр соответствующей переписки с Константинополем за 1804—1805 гг. не выявил каких-либо дополнительных материалов. Более результативным, хотя и в несколько ином плане, оказалось ознакомление с делами парижской корреспонденции. 7 апреля 1804 г. американский посланник во Франции Роберт Ливингстон направил русскому поверенному в делах П. Я. Убри письмо, в котором предлагал заключить между Россией и США торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования и с предоставлением американским судам права прохода в Черное море. Инициатива Р. Ливингстона была несколько неожиданной и поставила П. Я. Убри в тупик. Прежде чем дать ответ, П. Я. Убри зашел к американскому посланнику и обратил его внимание на то, что Англии и Франции право плавания в Черном море было предоставлено лишь с большими трудностями и что поэтому он не уверен, сможет ли Александр I, «даже если он согласится заключить торговый договор с Соединенными Штатами, включить в него постановления, касающиеся торговли в Черном море». «Предметы, которые экспортируются из наших портов в Америку,— заметил далее П. Я. Убри,— пенька, канаты и холст для парусов — не имеются в достаточном количестве в портах Черного моря, через которые производится торговля зерном и строительным лесом»⁷⁷. Р. Ливингстон, тем не менее, вновь попросил

⁷⁶ А. Я. Италинский — А. А. Чарторыйскому, 16 (28) марта 1804 г. — ВПР, т. I, № 269, стр. 669—670.

⁷⁷ П. Я. Убри — А. А. Чарторыйскому, 4 (16) апреля 1804 г. — ВПР, т. I, № 276, стр. 684—685.

довести его проект до сведения русского правительства, что Убри и выполнил 4(16) апреля 1804 г. В своем ответе Р. Ливингстону он сообщал, «что если е. и. в. и не сочтет, что торговые отношения между его подданными и гражданами Соединенных Штатов требуют в настоящий момент особых договорных условий, он будет, тем не менее, весьма тронут проявленным Вами желанием сделать их более оживленными»⁷⁸.

Обращение Р. Ливингстона через П. Я. Убри нельзя признать удачным. Второстепенный и ограниченный дипломатический чиновник, секретарь русского посольства в Париже, оставшийся после отзыва А. И. Моркова поверенным в делах, оказался не в состоянии в полной мере оценить возможные последствия сделанных предложений и видел в них лишь отрицательные моменты. Кстати, то, что казалось ему маловероятным, как мы видели, стало уже ранее предметом официального демарша в Константинополе. Заметим также, что чиновничья осторожность не помешала П. Я. Убри в специальном письме сообщить А. А. Чарторыйскому, что, по его мнению, соглашение, предложенное Р. Ливингстоном, «будет полезно только Соединенным Штатам, которые, приобретая большие льготы для своей торговли с Россией, могут дать нам в обмен лишь видимую взаимность, так как ни одно русское судно не плавает в этих водах». П. Я. Убри выражал далее сомнение, что Р. Ливингстон выдвинул это предложение «по собственной инициативе», так как ему представлялось, что «оно сделано под влиянием Франции, которая в военное время извлекла бы большую выгоду из каботажных перевозок, которые делали бы американцы из портов Черного моря в средиземноморские порты, принадлежащие Франции»⁷⁹.

Сомнения, высказанные П. Я. Убри, имели, конечно, для того времени определенные основания, но в перспективе они представляются явно преувеличенными. Сказать с уверенностью, насколько они могли повлиять на решение русского правительства, довольно труд-

⁷⁸ П. Я. Убри — Р. Ливингстону, 1(13) апреля 1804 г. — Там же, № 274, стр. 680—681.

⁷⁹ П. Я. Убри — А. А. Чарторыйскому, 4(16) апреля 1804 г. — Там же, № 277, стр. 685.

но. Так или иначе никакого соглашения с Соединенными Штатами в то время подписано не было, что, однако, как и раньше, практически мало сказывалось на русско-американских торговых отношениях, которые продолжали развиваться без каких-либо особых препятствий и ограничений.

Показательно, что, помимо официального выражения благодарности за дружественное посредничество с целью освобождения команды американского фрегата из триполитанского плена, сделанного через государственного секретаря Д. Мэдисона⁸⁰, президент США Томас Джефферсон направил Александру I 15 июня 1804 г. личное послание, в котором выразил также особое удовлетворение по поводу развивавшихся торговых связей между Россией и США. «Я с огромным удовольствием вижу,— писал Т. Джефферсон,— расширяющуюся торговлю между нашими двумя странами. Мы не встали на путь проведения той политики, которой европейские страны придерживались так долго и с такими ничтожными положительными результатами,— политики увеличения числа торговых договоров. Возможно, что как государственные, так и частные торговые связи смогут стать более широкими, если они будут свободно устанавливаться, а не будут определяться точной буквой договора, который, делаясь обременительным, получает различные толкования, начинает означать что угодно или ничего, порождает споры и ведет к войне. Но Ваш флаг найдет в наших гаванях гостеприимство, свободу, покровительство, и Ваши подданные будут пользоваться всеми привилегиями наиболее благоприятствуемой нации. Теплый прием, оказанный нашему консулу в С.-Петербурге, и дружеские чувства, выраженные Вашим министром иностранных дел, являются залогом того, что наши купцы также найдут благосклонный прием в Ваших портах»⁸¹.

Принцип наибольшего благоприятствования, как мы видим, осуществлялся практически без всяких договорных обязательств, и от этого его эффективность отнюдь не уменьшалась.

⁸⁰ Д. Мэдисон — А. Р. Воронцову, 10 июня 1804 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3325, лл. 4—5.

⁸¹ Т. Джефферсон — Александру I, 15 июня 1804 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 154.

Последний важный вопрос, относящийся к данной теме, касается отправки слободским купцом К. А. Анфиловым судов отечественной постройки в Америку в 1806—1807 гг. К. А. Анфилов «производил торговлю внешнюю при архангельском и Санкт-Петербургском портах» и был, по-видимому, личностью незаурядной. Его предприятиям далеко не всегда сопутствовал успех, но в кругозоре, предприимчивости и смелости К. А. Анфилову отказать нельзя. Его контора в Архангельске, по отзыву специалистов, ни в чем не уступала иностранным. В 1803 г. он принимал участие в организации «Беломорской компании» для рыбных промыслов, а в 1804 г. — в учреждении «запасного хлебного магазина» в Архангельске. Позднее, в 1810 г., Анфилов основал в г. Слободском (Вятская губерния) один из первых в России общественных банков, пожертвовав для этой цели безвозмездно 25 тыс. руб.⁸² Однако наиболее значительным предприятием К. А. Анфилова являлось, безусловно, открытие прямой торговли с Америкой.

В начале декабря 1805 г. К. А. Анфилов обратился с письмом к министру коммерции Н. П. Румянцеву, в котором сообщал о своем намерении «начать торговлю непосредственно в Северно-Американские области и доставить туда наши продукты и товары, а на против того привозить оттоле наличные произведения на собственных российских кораблях». Анфилов предполагал направить в США три корабля с русскими товарами и просил «даровать» ему «великомонаршую милость», поскольку «первый опыт сопряжен со многими излишними расходами»⁸³.

Получив письмо Анфилова, министр коммерции счел возможным, не ставя этот вопрос на предварительное рассмотрение Комитета министров, обратиться

⁸² Записка о делах купца Анфилова для общественной пользы. — ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 1, л. 133. Подробно см. Г. А. Замятин. Указ. соч. Биография написана в связи со столетием «Слободского общественного Анфилова банка 1810—1910».

⁸³ К. А. Анфилов — Н. П. Румянцеву, декабря... дня 1805 г. — ЦГИА, ф. 13, оп. 2, л. 1128, л. 3; Г. Замятин. Указ. соч., стр. 75—76, приложения, стр. 227. Точная дата на подлиннике отсутствует. Г. Замятин указывает, что письмо было получено 28 декабря 1805 г. (ст. ст.). Последняя дата вызывает, однако, сомнение, поскольку уже 3(15) декабря Н. П. Румянцев представил соответствующий доклад Александру I.

непосредственно к Александру I, представив проект соответствующего указа. Н. П. Румянцев хорошо понимал важность развития прямых русско-американских торговых связей и еще раньше неоднократно докладывал императору «о пользе непосредственных торговых сношений наших с Соединенными Американскими Штатами». На этот раз он специально обращал внимание царя на значительные размеры импорта сахара (5 млн. руб.) и хлопчатой бумаги⁸⁴. Поскольку «западная часть Соединенных Штатов изобилует сими двумя продуктами», представлялось очевидным, что «из первых рук доставались бы они нам дешевле». В этой связи, «дабы решительно подвинуть наших торгующих к открытию американского торгова», Н. П. Румянцев предложил Александру I, «чтобы первые три корабля, в России построенные и россиянам принадлежащие и которые с грузом из с.-петербургского и архангельского портов отправятся прямо в Соединенные Штаты, отпущены были без пошлин». Равным образом предлагалось освободить от уплаты налогов американские товары, которые будут доставлены в Россию на этих кораблях⁸⁵. Александр I согласился с этими предложениями и 29 декабря 1805 г. (10 января 1806 г.) поручил Румянцеву объявить К. А. Анфилову свое «благоволение»⁸⁶. На следующий день Н. П. Румянцев известил К. А. Анфилова, что его намерение «отправить три корабля в Соединенные Американские Штаты» император принял «с особенным удовольствием» и «высочайше указал не брать пошлин с товаров, как с тех, которые Вы отправите в Американские Штаты, так и с тех, которые оттуда в российские порты привезутся»⁸⁷.

Подобная «монаршая милость» была не совсем обычной, хотя и отнюдь не «беспримерной в летописях рос-

⁸⁴ «В одном прошлом году,— писал Н. П. Румянцев,— привезли к нам сего товара из Европы почти до полтора миллиона рублей».

⁸⁵ Н. П. Румянцев — Александру I, 3 (15) декабря 1805 г.— ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1128, лл. 1—2 (черновой набросок доклада).

⁸⁶ Александр I — Н. П. Румянцеву, 29 декабря 1805 г. (10 января 1806 г.).— ВПР, т. III, № 3 (у Г. А. Замятина на стр. 79—80 этот документ ошибочно датируется 26 декабря 1805 г.).

⁸⁷ Н. П. Румянцев — К. А. Анфилову, 30 декабря 1805 г. (11 января 1806 г.).— ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1128, л. 7; Г. А. Замятин. Указ. соч., приложения, стр. 228.

сийской внешней торговли», как об этом писали некоторые чрезмерно восторженные авторы⁸⁸. Во всяком случае, она безусловно свидетельствовала о серьезном значении, придававшемся в то время прямой торговле с Соединенными Штатами. Показательно также, что по особому указу Александра I К. А. Анфилатову была предоставлена государственная ссуда в размере 200 тыс. руб. «без всякого залога и поручительства»⁸⁹.

В навигацию 1806 г. К. А. Анфилатов отправил в Америку только два корабля: один из Архангельска и второй из С.-Петербурга с разными российскими товарами. Первый вернулся из Нью-Йорка в Кронштадт благополучно с богатым грузом 8(20) октября 1807 г.⁹⁰ Второй корабль «Эрц Энгель Михаил», хотя и потерял часть груза, сев на мель при проходе через Зунд, все же в конце концов добрался до Ревеля осенью 1807 г.⁹¹ Кроме того, в связи с тем, что в Бостоне на этот корабль было погружено «3600 бутылок ликеров», ввоз которых в Россию был запрещен, К. А. Анфилатову пришлось вновь хлопотать перед Н. П. Румянцевым⁹², а последнему перед царем, с тем чтобы пропустить эти товары беспрепятственно.

⁸⁸ С. Ф. Огородников. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890, стр. 261; Г. А. Замятин. Указ соч., стр. 80. Отметим, например, что в ЦГИА в фондах того же департамента таможенных сборов имеется примерно аналогичное дело в связи с обращением 5(17) марта 1806 г. к Н. П. Румянцеву правления Александровской мануфактуры, предлагавшего отправить в США за хлопком корабль «Мария» с грузом пеньки, полотна и железа (см. ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1156).

⁸⁹ ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 1, л. 135.

⁹⁰ «С.-Петербургские коммерческие ведомости», 17(29) октября 1807 г., № 42.

⁹¹ «С.-Петербургские коммерческие ведомости», 12(24) декабря 1807 г., № 50. Позднее, в 1809 г., К. А. Анфилатов отправил из Архангельска в Соединенные Штаты третий корабль «Ксенофонт», который, однако, «до Америки не дошел и к российским портам не возвратился». Убыток, понесенный К. А. Анфилатовым, оценивался в 450 тыс. руб. Следует отметить, что хотя дела К. А. Анфилатова пришли к 1812 г. в полное расстройство, он не оставлял мысли их поправить, послав в Америку новый корабль. В этой связи, уже после окончания наполеоновских войн, в феврале 1816 г., он обратился с новым прошением к Александру I, которое, однако, на этот раз успеха не имело (см. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 1, лл. 134—136).

⁹² См. Г. А. Замятин. Указ. соч., приложения, стр. 228—229, а также доклад Н. П. Румянцева Александру I, утвержденный царем 1(13) ноября 1807 г.—ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1128, лл. 18—19.

В целом можно считать, что предприятие К. А. Анфилатова в 1806—1807 гг. окончилось весьма успешно. Среди товаров, привезенных из США, находились ром, кофе, сандал, гвоздика, перец, сахарный песок, индиго, лавр, корица, шоколад, красное дерево и т. д. Общая сумма отмененных пошлин и других сборов за привезенные товары достигала 900 тыс. руб., не считая прибыли, полученной от их продажи⁹³. Уже одна эта цифра дает представление о масштабе и важности осуществленных кораблями К. А. Анфилатова рейсов. Правда, есть основания полагать, что какие-то суда под русским флагом побывали в портах США и в другие годы. В частности, следует обратить внимание, что в американской статистике имеются сведения о «русском тоннаже» в портах США за 1792 г. (390 т), 1804 г. (216 т), 1805 г. (368 т), 1806 г. (849 т) и 1807 г. (293 т)⁹⁴. Лишь в отношении 1806 г. можно считать, что эти цифры относятся к кораблям Анфилатова. Что касается других лет — 1792, 1804 и 1805 гг., — то закономерно предположить, что в эти годы в порты США приходило, по крайней мере, по одному кораблю под русским флагом, о чем, однако, никаких подробностей пока еще обнаружить не удалось. И хотя, по всей видимости, К. А. Ан-

⁹³ Г. А. Замятин. Указ. соч., стр. 89—90.

⁹⁴ Т. Pitkin. A Statistical View..., р. 364. Сведения за более поздние годы свидетельствуют о некотором увеличении общего тоннажа русских судов в портах США в наиболее трудный для них период войны с Англией в 1812—1815 гг.

Год	Тоннаж	Год	Тоннаж
1810	230	1813	6363
1811	—	1814	4431
1812	2671	1815	940
		1816	1890

Составлено по: Т. Pitkin. A Statistical View..., р. 365. Следует иметь в виду, что иностранный тоннаж в американских портах с начала 90-х годов XVIII в. резко сократился и был в конце первого десятилетия XIX в. очень незначителен (в 1811 г. всего 33 202 т). Не будет поэтому особым преувеличением сказать, что, за исключением английских судов, корабли других иностранных держав, в том числе России, Франции и Пруссии, были в американских портах редкостью. Подавляющая часть внешней торговли США (в 1807 г. более 90%) осуществлялась исключительно на американских судах (см. также E. Johnson and oth. Op. cit., Vol. II, p. 29).

Филатов не может претендовать на исключительное открытие американского рынка, как это хотелось бы Г. А. Замятину⁹⁵ (за ним остается заслуга отправки первых судов отечественной постройки непосредственно из русских портов в США), его смелое предприятие по праву занимает важное место в истории русской торговли. О значении, придаваемом русским правительством непосредственной торговле с США, можно судить по годовому отчету Н. П. Румянцева по министерству коммерции за 1805 г., в котором этому вопросу был посвящен специальный раздел.

Подробно обосновывая выгоды «непосредственного торга между Россией и Соединенными Штатами», Н. П. Румянцев отмечал, что он вошел «в надлежащее сношение» с американским консулом в С.-Петербурге Л. Гаррисом и неоднократно ходатайствовал у императора «о некоторых снисхождениях в пользу американцев, как то случилось касательно освобождения от конфискации объявленных к обратному отвозу запрещенных товаров; а потом, дабы решительно подвинуть наших торгующих к открытию американского торга, испрашивал... милость..., чтобы первые три корабля, в России построенные и россиянам принадлежащие и которые с грузом из Санкт-Петербурга и архангельского порта отправятся прямо в Соединенные Штаты, отпущены были без пошлин». «Посредством меры сей надеялся я,— писал Н. П. Румянцев,— что такое сильное поощрение заманит не три уже корабля, а многих торгующих наших на новый путь; необходимые у нас американские товары, приходя к нам прямо, будут дешевле и менее извлекут денег из государства»⁹⁶.

Что касается самого К. А. Анфилатова, то, оценивая впоследствии результаты посылки им в 1806 г. русских кораблей в Америку, он писал, что, во-первых, «противу всех мнений иностранцев» была доказана «возможность употреблять и в дальние морские вояжи корабли сосновые, прочной токмо постройки», а, во-вторых, «американцы сами стали посылать в Архангельск свои корабли и завели там от себя конторы, чего до предприя-

⁹⁵ Г. А. Замятин. Указ. соч., стр. 76.

⁹⁶ См. доклад министра коммерции Н. П. Румянцева Александру I за 1805 г.— ВПР, т. III, № 180, стр. 459.

тия сего не было. Таким образом, и в Архангельске к существенной для нас пользе товары американские идут теперь из первых рук, как и наши доходят к ним не через другие руки»⁹⁷.

— Подводя итоги анализу русско-американских торговых отношений в последние десятилетия XVIII — начале XIX в., можно выделить следующие основные моменты.

1) Важным результатом исследования является документальное подтверждение существования первых торговых контактов между Россией и Америкой уже в период войны США за независимость. Плавание судов под русским флагом из Бордо в Америку, о чем сообщил консул в Бордо Витфот, явилось по сути дела конкретной помощью восставшим, приобретающей дополнительную ценность в условиях морской блокады и нарушения нормальных торговых связей в ходе военных действий.

2) Не меньшее значение имело развитие нормальных торговых связей между Россией и США после окончания войны за независимость. Уже сам факт, что с республиканской Америкой развивались нормальные торговые связи, в то время как в конце XVIII в. с революционной Францией шла война, свидетельствует о важном принципиальном отличии французской и американской политики царской России, что связано со сложным комплексом международных и внутренних проблем, о которых говорилось выше.

3) Хотя в целом объем русско-американской торговли был очень невелик, связи с Америкой постепенно начинают приобретать известное практическое значение. Уже в первые годы XIX в. импорт США из России превысил 1,5 млн. долл. Из России в Америку доставлялись в то время такие важные товары, как высококачественное уральское железо, пенька, полотно, морские снасти и т. д. В свою очередь в Россию привозились как прямо из США, так и, особенно, через другие страны (Англия, Ганзейские города и т. д.) различные колониальные товары — сахар, кофе, табак, а несколько позже — хлопок. Значительный интерес вызывает, наконец, отпра-

⁹⁷ «Заниска по делу купца Анфилатова о посылке от него кораблей с товарами в Северную Америку», февраля... дня 1817 г.— ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 1, лл. 129—132.

ка К. А. Анфиловым в 1806—1807 гг. первых судов отечественной постройки из Архангельска и С.-Петербурга непосредственно в Америку, осуществленная при прямой поддержке правительства и прежде всего министра коммерции Н. П. Румянцева, уделявшего большое внимание развитию прямой торговли между Россией и США.

Оценивая общее значение первых русско-американских торговых связей, А. Я. Дашков не без оснований подчеркивал, что «польза наших сношений с американцами уже теперь ощутительна, но если мы обратим свой взор на будущее время, то почувствуем всю важность для России непосредственного торга с Соединенными Статами»⁹⁸.

4) Развитие торговых отношений между обеими странами приводило время от времени к установлению дипломатических контактов и, в частности, к обсуждению вопроса о прямой дипломатической связи и заключении торгового договора. Показательно, например, что весной 1799 г. в результате неофициальных переговоров между русским и американским посланниками в Лондоне — С. Р. Воронцовым и Р. Кингом — этот вопрос был в предварительном порядке согласован и в С.-Петербурге была даже дана официальная санкция на обмен дипломатическими миссиями. Наконец, закономерным итогом развития торговых связей между Россией и США явилось признание осенью 1803 г. Л. Гарриса в качестве консула США в С.-Петербурге, а несколько позднее — признание американских вице-консулов в Архангельске и Риге.

В целом торговые связи между Россией и США стали одной из главных предпосылок последующего русско-американского сближения.

⁹⁸ «Взгляд на торговые сношения между Российской империею и Американскими Соединенными Статами», 9 (21) июня 1808 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 107, л. 87.

Развитие научных, культурных и общественно-политических связей между Россией и Америкой во второй половине XVIII — начале XIX в.

Говоря о первых научных и культурных связях между Россией и Америкой, следует сразу же обратить внимание на выдающуюся роль в их развитии двух величайших ученых своего времени — М. В. Ломоносова и Б. Франклина. Впервые тему Б. Франклина и М. В. Ломоносова поставил, как известно, еще А. Н. Радищев в своем бессмертном «Путешествии из С.-Петербурга в Москву».

Исключительно высоко оценивая М. В. Ломоносова, А. Н. Радищев при сопоставлении его с Б. Франклином (учитывая роль американского ученого в войне США за независимость) отдавал в этом смысле предпочтение последнему. Тем самым он еще раз подчеркивал революционную, антимонархическую направленность своей книги. Известный латинский стих, начертанный под портретом Франклина (*Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis*), А. Н. Радищев переводил в острой антимонархической форме («Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей», хотя точнее, может быть, было бы сказать «из руки тиранов») и считал, что это «наилестнейшая» надпись, «которую человек низ изображения своего зреть может»¹.

Приводимый стих исключительно образно и точно передает огромное значение научных работ великого американца в области электричества. Знаменитые «Опыты и наблюдения над электричеством» Б. Франклина,

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I. М.—Л. 1938, стр. 391.

проведенные в Филадельфии², составили эпоху в науке, в известном смысле сравнимую с революционным переворотом, который позднее произвели в области политики война североамериканских колоний против Англии и принятая в той же Филадельфии декларация независимости. Гениальный самоучка из далекой Америки правильно понял существо электрических явлений и наметил путь их дальнейшего исследования, чего не смогли сделать его образованнейшие коллеги по другую сторону океана во всеоружии опыта и знаний, накопленных Ньютоном, Гюйгенсом и Эйлером³.

Всеобщее признание пришло к Б. Франклину, понятно, далеко не сразу. Святая церковь упрямо считала единственно правильным методом борьбы с грозowymi явлениями колокольный звон, который, по ее просвещенному мнению, якобы отгоняет злых духов. По проницательности судьбы высокие и прочно сложенные церковные колокольни были как раз той плохо проводящей электрический ток средой, которая оказывалась наиболее уязвимой при ударе молнии, и поэтому звонить в колокола при грозе оказывалось делом совсем небезопасным. В конце XVIII в. только в Германии за 33 года было убито 120 звонарей и разрушено 400 колоколен⁴. И как бы в насмешку над святой церковью, злыми духами и самим господом богом в течение многих сотен лет неуязвимым для молнии стоял «языческий» храм мудрого царя Соломона в Иерусалиме, покрытый, как оказалось, хорошо проводящими электрический ток полированными металлическими пластинами.

² Experiments and Observations on Electricity, made at Philadelphia in America by Mr. Benjamin Franklin and Communicated in Several Letters to Mr. P. Collinson, of London, F.R.S. London, 1751. Более позднее издание «Опытов» было прислано Б. Франклином в Россию с авторской надписью (From the Author). «Experiments and Observations...» London, 1769; см. также: В. Франклин. Опыты и наблюдения над электричеством. М.—Л., 1956.

³ Научная деятельность Б. Франклина мастерски обрисована Петром Леонидовичем Капицей в докладе 17 января 1956 г. в связи с 250-летием со дня рождения великого американца («Вестник АН СССР», 1956, № 2, стр. 65—75, а также П. Л. Капица. Жизнь для науки. Ломоносов, Франклин, Резерфорд, Ланжевэн. М., 1965, стр. 21—35).

⁴ П. Л. Капица. Научная деятельность В. Франклина.— «Вестник АН СССР», 1956, № 2, стр. 72.

Религиозные предрассудки оказались далеко не единственной и даже неглавной преградой для распространения новых взглядов на природу электричества. Во время войны США за независимость борьба против научных идей Франклина и введения громоотвода приобрела политический характер. Это стало особенно очевидным в связи с тем, что английский ученый Вильсон предложил вместо остроконечного громоотвода Франклина свой тупоконечный вариант для того, чтобы предотвратить считавшееся в то время опасным стекание электрического заряда. Страсти в стране разгорелись, и любой легкомысленный англичанин, снабдивший свой дом громоотводом с острым, а не тупым концом, грозил прослыть политически неблагонадежным.

В наши дни эти «научные» споры представляются столь же лишены смысла, как знаменитый конфликт свифтовских героев о том, с какого конца разбивать яйцо — с тупого или острого. Впрочем на родине великого сатирика отстаивать острый конец громоотвода оказалось небезопасным даже для самого президента Королевского общества и лейб-медика короля Джона Прингля. Его знаменитый ответ Георгу III о том, что «он по мере сил всегда будет исполнять желания е. в., но он не в состоянии ни изменить законов природы, ни действия их сил», дорого обошелся строптивому автору. Д. Прингля уволили с должности лейб-медика и президента Королевского общества.

Королевского медика легко было отстранить от должности и даже, если нужно, посадить в тюрьму, но гораздо труднее, понятно, остановить развитие науки, даже если этого очень хотелось святой церкви или королю величайшей державы мира. «Филадельфийские опыты» Франклина, гениальные по своей простоте и ясности, не оставляли сомнений в справедливости вывода о тождестве молнии и электрического разряда, а громоотвод действовал так безупречно, что мог убедить любого, даже самого недоверчивого, скептика.

В России об опытах Франклина стало известно широкому кругу читателей из сообщения, опубликованного «С.-Петербургскими ведомостями» в июне 1752 г. Газета писала, что в Филадельфии, в Северной Америке г-н Франклин «столь далеко отважился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который

целые земли погубляет», и приводила далее относительно подробное изложение его опытов, повторенных затем во Франции⁵.

Известие о «Филадельфийских опытах» попало в России на благоприятную почву. В то время в С.-Петербурге в смежной области плодотворно работал М. В. Ломоносов, а также его друг и отчасти сотрудник Г.-В. Рихман, сконструировавший в 1745 г. «электрический указатель» для измерения величины заряда в наэлектризованном теле. С помощью «громовой машины» — металлического стержня, вынесенного на крышу и соединенного с электроизмерительным прибором, Ломоносов и Рихман исследовали атмосферные электрические разряды. Летом 1753 г., проводя опыты с «громовой машиной» вместе с М. В. Ломоносовым, Г.-В. Рихман слишком неосторожно приблизился к проводнику и был убит электрическим разрядом. «Умер господин Рихман прекрасною смертию, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет»⁶, — писал М. В. Ломоносов о своем друге. Перейдя позднее к широким обобщениям в области электрических явлений, М. В. Ломоносов создал прогрессивную для своего времени эфирную концепцию электричества, которая в определенной степени предвосхитила развитую в XIX в. теорию поля.

Из сочинений М. В. Ломоносова и Г.-В. Рихмана по физике видно, что они высоко ценили работы Б. Франклина по электричеству и неоднократно на них ссылались. В то же время, основываясь на собственных многолетних экспериментах, они усматривали в них некоторые недостатки и в свою очередь умело дополняли и развивали идеи Б. Франклина⁷. Многие из их работ в

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 12(23) июня 1752 г., № 47, стр. 371—372.

⁶ М. В. Ломоносов — П. П. Шувалову, 26 июля (6 августа) 1753 г. — Г.-В. Рихман. Труды по физике. М., 1956, стр. 545 (приложение). О значении трудов Г.-В. Рихмана см. также: Т. П. Кравец и М. И. Радовский. К 200-летию со дня смерти академика Г.-В. Рихмана. — «Успехи физических наук», т. LI, вып. 2, 1953.

⁷ См., например, опубликованные впервые в 1956 г. работы Г.-В. Рихмана: «Разбор сообщений о недавно изобретенном способе отвращать молнию от зданий», «Размышления, утвержденные на опыте, о сходстве искусственного электричества с электричеством естественным, порожденным молнией, и о способе отвращать молнию», «Известие о наблюдениях, имеющих быть произведенными

этой области были выполнены еще до опубликования «Филадельфийских опытов» или до того времени, когда они могли с ними познакомиться и, кроме того, значительно отличались от идей, развивавшихся Б. Франклином.

Отвергая несправедливые возражения по поводу своего знаменитого «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих»⁸, М. В. Ломоносов подчеркивал, что им истолкованы «многие явления с громовую силою бывающие, которых у Франклина нет и следу»⁹. Показывая расхождение своей теории северного сияния с «догадкой» Франклина, М. В. Ломоносов отмечал: «...Он материя электрическую для произведения северного сияния от жаркого пояса привлечь старается, я — довольную нахожу в самом том месте, то есть эфир, везде присутствующий. Он места ее не определяет; я выше атмосферы полагаю. Он не объясняет, каким она способом производится; я изъясняю понятным образом. Он никакими не утверждает доводами; я, сверх того, истолкованием явлений подтверждаю»¹⁰.

Указывая на отличие своей теории от взглядов американца, М. В. Ломоносов в то же время подчеркивал свое уважение к «славному господину Франклину» и отмечал, что «все сие не того ради здесь прилагается, чтобы я хотел себя ему предпочесть»¹¹.

Несколько позже новые идеи о природе электрических явлений изучались и популяризировались в России в сочинениях Ф. У. Т. Эпинуса, установившего связь «электрической силы с магнитною» и широко проводившего количественные расчеты в теории электричества. В своем капитальном трактате «Опыт теории электричества и магнетизма», вышедшем из печати в конце 1759 г. или самом начале 1760 г., Ф. У. Т. Эпинус неоднократно ссылается на Б. Франклина¹². В посвящении своего

над грозным электричеством...», «Франклиновы опыты» и многие другие (см. Г.-В. Рихман. Труды по физике).

⁸ См. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. III. Труды по физике. М.—Л., 1952, стр. 15—99.

⁹ Там же, стр. 121—123, а также 147—149.

¹⁰ Там же, стр. 103.

¹¹ Там же, стр. 105.

¹² Ф. У. Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма. Л., 1951 (многочисленные ссылки на Б. Франклина см. по указателю, стр. 561).

труда он писал: «Присущая телам сила, которую называют электричеством, открыта лишь недавно и вряд ли уже достаточно исследована... Меня в высшей степени удовлетворяет предложенная Франклином теория этой силы... Однако я пришел к выводу, что мне удалось обнаружить в этой замечательной теории некоторые недостатки; поэтому я приложил усилия к тому, чтобы исправить их и, при помощи этих исправлений так приспособить эту теорию, чтобы она была приведена к полнейшему согласию с явлениями»¹³.

С поставленной задачей ученый справился блестяще. Значение трудов Эпинуса для развития идей Франклина некоторые авторы иногда сравнивают со значением, которое в XIX в. имели работы Д. Максвелла для развития взглядов М. Фарадея: в обоих случаях опыты и наблюдения гениальных самоучек получили математическую обработку эрудированными профессиональными учеными-физиками¹⁴.

Нельзя не отметить, наконец, что исключительно высоко ценил работы Франклина по теории электричества Д. А. Голицын, сам опубликовавший интересные труды в этой области. «Г-н Франклин,— писал Д. А. Голицын в работе, напечатанной в трудах Петербургской академии наук за 1777 г.,— первый нашел, что существуют два вида электричества — *положительное и отрицательное*»¹⁵. «Будучи одним из самых искренних почитателей» знаменитого американца, Д. А. Голицын считал возможным в январе 1777 г. обратиться к Б. Франклину с письмом, на что, как он отмечал, давали ему право «любовь к науке и искренний интерес к ее прогрессу». «Кто лучше, чем Вы, милостивый государь, может судить о правильности идей, к которым я пришел в отношении положительного и отрицательного электричества и силы притяжения...»,— писал Д. А. Голицын и подробно излагал далее свои эксперименты в области атмосферного электричества¹⁶.

¹³ Там же, стр. 10—11.

¹⁴ М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией. М.—Л., 1958, стр. 8.

¹⁵ «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro anno MDCCXXVII». Petropoli, MDCCCLXXX, p. 26.

¹⁶ Д. А. Голицын—Б. Франклину, 28 января 1777 г.—Е. Dvoichenko-Marcoff. Benjamin Franklin...—PAPS, Vol. 91, N 3, p. 252.

Прямое обращение к Б. Франклину, бывшему в то время представителем восставших колоний в Париже и не получившего еще официального признания даже у французского правительства, нельзя не признать довольно смелым шагом со стороны русского посланника в Гааге. К чести Д. А. Голицына надо сказать, что он не побоялся во имя интересов науки пренебречь обычными формальностями, хотя подобная вольность не могла встретить одобрения царского двора в С.-Петербурге.

Приведенные материалы в целом не оставляют сомнений в том, что знаменитые «Филадельфийские опыты» Франклина не только стали уже с середины XVIII в. хорошо известны в России, завоевав самую лестную оценку в научных кругах, но, что особенно важно, получили дальнейшее уточнение и развитие в работах русских ученых, среди которых в первую очередь должны быть названы имена М. В. Ломоносова, Г.-В. Рихмана, а также Ф. Эпинуса и Д. А. Голицына.

Вместе с тем возникает вопрос, как относился сам Б. Франклин к работам в области электричества, производившимся в России, и знал ли он о них вообще? Хотя исчерпывающий ответ без привлечения американских архивов дать нельзя, даже опубликованные документы и уже проведенные исследования позволяют ответить достаточно определенно: Б. Франклин знал о русских работах и высоко их ценил. Как видно из письма Франклина от 13 декабря 1753 г., американский ученый был осведомлен о трагической смерти «несчастливого джентльмена в Петербурге», упоминал его имя — профессор Рихман — и выражал свое сожаление по поводу случившегося несчастья¹⁷.

Весьма лестно Б. Франклин отзывался о трудах Ф. Эпинуса уже в 1759 г. и считал, в частности, «хорошо обоснованным» его мнение «о положительном и отрицательном заряде противоположных концов нагретого турмалина»¹⁸. Б. Франклину было хорошо известно о знаменитых опытах И.-А. Брауна по замораживанию

¹⁷ См. М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией, стр. 12.

¹⁸ Б. Франклин — У. Хебердену, 7 июня 1759 г. — В. Франклин. Writings, Vol. III, p. 479—482.

ртути, проведенным в С.-Петербурге в 1759 г., а также упоминавшемся выше фундаментальном труде Ф. Эпинуса по теории электричества и магнетизма. И если он, быть может, и не читал детально монографии Ф. Эпинуса, поскольку, по мнению американских специалистов, не обладал достаточными знаниями высшей математики, то с ее основными выводами он был, безусловно, очень хорошо знаком. Кроме того, именно через Франклина с этими работами познакомились другие американские ученые, в частности Д. Уинтроп, преподававший естествознание в Гарвардском колледже, и священник Стайлес, ставший позднее президентом Йейльского колледжа.

«Русские физики,— писал Б. Франклин Э. Стайлесу 29 мая 1763 г.,— нашли, что при сильном охлаждении ртуть переходит в твердое состояние и становится ковкой, подобно другим металлам. Следовательно, по всей вероятности, в обычном состоянии она является расплавленным металлом, который плавится при меньшем нагревании, чем другие металлы.

Эпинус — член Петербургской академии наук недавно опубликовал труд на латинском языке (*in quarto*) «*Tentamen Theoriae Electricitatis et Magnetismi*», в котором он применил мои основные положения об электричестве для объяснения многих явлений магнетизма, и, я думаю, он сделал это с большим успехом»¹⁹. Спустя несколько дней Б. Франклин переслал Стайлесу книгу Эпинуса и просил ознакомиться с ней Д. Уинтропа, математическая подготовка которого позволила рассчитывать, что он в полной мере оценит ее содержание.

Последний, действительно, весьма лестно отозвался о содержании ученого труда петербургского академика, хотя не без ехидства заметил, что автор страдает «истинно немецким многословием» и у читателя не хватает терпения подробно следить за его формулами. Вместе с тем Д. Уинтроп нашел, что книга Эпинуса содержит «много интересных мыслей», а ее автор — «человек светлых идей, всестороннего и пытливого ума... Он по-новому рассматривает теорию магнетизма, и его

¹⁹ Цит. по: Г. М. Лестер. Знакомство ученых...— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12, 1962, стр. 143.

гипотезы соответствуют многим необъясненным явлениям этой таинственной силы и объясняют их со значительной степенью вероятности»²⁰.

Еще более высокую оценку книге Ф. Эппинуса дал позднее сам Б. Франклин в письме к своему другу французскому ученому Барбе Дюбургу. «...Сильный намагничивающий аппарат,— писал Б. Франклин,— может намагнитить миллионы стальных брусков, не сообщая им какой-либо части собственного магнетизма, а только приводя в действие магнетизм, который уже существовал в этих брусках.

Этой гипотезой, представляющейся мне столь же остроумной, сколько и основательной, я обязан главным образом блестящему петербургскому ученому, г-ну Эппинусу. Я говорю *главным образом* потому, что читал его книгу много лет тому назад и оставил ее в Америке; поэтому может случиться, что я что-то в ней добавил или в какой-то мере изменил, и если я что-нибудь представил неправильно, то ошибка должна быть отнесена на мой счет»²¹.

Наконец, наибольший интерес представляют сведения, позволяющие предполагать возможность существования прямых контактов американских ученых с Ф. Эппинусом, И.-А. Брауном и, что особенно важно, с М. В. Ломоносовым. Впервые эту мысль (правда, в излишне категорическом тоне) высказала Е. Двойченко-Маркова в своем интересном докладе о связях Б. Франклина и Американского философского общества с Российской академией наук еще в 1947 г., развитом позднее в обстоятельном исследовании с ценным документальным приложением²².

В качестве доказательства наблюдательная исследовательница ссылается на письмо Э. Стайлеса Б. Франк-

²⁰ Д. Уинтроп — Э. Стайлесу, 21 февраля 1764. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12, 1962, стр. 143.

²¹ Б. Франклин — Б. Дюбург, 10 марта 1773. — В. Franklin. Writings, Vol. VI, p. 23—26.

²² Е. Dvoichenko-Markoff. Benjamin Franklin... — PAPS, Vol. 91, N 3, p. 250—251, 253; idem. The American Philosophical Society... — PAPS, Vol. 94, N 6, p. 549—610. Эта последняя работа используется нами в последующем изложении в качестве источника в тех случаях, когда речь идет об Американском философском обществе.

лину от 20 февраля 1765 г.²³ Э. Стайлес написал М. В. Ломоносову относительно термометрических наблюдений, проводившихся в Бостоне в 1764 г., и просил Б. Франклина переслать это письмо в Россию, ссылаясь на «его (т. е. Франклина.— Н. Б.) петербургскую переписку с Эпинусом и Брауниусом»²⁴. «Я взял на себя смелость...,— писал Э. Стайлес,— просить об ответе через Ваше посредство. Если я слишком свободно воспользовался Вашим именем и дружбой, Вы вправе предупредить это злоупотребление. Однако позвольте мне, по крайней мере, просить Вас о получении отчета о полярной экспедиции, если подобная будет осуществлена»²⁵. Э. Стайлес отмечал также, что, «прочитав в «Аннуал реджистер» за 1762 г. отчет о замораживании ртути, осуществленном г-ном Брауниусом в Петербурге с помощью искусственного холода в декабре 1759 г.», он попытался повторить некоторые из его опытов, однако успеха не добился.

Анализируемое письмо — поистине редкая находка для исследователей: здесь и упоминание о М. В. Ломоносове, свидетельствующее о большом интересе и уважении к его работам в Америке, и просьба сообщить о планировавшейся в то время по его инициативе русской полярной экспедиции, и указание на «петербургскую переписку» Б. Франклина, и, наконец, описание попыток Э. Стайлеса повторить блестящие опыты И.-А. Брауна и его коллег в С.-Петербурге. Еще больший интерес представляет вложенное в тот же конверт письмо, адресованное Э. Стайлесом «преславному господину Ломоносову, гражданину Петербурга в России и члену Петербургской академии наук»²⁶.

«Мне довелось прочитать в лондонской газете от 29 октября 1764 г.,— писал Э. Стайлес М. В. Ломоносову,— что Вы, веря в возможность открытия пути из

²³ Э. Стайлес — Б. Франклину. 20 февраля 1765 г.— В. Франклин. Works, Vol. VI, p. 260—262. (В более позднюю публикацию это письмо не было включено.)

²⁴ Э. Стайлес имеет в виду И.-А. Брауна.

²⁵ Речь идет об экспедиции, планировавшейся М. В. Ломоносовым и осуществленной уже после его смерти.

²⁶ Полный текст письма Э. Стайлеса М. В. Ломоносову от 20 февраля 1765 г. см. Г. М. Лестер. Знакомство ученых...— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12, 1962, стр. 45—47.

России в Америку через покрытое льдом море, подготовили два судна, которые после зимовки в Коле в течение следующей весны направятся к полюсу и будут заниматься тщательным изучением северных районов. Это очень похвальный план и поистине достойный естествоиспытателя! Я в свою очередь глубоко верю, что полярные районы и арктические моря по мере удаления от берегов освещаются либо северным сиянием, либо тропическим солнцем...»²⁷

Любопытный американец составлял в то время таблицы температурных наблюдений и в этой связи обращался к М. В. Ломоносову с просьбой прислать в его адрес или на имя Б. Франклина «всю информацию относительно магнетизма и температур, зарегистрированных или выведенных на полярных землях и океанах», а также недостающие ему «сведения о показаниях термометра в некоторых местах Российской империи». Стайлес просил, в частности, чтобы «подобные наблюдения были проведены в Петербурге, Москве, Казани и Тобольске и даже в Архангельске, Коле, Камчатке и Селенгинске»²⁸.

Как отмечает Г. М. Лестер, письмо Стайлеса, по всей видимости, М. В. Ломоносову доставлено не было, так как его подлинник находится сейчас в коллекции бумаг Франклина в Американском философском обществе. Ничего не известно и о реакции на просьбу Э. Стайлеса Б. Франклина. Во всяком случае вероятность существования прямого обращения Б. Франклина к М. В. Ломоносову очень незначительна, а преждевременная смерть последнего 4(15) апреля 1765 г. полностью исключает возможность своевременного получения им письма от американских ученых. Хотя окончательный ответ на эти вопросы можно будет дать лишь после опубликования соответствующего тома нового из-

²⁷ Точка зрения, будто у полюса расстилается свободное ото льда море, получила широкое распространение с XVI в. и сохранилась вплоть до начала XX в. Лишь дрейф «Фрама» (1895—1896 гг.) и достижение в 1909 г. Пири Северного полюса окончательно доказали ошибочность этого взгляда. Подробнее см. Л. С. Берг. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода.— «Известия Географического общества», 1940, № 6.

²⁸ См. Г. М. Лестер. Знакомство ученых...— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12, 1962, стр. 145.

дания бумаг Б. Франклина, начавшего выходить в США в 1959 г.²⁹, уже сейчас с полным основанием можно утверждать, что в Америке хорошо знали и высоко ценили научные работы М. В. Ломоносова, а также его коллег по Петербургской академии: И.-А. Брауна, Г.-В. Рихмана, Ф. У. Т. Эпинуса и др.

Обоюдный интерес к проводимым исследованиям, первые эпизодические связи, выражавшиеся главным образом во взаимном знакомстве с исследованиями в области физики, а также географических открытий, подготовили почву к установлению официального контакта между основанным Б. Франклином в 1743 г. Американским философским³⁰ обществом (American Philosophical Society) в Филадельфии и русской Академией наук в С.-Петербурге в первой половине 70-х годов XVIII в.

В связи с выходом в начале 1771 г. первого тома «Трудов Американского философского общества»³¹ было решено направить его всем важнейшим иностранным «философским» учреждениям, в списке которых, представленном 22 февраля 1771 г., фигурировало «С.-Петербургское императорское общество» (Imperial Society of St. Petersburg)³². Из официальной надписи на «Трудах» видно, что «Американское философское общество, основанное в Филадельфии, искренне желая сотрудничать с императорским обществом в С.-Петербурге... просило принять этот том как первый результат своих работ в этом Новом свете». «Труды общества» были пересланы Б. Франклину в Лондон для передачи раз-

²⁹ В. Franklin. Papers, Vol. I. Полученные в наших библиотеках первые семь томов этого издания доводят переписку Б. Франклина лишь до второй половины 50-х годов XVIII в.

³⁰ Название «philosophical» по сути дела более правильно было бы переводить как «научное», поскольку в современном смысле слово «философское» не отражает своего прежнего значения. Американское философское общество было основано Б. Франклином «для содействия полезным знаниям» вообще (for promoting Useful Knowledge) и долгое время олицетворяло в Европе всю американскую науку в целом.

³¹ Transactions of the American Philosophical Society, held at Philadelphia, for promoting Useful Knowledge, Vol. I. From January 1st 1769, To January 1st 1771. Philadelphia, 1771.

³² E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society...— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 549.

личным европейским научным учреждениям. Удобный случай для связи с Петербургской академией наук представился летом 1772 г. во время пребывания в Лондоне одного из членов академии, барона Т. фон Клингштэда, которому Б. Франклин и вручил 31 июля 1772 г. экземпляр «Трудов» с личной надписью. Барон Клингштэдт, хотя и с некоторым опозданием, благополучно передал летом 1774 г. этот том в Академию, о чем имеется соответствующая запись в протоколах конференции от 22 августа (2 сентября) 1774 г.³³, а сам еще ранее, 15 января 1773 г. по рекомендации Б. Франклина был избран первым членом Американского философского общества от России³⁴.

Позднее в «Академических известиях», вышедших «при С.-Петербургской императорской Академии наук», появился перевод основного содержания «Сочинения ученого Американского общества, учрежденного в Филадельфии для приращения полезных знаний. Том I на 1769 и 1770 год». Среди переведенных материалов читатель находил «Рассуждение о физическом состоянии Северной Америки», статью Хью Уильямсона о кометах и др.³⁵

Любопытные научные контакты между Америкой и Россией завязались во второй половине 80-х годов XVIII в., так сказать, на высшем уровне, через Екатерину II, Вашингтона, Франклина и Лафайета. Эти контакты явились следствием интереса, который в то время проявляла русская императрица к подготовке сравнительного словаря всех языков мира. На плохие условия научной работы Екатерине II жаловаться, конечно, не приходилось: к ее услугам была многочисленная армия чиновников всех рангов внутри страны, готовая выполнить любое ее распоряжение и даже прихоть. Не приходится удивляться поэтому, что лингвистический материал в изобилии поступал в С.-Петербург со всех концов огромной империи. Несколько сложнее обстояло

³³ См. Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г., т. III (1771—1785). СПб., 1900, стр. 144. В записи отмечалось, что том представлен от Американского философского общества через «знаменитого г-на Франклина» и что секретарю поручено поблагодарить Общество за этот дар.

³⁴ PAPS, Vol. 94, N 6, p. 552.

³⁵ «Академические известия», ч. II, 1779, стр. 193, 205 и др.

дело с получением информации из Америки. Но и здесь для царицы вопрос решался довольно просто. Стоило Екатерине II сообщить о своем проекте Лафайету, как последний немедленно обратился прямо к Г. Вашингтону и Б. Франклину. «В приложении я посылаю словник,— писал Лафайет,— который русская императрица просит заполнить индейскими словами. Вы знаете о ее плане всеобщего словаря... Ваши уполномоченные по делам индейцев полковник Хармар и генерал Батлер смогут организовать работу, которую важно выполнить хорошо, так как императрица... придает ей большое значение»³⁶.

В свою очередь Г. Вашингтон и Б. Франклин, стремясь возможно полнее выполнить эту просьбу, связались с рядом лиц в Соединенных Штатах, способных обеспечить подбор необходимых для Екатерины II материалов³⁷.

«Высочайшая просьба» не осталась в Америке без внимания, и практические результаты ее не заставили себя долго ждать. Уже в апреле 1787 г. Б. Франклин смог возвратить Лафайету вопросник Екатерины II, заполненный «словами на делаварском и шаванезском языках»³⁸. Позднее, в начале 1788 г., аналогичные материалы для Екатерины II направил Г. Вашингтон, выражавший свое сердечное пожелание, чтобы проект императрицы «создать всеобщий словарь увенчался заслуженным успехом»³⁹.

Так был осуществлен, выражаясь современным языком, первый научный обмен между Америкой и Россией на высшем уровне. Материалы о нем давно уже опубликованы, но, как иногда случается, они практически затерялись среди бесчисленных документов в много-

³⁶ Лафайет — Франклину, 10 февраля 1786 г.— В. Franklin. Works, Vol. X, p. 248.

³⁷ Помимо упомянутых Хармара и Батлера, здесь были уполномоченный США по делам южных индейцев, а затем член конгресса от Северной Каролины Хаукинс, географ Хатчинс и др. (см., в частности, Г. Вашингтон — Т. Хатчинсу, 20 августа 1786 г.— G. Washington. Writings, Vol. 28, p. 525; Г. Вашингтон — Б. Батлеру, 27 ноября 1786.— Ibid., Vol. 29, p. 88—90 ff).

³⁸ Б. Франклин — Лафайету, 17 апреля 1787 г.— В. Franklin. Works, Vol. X, p. 299.

³⁹ Г. Вашингтон — Лафайету, 10 января 1787 г.— G. Washington. Writings, Vol. 29, p. 374.

томных сочинениях Г. Вашингтона и Б. Франклина. Исследователям они казались, по-видимому, слишком малозначительными, чтобы обращать на них серьезное внимание, и их цитировали довольно редко. Между тем современники и прежде всего сам Г. Вашингтон усматривали в этом деле, и, надо сказать, не без оснований, важный шаг к сближению между народами. Нельзя не напомнить в этой связи замечательные слова великого основателя американского государства, написанные им в том же самом письме к Лафайету, в котором он пересылал материал о языках индейцев Екатерине II: «Узнать языковую общность,— писал Г. Вашингтон,— означает сделать один шаг в развитии общности народов. Было бы хорошо, чтобы гармония между народами стала бы целью, самой близкой сердцам монархов,— и чтобы стремление к миру (чему не в последнюю очередь способствует торговля и возможность понимать друг друга) возрастало бы с каждым днем! Если настоящие или какие-либо другие мои действия с целью обеспечить информацию о различных диалектах коренных жителей в Америке прольют луч света на запутанный вопрос о языке в целом, я буду в высшей степени удовлетворен»⁴⁰.

Г. Вашингтон выражал далее желание, чтобы проект Екатерины II «мог бы в какой-то мере положить основание ассимиляции языка, которая в свою очередь приведет к ассимиляции обычаев и интересов, что когда-нибудь устранил многие причины вражды среди человечества»⁴¹.

Эти мечты в то время носили, конечно, отвлеченный характер, но, тем не менее, первый практический шаг, осуществленный при ближайшем участии Б. Франклина и Г. Вашингтона, не пропал даром для развития языкознания как в России, так и в Америке. Материалы, полученные из Соединенных Штатов, были частично использованы для второго издания всеобщего сравнительного словаря⁴², который в свою очередь оказал

⁴⁰ Г. Вашингтон - Лафайету, 10 января 1787 г.— G. Washington. Writings, Vol. 29, p. 374—375.

⁴¹ Ibid., p. 375.

⁴² «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», т. I—IV. СПб., 1790—1791. Летом

затем существенное влияние на филологические исследования в Соединенных Штатах. Уже собирая материалы для Екатерины II, американцы оказались тем самым вовлеченными в сравнительное изучение индейских языков. Позднее по образцу русского словаря в Америке подготовили словари различных индейских племен Б. С. Бартон, Гекевелдер, Т. Шултц и некоторые другие.

Оригинальные данные приводит в этой связи Е. Двойченко-Маркова, предполагавшая опубликовать по этому вопросу специальную работу. К сожалению, этот замысел до сих пор еще не осуществлен, но уже опубликованные ею документы и в первую очередь переписка известного американского филолога П. С. Дю Понсо со своим коллегой в России Ф. Аделунгом, завязавшаяся в 1817 г., представляет значительный интерес⁴³. И хотя эта переписка хронологически несколько выходит за рамки настоящей работы, нельзя не привести небольшой отрывок из письма П. С. Дю Понсо, которое звучит исключительно актуально и в наши дни: «Недавнее общее умиротворение предоставляет миру возможность заняться без помех науками и ремеслами, которые объединяют человечество; широкие взгляды Вашего августейшего государя и огромный прогресс, который Ваша страна сделала во всех областях науки,— все это указывает, что иностранная держава может стать для нас источником, из которого наш труд получит значительную помощь; разрешите поэтому нам через Ваше посредство начать объединять два полушария, в общих усилиях способствовать развитию Науки, необходимость чего равным образом ощущается образованными

1812 г. это издание было подарено русским посланником в США А. Я. Дашковым Американскому философскому обществу. Позднее по специальной просьбе из Америки Ф. Аделунг переслал Обществу первое издание словаря, осуществленное П. С. Палласом в 1787—1789 гг. (*Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; augustissimae cura collecta*. Petrop., 1787—1789.—PAPS, Vol. 94, N 6, p. 563, 583, 588). Отметим также, что словарем Палласа интересовался первый американский посланник в С.-Петербурге Д. К. Адамс, беседовавший в апреле 1810 г. по этому поводу с членом Петербургской академии Тилезусом (см. J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. II, p. 115).

⁴³ См. PAPS, Vol. 94, N 6, p. 561—563, 584—589. Как видно из переписки, сам Дю Понсо очень высоко оценивал *Vocabularium Comparativum* Палласа и использовал сравнительный метод в своих исследованиях языков американских индейцев.

людьми Вашей страны и нашими собственными учеными»⁴⁴.

При рассмотрении русско-американских научных и культурных связей в 80—90-е годы XVIII в. нельзя не обратить внимание на переписку и личное знакомство Б. Франклина с княгиней Е. Р. Дашковой, являвшейся директором Петербургской академии наук в 1783—1796 гг. и президентом специальной Российской академии, основанной по ее инициативе в 1783 г. для разработки русского языка. Первый обмен письмами и встреча Б. Франклина с Е. Р. Дашковой имели место в Париже зимой 1781 г.⁴⁵ Позднее Б. Франклин прислал Е. Р. Дашковой второй том «Трудов Американского философского общества», в связи с чем письмом от 30 августа 1788 г. княгиня выражала ему благодарность⁴⁶.

17 апреля 1789 г. по предложению Б. Франклина Е. Р. Дашкова была единогласно избрана членом Американского философского общества, в связи с чем 15 мая ей был послан соответствующий диплом. «Стремясь способствовать интересам Общества привлечением к нему выдающихся ученых,—указывалось в дипломе,—избрали г-жу княгиню Дашкову, президента императорской Академии наук в С.-Петербурге, членом упомянутого философского общества...»⁴⁷ Е. Р. Дашкова стала первой женщиной и вторым русским членом Американского философского общества. 18(29) августа 1791 г. об избрании Е. Р. Дашковой официально сообщил А. Ю. Крафт, представив конференции Академии наук копию диплома, «подписанного собственноручно знаменитым д-ром Франклином», как «свидетельство лестной и высокой оценки литературных заслуг княгини со стороны самых отдаленных научных учреждений»⁴⁸.

⁴⁴ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 16 декабря 1817 г.— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 584.

⁴⁵ См. Е. Dvoichenko-Marcoff. Benjamin Franklin... — PAPS, Vol. 91, N. 3, p. 254; B. Franklin. Writings, Vol. X, p. 346.

⁴⁶ PAPS, Vol. 94, N 6, p. 555. В 1792 г. отрывок из этих «Трудов» под заглавием «Известия о Северной Америке» был опубликован в русском переводе (см. «Новые ежемесячные сочинения», 1792, т. 67, стр. 10—24; т. 68, стр. 16—28).

⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1791 г., д. 6, л. 8.

⁴⁸ Протоколы заседаний..., т. IV (1786—1803). СПб., 1911, стр. 269—270.

Позднее, касаясь обстоятельств своего избрания, сама Е. Р. Дашкова писала в воспоминаниях: «Движимый дружбой и уважением ко мне, он (речь шла о Франклине.— Н. Б.) предложил избрать меня в члены этого уважаемого и уже знаменитого Филадельфийского философского общества, куда я была избрана единогласно; я уже получила диплом, и с того времени Общество не упускало случая посылать мне издаваемые им работы»⁴⁹.

Несомненной заслугой Е. Р. Дашковой следует признать более или менее регулярные контакты как с Философским обществом, так и отдельными американскими учеными — физиком Д. Чечмэном⁵⁰ и «отцом американских инженеров» Д. Уильямсом. Значительный интерес представляет, в частности, письмо Е. Р. Дашковой Д. Уильямсу от 21 февраля (4 марта) 1793 г. относительно открытия использования термометра в мореплавании. Княгиня была столь высокого мнения о присланном ей «Мемуаре об использовании термометра в мореплавании», что направила экземпляры этого труда в морское ведомство, Академию наук, а также распорядилась о его переводе на русский язык. «Я прекрасно сознаю,— писала Е. Р. Дашкова,— огромное значение этого открытия.

⁴⁹ Бумаги княгини Е. Р. Дашковой (урожденной графини Воронцовой).— Архив кн. Воронцова, кн. 21, стр. 286. Надо сказать, что связь с Америкой в то время была делом нелегким. Одна из посылок на имя Е. Р. Дашковой с письмом от Б. Франклина оказалась перехваченной во время войны со Швецией (1788—1790) и попала к герцогу Зюдерманландскому, брату шведского короля. Герцог оказался столь внимательным, что направил ее с сопроводительным письмом к Е. Р. Дашковой и специальным парламентарием в Кронштадт к адмиралу Грейгу. «Как иностранец и близкий друг» княгини, адмирал немедленно переслал посылку прямо в Государственный совет, и уже оттуда по распоряжению Екатерины II посылка в полной сохранности и в закрытом виде (!) была отправлена с курьером Е. Р. Дашковой за город. «Почта» княгини действовала, как мы видим, безупречно и никакой цензуре ни за границей, ни в России не подвергалась. Сама Е. Р. Дашкова высоко ценила Б. Франклина и считала его «превосходным человеком, который сочетал огромную эрудицию с простотой в манерах и внешности, вместе с естественной скромностью и большой снисходительностью к другим» (там же, стр. 285—286).

⁵⁰ По предложению Е. Р. Дашковой Д. Чечмэн в январе 1795 г. был избран иностранным членом Петербургской академии наук (см. RAPS, Vol. 94, N 6, p. 557—558; Протоколы заседаний..., т. IV, стр. 409).

которое Вы сделали в результате столь многих трудных наблюдений, что дает Вам право на благодарность человечества и прежде всего всякой торговой нации»⁵¹.

Таким образом, связи Петербургской академии наук с американской научной общественностью развивались довольно успешно. Пополнялось и число русских членов Американского философского общества: в 1791 г. в состав общества были избраны профессор естественной истории в Митаве Д. Г. Гроше и видный естествоиспытатель академик П. С. Паллас. В число членов Американского философского общества, как мы видим, попадали преимущественно ученые немецкого происхождения. Это и понятно.

Переехав в Россию, немецкие профессора сохранили свои обширные международные связи, и именно через них на Западе судили о состоянии русской науки. Среди приехавших в Россию профессоров были действительно выдающиеся ученые — достаточно вспомнить Леонарда Эйлера (1707—1783), — но встречались (к сожалению, в немалом числе) люди заурядные, посредственные, а иногда и просто случайные. Не удивительно поэтому, что в состав Американского философского общества оказались избранными далеко не самые видные ученые. Из числа его первых членов, пожалуй, лишь П. С. Паллас оставил более или менее заметный след в истории мировой науки⁵². Что же касается, скажем, барона Клингштэда, то своим избранием он обязан, по-видимому, главным образом знакомству с Б. Франклином. Тем не менее сам факт избрания русских членов свидетельствовал об уважении

⁵¹ PAPS, Vol. 94, N 6, p. 558. По поручению Е. Р. Дашковой с работой Д. Уильямса ознакомился видный астроном академик Ф. Шуберт, который представил о ней благоприятное заключение. В то же время опыты, проведенные русским Адмиралтейством в Балтийском море, не подтвердили наблюдений Уильямса. Для окончательного решения вопроса о том, насколько опыты Уильямса о влиянии отмелей и скал на температуру воды, проведенные в американских водах, могут быть полезными для предупреждения кораблекрушений, ученые рекомендовали проведение новых наблюдений в более обширных морских бассейнах (Протоколы заседаний..., т. IV, стр. 328, 364; М. И. Радовский. Из истории русско-американских научных связей.— «Вестник АН СССР», 1956, № 11, стр. 94—95).

⁵² О П. Палласе см. «Люди русской науки». М., 1963, стр. 34—44.

Американского философского общества к научным достижениям в России и о его желании развивать связи с Петербургской академией наук.

Особо следует отметить, что другое старейшее научное учреждение Соединенных Штатов — Американская академия искусств и наук, основанная в 1780 г. в Бостоне по инициативе Джона Адамса, уже в самом начале своего существования сделала прекрасный выбор, остановив внимание на Леонарде Эйлере. Избрание Л. Эйлера, представляющее по целому ряду причин огромный интерес, до последнего времени практически оставалось мало известным даже специалистам. Между тем в протоколах конференции Петербургской академии наук сохранилась запись от 28 февраля (11 марта) 1782 г., которая не оставляет на этот счет каких-либо сомнений: «Секретарь (в то время это был сын Леонарда Эйлера — Иоганн-Альбрехт Эйлер.— Н. Б.), — записано в протоколе, — вскрыл пакет, адресованный императорской Академии наук, который содержал письмо Академии искусств и наук, недавно основанной в Бостоне в Америке, господину Эйлеру-отцу, от 1 июня 1781 г., подписанное секретарем по связи Джозефом Уиллардом. Это только что образованное Общество избрало г-на Эйлера-отца в число своих членов и просило его передать и огласить в императорской Академии наук свой устав, изложенный в печатном листке, озаглавленном: Акт основания и учреждения Общества содействия и поощрения искусств и наук»⁵³.

Сделав столь удачный выбор, Бостонское общество искусств и наук проявило свое уважение к лучшим достижениям Петербургской академии, с которой завязало контакты сразу же после своего основания. К сожалению, в архиве АН СССР не удалось найти каких-либо дополнительных материалов, относящихся к этому выбору. Не увенчались успехом и поиски составителей фундаментального указателя по рукописным материалам Л. Эйлера⁵⁴. В то же время из опубликованной в 1965 г. заметки Е. Двойченко-Марковой известно, что 22 августа 1782 г. на заседании Американской академии искусств и

⁵³ Протоколы заседаний..., т. III, стр. 577.

⁵⁴ Рукописные материалы Леонарда Эйлера в архиве АН СССР, т. I. М., 1962, стр. 226.

наук было оглашено ответное письмо Л. Эйлера о принятии им членства в Бостонской академии (letter of acceptance)⁵⁵.

Из этой же работы видно, что связи Американской академии искусств и наук с Россией на этом не ограничивались. Значительный интерес бостонские ученые проявляли, в частности, к изучению сибирской пшеницы; специальные замечания по этому поводу представил 22 августа 1781 г. У. Гордон, а 14 ноября 1781 г. на заседании Академии было оглашено письмо Д. Литтла и К. Гарнетта о времени и обстоятельствах появления сибирской пшеницы в Америке. Позднее, 29 мая 1787 г., в связи с изданием первого тома трудов Бостонской академии⁵⁶ было решено направить его в различные «литературные общества», в числе которых упоминалась «императорская Академия в России». Получение этих трудов вместе с письмом Д. Уилларда от 25 сентября 1787 г. подтверждалось в официальном издании Петербургской академии.

Спустя некоторое время в этом же издании сообщалось о получении из Бостона известия о смерти первого президента Американской академии искусств и наук Д. Бодвина⁵⁷.

Исключительно удачным оказался и выбор первого американского ученого, удостоившегося чести войти в число иностранных членов Петербургской академии наук. Им оказался не кто иной, как Б. Франклин. Как записано в протоколе конференции от 2 (13) ноября 1789 г., княгиня Дашкова, разбирая бумаги Академии, «с удивлением обнаружила, что знаменитый Франклин не числится среди иностранных членов». «Его кандидатура по предложению

⁵⁵ E. Dvoichenko-Markov. The Russian Members of the American Academy of Arts and Sciences.— PAPS, Vol. 109, N 1 (Feb. 1965), p. 53. Датой избрания Л. Эйлера в заметке называется 30 января 1782 г. Между тем, судя по приводившейся выше записи в протоколах конференции, это событие относится к более раннему времени. (Обратим внимание, в частности, что в протоколах упоминается письмо Д. Уилларда от 1 июня 1781 г., а сама запись относится к 28 февраля (11 марта) 1782 г., когда известие из Бостона от 30 января в Петербурге еще не могло быть получено.)

⁵⁶ Memoirs of the American Academy of Arts and Sciences to the End of the Year 1783, Vol. I. Boston, 1785.

⁵⁷ Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1788, p. 10; 1792, p. 16.

нию ее светлости была поставлена на голосование, после чего этот уважаемый и знаменитый ученый получил все утвердительные голоса и был избран единогласно»⁵⁸.

В известном письме Б. Франклину от 4(15) ноября 1789 г., написанном по-английски, Е. Р. Дашкова отмечала: «Я всегда полагала и даже льстила себя мыслью, что Вы являетесь членом императорской Академии наук, находящейся в С.-Петербурге под моим управлением, и я была крайне удивлена, когда, просматривая несколько дней назад список ее членов, я не нашла в их числе Вашего имени. В этой связи я поспешила оказать эту честь Академии, и Вы были приняты в число ее членов при единодушных аплодисментах и радости. Я прошу Вас, сэр, принять это звание и считать, что я смотрю на него как на честь для нашей Академии». Заканчивая письмо, княгиня указывала, что ей доставляет величайшее удовольствие представить Б. Франклину «свидетельство своего уважения» и что она «всегда будет с гордостью вспоминать», что в свое время удостоилась его личного внимания⁵⁹.

Пересылая Б. Франклину диплом об избрании его иностранным членом Петербургской академии наук, «непременный секретарь академических конференций» И.-А. Эйлер с полным основанием писал, что, хотя Академия «одной из последних оказала этот официальный знак своего уважения, она уже более четверти века не переставала восхищаться его редкими заслугами, более чем какого-либо другого академика»⁶⁰.

Говоря об избрании Б. Франклина иностранным членом Петербургской академии, следует подчеркнуть, что оно отражало не только уважение к научным заслугам великого американца, но было также признанием его широкой политической, общественной и литературной деятельности, которая давно уже служила предметом серьезного и все возрастающего внимания русского общества. Об этом нельзя не сказать более подробно. Б. Франклин стал первым американским автором, произведения кото-

⁵⁸ Протоколы заседаний..., т. IV, стр. 204. Об избрании Б. Франклина см. также: *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, 1789, p. 8.

⁵⁹ B. Franklin. Works, Vol. X, p. 405—406.

⁶⁰ И.-А. Эйлер — Б. Франклину, ноябрь 1789 г. — Архив АН СССР; ф. 1, оп. 3, д. 83, л. 2.

рого были переведены на русский язык⁶¹. Особой популярностью в России пользовался известный «Альманах бедного Ричарда» (или Рихарда, как его именовали в русской печати), впервые опубликованный в 1784 г. и с тех пор много раз переиздававшийся в различных вариантах⁶².

Впервые Б. Франклин начал публиковать свой альманах еще в 1732 г. под псевдонимом Ричарда Саундерса. Промежутки между знаменательными датами в календаре Б. Франклин заполнял «краткими изречениями и поговорками, направленными главным образом на внедрение трудолюбия и бережливости». По словам Б. Франклина, «человеку, находящемуся в нужде, труднее поступать всегда честно»; как гласит одна из этих поговорок, «пустому мешку нелегко стоять прямо». «Эти поговорки,— писал Б. Франклин в своей автобиографии,— содержащие мудрость многих поколений и народов, я собрал и оформил в виде последовательного рассуждения, предосланного Альманаху 1757 года в форме речи мудрого

⁶¹ См. об этом также: А. И. Старцев. Вениамин Франклин и русское общество XVIII в.— «Интернациональная литература», 1940, кн. 3—4.

⁶² «Учение добродушного Рихарда». СПб., 1784. Еще ранее, 4(15) июня 1778 г. в «С.-Петербургских еженедельных сочинениях» появился отрывок в переводе с французского издания «La Science du Bonhomme Richard». В периодической печати время от времени появлялись и другие отрывки из работ Б. Франклина. В феврале 1778 г. в начавшем издаваться журнале Г. Л. Брайко «С.-Петербургский вестник» было опубликовано изложение отрывков из письма Б. Франклина мисс Стивенсон под заглавием «О цветах платья (из письма господина Франклина)», а в июне 1780 г. в том же журнале появилась составленная Б. Франклином эпитафия (см. «С.-Петербургский вестник», ч. VI, 1780, стр. 38). Наконец, хотелось бы обратить внимание, что еще в марте 1776 г. была опубликована «Выписка из писем некоторого филадельфийского жителя к своему приятелю Барбе ди Бург в Париже», в которой расхваливалось гражданское правление в Америке, где все идет «по естественному порядку». В «законах и правах» Пенсильвании, по словам автора, господствует «простота, каковой в истории еще примера не было», и т. д. (см. «Собрание разных сочинений и новостей», март, 1776, стр. 14—15).

Едва ли придется сомневаться, что «некоторым филадельфийским жителям» был, по всей видимости, Б. Франклин: французский ученый Барбе Дюбург — большой друг и переводчик великого американца, содержание же «выписки» вполне согласуется со взглядами Франклина.

старика к посетителям аукциона»⁶³. Ясные, простые и меткие поговорки прекрасно отражали идеалы поднимающейся буржуазии и пользовались огромным успехом. В Америке и в Европе выходили все новые и новые издания альманаха, ставшего настольной книгой третьего сословия. В «авторовом предуведомлении» к московскому изданию «Науки Рихарда» 1791 г. указывалось на необходимость «распространить верные начала для мудрого поведения себя во время течения жизни и внушить вкус к гражданским и нравственным добродетелям тому драгоценному классу людей, без которых мы почти во всем имели недостаток»⁶⁴.

Большой популярностью в России пользовалось и другое известное сочинение Б. Франклина — его автобиография, вышедшая в свет во французском переводе в 1791 г.⁶⁵ Показательно, что эта книга сразу же получила живой отклик в России со стороны одного из наиболее видных литераторов того времени, Н. М. Карамзина, писавшего в специальной рецензии в издававшемся им журнале: «Всякий, читая сию примечания достойную книгу, будет удивляться чудесному сплетению судьбы человеческой. Франклин, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме английского языка и бедного типографского ремесла,— сей Франклин через несколько лет сделался известен и почтен в двух частях света, смирил гордость британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науку!»⁶⁶

Спустя несколько лет характерный «Отрывок из записок Франклина», посвященный различным моральным добродетелям и распорядку дня, был опубликован в журнале с невинным названием «Приятное и полезное пре-

⁶³ В. Франклин. Избранные произведения. М., 1956, стр. 493.

⁶⁴ Как благополучно век прожить, наука доброго человека Рихарда. М., 1791.

⁶⁵ *Memoires de la vie privée de Benjamin Franklin, écrit par lui-même, et adresses à son fils*, 1791.

⁶⁶ «Московский журнал», ч. IV, 1791, стр. 355. Н. М. Карамзин продолжал интересоваться сочинениями Б. Франклина и в дальнейшем. В 1798 г. в издававшемся им «Пантеоне иностранной словесности»; кн. III, стр. 221—235 он поместил несколько морально-философских притчей Франклина (см. также: Н. Карамзин. Переводы. т. 8. СПб., 1835, стр. 143, 145, 148).

провождение времени»⁶⁷ и получил с тех пор широкую известность в самых различных кругах русского общества⁶⁸.

Скромный внешний облик Б. Франклина, появлявшегося в блестящих парижских салонах в простом коричневом кафтане с гладко причесанными волосами, а не в напудренном парике, как того требовала европейская мода, производил на современников незабываемое впечатление⁶⁹. Это был, так сказать, живой образец моральных правил и добродетелей, о которых он так ясно и красочно писал в своих сочинениях. Впечатление усиливалось совершенно необычной и даже исключительной судьбой американца, которая сама по себе ярко символизировала превосходство скромности, таланта и труда над богатством, знатностью и праздностью. «Хотя по своему происхождению,— с гордостью писал Б. Франклин в своей автобиографии,— я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью»⁷⁰.

Не будучи специалистом-филологом, нам трудно судить о степени влияния Б. Франклина на русскую литературу. Представляется, однако, вполне вероятным, что личное знакомство Д. И. Фонвизина с Б. Франклином в Париже в какой-то мере сказалось при создании образа Стародума в бессмертной комедии XVIII в. «Недоросль». Не приходится сомневаться и в серьезном внимании к наследию Б. Франклина со стороны такого корифея мировой литературы, как Лев Николаевич Толстой⁷¹. Впрочем, для нашей темы это, пожалуй, уже слишком отдаленный сюжет, чтобы на нем можно было сколько-нибудь подробно останавливаться.

⁶⁷ Отрывок из записок Франклина, писанных им самим.— «Приятное и полезное препровождение времени», ч. XX. М., 1798, стр. 3—23.

⁶⁸ См. также Отрывок из Франклиновых записок.— «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина». М., 1803, стр. 165—191.

⁶⁹ Пребывание Б. Франклина в Париже с присущим для него литературным мастерством описал Л. Фейхтвангер («Лисы в винограднике». М., 1959).

⁷⁰ В. Франклин. Избранные произведения, стр. 418.

⁷¹ См. E. Dvoičenko-Markov. Benjamin Franklin and Leo Tolstoy.— PAPS, Vol. 96, N 2, April 1952, p. 119—128.

Хронологические рамки работы делают для нас более важным возможно полнее определить степень знакомства русского общества с сочинениями Б. Франклина и их распространения в России на рубеже XVIII—XIX в. В том, что к сочинениям и самому имени Б. Франклина в русском обществе проявлялся повышенный интерес и что его работы как в их французских изданиях, так и русских переводах, получили весьма широкое распространение,— в этом, в свете уже приведенных материалов, сомневаться не приходится. Показательно, что в конце XVIII — начале XIX в. появляются первые собрания некоторых его произведений. В 1799 г. ученик Московского университета А. Тургенев перевел «Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений», а в 1803 г. в типографии Бекетова вышло другое, уже более полное собрание различных сочинений Б. Франклина ⁷².

Хотя эти первые небольшие собрания не могли, понятно, сколько-нибудь полно отразить все богатство и разнообразие литературного, политического и научного наследства знаменитого американца, в них все же вошел целый ряд значительных его произведений. Мы находим здесь некоторые любопытные морально-философские притчи, которыми он так любил развлекать своих гостей в Пасси (среди них, в частности, притчу о нравственности шахматной игры, развивавшую принцип разумного эгоизма ⁷³), известные высказывания о войне, направленные против реакционных, захватнических войн в защиту деятельности земледельцев, купцов и т. д. ⁷⁴, «Замечания о диких Северной Америки» ⁷⁵, содержавшие интересный анализ жизни и быта индейцев, и многое другое. Значительная часть вошедших в собрание 1803 г. произведений, прежде всего «Дорога к счастью, или Наука добродушного Рихарда» и отрывки из автобиографии Б. Франклина, были уже известны русскому читателю. С другой

⁷² Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений. М., 1799; «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина». М., 1803.

⁷³ Мораль от шахматной игры.— «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», стр. 22—30.

⁷⁴ Замечания о войне.— Там же, стр. 81—85.

⁷⁵ Замечания о диких Северной Америки.— Там же, стр. 86—102.

стороны, с некоторыми работами он знакомился впервые. Среди последних заслуживал внимания, в частности, «Ответ от Вениамина Франклина лорду Гове» от 30 июня 1776 г., в котором доказывалась невозможность для восставших колонистов покориться метрополии. Б. Франклин сравнивал Британскую империю с «фарфоровой вазой», которая, однажды разбившись, уже не может затем вновь стать прочной, и называл действия Англии «войной несправедливой и вместе безумной»⁷⁶.

Произведения Б. Франклина печатались не только на страницах столичных московских и санкт-петербургских изданий. Уже в 1786 г. в первом русском провинциальном журнале «Уединенный Пошехонец», выходившем в Ярославле, было опубликовано «Аллегорическое и философическое письмо от г. Франклина к г-же Б..., писанное на аглинском языке, а переведенное с французского»⁷⁷. Это было небольшое, но очень яркое и остроумное произведение («The Ephemera; an Emblem of Human Life»), адресованное Б. Франклином в 1778 г. г-же Брильон⁷⁸. В русских изданиях оно получило и другое наименование: «Разговор Эфемеров и монолог одного старого насекомого». Окрашенное в несколько необычный для его автора философски-пессимистический тон, письмо касалось смысла человеческого существования, что иллюстрировалось на примере насекомых — «эфемеров», продолжительность жизни которых составляла всего несколько часов. «...Судя по видимому движению обширного светила, — приходил к выводу мудрый старец, сидевший на отдельном листке и украшенный «белыми власами», — дающего жизнь всей природе, и которое с того времени, как я существую, приметным образом склонилось к Океану (т. е. реке Сене, замечает автор), ограничивающему сию землю, можно думать, что сие светило скоро кончит свое течение... и оставит мир в хладном мраке, от чего последует непременно смерть и всеобщее разрушение». Для чего же теперь трудиться, заботиться и собирать на сем листке росу?.. — вопрошал мудрый «эфемер», предвидя, что

⁷⁶ Замечания о диких Северной Америки. — Там же, стр. 116.

⁷⁷ «Уединенный пошехонец», ч. II, сентябрь 1786, стр. 552—557.

⁷⁸ См. B. Franklin. Works, Vol. II, p. 177. Об обстоятельствах написания этого сочинения см. Ibid., Vol. VIII, p. 473.

мир, «достигнув своего конца, совершенно исчезнет во всеобщем разрушении»⁷⁹.

Для оптимиста Франклина картина гибели цивилизации, нарисованная старым «эфемером», показалась, видимо, все же слишком мрачной, и он не удержался, чтобы не выразить некоторого удовлетворения по поводу своей жизни и трудов, цель которых он видел в «беспрепятственном желании быть полезным для других»⁸⁰.

Со времени войны США за независимость в русской печати утвердилось самое высокое мнение о руководителях молодой республики, отстаивавшей свою свободу в борьбе против могущественной метрополии. Это мнение не изменилось и позднее, в 90-е годы XVIII в., в период крайней реакции, усиливавшейся страхом перед французской революцией. Характерно, в частности, что в 1790 г. Т. Воскресенский опубликовал в Tobольске речь Кондорсе, в которой содержалась исключительно высокая оценка заслуг Б. Франклина и Л. Эйлера⁸¹. (Хотя имена этих двух ученых не назывались, текст речи не оставлял ни малейших сомнений в том, кого имеет в виду автор.)

В следующем, 1791 г. в «Московском журнале» можно было прочитать известное стихотворение Н. М. Карамзина «К текущему столетию», в котором давалась оценка основных достижений приближавшегося к концу XVIII в.

«О век чудесностей, ума, изобретений!
Позволь пылинке пред тобой,
На месте жертвоприношений,
С благоговением почтить тебя хвалою!
Который век достиг столь лучезарной славы?
В тебе исправилась испорченные нравы;
В тебе открылся путь свободный в храм Наук;
В тебе родился Вольтер, Франклин и Кук,
Румянцевы и Вашингтоны;
В тебе и Естества познались законы»⁸².

⁷⁹ «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», стр. 33—35.

⁸⁰ Там же, стр. 36.

⁸¹ «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», февраль 1790, стр. 56—57.

⁸² «Московский журнал», ч. II, 1791, стр. 218.

Н. М. Карамзин писал эти строки, растрогавшись получением денег почтой. Взыскательный критик может заметить также некоторые изъяны в стихотворной форме приведенного отрывка. Для нас, однако, в данном случае важно совсем другое: подводя итоги века, Н. М. Карамзин, которого трудно заподозрить в каких-либо левых симпатиях, называет среди немногих лиц, составлявших, по его мнению, гордость «текущего столетия», имена Франклина и Вашингтона. Впрочем, в русской печати имена Франклина и Вашингтона встречались уже довольно часто и, как правило, сопровождались самыми лестными эпитетами. Показательно, например, что в 1796 г. в журнале с лирическим названием «Муза» можно было прочитать заметку, автор которой призывал во всем подражать славнейшим и «ироям» и, в частности, «бессмертному Васгинтону»⁸³.

В целом в газетах и журналах конца XVIII — начала XIX в. американская тематика получала систематическое и благожелательное освещение. Выше мы уже подробно излагали отражение войны США за независимость в русской печати 70—80-х годов XVIII в. Интерес к новой республике в русском обществе не прекращался после победоносного завершения американской революции. Каковы итоги войны английских колоний за свою независимость? Что происходит в новом государстве? В чем смысл совершившихся изменений и каковы будут их окончательные результаты? Вот некоторые из наиболее важных вопросов, которые не могли не интересовать русского читателя. «Теперь оказывается,— писали «Московские ведомости» осенью 1789 г.,— что догадка тех политиков, кои утверждали при самом начале Американской революции, что Соединенные Штаты достигнут со временем самого цветущего состояния, была справедлива, хотя теперь одно только начало того видно»⁸⁴.

Из материалов «Политического журнала» читатель узнавал, что «Северная Америка в рассуждении земли есть величайшая республика в свете, а в рассуждении числа людей сильнее, чем 7 соединенных провинций; но по пропорции содержит наименьше войска»⁸⁵.

⁸³ Васгинтон.— «Муза». Ежемесячное издание на 1796 г., стр. 31.

⁸⁴ «Московские ведомости», 1789, № 84.

⁸⁵ «Политический журнал», ч. I, 1791, стр. 34.

В том же журнале за апрель 1797 г. мы находим восторженное описание «достопамятностей» Северной Америки и быстрых успехов молодой республики. «Североамериканское вольное общество имеет свойства юношеского тела. Живость приращения цветущей юности приятна взорам наблюдателя. Так теперь большая часть людей смотрит на Североамериканские области, хвалит их и им удивляется»⁸⁶.

С 1802 г. в Москве в университетской типографии Н. М. Карамзин начал издавать свой новый журнал «Вестник Европы», уделявший, в некотором противоречии со своим названием, значительное внимание не только Европе, но и Америке. Среди других материалов о Соединенных Штатах в 1802 г. журнал поместил специальную заметку о быстром росте их населения и успехах торговли. «Нигде число жителей так скоро не выросло, как в Соединенных Американских Облaстях. В 1784 г. было там 3 250 000 человек, а в 1802 г. в Америке 6 миллионов. Следовательно, за 18 лет число их вдвое умножилось»⁸⁷. В заметке приводились далее сведения о быстром увеличении американского экспорта с 19 млн. в 1791 г. до 93 млн. в 1801 г. В другой раз очевидец, побывавший в Соединенных Штатах, отмечал, что «дух торговли есть главный характер Америки», и добавлял при этом, что в Соединенных Штатах «богатство с бедностью и рабством является в разительной *противности*»⁸⁸.

Вообще критические замечания в отношении США высказывались не так уже редко. С одной стороны, они были вполне основательны, когда касались рабства или истребления индейцев, и особенно, когда критика шла с революционных позиций (вспомним, например, известные замечания А. Н. Радищева). С другой стороны, и это было гораздо чаще, резкие высказывания в адрес Америки исходили от представителей наиболее крайних дворянско-крепостнических кругов. Здесь мы имеем в виду не только реакционно-монархическую брань в отношении

⁸⁶ Исторические и статистические достопамятности Северной Америки.— «Политический журнал», ч. II, кн. 1, 1797, стр. 11.

⁸⁷ Умножение жителей и великие успехи торговли в Северной Америке.— «Вестник Европы», ч. IV, 1802, стр. 155—156.

⁸⁸ Общества в Америке (Перевод с манускрипта).— «Вестник Европы», ч. VI, 1802, стр. 315.

демократии и республиканского строя. Гораздо сложнее, на наш взгляд, обстоит дело в том случае, когда справа высказывались в значительной мере и даже полностью справедливые замечания. Сошлемся в этой связи на очень верные и меткие строки, принадлежащие перу Н. М. Карамзина:

«Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;
Индейцев в цепи заключивший,
Цепями сам окован был...»⁸⁹

Автор этих строк был, конечно, прав в том, что Х. Колумб, открыв Америку, «пути ко счастью не открыл», но само «счастье» в понимании дворянского идеолога не может не вызвать серьезных сомнений. Новые буржуазные обычаи не устраивали «тонкую» натуру писателя-сентименталиста, и не удивительно поэтому, что в упоминавшемся журнале «Вестник Европы» можно было встретить довольно резкую характеристику американских нравов: «Люди богаты и грубы; особливо в Филадельфии, где богачи живут только для себя, в скучном однообразии едят и пьют»⁹⁰. Вообще материалы «Вестника» могут служить прекрасной иллюстрацией сложных и во многом противоречивых взглядов его издателя. Так, уже во втором, январском, номере журнала за 1802 г. было помещено интересное «Письмо из Соединенных Американских Областей», в котором давалась восторженная оценка демократического образа правления в США и прежде всего взглядов и деятельности их нового президента Томаса Джефферсона. «Наше отечество,— читаем мы в этом письме,— представляет теперь редкий феномен в истории народов: феномен правления, обращенного единственно к обществу, верховному благу. Мы обязаны тем Джефферсону (президенту конгресса), верному исполнителю законов... Сей философ, известный в Европе своими творениями о земледелии и ботанике, знает столь же хорошо и человеческое сердце»,— и далее: «Аристок-

⁸⁹ Н. М. Карамзин. Сочинения, т. 1. Пг., 1917, стр. 104.

⁹⁰ Общества в Америке.— «Вестник Европы», ч. VI, 1802, стр. 315.

раты, которые за три или четыре года перед сим управляли, по желанию иностранцев, всеми выборами, не имеют теперь такой власти, никакого влияния.

Все идет неприметно, ибо все стремятся к одной цели, к истинному благоденствию.

Независимость частных мнений ограничивается здесь одним мнением общества; но мы не преступаем границ благоразумной свободы...»⁹¹

Поместив этот панегирик Т. Джефферсону, свободе и демократии, да еще «с дозволения» благосклонной к нему московской цензуры, Н. М. Карамзин может показаться не то что либералом, как его иногда называют, но даже чуть ли не революционером.

Однако уже в следующем номере журнала можно было прочитать гнусное «Письмо из Балтимора» с откровенной защитой рабства. «Американские негры, оставленные в покое всемирными мятежниками, мирятся с судьбой и с должностями своими»⁹². Автор письма пытался убедить читателя, что «негр Северной Америки есть шастливый работник, имеющий все нужное для себя, жены и детей своих и живущий без всяких забот», и далее распространял уже явные небылицы, будто в праздники можно встретить «веселые толпы арабов, опрысканных духами, одетых еще богаче, нежели госпожи их,— в дорогих перстнях, серьгах, ожерельях, кружевах — с раскрашенными перьями на голове...»⁹³ Лицемерные разглагольствования откровенного защитника рабства и выдуманные им сказки о «дорогих перстнях» «шелковых чулках» и «атласных башмаках» и т. п. вряд ли могли вызвать у русского читателя, хорошо знавшего, что такое крепостное право по собственному опыту, какие-нибудь иные чувства, кроме разве омерзения. В свое время Н. И. Новиков тоже поместил в своем журнале статью открытого защитника рабства, но в специальном примечании противопоставил его взглядам свою точку зрения — точку зрения передового просветителя XVIII в.

Чувствительный либерал Н. М. Карамзин, считавший себя «в душе республиканцем», не счел, однако, необходимым делать какие-либо разъяснения. Трудно сказать,

⁹¹ «Вестник Европы», ч. I, 1802, стр. 75—76.

⁹² Там же, стр. 88.

⁹³ Там же, стр. 89.

верил ли он сам сказкам своего бостонского «корреспондента». Думается все же, что не мог верить, но все-таки поместил эту заметку, как поместил позднее в том же журнале статьи в защиту крепостничества в России, изображавшие российского дворянина чуть ли не благодетелем своих крестьян, «их защитником в гражданских отношениях» и «помощником в бедственных случаях». Здесь перед нами уже не либеральный писатель-сентименталист, а реакционнейший крепостник и защитник самодержавия, будущий автор известной «Записки о древней и новой России» (1811).

Русское общество, понятно, не ограничивалось одним Н. М. Карамзиным, хотя мы и не склонны преуменьшать его влияние на современников. В так называемый «карамзинский период» русская литература была представлена не только Н. М. Карамзиным и карамзинистами, но также А. Н. Радищевым и радищевцами⁹⁴. И хотя царское правительство учинило полицейскую расправу над А. Н. Радищевым и запретило его книгу, остановить распространение его идей оно не могло.

Советские историки и литераторы развеяли легенду о полном одиночестве А. Н. Радищева и показали, в частности, что отблеск его идей явственно различим во взглядах и творчестве И. Пнина, В. Попугаева, И. Борна, А. Востокова и некоторых других⁹⁵. Скромные литераторы из «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», основанного летом 1801 г., правда, не поднялись до революционных высот своего великого предшественника, но тем не менее продолжали, хотя и гораздо менее последовательно, его традиции. И если известность этих литераторов в то время не могла идти ни в какое сравнение с популярностью Н. М. Карамзина, то именно им принадлежало в конечном итоге будущее. Показательно, что их позиция в вопросе о рабстве негров коренным образом отличалась от взглядов блестящего кумира русского дворянства. Очерк В. Попугаева «Негр» звучал гневным протестом против рабства и являлся одним из наиболее смелых антикрепостнических выступлений в открытой печати начала XIX в. Впервые В. Попугаев прочитал свой очерк в «Вольном обществе» еще в

⁹⁴ См. Вл. Орлов. Русские просветители..., стр. 64.

⁹⁵ Там же, стр. 489 и др.

1801 г., а затем опубликовал его в «Периодическом издании» (1804) и в сборнике «Талия» (1807)⁹⁶. «Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших?..— гневно спрашивал в заключение герой очерка негр Амру.— Воля не есть продажную; цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен».

И хотя тема рабства, «негритянская» или в некоторых случаях «индейская», географически прикреплялась чаще всего к колониальным странам Америки, тем не менее по своей сути это была своего рода иносказательная форма обличения крепостников в России. Очерк В. Попугаева в этом смысле был, пожалуй, наиболее смелым, но далеко не единственным примером. В том же самом «Периодическом издании», где был помещен «Негр» В. Попугаева, другой член «Вольного общества», А. Е. Измайлов, опубликовал «Сонет одного ирокойца, написанный на его природном языке», в котором под «Канадой» читатель легко мог угадать крепостную Россию. Большой популярностью в России пользовались известная драма А. Коцебу «Негры-невольники», стихотворение Н. И. Гнедича «Перуанец к испанцу» (1805), «Против сахара» С. Боброва и т. д.⁹⁷

Смело обличая рабство негров и положение индейцев, протестуя против несправедливости и бесчеловечности, русские просветители начала XIX в. и прежде всего Б. В. Попугаев продолжали лучшие традиции А. Н. Радищева. Несомненное влияние на членов «Вольного общества» оказала также знаменитая «История обеих Индий» аббата Рейналя, неоднократно являвшаяся предметом специального внимания и изучения с их стороны.

Дальнейшее развитие получили в начале XIX в. и русско-американские научные связи, начало которых было положено в последние десятилетия XVIII в. при ближайшем участии Б. Франклина. «Великий Франклин и ученое общество наук в Филадельфии, основателем которого он был, имеют в Европе, вероятно, не меньше

⁹⁶ «Периодическое издание», ч. 1., 1804, стр. 43—47. Хотя первоначально очерк «Негр» имел защитный подзаголовок «Перевод с испанского», это было безусловно оригинальное сочинение В. Попугаева (см. Вл. Орлов. Указ. соч., стр. 297).

⁹⁷ Подробно см. Вл. Орлов. Указ. соч., стр. 298 и сл.

почитателей, чем в Америке, и в их числе нахожусь и я», — писал «ординарный академик и профессор минералогии Академии наук в С.-Петербурге» Б. Герман в адрес Философского общества⁹⁸. Из письма видно, что Б. Герман в течение двадцати лет проводил успешное обследование Сибири и собрал большую коллекцию минералов. Вместе с письмом он переслал в Филадельфию две свои последние книги⁹⁹, а также ряд образцов русских минералов.

Личная инициатива Б. Германа не получила дальнейшего развития. Философское общество оставило без внимания просьбу о принятии его в свои члены и ограничилось формальным выражением благодарности, хотя сведения о России и тем более Сибири не могли не представлять значительный интерес. В то же время официальные контакты между Петербургской академией наук и Американским философским обществом продолжали успешно развиваться. Из письма неперменного секретаря Петербургской академии наук Н. Фусса от 10 (22) января 1803 г. видно, что Академия получила пять первых томов «Трудов Американского философского общества» и в свою очередь направила в Филадельфию 11-й том своей публикации «Nova Acta»¹⁰⁰. Еще ранее его предшественник на посту неперменного секретаря И.-А. Эйлер направил в адрес Философского общества 9 и 10-й тома этого издания.

Для связи с Философским обществом неоднократно использовался генеральный консул США в С.-Петербурге Л. Гаррис, а в дальнейшем и американский посланник Д. К. Адамс. Так, в 1807 г. Н. Фусс передал Л. Гаррису 15-й том трудов академии, а консул в свою очередь направил его с сопроводительным письмом в адрес Философского общества¹⁰¹. Позднее Л. Гаррис по просьбе

⁹⁸ Полный текст письма Б. Германа от 10 (21) мая 1796 г. см. PAPS, Vol. 94, N 6, p. 584.

⁹⁹ «Naturgeschichte des Kupfers...», а также «Statistische Schilderung von Russland...» После выхода в свет Б. Герман обещал выслать в Филадельфию также свою новую работу: «Mineralogische Reisen in Sibirien...»

¹⁰⁰ Н. Фусс — Американскому философскому обществу, 10 (22) января 1803 г.— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 592.

¹⁰¹ Л. Гаррис — Американскому философскому обществу, 3 (15) июля 1807 г.— Ibid., p. 590.

Д. Ваугхана прислал для библиотеки Философского общества два словаря и две грамматики, а также последний том трудов Петербургской академии наук¹⁰². Им же в адрес Философского общества была выслана по просьбе известного филолога профессора Ф. Аделунга его работа, прослеживавшая сходство между русским языком и санскритом, который в то время ошибочно считали общим предком индоевропейских языков¹⁰³.

Петербургская академия наук была в то время крупнейшим, но не единственным научным центром в России. Еще в 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова был основан Московский университет, сыгравший выдающуюся роль в развитии русской науки и просвещения. Существовали также университеты в Дерпте (немецкий) и в Вильно (польский). 8(20) сентября 1802 г. Александр I подписал манифест об учреждении министерств, среди которых значилось и министерство народного просвещения¹⁰⁴. В начале 1803 г. царь утвердил «предварительные правила народного образования», в основе которых лежал проект, подготовленный ранее А. Чарторыйским; были созданы учебные округа во главе с попечителями и основано несколько новых университетов, в том числе в Харькове и Казани. Утвержденные Александром I уставы носили довольно либеральный характер: всеми делами университета ведал совет профессоров; ректор и его помощники были выборными. Университеты получили значительную автономию, право контроля над подведомственными им заведениями, право цензуры, назначения преподавателей гимназий и т. д.¹⁰⁵ Цензурный устав 1804 г. первоначально толковался в либеральном духе, что впрочем не мешало уже в те годы не допускать издания неугодных царскому правительству сочинений. В целом, однако, меры правительства в области просвещения были едва ли не самыми радикальными из небольших и

¹⁰² Л. Гаррис — Д. Ваугхану, 5 (17) июля 1811 г.— Ibid., р. 591.

¹⁰³ Л. Гаррис — Американскому философскому обществу, 28 августа (9 сентября) 1811 г.— Ibid., р. 591.

¹⁰⁴ ПСЗРИ, т. XXVIII, стр. 243—248.

¹⁰⁵ См., в частности, ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21498, 21499, 21500, а также А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957, стр. 179 и сл.

ограниченных реформ, которые ознаменовали «дней Александровых прекрасное начало».

Детали о реформах в области просвещения в России стали известны научным кругам в Америке через двух выдающихся польских деятелей — Ю. Немцевича и В. Стройновского.

Видный писатель, историк и политический деятель, участник восстания Т. Костюшко, Юлиан Урсын Немцевич в 1797 г. переехал в Америку¹⁰⁶. Вскоре он был избран в члены Американского философского общества и именно через него были установлены контакты общества с ректором университета в Вильне В. Стройновским, а также А. Чарторыйским, состоявшим долгое время попечителем Виленского округа. Особый интерес представляет письмо В. Стройновского Американскому философскому обществу, в котором сообщалось о реформах в области просвещения, проводившихся в то время русским правительством. К письму прилагались недавно утвержденные царем документы, касавшиеся Виленского университета. Сам В. Стройновский, являвшийся решительным сторонником развития международных научных связей, отмечал в письме, что нельзя сомневаться, что «ученые и литераторы всех стран образуют между собой одну единую ассоциацию»¹⁰⁷.

Новые и гораздо более важные контакты завязались в первом десятилетии XIX в. между США и Россией на высшем уровне. Речь идет о знаменитой переписке Александра I и Т. Джефферсона, сыгравшей видную роль как в политическом, так и в культурном сближении между обеими странами.

«Актер на троне» — Александр I умел в нужных случаях прикинуться либералом и даже республиканцем, хотя в сущности всегда был крепостником и самодержцем. Для установления контакта с Т. Джефферсоном царь решил использовать швейцарца Ф. Лагарпа, бывшего в 1783—1794 гг. его воспитателем. В августе 1801 г. — мае 1802 г. Ф. Лагарп побывал в России и имел

¹⁰⁶ Свои интересные наблюдения о Соединенных Штатах Немцевич изложил в специальной книге «Путешествие по Америке» (J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce 1797—1807. Wrocław — Warszawa, 1959).

¹⁰⁷ В. Стройновский — Американскому философскому обществу, 27 сентября (9 октября) 1803 г. — PAPS, Vol. 94, N 6, p. 589.

возможность познакомиться с некоторыми проектами, обсуждавшимися царем с его «молодыми друзьями» и Негласном комитете. «Властитель слабый и лукавый» не прочь был поговорить со своим бывшим воспитателем о либеральных реформах, политической свободе и даже конституции. В этих беседах, по отзыву Лагарпа, молодой царь никогда даже не употреблял слово подданные, и, говоря о русских, называл их не иначе как «соотечественники» и даже «сограждане». Впрочем от этого положение «сограждан» царя отнюдь не улучшалось. Вспомним, что даже умеренный либерал М. М. Сперанский в том же 1802 г. с горькой иронией заметил: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи... Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»¹⁰⁸.

Вернувшись летом 1802 г. из Петербурга в Париж, Лагарп был преисполнен самых радужных надежд. С его слов английский книготорговец Д. Стоун писал своему другу, знаменитому ученому и философу Д. Пристли, переселившемуся в конце XVIII в. в Америку: «Среди нынешних правителей Ваш президент пользуется высочайшим уважением и доброжелательством Александра. Он говорит всегда о г. Джефферсоне как о человеке, с высоким уважением и с величайшим удивлением об его управлении... Я убежден, что он был бы весьма благодарен за сведения о внутреннем управлении Соединенных Штатов. Я имею в виду самый механизм управления, т. е. порядок отношений между президентом и его министрами, между отдельными министрами и их канцеляриями, между министерствами и низшими органами администрации, а также о движении дел по инстанциям»¹⁰⁹.

Сведения об интересе Александра I к государственному управлению Соединенных Штатов и их президенту, подробно изложенные Д. Стоуном со слов Лагарпа, были получены Т. Джефферсоном как от Д. Пристли; так и

¹⁰⁸ О коренных законах государства, 1802.— М. М. Сперанский. Проекты и записки. Подг. к печати А. И. Копаев и М. В. Кукушкина. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1961, стр. 43.

¹⁰⁹ Д. Стоун — Д. Пристли, без даты. По-видимому, написано летом 1802 г., поскольку 29 октября 1802 г. Пристли переслал его Т. Джефферсону (см. В. М. Козловский. Царь Александр I и Джефферсон. По архивным данным.— «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 82).

несколько ранее от близкого друга последнего — Т. Купера. В ответном письме от 29 ноября 1802 г. Т. Джефферсон рекомендовал для ознакомления с государственным строем и конституцией США ряд сочинений: «Предложения относительно основ гражданского управления» Т. Купера, «Очерки принципов управления» Н. Чипмэна, одну из статей самого Д. Пристли об основных принципах управления, а также знаменитый «Федералист» А. Гамильтона. Характерно, что Т. Джефферсон отнюдь не был сторонником каких-либо решительных и быстрых преобразований и рекомендовал проведение предварительной работы для того, чтобы подготовить страну к самоуправлению. «Кто бы мог подумать, что французская нация окажется неспособной к этому?» — спрашивал Т. Джефферсон и здесь же добавлял: «Александр несомненно начнет дело с надлежащей стороны, предприняв шаги к распространению среди своего народа просвещения и чувства естественных прав и освободив его тем временем от существующего угнетения»¹¹⁰.

Хотя в принципе Т. Джефферсон усматривал значительную пользу в распространении частной иностранной корреспонденции Александра¹¹¹, в то же время он не предпринял практических шагов, чтобы завязать прямые контакты с русским императором. Примерно через год, в октябре 1803 г. Ф. Лагарп вновь обратился к Д. Стоуну с просьбой оказать содействие для сближения президента США с русским царем, что было бы, по его мнению, «чрезвычайно полезно для них обоих, равно как и для

¹¹⁰ Т. Джефферсон — Д. Пристли, 29 ноября 1802 г. — «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 83. Перевод здесь и в ряде других мест уточнен. См также Н. Нанс. Tzar Alexander and Jefferson: Unpublished Correspondence. — «The Slavonic and East European Review», Vol. XXXII, N 78, Dec. 1953, p. 217 (далее: SEER). Любопытно, что Н. Хэнс, получив, кстати говоря, специальную поддержку от госдепартаментa США, «впервые» опубликовал в своей подборке в основном те же самые документы, что и В. М. Козловский. Ссылка на то, что нужный экземпляр «Русской мысли» за 1910 г. не сохранился в Британском музее, вряд ли может служить достаточным основанием как для Н. Хэнса, так и для редакции журнала, чтобы считать «неопубликованными» давно известные документы (ibid., p. 215).

¹¹¹ См. Т. Джефферсон — Т. Куперу, 29 ноября 1802 г. — SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 217.

счастья человечества». По свидетельству Лагарпа, Александр I восхищался речью президента Джефферсона и высоко ценил «этого выдающегося гражданина»¹¹².

На этот раз для связи с Т. Джефферсоном Д. Стоун решил использовать проживавшего в то время во Франции американского поэта и политического деятеля Д. Барлоу. Пересылая письмо Лагарпа Т. Джефферсону, сам Д. Барлоу счел возможным представить американскому президенту пространные соображения о русском царе и путях возможного влияния на него: «Александр,— писал Д. Барлоу,— хорошо знаком с английской литературой и языком, с нашей революцией и историей, с Вашим характером, принципами и администрацией. Он упоминает о Вас с особым уважением в нескольких своих письмах, а отрывок, приведенный здесь из одного из них, как заверил меня Лагарп, искренне рассматривается императором как приглашение или первый шаг к прямой переписке с Вами...» Среди тем, которые могли бы стать предметом полезного обмена мнениями между Т. Джефферсоном и Александром I, Д. Барлоу намечал вопрос о свободе печати, народном образовании, свободе торгового мореплавания и, особенно, о принципе федерализма, который, по его мнению, так мало понимали в Европе даже в теории. Примером для России, по его мнению, могли бы послужить также американские пути сообщения, мосты и каналы, поощрение сельского хозяйства и мануфактур, «рабочие дома, объединенные с тюрьмами для преступников» и, наконец, «общая реформа и улучшение уголовного судопроизводства»¹¹³.

Хотя Т. Джефферсон и не счел возможным воспользоваться пространными советами своего корреспондента, тем не менее его письмо не могло не способствовать началу непосредственной переписки между американским президентом и русским царем. Удобный повод для установления прямого контакта между ними представился в том же 1804 г., когда в Вашингтон пришло известие о посредничестве России для освобождения команды

¹¹² Ф. Лагарп — Д. Стоуну, 20 октября 1803 г. — «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 84; SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 218.

¹¹³ Д. Барлоу — Т. Джефферсону, 11 февраля 1804 г. — SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 218—220; «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 85—86.

американского фрегата, потерпевшего кораблекрушение у берегов Триполи.

«Я пользуюсь этим случаем,— отмечал Т. Джефферсон в конце своего первого письма Александру I,— чтобы выразить огромное удовольствие, которое я испытывал, следя за различными актами Вашего правления за то короткое время, что Вы находитесь на троне Вашей страны, и видя в них проявления добродетели и мудрости, которыми эти акты диктуются. Как много может ожидать Ваша страна от царствования, начавшегося с проведения таких успешных мероприятий! Разумные принципы, твердо проводимые в жизнь, постепенно распространяя добро, которое готов воспринять и которому готов следовать Ваш народ, неизбежно поведут его и Вас по пути дальнейшего улучшения его жизненных условий в течение Вашей жизни»¹¹⁴.

Едва ли надо доказывать, что эти восторженные слова, написанные, надо думать, с самыми лучшими побуждениями, мягко говоря, мало подходили для характеристики Александра I. К сожалению, в своих заблуждениях Т. Джефферсон не был одинок. Неумеренные похвалы и шумные восторги в адрес молодого царя еще долго раздавались как в России, так и за границей.

В ответном письме Т. Джефферсону Александр I отмечал, что, предоставляя добрые услуги в деле с американским фрегатом, он особенно рад, что, засвидетельствовав этим свое уважение к столь достойной нации, он смог сделать приятное и ему лично. «Я желал бы, чтобы это недвусмысленное свидетельство моего доброго расположения способствовало расширению торговых отношений, которые начинают устанавливаться между нашими двумя странами; оно должно послужить для Ваших сограждан залогом того, что они всегда будут пользоваться гостеприимством, покровительством и привилегиями в моих владениях»,— писал Александр I, и добавлял далее буквально следующее: «Я всегда питал высокое уважение к Вашему народу, который сумел самым благородным образом воспользоваться своей независимостью, выработав себе свободную и мудрую конституцию,

¹¹⁴ Т. Джефферсон — Александру I, 15 июня 1804 г.— «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 87—88; SEER, Vol. XXXII, № 78, p. 221.

обеспечивающую счастье всех и каждому в отдельности»¹¹⁵.

Слова царя о свободной и мудрой конституции, обеспечивающей счастье всех и каждого в отдельности, могут вызвать сейчас разве что ироническую улыбку.

¹¹⁵ Александр I — Т. Джефферсону. На отпуске письма помета царя: «Быть по сему. Ноября 3-го дня 1804 года», а также следующая делопроизводственная надпись: «Подписано и вручено генеральному консулу Ловетту Гаррису на конференции 20 декабря 1804 г.» (см. АВГР, ф. Канцелярия, д. 6033, лл. 3—4. Опубликовано: «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 154—155; ВГР, т. II, № 84, стр. 254—255). В тот же день, 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.), Л. Гаррису был вручен и ответ министра иностранных дел А. Р. Воронцова государственному секретарю США Д. Мэдисону на его официальное письмо от 10 июня 1804 г. (см. АВГР, ф. Канцелярия, д. 3325, лл. 4—5; ВГР, т. II, № 85, стр. 255).

В свое время, работая в американских архивах, В. М. Козловский не смог обнаружить какого-либо ответа Александра I на первое письмо Джефферсона. Он обратил внимание, однако, что в своем письме Александру I от 19 апреля 1806 г. Т. Джефферсон ссылается на письмо царя от 20 августа 1805 г. В связи с этой датой В. М. Козловский высказал довольно обоснованное сомнение в том, что Александр I мог так долго не отвечать на первое послание американского президента, и сделал предположение о существовании более раннего ответа русского царя (см. «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 88—89). Просматривая в 1957 г. материалы АВГР, мы обнаружили проект ответа Александра I Т. Джефферсону, утвержденный царем 3 ноября и подписанный 20 декабря 1804 г. по старому стилю. Царская помета и делопроизводственная надпись на документе не вызвали каких-либо сомнений, и при опубликовании письмо, естественно, помечено 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.), т. е. датой его подписания и вручения Л. Гаррису. С другой стороны, в публикации Н. Хэнса имеется письмо Александра I Т. Джефферсону с датой 20 августа 1805 г. (получено последним 3 декабря 1805 г.) с ссылкой на Library of Congress, Jefferson's Papers, Vol. 152, p. 26550 (SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 221—222). Сличение французского текста не оставляет сомнений в том, что это один и тот же документ. Дело еще более запутывается в связи с тем, что М. Лазерсон приводит в своей книге в английском переводе отрывок из того же (?) письма Александра I Т. Джефферсону, но уже с новой датой — 7 ноября 1804 г. и с ссылкой, что французский оригинал хранится в Pierpont Morgan Library в Нью-Йорке (см. M. Laserson. Op. cit., p. 82—83).

Недавно полученные нами из США микрофильмы донесений Л. Гарриса позволили, наконец, внести ясность в эту запутанную историю. Прежде всего было установлено, что 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.) товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский действительно вручил Л. Гаррису письма Александра I и А. Р. Воронцова (см. Л. Гаррис — Д. Мэдисону, 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.) — NA, Consular Despatches, St. Peters-

Нетрудно, однако, понять, что они предназначались, так сказать, на экспорт. Александр I любил рисоваться либералом в тех случаях, когда ему это было выгодным, а Т. Джефферсон воспринял его лицемерные излияния, по всей видимости, за чистую монету. Будучи и ранее осведомлен через Д. Пристли, что Александр I желает подробно познакомиться с американской конституцией, Т. Джефферсон теперь специально отобрал два лучших сочинения по этому вопросу и просил Л. Гарриса передать их от своего имени царю. Это были «Жизнь Вашингтона» в четырех томах и экземпляр конституции Соединенных Штатов, которые Л. Гаррис переслал 4 (16) августа 1806 г. для библиотеки Александра через министра иностранных дел А. Я. Будберга¹¹⁶. Одновременно с книгами Александр I получил второе письмо Т. Джефферсона от 19 апреля 1806 г., в котором, наряду с новыми комплиментами в адрес царя, содержались важные замечания об общих интересах северных стран Европы во главе с Россией и США в установлении мира и поддержании прав нейтральных держав. Имея в виду Наполеона и Александра, Т. Джефферсон отмечал в своем письме: «В Европе находятся два лица — из них одно в. в., — во власти которых лежит оказать на предстоящем мирном урегулировании величайшую услугу всем нациям, внеся в мир-

burg, Vol. I) и, таким образом, правильность нашей датировки вполне подтвердилась. В то же время получила объяснение и более поздняя датировка письма в публикации Хэнса. Дело в том, что несколько месяцев спустя во время праздничного маскарада в Петергофе 28 июля 1805 г. император Александр I удостоил американского консула «особого внимания» и в беседе с ним осведомился о судьбе своего письма президенту США. Поскольку Л. Гаррис не мог дать вполне определенный ответ и не исключал возможности гибели во время зимних штормов корабля, на котором было отправлено письмо царя, то Александр I заметил: «Я Вам дам другое и попрошу Вас в то же время сообщить президенту, что это дубликат». В заключение своего донесения Д. Мэдисону 23 августа (4 сентября) 1805 г. Л. Гаррис писал: «Соответственно князь Чарторыйский на этой встрече передал мне прилагаемые письма, — копии тех, которые я имел честь переслать Вам, сэр, при моем письме от 1 января» (NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I).

¹¹⁶ См. Т. Джефферсон — Л. Гаррису, 18 апреля 1806 г. и Л. Гаррис — А. Я. Будбергу, 4 (16) августа 1806 г. — «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 90—91.

ный договор точное определение прав нейтральных держав в открытом море»¹¹⁷.

Благодаря американского президента за присланные через Л. Гарриса интересные труды о конституции США, а также за лестное мнение и чувства, высказанные в его адрес, Александр I писал 10(22) августа 1806 г., что если его намерения увенчаются успехом, к чему направлены все его усилия, то одобрение Т. Джефферсона послужит ему наградой, «ибо руководимая Вами нация также будет пользоваться плодами этих усилий. Я не питаю иллюзий,— продолжал далее император,— относительно серьезности препятствий, стоящих на пути к восстановлению порядка вещей, соответствующего общим интересам всех цивилизованных наций и надежно защищенного от посягательств честолюбия и алчности. Но цель эта слишком прекрасна и слишком дорога моему сердцу, чтобы трудности, стоящие на пути к ее осуществлению, могли заставить меня отказаться от нее. То, что Вы отдаете должное моим намерениям, является для меня мощной поддержкой в предпринимаемых мною усилиях. Поэтому Ваши письма особенно дороги для меня. Я прошу Вас продолжать писать мне, и эта просьба является наиболее убедительным доказательством того удовольствия, с которым я получаю Ваши письма»¹¹⁸.

Т. Джефферсон интересовался книгами о России, ее природных условиях и торговле. Препровождая ответ Александра, Л. Гаррис в сопроводительном письме отмечал, в частности, что он не смог достать сочинение Палласа о Сибири и вместо этого посылал работы Н. П. Румянцева («Tableau du commerce de la Russie 1802—4») и Потоцкого («L'Histoire ancienne des provinces de l'Empire de Russie»)¹¹⁹. Еще ранее через Л. Гарриса Т. Джефферсону был прислан бюст Александра I.

Насколько можно судить по опубликованным источникам и доступным архивным материалам, прямая личная переписка между Т. Джефферсоном и Александром

¹¹⁷ Т. Джефферсон — Александру I, 19 апреля 1806 г. — «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 89—90; SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 222—223.

¹¹⁸ Александр I — Т. Джефферсону, 10 (22) августа 1806 г. — ВПР, т. III, № 103, стр. 260—261.

¹¹⁹ См. «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 92.

прерывается в 1806 г. В то же время связь с президентом и правительством США становится гораздо более систематической в результате установления дипломатических отношений и обмена посланниками в 1808—1809 гг., о чем будет подробно говориться ниже. Здесь хотелось бы лишь отметить, что при установлении дипломатических отношений ни Т. Джефферсон, ни Александр I не забыли о своей прежней переписке и использовали для ее продолжения новые возможности в связи с обменом соответствующими миссиями. Так, назначив в августе 1808 г. посланником в С.-Петербург своего секретаря Уильяма Шорта, Т. Джефферсон снабдил его личным письмом к Александру I. Характерно также, что Т. Джефферсон пожелал, чтобы верительная грамота У. Шорта была написана его собственной рукой. Вручить ее У. Шорту, однако, не пришлось, так как сенат отклонил его кандидатуру, о чем он с сожалением сообщил Н. П. Румянцеву 1 мая 1809 г.¹²⁰

В свою очередь Александр I, назначив в 1808 г. А. Я. Дашкова генеральным консулом в Филадельфии и поверенным в делах в США, передал ему для вручения президенту США соответствующее письмо¹²¹. Назначение А. Я. Дашкова, как известно, оказалось более удачным, да и оно, кстати, никакого дополнительного утверждения в России не требовало. Прибыв в Вашингтон летом 1809 г., А. Я. Дашков застал уже на посту президента Д. Мэдисона, которому как новому главе государства и вручил 14 июля 1809 г. письмо Александра I¹²². Именно этим письмом и открывается официальная переписка русского дипломатического представительства в США с американским правительством¹²³.

В то же время А. Я. Дашков счел необходимым засвидетельствовать специальное уважение ушедшему в отставку Т. Джефферсону. «Зная от в-го пр-ва,— сообщал он Н. П. Румянцеву летом 1809 г.,— об уважении,

¹²⁰ У. Шорт — Н. П. Румянцеву, 1 мая 1809 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3337, лл. 2—4.

¹²¹ Александр I — президенту США, 31 августа (12 сентября) 1808 г.— ВПР, т. IV, № 152, стр. 336

¹²² Подробный отчет А. Я. Дашкова о встрече с Д. Мэдисоном и Р. Смитом см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, лл. 24—28.

¹²³ См. NA, Russia, Notes, Vol. I, Aug. 31, 1808.

которым е. и. в. соблаговолил почтить г-на Джефферсона, и будучи обязанным в силу моих инструкций представить ему заверения в дружбе его императорского величества, я не мог не засвидетельствовать ему то уважение, которым он пользуется в великой северной державе. Поскольку ко времени моего прибытия г-н Джефферсон ушел с поста президента, я не решился сообщить ему что-либо официально от имени нашего августейшего повелителя, но я подумал, что заслужу одобрение в-го пр-ва, дав ему понять, что я надеялся прибыть в Соединенные Штаты до того, как он решил выйти из правительства, и упомянув, что я имею счастье доставить собственноручное письмо е. и. в. для г-на президента Соединенных Штатов»¹²⁴.

Своеобразным эпилогом прямых контактов Александра I с Т. Джефферсоном явилось посещение Монтиселло русским посланником в США Ф. П. Паленом. Уже вскоре после своего приезда в США в 1810 г. Ф. П. Пален по поручению Александра I писал Т. Джефферсону, что царь по-прежнему относится к нему с большим уважением. Приехав в поместье Т. Джефферсона в Виргинии весной 1811 г., посланник вновь лично повторил экс-президенту все то, что ему было поручено сказать. Любопытно, что в кабинете Т. Джефферсона посланник увидел бюст Александра I. Своей поездкой в Монтиселло Ф. П. Пален остался необычайно доволен и восторженно сообщал Н. П. Румянцеву: «Г-н Джефферсон сочетает в себе редкие качества государственного деятеля, ученого и любезного человека. Его живой ум охватывает все, что есть полезного или интересного, изобретением нового плуга он способствует развитию сельского хозяйства и в то же время уточняет с помощью астрономических наблюдений географическое положение своей страны... Г-н Джефферсон,— писал далее Ф. П. Пален,— всегда с большим чувством говорит о своей привязанности к е. в. императору; он сумел по достоинству оценить редкие качества этого государя, проникнутого любовью к человечеству...»¹²⁵

¹²⁴ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 28 июля 1809 г.— АВПР, ф. Канцелярия, л. 9236, лл. 13—14.

¹²⁵ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 3 (15) мая 1811 г.— ВПР, т. VI, № 40, стр. 109—110.

Только много лет спустя Т. Джефферсон стал понимать истинное лицо «либерального» царя. «Я опасаюсь,— писал он Л. Гаррису в конце 1818 г.,— что наш прежний любимец Александр уклонился от истинной веры. Его участие в мнимосвященном союзе, антинациональные принципы, высказанные им отдельно, его положение во главе союза, стремящегося приковать человечество на вечные времена к угнетениям, свойственным самым варварским эпохам,— все это кладет тени на его характер, которые нелегко будет устранить. Но все это задачи для более молодых умов, чем мой. Вы увидите их решение и сообщите мне о нем в ином мире»¹²⁶.

Вряд ли надо подробно доказывать, что «обращение» русского царя в новую буржуазно-демократическую веру было с самого начала делом совершенно бессмысленным. Александр I мог, конечно, познакомиться с конституцией США, просмотреть биографию Г. Вашингтона, прочитать речь Т. Джефферсона и даже с похвалой отозваться о прочитанном, но от этого никаких заметных изменений ни в его взглядах, ни тем более в реальной политике, разумеется, не происходило.

Нельзя не обратить внимание при этом на один очень важный момент, который часто ускользает от внимания или, может быть, сознательно игнорируется буржуазными исследователями, и в частности профессором Г. Вернадским. В статье о французском и американском влиянии на реформы во время царствования Александра I, носящей программный характер и написанной с присутствием Г. Вернадскому литературным талантом, отчетливо проскальзывает тенденция смазать разницу между проектами передового, революционного крыла русского общества и реформаторской деятельностью правительства. Не случайно поэтому Г. Вернадский приходит к поразительному выводу о необычайном сходстве проектов правительства и декабристов. «Что особенно удивительно в связи с этими планами с точки зрения современного исследования,— пишет Г. Вернадский,— так это их сходство с проектами правительства. Одни конституционные планы декабристов, как и правительства, следовали прин-

¹²⁶ Т. Джефферсон — Л. Гаррису, 12 декабря 1818 г. — «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 93—94.

ципам французского образца, другие шли в американском русле. Сходство объясняется частично общим источником, из которого декабристы и императорские советники черпали свой материал»¹²⁷.

По характеру нашего исследования мы постоянно имеем дело с рассмотрением американского влияния на русское общество и, вероятно, меньше всего стремимся его преуменьшать. Скорее, наоборот, поскольку тема нашей работы требует непрерывных поисков самых разнообразных связей с Америкой, у читателя может создаться явно преувеличенное представление о степени американского влияния, которое, вообще говоря, было неизмеримо меньше французского, немецкого или английского. Равным образом, мы меньше всего стремимся преуменьшить интерес к Америке со стороны русского общества, и мы льстим себе надеждой, что в какой-то мере нам удалось привести достаточно определенные доказательства существования такого интереса у самых различных кругов, начиная от А. Н. Радищева и кончая царем Александром I и его ближайшим окружением. Но мы решительно выступаем против того, чтобы сглаживать различия между этими двумя противоположными полюсами русского общества, как это делает Г. Вернадский, а также и его многочисленные ученики и последователи. Как можно не видеть разницы в проектах правительства и революционного крыла русского общества, если основная цель первых заключалась в охране и спасении того, с чем так или иначе собирались покончить вторые?

Остроумной компаративистикой, столь модной сейчас на Западе, может быть и можно доказать известное сходство планов декабристов с более ранними проектами самого царя, его «молодых друзей» из Негласного комитета, а также М. М. Сперанского, но было бы большой ошибкой забывать при этом, что тот же М. М. Сперанский, казавшийся некоторым царским сановникам чуть ли не якобинцем и отправленный своим августейшим покровителем в ссылку, впоследствии руководил судом над декабристами.

¹²⁷ G. Vernadsky. Reforms Under Czar Alexander: French and American Influences.— «The Review of Politics,» Vol. 9, N 1, Jan, 1947, p. 63.

История становления русско-американских научных, культурных и общественно-политических контактов весьма поучительна и в другом отношении. Первые контакты между Россией и Америкой устанавливались и развивались, несмотря на огромные географические расстояния, религиозные предрассудки и политические преграды. Высокий дух интернационализма в науке, получивший в наши дни столь блистательное проявление в разгадке сокровенных тайн атомного ядра (а также во многих других областях), в XVIII в. нашел выражение в развитии первоначальных основ теории электричества. И нам особенно приятно в этой связи обратить внимание, что у истоков первых контактов между Россией и Америкой ярким немеркнущим светом сияют два великих имени — М. В. Ломоносова и Б. Франклина, освещающая лучшие традиции прошлого и являясь символом будущего.

Колонизация Россией Северо-Запада Америки и отношения с Соединенными Штатами (1779—1808 гг.)

Посылая в 1725 г. знаменитую экспедицию В. Беринга, Петр I собственноручно написал инструкцию, в которой поставил вопрос «об открытии соединения Азии с Америкой». По замыслу Петра I экспедиция Беринга, построив суда на Камчатке, должна была плыть на север вдоль земли и «искать, где она сошлась с Америкой»¹.

На поставленный Петром I вопрос русские исследователи дали вполне определенный отрицательный ответ: Азия «не сошлась с Америкой» и пролив, их разделяющий, в настоящее время носит имя Беринга². Справед-

¹ Инструкция от 5 (16) февраля 1725 г.—ПСЗРИ, № 4649. Еще ранее в инструкции геодезистам Ф. Евреннову и Лужину от 2 (13) января 1719 г. Петр I собственноручно вписал задание выяснить, «сошлась ли Америка с Азией... и все на карту исправно поставить» (ПСЗРИ, № 3266; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, стр. 148). Вопрос, поставленный Петром I, не был случайным. Поисками северо-восточного прохода, дорогой через Ледовитый в Тихий океан, в Китай и Индию интересовались в то время как в России (проекты Ф. Салтыкова), так и в Западной Европе (проекты Лейбница). Этой проблемой занимался и М. В. Ломоносов (см. Л. С. Берг. Ломоносов и первое русское плавание...—«Известия Географического общества», 1940, № 6, стр. 713—730).

² В. Берх. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28, 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.

ливость требует сказать, что еще в 1648 г., т. е. за 80 лет до Беринга, якутский казак Семен Дежнев и его смелые спутники уже прошли через знаменитый Анианский пролив и именно им принадлежит честь этого замечательного географического открытия. С. Дежнев обогнул северо-восточную часть Азии, так сказать, с противоположной стороны. Он вышел из устья Колымы и высадился к югу от устья Анадыря. В. Беринг, отправившись от реки Камчатки к проливу, отделяющему Азию от Америки, прошел по сути дела лишь часть пути, который задолго до него уже проделали С. Дежнев и его спутники. Наконец, следует иметь в виду, что ни С. Дежнев, ни В. Беринг континента Северной Америки не видели. И как показал выдающийся знаток этого вопроса Л. С. Берг, первым, кто, строго говоря, открыл пролив между Азией и Америкой, в конечном итоге оказался И. Федоров (1732 г.), который не только видел о-ва Гвоздева и противоположащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту³.

Огромное значение в начальном изучении северо-западного побережья Америки имела вторая экспедиция В. Беринга — А. Чирикова. Особенно велики были, как известно, заслуги А. Чирикова, который не только достиг северо-западного побережья Америки, но и совершил большое путешествие вдоль американских берегов. Знаменитая карта А. Чирикова о морском походе 1741 г. является первой в мире, где Северная Америка на основании конкретных данных показана не как «Большая земля» или «Большой остров», а именно как Северная Америка⁴.

³ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. М.—Л., 1946, стр. 103. Факт достижения Северной Америки И. Федоровым и М. Гвоздевым на основе разбора подлинных архивных документов установил А. В. Ефимов (Из истории великих русских географических открытий, стр. 177—178). Отметим также, что ко времени первой экспедиции Беринга (1725—1729 гг.) в России (да и Западной Европе) уже было известно, что Азия «не сошлась» с Америкой, и данные о походе С. Дежнева стали достоянием географической литературы и картографии (см. Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 57).

⁴ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, стр. 187.

Писать о всех этих вопросах в настоящее время очень легко. Русские и советские ученые уже проделали грандиозную работу, изучили колоссальную литературу, просмотрели фолианты трудночитаемых рукописных материалов XVII—XVIII вв., скрупулезно исследовали старинные карты и т. д. Благодаря трудам А. В. Ефимова, Л. С. Берга, А. И. Андреева, С. Б. Окуня и др. мы воспринимаем многие выводы, как нечто само собой разумеющееся. А ведь еще не так давно дело обстояло совсем иначе. Вспомним, например, что известный американский исследователь профессор Ф. Голдер вообще сомневался в достоверности плавания С. Дежнева через Берингов пролив и считал сообщение якутского казака чуть ли не сплошным вымыслом⁵.

На основе тщательного научного анализа сохранившихся сведений (отписки и челобитные С. Дежнева якутскому воеводе 1655 г.) Л. С. Берг с большой убедительностью доказал, что С. Дежнев действительно совершил свой выдающийся поход вокруг северо-востока Азии⁶. После блестящего разбора отчета С. Дежнева, проведенного Л. С. Бергом, никаких сомнений на этот счет не существует и несостоятельность «критической» версии Ф. Голдера доказана окончательно, хотя некоторым из современных западных историков очень хотелось бы ее возродить⁷.

Больше того, дальнейшие исследования показали, что поход С. Дежнева не был случайной удачей смелого мореплавателя, а закономерной частью широкого колониционного движения через Сибирь к берегам Тихого океана, а затем к северо-западной части Америки. На основе архивных материалов советским ученым удалось показать, что само плавание С. Дежнева и его смелых спутников было подготовлено более ранними путешествиями вдоль побережья Ледовитого океана и в свою очередь послужило отправным моментом к новым, еще

⁵ F. A. Golder. *Russian Expansion on the Pacific 1641—1850*. Cleveland, 1914, p. 67—95.

⁶ Труд Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» выдержал три издания: в 1924, 1935 и 1946 гг. Мы пользовались последним, третьим, изданием книги. О плавании Дежнева см. там же, стр. 27—38.

⁷ С. А. Manning. *Op. cit.*, p. 15—16.

более значительным экспедициям в дальнейшем⁸. Было доказано, что открытие Америки со стороны России явилось не только результатом правительственной политики, но в первую очередь следствием народных усилий. В решении этой проблемы принимали участие многие лица, среди которых выделяются имена С. Дежнева, Петра I, П. Нагибина, А. Мельникова, И. Федорова, М. Гвоздева, А. Чирикова и В. Беринга⁹.

Итак, славные русские мореходы и землепроходцы освоили северо-восточное побережье Азии, открыли проливы, отделяющий Чукотский п-ов от Аляски, и первыми начали обследование Большой земли (северо-западного побережья Америки). Географическая проблема — «сошлась» ли Азия с Америкой, была решена твердо, ясно и окончательно: Азия «не сошлась» с Америкой. Но это только один и далеко не главный итог блестящих русских географических открытий. Гораздо более значительным и важным их результатом в торговом, политическом, социально-экономическом и историческом плане было как раз установление связи между Азией и Америкой. И в этом смысле можно с полным основанием сказать, что в итоге русских экспедиций XVIII в. Азия «сошлась» с Америкой и между двумя соседними континентами завязались более или менее систематические и прочные контакты. Россия стала не только европейской и азиатской, но и в какой-то мере американской державой. Появился и завоевал права гражданства термин «Русская Америка», широко использовавшийся в литературе и документах.

С середины XVIII в. связь России с Америкой получила прочное закрепление в результате деятельности на тихоокеанском севере многочисленных компаний сибирских купцов и промышленников. После того как в 1742 г. спутники Беринга возвратились с острова, носящего его имя, с богатым грузом бобровых мехов, предприимчивые сибирские купцы и промышленники,

⁸ См. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н. С. Орлова. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1951.

⁹ См. А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII в.). М., 1948, стр. 209—210; его же. Из истории великих русских географических открытий..., стр. 235—236.

гонимые жаждой наживы, начали систематически снаряжать многочисленные экспедиции на Алеутские острова. По далеко не полным данным, собранным В. Берхом, в 1745—1798 гг. было снаряжено более 80 частных экспедиций, которые, помимо выгодных торговых операций, провели обстоятельное обследование Алеутских островов. Из прилагаемой к книге В. Берха сводной таблицы видно, что общая стоимость пушнины, вывезенной частными компаниями за тот же период, составляла 6958 176 руб. (причем цена груза многих экспедиций осталась неизвестной)¹⁰.

Особо заслуживает быть отмеченной деятельность Г. И. Шелихова — организатора целого ряда плаваний на острова Тихого океана и основателя первых русских поселений у берегов Северной Америки. Стоимость мехов, вывезенных компанией Шелихова и Голиковых, оценивалась почти в 1,5 млн. руб.¹¹ Уже одна эта цифра показывает масштабы операций компании, но гораздо существеннее представляется общее принципиальное значение деятельности Г. И. Шелихова, не без оснований названного Г. Р. Державиным «Колумбом российским»¹².

Колонизация Северо-Востока Азии, Алеутских островов и Аляски уже на очень раннем этапе оказалась самым непосредственным образом связанной с отношения-

¹⁰ В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов..., стр. 131 и таблица I «Ведомость мехам, вывезенным частными компаниями». Интересная сводная таблица о плаваниях русских купцов и промышленников до 1790 г., впервые обнаруженная А. В. Ефимовым, имеется в бумагах А. Р. Воронцова (см. ЦГАДА, ф. 1261, д. 874 — в соответствии с новой описью бумаг Воронцовых). Это так называемая «Историческая табель о российских морских компаниях, отправляемых звериные промысла по островам Северо-восточного моря и далее, важные открытия учинивших, с приобщением некоторых исторических об них известий и приключений». О русских плаваниях см. также фундаментальный труд: Н. Н. Вансгойт. History of Alaska, p. 99—156.

¹¹ В. Берх. Хронологическая история..., таблица II.

¹² В настоящее время плавания русских купцов и промышленников на тихоокеанском севере и, в частности, деятельность на Алеутских островах и в Америке компании Г. И. Шелихова известны прежде всего в результате ценных публикаций А. И. Андреева (см. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке». Под ред. и со вступительной статьей А. И. Андреева. М., 1948). Основное содержание сборника составляют материалы о деятельности компании Шелихова за 1785—1794 гг. (стр. 178—376).

ми России с новой республикой, возникшей на атлантическом побережье Северной Америки. Выше нам уже пришлось говорить, что царское правительство, узнав о восстании в английских колониях в Америке, тщательно избегало каких-либо прямых дипломатических контактов с «мятежниками». И тем не менее осенью 1779 г. оно по своей собственной инициативе пошло на формальное нарушение этого принципа в связи с событиями на крайнем тихоокеанском севере, которые на первый взгляд могут показаться довольно малозначительными.

Осенью 1779 г. в С.-Петербурге было получено сообщение от иркутского генерал-губернатора Клички о появлении в районе «Чукоцкого носа» «нераспознанных» иностранных судов. Это известие столь сильно встревожило царское правительство, что оно решило поручить своему посланнику в Париже И. С. Барятинскому связаться по данному вопросу с «поверенным от американских селений» Б. Франклином. Сообщая И. С. Барятинскому «о подходивших судах к тамошним берегам», первоприсутствующий в коллегии иностранных дел Н. И. Панин писал, что Екатерина II, «полагая их быть американскими и из Канады, изволила мне указать дать о том знать в. с-ву с таковым при том высочайшим ее в-ва повелением, чтоб Вы, зделав отзыв о подходе оных к помянутым берегам к находящемуся в месте пребывания Вашего поверенному от американских селений Франклейну, попросили его от имени Вашего, не возмел ли он на себя разведать, подлинно ли сии суда были американские и из какого места; и когда спознает он действительно, что они были из Америки, то уже не можно ли будет ему в таком случае достать и доставить Вам описание и карту их путешествия, дабы по соображению оных можно было увидеть, не представится ли удобства или возможности к установлению непосредственного мореплавания между здешними областями и самою Америкою прямым и сокращенным путем. В заключение же скажу Вам, и то для Вашего сведения, что ее и. в. угодно было так же повелеть на случай прихода в те места опять каких-либо иностранных неведомых судов, зделать гербы и отослать их к чукоцкому народу для развешения по берегам их обитания на деревьях, чтоб показать чрез то сходящим с судов

народам, что сии места принадлежат империи ее в-ва»¹³.

По целому ряду соображений приводимый документ представляет для исследователя русско-американских отношений значительный интерес. Прежде всего следует иметь в виду, что это было первое официальное поручение, исходившее к тому же непосредственно от Екатерины II и Н. И. Панина, русскому представителю за границей сделать отзыв «поверенному от американских селений Франклейну». Далее из письма Н. И. Панина видно, что уже в то время русское правительство проявляло интерес «к установлению непосредственного мореплавания между здешними областями и самою Америкую прямым и сокращенным путем». Наконец, приводимый документ является еще одним свидетельством постоянных опасений царской России в отношении безопасности своих владений на тихоокеанском севере и стремления оградить их от иностранных конкурентов.

Возникает вопрос, почему известие о появлении «нераспознанных» иностранных судов у далекого «Чукоцкого носа» могло в 70-е годы XVIII в. столь сильно обеспокоить царское правительство, что оно сочло возможным забыть о дипломатических формальностях, которые до этого строго соблюдались, и обратиться непосредственно к представителю «мятежных» американских селений Б. Франклину? Причины озабоченности царского правительства становятся понятнее, если вспомнить о знаменитом «бунте», организованном в 1771 г. в Большерецке М. Бениовским, который обещал позднее вернуться к берегам Камчатки на иностранных кораблях¹⁴.

¹³ Н. И. Панин — И. С. Бярятинскому, 11(22) октября 1779 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1779 г., д. 345, лл. 91—92.

¹⁴ О событиях 1771 г. в Большерецке и их последствиях существует довольно значительное число специальных работ, среди которых можно назвать статьи В. Н. Берха («Побег графа Бенъевского из Камчатки во Францию». — «Сын отечества», 1821, № XXVII и XXVIII; «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским». — «Северный архив», 1822, № 5—7), а также «Записку о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и последствиях оного» («Русский архив», 1865, № 4, стр. 417—438). Особо следует выделить также работу А. С. Сгибнева, основанную на материалах секретного дела о «бунте Бенъевского» в бумагах Иркутского архива («Бунт Бенъевского в Камчатке в 1771 г.» — «Русская старина», т. 15, 1876, стр. 526—547, 756—769). Широко известны также воспоминания самого М. Бениовского, изданные в Пари-

Сам М. Бениовский (1746—1786) — человек с очень необычной и сложной биографией. Выходец из польской аристократии, он родился в Венгрии, принимал участие в восстании польских конфедератов против России, а затем в заговоре сторонников наследника русского престола Павла I, и был в конечном итоге выслан правительством Екатерины II в далекий Большерецк. В его судьбе в причудливой форме переплелись события в Польше и на Камчатке, смелые путешествия и авантюры, связи с Б. Франклином, двукратное посещение Соединенных Штатов и, наконец, история о-ва Мадагаскар, где Бениовский некоторое время был «императором».

Организовав в Большерецке успешный заговор, М. Бениовский и его русские сообщники (70 человек) на захваченном корабле «Св. Петр» отправились 12(23) мая 1771 г. в трудное и опасное путешествие вокруг света¹⁵. Смелые беглецы по пути в Европу побывали в Японии, на о-ве Формозе (Тайвань) и т. д. За время этого трудного путешествия погибло около 30 человек. Когда же весной 1773 г. М. Бениовский предпринял по поручению французского правительства свою экспедицию на о-в Мадагаскар, то за ним последовало лишь 11 человек. Несколько его спутников остались во Франции, а большинство, пройдя пешком около 550 верст, обратились к русскому поверенному в делах в Париже Н. К. Хотинскому с просьбой о содействии для возвращения в Россию¹⁶. Ходатайство Н. К. Хотинского было удовлетворено, и он получил необходимые средства для отправки беглецов в Россию. По возвращении на родину им было обещано монаршее «прощение» и «спокойное житие» в любом месте страны по выбору, кроме двух столиц¹⁷.

же в 1791 г. в двух частях и переведенные затем на все основные европейские языки (*Voyages et mémoires de Maurice Auguste comte de Benyowski*. Paris, 1791).

¹⁵ Список главных лиц, упомянутых в следственном деле о «бунте» Бениовского, см. в работе А. С. Сгибнева («Русская старина», т. 15, 1876, стр. 540—541). Несколько человек, в частности штурманские ученики Д. Бочаров, Г. Измайлов, служившие позднее у Г. И. Шелихова, были увезены М. Бениовским насильно.

¹⁶ «Русский архив», 1865, № 4, стр. 432—433.

¹⁷ Екатерина II — Вяземскому, 2 (13) октября 1773 г.— «Русский архив», 1865, № 4, стр. 433—434.

Нам представляется существенным обратить внимание на содействие, оказанное Н. К. Хотинскому в этом деле со стороны Дениса Ивановича Фонвизина, служившего в то время в коллегии иностранных дел. «Вследствие дружеского письма Вашего,— писал Д. И. Фонвизин Н. К. Хотинскому,— не оставил я стараться о доставлении к Вам требуемой суммы на отправление сюда известных людей и теперь на нарочной стафете отправляю к Вам при министерском письме графа Никиты Ивановича кредит на восемь тысяч ливров»¹⁸.

Обещание Бениовского «прийти вновь в Камчатку с неприязненной целью» доставило «немало хлопот не только сибирскому начальству, но и высшему правительству»¹⁹. На Камчатку был послан новый «главный командир» М. Бем, получивший от царицы широкие полномочия для наведения порядка и осмотра «военной команды». Новому начальнику поручалось, в частности, отослать, «чтобы напрасно хлеба не поедали», всех негодных к службе солдат и офицеров в Охотск. Внимательно следя за пребыванием М. Бениовского во Франции и не зная точно его намерений, царское правительство очень обеспокоилось в связи с подготовкой экспедиции на о-в Мадагаскар. В секретном письме из Петербурга Вяземский весной 1773 г. писал Бему, что «прямое намерение его экспедиции укрывается», и выражал опасения, что Бениовский, «зная свободный проезд до Камчатки и имея о берегах и о жителях ее сведения, не покусился бы тогда сделать и на нее какие-либо поиски»²⁰.

Надо признать, что неумная предприимчивость М. Бениовского могла поставить перед царским правительством множество трудных вопросов и возбудить самые разнообразнейшие сомнения. Вернувшись в 1777 г. в Париж, М. Бениовский через своего родственника К. Пулаского представил Континентальному конгрессу США проект превращения о-ва Мадагаскар в американскую базу в борьбе против Англии, предпринял попытки сбли-

¹⁸ Д. И. Фонвизин — Н. К. Хотинскому, 27 июня (8 июля) 1773 г. — АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1773 г., д. 283, л. 1.

¹⁹ Подробнее см. «Русская старина», т. 15, 1876, стр. 762 и сл.

²⁰ Вяземский — Бему, 26 марта (6 апреля) 1773 г. — «Русская старина», т. 15, 1876, стр. 763—764.

зиться с Б. Франклином и в августе 1779 г. приехал в Америку. Здесь нет необходимости подробно возвращаться к деталям двукратного, но в обоих случаях не слишком удачного пребывания М. Бениовского в США, которые хорошо известны по литературе²¹. Отметим только, что в декабре 1781 г. М. Бениовский передал Б. Франклину рукопись первой части воспоминаний и «Журнал своего Камчатского путешествия»²², содержащий подробное описание Сибири, а также некоторые результаты русских экспедиций на тихоокеанском севере по неопубликованным документам.

В целом, таким образом, не приходится сомневаться, что события, последовавшие за «бунтом» М. Бениовского в Большерецке, и память об его угрозе вернуться на Камчатку с иностранной поддержкой способствовали возбуждению и без того обостренной подозрительности царских властей. Более того, американская сторона деятельности М. Бениовского, его связи с К. Пуласким и Б. Франклином, а также отъезд в 1779 г. в Соединенные Штаты могли и прямо способствовать возникновению подозрений об «американском» происхождении «нераспознанных» иностранных судов, появившихся у берегов «Чукоцкого носа». Хотя прямых документальных подтверждений этого предположения (кроме простого хронологического совпадения) не имеется, его вероятность нельзя не учитывать. Следует принять во внимание также, что И. С. Бярятинский очень подробно информировал С.-Петербург о событиях в Америке, и его донесения из Парижа за тот же 1779 г. систематически отражали ход войны США за независимость. Наконец нельзя не вспомнить, что именно летом 1779 г. русское правительство специально занималось изучением международного положения, возникшего в связи с войной в Америке, что нашло отражение в секретном докладе коллегии иностранных дел Екатерине II 31 июля (11 августа) 1779 г.

Все эти обстоятельства свидетельствуют, что распоряжение царского правительства И. С. Бярятинскому в

²¹ См., в частности, E. Dvoichenko-Markov. Benjamin Franklin and Count M. A. Benyowski.— PAPS, Vol. 99, N 6, Dec. 1955, p. 405—417.

²² М. Бениовский — Б. Франклину, 24 декабря 1781 г.— Ibid., p. 414.

октябре 1779 г. вступить в переговоры с Б. Франклином и сделать ему «отзыв» о «нераспознанных» иностранных судах, не могло быть случайным или малообдуманном шагом. Во исполнение данного ему поручения И. С. Бярятинский доносил Н. И. Панину из Парижа в декабре 1779 г.: «В силу приказанія в. с-ва от 11 октября, касающееся по дошедшему рапорту от иркуцкого губернатора господина Клички о показавшихся при островах Чукоцких берегов двух кораблях, полагаемых из Канады, с Франклейном партикулярным разговором я осведомлялся, не имеет ли он каких сведений, какие могли быть те корабли, и не имеет ли он карты положению тех морей и предполагаемому пути от Канады до Камчатки? Франклейн ответствовал, что до сего времени, поелику ему известно, путь сей еще, конечно, не найден, следовательно, и карт не имеется. Ему только известно, что есть в одном старинном гишпанском писателе, котораго имя он не упомнит, якобы с пролива, называемого Гутзон, которой лежит выше Канады, в земле, называемой Лабрадор, выходили суда и доходили до Японии; но ему мнится, что сей путь, если и найдут, будет весьма трудным, дабы не сказать невозможным; о показавшихся же помянутых судах он думает, что оные есть или японские, или англичанин Кук, который поехал из Англии тому три года объезжать свет»²³.

Предположение Б. Франклина о том, что подходившие к русским владениям на тихоокеанском севере суда были в действительности третьей экспедицией (1776—1780) знаменитого английского мореплавателя Д. Кука, представляется вполне обоснованным. Впервые корабли Кука («Резолюшн» и «Дискавери») появились у берегов русских владений на крайнем севере Тихого океана еще в 1778 г. Пройти через Берингов пролив Д. Куку не удалось, а на азиатском берегу его явно не привлекала перспектива близкого знакомства с воинственными племенами чукчей, которые встретили английские корабли очень враждебно. Повернув на юг, экспедиция Кука в октябре 1778 г. достигла о-ва Уналашка. (Один из наиболее крупных Алеутских островов с удобной естественной гаванью.) Отправленный на берег американец Д. Ледиард

²³ И. С. Бярятинский — Н. И. Панину, 15(26) декабря 1779 г.— АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1779 г., д. 344, л. 173 и сл.

обнаружил, что остров уже давно обследован русскими мореплавателями и что на нем находятся русские промышленники. Именно здесь состоялось первое знакомство Д. Ледиарда с русскими. Находившийся на о-ве Уналашка Г. Измайлов в сопровождении большой группы русских и туземцев на двадцати байдарках приехал на корабль Д. Кука. Прекрасный мореход и отличный картограф, Г. Измайлов быстро сумел найти общий язык с английскими моряками и оказал экспедиции Кука огромную услугу. По отзыву самого Кука, русский моряк был хорошо осведомлен о географических открытиях, сделанных в этом районе, и сразу же указал на ошибки в картах, которые ему были показаны²⁴.

Следует иметь в виду, что, путешествуя в северной части Тихого океана, капитан Кук, как и позднее Ванкувер, уже знали о многих важнейших географических открытиях, сделанных в этом районе русскими мореплавателями. Кук пользовался, как известно, трудами Г. Миллера и Я. Штелина. Высоко оценивал русские открытия и Ванкувер, использовавший, в частности, карты, полученные им от русских промышленников²⁵.

У берегов русских владений английские корабли вновь появились весной 1779 г. уже после гибели капитана Кука на Гавайских островах. Когда 18(29) апреля два иностранных военных корабля вошли в Петропавловскую гавань, на Камчатке поднялась настоящая па-

²⁴ См. Е. Двойченко - Маркова. Штурман Герасим Измайлов.— «Морские записки, Нью-Йорк, т. 13, 1955, № 4; J. Cook. Voyage to the Pacific Ocean..., Vol. 2. London, 1784, p. 497—500; Последнее путешествие около света капитана Кука. СПб., 1788, стр. 85—87.

²⁵ «Из прилагаемого при сем путешествия Ванкувера и Пужета и карт,— указывалось позднее в секретном «наставлении» главному правителю русских колоний в Америке А. А. Баранову,— увидите Вы, что они сами означили всюду те места как занимаемые нашими промышленными артелями, называя оные российскими факториями. Ванкувер описывает обхождение россиян с американцами с отличной похвалой, говоря, что приобрели они над дикими народами власть не победами, но сыскав путь к сердцам их. Замечая из III тома Ванкуверских путешествий, что некоторые из промышленных Ваших дали англичанам карты Ваших плаваний, главное правление долгом поставляет поставить Вам сие на вид» (см. М. М. Булдаков, Е. И. Деларов, И. Шелихов — А. А. Баранову, 18(30) апреля 1802 г.— NA, Records of the Russian-American Company, 1802—1867, Vol. 1, p. 3—4).

ника: все были уверены, что иностранные суда явились с враждебными намерениями. Вскоре, однако, выяснилось, что пришедшие корабли никакого отношения к М. Бениовскому не имеют и путешествуют с научными целями. После взаимного знакомства экспедиции был оказан самый радушный прием. Англичане получили «великую помощь» в продовольствии, в котором крайне нуждались, и смогли отправить на родину сообщение о смерти Кука. На английские суда были посланы «22 жирных быка», а также 250 пудов ржаной муки²⁶. Покинув гостеприимную Петропавловскую гавань, экспедиция отправилась «вдоль берегов азиатских» на север и вновь попыталась пройти через Берингов пролив. Однако и на этот раз из-за льда английские мореплаватели были вынуждены отказаться от своего намерения и 19 июля 1779 г. повернули назад. К началу осени 1779 г. экспедиция возвратилась на Камчатку.

Не приходится сомневаться, таким образом, что «нераспознанные» иностранные суда, подходившие к Чукотским берегам, известие о которых в С.-Петербурге получили осенью 1779 г. от иркутского губернатора Клички, в действительности были кораблями экспедиции Кука. Кстати, об их приходе в Петропавловскую гавань сам Кличка, разумеется, уже сообщил ранее своему начальству, в связи с чем из С.-Петербурга в августе 1779 г. последовало распоряжение принять отпущенный провиант и скот за счет казны и, поскольку путь к Камчатке «сделался уже известен иностранцам, то привести ее в оборонительное положение»²⁷.

Последнее распоряжение «наделало немало хлопот суетливому Кличке», который разослал «во все стороны» специальных гонцов²⁸. Суетливость иркутского губернатора доставила заботы и его петербургскому начальству, которому осенью 1779 г. пришлось ломать голову о происхождении «нераспознанных» иностранных судов. Вместе с тем эта суетливость имела один очевидный положительный результат: в С.-Петербурге приняли

²⁶ «Русская старина», т. 15, 1876, стр. 765—766; Последнее путешествие... капитана Кука, стр. 124; *The Voyages of Captain James Cook Round the World*. London, 1949, p. 377.

²⁷ «Русская старина», т. 15, 1876, стр. 767.

²⁸ Там же.

решение о прямом обращении к «поверенному от американских селений» Б. Франклину.

После того как в 80-е годы XVIII в. стали известны результаты третьей экспедиции Д. Кука, интерес к тихоокеанскому северу в западных странах значительно возрос. В течение 1787—1789 гг. у северо-западных берегов Америки побывали капитан Мирес на корабле «Нотке», Диксон — на «Шарлотте» и Портлон — на «Короле Георге».

Осенью 1787 г. в Петропавловской гавани находилась знаменитая французская экспедиция Лаперуза, которому на Камчатке был оказан самый дружественный прием²⁹. По просьбе Лаперуза французский вице-консул Лесепс получил разрешение на путешествие через Сибирь в С.-Петербург для доставки донесений в Париж к маршалу де Кастри, министру французского флота. В 1788 г. Уналашку посетил также испанский корабль «Св. Павел».

Русской монополии на географические открытия в этом районе приходил конец. К старым колониальным соперникам уже в эти годы присоединился новый конкурент — Соединенные Штаты, лишь недавно отстоявшие свою независимость в трудной борьбе против метрополии. Целям предварительного разведывания положения на огромном пространстве Сибири, Алеутских островов, Аляски и западных районов континента Северной Америки призвано было служить путешествие Д. Ледиарда, которого в США некоторые не в меру восторженные биографы называют «американским Марко Поло».

Первоначально Д. Ледиард выдвинул проект отправки в северные районы Тихого океана торгово-промышленной экспедиции. В то время этот проект показался его практичным соотечественникам «диким и фантастическим», и Д. Ледиард отправился в Европу, где в 1785 г. ему удалось заинтересовать своими планами Т. Джефферсона³⁰. Будущий инициатор отправки известной экспедиции Льюиса и Кларка к бассейну реки Колумбия предложил

²⁹ См., в частности, письмо Лаперуза иркутскому генерал-губернатору И. Якобию от 28 сентября 1787 г. (ЦГАДА, Гос. архив. ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 гг., ч. III, л. 343—343а).

³⁰ J. Sparks. Life of John Ledyard, the American Traveller. Boston, 1864, p. 201 ff.

Д. Ледиарду предпринять путешествие через Сибирь к Камчатке, а затем на русских судах к северо-западным берегам Америки и далее через континент к Соединенным Штатам³¹. Подобное путешествие было, понятно, немислимо без специального разрешения русских властей. Через маркиза Лафайета и Т. Джефферсона Д. Ледиард обратился к русскому посланнику в Париже И. М. Симолину и барону Гримму с просьбой оказать содействие в получении разрешения от Екатерины II³².

Царское правительство всегда очень настороженно относилось к возможности иностранной конкуренции на тихоокеанском севере, а в эти годы имелся ряд дополнительных обстоятельств для беспокойства за безопасность дальневосточных владений. В записке секретаря Екатерины II П. А. Соимонова «О торге и звериных промыслах в Восточном море» (1786), а также в докладе А. Р. Воронцова и А. А. Безбородко специально обращалось внимание на способы устранения соперничества иностранцев в этом районе. На основании этих докладов правительство Екатерины II решило в конце 1786 г. построить порт на Охотском море и «объявить официально о наших открытиях у северо-западных берегов Америки и тем утвердить право на обладание открытых земель... Но как таковое объявление без существенного подкрепления едва ли достаточным будет, а может еще некоторым образом подвергнуть и достоинство двора, то завести на том море несколько военно-морских судов, которые б могли на самом деле выполнить запрещение..., ибо нет сомнения, что если не военные, то купеческие суда не перестанут делать покушений, как и недавно делали»³³.

На протяжении 1787 г. велась активная подготовка кругосветной морской экспедиции под командованием Г. И. Муловского, которую, однако, пришлось отложить в связи с обострением международной обстановки и приближением войны со Швецией. Примерно в то же время в северо-восточные районы Сибири и на острова Тихого океана была направлена другая правительствен-

³¹ E. Dvoichenko-Markov. John Ledyard and the Russians.— «The Russian Review», 1952, N 10, p. 213.

³² См. J. Sparks. Op. cit., p. 214—215, а также Th. Jefferson on Papers, Vol. 10, p. 170—171.

³³ «Русские открытия в Тихом океане», стр. 65—66.

ная экспедиция под командованием Иосифа Биллингса (участника плаваний Кука), которая продолжалась около десяти лет (1785—1794)³⁴. Эта экспедиция (как и другие русские правительственные экспедиции XVIII в.) была секретной, и Екатерина II не хотела допускать к участию в ней иностранных наблюдателей. В этой связи царица писала барону Гримму летом 1786 г., что «Ледиард поступит правильно, если выберет какой-либо иной путь, а не путь через Камчатку»³⁵. Попытки М. Гримма склонить Екатерину II к пересмотру решения успехом не увенчались³⁶, и в середине августа барон сообщил Т. Джефферсону об отказе русской императрицы дать разрешение Ледиарду на поездку через Сибирь. «Вчера я видел барона Гримма в Версале,— писал Т. Джефферсон Д. Ледиарду 16 августа 1786 г.,— и он сказал мне, что получил ответ от императрицы, которая отклоняет предложение, которое сделали в отношении Вас. Она находит его химерическим. Я надеюсь, что Ваше осуществление его с нашей стороны континента докажет обратное. Я считал необходимым сообщить Вам эту информацию с тем, чтобы Вам не повредила неопределенность ожиданий оттуда»³⁷.

Известие об отказе Екатерины II и разумный совет Т. Джефферсона предпринять путешествие с американской стороны континента не изменили планов Д. Ледиарда, который решил отправиться в Россию без всякого разрешения. В декабре 1786 г. предприимчивый коннектикутец выехал из Лондона и в марте 1787 г. уже находился в «городе Северной Авроры» — С.-Петербурге³⁸. Время приезда оказалось довольно удачным, так как Екатерина II в столице отсутствовала. Вместе с Г. По-

³⁴ Еще в начале XIX в. были опубликованы ценные труды Г. А. Сарычева и М. Зауэра. Основная документация хранится в ЦГАВМФ («фонд Биллингса»). Подробную характеристику источников и литературы об этой экспедиции см. в обстоятельной вступительной статье А. И. Андреева к сборнику документов «Русские открытия в Тихом океане», стр. 68—71.

³⁵ «Письма имп. Екатерины II барону Мельхиору Гримму». — Сб. РИО, т. 23, стр. 378.

³⁶ См. там же, стр. 381, 424.

³⁷ Т. Джефферсон — Д. Ледиарду, 16 августа 1786 г. — Th. Jefferson. Papers, Vol. 10, p. 258.

³⁸ Д. Ледиард — Т. Джефферсону, 19 марта 1787 г. — Th. Jefferson. Papers, Vol. 11, p. 217.

темкиным в окружении большой свиты своих приближенных и иностранных дипломатов царица совершала свое знаменитое путешествие в Крым.

В русской столице Д. Ледиарду удалось сблизиться с известным естествоиспытателем профессором П. С. Палласом и заручиться его содействием для разрешения на путешествие через Сибирь. Ссылаясь на маркиза Лафайета и Т. Джефферсона, Д. Ледиард обратился за помощью сначала в английское, а затем во французское посольство³⁹. Несколько месяцев американцу не удавалось добиться какого-либо успеха, однако в мае 1787 г. ему неожиданно помог его новый знакомый — некий офицер из окружения наследника престола Павла. Именно через него бумаги, необходимые для путешествия, были, наконец, получены⁴⁰. Правда, эти документы не выдерживали строгой критики, но тем не менее они дали Д. Ледиарду возможность попытаться осуществить свои широкие замыслы. С паспортом от губернского правления в С.-Петербурге от 20(31) мая 1787 г. и подорожной из почтамта Д. Ледиард, названный «американским дворянином», отправился в Москву, а затем через Екатеринбург в Сибирь⁴¹.

Во время своего сибирского путешествия Д. Ледиард побывал в Барнауле, Иркутске и Якутске и всюду встречал самый радушный прием. «Как с американцем, в России со мной обходились вежливо и с уважением,— писал Д. Ледиард секретарю американской миссии в Лондоне полковнику У. Смиту,— и по моему поводу за столами двух губернаторов поднимались тосты в честь д-ра Франклина и генерала Вашингтона, а в Иркутске получило известность и имя Адамса». Д. Ледиард сообщал также, что в Иркутске он оказался «в кругу столь же веселом, богатом, вежливом и ученом, как и в Петербурге». Американец был очень польщен тем, что распивал французские и испанские вина и совершал «научные прогулки» (*philosophic walks*) в сопровождении учеников знаменитого шведского естествоиспытателя К. Линнея (это были видные русские ученые, члены Петербург-

³⁹ Th. Jefferson. Papers, Vol. 11, p. 218.

⁴⁰ J. Sparks. Op. cit., p. 231.

⁴¹ ЦГАДА, Гос. архив. ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 гг., ч. II, л. 419.

ской академии наук А. Карамышев и К. Лаксман) ⁴². Значительный интерес представляют систематические путевые наблюдения, дневниковые заметки и письма Д. Ледиарда во время сибирского путешествия, в изобилии приводимые его биографом Д. Спарксом. Конечно, далеко не во всем сумел правильно разобраться американский путешественник, некоторые его отзывы поверхностны и наивны, другие слишком резки и даже несправедливы, но тем убедительнее для читателя становятся его неоднократные взволнованные отзывы о «величайшем гостеприимстве» и доброте русских людей. Д. Ледиард указывал, в частности, что ему редко удавалось убедить своих хозяев принять плату за обед и предоставленные ему услуги. Заметим также, что все свое огромное путешествие от С.-Петербурга до Якутска он совершил почти без всяких средств, за счет «казны» и содействия своих новых друзей. В ходе путешествия Д. Ледиард обратил внимание и на другую необычную для западного наблюдателя, но очень характерную для русского народа черту — сочувствие и доброту в отношении ссыльных, об условиях жизни которых в Сибири он также сделал ряд интересных замечаний.

Нельзя не сказать несколько слов о научных изысканиях американского путешественника, в результате которых он пришел к убеждению, что Северная Америка была населена со стороны Азии и что татары и американские индейцы — это по существу один и тот же народ ⁴³. «Я уверен,— писал он о своих выводах Т. Джефферсону,— что разница в цвете людей является результатом естественных причин... и что все народы, которых называют краснокожими на американском континенте и на континентах Европы и Азии вплоть до южных районов Китая, являются одним народом, какими бы именами их не называли, и что лучшим общим названием было бы *татары*. Я подозреваю, что *все* красные народы происходят от одной и той же семьи. И я сам убежден, что Америка населена со стороны Азии и что некоторые, если не все, ее животные происходят оттуда» ⁴⁴.

⁴² См. E. Dvoichenko-Marcov. John Ledyard...— «Russian Review», 1952, N 10, p. 211, 216.

⁴³ J. Sparks. Op. cit., p. 331—332.

⁴⁴ Д. Ледиард — Т. Джефферсону (получено 3 июля 1788 г.).— Th. Jefferson. Papers, Vol. 13, p. 306.

И хотя эти выводы, быть может, и не блистали особой оригинальностью, они свидетельствовали о передовых и демократических взглядах Д. Ледиарда, на которого еще не оказали влияния теории о неполноценности «цветных» народов, получившие широкое распространение среди его соотечественников.

Надо сказать, однако, что, находясь в России, Д. Ледиард заинтересовался, понятно, не только антропологическими исследованиями, о которых он сообщал Т. Джефферсону. Главное, что привлекало внимание Д. Ледиарда,— это сведения о результатах русских открытий на востоке Сибири и Северо-Западе Америки. Именно об этом «с жарким любопытством» расспрашивал он известных русских купцов Г. Шелихова и Попова, иркутского генерал-губернатора И. Якобия и многих других. Значительный интерес представляют в этой связи «замечания из разговоров» с Д. Ледиардом, сделанные Григорием Шелиховым «по уважению в разумении пользы государственной»⁴⁵. «С жарким любопытством,— сообщает Г. И. Шелихов,— спрашивал он у меня, где и в каких местах я был, далеко ли с российской стороны промыслы и торги по Северо-восточному океану и по матерой Американской земле распространены, в каких местах и под которыми градусами северной широты есть наши заведения и поставлены знаки государственные...»

Интерес иностранного «вояжира» к русским владениям на тихоокеанском севере на этом не ограничивался.

⁴⁵ «Замечания из разговоров бывшего в Иркутске вояжира аглицкой нации Левдара купцом Григорием Шелиховым...» Здесь и ниже мы цитируем заверенную машинописную копию «замечаний» Шелихова, присланную в АВПР из государственного архива Красноярского края (АВПР, ф. Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании и русских владений в Северной Америке (далее: РАК), д. 419, лл. 1—4). В настоящее время хранится в ЦГАДА, ф. 796, оп. 1, д. 298, лл. 1—2. Не исключена возможность, что трудночитаемый оригинал был не вполне точно разобран. Во всяком случае общее содержание документа позволило нам вполне определенно установить, что этим «вояжиром» был Д. Ледиард, хотя он и назван «Левдаром». (Можно сослаться, в частности, на предполагаемый маршрут путешествия «Левдара» — Ледиарда к американской земле, «а потом иттить внутрь одному, чрез Северную Америку», упоминание о посещении русских владений вместе с экспедицией Кука и т. д.) Хотя документ не датирован, «разговоры» Шелихова можно отнести к осени 1787 г., т. е. ко времени пребывания Д. Ледиарда в Иркутске.

По свидетельству Шелихова, Ледиард «любопытствовал» знать, «много ли наших российских всех судов ныне в промысле», интересовался численностью русских поселений, «а патче опрашивал о тех на матерой земле Американской мною оставляемых».

Задавая Г. Шелихову множество вопросов, сам Ледиард не был расположен особенно откровенничать о конкретных деталях своего плавания с экспедицией Кука и предпочитал отвечать на встречные вопросы своего собеседника «темными отводами». Мало доверяя друг другу, оба собеседника ограничивались по преимуществу самыми общими рассуждениями, причем Г. Шелихов всячески стремился подчеркнуть обширность и давность русских владений, а Ледиард отстаивал права «аглицкой короны».

Активную деятельность по сбору интересовавших его сведений о русских открытиях и владениях Д. Ледиард продолжал и в Якутске — крайней северо-восточной точке своего сибирского путешествия. Поздней осенью 1787 г., когда Ледиард приехал в Якутск, в городе уже находилось много купцов и промышленников, возвратившихся из самых дальних районов. Д. Ледиард отзывался о них, как «об очень интересных и смелых людях». «Некоторые из них, — писал он в журнале своего путешествия, — побывали до этого в устье Енисея, другие в устье Лены или на Колыме. Едва ли найдется такое место на севере или востоке, где бы не был кто-либо из них». Д. Ледиард отмечал, в частности, что «богатый и умный купец Попов» сообщил ему о результатах «своих путешествий на восток к побережью Америки, а также на Курильские острова»⁴⁶.

В Якутске Д. Ледиарда ждала неожиданная удача. В ноябре 1787 г. в город приехал руководитель русской правительственной экспедиции И. Биллингс. «К нашему великому удивлению, — отмечал секретарь экспедиции М. Зауэр, — мы встретили в Якутске г-на Ледиарда, старого знакомого капитана Биллингса по кругосветному путешествию Кука; в то время он служил в должности капрала, но теперь называл себя американским полковником и намеревался перебраться с нашей экспедицией

⁴⁶ E. Dvoichenko-Markov. John Ledyard...— «Russian Review», 1952, N 10, p. 218.

на американский континент». Как бывшие участники плаванья Кука, И. Биллингс и Д. Ледиард быстро сблизились друг с другом и вскоре стали друзьями. Американец переехал в дом, где остановился Биллингс, и прожил там «как его друг и член семьи»⁴⁷.

Казалось, что теперь уже никто не может помешать осуществлению его грандиозного замысла покинуть Сибирь и добраться до Северной Америки. Однако, когда в феврале 1788 г. Д. Ледиард вместе с И. Биллингсом вернулся в Иркутск, он по указу Екатерины был выслан из пределов России и выслан не на восток, к Америке, а на запад, в Москву, и далее за русскую границу.

О причинах высылки Д. Ледиарда из Иркутска в литературе существует несколько версий, а также множество догадок и предположений. Широко известна версия упоминавшегося выше М. Зауэра о том, будто Ледиард был выслан как «французский шпион»⁴⁸. Другой очевидец событий и участник экспедиции Биллингса, Г. А. Сарычев, писал, что Д. Ледиард был отправлен из Иркутска как «беспокойный человек» и ссылался при этом на ссору «дерзкого англичанина» (!) с комендантом Якутска Маркловским⁴⁹. Часто указывают также, будто капризная Екатерина II неожиданно переменяла свое отношение к американскому путешественнику и отменила данное ему первоначально разрешение на поездку⁵⁰. Позднее исследователи немало потрудились над «загадкой» Ледиарда, но даже наиболее осведомленные из них, в том числе его биограф Д. Спарк в XIX в. и Е. Двойченко-Маркова в наши дни, хотя и высказывали обоснованные сомнения по поводу ряда ошибочных версий, но окончательно выяснить запутанную историю высылки американского путешественника из России оказались не в состоянии⁵¹.

⁴⁷ M. Sauer. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia... London, 1802, p. 99; E. Dvoichenko-Markov. John Ledyard...— «Russian Review», 1952, N 10, p. 219.

⁴⁸ M. Sauer. Op. cit., p. 99—101.

⁴⁹ Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 92.

⁵⁰ См., например, M. Laserson. Op. cit., p. 96—97.

⁵¹ См. J. Sparks. Op. cit., p. 363 ff.; E. Dvoichenko-Markov. John Ledyard...— «Russian Review», 1952, N 10, p. 220.

На основе изучения документальных материалов, хранящихся в центральных московских и ленинградских архивах, нам удалось воссоздать подлинные обстоятельства дела, а также выяснить некоторые дополнительные подробности сибирского путешествия Д. Ледиарда. Исключительный интерес представляет, в частности, обширное донесение иркутского губернатора генерал-поручика И. В. Якобия А. А. Безбородко от 7(18) ноября 1787 г., которое целиком посвящено «американскому дворянину Джону Ледиарду», приехавшему в Иркутск «в половине августа месяца сего года»⁵²

«Название его таковым дворянином,— писал И. Якобий,— возбудило крайнее во мне любопытство осведомиться со всею осторожностью о намерениях в столь отдаленном краю располагаемых. Через посредство уведомления Кольванского губернатора господина генерал-поручика Меллера, означающего кратко одну только бытность его в Барнауле, не излишним почел я спросить его и о всех к прибытию сюда его побудившем». Д. Ледиард представил имевшиеся у него документы — «пашпорт» от губернского правления в С.-Петербурге и «подорожную» из «тамошнего почтамта» и объявил, что «главное намерение его... суть тот предмет, чтобы, путешествуя здесь, наведаться о здешнем крае и тем приобрести себе сведения, относящиеся до натуральной истории...» Американец сообщил также, что рассчитывает на содействие в его путешествии «известной Северо-восточной секретной экспедиции», возглавлявшейся капитаном И. Биллингсом.

Представленные документы и объяснения не удовлетворили осторожного генерал-губернатора и поэтому, оказав Ледиарду «приличное благоприятство», он одновременно «разведывал лично о его путешествии». Сам Ледиард сообщил И. В. Якобию, что места «Северо-восточного океана, в разных островах состоящие, ему довольно из-

⁵² И. В. Якобий — А. А. Безбородко, 7(18) ноября 1787 г. — ЦГАДА. Гос. архив, ф. XXIV, оп. 1, д. 62. 1783—1788 гг., ч. II, лл. 419—422. Хотя на самом донесении И. Якобия адресат точно не указан, а есть только обычное обращение к «сиятельному графу», последним, безусловно, был А. А. Безбородко, что видно из ссылки в рапорте Екатерине II от 1(11) февраля 1788 г. (там же, ч. III, л. 82).

вестны, ибо он во время бытности в тамошнем крае господина Кука имел с ним тогда во всю экспедицию вояжирование». «За сим,—продолжает И. Якобий,—следовало жадное любопытство его о островах, в Северном окиане находящихся». «Употребляя замословатые свои спрашивания», Ледиард стремился «узнать о времени занятия их Российской державою, о числе народов здешних, за промыслами тамо пребывающих, и о заведениях, по островам имеющих».

Когда же И. В. Якобий стал доказывать, «что Россия с давних еще времен через труды ею понесенные овладела местами теми» и получала к тому же «с народов тамошних дань», то «американец сей, изворотясь проворно в своем разговоре, продолжал, что берега, от Калифорнии на север лежащие до 50-го градуса к мысу С-го Ильи, давно уже занимаются со стороны аглинской державы и что тамо разных европейских народов около десяти тысяч находится». (Как мы видим, Ледиард явно не страдал отсутствием воображения.) «Экспедиция же, г-ом Куком предводительствуемая, имела вояж свой до 73-го градуса широты около Чукотской земли, и из числа народов, тамо живущих, некоторые приведены были в подданство Англии, в знак чего и ясак бобрами от них тогда же был собираем». (Оба собеседника, как видно, полагали, что «права» на те или иные земли зависят главным образом от того, кто раньше успел ограбить местное население, собрать с него дань, или ясак.)

Нельзя не обратить внимания, что приводимые здесь и ниже отрывки из донесения И. В. Якобия в ряде деталей совершенно аналогичны упоминавшимся выше «замечаниям» Г. И. Шелихова о его разговорах с «вояжиром аглицкой нации». В общих чертах совпадают также порядок изложения материала и система аргументации. Можно считать установленным поэтому, что «замечания» Шелихова стали известны Якобию и послужили в свою очередь одним из оснований для его письма к А. А. Безбородко. Предположение о прямом влиянии Шелихова на Якобия хорошо согласуется и с другими фактами. Известно, что на протяжении 1787 г. Г. Шелихов поддерживал постоянные контакты с иркутским генерал-губернатором, который очень благосклонно относился к проектам расширения деятельности компании Шелихова и

Голникова и предоставления ей «исключительных» прав на Северо-Западе Америки⁵³.

Опровергая утверждения Д. Ледиарда, И. Якобий (вслед за Шелиховым) писал: «Сверх того, что в. с-ву известно, что не токмо мыс С-го Ильи, но даже и земли к Калифорнии, лежащие между Уналашкою и мысом Гермогена или Кадьяком в треугольнике к зюйду до 40-го и к северу до 65-го градусов широты, найдены экспедициями со стороны здешней бывшими. Но я смею уверить Вас в том, что имеют тамо companions наши и ныне безпрестанные звериные промыслы; в Чукотской же землице, сколько мне ни известно, под 73-м градусом и промыслов таких, как американец сей показывает, будто бы г-н Кук брал с народов тамошних ясак бобрами, вовсе не бывает...» В заключение, сообщал Якобий, Д. Ледиард «вдруг обратился с вопросами, клонящимися к разведыванию о Курильских уже островах и о заведениях на оных российских, и как не удалось ему воспользоваться сведениями о сих последних, то выговорил наконец, что чьей будет силы больше, тот, конечно, и первейшее иметь будет к занятию тех островов право»⁵⁴.

«Неединообразное путешественника сего и на словах расположение мыслей» послужило для И. В. Якобия «сильным поводом к заключению своего о нем сомнения потому наиболее, что и паспорта он надлежащего даже и до здешнего места, кроме подорожной вышеупомянутой, не имеет». «Весьма нетрудно стать может, — приходил к выводу И. В. Якобий, — что он послан сюда для разведывания о положении здешних мест со стороны аглинской державы». Подобное заключение по тем временам было довольно естественным. И Г. И. Шелихов, и И. В. Якобий опасались прежде всего английской конкуренции на тихоокеанском севере и считали наиболее вероятным, что Д. Ледиард послан «для разведывания» не Францией (и не Соединенными Штатами), а именно Великобританией.

В связи с возникшими у него «сомнениями» И. В. Якобий решил отправить Д. Ледиарда в Якутск, «где нет

⁵³ И. В. Якобий — Екатерине II, 30 ноября (11 декабря) 1787 г. — «Русские открытия в Тихом океане», стр. 250—265.

⁵⁴ Здесь и ниже мы продолжаем цитировать донесение И. В. Якобия А. А. Безбородко от 7(18) ноября 1787 г. (ЦГАДА, Гос. архив. ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 гг., ч. II, лл. 420—422).

столько удобств к произведению в действие его намерения, и туда же послал секретное повеление к коменданту Маркловскому..., чтобы он, оказав ему благоприятственный прием, не упускал из виду своего замечать о самонаималейших оборотливых его предприятиях». Якутскому коменданту поручалось также «уговорить» Д. Ледиарда «к пребыванию в Якутске трудностями зимнего оттоль в Охотск бываемого проезда, чем и удержать его там однако же неприметно до тех пор, покуда осведомлюсь обстоятельнее о его состоянии». Маркловский точно выполнил данное ему распоряжение и сообщил иркутскому генерал-губернатору, что прибывший в Якутск американец «остался покойным в своих мыслях»⁵⁵.

Перед отъездом в Якутск Д. Ледиард оставил «письмо свое к г-ну профессору Палласу в Петербург следующее и по оном таковое же для пересылки в Англию другое. Оно теперь у меня,—сообщал И. В. Якобий,—под скрытым и особым еще письмом г-на коллежского советника Карамышева». Не решаясь сам вскрыть почту американца, предусмотрительный генерал-губернатор предлагал это сделать всеильному А. А. Безбородко. «Буде изволит, милостивый государь, признать замечание мое в сем случае достойным внимания Вашего в таком разе чрез посмотрение оного письма не откроются и удобнее намерения человеком тем до сего скрываемые».

Мы не знаем, счел ли А. А. Безбородко возможным послеловать этому «совету» и учинить «посмотрение» корреспонденции Ледиарда (как известно, его сибирские письма благополучно дошли в Англию и сохранились до настоящего времени), но что он несомненно прочитал, так это донесение самого И. В. Якобия. И не только прочитал, но и докладывал о нем Екатерине II, в связи с чем на подлиннике имеется помета: «По сему указы да-

⁵⁵ ЦГАДА, Гос. архив, ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 гг., ч. II, л. 421. Вполне понятной становится теперь «чрезмерная любезность якутского коменданта» в отношении американского путешественника, а также «трогательная» забота о его здоровье, по поводу которой так досадовал сам Д. Ледиард. Отметим также, что, по отзыву Г. А. Сарычева, Д. Ледиард был «обласкан» всеми. «Командант пригласил его к себе в дом, где имел готовый стол, и, как уже наступила стужа, то велел ему сшить теплое платье». Яснее становятся и причины неожиданной «дерзости» Д. Ледиарда, осмелившегося вызвать Маркловского на дуэль (см. Г. А. Сарычев. Путешествие..., стр. 92).

ны Якобию, Еропкину и Пассеку, декабря 21, 1787 г.»⁵⁶. Один из них — П. Б. Пассеку — мы позволим себе привести:

«Петр Богданович. Получив известие от генерала порутчика, правящего должность генерала губернатора Иркутского и Колыванского, Якобия, — писала Екатерина II, — что американец Джон Ледиард за учиненным ему на прошение его о позволении ехать через Иркутск и Охотск до Америки отказом, явился в тамошних местах, указали мы помянутому генералу порутчику Якобию выслать его за надлежащим присмотром, не чиня никакого ему озлобления (!) в Москву к главнокомандующему там нашему генералу Еропкину, которому предписано от нас отправить означенного американца таким же образом через Смоленск в Полоцк; Вам же повелеваем по присылке его выпроводить за границу, с прещением, чтоб он впредь не осмеливался являться нигде в пределах империи нашей. Пребываем в прочем Вам благосклонны»⁵⁷.

Позднее, объясняя причины высылки Ледиарда французскому посланнику графу Сегюру, Екатерина II ссылалась на гуманные мотивы. По ее словам, она не хотела содействовать его неизбежной смерти во время путешествия в одиночку через Сибирь в Америку. Сегюр полагал, однако, что в действительности царица не желала, чтобы американец познакомился с русскими владениями в Америке⁵⁸. И в этом французский дипломат был, несомненно, прав.

В некоторых случаях высылку Д. Ледиарда рассматривают как свидетельство особого недоброжелательства русского правительства к Соединенным Штатам. На наш взгляд, никаких доказательств подобного недоброжелательства не имеется. В ходе изложения мы весьма подробно приводили наиболее неблагоприятные для Д. Ледиарда свидетельства Г. И. Шелихова и И. В. Якобия.

⁵⁶ ЦГАДА, Гос. архив, ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 г., ч. II, л. 419; см. также запись от 16(27) декабря 1787 г. в дневнике секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого (стр. 34).

⁵⁷ Екатерина II — П. Б. Пассеку, 21 декабря 1787 г. (1 января 1788 г.). Помета: «Принято 1 генваря 1788 г. Петр Пассек». — ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, 1787 г., д. 233, л. 306.

⁵⁸ Сегюр — Лафайету, август 1823 г. — J. Sparks. Op. cit., p. 366.

Характерно, однако, что в них даже нет упоминания о Соединенных Штатах. И Шелихов, и Якобий опасались в то время прежде всего английской конкуренции и даже высказывали предположение о том, что Д. Ледиард послан «для разведывания» со стороны «аглинской державы». (Г. И. Шелихов вообще называл его «вояжиром аглицкой нации».) Если учесть, что ранее Екатерина II уже ответила отказом на просьбу дать разрешение на путешествие Д. Ледиарда через Сибирь, то теперь, после получения специального рапорта И. В. Якобия, практически трудно было ожидать какого-либо иного решения, кроме указа о высылке.

Нельзя не обратить внимания и на любопытную формулировку указа Екатерины II: американца надлежало выслать из пределов империи, «не чиня никакого ему озлобления». Указ Екатерины II был получен И. В. Якобием в феврале 1788 г. К этому времени Д. Ледиард уже возвратился в Иркутск вместе с «начальником географической экспедиции Биллингсом». «Вследствие же помянутого указа в. в.,— всеподданнейше сообщал И. В. Якобий Екатерине II 1(12) февраля 1788 г.,— сей день выслан отсель без всякого причинения ему оскорбления за присмотром в Москву при письме моем к главнокомандующему в оной генерал-аншефу и кавалеру Еропкину. Причем не оставил я дать мое наставление и определенным к нему приставам, какое и их должно быть с ним обхождение в сем пути»⁵⁹.

Так закончилось сибирское путешествие «американского Марко Поло». Попытка Д. Ледиарда собрать сведения о положении в русских владениях в Восточной Сибири и на северо-западных берегах Америки была предотвращена в результате прямого вмешательства Г. И. Шелихова и И. В. Якобия. Оба они выступали решительными сторонниками прочного утверждения русского влияния на тихоокеанском севере и очень настороженно относились к появлению в этом районе иностранных конкурентов. Именно в эти годы с их стороны был выдвинут проект организации сильной монопольной компании для колонизации северо-западных берегов Америки. Его выдвижению предшествовали замечательные русские географические открытия на севере Тихого океа-

⁵⁹ И. В. Якобий — Екатерине II, 1(12) февраля 1788.— ЦГАДА, Гос. архив. ф. XXIV, оп. 1, д. 62, 1783—1788 гг., ч. III, л. 82.

на, а также многолетняя практическая деятельность русских купцов и промышленников на Алеутских островах и у берегов Аляски.

Значительная роль принадлежала в этом самому Г. И. Шелихову⁶⁰. Построив в Охотске три галиота («Три святителя», «Симеон и Анна», «Св. Михаил»), Г. И. Шелихов «отправился в море 1783-го года августа 16-го дня от устья реки Урака... со 192 человеками рабочих людей»⁶¹. Началось знаменитое путешествие Г. И. Шелихова, ставшее важной вехой в освоении северо-западных берегов Америки.

Давая оценку деятельности Г. И. Шелихова, Губерт Бэнкрофт назвал его «отцом и основателем русских колоний в Америке»⁶².

Действительно, основав первые постоянные русские поселения на о-вах Кадьяк и Афигнак, Г. И. Шелихов положил в 80-е годы XVIII в. прочное начало русской Америке. Но заслуги Г. И. Шелихова заключаются не только в его практической деятельности. Он был не просто удачливым купцом — организатором крупных промысловых компаний, но и политиком. Сам Г. И. Шелихов хорошо видел важные результаты своей деятельности и отличался завидной государственной проницательностью.

Вернувшись в апреле 1787 г. из «американского вояжа» в Иркутск, Г. И. Шелихов представил генерал-губернатору И. В. Якобию целый ряд «доношений» и записок вместе с разнообразными документальными мате-

⁶⁰ Первым биографом Г. И. Шелихова был К. Т. Хлебников, опубликовавший его жизнеописание в 1838 г. («Русский инвалид», 1838, № 77—84; «Сын отечества», т. 2, отд. 3, 1838, стр. 66—83). Неоднократно обращались к написанию его биографии советские историки и литераторы (Б. Юркевич, С. Н. Марков и др.). Относительно недавно в Магадане опубликован биографический очерк Шелихова Б. П. Полевым (см. Б. Полевой. Григорий Шелихов — «Колумб русский». Магадан. 1960).

⁶¹ «Записка Шелихова странствованию его в Восточном море». — «Русские открытия в Тихом океане», стр. 226—227. Первоначальный вариант записки был составлен Г. И. Шелиховым вскоре после его возвращения весной 1787 г. в Иркутск и впервые опубликован А. И. Андреевым только в 1948 г. Зато широкую известность приобрел ее переработанный вариант, изданный на русском языке еще в 1791 г. и дополненный в 1792 г. описанием путешествия служивших у Г. И. Шелихова опытных русских мореходов Г. А. Измайлова и Д. И. Бочарова.

⁶² Н. Н. Bancroft. Op. cit., p. 222.

риалами о результатах своего путешествия 1783—1786 гг. «Почел я за нужное...,— сообщал он И. В. Якобию,— обыскать пристойные места, сделать ко всему надобному частные свои обселения. Всего же больше старался я успевать как можно далее к полудню по Америке к Калифорнии лежащему берегу занятием российских селений и оставления наших знаков во отвращение мысливших на сию часть земли и покушении других наций, сделать наши обзаведения первыми»⁶³. Обращая далее внимание на усилившуюся в последние годы конкуренцию иностранных держав, Г. И. Шелихов писал, что великие выгоды на тихоокеанском севере «присвоить стараются других наций народы, не имея ни смежности в земле, и ни малейшего на сие море права»⁶⁴.

В специальной записке о привилегиях его компаний Г. И. Шелихов просил царское правительство о «вспоможении» и, в частности, о предоставлении ему ссуды в размере 500 тыс. руб. сроком на 20 лет (п. 8-й). Он просил «снабдить» его компанию «людьми военнотружущими и дисциплину сведущими... до ста человек» (п. 2-й) и разрешить ему нанимать лиц «хотя и с просроченными пашпортами» и «в неоплатных же долгах состоящих» (п. 3-й). Стремясь освободиться от «помешательства» местного начальства, «а паче от правительств, устроенных в Охотской области и в Камчатке», Г. И. Шелихов предлагал поставить компанию только «под руководство» иркутского генерал-губернатора (п. 1-й) и одновременно разрешить ей в некоторых важных случаях через своих курьеров обращаться непосредственно в С.-Петербург (п. 5-й). (Последнее было призвано, по всей видимости, оградить компанию в будущем от произвола иркутского начальства.) Г. И. Шелихов ходатайствовал также о предоставлении компании права «завести торговлю с Японией, Китаем, Индией, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же с гишпанцами и с американцами» (п. 6-й)⁶⁵.

Иркутский генерал-губернатор И. В. Якобий не только полностью поддержал эти представления, но счел

⁶³ Г. И. Шелихов — И. В. Якобию, 19(30) апреля 1787 г.— «Русские открытия в Тихом океане», стр. 212.

⁶⁴ Там же, стр. 213.

⁶⁵ Записка Г. И. Шелихова о привилегиях его компаний, май—ноябрь 1787 г.— Там же, стр. 223—226.

возможным во всеподданнейшем рапорте от 30 ноября (11 декабря) 1787 г. даже высказаться в пользу предоставления компании Шелихова и его товарищей исключительных монопольных прав на промыслы «в местах вышедонесенных»⁶⁶. (Об этом своем сокровенном желании осторожный купец первоначально умалчивал.) В заключение генерал-губернатор сообщал, что ввиду того, что «сам Шелихов может быть иногда нужен будет для каких-либо объяснений», он «рассудил отправить купно с сим и его самого»⁶⁷.

Приехав в С.-Петербург, Григорий Шелихов и его компаньон Иван Голиков обратились в феврале 1788 г. к Екатерине II с новым прошением, в котором наряду с повторением прежних представлений уже весьма определенно ходатайствовали о монопольных правах для своей компании. В то же время они пошли на значительное уменьшение просимой ссуды (с 500 до 200 тыс. руб.), которая, как они писали, была необходима, поскольку «достаток наш не соответствует ревностному нашему желанию»⁶⁸.

Весной 1788 г. казалось, что планы Г. И. Шелихова очень близки к осуществлению. В пользу принятия его предложений высказалась комиссия о коммерции в докладе Екатерине II за подписью таких влиятельных лиц, как А. Воронцов, Х. Миних и П. Соймонов⁶⁹. 6 (17) апреля с их мнением согласился и Непременный совет, «рассуждая притом, что когда ее и. в. всемилостивейше соизволит на предоставленное пожалование оным купцам двухсот тысяч рублей на 20 лет без процентов, удобнее всего будет заимствовать сию сумму из тобольской казенной палаты...»⁷⁰ Итак, Екатерине II услужливо подсказывали не только принципиальное решение вопроса, но даже источник, из которого следовало выдать просимое «пособие».

⁶⁶ И. В. Якобий — Екатерине II, 30 ноября (11 декабря) 1787 г. — Там же, стр. 259.

⁶⁷ Там же, стр. 265.

⁶⁸ И. Голиков и Г. Шелихов — Екатерине II, февраль 1788 г. — Там же, стр. 268.

⁶⁹ Доклад комиссии о коммерции Екатерине II, марта... дня 1788 г. — Там же, стр. 269—279.

⁷⁰ Протокол Непременного совета 6 (17) апреля 1788 г. — Там же, стр. 280.

Совершенно неожиданно, однако, дело приняло совсем иной оборот. В своих замечаниях на доклад комиссии о коммерции о плавании и торговле в Тихом океане царица буквально подняла на смех представленные ей предложения. «Подобный заем,— иронически писала Екатерина II,— похож на предложение того, который слона хотел выучить говорить чрез тридцатилетний срок и, быв вопрошаем, на что такой долгий срок, сказал: либо слон умрет, либо я, либо тот, который мне дает денег на учение слона»⁷¹.

Отклоняя просьбу Шелихова и Голикова, Екатерина II отмечала, что «сие прошение есть сущая монополия..., противная моим правилам». Царице явно хотелось показать себя принципиальной противницей всякой монополии и беспристрастной защитницей прав своих подданных. «Для того, что Голиков и Шелихов суть добрые люди, представляют им дать исключительный торг, а того позабыли, что и кроме их на свете быть могут добрые же люди». «Для того, что некоторые промышленники были лихи, надлежит лишить всех торга,— сие несправедливо»,— отмечает царица, и называет далее монополию «стоглавым чудовищем».

Каковы же были причины неудачи проектов Г. И. Шелихова? Можно ли считать главной причиной отказа открыто выраженную неприязнь царицы к монополии? И как вообще можно объяснить столь неожиданный провал, казалось бы, уже решенного дела? С. Б. Окунь и А. И. Андреев уже обращали внимание, что отказ Екатерины II в предоставлении пособия и исключительных прав компании Голикова и Шелихова был, вероятно, вызван не столько тем, что царица являлась принципиальной противницей монополии, сколько общим международным положением России, уже начавшей вести войну с Турцией и Швецией⁷². В основном это правильный, но, пожалуй, слишком общий ответ.

⁷¹ Собственноручные замечания Екатерины II на докладе комиссии о коммерции (1788 г.).— АВПР, ф. РАК, л. 36, лл. 1—2; «Русские открытия в Тихом океане», стр. 281—282. Нами цитируются по автографу с дополнительной археографической обработкой.

⁷² С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 29—30; «Русские открытия в Тихом океане», стр. 44—45. Профессор С. Б. Окунь, в частности, справедливо отмечал, что еще в 60-е годы XVIII в. Екатерина II предоставляла исключительные привилегии компаниям купцов Юго-

Естественно, можно спросить, неужели только Екатерина II правильно разбиралась в международном положении, а ее советники из числа членов Непременного совета и комиссии о коммерции в этих вопросах ничего не понимали. Не правильнее ли предположить существование разногласий в русском правительстве по вопросам внешней политики и борьбы мнений внутри правящих кругов, отражением чего и явилось отклонение Екатериной II просьбы Шелихова и Голикова о «пособии». Очень показательно в этой связи замечание Екатерины II от 27 марта (7 апреля) 1788 г.: «Пособие монаршее теперь обращено на полуденные действия, для которых дикие американские северные народы и торговля с ними оставляются собственному их жребию»⁷³.

Итак, мы имеем прямое свидетельство, связывающее отказ в «пособии» Шелихову и Голикову с «полуденными действиями», т. е. с действиями на юге, войной с Турцией, инициатором и руководителем которых был всесильный Г. Потемкин. И хотя царский любимец находился в то время под Очаковым, его тень незримо присутствовала в С.-Петербурге. Понятно, конечно, что влияние комиссии о коммерции, выступившей в поддержку прошения Г. И. Шелихова, не могло идти в сравнение с влиянием всесильного фаворита, а сама Екатерина II, как известно, недолюбливала А. Р. Воронцова. Не поэтому ли столь язвительны критические замечания царицы по поводу доклада комиссии о коммерции?

Важные причины отказа раскрываются и при анализе текста самих замечаний. Екатерина II явно не доверяла каким-то сибирским купцам и их запискам о Северной Америке. «Что они учредили хорошо, то говорят они, никто тамо на месте не освидетельствовал их завере-

ва и Трапезникова, а также купцу А. Толстых, которые, однако, не смогли воспользоваться своими правами. В то же время вряд ли можно согласиться с ролью, которую С. Б. Окунь отводит в этом вопросе отношениям с Англией. О какой подготовке русско-английского сближения и даже союза, о котором пишет С. Б. Окунь, может идти речь, когда известно, что именно в это время отношения с Англией крайне обострились и вообще казались очень близкими к полному разрыву. Подробнее см. А. М. Станиславская. Россия и Англия в годы второй турецкой войны 1787—1791.— «Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 26—49.

⁷³ Письма и бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Публичной библиотеке. Изданы А. Ф. Бычковым. СПб., 1873, стр. 65.

ние»⁷⁴. Но что особенно любопытно, так это связь проектов колонизации Америки с опытом войны США за независимость. «Американских селений примеры,— подчеркивала Екатерина II,— не суть лестны, а паче не выгодны для матери земли». Царица, как видно, не забывала победоносной войны Соединенных Штатов за независимость и не хотела возникновения возможности в будущем ее русского варианта. Не хотела Екатерина II и каких-либо военно-политических осложнений с другими державами. «Многое распространение в Тихое море не принесет твердых полз. Торговать дело иное, завладеть дело другое»⁷⁵.

Единственно, с чем Екатерина II милостиво согласилась, это с награждением Шелихова и Голикова серебряными шпагами и золотыми медалями «для ношения,— как писал А. А. Безбородко,— на шее с портретом ее в.»⁷⁶ Царская награда по сути дела граничила с явным издевательством. Шелихову и Голикову предлагалось вместо реальной помощи, о которой они просили, носить на шее медали с изображением Екатерины II, которая в действительности была главной виновницей отклонения их проектов. Впрочем, у купцов не оставалось иного выхода, как только благодарить свою «мудрую обладательницу» за необычайную «милость».

Оставив на время свои просьбы о ссуде и изворачиваясь «при помощи божеской... собственным своим коштом»⁷⁷, Шелихов и Голиков, вооруженные шпагами и медалями, продолжали свою активную деятельность один в С.-Петербурге, а другой на восточной окраине страны. Для того чтобы избежать обвинения в стремлении к монополии и одновременно расширить свою деятельность, Г. И. Шелихов стал создавать новые, «самостоятельные» компании. Так, в 1790 г. наряду с главной «Северо-восточной американской компанией» была создана «Предтеченская компания» (по имени судна, отправленного для производства промысла). Несколько позже была образо-

⁷⁴ АВПР, ф. РАК, д. 36, л. 1.

⁷⁵ Там же, л. 2.

⁷⁶ А. А. Безбородко — генерал-прокурору сената А. А. Вяземскому, 4(15) сентября 1788 г. — «Русские открытия в Тихом океане», стр. 283.

⁷⁷ Г. И. Шелихов — И. А. Пилю. 11(22) февраля 1790 г. — Там же, стр. 295.

вана еще одна компания — «Уналашкинская», названная так по имени о-ва Уналашки, где Шелихов решил основать постоянное промысловое селение⁷⁸. В том же 1790 г. на о-в Кадьяк был послан новый управитель «Северо-восточной американской компании» каргопольский купец А. А. Баранов, с чьим именем связана вся последующая история Русской Америки. Он состоял главным правителем русских колоний в Америке 28 лет⁷⁹.

В то же время, стремясь завоевать расположение Екатерины II, Шелихов и Голиков воспылали вдруг необычайной ревностью к «проповеди слова божия в Америке». Курский и рыльский купцы обратились в С.-Петербург с просьбой послать в Америку «для проповеди евангелия» за их счет «мирского священника и позволить учредить на Кадьяке церковь». На этот раз царица оказалась удивительно щедрой (тем более, что расходы компания брала на себя): «благонамерение» Шелихова «осчастливлено было особенно волею императрицы Екатерины II, повелевшей вместо одного священника определить большую духовную миссию». Во исполнение высочайшей воли в Америку были отправлены архимандрит Иоасаф с семью особами духовного сана⁸⁰. «Имею довольный повод поздравить Вас с гостями,— писал Г. И. Шелихов А. А. Баранову в августе 1794 г., отправляя на о-в Кадьяк два новых судна,— гости сии суть: священно-архимандрит Иоасаф с братиею,— все они определены по высочайшей ее и. в. воле... для проповеди слова божия в Америке и просвещения тамошних народов в вере христианской... Уверенным остаюсь... увидеть теперь в приехавших к Вам гостях надежную подпору... будущего благополучия»⁸¹.

Не очень полагаясь на надежность «подпоры» только «священно-архимандрита Иоасафа с братиею», Г. И. Шелихов на этих же судах послал в Америку «вторых го-

⁷⁸ См. П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 31—32.

⁷⁹ См. К. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1833; Н. Chevigny. Lord of Alaska, Baranov and the Russian Adventure. London, 1946.

⁸⁰ К истории Российско-американской компании (Сборник документальных материалов). Красноярск, 1957, стр. 35.

⁸¹ Г. И. Шелихов — А. А. Баранову, 9 (20) августа 1794 г.— «Русские открытия в Тихом океане», стр. 336—337.

стей» — «тридцать семей несчастных» (!) «для кораблестроения за мысом Св. Ильи и производству там же хлебопашества».

Стремясь к укреплению и расширению русских владений, Г. И. Шелихов мечтал об основании на берегу «матерой Америки» нового колониального центра — Славороссии. В том же инструктивном письме к А. А. Баранову Г. И. Шелихов писал: «Мне было известно еще в бытность мою на Кадьяке, что берег матерой Америки начиная от пределов обитания угалахнутских народов... имеет лутчее растворение воздуха, нежели на Кадьяке, ибо там зима бывает весьма короткая и очень умеренная... лето жаркое и продолжительное; земли мягкие и в довольном количестве удобных к посеянию хлебов; леса лисвинишные и другие нужные к кораблестроению, как и Вы ныне уверяете, в изобилии... А потому нахожу, что постоянное российское жительство несравненно лутче завести на матерой земле, нежели на острове, куда всегда могут притти иностранцы, от коих в нужном случае удобнее можно сыскать и убежище на матерой земле; да и в прочем, по известным Вам политическим причинам, должно более стараться матерую землю занимать, нежели острова»⁸².

Большое внимание Г. И. Шелихов уделял и внешнему виду нового колониального центра, предлагая А. А. Баранову завести селение «сколько можно со вкусом», чтобы оно «за город в самом своем начале ответственность могло, а не за деревню» и чтобы иностранцы не думали, «что и в Америке также гнусно живут русские, как в Охотске при вонном воздухе и недостатке всего нужного»⁸³.

Наряду с активной деятельностью на Северо-Западе Америки Г. И. Шелихов выступает в это же время с широкими проектами развития торговли с Японией, Китаем (через Кантон), Батавией, Филиппинскими островами, создания нового порта в Охотском море в районе устья Уды, колонизации южной группы Курильских островов (в 1795 г. группа русских поселенцев была отправлена,

⁸² Г. И. Шелихов — А. А. Баранову, 9(20) августа 1794 г.— Там же, стр. 337—338.

⁸³ Г. И. Шелихов и А. Е. Полевой (поверенный Голикова) — А. А. Баранову, 9(20) августа 1794 г.— П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 71; С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 33.

в частности, на о-ва Уруп и Итуруп) и, наконец, развивает интересный план обследования устья р. Амур. Значительный интерес в этой связи представляет, в частности, его рапорт Екатерине II от 28 февраля (11 марта) 1794 г. о развитии торговли с Японией и укреплении русского влияния над освоенными районами Северной Америки, Курильских и Алеутских островов⁸⁴.

Осуществить эти смелые и широкие замыслы Г. И. Шелихову не удалось: летом 1795 г. он скоропостижно скончался в Иркутске. Последующие годы характеризовались, с одной стороны, резким обострением междоусобной борьбы различных промысловых компаний, доходившей иногда до вооруженных столкновений, и, с другой стороны, тенденцией к их объединению перед лицом реальной угрозы иностранной конкуренции, стремлением заручиться в этой связи защитой и покровительством правительства.

Летом 1797 г. произошло объединение «Американской Северовосточной, Северной и Курильской» компании Шелихова и Голикова с компанией иркутских купцов во главе с Мыльниковым и образование «Соединенной американской компании». 3 (14) августа 1798 г. был утвержден специальный акт «соединения» компаний, «чтобы общими силами российскую коммерцию в Северном, Северо-восточном и Тихом морях умножить, распространить, усовершенствовать и учинить навсегда прочною»⁸⁵. «Соединение» недавних конкурентов мало что изменило, так как по сути дела оно лишь маскировало взаимные противоречия, а не приводило к их ликвидации. Характерно, что острейшая конкурентная борьба внутри «Соединенной американской компании» сопровождалась многочисленными взаимными жалобами и доносами, в изобилии поступающими в Иркутск и С.-Петербург.

Историки Российско-американской компании, в первую очередь П. Тихменев и С. Окунь, давно уже обстоятельно исследовали сложные обстоятельства, предшествовавшие образованию компании в 1799 г., и здесь нет необходимости возвращаться к этому вопросу во всех деталях. Общая политика царского правительства определилась в эти годы вполне отчетливо. Вопрос стоял уже не о предоставлении монопольных преимуществ какой-

⁸⁴ АВПР, ф. РАК, д. 105, лл. 1—15.

⁸⁵ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 4.

либо одной частной компании, пусть даже такой сильной, как шелиховская, а о создании под прямым контролем правительства мощного монопольного объединения для успешного противодействия иностранной экспансии и прочного овладения Северо-Западом Америки⁸⁶. Эта программа была достаточно определенно изложена в записке коммерц-коллегии от 5 (16) августа 1797 г. «О вредности многих в Америке компаний и о пользе от соединения их воедино» и одобрена Павлом I. В развитие решения, принятого в августе 1797 г., коммерц-коллегия после длительной подготовки представила в январе 1799 г. царю специальный подробный доклад «об учреждении Североамериканской торговой компании»⁸⁷.

Несмотря на отчаянное сопротивление строптивых иркутских купцов и сложные интриги в придворных кругах, предложения коммерц-коллегии получили царское одобрение, и соответствующий указ правительствующему сенату был дан 8 (19) июля 1799 г. На основе представленных от коммерц-коллегии проектов в тот же день Павел I утвердил окончательный вариант «правил» и «привилегий» компании «впредь на двадцать лет»⁸⁸.

Интересно отметить, что на архивных подлинниках этих документов, представленных царю коммерц-коллегией, имеются любопытные замечания и поправки, сделанные карандашом⁸⁹. Все эти исправления скрупулезно включены в окончательный вариант. Кто был последним редактором учредительных документов об образовании компании, остается неясным. Довольно часто карандашная правка представленных проектов принадлежит самому царю. В данном случае, однако, Павел I вряд ли был автором поправок, так как многие из них слишком велики по объему и носят иногда редакционный характер. Но что совершенно очевидно, так это характер взглядов окончательного редактора и общее направление его правки. Исправления вносились в сугубо монархической и льстиво-верноподданнической форме. Достаточно ска-

⁸⁶ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 39.

⁸⁷ Коммерц-коллегия — Павлу I, январь 1799 г.— АВПР, ф. РАК, д. 130, лл. 1—6. Подлинник подписал П. Соймонов и др.

⁸⁸ ПСЗРИ, т. XXV, стр. 703—704.

⁸⁹ АВПР, ф. РАК, д. 130, лл. 7—13, 15—17. Учитывая важность учредительных документов Российско-американской компании, представляется желательным их опубликование и точное установление истории подготовки окончательного текста.

зять, что в первоначальном проекте «правил» (и соответственно «привилегий») учрежденная компания именовалась просто «Российско-американской». Такое название показалось окончательному редактору недостаточным, и он угодливо добавил: «под высочайшим е. и. в. покровительством»⁹⁰. Верноподданническая рука окончательного редактора оказалась достаточно могущественной, чтобы исправить по своему желанию текст, подписанный многими влиятельными царскими сановниками, но она оказалась бессильной перед здравым смыслом. И хотя в учредительных документах эта рука всюду не забыла добавить неуклюжую вставку, в будущем компанию обычно продолжали именовать «Российско-американской».

Район деятельности компании определялся первым параграфом привилегий, гласившим: «По открытию из давних времен российскими мореплавателями берега северо-восточной части Америки начиная 55° северной широты и гряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на северо-восточном берегу Америки от вышеизложенного 55° до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-восточному океану лежащих». В то же время компании предоставлялось право производить «новые открытия» на землях к югу от 55°, «если оные никакими другими народами не были заняты»⁹¹ и не вступили в их зависимость» (§ 2), а также «иметь торговлю со всеми около лежащими державами» (§ 5). В соответствии с 10-м параграфом, «по всему вышеписанному пространству земель и островов» компании предоставлялось «исключительное право на всякие приобретения промыслы, торговлю, заведения и открытия новых стран».

Первоначальный «складственный» капитал компании состоял из 724 тыс. руб., разделенных на 724 акции. В соответствии с новыми «правилами», «к ныне существующим» добавлялась еще тысяча акций (§ 2). Наследники

⁹⁰ АВПР, ф. РАК, д. 130, л. 7.

⁹¹ Слово «заняты» вставлено на подлиннике карандашом вместо первоначального «открыты». Окончательный редактор текста явно имел в виду облегчить осуществление дальнейшей колонизации Северо-Запада Америки вплоть до Калифорнии (там же, л. 15).

Шелихова, владевшие основным пакетом акций, предлагали установить голосование в соответствии с числом акций (право голоса давало наличие 25 акций). В С.-Петербурге пошли на изменение процедуры голосования и в соответствии с § 18 новых «правил» право голоса предоставлялось акционерам, владевшим не менее чем 10 акциями, причем голоса считались «не по акциям, но по числу присутствующих на собрании участников»⁹². Совершенно очевидно, что, внося эти изменения, царское правительство исходило из интересов новых акционеров — «благородных дворян»⁹³.

Для ведения дел компании образовывалось «главное правление» в составе «первенствующего» директора М. М. Булдакова и еще трех директоров: И. Шелихова, Мыльников и Старцева. Влиятельный в придворных кругах зять Г. И. Шелихова — действительный камергер Н. П. Резанов, получивший должность «корреспондента», выполнял в известной мере функции протектора и «ходатая» по делам Российско-американской компании в С.-Петербурге.

Несмотря на настоятельные «внушения» новым директорам их петербургского «корреспондента» прекратить бесконечные «тяжбы и ябеды» и заботиться «о пользах государственных, буде хотят, чтобы стулья под нами были прочны», строптивные иркутские купцы не склонны были прекращать борьбу. Впрочем, и на этот раз наследникам Шелихова благодаря их связям при дворе удалось в конце концов победить своих конкурентов: царским указом главное правление компании было переведено из Иркутска в С.-Петербург. Тем самым облегчались контроль и руководство правительства над деятельностью компании. Близость компании к правительству закрепилась весной 1802 г. вступлением в число ее акционеров «высочайших особ», включая императора Александра I, вдовствующую императрицу Марию Федоровну и др. В числе акционеров находились также такие известные деятели, как Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов, И. А. Ведемейер и др.⁹⁴

⁹² Эти изменения уже вошли в проект, представленный Павлу I коммерц-коллегией (см. там же, л. 12).

⁹³ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 45.

⁹⁴ Список акционерам. Начало XIX в. — ЦГАДА, ф. 796, оп. 1, л. 182, лл. 1—2.

Подчинение Российско-американской компании напрямую контролю правительства не было случайным или каким-то исключительным явлением. Пристально занимаясь историей знаменитой Ост-Индской компании, К. Маркс справедливо заметил, что когда эта компания «начала расширять сеть своих факторий до масштабов империи», и «когда ее конкуренция с частными голландскими и французскими купцами стала приобретать характер соперничества между нациями», правительство Великобритании стало вмешиваться в ее дела⁹⁵. Именно в это время, в 1783—1784 гг., индийский вопрос стоял в Англии как вопрос правительственный⁹⁶.

Соображения К. Маркса, высказанные в адрес Ост-Индской компании, в известной мере могут быть отнесены и к Российско-американской компании. Первоначально сибирские купцы и промышленники действовали более или менее самостоятельно, хотя при столкновениях с иностранцами они могли, как правило, рассчитывать на поддержку правительства. Прямое же вмешательство С.-Петербурга в дела частных купцов и промышленников происходит тогда, когда их конкуренция с частными английскими и, как мы увидим, также американскими торговцами «стала приобретать характер соперничества между нациями». Именно в этом смысле вопрос о колонизации Северо-Запада Америки стоял в России в конце XVIII в. «как вопрос правительственный». В соответствии с известной мыслью К. Маркса, можно, наконец, сказать, что подобно тому, как британское правительство вело борьбу за «округление границ» и господство над Индией, прикрываясь именем Ост-Индской компании⁹⁷, царское правительство для колонизации Северо-Запада Америки использовало в качестве прикрытия Российско-американскую компанию.

Показательно в этой связи, что на завершающем этапе образования Российско-американской компании в 1799 г. было решено сделать официальное представление британскому кабинету по поводу «замашек аглицких промышленников» на принадлежащие России берега Северной Америки. 7 (18) марта 1799 г. русскому полномочному министру в Лондоне С. Р. Воронцову был направлен

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 185.

⁹⁶ См. там же, стр. 151, 154.

⁹⁷ См. там же, стр. 155.

специальный царский рескрипт о нарушении английскими купцами интересов Соединенной Американской компании в русских владениях в Северной Америке⁹⁸. Вместе с рескриптом С. Р. Воронцову направлялись донесение А. А. Баранова и соответствующий рапорт иркутского губернатора Алексея Толстого генерал-прокурору сената П. В. Лопухину⁹⁹.

Защита интересов «частной» компании открыто ставилась, таким образом, на уровень государственной политики. Стремясь оградить уже существующие русские поселения от притязаний и конкуренции иностранных держав, Российско-американская компания при поддержке царского правительства ставила задачей одновременно всемерно расширить сферу своего влияния, в том числе и на территории по побережью Северной Америки южнее 55 параллели. Эти тенденции получили развитие в упоминавшемся секретном «наставлении» директоров компании М. Булдакова, Е. Деларова и И. Шелихова А. А. Баранову от 18(30) апреля 1802 г., согласованном в правительственных сферах¹⁰⁰.

«В рассуждении притязания агличан на места, нами заведываемые,— указывалось в «наставлении»,— испрашиваете Вы, до какого места утверждать Вам нашу принадлежность? Главное правление поручает Вам стараться утверждать право России не только до 55 градуса, но и далее, опираясь на морские путешествия капитанов Беринга, Чирикова и протчих, а ссылаясь также и на плаванья и промысла, производимые частными людьми с того времени ежегодно. Старайтесь даже тем показывать некоторое право и на самую Нотку-Зунд, дабы при случившемся от аглинского двора требовании некоторым образом определить можно было границы по 50-й градус или хотя на половину пространства к 55 градусу буде уже не можно далее, поелику сия часть ими еще не занята,

⁹⁸ Павел I — С. Р. Воронцову, 7(18) марта 1799 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1799 г., оп. 35/6, д. 507, лл. 4—5.

⁹⁹ См. соответственно там же, лл. 13—16; 6—7. К рескрипту прилагалась также карта американских берегов, открытых русскими мореплавателями (л. 21).

¹⁰⁰ На последнем листе «наставления» имеется помета: «Апробована в комитете, составленном из почетных господ-акционеров, бывших у его сиятельства г-на министра коммерции графа Николая Румянцева апреля 8 числа 1802 г.» (NA, Records of the Russian-American Company, Vol. I, p. 7).

и, следовательно, по сие время Россия на оную право имеет преимущественное, а по сей предмет стараться Вам елико можно сильнее и поспешите утверждаться заселениями у 55-го градуса заведением регулярной крепостицы, поелику людей у Вас теперь довольно прибудет»¹⁰¹.

Широкие колонизационные планы и притязания на монопольное влияние на крайнем севере Тихого океана, понятно, было гораздо проще провозгласить, чем провести в жизнь. В царском указе легко было, конечно, «даровать» учреждаемой компании «исключительное право на всякие приобретения, промыслы, торговлю, заведения и открытия новых стран». Можно было, разумеется, сделать соответствующие представления иностранным державам. Наконец, нетрудно было составить и специальное секретное «наставление» А. А. Баранову. Но это, естественно, не означает, что в реальной действительности легко было избавиться от соперничества иностранных держав, укрепить и расширить владения компании и создать для ее деятельности какие-то особые, исключительно благоприятные условия, полностью оградив ее от внешних конкурентов.

Иностранные торговцы и мореплаватели уже появились в районе, на который претендовала компания, и их число со временем не уменьшалось, а увеличивалось. Начиная с 1792 г. все большую активность у северо-западных берегов Америки стали развивать предприимчивые торговцы Соединенных Штатов, деятельность которых сделалась с начала XIX в. предметом многочисленных жалоб Российско-американской компании¹⁰². «С того времени,— отмечало главное правление компании летом

¹⁰¹ М. Булдаков, Е. Деларов, И. Шелихов—А. А. Баранову, 18(30) апреля 1802 г.—Ibid., р. 2.

¹⁰² Вопрос о нелегальной торговле североамериканцев, или «бостонцов», как их тогда называли, в русских владениях в Америке подробно излагался, в частности, в записке М. М. Булдакова и В. В. Крамера Н. П. Румянцеву от 21 апреля (3 мая) 1808 г. «о подрыве, делаемом компанией бостонцами» (ВПР, т. IV, № 104, стр. 241—243), в инструкции главного правления компании А. Я. Дашкову от 20 августа (1 сентября) 1808 г. (ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 56, лл. 2—7; АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 18 и далее) и, наконец, в «Записке о торговле североамериканцев в русских колониях в Америке, декабря 23 дня 1816 года» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, лл. 31—49).

1808 г., — начало приходить туда по 5, 10, а в последствие времени и по 15 кораблей, наиболее же и чаще Американской республики. Они привозят и меняют диким в глазах русских свои товары: сукна, толстые полотна, готовые платья, обувь, ружья, сабли, пистолеты, пушки, порох и протчие мелочи и безделушки, получая от диких очень выгодно бобры морские и всякие другие морских и земляных зверей меховые шкуры»¹⁰³. «Граждане Североамериканских Соединенных Штатов, как народ республиканский», жаловалось главное правление компании в другой раз, променивают местным жителям «всякого рода огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец, показывая им и употребление сих последних во вред наших промышленников»¹⁰⁴.

Наиболее серьезный ущерб Российско-американской компании был нанесен летом 1802 г. в результате уничтожения крепости, основанной за несколько лет до этого на о-ве Ситхе. Хорошо вооруженные колоши¹⁰⁵, внезапно напав на русское селение «великою силою», подожгли крепость и уничтожили находившееся в гавани «новопостроенное» судно. Колоши истребили около 20 русских во главе с В. Медведниковым и 130 алеутов.

Лишь немногим жителям удалось спастись. Как рассказывал позднее один из них, «промышленный» А. Плотников, оставив «камзол и ружье» у схвативших его колош, он бросился в окно «и скрылся в дуплеватую лесину»¹⁰⁶. Собранные сведения показывали, что нападение на крепость было осуществлено не без участия иностранных конкурентов компании — бостонцев и англичан.

Сообщая А. Баранову о столкновении возглавляемой им партии промышленных людей с местными жителями и об уничтожении крепости на о-ве Ситхе, И. Кусков приводил, в частности, сведения о зимовавшем «на хуц-

¹⁰³ Главное правление Российско-американской компании — А. Я. Дашкову, 20 августа (1 сентября) 1808 г. — АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, лл. 21—22.

¹⁰⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, л. 31 и сл.

¹⁰⁵ Колошами, или колюжами, русские называли тлинкитов, населявших юго-восточную часть Аляски и прилегающие к ней о-ва Баранова, Адмиралтейства, Чичагова и др. (см. «Народы Америки», под ред. А. В. Ефимова, С. А. Токарева, т. I. М., 1959, гл. IV. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки, стр. 151 и сл.).

¹⁰⁶ См. Показания спасшихся от колошей А. Плотникова и др. — П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 174—180.

новской жиле» американском судне, а также о прямом подстрекательстве «колошских обитателей» к уничтожению русской крепости¹⁰⁷. Позднее А. А. Баранов, ссылаясь на объяснения, полученные им «от самих диких», утверждал, «что причиною сего несчастья и пособием в оном были бостонских судов шкипера Крокер и Конингам с их экипажами, ибо они островитян не токмо подстрекнули на сей поступок, но и меняли им порох и оружие, а после, когда русские были истреблены, они же отняли у диких весь промысел, русскими добытый, в 3700 бобрах и прочих зверях состоявший, на сумму более 300 000 рублей, а компанейское судно сожгли, употребляя и против самих диких жестокости»¹⁰⁸.

Вызвала подозрение и деятельность английского судна «Юникорн» под командованием капитана Барбера, находившегося в момент нападения на русскую крепость вблизи о-ва Ситха. После уничтожения русской «оседлости» англичане приняли на борт спасшихся промышленных людей, а затем выручили часть захваченных тлинкитами пленных. Доставив около 26 человек в Павловскую гавань на Кадыяке, Барбер потребовал под угрозой применения силы возмещения «убытков» в размере 50 тыс. руб. В конечном итоге А. А. Баранов согласился уплатить выкуп бобрами на сумму в 10 тыс. руб.¹⁰⁹

Спустя несколько лет, в 1805 г. «на матером берегу» в заливе Якутат туземцы, «имея от бостонцев огнестрельные орудия, по склонности к сражениям и жестокости» (?), напали врасплох на селение Славороссия, «всех убили, а селение сожгли»¹¹⁰. Положение компании становилось все более затруднительным. «Смотрящие на нас завистливым оком иностранцы,— сообщал Н. П. Резанов в С.-Петербург осенью 1805 г.,— внушают им (т. е. местным жителям.— Н. Б.) о слабости всех заведений наших, и я не подивлюсь, ежели от нескольких тысяч колюжий сто человек стрельцов бросятся на Кадыяк и истребят все до основания. У них ружья анг-

¹⁰⁷ И. А. Кусков — А. А. Баранову, 1(12) июля 1802 г.— К истории Российско-американской компании, стр. 119.

¹⁰⁸ ВПР, т. IV, № 104, стр. 242.

¹⁰⁹ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 88—89.

¹¹⁰ ВПР, т. IV, № 104, стр. 242, № 40, стр. 106, а также АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, л. 34.

лийские, а у нас охотские, которые по привозе никуда за негодностью их не употребляются»¹¹¹.

Лишь с большим трудом А. А. Баранову удалось в 1804 г. вновь овладеть о-вом Ситха. Деревянная крепость, «снабженная купленными у бостонцев пушками и прочими мелкими оружиями», была взята приступом только благодаря поддержке экипажа прибывшего «кругом света» корабля «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского. На острове был основан колониальный центр Русской Америки — крепость Ново-Архангельск¹¹².

Выменивая у бостонцев порох и ружья, «колоши» не прочь были обратить его и против них самих. «В заливе Нутке,— сообщает К. Хлебников,— они истребили экипаж корабля «Бостон» 23 марта 1803 г., разграбили товары и сожгли корабль». Спасти удалось только двум морякам, один из которых издал в 1815 г. свои записки¹¹³. Другой случай произошел «в бухте Миль-Бейк-Зунд» в 1805 г. «Шкипер Портер, выменявший у диких около 6000 бобров, когда допустил на свой корабль диких и еще тех же шкур ему привезших, то сам он и несколько человек из его экипажа в мгновение застрелены были из пистолетов, самими ими диким проданных, и брошены за борт. И ежели бы не отважная решимость бывшего тут штурмана Адамса и не приближение другого бостонского судна под управлением шкипера Гиля не пресекли сего мятежа, то и весь бы корабль Портера был добычей диких»¹¹⁴. Наконец, сами бостонцы сообщили Н. П. Резанову, что с начала своей торговли у северо-западных берегов Америки «они шести судов не досчитываются. Но,— добавляет Н. П. Резанов,— не менее того, корысть повсегодно влечет их»¹¹⁵.

Активная «коммерция» бостонских корабельщиков у северо-западных берегов Америки не только создавала угрозу безопасности русских поселений, но и на-

¹¹¹ Н. П. Резанов — директорам Российско-американской компании, 6(18) ноября 1805 г.— П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 207.

¹¹² См. АВПР, ф. Гл. арх. I—13, д. 12, 1805—1808 гг., лл. 4—5.

¹¹³ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 124.

¹¹⁴ ВПР, т. IV, № 104, стр. 242.

¹¹⁵ Н. П. Резанов — директорам Российско-американской компании, 6(18) ноября 1805 г.— П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 203.

носила большой ущерб их экономическим интересам. Выменивая у туземцев «мягкую рухлядь», бостонцы отвозили ее затем в Кантон и, в результате, возвращались домой, получив «великие барыши»¹¹⁶. Российско-американская компания не могла выдержать иностранной конкуренции ни в торговле с местными жителями, ни в продаже пушнины на китайском рынке. Между тем объем торговых операций бостонских корабельщиков становился довольно значительным. «Не считая разной меховой рухляди,—отмечало главное правление Российско-американской компании в 1808 г.,—одних морских бобров каждый корабельщик выменивает у диких от 1000 до 2500 шкур. Все же вообще таковые торгоши каждый год выменивают и на кантонский рынок привозят одних морских бобров до 15 000 и до 5000 штук речных бобров»¹¹⁷.

«Барыши», получаемые иностранцами в Кантоне, главное правление рассматривало чуть ли не как прямую кражу из своего кармана. «Компании, которой одной долженствует право выменивать у диких островитян, яко подданных российских, из коих многие тысячи уже крещены, наносят торгоши те великий подрыв и тем одним увлекают у нас почти на миллион рублей пушных товаров»¹¹⁸. Объясняя причины, по которым Российско-американская компания не могла конкурировать с бостонскими корабельщиками, главное правление отмечало: «Компания содержит большое людство, около 10-ти кораблей, более 15-ти крепостей и редутов,

¹¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, л. 33.

¹¹⁷ Главное правление Российско-американской компании — А. Я. Дашкову, 20 августа (1 сентября) 1808 г. — АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 22. Побывав в Кантоне вместе с кораблями «Надежда» и «Нева» в конце 1805 г., приказчик Российско-американской компании Ф. И. Шемелин сообщал, «что в прошлом 1804 г. было в Кантоне с морскими бобрами три судна: капитан Окейн имел 3100 бобров, Свифт — 3000 и Браун — 2100, всего 8200 бобров; первые проданы по 24, а последние по 23 пиастра. Ныне мы нашли до нас пришедших в сей порт из Америки с такими же зверями три корабля. Капитан Старжел имеет 5202 бобра, Адамс — 5800 и Трескет — 2800, итого 14 002 бобра. «Нева» имела 4007, «Надежда» — 414, что всего составляло в приходе нынешний год в Кантон 18 423 бобра» (ВПР, т. III, № 2, стр. 18—19; см. также Ф. Шемелин. Журнал первого путешествия россиянина вокруг земного шара, ч. I—II. СПб., 1816—1818).

¹¹⁸ АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 22.

возя еще от Охотска до Кяхты сухим путем и частью верховыми лошадьми, платя провозу около 8 рублей с пуда, на что все издерживает около 300 000 рублей. Напротив того помянутые смуглировщики таких расходов вовсе не имеют и могут отдавать китайцам гораздо дешевле нашего»¹¹⁹.

Коммерческая деятельность бостонцев на Северо-Западе Америки по своему характеру была в основном посреднической и чисто спекулятивной. Раскрывая внутренний «механизм» этой торговли, Н. П. Резанов сообщал в секретном письме директорам компании от 15(27) февраля 1806 г.: «Ныне бостонцы производят на берегах Америки торговлю на сукна, ружья, порох, стальные и железные изделия, равендук и прочие товары, которые покупают у англичан, ибо своих мануфактур не имеют... Смотря по успеху в вымене груза, протаскавшись здесь год или два, отправляются в Кантон, где променяв их на китайку, чай и другие для Американских Штатов нужные товары, потом с ними в Бостон возвращаются. Прямо же из отчизны своей с английскими товарами пущаться в Китай не могут, ибо не возможно им сбыть их с той выгодой, с каковой продают англичане, а потому... по неволе должны они прибегать к столь тяжелым для них средствам»¹²⁰.

Привоз американцами и англичанами пушных товаров непосредственно в Китай (через Кантон) крайне затруднял торговлю компании на русско-китайской границе в Кяхте. В С.-Петербурге в этом хорошо отдавали себе отчет, и именно в этой связи министр коммерции Н. П. Румянцев поднял в начале 1803 г. вопрос о необходимости для России «торга кантонского». «Сколько бы компания, усиливаясь в заведениях своих, и ни старалась в Кяхте выдержать пушным товарам цен, но англичане и американцы, доставляя из Нотки, Зунд и Шорлотиных островов рухлядь свою прямо в Кантон, всегда будут в торге сем преимуществовать и дотоле продолжаться сие будет, пока россияне сами в Кантон пути не проложат»¹²¹.

¹¹⁹ АВВР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 23.

¹²⁰ П. Тихменев. Указ соч., ч. II, приложения, стр. 234.

¹²¹ Докладная записка Н. П. Румянцева Александру I «О торге в Кантоне» 20 февраля (4 марта) 1803 г.—ВВР, т. I, № 157,

Огромные трудности, с которыми Российско-американская компания столкнулась уже в первые годы своей деятельности, объяснялись, понятно, не только и не столько внешними причинами и, в частности, торговой деятельностью бостонских корабельников, сколько серьезными внутренними причинами и уродливой бюрократической организацией самой компании. Общее состояние колоний, несмотря на поддержку правительства, оставляло желать много лучшего. В свое время архимандрит Иоасаф жаловался Г. И. Шелихову, что в колониях царствует «французская вольность». (В эти слова архимандрит вкладывал, понятно, свой особый смысл.) Н. П. Резанов определил положение несколько точнее, когда писал, что нашел в колониях «пьяную республику». Наконец, советские исследователи справедливо писали о «хищнической эксплуатации колоний, бесхозяйственности и злоупотреблениях». В целом различные аспекты хозяйственной деятельности Российско-американской компании хорошо известны, и здесь нет необходимости вновь возвращаться к этому вопросу¹²².

Тяжелое положение колоний, произвол местного начальства, разного рода злоупотребления и бесхозяйственность — все это было в конечном итоге естественным результатом отсталого крепостного строя царской России. Реакционный феодально-крепостнический строй,

стр. 386. Предложение Н. П. Румянцева получило одобрение как самого царя, так и «министерского комитета». 23 февраля (7 марта) 1803 г. Н. Н. Новосильцев переслал Н. П. Румянцеву выписку из журнала комитета министров, в которой указывалось, что записки о торге с Японией и в Кантоне «с высочайшего утверждения комитетом апробованы». Детально изучавшиеся нами архивные материалы, связанные с посылкой первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг., а также посольством Ю. А. Головкина 1805—1806 гг. в Китай, показывают, что русское правительство все эти годы продолжало уделять открытию торга в Кантоне серьезное внимание. См., в частности, доклад Н. П. Румянцева Александру I от 16 (28) января 1805 г., раздел I. «Открыть торг в Кантоне и на Желтом море» (ВПР, т. II, № 95, стр. 297—298). О неудаче посольства Ю. А. Головкина, помимо материалов, опубликованных во II и III томах ВПР, см. «Из бумаг графа Ю. А. Головкина». СПб., 1904.

¹²² Помимо уже упоминавшихся трудов, следует назвать статью В. Ф. Широкого, в которой дается характеристика деятельности компании в первые десятилетия XIX в. (см. В. Ф. Широкий. Из истории хозяйственной деятельности Российско-американской компании.— «Исторические записки», т. 13, М., 1942, стр. 207—221).

полицейско-бюрократические методы управления тормозили развитие русских промыслов на Аляске, открытой и освоенной трудами славных русских мореплавателей и поселенцев. Крепостное право, зависимость крестьянина от помещика лишали Русскую Америку главного — надежного источника получения рабочих рук. Острая нехватка людей в колониях заставляла задумываться над самыми неожиданными путями увеличения численности русских переселенцев. Так например, Н. П. Резанов, обзрев русские поселения в Америке в 1805 г., предлагал главному правлению: 1) «испросить у престола» разрешение посылать в Америку ежегодно хотя бы 100—200 человек ссыльных по выбору компании; 2) «обратить сюда пьяниц (!?) здоровых, мастеровых и в работу годных» на взаимовыгодных для компании и помещиков условиях; 3) посылать на поселение в Америку «всех умышленно обанкротившихся купцов... с получением от компании определенных заработком кредиторам их денег». «Одна Москва,— замечал Н. П. Резанов,— снабдив сей край людьми, и все еще половины туенядцев не лишится»¹²³.

Предложения Н. П. Резанова вряд ли могли существенно изменить положение в колониях, и возлагаемые им надежды на «туенядцев» весьма сомнительны. Гораздо более важным представляется то обстоятельство, что среди высших русских сановников были отдельные деятели (в первую очередь Н. П. Румянцев), которые, учитывая общие государственные интересы и пользу основания постоянной оседлости в Америке, считали возможным «дать позволение селиться и укорениться» в заведениях Российско-американской компании «людям свободным, как-то: купцам, мещанам, государственным и экономическим крестьянам, ясажным отставным солдатам и проч.» и поддержать (по крайней мере, частично) представление компании освободить «находящихся в заселениях ее людей» от податей «по прежним жилищам на них положенным». Это предложение оказалось, однако, совершенно неприемлемым для Государственного совета, который на заседании 3(15) августа 1808 г.

¹²³ Н. П. Резанов — директорам Российско-американской компании, 6(18) ноября 1805 г.— П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 206. Об острой нехватке людей в колониях и методах их вербовки см. также АВПР, ф. РАК, д. 190, 186 и др.

отклонил предложение Н. П. Румянцева и постановил, «что люди, занимающиеся промыслами Американской компании, могут оставаться в заведениях ее на том же самом основании как доселе было, то есть по обязательствам или контрактам, не изъемя их навсегда от общих податей и повинностей»¹²⁴.

Не удивительно поэтому, что население Русской Америки росло очень медленно, и в 1805 г. численность русских колонистов составляла всего около 470 человек. В зависимости от компании находилось, кроме того, значительное число индейцев. Так, в составленной по распоряжению Н. П. Резанова переписи, в ведомстве уналашкинской конторы и на о-ве Кадьяке числилось более 5200 человек¹²⁵. На Алеутских островах и на северо-западном побережье Америки у компании имелось уже в начале XIX в. значительное число «соседностей» — небольших поселений и «крепостиц». Перечисляя эти «укрепления» по состоянию на 1803 г., П. Тихменев называет следующие: на Кадьяке учрежденное Шелиховым в гавани Трех Святителей и в Павловской гавани, на о-ве Афогнаке, Александровское на Кенайском мысу; три в Кенайском заливе (Георгиевское, Павловское и Николаевское), два в Чугацком заливе, в гавани Константина и Елены, в Деларовой гавани (найдено затем разрушенным), Симеоновское у мыса Св. Ильи, два в заливе Якутат (одно из них — Славороссия, разрушено туземцами в 1805 г.) и, наконец, на о-ве Ситхе (Ново-Архангельск)¹²⁶. К этому перечню следует добавить селение «Доброе согласие» на о-ве Уналашка.

Одной из наиболее важных и острых проблем, с которой пришлось столкнуться русским поселенцам в Америке, был вопрос о снабжении колоний необходимыми припасами: продовольствием, одеждой, оружием, морскими снастями и т. д. Путь через бездорожную и малонаселенную Сибирь, Охотск и Камчатку был исключительно труден и сложен, требовал колоссальных затрат и подвергал «от перевозки казенных тягостей» всю Якутскую область огромному изнурению. «Тяжеловестные вещи» вообще доставлять оказывалось невозможно, и корабельные якоря приходилось рубить на части

¹²⁴ ВПР, т. IV, № 120, стр. 270—271, 617.

¹²⁵ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 139.

¹²⁶ Там же, стр. 117.

и затем в Охотске их сваривать. В результате при «великих издержках» нельзя было ожидать от них «должной прочности». Именно в этой связи главное правление выдвинуло проект «отправления из Балтики в Америку» первой кругосветной экспедиции, который получил поддержку в правительстве, в первую очередь со стороны министра коммерции Н. П. Румянцева¹²⁷. Посылая экспедицию, русское правительство имело в виду «для пользы государственной обозреть американские приобретения и обрисовать их, открыть торг в Кантоне и обратить виды на торговлю с Япониею и прочими азиатскими областями»¹²⁸.

Отправленная летом 1803 г. из Кронштадта на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского первая кругосветная экспедиция наряду с доставкой товаров в Русскую Америку выполняла, как известно, важные научные, политические и торговые задачи и продолжалась в общей сложности до 1806 г.¹²⁹

Новое плавание «кругом света» было предпринято в октябре 1806 г. на шлюпе «Нева» под командованием

¹²⁷ См. докладную записку главного правления Российско-американской компании Александру I 29 июля (10 августа) 1802 г.—ВПР, т. I, № 99, стр. 266—269 и доклад Н. П. Румянцева Александру I 27 марта (8 апреля) 1803 г.— Там же, № 166, стр. 403—405.

¹²⁸ Там же, стр. 405.

¹²⁹ Об этой экспедиции существует огромная специальная литература и богатые архивные материалы. Большую ценность представляют, в частности, записки самих участников экспедиции — И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а также Г. И. Лангдорфа, Г. Т. Тилезуса, Ф. И. Шемелина и др. (см. И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах..., ч. I—III. СПб., 1809—1812. В 1950 г. опубликовано новое издание труда И. Ф. Крузенштерна, но оно значительно менее полно, чем первое издание; Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, ч. I—II. СПб., 1812). Надо сказать, что сама экспедиция была омрачена острым конфликтом Н. П. Резанова с И. Ф. Крузенштерном. Судя по материалам АВПР, которые в основном исходят от Н. П. Резанова, с формальной стороны он имел определенные основания для своих притязаний на руководство экспедицией. В данных ему общих инструкциях от 10 (22) июля 1803 г. прямо указывалось, что оба судна («Надежда» и «Нева») поручаются его начальству (§ 1) (ВПР, т. I, № 207, стр. 492). Это, однако, трудно согласуется с инструкциями, данными ранее Крузенштерну, и мнением, утвердившимся в современной литературе (см. В. В. Невский. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951 и другие работы о Крузенштерне).

Л. А. Гагемейстера¹³⁰. Доставив в русские колонии необходимые товары, «Нева» в последующие годы плавала между северо-западным побережьем Америки и Камчаткой.

Кругосветные экспедиции имели огромное научное и политическое значение, но они не смогли сколько-нибудь окончательно решить вопрос о регулярном снабжении Русской Америки необходимыми товарами и прежде всего продовольствием. Следует учитывать, что эти экспедиции снаряжались довольно редко, поглощали колоссальные средства и были связаны с многими трудностями. Мало благоприятствовала снаряжению регулярных экспедиций и напряженная международная обстановка в эпоху наполеоновских войн в Европе.

Естественно поэтому, что русским поселенцам в Америке приходилось рассчитывать главным образом на свои собственные силы и изыскивать более постоянные, близкие и надежные источники снабжения колоний продовольствием и другими товарами. Так возникают проекты открытия прямых торговых связей с Калифорнией (и другими областями так называемой Испанской Америки), устанавливаются регулярные контакты с торговцами Соединенных Штатов и, наконец, предпринимаются попытки создания собственной продовольственной базы (основание форта Росс).

Инициатором установления прямых торговых связей с Калифорнией выступил Н. П. Резанов. 25 февраля (9 марта) 1806 г. на корабле «Юнона» под командованием Н. А. Хвостова он отправился из Ново-Архангельска и через месяц достиг залива Сан-Франциско¹³¹.

¹³⁰ См. АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1806—1810 гг., оп. 34, д. 4. В 1807—1811 гг. кругосветное плавание совершил военный шлюп «Диана» под командованием В. М. Головнина, который посетил русские колонии в Америке летом 1810 г. Позднее, в 1813—1816 гг., плавание из Кронштадта в Русскую Америку и обратно совершил корабль «Суворов» под командованием М. П. Лазарева. Материалы об этом см. В. М. Головин. Сочинения и переводы, т. I—V. СПб., 1864; Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М., 1961; Н. И в а ш и н ц е в. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб., 1872.

¹³¹ Поездка Н. П. Резанова в Калифорнию получила детальное освещение в его пространном секретном донесении министру коммерции Н. П. Румянцеву от 17 (29) июня 1806 г. Текст донесения со значительными сокращениями см. П. Т и х м е н е в. Указ. соч., ч. II, при-

Назвавшись «главным начальником» русских колоний в Америке, Н. П. Резанов вступил в переговоры с местными испанскими властями. Для встречи с Резановым в апреле 1806 г. в Сан-Франциско приехал губернатор Верхней Калифорнии Хосе Арильяга (José Arrilaga)¹³². «Я искренне скажу Вам,— заявил Н. П. Резанов губернатору,— что нужен нам хлеб, который по-лучать можем мы из Кантона, но как Калифорния к нам ближе и имеет в нем избытки, которых никуда сбывать не может, то приехал я поговорить с Вами, как начальником мест сих, уверяя, что можем мы предварительно постановить меры и послать на благоразсмотрение и утверждение дворов наших».

Надо сказать, что задача, стоявшая перед Н. П. Резановым, была исключительно сложной. Фанатичный мадридский двор тщательно ограждал свои колониальные владения от всяких внешних связей и строго запрещал любые контакты с иностранцами. Местные власти в испанских колониях, хотя и испытывали большие затруднения от этого запрещения, не смели его открыто нарушить. За время своего шестинедельного пребывания в Калифорнии Н. П. Резанову удалось проявить незаурядные дипломатические способности и завоевать расположение местного испанского начальства. Царский камергер и гордые испанцы довольно быстро нашли общий язык. Н. П. Резанов сочувственно выслушивал их жалобы на «наглость бостонцев», суда которых «беспре-станно смуглируют по берегам», «потаенную торговлю производят» и «всеми наглостями ищут средств... водвориться в испанских владениях»¹³³. Со своей стороны калифорнийский губернатор «с большим удовольствием» слушал рассуждения своего собеседника о развитии «взаимной торговли» между американскими областями обеих держав, в результате чего «колонии процветать будут», а «берега наши, составляя взаимную между собой связь, всегда обеими державами равно будут защи-

ложения, стр. 253—283. Подлинник см. ЦГИА, ф. 13, оп. 1 д. 687, лл. 1—21 (конец донесения в деле отсутствует).

¹³² Н. П. Резанов называл его «дон Жозе де Ариллага губернатор обеих Калифорний».

¹³³ Подробно о появлении с 1796 г. первых бостонских судов в Калифорнии и их конфликтах с испанскими властями см. A. Ogden. The California Sea Otter Trade 1784—1848. Berkeley and Los Angeles, 1941, p. 32—44.

щаемы и никто уже между ими водвориться не отважится».

Пребывание Н. П. Резанова в Калифорнии и его переговоры с испанскими властями оказались неразрывно связанными с одной из самых романтических историй того времени. Будучи «обласкан» в доме коменданта Хосе Дарио Аргуелло (José Darío Argüello), Н. П. Резанов сблизился с его дочерью, прекрасной донной Консепсией (María de la Concepción), которая слыла «красотою Калифорнии». «Прекрасная Консепсия,— писал Резанов позднее в „исповеди частных своих приключений“ министру коммерции,— умножала день от дня ко мне вежливости, разные интересные в положении моем услуги ее и искренность, на которые долгое время смотрел я равнодушно, начали неприметно наполнять пустоту в моем сердце». (Жена Н. П. Резанова Анна Григорьевна Шелихова умерла в 1802 г.) «Ежедневно куртизируя гишпанскую красавицу», сорокалетний Резанов сумел вскоре пленить воображение совсем еще юной испанки и получил ее согласие на брак с ним. Первоначально это было «громовым ударом» для родителей Консепсии, «воспитанных в фанатизме» католической веры. Бедную Консепсию возили в церковь, исповедовали, убеждали к отказу, «но решимость с обеих сторон наконец всех успокоила». Свершилось невероятное: «святые отцы» уступили настойчивости пятнадцатилетней Консепсии. Состоялась ее помолвка с Резановым и подписание «кондиционного акта». Окончательное решение дела откладывалось до получения разрешения на брак от римского папы¹³⁴.

Эпилог этой романтической истории оказался печальным. Покидая гостеприимную Калифорнию, Н. П. Резанов заверил свою юную невесту, что он вернется к ней через два года. Позднее он специально поручил А. А. Баранову при удобном случае вновь подтвердить, что непременно «выполнит данное слово». Но «высшему проведению» неугодно было исполнить это

¹³⁴ В ряде деталей цитируемый здесь текст письма Н. П. Резанова Н. П. Румянцеву от 17(29) июня 1806 г., опубликованный у П. Тихменева, несколько отличается от сохранившегося архивного варианта. Следует сравнить соответственно П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 264 и ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 687, л. 15.

обещание. На пути в С.-Петербург через Сибирь Н. П. Резанов «занемог жестокой горячкой» и скоропостижно умер в Красноярске 1 (13) марта 1807 г. Прекрасная Концепсия продолжала между тем сохранять трогательную верность избраннику своего юного сердца и, отказываясь верить трагическому известию, с редким терпением ждала у берегов далекой Калифорнии возвращения своего любимого. Последние годы она провела в монастыре в Бенишия, где и умерла в 1857 г.¹³⁵

Искренняя любовь доставила прекрасной Концепсии слишком много огорчений и слишком мало радости, но она помогла Русской Америке пережить один из наиболее трудных периодов ее истории. Разнообразные продовольственные товары и прежде всего хлеб после помолвки Резанова в таком изобилии потекли в трюмы «Юноны», что пришлось просить «остановить возку», так как судно не могло принять более 4300 пудов. «Начальный опыт торговли с Калифорнией» оказался, таким образом, весьма удачным. Как отмечал Н. П. Резанов, «каждогодно» эта торговля может производиться «по малой мере на миллион рублей. Американские области наши не будут иметь недостатка; Камчатка и Охотск могут снабжаться хлебом и другими припасами; якуты, ныне возкою хлеба отягощенные, получают спокойствие; казна уменьшит издержки, на продовольствие военных чинов употребляемые; Иркутск облежится в дороговизне хлеба, ...таможни дадут новый доход короне, внутренняя в России промышленность получит чувствительное ободрение...»¹³⁶

Перед своим отъездом из Сан-Франциско Н. П. Резанов обратился также со специальным письмом к вице-королю Новой Испании Хосе Итурригария, в котором подробно обосновывал взаимные выгоды от развития торговли: «Новая Калифорния, в изобилии производящая разного рода зерно и скот, может сбывать свои

¹³⁵ Распространенное в литературе мнение, что Концепсии не было известно о точных обстоятельствах смерти Н. П. Резанова вплоть до 1842 г. (см. *America and Russia. A Century and a Half of Dramatic Encounters*. Ed. by O. Jensen. New York, 1962, p. 49), по-видимому, следует считать ошибочным, так как А. А. Баранов считал своим долгом сообщить об этом трагическом событии в 1808 г. в специальном письме к ее отцу (см. ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 10).

¹³⁶ ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 687, л. 13.

продукты лишь в наши поселения,— писал Н. П. Резанов вице-королю в Мехико,— она может быстрее всего находить помощь, получая все необходимое посредством торговли с нашими областями; лучшим средством добиться благосостояния миссий и привести страну к процветанию является обмен излишков ее продукции па товары, за которые не нужно платить наличными и ввоз которых не связан с трудностями... В той же мере близость перевозок облегчит существование наших поселений на Севере, которые ныне завозят издалека все то, в чем им отказывает суровость климата». Эти связи, по мнению Н. П. Резанова, предопределены «самой природой» и призваны «навсегда сохранить дружбу между обеими державами, владеющими столь обширными территориями»¹³⁷.

Несмотря на скоропостижную смерть Н. П. Резанова, главное правление Российско-американской компании и царское правительство в С.-Петербурге постарались сделать все возможное, чтобы закрепить торговые связи с Калифорнией, а если удастся, то и со всей Испанской Америкой. В начале 1808 г. первенствующий директор Российско-американской компании М. М. Булдаков обратился к Александру I с просьбой «исходатайствовать... согласие мадридского двора» на открытие торговли компании с испанскими владениями в Америке и разрешение «посылать каждый год не более двух своих кораблей в калифорнийские порты: Сант-Франциско, Монтерей и Сант-Диего»¹³⁸.

Основываясь на бумагах и журналах, оставленных Н. П. Резановым, М. М. Булдаков подробно излагал взаимные выгоды этой торговли. «Калифорния изобилует премножеством хлеба и, не имея никуда оному отпуска, ежегодно оставляет в гнилости более 300 000 пудов; напротив того, Американские заселения должны получать хлеб, провозимый чрез Сибирь одним сухим путем более 3000 верст, отчего самой Компании становится он около 15 руб. пуд». Отмечая далее, что Калифорния также «преизбыточествует в рогатом домашнем скоте и лошадях», М. М. Булдаков писал, что

¹³⁷ Н. П. Резанов — Х. Итурригарню, 5 (17) мая 1806 г.— ВПР, т. III, стр. 692.

¹³⁸ М. М. Булдаков — Александру I, 28 января (9 февраля) 1808 г.— ВПР, т. IV, № 65, стр. 163—164.

«Охотский и Камчатский край имеет в таковом скоте величайшую нужду, терпя весьма часто всеобщую голодовку». В то же время сама Калифорния испытывает «величайший недостаток в полотнах всяких и железе». С другой стороны, Россия «не только сего металла, но и полотно имеет в преизбытке, и может без оскудения себя снабжать оными другие страны». Ссылаясь на переговоры Н. П. Резанова с калифорнийским губернатором, М. М. Булдаков подчеркивал, что сами испанцы крайне заинтересованы в развитии торговых связей «с россиянами, яко ближайшими своими соседями в Америке». «Ежели бы двор мадридский,— говорил калифорнийский губернатор,— знал нужду здешнего края, то бы верно приступил к взаимным с Россиею торговым связям, посредством коих произошла бы общая польза, и тогда бостонцы не стали бы развращать диких природных жителей, и особливо, когда обе державы для охранения новых своих подданных велят по фрегату или военной корветте около тамошних берегов крейсировать»¹³⁹.

Представление Российско-американской компании не было оставлено без внимания: 20 апреля (2 мая) 1808 г. министр иностранных дел и коммерции Н. П. Румянцев дал русскому посланнику в Мадриде Г. А. Строганову инструкции добиваться разрешения от испанского правительства на посылку ежегодно двух (а если возможно, то и более) русских кораблей в калифорнийские порты, что могло бы быть оформлено заключением соответствующей конвенции. Со своей стороны царское правительство готово было разрешить «тамошним кораблям приходить не токмо в порты российско-американские, но в самую Камчатку, чрез что и откроются торговые сношения, обеим сторонам взаимно полезные»¹⁴⁰.

Бурные события весной 1808 г. в Испании помешали Г. А. Строганову выполнить инструкции Н. П. Румянцева, что видно из его донесения из Мадрида от 28 мая (9 июня)¹⁴¹. Не получили практического осуществления

¹³⁹ Цит. по тексту записки М. М. Булдакова Александру I от 28 января (9 февраля) 1808 г.— Там же.

¹⁴⁰ ВПР, т. IV, № 102, стр. 235—236.

¹⁴¹ Г. А. Строганов—Н. П. Румянцеву, 28 мая (9 июня) 1808 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 680, и сл. О событи-

и другие попытки завязать постоянные торговые связи между Россией и Испанской Америкой, хотя проекты на этот счет выдвигались неоднократно¹⁴².

Надежды Н. П. Резанова на то, что торговля с Калифорнией «знаменитые и исполинские шаги делать будет», остались всего лишь мечтами. Постоянные торговые связи Русской Америки с богатой и близкой Калифорнией установить не удалось. И русским поселенцам во главе с А. А. Барановым, как и прежде, приходилось довольствоваться своими скудными ресурсами, а также установить без разрешения начальства деловые контакты со своими соперниками — бостонскими корабельщиками. Выше уже подробно говорилось об опасности иностранной конкуренции на тихоокеанском севере, о снабжении бостонцами местных жителей оружием, о подрыве ими торговых интересов Российско-американской компании и т. д. Надо сказать, что историки довольно часто ограничивались рассмотрением только этой, так сказать, негативной стороны вопроса. Между тем появление в русских владениях в Америке иностранных торговцев имело и некоторые положительные результаты, связанные, в частности, с установлением и развитием прямых торговых контактов А. А. Баранова с бостонскими корабельщиками.

С начала XIX в. американские суда начинают си-

ях 1808 г. в Испании см. И. М. Майский. Наполеон и Испания.— «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957, стр. 299 и сл.; его же. Испания 1808—1917 гг. М., 1957, стр. 42—58.

¹⁴² Интересная записка об открытии торговли с Испанской Америкой (без даты, на бумаге 1805 г.) хранится в ГБЛ ОР, ф. 255, к. 15, д. 33. В записке предлагалось написать в Мадрид, чтобы получить разрешение на посылку трех русских кораблей в Гавану, Пуэрто-Рико и Буэнос-Айрес. В дальнейшем, по мнению автора записки, это могло бы привести к заключению торгового договора, по условиям которого Россия сможет посылать в Новую Испанию один или два корабля с русской продукцией. В ЦГИА (ф. 13, оп. 2, д. 1417) сохранились документы, связанные с просьбой купца Ивана Кремера разрешить ему отправить в Южную Америку под бразильским флагом два корабля и погрузить на них русские товары (см. И. Кремер — Н. П. Румянцеву, 23 мая (4 июня) 1808 г.— ВПР, т. IV, № 122, стр. 272—273). О других материалах, связанных с проектами торговых связей России с Испанской Америкой, см. также нашу публикацию: «Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость». — «Исторический архив», 1962, № 3.

стематически приходиться в Русскую Америку, в частности на о-ва Кадьяк и Уналашку, и завязывают первые деловые контакты с компанией. По свидетельству А. А. Баранова, в 1800 г. на о-в Кадьяк пришло первое судно «с Америки 15 февраля, а в конце того и в марте еще оттоле же два»¹⁴³. Весной следующего 1801 г. из Нью-Йорка прибыло торговое судно «Энтерпрайз» под командованием капитана Е. Хуббела. В нарушение прежних предписаний А. А. Баранов, испытывая крайнюю нужду в самых необходимых товарах, счел возможным завязать торговые контакты с иностранцами¹⁴⁴. Осенью 1803 г. А. А. Баранов выменял разных товаров на 10 тыс. руб. у капитана Д. Окейна (правильно — Д. О'Кейна), приехавшего на о-в Кадьяк уже вторично. (Ранее он приезжал как штурман корабля «Энтерпрайз»¹⁴⁵.) В том же году в русских колониях торговал также капитан Гибиц¹⁴⁶. Деловые контакты О'Кейна с Барановым не ограничились только торговлей. В распоряжение бостонца были предоставлены 20 байдарок с алеутами под начальством Швецова для совместного промысла вплоть до Калифорнии. Возвратившись весной 1804 г. на о-в Кадьяк, О'Кейн привез 1100 бобров¹⁴⁷. В течение этого года А. А. Баранов выменял с приходивших к Кадьяку американских судов разных товаров на 37 тыс. руб. Уже в это время американцы предложили установить с русскими колониями постоянные торговые связи, а А. А. Баранов дал им список товаров, в которых русские колонии испытывали нужду¹⁴⁸.

Среди американских судов из Бостона, побывавших в Ново-Архангельске в 1805 г., Н. П. Резанов упоминает два трехмачтовых корабля: «Мария» (капитан Трес-

¹⁴³ А. А. Баранов — Е. Г. Ларионову, 24 июля (5 августа) 1800 г. — П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 145.

¹⁴⁴ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 63—64; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 86.

¹⁴⁵ Полезный, хотя и неполный список судов, побывавших у северо-западных берегов Америки, приводится в монографии А. Огден (см. A. O g d e n. Op. cit., Appendix, p. 155—182).

¹⁴⁶ АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 20. Здесь, как и в других местах, где установить точное английское написание собственных имен не удалось, мы сохраняем транскрипцию русского оригинала, хотя она и не соответствует современным правилам.

¹⁴⁷ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 75—77.

¹⁴⁸ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 93.

кет) и «Юнона» (капитан Вулф). В связи с приездом бостонцев Н. П. Резанов и А. А. Баранов смогли не только купить крайне необходимые в то время продовольственные товары, но и приобрели у капитана Вулфа его корабль за 68 тыс. испанских пиастров (часть суммы была оплачена мехами, остальное — векселями на главное правление в С.-Петербурге). Обе стороны остались очень довольны условиями этой сделки. Пять американских матросов поступили на службу компании, а сам Вулф отправился через Охотск в С.-Петербург с тем, чтобы представить свои векселя к оплате главному правлению Российско-американской компании. Чистый доход, полученный Вулфом, составлял 100 тыс. долл.¹⁴⁹

В мае 1806 г. в Русскую Америку пришло судно американца Д. Виншипа, с которым А. А. Баранов заключил соглашение о совместном производстве пушного промысла у берегов Нового Альбиона. Американский корабль должен был прикрывать промысловую партию из 50 байдарок под начальством Слободчикова и двух его помощников. После окончания промысла Слободчиков, не поладив с Виншипом, купил у берегов Калифорнии небольшое американское судно и с грузом мехов на 100 тыс. руб. вернулся после трудного путешествия через Гавайские острова в русские владения в августе 1807 г. Вслед за ним в сентябре 1807 г. возвратился и сам Виншип. Общий промысел составил 4820 бобров всех сортов, которые были разделены поровну¹⁵⁰.

Важное соглашение А. А. Баранов заключил на о-ве Ситхе 6(18) сентября 1806 г. со своим старым знакомым капитаном О'Кейном (корабль «Эклипс»). Речь шла об открытии торговли с Японией (в Нагасаки), в Кантоне и Батавии. Среди пушных товаров, отправленных с О'Кейном, было 1800 морских бобров, 105 тыс. котиков, 2500 речных бобров и другие товары общей стоимостью

¹⁴⁹ См. П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 144—145; ч. II, приложения, стр. 203—204. Впоследствии об этом путешествии в Соединенных Штатах была издана специальная книга. См. J. D. Wolf (captain). A Voyage to the North Pacific and a Journey through Siberia More Than Half a Century Ago. Cambridge. 1861. Оценку книги Вулфа см. А. М. Вабеев. *Op. cit.*, p. 139.

¹⁵⁰ См. К. Хлебников. Указ. соч., стр. 107—108; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 167—169.

на 310 тыс. руб. Бостонцу было также дано письмо А. А. Баранова к губернатору Нагасаки с предложением установить торговые связи с компанией. Это соглашение не принесло, однако, компании ожидаемых выгод. В Кантоне О'Кейн, устранив русского комиссионера от участия в торговле, продал меха с большим убытком, завязать же торговые связи с Японией ему не удалось. В довершение всего на обратном пути от Камчатки в Русскую Америку его судно потерпело кораблекрушение¹⁵¹.

В целом к началу 1808 г., по данным компании, «в иностранные руки» было продано пушных товаров на 459 102 руб., в том числе 2492 бобра на 153 640 руб. и 112 647 котов морских на 226 669 руб.¹⁵². Приводимые цифры, хотя и представляются сильно заниженными, в общем показывают, что первоначально объем торговли с иностранцами в Русской Америке был невелик. Тем не менее, установление прямых торговых контактов с иностранцами (в первую очередь это были граждане Соединенных Штатов и в отдельных случаях — англичане), а также первые опыты совместного промысла бобров с бостонскими корабельщиками оказались выгодными для обеих сторон.

Показательно, в частности, что бостонцы стали все чаще обращаться к А. А. Баранову и особенно настойчиво добивались производства совместного промысла бобров. Некоторые из них (О'Кейн, Виншип и др.) приходили в Русскую Америку неоднократно. В 1807 г. на о-в Кадьяк из Кантона прибыло американское судно «Дерби» (шкипер Свифт). Продавая китайские товары, Б. Свифт поставил непременным условием согласие А. А. Баранова на ведение совместного промысла по примеру Виншипа. В конце концов ему было предоставлено с этой целью «25 байдарок с 50 туземцами под начальством двух промышленных». А. А. Баранов со-

¹⁵¹ А. А. Баранов — И. А. Кускову, 24 марта (5 апреля) 1808 г. — ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 6, л. 97об. и далее; К. Хлебников в. Указ. соч., стр. 108—114; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 169—171, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. 3. СПб., 1861, стр. 14—15.

¹⁵² «Смета пушным товарам, проданным в Америке в иностранные руки со времени водворения там русских селений по 1 января 1808 г.» — АВПР, ф. РАК, д. 183, л. 1.

трудничал также с американским капитаном О. Кимбеллом (судно «Пикок»), который в награду за услугу получил для промысла 12 байдарок с алеутами под начальством В. П. Тараканова. Опыт и знания последнего во многом способствовали успешному промыслу: в августе 1807 г. Кимбелл вернулся на о-в Ситху с 1231 бобром¹⁵³. В мае 1808 г. соглашение о совместном промысле бобров было заключено с командиром корабля «Меркурий» капитаном Эйрсом, который получил 25 байдарок с алеутами под начальством Швецова. В условиях контракта оговаривалось (п. 5-й), что в случае гибели кого-либо из алеутов Эйрс обязан заплатить 250 долл. в пользу семьи погибшего¹⁵⁴.

В общем остался доволен своими сделками с американцами и А. А. Баранов, неоднократно подробно упоминавший о них в переписке с И. А. Кусковым в 1806—1808 гг.¹⁵⁵ Хотя выгоды при совместном промысле «разделялись с иностранцами», его преимущество состояло в том, что он производился в основном вне русских колоний, где число бобров в то время в результате их хищнического истребления уже значительно уменьшилось, и распространялся на более южные районы тихоокеанского побережья Америки вплоть до Калифорнии.

Завязывая деловые контакты с бостонцами, А. А. Баранов и Н. П. Резанов рассчитывали найти прежде всего более или менее постоянный источник снабжения колоний продовольствием. В этой связи Н. П. Резанов предлагал организовать главную «складку товаров» в Ново-Архангельске, «куда бостонцы охотно для покупки их явятся». В обмен на товары их собственного производства: муку, крупу, масло, сало, уксус и т. д. американцы, по мнению Н. П. Резанова, смогли бы, не подвергаясь никакой опасности от индейцев, получить от русских необходимую им пушнину. «Бостонский капитан Свифт,— писал Н. П. Резанов,— обещал уже

¹⁵³ А. А. Баранов — И. А. Кускову, 18 (30) июня 1807 г.— ГБП ОР, ф. 204, к. 32, д. 6, л. 86; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 171; A. Ogden. Op. cit., p. 50.

¹⁵⁴ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 121; A. Ogden. Op. cit., p. 52—53. Текст контракта А. А. Баранова с Д. Эйрсом от 19 (31) мая 1808 г. см. ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 11.

¹⁵⁵ См. ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 6.

сделать первый опыт торговли сей, и сей же весной г-н Баранов ожидает от него судна»¹⁵⁶.

Таким образом, общая политика в отношении бостонцев на Северо-Западе Америки формировалась в эти годы под влиянием двух основных факторов.

С одной стороны, коммерческая деятельность бостонских корабельщиков в русских владениях наносила компании серьезный ущерб. «Североамериканские республиканцы» продавали местным жителям «всякого рода огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец», показывали «употребление сих последних» и подстрекали их к выступлениям против русских¹⁵⁷. Привозя пушные товары непосредственно в Китай (через Кантон), американцы и англичане серьезно подрывали интересы Российско-американской компании и крайне затрудняли ее торговлю в Кяхте.

С другой стороны, деловые контакты с бостонскими корабельщиками, покупка А. А. Барановым необходимых товаров (прежде всего продовольствия, а также судов) и организация совместного промысла позволяли русским колониям не только самостоятельно удовлетворять значительную часть своих потребностей в разного рода припасах, но и получать в дальнейшем в результате этих «расторжек» известный доход.

Первоначально Российско-американская компания попыталась договориться с бостонскими корабельщиками, так сказать, неофициальным путем. По поводу представлений А. А. Баранова «в 1804 г. поставленный при американской компании по высочайшему е.и.в. соизволению комитет» принял решение «отписать» главному правителю, «чтобы он старался ласковыми способами удерживать бостонцев, если возможно, от продажи оружия», и между тем попытаться в С.-Петербурге договориться по этому вопросу с Соединенными Штатами.

¹⁵⁶ Н. П. Резанов — директорам Российско-американской компании, 15 (27) февраля 1806 г.— П. Тихменев. Указ. соч., ч. II, приложения, стр. 235.

¹⁵⁷ Здесь и ниже цитируются упоминавшаяся выше «Записка о торговле североамериканцев в русских колониях в Америке» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, л. 31 и сл.), а также инструкции Российско-американской компании А. Я. Дашкову от 20 августа (1 сентября) 1808 г. (АВПР, ф. Гл. арх.: II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, л. 18 и сл.).

«Ласковые способы» и неоднократные «внушения» А. А. Баранова помогали мало. Бостонцы, «как люди вольные», на «внушения» А. А. Баранова отвечали смехом или разъясняли, «что они купцы и вольны искать своих выгод. Запрещения же, чтоб им не торговать с дикими... они не слышали ни от нашего, ни от своего правительства».

В этой связи главному правлению Российско-американской компании не оставалось другого выхода, как просить о прямой поддержке своих высоких покровителей в С.-Петербурге. 21 апреля (3 мая) 1808 г. М. М. Булдаков и В. В. Крамер обратились к Н. П. Румянцеву с упоминавшейся выше запиской «О подрыве, делаемом компании бостонцами». Главное правление компании просило «со стороны вышней власти милостивое пособие, чтоб иностранцам, а наипаче североамериканским республиканцам, запрещено было, как то водится и в протчих европейских колониях в обеих Индиях, иметь торг с дикими, а с одной токмо компаниею, и не инде где, как на Кадьяке, яко главной тамошней российской фактории». Правление предлагало для этого «с взаимного согласия... постановить с желающими республиканцами основательные и обеим сторонам выгодные акты»¹⁵⁸.

Познакомившись с запиской М. М. Булдакова и В. В. Крамера, министр коммерции Н. П. Румянцев, ставший в то время уже и министром иностранных дел, нашел «домогательства» компании справедливыми и счел возможным их полностью поддержать «По представлению Американской компании на бостонцев» министр сделал Александру I в мае 1808 г. доклад¹⁵⁹, в котором выделил два основных момента.

1. «Северо-Американских Штатов граждане, торгуя мимо компании», выменивают «у диких значительное число морских бобров» и затем продают их в Кантоне «за выгоднейшую цену, нежели за каковую компания могла бы сбывать на Кяхте те же товары».

2. «Разъезжая по местам, компаниею занятым», бостонцы внушают местным жителям предосудительные

¹⁵⁸ ВПР, т. IV, № 104, стр. 241—243.

¹⁵⁹ ВПР, т. IV, № 106, стр. 246—247 (число рукой Н. П. Румянцева проставлено неразборчиво).— ЦГИА, ф. 13, д. 382, л. 5.

для компании мнения, «располагая их не уважать русских, и к утверждению такого разврата променяют им всякие огнестрельные орудия».

Поддерживая просьбу Российско-американской компании «об оказании ей со стороны правительства пособия», Н. П. Румянцев испрашивал «высочайшую волю» — разрешение «обратиться к пребывающему здесь консулу Соединенных Штатов и внушить ему о принятии надлежащих мер, дабы тамошнее правительство, воспретив североамериканским республиканцам торговать с дикими, утвердило бы торговые сношения с одною компаниею и не инде, как на Кадьяке, яко главной тамошней российской фактории, на каковой предмет компания по взаимному согласию не преминет постановить с ними основательные и обеим сторонам выгодные акты, по примеру, как то существует и в прочих европейских колониях в обеих Индиях»¹⁶⁰.

«Высочайшая воля» была дана, и на полях своего доклада Н. П. Румянцев записал: «Переговорить о возможности такового постановления с консулом Соединенных Американских Штатов». 17 (29) мая 1808 г. этот вопрос впервые был официально поставлен перед США в специальной ноте Н. П. Румянцева американскому генеральному консулу в С.-Петербурге Л. Гаррису¹⁶¹. В ноте обращалось внимание, что граждане Соединенных Штатов занимаются в русских владениях в Америке нелегальной торговлей с местными жителями и предлагалось заключить специальную конвенцию, где было бы обусловлено, что торговля американских граждан может производиться только на Кадьяке и лишь с представителем Российско-американской компании. В ответном письме к Н. П. Румянцеву от 19 (31) мая 1808 г. Л. Гаррис выражал «искреннее удовлетворение» по поводу предложения о заключении соглашения, которое положит конец «нарушениям правил» (irrégularités) и обеспечит торговлю обеих стран в этих районах. Он обещал при первой же представившейся ему возможности довести до сведения своего правительства «содержание этой интересной ноты, которой оно уделит все

¹⁶⁰ ВПР, т. IV, № 106, стр. 246—247.

¹⁶¹ Н. П. Румянцев — Л. Гаррису, 17 (29) мая 1808 г. — ВПР, т. IV, № 117, стр. 267—268.

внимание, какого она заслуживает»¹⁶². Как видно из направленного Л. Гаррисом государственному секретарю США Д. Мэдисону 1 (13) июня 1808 г. отчета, в дополнение к официальному сообщению Н. П. Румянцев «присовокупил» частное пожелание императора, чтобы возникшие затруднения были устранены путем заключения предложенного им соглашения¹⁶³. Используя свои личные связи в главном правлении, Л. Гаррис одновременно переслал в Вашингтон подробные сведения о Российско-американской компании, а также перевод записки с изложением ее жалоб на нелегальную деятельность граждан США.

Итак, вопрос о торговле с «североамериканскими республиканцами» в русских владениях в Америке был поставлен весной 1808 г. на государственном уровне. Для его решения правительству США было предложено заключить специальную конвенцию. Это соглашение призвано было, с одной стороны, оградить русские владения от подрывной деятельности опасных конкурентов, запретив снабжение туземцев оружием, а с другой стороны, обеспечить развитие регулярных торговых связей между Русской Америкой и бостонскими корабельщиками. Деятельность Российско-американской компании становилась все более существенным фактором в определении общей политики России в отношении Соединенных Штатов и, в частности, прямо подводила царское правительство к необходимости установить прямые контакты с Вашингтоном.

¹⁶² Л. Гаррис — Н. П. Румянцеву, 19 (31) мая 1808 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3335, лл. 5—6.

¹⁶³ Л. Гаррис — Д. Мэдисону, 1 (13) июня 1808 г. — NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I.

Часть третья

**РУССКО-
АМЕРИКАНСКОЕ
СБЛИЖЕНИЕ ·
(1808—1812 гг.)**

Установление дипломатических отношений между Россией и Америкой в 1808—1809 гг. и последующее сближение между обеими странами явилось следствием целого ряда международных и внутренних причин. Еще со времени войны США за независимость и провозглашения Россией знаменитой декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. общие интересы обеих стран в защите прав нейтрального судоходства стали прочной основой русско-американского сближения. Не случайно поэтому Т. Джефферсон в известном письме Александру I от 19 апреля 1806 г. подчеркивал совпадение интересов Соединенных Штатов со странами Северной Европы во главе с Россией в установлении мира и в развитии морской торговли нейтральных стран. Президент США выражал надежду, что русский император возьмет под свою защиту эти интересы и внесет в будущий акт мирного урегулирования точное определение прав нейтральных держав в открытом море¹.

Существенную роль в русско-американском сближении играли и взаимовыгодные торговые контакты. Хотя общий объем торговли России с Соединенными Штатами первоначально был невелик, постепенно связи с американским рынком начали приобретать определенное практическое значение. Напомним, что уже в первые годы XIX в. русский экспорт в США по стоимости превы-

¹ «Русская мысль», 1910, № 10, стр. 89—90; SEER, Vol. XXXII, N 78, p. 222—223.

сил 1,5 млн. долл. и ежегодно в русские порты приходило по 70—80 и более американских судов².

Стремясь уменьшить зависимость экономики России от Великобритании, царское правительство и прежде всего министр коммерции Н. П. Румянцев старались всемерно расширить сферу русской торговли и, в частности, содействовали развитию «непосредственного торгога» с Соединенными Штатами. «По политическому положению держав европейских и по ослаблению торгога в Голландии, Гишпании и самой Франции,— указывал Н. П. Румянцев в докладе о деятельности министерства коммерции за 1805 г.,— нельзя было не заметить, что одна Англия оставалась на изобильном нашем торговом поприще и в таковом положении могла соделаться властительницею покупных цен на наши продукты. В намерении предупредить таковую невыгоду, обратил я внимание на Американские Соединенные Штаты с тем, чтобы ввести американцев в соперничество с англичанами и по изобилию статей их, для нас нужных, стараться связать торг наш с американским непосредственно»³.

В определении политики России по отношению к Соединенным Штатам уже с начала XIX в. значительную роль стали играть также интересы Российско-американской компании. С одной стороны, нелегальная торговля бостонцев в русских владениях в Америке, начавшаяся еще в конце XVIII в., наносила, как уже отмечалось, серьезный ущерб компании, а с другой,— между русскими колонистами и бостонскими корабельщиками постепенно завязались взаимовыгодные деловые контакты. В обоих случаях установление прямых дипломатических связей с Соединенными Штатами могло открыть дополнительные возможности для урегулирования отношений компании с американскими гражданами.

Сближению с Соединенными Штатами во многом способствовали культурные и общественно-политические связи. В частности, особое значение для подготовки прямых дипломатических отношений между Россией и

² О роли России в балтийской торговле США см. новейшее исследование Раша, основанное на изучении датских архивов (A. R a s c h. American Trade in the Baltic 1783—1807.— «Scandinavian Economic History Review», 1965, Vol XIII, N 1).

³ ВПР, т. III, № 180, стр. 459.

США сыграла рассматривавшаяся выше личная переписка между Т. Джефферсоном и императором Александром I. Установление контакта, так сказать, на высшем уровне, взаимный обмен дружественными письмами подготовили и облегчили официальную процедуру, связанную с обменом дипломатическими миссиями.

Наконец, важнейшие причины, определившие необходимость русско-американского сближения, лежали в международном положении того времени, о котором в этой связи нельзя не сказать несколько подробнее. Это было время, когда казалось, что для полководческого гения Наполеона уже нет никаких преград. Всего несколько недель потребовалось Наполеону для полного разгрома Пруссии. Приверженность прусской армии к палочной дисциплине, муштре и педантизму привела страну к беспрецедентному позору Йены и Ауэрштедта. Оба сражения произошли в один и тот же день — 14 октября 1806 г. и закончились катастрофическим разгромом прусских войск, а уже 27 октября Наполеон вступил в Берлин. Фридрих-Вильгельм III, который, по выражению Ф. Энгельса, «знал всего лишь два чувства: страх и капральскую заносчивость»⁴, трусливо бежал в Кенигсберг, а затем в Мемель.

21 ноября 1806 г. в Потсдамском дворце был подписан знаменитый Берлинский декрет о континентальной блокаде, запрещающий всем зависимым от Франции странам всякую торговлю с Англией и ее колониями⁵. Отныне неукоснительное соблюдение жестких правил континентальной блокады стало в центре всей военно-дипломатической деятельности французского правительства — наступил новый, решающий этап в борьбе Наполеона I за господство в Европе. Единственным серьезным противником Франции на континенте оставалась Россия, в трудных условиях продолжавшая в конце 1806 — начале 1807 г. военные действия против наполеоновских войск.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 567—568.

⁵ Clercq. Recueil des traités de la France, t. 2. Paris, 1880, p. 194—196. Несколько позже, 17 декабря 1807 г., в Милане был издан еще более строгий декрет, по которому судно под любым флагом, посетившее английский порт или подчинившееся любому требованию британских кораблей, объявлялось неприятельской собственностью и в случае захода во французские порты подвергалось конфискации (ibid., p. 242—244).

В кровопролитном сражении под Прейсиш-Эйлау 27 января (8 февраля) 1807 г. Наполеону впервые не удалось одержать победу. Как ни велики были внешний блеск и могущество наполеоновской Франции, страна не была еще подготовлена к ведению затяжной войны на бескрайних просторах русской земли. Наполеон склонялся к заключению мира и даже союза с Россией⁶.

Различные варианты окончания бесперспективной войны выдвигались и в правящих кругах России. Сторонникам продолжения войны до победного конца во главе с министром иностранных дел А. Я. Будбергом, пользовавшимся поддержкой императора Александра I, противостояла многочисленная и влиятельная «партия мира», в которую входили великий князь Константин, А. А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцов, А. Б. Куракин и др. Поражение русских войск под командованием Л. Беннигсена у Фридланда 2 (14) июня 1807 г. решило исход кампании в пользу Наполеона и ускорило заключение мира. В ходе переговоров в Тильзите Наполеон согласился сохранить Пруссию и оставить без изменения русские границы при условии присоединения России к союзу против Англии и участия в континентальной блокаде. 25 июня (7 июля) 1807 г. Ш. Талейран, А. Б. Куракин и Д. И. Лобанов-Ростовский подписали договор о мире и дружбе, а также договор об оборонительном и наступательном союзе между Россией и Францией⁷. В случае отказа Англии к 1 декабря 1807 г. заключить мир, «признав, что флаги всех держав должны пользоваться на морях одинаковою полною независимостью, и возвратить завоевания, сделанные за счет Франции и ее союзников с 1805 г.», Россия брала на себя обязательство «действовать заодно с Францией», т. е. объявить войну и присоединиться к континентальной блокаде. 30 августа (11 сентября) 1807 г. А. Я. Будберг «по случаю болезни» ушел в отставку⁸, а управляющим министерством иностранных дел стал Н. П. Румянцев, официально утвержденный в должности министра в феврале 1808 г.

Международные отношения в наполеоновскую эпоху

⁶ Наполеон — Талейрану, 14 марта 1807 г. — *Correspondance de Napoléon Ier*, t. I—XXXII. Paris, 1858—1870, t. XIV, p. 440.

⁷ См. ВПР, т. III, № 257, 258, стр. 631—646.

⁸ Н. К. Шильдер. Император Александр..., изд. 2-е, т. II. СПб., 1904, стр. 299.

в целом, история Тильзита и континентальной блокады давно уже получили детальное освещение как в русской, так и зарубежной литературе. Хорошо известны труды крупных французских буржуазных историков А. Сореля и А. Вандаля, а также блестящее исследование Е. В. Тарле о континентальной блокаде, впервые опубликованное в 1913 г.⁹ Самым тщательным образом были изучены также различные аспекты внешней политики Соединенных Штатов в рассматриваемое время и прежде всего их отношения с Великобританией и Францией. И как обычно, из поля зрения исследователей выпали русско-американские отношения. Между тем сближение России с Соединенными Штатами после Тильзита представляло собой своеобразное и значительное явление в международных отношениях того времени, несомненно заслуживавшее специального внимания.

Неумолимая логика международных событий делала это сближение необходимым и даже неизбежным. 26 октября (7 ноября) 1807 г. была опубликована декларация о разрыве с Англией, а два дня спустя на все английские суда и товары было наложено эмбарго¹⁰. Роль Великобритании во внешней торговле России достаточно хорошо известна. В 1802—1806 гг. Россия в среднем ежегодно вывозила в Англию 73% всей экспортной пеньки, 91% льна, 77 сала, 71 железа, 80 щетины, 42 пшеницы, 43% фламского полотна¹¹. Лишившись британского рынка и испытывая нужду в колониальных товарах и английских промышленных изделиях, русские помещики и купцы искали выход в поощрении нейтральной и, в частности, американской торговли. Перспективы русско-американских торговых связей представлялись поэтому весьма благоприятными. Именно через Соединенные Штаты и на американских судах можно было получить не только хлопок, табак, колониальные товары, но и в некоторых случаях —

⁹ А. Сорель. Европа и французская революция. Пер. с франц. Н. И. Кареева, т. 1—8. СПб., 1892—1908, т. 7. Континентальная блокада—Великая империя. 1806—1812. СПб., 1908; А. Вандаль. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи, т. I—III. СПб., 1910—1913; Е. В. Тарле. Сочинения, т. III.

¹⁰ ВПР, т. IV, № 37, стр. 98—101; ПСЗРИ, т. XXIX, стр. 1316.

¹¹ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России.—«Изв. АН СССР. Отд. общ. наук», 1931, № 8, стр. 894.

изделия английской промышленности, ввоз которых прямо из Англии теперь строго запрещался.

В Соединенных Штатах царское правительство не без оснований видело своего рода соперника Великобритании и в то же время ее замену (пусть и очень неравноценную) в торговом отношении. Следует учитывать также, что соглашения в Тильзите, понятно, не ликвидировали франко-русских противоречий и не прекратили борьбы царского правительства против Наполеона. Эти соглашения, по сути дела, означали лишь признание царским правительством невозможности сокрушить Францию вооруженным путем и стремление найти другие пути для противодействия наполеоновской экспансии и вместе с тем осуществить свои собственные захватнические планы. Новый союзник России с его колоссальной военной мощью представлялся очень опасным. Рассчитывать же на традиционных партнеров — Австрию и Пруссию — теперь не приходилось. Естественно поэтому, что в этих условиях сближение с США (при всей их относительной слабости в то время) могло представлять для царского правительства известное значение.

В еще большей степени в сближении с Россией оказывались заинтересованными в то время сами Соединенные Штаты. Их отношения как с Англией, так и с Францией были обострены до крайней степени и казались близкими к полному разрыву. В 1803—1812 гг. англичане захватили 917, а французы — 858 американских судов¹². Упорно настаивая на своем «праве» насильственно снимать английских дезертиров с американских судов, британский флот захватил перед войной 1812 г. около 9 тыс. американских матросов, большинство которых составляли уроженцы США¹³. Эта разбойничья практика, представлявшая, по выражению К. Маркса, «чудовищное нарушение всякого международного права»¹⁴, поставила в 1807 г. обе страны на грань войны. 22 июня 1807 г. британский военный корабль «Леопард» обстрелял военное судно Соединенных Штатов «Чесапик». Американский корабль капитулировал, и после обыска англичане за-

¹² ASP. Commerce and Navigation, Vol. II, p. 635; Очерки новой и новейшей истории США, т. I. М., 1960, стр. 139.

¹³ J. F. Zimmerman. Impressment of American Seamen. New York, 1925.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 454.

хватали четырех моряков, один из которых был признан дезертиром и сразу же повешен по приговору военного суда¹⁵.

После провозглашения Наполеоном I континентальной блокады в качестве ответной меры в Англии были приняты так называемые «указы в совете» (*Orders in Council*), — распоряжения королевского совета от 7 января, 11 и 25 ноября, 18 декабря 1807 г. и 30 марта 1808 г.¹⁶ Если первый «указ» лорда Гоуика от 7 января 1807 г. был более или менее умеренным (американские купцы все еще могли посылать свои суда во Францию, но им запрещалось продолжать рейсы в поисках нового рынка сбыта из одного европейского порта в другой), то после одобрения в королевском совете знаменитого «указа» С. Персиваля от 11 ноября захвату подлежали все американские корабли с любым грузом, направлявшиеся в какой-либо из европейских портов, куда запрещался доступ английским купцам. Торговля США с противниками Великобритании должна была вестись только через английские порты и только с разрешения английских властей. «Обнародовав свои указы в Совете, — отмечал К. Маркс, — Англия прямо признала, что она этим нарушает права нейтральных держав вообще и Соединенных Штатов в частности»¹⁷.

Оправдывая свои незаконные действия, правительство Великобритании ссылалось на Берлинский декрет Наполеона I. В антифранцузской направленности постановлений британского кабинета сомневаться, конечно, не приходится. В то же время, как показано в одном из новейших французских исследований, континентальная блокада не была единственным и решающим фактором появления ноябрьских «указов в совете». Эти указы, по мнению автора, явились прежде всего результатом традиционной английской торговой политики, серьезных затруднений британской экономики и были вызваны острым торговым соперничеством с США¹⁸.

¹⁵ H. Adams. *Op. cit.*, Vol. IV, p. 1—26.

¹⁶ См. соответственно G. Martens. *Nouveau Recueil*, t. I, p. 31—33, 444—452; t. III, p. 8. Об истории провозглашения «указов в совете» см. H. Adams. *Op. cit.*, Vol. IV, p. 79—104.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 15, стр. 454.

¹⁸ F. Crouzet. *Groupes de pression et politique de blocus: remarques sur les origines des Ordres en Conseil de novembre*

Известие об указе британского королевского совета от 11 ноября 1807 г. пришло в Вашингтон 17 декабря. В тот же день президент Т. Джефферсон созвал экстренное заседание кабинета, на котором единодушно было принято решение о введении общего эмбарго¹⁹. Некоторые сомнения возникли, по-видимому, лишь у А. Галлатина, который не без оснований предвидел тяжелые последствия введения постоянного эмбарго для самих США. «Я предпочитаю постоянному эмбарго войну», — писал на следующий день утром министр финансов президенту и высказывался за введение эмбарго лишь на ограниченный срок²⁰. Немедленно было созвано новое заседание кабинета. Решение, однако, осталось прежним. В тот же день, 18 декабря 1807 г., вице-президент зачитал на закрытом заседании сената послание, составленное Д. Мэдисоном, и после краткого обсуждения вопроса 22 голосами против 6 предложение правительства о введении общего эмбарго было одобрено. Через три дня, 21 декабря, это решение получило одобрение палаты представителей (82 за и 44 против²¹). На следующий день, 22 декабря 1807 г., акт о введении эмбарго был подписан президентом и получил силу закона. Администрация и конгресс, как мы видим, проявили совершенно исключительную оперативность²².

Сложное международное положение Соединенных Штатов, обострение противоречий с Францией и угроза открытого конфликта с Великобританией заставляли американское правительство искать поддержки России. Несомненный интерес в этом отношении представляет сохранившаяся в АВПР запись беседы генерального консула США в С.-Петербурге Л. Гарриса с управляющим министерством иностранных дел А. А. Чарторыйским

1807.— «Revue Historique», t. CCXXVIII, Juillet — Septembre 1962, p. 72. Критический обзор работ Крузе дал В. Г. Сироткин («Новая и новейшая история», 1964, № 3; «Вопросы истории», 1963, № 3).

¹⁹ H. Adams. Op. cit., Vol. IV, p. 167, 170.

²⁰ А. Галлатин — Т. Джефферсону, 18 декабря 1807 г. — A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 368.

²¹ J. Richardson (ed.). Messages, Vol. I, p. 433; Annals of Congress, 10th Congress, 1st Session, p. 50—51, 1216—1228.

²² Характерно, в частности, что во время принятия решения в Вашингтоне еще не получили официального текста «указа в совете» от 11 ноября 1807 г. и в президентском послании от 18 декабря упоминание о нем отсутствовало.

14 (26) марта 1806 г. Из ее содержания видно, что Л. Гаррис подробно и доверительно информировал русское правительство о важнейших внешнеполитических затруднениях Соединенных Штатов и их противоречиях с Англией, Францией и Испанией.

Американский консул рассказал, в частности, о военных приготовлениях, проводимых в то время в Соединенных Штатах, оснащении 40 фрегатов и соответствующего числа легких судов. «Г-н Гаррис сообщил далее, что конгресс занимается также вопросом об увеличении численности сухопутной армии, которая будет доведена до 100 тысяч человек». В зависимости от обстоятельств эти вооруженные силы, по его словам, предназначены для действий против Испании, Франции или Англии. Наиболее серьезными, по свидетельству Л. Гарриса, являются претензии к Англии. «Конгресс решил не допускать принудительной вербовки американских матросов... Одновременно правительство Соединенных Штатов предписало сделать новые представления лондонскому двору и потребовать возвращения 2000 матросов, уже захваченных англичанами».

Касаясь этого вопроса, американский консул высказал пожелание, чтобы Россия предложила «свои добрые услуги в Лондоне с целью побудить британское министерство вернуться к принципам справедливости». Просьба о «добрых услугах» России была выдвинута в осторожной и неофициальной форме. Л. Гаррис отметил, «что эта мысль принадлежит ему и что он не был уполномочен своим правительством просить о вмешательстве императорского двора в данных обстоятельствах». Не приходится сомневаться, что вмешательство России, учитывая состояние англо-русских отношений в то время, могло принести Соединенным Штатам очевидную пользу. Вместе с тем, отсутствие официальных дипломатических отношений между двумя странами создавало формальное препятствие для оказания добрых услуг. Именно на это обстоятельство сослался князь Чарторыйский, ответив, «что как бы сильно ни желал е. и. в. устранить всякие поводы для недоразумений между Соединенными Штатами и Великобританией, ему, вероятно, было бы трудно официально выступить в этом деле в связи с полным отсутствием предлогов для этого, поскольку отношения между Россией и Соединенными Штатами до

сих пор даже не закреплены назначением соответствующих посланников»²³.

Хотя Л. Гаррис отмечал, что он не имеет специальных полномочий просить о вмешательстве России, сам факт его обращения к России весьма показателен для понимания характера русско-американских отношений и общей тенденции их развития.

В литературе часто цитируют известное письмо Томаса Джефферсона редактору филадельфийской «Авроры» У. Дуану от 20 июля 1807 г., в котором президент США писал о России как о наиболее дружественной к США державе, о совпадении русско-американских интересов в отношении прав нейтрального мореплавания и т. д.²⁴ В известном смысле оценка Т. Джефферсона, может быть, и грешит некоторым преувеличением, но в главном она, несомненно, правильно отражала создавшееся положение: Россия в то время по сути дела оставалась единственной великой державой, которая была объективно благожелательно расположена к Соединенным Штатам, и именно ее поддержка в сложившихся условиях могла оказаться для них довольно существенной. Вполне понятным отсюда становится и стремление правительства США к установлению прямых дипломатических отношений с С.-Петербургом. «При настоящем запутанном и критическом положении мира», писал государственный секретарь Д. Мэдисон посланнику США во Франции Д. Армстронгу, в Вашингтоне «сочли важным содействовать дружбе с таким влиятельным государем, каким может стать русский император», тем более, что он неоднократно давал понять, «что справедливые интересы Соединенных Штатов ему не безразличны»²⁵.

²³ ВПР, т. III, № 31, стр. 93—95.

²⁴ F. R. Dulles. The Road to Teheran. Princeton, 1944, p. 17.

²⁵ Д. Мэдисон — Д. Армстронгу, 9 сентября 1808 г. — NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 17 (в оригинале ошибочно указан 1809 г.).

**Установление
дипломатических отношений
между Россией и США
(1808—1809 гг.)**

Изучение материалов центральных советских архивов в Москве и Ленинграде, а также Национального архива США, позволяет документально проследить точную фактическую сторону установления дипломатических отношений между Россией и США¹.

Первоначально вопрос об обмене дипломатическими лицами в общих чертах был согласован в Лондоне уже осенью 1807 г. по инициативе американской стороны. В беседе с М. М. Алопеусом² в августе 1807 г. американский посланник в Англии Д. Монро отметил существенное расширение торговых связей между Россией и Соединенными Штатами и благоприятные перспективы для их дальнейшего развития. «Вслед за этим он выразил пожелание, чтобы эти две державы приняли решение о взаимном назначении лиц, имеющих официальный характер, и об установлении таким образом взаимовыгодной дипломатической связи». Сообщая об этом предложении в С.-Петербург, М. М. Алопеус высказывал мнение, что в настоящий момент, когда французский кабинет пытается сократить пределы политического влияния России в Европе, было бы целесообразно расширить его в сторону Америки³.

¹ Ряд документов из АВПр был опубликован нами в 1959 г. (см. «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 151—162).

² М. М. Алопеус находился в Лондоне с февраля 1807 г. с особым поручением и фактически выполнял роль русского посланника.

³ М. М. Алопеус — А. Я. Будбергу, 9 (21) августа 1807 г. — «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 155.

Вслед за этой «предварительной разведкой» Д. Монро официально сообщил М. М. Алопеусу о предложении президента Т. Джефферсона установить прямые дипломатические отношения между обеими странами. «Посланник Соединенных Штатов Америки г-н Монро, — доносил М. М. Алопеус из Лондона, — выполняя указание своих руководителей, попросил меня о встрече, которая состоялась без малейшего промедления. Президент Штатов поручил ему передать через мое посредство заверения в глубоком уважении к императору и желание, чтобы е. и. в. благожелательно отнесся к установлению прямых и непосредственных отношений между Россией и Соединенными Штатами, назначив посланника, который представлял бы его при Соединенных Штатах. Он добавил, что как только станет известно о благожелательном отношении е. и. в. к этому, президент незамедлительно приступит к назначению американского посланника при российском дворе»⁴.

Донесения М. М. Алопеуса, как видно из помет на подлинниках, были получены в С.-Петербурге соответственно 3(15) сентября и 5(17) октября 1807 г.⁵, а уже на следующий день, 6(18) октября, новый управляющий МИД Н. П. Румянцев сообщил о принципиальном согласии русского правительства на взаимный обмен дипломатическими представителями. Н. П. Румянцев отмечал, что Александр I уже давно мысленно избрал кандидата на пост своего дипломатического представителя в Америке, и одновременно выражал пожелание, чтобы с американской стороны в С.-Петербург был назначен Л. Гаррис. «Я не намерен скрывать от Вас, милостивый государь, — продолжал Н. П. Румянцев, — что г-н Леветт Гаррис, занимающий уже несколько лет пост американского генерального консула в С.-Петербурге, завоевал

⁴ М. М. Алопеус — А. Я. Будбергу, 13(25) сентября 1807 г. — Там же, стр. 155—156. В американской литературе (в том числе и новейшей) распространено мнение, что установление дипломатических отношений с Россией в 1808—1809 гг. явилось результатом предложения, сделанного Соединенным Штатам царским правительством, и в частности императором Александром I (см. John Quincy Adams and Russia, p. 9). Данный документ не оставляет сомнений в том, что инициатива в этом вопросе исходила от правительства США и лично президента Джефферсона.

⁵ АВПР. ф. Канцелярия, д. 6810, лл. 300, 370—371.

доверие императорского министерства своим столь же разумным, сколь и тактичным поведением, а потому здесь вероятно были бы весьма удовлетворены, если бы выбор американского правительства при назначении дипломатического агента при с.-петербургском дворе мог пасть на г-на Гарриса». Вместе с тем Н. П. Румянцев предупреждал, что император «никоим образом не намерен оказывать влияние на решение, которое правительство Соединенных Штатов может пожелать принять при данных обстоятельствах, и что кого бы оно ни назначило на пост в России, это лицо может со всей уверенностью рассчитывать на самый предупредительный и дружественный прием»⁶.

Получив эту депешу, М. М. Алопеус сообщил новому американскому посланнику в Лондоне У. Пинкни о готовности русского правительства обменяться с США дипломатическими миссиями⁷.

Хотя принципиальное решение вопроса относится уже к осени 1807 г., практически подготовка к обмену дипломатическими представителями как в России, так и в Соединенных Штатах развернулась только с лета будущего, 1808 г. 8(20) мая 1808 г. в докладе царю Н. П. Румянцев возобновил свои «домогательства» об «учреждении в Филадельфии и Бостоне двух генеральных консулов, которые по возникающим связям нашим с Соединенными Штатами становятся необходимыми, а в подобных обстоятельствах крайне бы полезны были». Как видно из надписи на полях, «государь император сей доклад утвердить соизволил»⁸.

Ровно месяц спустя, 8(20) июня 1808 г., последовал царский указ коллегии иностранных дел. «По распространявшимся сношениям нашим с Американскими Соединенными Штатами» Александр I признавал «полезным учредить консульства в оных областях» и повелевал с этой целью «истребовать» соответствующие средства «из общих государственных доходов в добавок к суммам, на содержание консульских и министерских постов отпускаемым». «В звании генерального консула в

⁶ Н. П. Румянцев — М. М. Алопеусу, 6 (18) октября 1807 г. — «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 156—157.

⁷ М. М. Алопеус — Н. П. Румянцеву, 2 (14) декабря 1807 г. — АВПр. ф. Канцелярия, л. 6810, л. 550.

⁸ ЦГИА. ф. 13, оп. 2, д. 1408, л. 1.

Филадельфию, — отмечалось далее в указе, — повелеваем отправить служащего в департаменте министра коммерции коллежского асессора Андрея Дашкова с поручением ему на первый случай и должности нашего при конгрессе поверенного в делах и назначить при нем секретаря или канцелярского служителя по выбору коллегии»⁹.

Несколько дней спустя о назначении А. Я. Дашкова и желании императора укрепить дружественные связи между Россией и Соединенными Штатами Америки Н. П. Румянцев официально сообщил Л. Гаррису¹⁰, а новый генеральный консул и поверенный в делах был представлен Александру I¹¹.

Будучи назначенным генеральным консулом в Филадельфию с поручением «на первый случай» выполнять обязанности поверенного в делах, А. Я. Дашков вскоре прибавил к своему скромному первоначальному званию коллежского асессора новую должность — «корреспондента Российско-американской компании». В специальном письме от 21 июля (2 августа) 1808 г. главное правление просило А. Я. Дашкова принять это звание и оказывать компании «помощь, защиту, ходатайство и всякое благоужождение», а также удостоить ее особым попечением и руководством в тех делах, «кои она имеет в заселениях своих северо-западной части Америки, относительно некоторой торговой связи с гражданами помянутых Северо-Американских Штатов»¹².

Прежде чем принять это предложение, осторожный чиновник на всякий случай решил запросить «соизволение» Н. П. Румянцева «как на принятие звания корреспондента Российско-американской компании для ходатайствования по делам ее в Американских Соединенных Штатах...», так и на прямое сношение с главным правлени-

⁹ ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1408, л. 4, ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 675, л. 2.

¹⁰ Н. П. Румянцев — Л. Гаррису, 13 (25) июня 1808 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3334, л. 4; ASPFR, Vol. III, p. 298; Л. Гаррис — Д. Мэдисону, 7 (19) июня 1808 г. — NA, Consular Despatches, St. Petersburg, Vol. I.

¹¹ ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1408, л. 2. Официальный патент о назначении А. Я. Дашкова генеральным консулом в Филадельфию был подписан Александром I 10 (22) июля 1808 г. Подлинник хранится в личных бумагах А. Я. Дашкова в ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57.

¹² Главное правление Российско-американской компании — А. Я. Дашкову, 21 июля (2 августа) 1808 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 52, л. 1; ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1408, л. 7.

ем сказанной компании и с местами, оной подведомственными»¹³. Чтобы рассеять все сомнения коллежского асессора на этот счет, Н. П. Румянцев писал, что «по званию министра коммерции» он даже требует, чтобы А. Я. Дашков «о всем том, что будет относиться к пользе торговли сей компании», прилагал особенное внимание¹⁴.

Отправляясь в Соединенные Штаты, А. Я. Дашков выступал, таким образом, сразу в трех званиях: он был поверенным в делах при конгрессе США, генеральным консулом в Филадельфии и, наконец, специальным представителем — «корреспондентом» Российско-американской компании. В этой связи перед его отъездом в Америку были подготовлены три специальные обстоятельные инструкции: от коллегии иностранных дел, коммерц-коллегии и главного правления Российско-американской компании, которые послужили основой всей его дальнейшей деятельности в Соединенных Штатах.

Особый интерес представляет подробная инструкция А. Я. Дашкову от коллегии иностранных дел, утвержденная царем 17(29) и подписанная 18(30) августа 1808 г.¹⁵ Прежде всего обращает на себя внимание формальная сторона дела: А. Я. Дашков назначался в страну с республиканским государственным строем и ему строго предписывалось «действовать в соответствии с порядком, установленным решением конгресса для всего дипломатического корпуса» (ст. 1-я). Не очень полагаясь, видимо, на действенность общих указаний, коллегия иностранных дел специально указывала на необходимость «войти в курс традиций и обычаев страны» (ст. 2-я), изучить ее конституцию и не допускать какого-либо вмешательства во внутренние дела Соединенных Штатов. «Во время Вашего пребывания в Соединенных Штатах,— гласила ст. 7-я инструкции,— Вам следует постоянно придерживаться двух правил: во-первых, никогда не обсуждать

¹³ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 25 июля (6 августа) 1808 г.— ЦГИА, ф. 13, оп. 2., д. 1408, л. 6.

¹⁴ Н. П. Румянцев — А. Я. Дашкову, 30 июля (11 августа) 1808 г.— ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 59, л. 1.

¹⁵ Полный текст инструкции см. «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 157—160. Дата подписания установлена по выписке для главного правления Российско-американской компании (АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8), а также ссылке в донесении А. Я. Дашкова Н. П. Румянцеву от 1 мая 1810 г. (АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, л. 25).

действия правительства; во-вторых, не вставать на сторону какой-либо партии. Вы должны строжайшим образом соблюдать установленный порядок..., не позволяя себе никаких демаршей, могущих противоречить обычаям страны. Учитывая, что исполнительная власть в Соединенных Штатах ограничена конституцией, Вам надлежит обратить особое внимание на ее предварительное изучение, чтобы не причинять затруднений правительству и избежать вероятных отказов, если при своих просьбах Вы отклонитесь от установленных конституцией принципов. Лояльное и сдержанное поведение, всецело направленное на достижение одной цели — поощрять активную и непосредственную торговлю между двумя нашими странами и развивать взаимовыгодные обоим странам отношения, не преминет сделать Вас приятным для американского правительства и даст Вам средства для успешного выполнения цели Вашей миссии».

После приезда в Вашингтон А. Я. Дашкову поручалось лично заверить президента Т. Джефферсона в особой дружбе к нему императора и показать «живой интерес, который е. и. в. неустанно проявляет к процветанию Соединенных Штатов» (ст. 3-я). «Ваша миссия,— подчеркивалось в тексте инструкции,— имеет скорее торговую, нежели дипломатическую цель, и Ваше поведение должно сообразовываться именно с этим. Во время Ваших бесед с президентом Соединенных Штатов, с членами конгресса и государственным секретарем по иностранным делам Вы постараетесь убедить их во взаимных выгодах, которые обе наши нации могут получить, придав их торговле весь тот размах, на который она только способна» (ст. 4-я). В целях успешного выполнения консульских дел А. Я. Дашкову разрешалось «назначить агентов в основных портах Соединенных Штатов... из числа американских или иностранных купцов, пользующихся всеобщим уважением» (ст. 10-я). Ему была подчинена также деятельность русского консула в Бостоне, о поведении которого надлежало «время от времени направлять в императорское министерство беспристрастный и справедливый отчет» (ст. 8-я).

Специального внимания в инструкции заслуживают также места, относящиеся к Российско-американской компании и Латинской Америке. В первом случае А. Я. Дашкову особенно рекомендовалось содействовать

торговым связям компании и рассматривать ее памятную записку в качестве дополнения к официальным инструкциям. «Это привилегированное учреждение,— указывалось в ст. 11-й инструкции,— имеет особое право на покровительство правительства и... поскольку его конторы в наших владениях на Северо-Западе Америки поддерживают с Соединенными Штатами столь же активные, сколь и интересующие нас отношения, в Вашем положении Вы сможете быть ему весьма полезны». А. Я. Дашкову поручалось, в частности, обратить внимание президента США на содержание известной ноты Н. П. Румянцева Л. Гаррису от 17 (29) мая 1808 г. по поводу контрабандной торговли бостонцев в русских владениях на Северо-Западе Америки и «попытаться при помощи аргументов, основанных на принципах международного права и на дружбе, существующей между нашими двумя государствами, убедить его заключить предложенную конвенцию, завуалировав значение, которое она может иметь для торговых интересов Российско-американской компании, тем довольно убедительным соображением, что безопасность подданных е. и. в. в упомянутых владениях может оказаться под угрозой и что подобная конвенция, уничтожая это серьезное затруднение, положит тем самым конец дальнейшим протестам» (ст. 12-я).

Что касается Латинской Америки, то при существующей обстановке А. Я. Дашкову особо рекомендовалось возможно более регулярно информировать русское правительство «о положении на Наветренных и Подветренных островах, в Мексике, на Твердой земле и в Перу»¹⁶.

В заключение выражалась надежда, что все действия А. Я. Дашкова «в качестве общественного лица создадут у американцев наиболее благоприятное мнение о нации, к которой Вы принадлежите».

В отличие от инструкции коллегии иностранных дел, в которой рассматривались принципиальные вопросы, связанные с миссией А. Я. Дашкова, «наставление» коммерц-коллегии носило, в основном, формальный характер. С самого начала подготовка этого «наставления» пошла по обычному канцелярскому руслу и в результате

¹⁶ В оригинале: «îles du Vent et Sous-le-Vent, de celui du Mexique, de la Terre Ferme et du Pérou».

на свет появился безликий документ, составленный в соответствии с проверенным бюрократическим образцом. 7 (19) июля 1808 г. на заседании коммерц-коллегии¹⁷ было заслушано предложение Н. П. Румянцева «снабдить г-на Дашкова всеми сведениями и узаконениями до консульского звания, по части коммерческой относящимися», и принято решение «подготовить наставление, сообразно с инструкцией, коею руководствуется находящийся в Рагузе генеральный консул Фон тон, исправляющий такую же должность в Далмации»¹⁸. Затем последовало обычное в таких случаях делопроизводство. Текст «наставления» был утвержден на заседании коммерц-коллегии 10 (22) июля¹⁹, подписан 28 июля (9 августа) и передан А. Я. Дашкову 7 (19) сентября 1808 г. По распоряжению коммерц-коллегии вместе с «наставлением» новому генеральному консулу вручили ряд официальных справочных изданий: «ныне действующий общий тариф» 1797 г., «выписку из узаконений, изданных в пополнение или отмену оногo», «морской пошлинный регламент» и, наконец, «устав купеческого водоходства».

В «наставлении» коммерц-коллегии, состоявшем из 13 параграфов, довольно детально регламентировались консульские функции А. Я. Дашкова. Ему поручалось, в частности, «снабжать» русских подданных «приличными наставлениями, кои бы служили к распространению торговли их и к отвращению видов, предпринимаемых народами других государств во вред российскому торгу», а также составить подробное заключение о состоянии торговли в стране пребывания и других местах, «с оным связью имеющих» (§ 1). «Относительно ж собственной российской торговли,— указывалось далее в „наставлении“,— желает коммерц-коллегия получить примечания Ваши о состоянии оной и о способах, кои Вы найдете удобными для приведения ее в цветущее состояние» (§ 2). «В особенности рекомендуется Вам,— отмечалось в § 9,— наблюдать честь российской нации, делать

¹⁷ Протокол заседания см. ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 675, л. 14.

¹⁸ К. К. Фон тон занимал должность генерального консула в Рагузе, Далмации и Которе с 1801 г.

¹⁹ См. Протокол заседания коммерц-коллегии от 10 (22) июля 1808 г.— ВПР, т. IV, № 135, стр. 302—305, а также ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 675, лл. 6—12 и ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1408, лл. 9—14.

подданным оной всевозможные вспоможения и защищать их во всех справедливых могущих случиться делах, паче же увещевать их, чтоб они в производимом ими там торге прилежно старались о сохранении к ним и товарам их доверия у иностранных²⁰ и все бы поступки их были основаны на пристойности и честности». Любопытно, что коммерц-коллегия, видимо, не очень полагалась на пристойность и честность самого консула и, во избежание злоупотреблений с его стороны, специально оговаривала, что с товаров, привозимых русскими подданными, он не должен требовать себе никакого дохода, «а довольствоваться только ежегодным по званию Вашему жалованием» (§ 5).

В дополнение к официальным инструкциям А. Я. Дашков получил также обстоятельную памятную записку главного правления Российско-американской компании от 20 августа (1 сентября) 1808 г.²¹ По своему содержанию этот документ во многих отношениях представляет значительный интерес. Его составители не только подробно и обстоятельно осветили общее положение русских колоний в Америке и историю их отношений с Соединенными Штатами, но и определили ряд конкретных задач, связанных с миссией А. Я. Дашкова. Касаясь вопроса о границах русских владений, главное правление отмечало, что «самое дальнейшее занятие компании в Америке существует на 57° 15' северной широты и 146° долготы по Гринвичеву меридиану. На черте оной находится остров Баранов (или Ситха)», где была основана «крепость, селение и порт» Ново-Архангельск. Далее к югу компания еще не успела распространиться «по недостатку времени, случая, а паче довольного числа промышленного русского людства». «Сколь же скоро время и возможности будут способствовать,— указывало главное правление,— то компанейская промышленность подвинется на Шарлотские острова, а там и далее до Колумбии». В записке отмечалось, что о границах и «о будущих занятиях» царское правительство еще не имело с другими державами «сношения и трактатов», а «почитает принад-

²⁰ Так в документе (правильно — иностранцев).

²¹ М. Булдаков, В. Крамер и Зеленский — А. Дашкову, 20 августа (1 сентября) 1808 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 56, лл. 2—7; АВГР, ф. Гл. арх. II — 3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, лл. 18—28.

лежностью своею все то, что ныне компаниею занято и впредь занято будет по праву первооткрытий и независимости тех мест». Экспедиции Беринга, Чирикова и Биллингса, указывалось в записке, «открытиями своими положили тому начало, а купеческая промышленность основала фундамент своею оседлостью».

В связи с вопросом о границах русских владений главное правление обращало внимание А. Я. Дашкова на «некоторое соперничество» компании с Соединенными Штатами «в рассуждении открытий» и, в частности, специально интересовалось бассейном р. Колумбия. «Правительство Северо-Американских Штатов, могущее назваться нам соседственным по причине оседлости своей на противоположащем нашему берегу того же самого Американского материка, — указывалось далее, — помышляет о присвоении мест, при впадении реки Колумбии лежащих. Оно отрядило экспедицию чрез вершины реки Миссисипи испытать сближение с ней реки Колумбии²², найти близкое с ней на нашу сторону сообщение и учредить на Колумбии колонию... А как о занятии при устье той же реки Колумбии старается и Российско-американская компания, имеющая необходимую нужду в благоприятном и умеренном климате и плодородных землях, то потому и желает достоверно знать, какие успехи имело то правительство в открытии реки Колумбии или других близких к тому мест». Российско-американская компания рассчитывала также получить «примечания» от А. Я. Дашкова, «как разуметь республику ту во всех отношениях промышленности ее и влияний на пределы, Россию в Америке занимаемые».

Особое беспокойство главного правления вызывала нелегальная торговля бостонцев в русских владениях в Америке, о чем уже подробно говорилось выше. Жалуясь на «неограниченный, самовольный, а наипаче вредный торг с дикими американских республиканцев», главное правление в то же время не отвергало связей с гражданами США и даже находило их в известной мере полезными, «лишь бы торг их был непосредственно с самою компаниею, а не с дикими» и «чтоб притом не делали они

²² Речь шла об известной экспедиции Льюиса и Кларка (1804—1806 гг.), отправленной по инициативе Т. Джефферсона к устью р. Колумбии.

неприятного впечатления в диких противу нас и не вооружали их пагубными орудиями».

Первые опыты деловых контактов А. А. Баранова с бostonцами показали главному правлению важность «продолжать с республиканцами постоянный торг», и в этой связи А. Я. Дашкову указывалось на желательность «сблизить компанию с гражданством Соединенных Штатов и внушить им доверенность к ней и доброе расположение».

Русскому консулу специально поручалось также выяснить происхождение наиболее важных товаров, продававшихся американцами в русских владениях, завязать деловые контакты среди «мореходствующих граждан помянутых Штатов» и, наконец, оказать всемерное содействие кораблю компании «Надежда». «Правление компании,— отмечалось в записке,— поручает всему Вашему возможному покровительству, естли обстоятельства требовать оного будут, отправляемый ныне отсель корабль ее „Надежду“, отданный под фракт означенных же Штатов гражданину г-ну Джозуа Мартину, на котором весь экипаж русский, так как и груз из произведений русских же. Сей корабль по назначению хозяина груза должен быть в Бостоне и оттоль обратно, и весь свой вояж совершить, ежели обстоятельства споспешествовать будут, в 9 месяцев».

Заканчивая рассмотрение документов, связанных с назначением А. Я. Дашкова, следует упомянуть собственноручное письмо императора Александра I «своему достойному и великому другу президенту Соединенных Штатов Америки» от 31 августа (12 сентября) 1808 г. «В целях еще большего укрепления дружественных связей и взаимопонимания, которые существуют между Российской империей и Соединенными Штатами,— писал Александр I,— и, прежде всего, желая дать определенное свидетельство моих чувств к Вам лично, милостивый государь, и к этой стране, столь достойной того высокого уважения, с каким я отношусь к ней, я решил назначить при Вас в качестве моего генерального консула и поверенного в делах коллежского асессора Андрея Дашкова... Зная его рвение и ум, я надеюсь, что своим благоразумным поведением он завоюет Ваше уважение и Вашу благосклонность»²³.

²³ ВПР, т. IV, № 152, стр. 336.

Одновременно с А. Я. Дашковым, назначенным в Филадельфию, на пост консула в Бостон был определен А. Г. Евстафьев, занимавший эту должность вплоть до 1826 г. и сыгравший видную роль в развитии русско-американских торговых и культурных связей²⁴. Получив соответствующее уведомление коллегии иностранных дел от 10 (22) июля 1808 г., коммерц-коллегия постановила «для определенного Соединенных Американских Штатов в город Бостон консулом актуариуса Алексея Евстафьева приготовить таковую же инструкцию, каковая приготовлена для генерального консула Дашкова», и также снабдить его теми же официальными материалами²⁵.

Муза ведомственного вдохновения и на этот раз подсказала чиновникам коммерц-коллегии наиболее простое решение. Не затрудняя себя лишней творческой работой, они попросту переписали подготовленный за несколько дней до этого текст «наставления» А. Я. Дашкову. 20 июля (1 августа) этот документ был по всей форме утвержден на заседании коммерц-коллегии и спустя два месяца — 19 сентября (1 октября) 1808 г. — вместе с другими официальными материалами его под расписку вручили А. Евстафьеву²⁶.

В то время как чиновничий аппарат царского правительства в С.-Петербурге готовил руководящие материалы для А. Я. Дашкова и А. Г. Евстафьева, по другую сторону океана, в Вашингтоне, занимались подготовкой дипломатической миссии в Россию. Вопрос о назначении американского посланника в С.-Петербург начал обсуждаться в Вашингтоне в июне 1808 г. В условиях, когда посланники Соединенных Штатов в Париже и Лондоне в любой момент могли быть отозваны в Вашингтон, целесообразность учреждения дипломатического представительства в С.-Петербурге представлялась вполне очевидной. Еще не имея известий о миссии

²⁴ Подробнее о деятельности А. Г. Евстафьева в Соединенных Штатах см. главу XII настоящей работы. Интересные, хотя и не полные сведения о нем приводит М. П. Алексеев в заметке «А. Г. Евстафьев — русско-американский писатель начала XIX века». — «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 8, стр. 22—27.

²⁵ Протокол заседания коммерц-коллегии от 14 (26) июля 1808 г. — ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 675, лл. 16—17.

²⁶ Протокол заседания коммерц-коллегии от 20 июля (1 августа) 1808 г. — Там же, лл. 18—21.

А. Дашкова, президент Джефферсон принял в июле 1808 г. решение послать в качестве полномочного посланника в С.-Петербург своего давнего друга Уильяма Шорта, занимавшего до этого ряд дипломатических постов в Западной Европе. Предполагалось, что миссия будет специальной и что о ней будет сообщено сенату в самый последний момент²⁷.

8 сентября государственный секретарь Д. Мэдисон подписал текст соответствующих официальных инструкций У. Шорту²⁸. Вместе с инструкциями посланник получил собственноручное письмо Т. Джефферсона Александру I от 29 августа 1808 г. Направляя У. Шорта в С.-Петербург, Т. Джефферсон рассчитывал прежде всего обеспечить в случае заключения общего мирного договора поддержку России в вопросе о защите прав нейтрального мореплавания против посягательств Англии и Франции²⁹. Эта же мысль получила развитие и в инструкциях государственного департамента. «Хотя невозможно определить, какова будет в дальнейшем позиция воюющих держав в отношении нейтралов, или предвидеть особенности политики в отношении этого континента при общем мирном урегулировании,— отмечал Д. Мэдисон,— было бы немаловажно получить со стороны столь могущественного и влиятельного участника, как Россия, добрую волю и бдительное внимание к справедливым правам и интересам Соединенных Штатов, поскольку они в ходе событий могут быть затронуты». Обеспечение этого преимущества рассматривалось в инструкциях как главная цель миссии³⁰.

Посланнику поручалось также содействовать созданию более благоприятных условий для торговли США и использовать в этих целях опыт Леветта Гарриса, сумевшего за время своего пребывания в С.-Петербурге завоевать расположение русского правительства. «Вам

²⁷ См. J. Hildt. Op. cit., p. 39.

²⁸ Д. Мэдисон — У. Шорту, 8 сентября 1808 г. — NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 11—14. Эти же инструкции получил позднее и Д. К. Адамс, назначенный в С.-Петербург вместо У. Шорта (J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 322—328).

²⁹ См. Т. Джефферсон — У. Шорту, 29 августа 1808 г. — Цит. по: J. Hildt. Op. cit., p. 39.

³⁰ Д. Мэдисон — У. Шорту, 8 сентября 1808 г. — NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 12; см. также Д. Мэдисон — У. Пинкни, 9 сентября 1808 г. — *ibid.*, p. 15.

следует разъяснить русскому правительству,— писал Д. Мэдисон,— что существующие законы Соединенных Штатов, ставящие Россию в положение наиболее благоприятствуемой нации, дают основание их гражданам на соответствующее положение в торговле этой империи». Что касается эмбарго, введенного в США, то У. Шорт должен был представить его в удовлетворительном для императора свете, показав, что оно вызвано условиями, в которые была поставлена торговля Соединенных Штатов в результате «пагубных эдиктов» Великобритании и Франции. Действенность эмбарго была бы сведена на нет, если бы были сделаны исключения в пользу «более справедливых и дружественных стран», и поэтому они не были сделаны даже в отношении американской торговли с Россией³¹.

Президент Т. Джефферсон стремился избежать каких-либо задержек с миссией У. Шорта: 1 октября 1808 г. посланник покинул Филадельфию и 15 ноября он прибыл в Париж.

Осенью этого года во французской столице находился Н. П. Румянцев, и посланник США во Франции генерал Д. Армстронг смог в предварительном порядке информировать русского министра иностранных дел о миссии У. Шорта. Н. П. Румянцев выразил по этому поводу полное удовлетворение и заверил Д. Армстронга, что с русской стороны «сразу же будет назначен посланник такого же ранга». «С того времени, как я занял этот пост (т. е. пост министра иностранных дел.— Н. Б.),— заявил Н. П. Румянцев Д. Армстронгу,— я стремился достичь этого результата, так как, разорвав наши торговые отношения с Великобританией, стало необходимым искать какую-то другую державу, которая могла бы стать для нас ее заменой»³². 9 декабря 1808 г. У. Шорт через Д. Армстронга попросил о встрече с Н. П. Румянцевым³³. Назначив свидание на следующий день, русский министр добавил, что «он с тем большим удовольствием узнал о назначении посланника Соединенных Штатов

³¹ Д. Мэдисон — У. Шорту, 8 сентября 1808 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 12.

³² Д. Армстронг — Д. Мэдисону, 24 ноября 1808 г.— ASPFR, Vol. III, p. 299.

³³ Д. Армстронг — Н. П. Румянцеву, 9 декабря 1808 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3333, л. 3.

в Россию, так как ему известно, насколько император... высоко ценит укрепление дружественных отношений между Российской империей и США»³⁴.

Казалось, что все складывается исключительно благоприятно. У. Шорт дружески беседовал в Париже с Н. П. Румянцевым и даже надеялся заключить после своего прибытия в С.-Петербург соглашение о правах нейтральных держав. Но вместо ожидаемых инструкций У. Шорт получил весной 1809 г. из Вашингтона известие совсем иного рода: сенат США не утвердил его кандидатуры и вообще высказался против специальной дипломатической миссии в С.-Петербурге.

О посылке полномочного министра в Россию Т. Джефферсон сообщил сенату в своем последнем официальном послании конгрессу 24 февраля 1809 г., за каких-нибудь 10 дней до ухода с поста президента³⁵. Отмечая важность для США заручиться поддержкой России в случае общего мирного урегулирования, президент писал, что он еще в августе 1808 г. уполномочил У. Шорта занять пост посланника Соединенных Штатов при Санкт-Петербургском дворе и что последний уже отправился к месту назначения. Мотивы, которыми руководствовался сенат, отклоняя назначение У. Шорта, остаются не вполне ясными. Высказывалось мнение, что отрицательное решение сената объяснялось не характером миссии, а личностью самого У. Шорта, которого в сенате недолюбливали³⁶. Известно также о резолюции сенатора Брэдли (штат Вермонт), в которой указывалось, что отношения с Россией с равным успехом могут поддерживаться через «других официальных агентов Соединенных Штатов без затрат на постоянного полномочного министра» и что назначение У. Шорта в данный момент является ненужным и нецелесообразным. После закрытого обсуждения вопроса Брэдли 27 февраля снял свое предложение, но сенат затем единогласно отверг назначение У. Шорта.

Решение сената было не только неожиданным и со-

³⁴ Н. П. Румянцев — Д. Армстронгу, 9 декабря 1808 г. — Там же, л. 2.

³⁵ J. Richardson (ed.). Messages, Vol. I, p. 461.

³⁶ Д. К. Адамс — А. К. Адамс, 9 марта 1809 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 291, а также J. Hildt. Op. cit., p. 41 с ссылкой на письмо Т. Пикеринга Р. Кингу от 2 февраля 1810 г. и дневник Д. К. Адамса (J. Q. Adams. Memoirs, Vol. I, p. 544).

вершенно необоснованным с точки зрения элементарной логики, но и представляло, кроме того, прямое оскорбление уходящего в отставку президента. Даже настроенный решительно против Т. Джефферсона Генри Адамс не мог не признать поразительную вздорность принятого решения. Обвинение, будто администрация склонна к чрезмерной расточительности и обуреваема навязчивой идеей направлять туда-сюда американских посланников, «к любому из европейских дворов», выглядело совершенно нелепым, так как каждый сенатор прекрасно знал, что на всем Европейском континенте Соединенные Штаты имели только одного дипломатического представителя в Париже и даже его могли вот-вот потерять. В целом существовавшую в США в то время «неприязнь к дипломатии» известный историк считал «пережитком старого колониального статута Америки», предубеждением, проистекавшим, главным образом, из опасения поставить страну в невыгодное положение. «То что сенат будет возражать,— отмечал далее Г. Адамс,— не могло оказаться сюрпризом для Джефферсона; но то, что сенат даже без какого-либо конфиденциального объяснения сразу же единогласно отвергнет последнюю личную просьбу президента, к которому каждый республиканский сенатор питал дружественные чувства и от которого большинство получило бесчисленные милости, это представляется непростительным оскорблением»³⁷.

Уходящему в отставку президенту не оставалось, однако, иного выхода, как примириться с созданным положением. Правда, его преемник Д. Мэдисон уже через два дня после вступления в должность предпринял еще одну попытку исправить дело. 6 марта 1809 г. без какого-либо предварительного предупреждения пост посланника в С.-Петербурге был предложен Д. К. Адамсу. При этом Д. Мэдисон ссылался на значение торговых связей между обеими странами, а также на важность заручиться дружественной поддержкой России как известной гарантии против Англии и Франции. Президент сообщил, что представит список новых назначений через полчаса. Времени для размышлений не оставалось, и Д. К. Адамс сразу же дал согласие³⁸. И на этот раз

³⁷ H. Adams. Op. cit., Vol. IV, p. 467.

³⁸ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. I, p. 545.

злополучная миссия не была утверждена: 7 марта 1809 г. сенат 17 голосами против 15 постановил, что в данный момент назначать посланника к русскому двору нецелесообразно. Бережливые конгрессмены считали миссию слишком дорогой и ненужной. Это не помешало им, впрочем, одновременно направить посланника в Рио-де-Жанейро³⁹.

Американским законодателям, конечно, было видней, какая страна могла принести большую пользу Соединенным Штатам — Россия или Португалия (в конце 1807 г. в связи с вторжением в Португалию французских и испанских войск принц-регент Жоао со своим двором бежал в Бразилию, и с этого времени Рио-де-Жанейро стал резиденцией португальского двора). Их упрямство, однако, ставило администрацию в затруднительное положение. С нескрываемой горечью Т. Джефферсон писал У. Шорту 8 марта 1809 г. об отказе сената утвердить его назначение. «Мы считали само собой разумеющимся, — указывал Т. Джефферсон, — что в случае возникновения каких-либо сомнений сенату потребуется время, и наши друзья в этом органе поставят нас в известность и предоставят нам возможность объяснить и устранить возражения; но к нашему великому изумлению и с беспримерной поспешностью они сразу же его (т. е. назначение У. Шорта. — Н. Б.) отклонили. Этот прием с их стороны моего последнего официального сообщения не может не быть нечувствительным»⁴⁰.

С «невыразимым огорчением» У. Шорту пришлось давать Н. П. Румянцеву неприятные объяснения, ссылаясь при этом на особенности конституции США. «Я не могу в достаточной степени выразить в пр-ву, насколько он (т. е. президент. — Н. Б.) был оскорблен и огорчен..., — писал У. Шорт в пространным письме к русскому министру. — Превыше всего он желает, чтобы е. и. в. был расположен отдать должное тому, что ему довелось испытать при этих тягостных обстоятельствах». Касаясь мотивов решения сената и пытаясь сгладить резкость отказа, У. Шорт цитировал далее заключительную часть письма Т. Джефферсона: «Все доводы в пользу утверж-

³⁹ См. H. Adams. Op. cit., Vol. V, p. 11; J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 291.

⁴⁰ Т. Джефферсон — У. Шорту, 8 марта 1809 г. — H. Adams. Op. cit., Vol. IV, p. 468.

дения миссии были отклонены в сенате из-за нежелания расширять наши дипломатические связи. Все они признавали... ценность дружбы императора, но, будучи привержены к системе невмешательства в дела Европы, они отклонили предложение. Я прошу Вас правильно осветить мое положение в этом деле в глазах императора и заверить его, что, уходя в отставку, я уношу с собой самое высокое уважение к его добродетелям...»

Наконец, по специальному предписанию американского правительства У. Шорт заверял Н. П. Румянцева, что новый президент Д. Мэдисон «не изменил своего намерения предпринять в дальнейшем меры для того, чтобы Соединенные Штаты могли иметь посланника, представляющего их при с.-петербургском дворе. Он воспользуется первым же случаем, чтобы побудить сенат разделить это мнение, и я смею надеяться, что ему это удастся в недалеком будущем, так как сенат должен собраться на чрезвычайную сессию в начавшемся сегодня месяце»⁴¹.

Еще до того, как стало известно о решении американского сената, в С.-Петербурге уже состоялось назначение посланника в Соединенные Штаты. «Во взаимство назначения ко двору нашему от конгресса Американских Соединенных Статов министра второго ранга,— гласил царский указ коллегии иностранных дел от 1 (12) апреля 1809 г.,— повелеваем отправить туда в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра двора нашего действительного камергера графа Федора фон дер Палена...»⁴² В тот же день был утвержден «примерный штат миссии, учреждаемой в Филадельфии» в составе посланника, советника посольства и секретаря («канцелярского служителя») ⁴³.

Царская власть в Российской империи «по милости божьей» никакими конституциями не ограничивалась, и указ Александра I дополнительному утверждению не подлежал. Поэтому Н. П. Румянцев мог сразу же без всяких опасений информировать Л. Гарриса о назначении на пост посланника в Соединенных Штатах Ф. П. Палена, «который незамедлительно выедет к

⁴¹ У. Шорт — Н. П. Румянцеву, 1 мая 1809 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3337, лл. 2—4.

⁴² ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 301, л. 1.

⁴³ Там же, л. 2.

месту своего назначения»⁴⁴. Спустя некоторое время все штатные места при миссии были заполнены. На должность советника посольства Александр I «повелел» оп­ределить «коллежского советника Петра Полетику», а секретаря — «надворного советника Федора Иванова»⁴⁵.

Обычные формальности, связанные с назначением нового посланника, на этот раз были выполнены сравнительно быстро, и летом 1809 г. Ф. П. Пален смог уже покинуть пределы России⁴⁶. В начале августа он сообщил Н. П. Румянцеву о своем прибытии в Париж⁴⁷. К этому времени в С.-Петербурге стало известно о злополучном казусе, связанном с назначением У. Шорта. Русскому министерству не оставалось иного выхода, как только выразить сожаление по этому поводу. В то же время Н. П. Румянцев не склонен был отказываться от учреждения дипломатической миссии в Соединенных Штатах. В подготовленном им проекте депеши Ф. П. Палену от 2(14) июля 1809 г. указывалось, что император «продолжает желать, чтобы Вы смогли выехать в Америку в качестве его посланника, если только правительство Соединенных Штатов не увидит при нынешних политических обстоятельствах препятствий к тому, чтобы Вас принять. Вот почему е. в. приказывает Вам отправиться в Париж и ждать там ответа, который будет передан Вам либо г. Шортом, либо ген. Армстронгом. Е. в. нисколько не настаивает на том, чтобы для представительства при нем американское правительство уже в настоящее время назначило на началах взаимности своего посланника, имеющего ранг, подобный Вашему. Е. в. желает лишь, чтобы добрые дружественные отношения, уже существующие между его империей и Соединенными Штатами, все более расширялись и укреплялись». Ф. П. Палену поручалось при этом намекнуть, что в России с удовлетворением отнеслись к назначению

⁴⁴ Н. П. Румянцев — Л. Гаррису, 4(16) апреля 1809 г. — «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 160.

⁴⁵ Указ коллегии иностранных дел от 20 апреля (1 мая) 1809 г. — ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 301, л. 215.

⁴⁶ См. письмо Ф. П. Палена — Н. П. Румянцеву из Митавы от 22 июня (4 июля) 1809 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12161, лл. 4—5.

⁴⁷ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 25 июля (6 августа) 1809 г. — Там же, лл. 6—7.

поверенным в делах Леветта Гарриса, который за время своего пребывания в С.-Петербурге «своими качествами и всем своим поведением вообще смог стать весьма приятным для е. в.»⁴⁸.

Хотя эта депеша помечена 2(14) июля 1809 г., по всей видимости она не была своевременно отправлена по назначению. В это время Ф. П. Палена уже не было в России, а надпись на отпуске гласит: «Отправлено в Париж 28 декабря 1809 г.». Между тем русский посланник в США продолжал находиться во Франции, откуда регулярно сообщал Н. П. Румянцеву свои наблюдения об общем положении в Европе и Америке. Особую ценность представляет, на наш взгляд, интересная памятная записка, прилагавшаяся к его донесению от 14(26) ноября 1809 г. «Именно нашими днями,— подчеркивал Ф. П. Пален,— следует датировать начало эпохи неизбежного упадка Европы и эры, наиболее благоприятной для Америки, которая выходит из своей летаргии для того, чтобы возвыситься на наших руинах». При этом посланник имел в виду не только Соединенные Штаты, но и всю Америку в целом, справедливо полагая, что огромные владения Испании в Новом свете займут в будущем среди других держав «место, предназначенное для них природой». С завидной пронизательностью Пален связывал отделение Испанской Америки с моментом, когда не будет больше надежды на спасение Испании и «когда старая властительница Нового мира» попадет под иго Франции. «Именно тогда,— продолжал Ф. П. Пален,— зародыш свободы (*le germe de liberté*) более открыто проявится в различных провинциях Испанской Америки и в первую очередь в Мексике». Касаясь предстоящих в этой связи серьезных изменений в международных отношениях, посланник отмечал, что «из всех европейских держав только Англия извлечет огромные преимущества в результате освобождения Америки», так как страны Нового света представят «колоссальный рынок сбыта для продукции ее промышленности»⁴⁹.

⁴⁸ Н. П. Румянцев — Ф. П. Палену, 2(14) июля 1809 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12160, лл. 2—3.

⁴⁹ Полный текст памятной записки Ф. П. Палена см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12161, лл. 22—25.

Вынужденная задержка русского посланника в США во французской столице, как мы видим, оказалась не напрасной, и правительство получило достаточно обстоятельный и в целом удивительно точный политический прогноз, особенно, если учесть время составления записки (канун войны Испанской Америки за независимость).

Казус, происшедший с назначением У. Шорта, несколько отсрочил отъезд Ф. П. Палена в Америку, но он уже не мог повлиять на прибытие в Филадельфию А. Я. Дашкова и А. Г. Евстафьева⁵⁰ 1 июля 1809 г. А. Я. Дашков благополучно прибыл в Филадельфию⁵¹. Спустя некоторое время, 24 августа, в Бостон прибыл А. Г. Евстафьев⁵².

Сразу же после своего приезда А. Я. Дашков направил в Вашингтон официальное извещение государственному секретарю Р. Смиту с просьбой о представлении президенту⁵³. Первоначально в Филадельфии ему сообщили, что сессия конгресса отложена до ноября месяца и что президент Мэдисон и государственный секретарь, по-видимому, уехали из Вашингтона. Последнее оказалось не вполне точным. «Несколько дней спустя я узнал,— сообщал А. Я. Дашков в С.-Петербург,— что весть о прибытии нашего корабля дошла до президента прежде, чем он успел выехать из Вашингтона. Он отложил

⁵⁰ Об отказе сената утвердить кандидатуру У. Шорта А. Я. Дашков узнал буквально накануне своего отъезда в США из Дюнжерка в начале мая 1809 г. (см. А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 6 мая 1809 г.— ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57, л. 8).

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 13.

⁵² ЦГАДА, ф. 276, д. 675, л. 27. Его путешествие не обошлось без приключений: корабль «Надежда», на котором находился консул, «претерпел» кораблекрушение, и большинство материалов, полученных им от коммерц-коллегии, погибло. Лишь некоторые бумаги, в частности упоминавшееся выше «наставление», А. Евстафьеву удалось спасти, «обвязав их вокруг себя» (см. А. Евстафьев — коммерц-коллегии, 23 февраля (7 марта) 1809 г., из Лондона.— Там же, л. 25). Коммерц-коллегия не слишком торопилась снабдить А. Евстафьева новыми бумагами, в связи с чем ему пришлось еще дважды обращаться с соответствующей просьбой уже из Бостона (см. донесения А. Евстафьева от 21 сентября 1809 г. и 7 апреля 1810 г.— Там же, лл. 27, 29). О высылке соответствующих материалов см. там же, лл. 28, 33.

⁵³ А. Дашков — Р. Смит, 2 июля 1809 г.— NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 5. Вместе с письмом А. Дашков пересылал ряд донесений Л. Гарриса.

свой отъезд, чтобы дождаться почты и принять меня. Не ожидая ответа государственного секретаря, который я не мог получить ранее, чем через несколько дней, я выехал на почтовых и прибыл в Вашингтон 12 июля»⁵⁴.

Подробности пребывания А. Я. Дашкова в американской столице известны по обстоятельной записке с описанием его бесед, с Р. Смитом и Д. Мэдисоном⁵⁵. 14 июля в назначенный час, надев парадную форму, А. Я. Дашков явился в государственный департамент и сразу же был проведен в кабинет Р. Смита. «После первых общепринятых комплиментов,— сообщал А. Дашков,— я вручил свой патент государственному секретарю, выразив ему настоятельное желание быть представленным в тот же день г-ну президенту и попросив сообщить мне о церемониале, который обычно соблюдают иностранные посланники при представлении его превосходительству. Г-н Смит ответил мне, что не существует никакого особого церемониала, что он сводится к обычной вежливости с обеих сторон и что я буду принят таким же образом, как и посланники Франции и Англии».

Некоторые формальные затруднения все же возникли. А. Дашкову очень хотелось в соответствии со своими инструкциями произнести заранее подготовленную речь, адресованную президенту и конгрессу, а затем довести ее до всеобщего сведения. Хотя содержание речи сомнений не вызывало, государственный секретарь по формальным мотивам попросил А. Дашкова лучше о ней умолчать, обещав «найти средство сделать ее содержание настолько публичным, насколько я этого желаю»⁵⁶.

⁵⁴ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 22 июля 1809 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 13.

⁵⁵ Полный текст записки А. Я. Дашкова от 24 июля 1809 г. (приложение «F») см. там же, лл. 24—28. Являясь только поверенным в делах, А. Я. Дашков, строго говоря, не мог рассчитывать на представление президенту. Исключение свидетельствовало в определенной степени о значении, которое правительство США придавало своим отношениям с Россией, и объяснялось тем, что А. Я. Дашков имел письмо от Александра I (J. Hildt. Op. cit., p. 42—43).

⁵⁶ Справедливости ради следует заметить, что подготовленная А. Я. Дашковым речь действительно заслуживала внимания и даже отличалась от обычных формальных образцов некоторой индивидуальностью. «Во время пребывания среди сограждан в.

«После получасовой беседы г-н Смит проводил меня к президенту. Так как дом г-на Мэдисона отделен от департамента лишь маленьким садиком, он предложил мне пройти пешком. Мы дошли до зала для посетителей без каких-либо церемоний. О нашем приходе было доложено г-ну президенту, и он немедленно вышел к нам. Государственный секретарь подошел к нему, чтобы представить меня и сообщить мое имя и звание. Президент пожал мне руку и принял меня сердечно и просто. Я вручил ему письмо е. и. в., заверив в дружбе нашего великого монарха и в том живом интересе, который е. и. в. питает к процветанию Соединенных Штатов.

Прочитав письмо с большим вниманием, президент начал говорить о признательности Соединенных Штатов за доброе к ним отношение е. и. в. и заверил меня в том, что он лично чувствует себя весьма польщенным... И здесь, как и во время утренней беседы в кабинете государственного секретаря, я старался убедить их во взаимных выгодах, которые могут быть получены обеими нациями, если они придадут торговле между собой весь размах, на который она способна, и, следуя инструкции, я указал г-ну президенту на живой интерес, неустанно проявляемый его императорским величеством к процветанию Соединенных Штатов, и на постоянную готовность, которую их правительство всегда найдет у императора, прямо или косвенно содействовать всему, что может быть выгодным для американской нации». Когда настало время прощаться, Д. Мэдисон пригласил нового поверенного в делах на следующий день к себе на обед, а Р. Смит вручил президенту копию упомянутой выше речи, сказав: «Это также относится к Вам, г-н Мэдисон». Документу, которому А. Я. Дашков придавал столько значения, явно не везло. «Президент положил бумагу в карман,— с огорчением писал А. Я. Дашков,— даже не раскрыв ее».

пр-ва,— отмечал А. Я. Дашков,— мне часто будет казаться, что я как бы нахожусь на родине. Я всегда буду восхищаться творениями их раннего гения, быстрым прогрессом цивилизации и тем, как еще девственная природа отстает повсюду перед действиями человека, охраняемого законами, руководимого наукой и успешно использующего свое мастерство» (приложение «А» см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 15, а также NA, Russia, Notes, Vol. 1, p. 6).

На следующий день, 15 июля, русский дипломат нанес визиты министрам, а затем отправился обедать к президенту. Так как общество приглашенных состояло лишь из руководителей правительства и семьи Д. Мэдисона, он сделал вывод, «что обед был дан специально для поверенного в делах е. и. в.». После обеда состоялась новая, довольно продолжительная беседа А. Я. Дашкова с президентом, в ходе которой последний повторил заверения в том, что Соединенные Штаты испытывают уважение к намерениям русского правительства в отношении прав нейтральных государств и что они признательны императору за его отношение. «Когда речь зашла о связях наций между собой, он начал с того, что Соединенные Штаты всегда дружественно относятся к правительствам, желающим находиться с ними в искренних и честных отношениях. Так как мне показалось, что он неоднократно возвращался к слову «искренность», из предосторожности, чтобы моя миссия не вызвала подозрения у какой-либо партии, я подробно остановился на уважении нашего правительства к правам нейтральных государств, на доказательствах этого, данных американцам в ряде случаев, наконец, на высокой морали его принципов, относящихся к политическим и торговым связям, и на его желании установить такие связи с США на началах взаимной выгоды».

Президент Мэдисон сразу же информировал А. Я. Дашкова, что назначение У. Шорта было отменено сенатом «из опасения, как бы он за проведенное во Франции время не усвоил себе предрассудков этой страны, противоречащих духу американской нации». Сам А. Я. Дашков склонен был усматривать причины отказа сената в том, что Т. Джефферсон был слишком уверен в успехе и не провел обычных предварительных консультаций с сенаторами. Неудаче во многом способствовали желание сенаторов видеть на посту посланника преданного им человека и предстоявший уход с поста президента самого Джефферсона⁵⁷.

В связи с тем, что 16 июля Д. Мэдисон и его семья намеревались уехать за город, А. Я. Дашков счел сво-

⁵⁷ Обстоятельства, связанные с назначением американского посланника в Россию, излагались А. Дашковым в специальной записке (приложение «D»).— АВГР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 21.

им долгом прийти проститься с президентом. Со своей стороны президент пригласил его вновь приехать в Вашингтон в ноябре, когда возобновится сессия конгресса и когда в городе обычно находятся все иностранные представители. Перед отъездом из Вашингтона А. Я. Дашков получил также экзекватуру для осуществления своих консульских функций⁵⁸.

Вместе с отчетом о своих беседах с Д. Мэдисоном и Р. Смитом А. Я. Дашков направил в С.-Петербург обширную записку от 24 июля 1809 г. о положении в Соединенных Штатах, политике правительства, основных партиях страны и т. д.⁵⁹ Уделив большое внимание характеристике двух основных партий страны (федералистов и антифедералистов, или демократов), царский дипломат столкнулся со значительными трудностями в определении их принципов, которые менялись в зависимости от обстоятельств. В конце концов он последовал традиционной схеме: федералисты — сторонники сильной центральной власти, увеличения постоянной армии и военно-морского флота; демократы, ревниво относясь к защите свободы, — за права штатов, против постоянной армии и т. д. В то же время он специально обратил внимание на давнюю приверженность федералистов к Англии, а демократов — к Франции.

Оценивая отношение в Соединенных Штатах к учреждению русской миссии, А. Я. Дашков писал: «Мне представляется, что американцы в целом необычайно польщены прибытием поверенного в делах е. и. в. и надеются на большие выгоды от более тесных отношений между двумя странами. Что касается г-на Мэдисона и должностных лиц правительства, то мне кажется, что в большей степени удовлетворено их честолюбие, в то время как их сознание не убеждено в выгодах, которые Соединенные Штаты могут извлечь из своих торговых отношений с Россией... Я поставил себе задачу убедить их в важности нашей торговли для их страны и заставить почувствовать цену взаимопонимания с такой великой державой, как Россия, для любого государства».

⁵⁸ Акт признания А. Я. Дашкова в качестве генерального консула за подписями Д. Мэдисона и Р. Смита от 15 июля 1809 г. см. NA, Russia, Notes, Vol. I (номер листа неясен).

⁵⁹ Приложение «С» см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, лл. 17—20.

Рассказ о первых шагах, предпринятых в Соединенных Штатах русским поверенным в делах, был бы неполным, если не упомянуть о его дружественной переписке с Т. Джефферсоном. 5 июля 1809 г., пересылая два письма, предназначенные для выдающегося американского государственного деятеля, А. Я. Дашков воспользовался этим случаем, чтобы довести до его сведения о высоком уважении, которым он пользуется у «великой северной державы», благожелательно расположенной к США, и одновременно заверить его в своем личном глубоком почтении. В очень теплых тонах был составлен и ответ русского дипломата на письмо Т. Джефферсона от 12 августа с любезным предложением посетить Монтиселло. И на этот раз А. Я. Дашков от имени русского правительства и своего лично выразил самое глубокое уважение к «великому человеку»⁶⁰.

Незадолго до приезда А. Я. Дашкова правительству США удалось, наконец, решить вопрос о назначении посланника в С.-Петербург. 26 июня 1809 г. президент США вновь поставил перед сенатом вопрос об учреждении дипломатической миссии в С.-Петербурге и назначении на пост посланника Д. К. Адамса⁶¹. На этот раз решение сената оказалось положительным. 27 июля 1809 г. 19 голосами против 7 назначение Д. К. Адамса было утверждено. Сообщая об этом А. Я. Дашкову, президент Мэдисон выразил надежду, что русское правительство воздаст должное стараниям Соединенных Штатов, учитывая, что назначение г-на Адамса состоялось до приезда русского поверенного в делах⁶².

⁶⁰ А. Я. Дашков — Т. Джефферсону, 2 сентября 1809 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57, лл. 11—12.

⁶¹ См. J. Richardson (ed.). Messages, Vol. I, p. 471; ASPFR, Vol. III, p. 298.

⁶² АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 28. Заметим, кстати, что Д. Хилдт ошибается, датируя время приезда А. Дашкова в США июнем и считая, что назначение Д. К. Адамса состоялось «несколькими днями позже» (см. J. Hildt. Op. cit., p. 42—43). В действительности было как раз наоборот. А. Я. Дашков приехал в Филадельфию 1 июля, а назначение Д. К. Адамса было утверждено 27 июня, т. е. несколькими днями раньше (см. также Р. Смит — Д. К. Адамсу, 29 июня 1809 г. — NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 45—46). Узнав о назначении, А. Я. Дашков обменялся с Д. К. Адамсом дружественными письмами и переслал с ним в С.-Петербург свои первые донесения из Америки (см. А. Я. Дашков — Д. К. Адамсу от 10, 22, 23 июля 1809 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57, лл. 9, 10).

Выбор кандидатуры Д. К. Адамса на пост посланника в С.-Петербург нельзя не признать весьма удачным. Впервые молодой Джон Куинси познакомился с Россией еще в 1781—1782 гг., когда он приехал в С.-Петербург в качестве личного секретаря Ф. Дейна. Затем он приобрел большой самостоятельный политический опыт, занимая, в частности, посты американского посланника в Голландии и Пруссии⁶³. Интересно отметить, что еще в марте 1801 г., находясь в Берлине, он весьма определенно указывал на целесообразность установления прямых дипломатических контактов с Россией. Отмечая «пользу и выгоду» для Соединенных Штатов от пребывания официального представителя на севере Европы, Д. К. Адамс специально обращал внимание на торговые интересы, которые в то время представлялись ему немаловажными⁶⁴. Вполне целесообразным он считал и заключение «торговых договоров с Россией и Блистательной Портой», которые отнюдь не были «такой бесполезной тратой государственных денег или свидетельством абсурдной политики», как их представляли некоторые осторожные головы в Америке⁶⁵.

Первоначально, по семейной традиции, Д. К. Адамс выступал сторонником федералистской партии. Отойдя от дипломатической деятельности после ухода с поста президента своего отца Д. Адамса весной 1801 г., младший Адамс был позднее избран в сенат от своего родного штата Массачусетс, а в 1806 г. стал профессором Гарвардского университета. К великому негодованию своих прежних друзей-федералистов в международных вопросах молодой сенатор все больше склонялся к поддержке правительства и в декабре 1807 г. голосовал за введение эмбарго. Хотя личный престиж и влияние Д. К. Адамса оставались весьма значительными, после разрыва с федералистами его дальнейшее пребывание в конгрессе в качестве сенатора от Массачусетса стало невозможным, и летом 1808 г. до формального истечения срока полномочий он подал в отставку⁶⁶. В пись-

⁶³ Краткое представление о предшествующей деятельности Д. К. Адамса дает его письмо к С. Джонсу от 17 апреля 1809 г. (см. J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 292 ff.).

⁶⁴ Д. К. Адамс — А. Адамс, 10 марта 1801 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. II, p. 512.

⁶⁵ Ibid., p. 513.

⁶⁶ См. S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 143—149.

ме к государственному секретарю он выразил горячее желание сотрудничать с правительством, цель которого состоит «в благосостоянии всего Союза»⁶⁷.

Д. К. Адамс вначале предполагал, что сможет выехать в Россию не ранее 15 августа. Вскоре, однако, выяснилось, что навигация в Балтийском море прекращается очень рано. У. Грей из Бостона, поддерживавший систематические торговые связи с балтийскими портами, согласился предоставить для поездки нового посланника свой корабль «в любое время не позднее конца этого месяца (т. е. июля.— Н. Б.). После же этого срока плавание становится слишком опасным, чтобы его предпринимать»⁶⁸. Одновременно Д. К. Адамс сообщил государственному секретарю, что предполагает взять в С.-Петербург в качестве личного секретаря своего племянника У. С. Смита. В Россию вместе с Д. К. Адамсом выразили желание отправиться также трое других молодых американцев — Д. С. Смит (племянник государственного секретаря), известный впоследствии дипломат Александр Х. Эверетт и, наконец, Ф. К. Грей (сын У. Грея)⁶⁹. Все они рассчитывали приобрести в результате этой поездки необходимые в дальнейшем опыт и знания и соглашались выполнять секретарские обязанности без всякого вознаграждения. Вместе с Д. К. Адамсом 5 августа 1809 г. на корабле Грея «Хорас» в С.-Петербург отправилась его жена Луиза, сын Чарльз Фрэнсис, сестра жены Катерин Джонсон и двое слуг⁷⁰.

Перед отъездом в Россию Д. К. Адамс не получил каких-либо новых инструкций. Главными целями его

⁶⁷ Д. К. Адамс — Р. Смит, 5 июля 1809 г.—J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 328—330. (Цитируемый документ, как и все другие письма Д. К. Адамса государственному секретарю, хранится в NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.)

⁶⁸ Д. К. Адамс — Р. Смит, 7 июля 1809 г.—J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 330.

⁶⁹ Ibid., p. 331. Во время своего пребывания в С.-Петербурге Д. К. Адамс продолжал регулярно переписываться с У. Греем, наблюдал за поведением его сына Фрэнсиса, давал советы о ведении торговых дел в России и т. д. (см. S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 154).

⁷⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 3. По распоряжению президента для поездки Д. К. Адамса был выделен специальный военный фрегат «Эссекс», но он пришел в Бостон лишь на следующий день после отъезда посланника (S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 154; J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 331).

миссии по-прежнему считалось всемерное развитие дружественных отношений и взаимопонимания с Россией, защита справедливых прав и интересов Соединенных Штатов и обеспечение благоприятных условий для торговли американских граждан. Особое внимание посланник должен был также уделять обеспечению справедливых прав нейтрального мореплавания, так как именно в этом вопросе США рассчитывали на поддержку русского правительства. В качестве руководства Д. К. Адамсу были даны инструкции, подготовленные ранее для У. Шорта и Д. Армстронга⁷¹.

Путешествие через океан прошло в общем благополучно, и 22 октября 1809 г. Д. К. Адамс прибыл в Кронштадт⁷². Прием, оказанный Д. К. Адамсу в русской столице, с самого начала был необычайно радушным. 13(25) октября Л. Гаррис официально известил Н. П. Румянцева о приезде в С.-Петербург «достопочтенного Джона Куинси Адамса, сына бывшего президента Соединенных Штатов Америки и их полномочного посланника при е. в. императоре всероссийском», и просил канцлера сообщить удобное для его приема время⁷³. Канцлер сразу же ответил согласием, и прием американского посланника состоялся в тот же день в 7 часов вечера⁷⁴. Спустя несколько дней Д. К. Адамс присутство-

⁷¹ Р. Смит — Д. К. Адамсу, 20 июля 1809 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 47—48. Текст инструкций Д. Мэдисона У. Шорту 8 сентября 1808 г. и Д. Армстронгу от 14 марта 1806 г. см.: J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 322—328. Из своих бесед с президентом в середине июля 1809 г. А. Я. Дашков сделал заключение, что правительство США, по-видимому, желает заключить с Россией торговый договор и что, как ему кажется, это поручено Д. К. Адамсу. «Если время для такого договора настало,— писал далее А. Я. Дашков,— я сделаю все возможное, чтобы собрать и сообщить в пр-ву ряд фактов, относящихся к торговле и торговым договорам Соединенных Штатов с другими державами, которые могли бы быть в какой-то степени полезны при основании с большей выгодностью и прочностью наших поселений в Америке» (см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 28). Хотя специальное поручения заключить торговый договор Д. К. Адамс в то время официально не получил, в общем плане такая цель, по всей видимости, не исключалась.

⁷² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 45.

⁷³ Л. Гаррис — Н. П. Румянцеву, 13(25) октября 1809 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 160—161.

⁷⁴ Д. К. Адамс — Р. Смику, 14(26) октября 1809 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 351 f.; NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

вал на роскошном дипломатическом обеде во дворце, где ему когда-то уже приходилось бывать (в 1781 г. там жил французский посланник маркиз де Верак). Великолепие и роскошь обстановки поразили американского посланника, хотя он не был новичком в подобных делах и присутствовал на званных обедах в крупнейших западных столицах (Париже, Лондоне, Гааге, Берлине и др.), и с этого времени он постоянно уделял в своем дневнике непомерное внимание подробному описанию разного рода торжественных обедов и приемов⁷⁵. Большое впечатление на Д. К. Адамса произвел и внешний облик С.-Петербурга, который он называл «городом принцев», самой великолепной столицей в Европе и во всем мире⁷⁶.

Официальная процедура, связанная с приездом американского посланника, завершилась 5 ноября 1809 г. вручением верительных грамот и продолжительной частной беседой Д. К. Адамса с Александром I, в ходе которой царь, решительно осудив политику, проводимую Англией на море, выразил твердое намерение содействовать расширению русско-американской торговли. «Между Россией и Соединенными Штатами,— заметил Александр I,— не может быть противоречивых интересов и причин для разрыва, а торговля между обеими странами могла бы быть очень полезной каждой из них». Весьма одобрительно царь отозвался и о стремлении Соединенных Штатов держаться в стороне от европейских противоречий и конфликтов, назвав их систему «мудрой и справедливой».

Все сказанное царем не могло не вызвать полного удовлетворения у Д. К. Адамса. В свою очередь он заметил, что Соединенные Штаты являются «великой торговой и миролюбивой нацией» и что они особенно заинтересованы в утверждении системы, которая бы обеспечила безопасность для справедливой торговли нейтральных стран во время войны. «Соединенные Штаты всеми силами, находящимися в их власти и совместимыми с их миром и независимостью от политической системы Европы,— заверил Д. К. Адамс,— будут способствовать поддержанию либеральных принципов, в отношении ко-

⁷⁵ См. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 48—49.

⁷⁶ Ibid., p. 53.

торых в. в. выразил столь сильную и справедливую привязанность»⁷⁷.

Убежденный республиканец и щепетильный пуританин, как мы видим, довольно быстро нашел общий язык с российским самодержцем и вполне освоился с роскошью его двора. С первых же дней пребывания в России у Д. К. Адамса установилось полное взаимопонимание как с царем, так и с Н. П. Румянцевым, что во многом способствовало в дальнейшем успеху его миссии.

Прибытие американского посланника устранило последнее препятствие к окончательному завершению всех формальностей, связанных с обменом между двумя странами дипломатическими миссиями. 15(27) ноября 1809 г. из С.-Петербурга Ф. П. Палену было дано указание отправиться к месту своего назначения⁷⁸. 27 декабря 1809 г. (8 января 1810 г.) Александр I подписал обширные инструкции, призванные служить руководством для последующей деятельности русского посланника в Вашингтоне⁷⁹. «Соединенные Штаты Америки,— писал царь в начале своей инструкции,— мудростью своего правительства и достоинствами лиц, которым они доверили бразды правления, добились в Европе заслуженного уважения. Но ни один из монархов, царствующих на континенте, не питает к ним большего уважения, чем я, что находит свое выражение в том внимании, которое я непрестанно оказываю мудрым действиям лиц, которых они всегда ставили во главе своего правительства».

⁷⁷ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 52—53; Д. К. Адамс — Р. Смит, 6 ноября 1809 г. — NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

⁷⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12160, лл. 7—8.

⁷⁹ Александр I — Ф. П. Палену, 27 декабря 1809 г. (8 января 1810 г.). Подлинник см. АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 2, лл. 32—42. Частично опубликован в «Новой и новейшей истории», 1959, № 2, стр. 161—162. Хотя инструкции подписаны Александром I и давались в соответствии с обычной для того времени практикой от его имени, основная роль в их подготовке принадлежала Н. П. Румянцеву, подпись которого также значится на документе. Интересно отметить, что еще 15 ноября 1809 г. в беседе с Д. К. Адамсом канцлер весьма обстоятельно изложил общую систему политики России в отношении США, сообщил о подготовке инструкций Ф. П. Палену и даже предложил американскому посланнику включить в них все, что он считал полезным для «великой цели установления более тесных отношений между двумя странами» (см. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 66).

Развивая эту мысль в ходе последующего изложения, царь поручал Ф. П. Палену сообщить американскому правительству об искреннем и глубоком интересе, который он питает к Соединенным Штатам и как он ценит их президента Мэдисона. Одновременно он просил передать Т. Джефферсону, как высоко он чтит «его таланты и безукоризненную честность». Столь значительное внимание и подчеркнутая любезность Александра I к США и их руководителям представляли собой не совсем обычную формальную дипломатическую вежливость (особенно, если учесть, что она предназначалась республиканскому правительству Соединенных Штатов) и свидетельствовали о стремлении русского правительства к сближению с заокеанской республикой. Это стремление объяснялось, понятно, не особыми симпатиями царя к США и их руководителям, о чем в таких возвышенных выражениях писалось в инструкции, а объективными обстоятельствами и вполне реальными интересами, о которых уже приходилось подробно говорить выше.

Кстати, именно эти объективные соображения выделялись и в тексте самой инструкции. «К этому расположению,— указывал Александр I (а правильное было бы, конечно, сказать Н. П. Румянцев),— присовокупляются политические интересы моей империи. Я ишу в Соединенных Штатах своего рода соперника Англии. Я думаю, что их собственные интересы побуждают к тому, чтобы в большей степени, чем это делают державы европейского континента, если и не положить предел осуществляемому Великобританией на море пагубному деспотизму, то по крайней мере его ограничить»⁸⁰.

Надо сказать, что эта мысль имеет первостепенное значение для понимания как причин русско-американского сближения в рассматриваемое нами время, так и

⁸⁰ Характерно, что в упоминавшейся выше беседе с Д. К. Адамсом Н. П. Румянцев отмечал, что исключительные притязания англичан на море и их стремление к узурпированию прав других стран делает для России важным поддерживать какое-либо крупное торговое государство как их соперника. Именно Соединенные Штаты, по мнению Н. П. Румянцева, являлись таким государством, и в высших интересах России было бы содействовать и помогать им, «так как благодаря своему положению обе державы никогда не смогут стать в какой-нибудь степени опасными друг другу». Канцлер заметил далее, «что он в течение многих лет внушал эту идею при русском дворе и что император всегда выражал благоприятное мнение о ней» (J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 65).

для всей истории отношений между США и Россией в целом. На Соединенные Штаты в России смотрели как на соперника Англии и известный противовес гордой владычице морей. А сами связи России с Америкой в известной мере были производными от системы европейской политики и прежде всего русско-английских отношений. Не случайно поэтому в инструкциях Ф. П. Палену давался обзор международного положения в связи с заключением Тильзитского мира и подробно характеризовались отношения России со странами Европы.

Что касается непосредственных отношений с Соединенными Штатами, то в развитие указанного выше основного положения в инструкции отмечалось: «Когда с Вами будут говорить о континентальной системе, разъясните, что я ее принял и поддерживаю лишь как средство, наиболее способное привести Англию к пониманию идей мира и человечности путем отказа от осуществляемого ею деспотического господства на морях, на что и Соединенным Штатам приходится столько жаловаться. Интересы моей империи и всех держав состоят в том, чтобы можно было прийти к созданию всемирного морского кодекса, способного раз и навсегда положить конец роковым спорам о соответствующих правах нейтральных и воюющих государств. Россия заложила основы такого кодекса морской конвенцией 1780 г. с Данией, к которой последовательно присоединились Швеция, Пруссия, Голландия, Австрия, Португалия, Неаполь и фактически Франция и Испания. Я с удовольствием вижу, что Соединенные Штаты в своих торговых договорах с континентальными державами и даже с варварскими государствами определенно признали наш принцип права нейтральных государств, и если они не смогли записать его в конвенции с Великобританией, то лишь потому, что между ними нет ничего законченного в этом отношении».

«Ни одна держава,— продолжал далее царь,— не сможет лучше разработать этот гуманный кодекс и добиться его успеха, чем та, в который Вы будете представителем. Ее форма правления, ее торговая жизнь, интересы государства и частных лиц должны в равной степени способствовать глубокому обсуждению этого важного вопроса, и это несомненно породит оружие, способное уничтожить софизмы юристов, оплачиваемых бри-

танским кабинетом. В этих целях я желаю, чтобы Вы постарались воспользоваться познаниями американцев, чтобы Вы советовались с ними по этому вопросу и сообщали мне их мнения, а также о намерениях правительства относительно содействия этому благотворному делу. Я был бы весьма рад увидеть, что этот вопрос решен раз и навсегда и что всеобщие правила приняты и поддерживаются всеми державами».

В ряде моментов инструкция Ф. П. Палену повторяла с некоторыми изменениями указания, данные при назначении А. Я. Дашкова. Посланнику вменялось, в частности, в обязанность оказывать всемерное содействие и поддержку деятельности Российско-американской компании, а также регулярно информировать правительство о развитии событий в Испанской Америке. В последнем случае, по всей видимости, не обошлось без влияния упоминавшейся выше памятной записки самого Ф. П. Палена о перспективах освободительного движения в Америке. Не случайно в тексте инструкции прямо высказывалось мнение, что «если война в Испании еще продлится, то обширные и богатые земли, которыми она владеет в Америке... образуют одно или несколько независимых государств. Трудно правильно учесть все изменения, могущие произойти в результате такого события в политических и торговых связях Европы, но легко предвидеть, что эти изменения будут весьма важными». Именно учитывая вышесказанное, посланник должен был хорошо изучить настроения народов этих стран и почаще сообщать об этом в С.-Петербурге.

Что касается вопроса о контрабандной торговле в русских владениях, то Ф. П. Палену поручалось обратить самое серьезное внимание правительства США «на пагубные последствия, произведенные подобной торговлей», и просить его «воспрепятствовать тому, чтобы такие нарушения могли повториться».

Сразу же после подписания царские инструкции были отправлены в Париж и уже 16(28) января 1810 г. Ф. П. Пален сообщил Н. П. Румянцеву об их получении вместе с другими материалами, относящимися к его миссии⁸¹. Спустя некоторое время Ф. П. Пален смог,

⁸¹ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 16 (28) января 1810 г.— АВПр, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 6. Незадолго до этого им была

наконец, выехать к месту своего назначения и после 50-дневного путешествия 29 мая (10 июня) прибыл в Филадельфию⁸². Формальная процедура установления дипломатических отношений завершилась 14(26) июня 1810 г., когда царский посланник официально вручил в Вашингтоне свои верительные грамоты президенту США⁸³. Как видно из донесений Ф. П. Палена в С.-Петербург, его первые беседы с руководителями американского правительства носили исключительно дружественный характер. «Если мое пребывание здесь будет и впредь продолжаться также благоприятно, как его начало,—сообщал он Н. П. Румянцеву,—я не перестану им непрерывно восхищаться»⁸⁴.

Итак, к середине 1810 г. все формальности, связанные с обменом дипломатическими миссиями, были, наконец выполнены. История установления дипломатических отношений оказалась, как мы видим, довольно сложной и длительной, и с момента принципиального решения вопроса осенью 1807 г. вплоть до окончательного завершения официальной процедуры в июне 1810 г. прошло почти три года. По современным представлениям этот срок может показаться необычайно продолжительным. Во многом это объяснялось дальностью расстояний и примитивными средствами связи. Известная задержка произошла также в результате казуса, связанного с назначением У. Шорта, что, однако, не оказало принципиального влияния на развитие отношений между обеими странами.

Выше нам уже пришлось подробно останавливаться на причинах русско-американского сближения и установления дипломатических отношений между обеими странами. Льстивые царедворцы, склонные по любому поводу, к месту и не к месту, восхвалять заслуги Александра I, не замедлили и на этот раз приписать исключи-

получена и депеша от 15(27) ноября (см. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 8(20) января 1810 г.— Там же, л. 2).

⁸² См. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 2 (14) июня 1810 г.— Там же, л. 20; Ф. П. Пален — Р. Смит, 12 июня 1810 г.— *NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 30—31.*

⁸³ Ф. П. Пален — Александру I, 14(26) июня 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, лл. 21—24. Текст верительной грамоты от 10(22) мая 1809 г. см. *NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 36—40.*

⁸⁴ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 18(30) июня 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 29.

тельную роль личности российского императора. В своем верноподданническом восторге Ф. П. Пален писал Александру I из Вашингтона в июне 1811 г., что именно за ним навсегда сохранится для потомков слава установления своего рода «исключительного примера», когда «могущественный монарх» ищет дружбы с республикой «с единственной целью содействия благу человечества»⁸⁵.

Беспристрастный суд истории давно уже вынес справедливый приговор, по достоинству оценив «заслуги» Александра I, да и всей династии Романовых в целом. Что касается «блага человечества», то о нем всегда говорилось очень много, даже тогда, когда действительные цели не имели ничего общего с этим благом. И Россия и Соединенные Штаты в своих отношениях руководствовались, понятно, не отвлеченными заботами о «благое человечества», а вполне реальными интересами. Царское правительство, по его собственным словам, искало в Соединенных Штатах «своего рода соперника Англии», рассчитывая сближением с Америкой смягчить тяжелые последствия континентальной блокады, урегулировать отношения Российско-американской компании с бostonцами и т. д.

С своей стороны, в условиях крайнего обострения отношений с Англией и Францией, Соединенные Штаты, находясь в полной дипломатической изоляции, были крайне заинтересованы в сближении с Россией, единственной великой державой, объективно благожелательно к ним расположенной. Правительство США особенно рассчитывало на поддержку России в обеспечении прав нейтрального мореплавания, а также надеялось на выгоды от развития торговых связей с обширным русским рынком.

В целом причины сближения с Соединенными Штатами, как подробно говорилось выше, были объективными. Они вытекали из общего международного положения, сложившегося после Тильзита, и во многом определялись предшествующим развитием русско-американских политических, торговых и культурных связей.

⁸⁵ Ф. П. Пален — Александру I, 14(26) июня 1810 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 23.

Расширение торговых связей и русско-американское сближение в начале 10-х годов XIX в.

При введении эмбарго в декабре 1807 г. США рассчитывали, что, прекратив всякую торговлю и лишив воюющие державы услуг своего флота, им удастся заставить правительства Англии и Франции уважать американский флаг. Политика эмбарго, однако, больше всего повредила интересам самих Соединенных Штатов. Выше уже говорилось о грандиозных масштабах, которых достигла американская торговля к 1807 г. С введением эмбарго США как бы самоизолировались от внешнего мира и тем самым лишились выгод своего нейтрального положения.

Возмущению американских купцов и судовладельцев не было границ. Они не желали отказываться от огромных барышей даже, если для этого надо было принести в жертву национальный престиж, примириться с прямыми оскорблениями и жестокими репрессиями Англии и Франции в отношении американской торговли. Не удивительно поэтому, что политика эмбарго с самого начала была обречена на неудачу и с осени 1808 г. его отмена стала лишь вопросом времени и формы. Вместо эмбарго был предложен так называемый закон о «запрещении сношений» (The Nonintercourse Act). Соединенные Штаты оказались вынужденными отступить, не добившись никаких гарантий от британского кабинета. Историки назвали этот шаг национальным унижением Америки. В конгрессе по сути дела никто открыто не защищал новый законопроект и тем не менее 27 февраля 1809 г. палата представителей стыдливо проголосовала за его принятие (81 — за, 40 — против). Как заметил

один из конгрессменов, «принятие этого билля является новшеством в законодательстве, так как... у него не было в палате ни одного искреннего сторонника»¹.

Формально новый закон запрещал торговлю как с британскими владениями, так и со странами, находившимися под контролем Наполеона, и в то же время разрешал президенту возобновить связи с той державой, которая прекратит нарушать нейтральные права Соединенных Штатов. Впрочем никто, конечно, серьезно не рассчитывал, что Англия и Франция, выдержав эмбарго, станут сговорчивее после его отмены. Все также прекрасно понимали, что стоит американскому судну выйти в море, и уже никто не сможет контролировать, с кем, когда и где оно будет вести торговлю. В свое время эмбарго больше всего затронуло британские интересы, поскольку именно на Англию приходилась основная часть американской торговли. По новому закону формально Франция и Англия ставились в равные условия, но фактически ввиду господства на море британского флота основные выгоды должны были получить англичане².

Так или иначе с ненавистным эмбарго было покончено, и американские суда весной 1809 г. снова вышли в море. В июле 1809 г. генеральный консул США в С.-Петербурге Л. Гаррис официально известил Н. П. Румянцева, что с марта эмбарго отменено и американским судам разрешено торговать «со всеми европейскими портами за исключением портов Франции и Англии, а также зависимых от этих двух держав стран»³.

С этого времени под влиянием целого ряда объективных причин начался период необычного оживления торговли между Россией и Соединенными Штатами. В условиях континентальной блокады и прекращения традиционных связей с Англией русская экономика переживала

¹ Annals of Congress, 10th Congress, 2nd Session, p. 1539.

² См. В. Perkins. Prologue to War, p. 223—260; Н. Adams. Op. cit., Vol. IV, p. 432—453; Н. Heaton. Non-Importation, 1806—1812.—«The Journal of Economic History», Vol. I (1941), p. 178—198.

³ Л. Гаррис — Н. П. Румянцеву, 14(26) июля 1809 г. — АВПр, ф. Канцелярия, д. 3337, л. 6. На полях документа карандашная помета рукой Н. П. Румянцева (?): «Сделать выдержку для коммерческой газеты» (faire un extrait pour la Gazette de Commerce). См. также донесения А. Я. Дашкова из Франции от 18 марта, 20 и 27 апреля 1809 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 57, лл. 4, 6, 7—8.

огромные трудности. Экспорт России катастрофически сократился, курс рубля упал на 50%. Поощряя американскую торговлю (при всем ее относительно небольшом удельном весе), царское правительство стремилось хоть как-то смягчить тяжелые последствия континентальной блокады. Связь с русским рынком имела в те годы немалое значение и для самих Соединенных Штатов, поскольку они лишились значительной части своих обычных покупателей в Западной Европе. Не удивительно поэтому, что все осведомленные наблюдатели отмечали в то время небывалое расширение русско-американских торговых связей. Большой интерес представляют, в частности, обстоятельные сведения о состоянии и перспективах русского экспорта в США, приводимые П. Свиным в его оригинальной работе «Взгляд на республику Соединенных Американских областей»⁴.

Обращая внимание на неуклонный рост торговли с Соединенными Штатами с 1783 г., автор особо выделял следующие основные статьи русского экспорта⁵:

1) Парусина. «В 1811 г. вывезено было ее из Кронштата 66 700 кусков». По отзыву П. Свинына, «весьма уважается и спрашивается в Соединенных областях» парусина с фабрик Баташева, Хлебникова, Темерязева и Билибина.

2) «Равендук и фламское полотно. Употребление сих двух артикулов в Америке отменно велико. В 1810 году

⁴ Автор работы — личность в истории русской культуры далеко не заурядная. Известный литератор и художник, основатель журнала «Отечественные записки», Павел Петрович Свинын с марта 1805 г. служил в министерстве иностранных дел в качестве секретаря у престарелого канцлера А. Р. Воронцова, был в экспедиции Д. Н. Сенявина в Средиземном море, а 5(17) августа 1811 г. указом Александра I был «определен в Филадельфию к посту генерального консула секретарем». Пробыв в Соединенных Штатах около двух лет, П. Свинын по роду своей деятельности основательно познакомился как с общим положением в стране, так и особенно с состоянием русско-американской торговли (см. ГПБ, ф. 679 (П. П. Свинын), д. 9 и др.).

⁵ Мы сохраняем тот же порядок расположения материала, что и в работе П. Свинына, хотя он и не совсем точно отражает значение различных «артикулов» в русско-американской торговле. При издании своей книги «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» (стр. 28—29) автор опустил все конкретные данные о размерах русского экспорта в США, которые воспроизводятся нами по тексту журнальной публикации (см. «Сын отечества», ч. XVIII, 1814, стр. 7—11).

из Кронштата вывезено сюда 74 000 кусков равендуку и 38 000 кусков фламского полотна. Товар сий предпочитается в Америке с фабрик Углеванникова, Ашостина, Горбунова, Солодовникова. С других фабрик, как-то Водозова, Вишнякова и проч. не столь хорошо продается... Фламское полотно, отменно белое и тонкое, весьма спрашивается в Америке, и естли б послать отсюда такого и чтоб в куске было бы 60 аршин и 45 вершков ширины, то оно совершенно бы заменило и отбило привозного из Ирландии».

3) Холст. «Обыкновенная холстина русская слишком узка для употребления американцев, и поэтому отвозят они ее в испанские колонии», — пишет автор и рекомендует увеличить ширину до 36 вершков.

4) Салфеточное полотно. Американцы, замечает П. Свиньин, начали употреблять салфетки с недавнего времени и поэтому можно надеяться, «что артикул сей будет спрашиваем более и более. В 1810 году из С.-Петербурга вывезено было в Америку 930 000 аршин сего полотна. Наши салфетки предпочитают здесь английским по красоте своей и дешевизне».

5) Посконь (речь идет о пеньке). «Артикул сей есть самый необходимый для Америки, и только одна Россия может достаточно снабдить ее оным, а потому и вывозили его американцы ежегодно из одних балтийских российских портов до 500 000 пуд и большое количество из Архангельска».

6) Железо. Вывозя железо в основном из Швеции и России, американцы предпочитали покупать шведское «по мягкости его». Однако, замечает П. Свиньин, «великое количество железа, покупаемого у нас, служит доказательством, что цены наши им сходнее. В обыкновенный год вывозили его из России от 250 000 до 300 000 пудов, и купцы американские утверждают, что ввоз его был бы вдвое более, естли б полосья были лучше сделаны. Они желают, чтоб в 100 тоннах железа находилось: 70 тонн разной величины плоских полос, 10 тонн четвероугольных и 20 круглых. Желательно было бы, чтобы на заводах наших приняли сие правило: тогда бы они много выиграли, и мы совершенно отбили бы рынок у шведов».

7) Свечи. Отмечая, что в США больший спрос на желтые, чем белые свечи, автор сообщает, что в 1810 г.

только из кронштадтского порта «было вывезено их в Америку 50 000 пуд».

8) Щетина. Поскольку «щетинные фабрики» заведены в Америке недавно, этот товар всегда будет находить большой спрос, причем украинская щетина «предпочитается здесь всем другим».

В заключение П. Свинын указывал, что Россия «снабжала и будет снабжать Америку множеством других домашних ее произведений, как-то: пухом, салом, воском, кожами и проч. Весьма будет прибыльно высылать наши мануфактурные изделия, как-то: шляпы, сапоги, башмаки, зеркала, сафьяны и пр. ...Артикулы сии,— замечает автор,— могут продаваться в Соединенных Американских областях вдвое дороже и более, например в Америке пара сапог последней работы стоит на наши деньги 40 рублей, шляпа — 50 рублей и так далее».

Прогноз П. Свинына оказался чрезмерно оптимистическим, так как был основан на опыте 1810—1812 гг., когда перспективы русско-американской торговли казались особенно благоприятными. Но если в общей оценке дальнейшего развития торговли между Россией и США П. Свинын мог, конечно, сильно ошибаться, то для изучаемого нами периода и прежде всего для 1810—1811 гг. приводимые им данные можно считать более или менее достоверными (при всей относительной точности статистики того времени). Фактические сведения и рекомендации П. Свинына основывались на опыте его практической деятельности и вполне подтверждались некоторыми другими материалами, в том числе и архивными.

Интересно отметить, в частности, что аналогичные данные содержались в «примечаниях» генерального консула в Филадельфии Н. Я. Козлова «на привозимые в Американские Соединенные Штаты товары, состоящие из российских произведений и мануфактур», которые стали предметом специального рассмотрения в департаменте внешней торговли, а затем в департаменте горных и соляных дел русского министерства финансов. Особое внимание было уделено «примечаниям» Н. Я. Козлова о железе, что, вообще говоря, вполне естественно.

Сведения о ввозе в Соединенные Штаты «в год обыкновенно от 250 до 300 тыс. пудов» железа, а также

о возможном его двойном увеличении, не могли не заинтересовать департамент внешней торговли, который нашел «такое описание заслуживающим уважения» и направил выписку из донесения Н. Я. Козлова в департамент горных и соляных дел⁶. Содержание выписки почти дословно совпадает с приводившимся выше отрывком из работы П. Свинына, что вполне объяснимо, поскольку П. Свинын был до лета 1813 г. секретарем русского консульства в Филадельфии и, естественно, принимал участие в подготовке донесений в С.-Петербург. Гораздо подробнее, чем в работе П. Свинына, в донесении Н. Я. Козлова излагались конкретные технические условия на русское железо «для американо-го торга». Детально описывалась сортировка железа, ширина и толщина круглых, «четверогранных» и плоских полос и т. д. «Весьма желательно,— указывалось в донесении,— чтобы наши кузнецы приняли сие новое разделение, ибо польза, которую они от того получают, вознаградит их труды с избытком».

Дальнейшую судьбу этих предложений можно проследить по материалам департамента горных и соляных дел. «Разсмотрев памянутую выписку», департамент «заклучил, что приготовление по описанию г. Козлова железа может доставить значительную выгоду», и предписал главноуправляющему Златоустовскими заводами сделать соответствующие «образцы для разсылки в прочие казенные заводы»⁷. После того как это предписание было выполнено, департамент распорядился «сделать еще несколько таковых образцов и разослать в частные заводы, не пожелает ли кто из заводчиков приготовить по оным железо на продажу».

Наряду с железом важное место в русском экспорте в США занимала пенька. По американским данным, импорт русской пеньки, составлявший в 1802—1804 гг. в среднем 88 830 центнеров на сумму в 779 473 долл., увеличился в 1807 г. до 135 775 и в 1811 г. до 205 853 центнеров. Кроме того, в 1811 г. в США было ввезено снастей различных видов (cordage tarred and untarred)

⁶ ЦГИА, ф. 37, оп. 3, д. 192, лл. 4—5.

⁷ Здесь и ниже цитируется сообщение II отделения департамента горных и соляных дел от 31 марта (12 апреля) 1814 г.— ЦГИА, ф. 37, оп. 3, д. 192, лл. 1—3.

соответственно 589 946 и 34 806 фунтов, а также канатов 108 685 фунтов⁸.

Рассмотрение данных о русско-американской торговле показывает значительный рост ее объема в начале 10-х годов XIX в. Если в 1802—1804 гг. средняя стоимость импорта русских товаров, с которых взимались пошлины *ad valorem*, т. е. соответственно их цене (включая железо, изделия из конопли и льна и пр.), составляла 1 302 217 долл., то в 1810, 1811 и 1812 гг. его стоимость увеличилась до 1 587 384, 3 043 033 и 2 163 460 долл.⁹

В еще большей степени в эти годы увеличился ввоз американских товаров в Россию (в долл.)¹⁰:

Таблица

Год	Экспорт в целом	В том числе товары	
		американского производства	иностранного производства
1805	71 372	12 044	59 328
1806	12 407	3 580	8 827
1807	445 717	78 850	366 367
1808		э м б а р г о	
1809	884 261	146 462	737 799
1810	3 975 696	1 048 760	2 926 936
1811	6 137 657	1 630 499	4 507 158

Таким образом, если в 1805—1806 гг. американский экспорт в Россию составлял по стоимости практически ничтожную сумму и даже в 1807 г.—в период высшего расцвета торговли США не достиг еще полмиллиона долларов, то всего через несколько лет он уже выражался в нескольких миллионах долларов (рекордный уровень был достигнут в 1811 г.). Конечно, 6,1 млн. долл.— это

⁸ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 232.

⁹ Ibidem; ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 107, лл. 101—102.

¹⁰ Составлено по T. Pitkin. A Statistical View..., p. 231; Ch. H. Evans (ed.). Exports..., p. 80.

не слишком внушительная цифра. По современным масштабам она вообще может показаться довольно незначительной. Но чтобы правильно понять и объективно оценить ее значение, следует принять во внимание всю совокупность своеобразных условий, связанных с континентальной блокадой. Кроме того, сама по себе цифра в 6,1 млн. долл. для того времени была не так уже мала. Достаточно сказать, что весь экспорт США в 1811 г. выражался в 61 млн. долл.¹¹ и, следовательно, на Россию приходилось около 10%.

Общие данные об объеме торговли между Россией и США интересно было бы сопоставить с числом американских судов, посетивших русские порты в начале 10-х годов XIX в. К сожалению, с 1808 г. прекратили выходить ежегодные «виды» государственной торговли России, издававшиеся по инициативе Н. П. Румянцева, и поэтому точными официальными сведениями о посещении русских портов американскими судами мы не располагаем.

Однако даже имеющиеся в нашем распоряжении неполные данные позволяют сделать вывод о резком увеличении числа американских судов, направлявшихся в Россию с 1809 г.

Если в конце XVIII — начале XIX в. число приходивших в Россию американских кораблей исчислялось десятками¹², то в 1810—1811 гг. речь должна идти уже во всяком случае о нескольких сотнях. Об этом свидетельствуют не только материалы прессы (в частности, регулярная информация «С.-Петербургских ведомостей»), но и другие документальные источники.

Так, только в с.-петербургский порт в 1810 г. прибыло 120 американских судов, в том числе из Бостона — 30, Нью-Йорка — 22, Сейлема — 15, Филадельфии — 8, Балтимора — 6 и т. д.¹³ В целом же, по сообщению

¹¹ Historical Statistics of the United States, p. 538.

¹² Напомним, что в период высшего расцвета американской торговли в 1807 г. в русские порты пришло около 90 судов (см. «Государственная торговля 1807 г. в разных ее видах», таблица № XXII).

¹³ ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 68, л. 1. Для сравнения отметим, что общее число всех других иностранных судов, пришедших в С.-Петербург, составляло 389, в том числе шведских 65, прусских 58 и т. д.

А. Я. Дашкова, «в 1810 г. было 250 судов, объявивших местом своего назначения порты России». На следующий год, по его данным, их число уменьшилось и в результате был выдан только 151 русский паспорт. «Американская торговля,— писал А. Я. Дашков русскому послу в Париже А. Б. Куракину,— в наших портах была в 1811 г. менее активной, чем в 1810 г. ввиду участвовавших нападений, которым флаг Соединенных Штатов подвергался в Балтийском море со стороны французских, датских и английских корсаров»¹⁴.

А. Я. Дашков вполне справедливо обращал внимание русского посла в Париже на затруднения, испытываемые американскими судами в Балтийском море. Однако с его мнением о сокращении объема русско-американской торговли в 1811 г. по сравнению с 1810 г. согласиться нельзя. Все другие документальные материалы, в том числе официальная американская статистика, вполне определенно свидетельствуют о том, что именно 1811 год был годом высшего расцвета торговли США с Россией. Конечно, у нас нет основания сомневаться в точности сообщаемого А. Я. Дашковым факта о выдаче в 1811 г. американским судам только 151 русского паспорта. Однако он сам оговаривается, что «многие американские суда, направляющиеся в наши порты без груза, не могли быть зарегистрированы нашими консульствами в Америке, поскольку они прибывали из других нейтральных стран, а не из Соединенных Штатов». Учитывая же большие размеры посреднической торговли США (речь идет, в частности, о привозе многих колониальных товаров и изделий английской промышленности), а также значительное число американских кораблей, приходивших в Россию, как известно, вообще без груза, можно с полным основанием предположить, что в действительности русские порты посетило в 1811 г. по меньшей мере около 300 американских кораблей.

Во всяком случае, уже в июле 1811 г., т. е. в самый разгар навигации, Д. К. Адамс доносил государственному секретарю Д. Монро, что в Россию уже прибыло

¹⁴ А. Я. Дашков — А. Б. Куракину, 5(17) января 1812 г.— ВПР, т. VI, № 104, стр. 259—261.

около 200 американских судов с ценными товарами¹⁵. По отзыву посланника, русский рынок оказался переполнен колониальными продуктами до такой степени, что привезенные грузы невозможно было продать, и в то же время возросший спрос на русские товары в огромной мере повысил их цены.

Основная масса американских судов приходила в Россию из портов Новой Англии. Так, по отзыву П. Свинына, в 1810 г. только «из одного Бостона и Массачузетской области» в русские порты отправилось более 100 кораблей¹⁶. На это же обстоятельство обращал внимание А. Я. Дашков, отмечая, «что $\frac{2}{3}$ всей американской торговли с Россией ведется восточными штатами и что из двух портов — Бостона и Салема вместе взятых отправляется примерно столько же судов, сколько из всех штатов, находящихся к югу от Коннектикута». С другой стороны, товары, которые доставлялись на русский рынок, в подавляющей части являлись продуктами южных штатов, а также стран Латинской Америки (Вест-Индии, Бразилии и т. д.).

До начала 10-х годов XIX в. американские суда приходили почти исключительно в балтийские порты и прежде всего в С.-Петербург. Официальная русская статистика регистрировала по существу лишь единичные случаи прибытия какого-либо американского корабля в порты Белого моря (Архангельск). В 1810—1811 гг. американцы существенно расширили диапазон своих плаваний. Уже в начале навигации 1810 г. Н. П. Румянцев сообщил Д. К. Адамсу о прибытии первого американского корабля из Балтимора прямо в Одессу и выразил свое удовлетворение по поводу расширения торговых связей с США¹⁷. Это событие, по словам Н. П. Румянцева, «составит в торговле Черного моря эпоху, тем более примечательную, что американский флаг развевается там впервые». Отмечая «необычайное число» аме-

¹⁵ Д. К. Адамс — Д. Монро, 22 июля 1811 г. — NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II.

¹⁶ П. Свинын. Взгляд... — «Сын отечества», ч. XVIII, 1814, стр. 6.

¹⁷ Н. П. Румянцев — Д. К. Адамсу, 11 (23) марта 1810 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3338, л. 4. Ответное письмо Д. К. Адамса от 14 (26) марта 1810 г. — Там же, д. 3339, л. 5. См. также А. Я. Дашков — герцогу Ришелье, 4 октября 1809 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1. д. 57, лл. 12—13.

риканских судов, прибывших в Россию в навигацию 1810 г., Д. К. Адамс называл уже два основных порта — С.-Петербург и Архангельск¹⁸. В дальнейшем, касаясь причин резкого увеличения числа американских кораблей, приходящих в архангельский порт, посланник ссылался на то, что плавание в этом районе было гораздо более безопасным, чем в Балтийском море.

Общее представление о росте и конкретных статьях американского экспорта можно получить при анализе табл. 3, составленной нами на основе официальных статистических материалов, собранных Т. Питкиным¹⁹.

Таблица 3

Наименование товара	1805 г.	1807 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Хлопок си-айланд (в фунтах)	—	—	67 188	—	113 435
Хлопок других сортов (в фунтах)	—	—	557 924	3 769 137	9 255 404
Сахар-сырец (в фунтах)	—	52 852	1 271 180	6 139 529	4 408 289
Сахар-рафинад или песок (в фунтах)	44 476	297 844	922 077	5 257 366	10 200 139
Кофе (в фунтах)	129 577	149 271	1 283 100	4 048 909	5 113 891
Табак (в бочках)	—	—	131	1 462	1 241
Китовый жир (в галлошах; 1 гал.=3,78 л)	24 072	—	22 535	6 797	—
Рис (в бочках; 1 боч. ок. 200 л)	—	489	776	5 270	1 205
Говядина (в баррелях; 1 бар. \cong 89 кг)	10	—	12	437	197
Свинина (в баррелях)	5	—	8	30	61

Следует сразу же оговорить, что приводимая таблица далека от совершенства. Составленная по официальным материалам, она включает данные о ряде второстепенных статей экспорта в Россию (китовый жир,

¹⁸ См. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 154.

¹⁹ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 90—91, 122—123, 125—126, 128—129, 131—132, 134—136, 157, 159, 161. За 1806 г. данных нет, а в 1808 г. было введено эмбарго.

говядина, свинина), но не содержит никаких сведений о некоторых более важных товарах. В таблицах Т. Питкина мы не находим, в частности, данных о многих колониальных товарах, хотя по другим источникам известно, что такие товары доставлялись в Россию именно из Америки. Достаточно сказать, например, что П. Свиньин, перечисляя важнейшие статьи американского экспорта в Россию, называл сахар, кофе, перец, хлопчатую бумагу, индиго, пряные корни, вина, изюм, рис, табак и «красильные всякого рода деревья»²⁰.

И хотя, таким образом, приводимая табл. 3 не претендует на полноту, по ней можно судить о ряде важнейших статей американского экспорта и прежде всего о хлопке, ввоз которого в Россию стремительно возрастал, составляя в 1809 г.—625 112, в 1810 г.—3 769 137 и в 1811 г.—9 368 839 фунтов.

В 1811 г. на Европейском континенте не было ни одной страны, которая получала бы в это время такое большое количество американского хлопка (в 1811 г. в Пруссию было ввезено 231 679 фунтов, Испанию—218 880 фунтов, в Ганзейские города (посредством лицензий)—1 836 288 фунтов). Обращая внимание на эти данные, Е. В. Тарле сделал вывод, что Россия в 1811 г. сделалась главной поставщицей хлопка для европейских прядилен. «Колониальные товары в 1811 г. широкой волной хлынули в Россию,—справедливо писал Е. В. Тарле в своей монографии о континентальной блокаде,—а из России через ее западную границу в Пруссию и оттуда в другие страны Европы. Трианонский тариф, так страшно затруднявший торговлю колониальными товарами в зависимых от Наполеона странах, этим самым давал России огромные выгоды, ставил ее в привилегированное положение». Пуд «георгиевского и луизьянского хлопка», стоивший в С.-Петербурге в июле 1810 г. 45—48 руб. ассигнациями, через год снизился до 25 рублей. «Это были,—отмечал Е. В. Тарле,—цены, по дешевизне совершенно неслыханные... и Наполеон, сравнивая петербургские цены на хлопок 1810 г. с ценами 1811 г., мог ясно удостовериться, что нажаты какие-то пружины, да-

²⁰ П. Свиньин. Взгляд...—«Сын отечества», ч. XVIII, 1814, стр. 6.

вавшие широкий доступ колониальному сырью в Русскую империю»²¹.

Надо сказать, что до континентальной блокады в 1802—1806 гг. ввоз хлопка в Россию, по данным Г. Небольсина, был очень невелик и составлял в среднем всего 8 тыс. пудов. За исключением казенной Александровской мануфактуры в стране не было других бумагопрядильных предприятий, и русская хлопчатобумажная промышленность использовала в основном импортную английскую пряжу, ввоз которой достигал внушительных размеров (в 1805—1806 гг. он превысил 100 тыс. пудов в год). Все это время Александровская мануфактура находилась еще на стадии освоения производства пряжи, и ее продукция довольно неохотно покупалась хозяевами ткацких предприятий. Так, в 1806 г., несмотря на возросший спрос, было продано всего 2485 пудов, а выработано 4930 пудов пряжи²².

Существенным образом положение меняется лишь со времени присоединения России к континентальной блокаде. Импорт пряжи резко сократился, составив в 1807 г. 46, в 1808 — 36, в 1809 — 53 и в 1810 г. — 57 тыс.

²¹ См. Е. В. Тарле. Сочинения, т. III, стр. 364—365. Выводы Е. В. Тарле получили развитие и в недавно опубликованном исследовании М. Ф. Злотникова, отмечавшего, в частности, что в годы блокады «Россия снабжала западноевропейские рынки немалым количеством хлопка, сахарного песка, красок, металлов, кофе, какао, пряностей и других колониальных произведений. Этот посреднический торг дал в 1812 г. прибыли 2 664 200 руб. серебром» (М. Ф. Злотников. Континентальная блокада и Россия. М.—Л., 1966, стр. 325—326). Об общем значении континентальной блокады для европейских стран и России см. также статью проф. А. Л. Нарочницкого в журнале «Новая и новейшая история» (1965, № 6, стр. 51—63).

²² О деятельности Александровской мануфактуры см. статью В. К. Яцунского («О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность». — «Вопросы народного хозяйства СССР. К 85-летию акад. С. Г. Струмилина». М., 1962, стр. 300—310), основанную на изучении архива этого предприятия (ЦГИА, ф. 758, оп. 24). Значительный интерес представляют также наблюдения Д. К. Адамса, посетившего Александровскую мануфактуру в апреле 1810 г. Американский посланник, в частности, обстоятельно описал тяжелые условия жизни и труда рабочих мануфактуры, на которой было занято около 500 сирот из приютов Москвы и С.-Петербурга в возрасте от 8—10 до 21—25 лет. Строгий режим на предприятии предусматривал казарменную дисциплину и 12-часовой рабочий день (не считая сверхурочной работы за плату). См. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 111—115.

пудов. Лишившись импортной пряжи, ткацкие предприятия в России стали испытывать острый сырьевой голод. С другой стороны, для молодой бумагопрядильной промышленности, и в частности для Александровской мануфактуры, в годы континентальной блокады сложились самые благоприятные условия²³. Цены на пряжу (даже с учетом падения курса ассигнаций) значительно возросли, и с 1807 г. эта мануфактура начала регулярно получать прибыль. В результате большого спроса на пряжу уже в 1807—1808 гг. были проданы все нереализованные ранее запасы, завершена техническая реконструкция производства и существенно улучшено качество продукции. Успех производства, повышение его рентабельности, и особенно рост цен на пряжу, привели к огромному увеличению прибыли Александровской мануфактуры (с 36 тыс. руб. в 1807 г. до 667 тыс. в 1811 г.)²⁴.

Процветанию мануфактуры в 1809—1811 гг. во многом способствовало резкое увеличение ввоза американского хлопка, ставшего основной сырьевой базой для молодой бумагопрядильной промышленности. Как уже отмечалось, первоначально хлопок поступал в Россию в очень небольших размерах и, несмотря на ограниченный спрос, в стране, по-видимому, уже существовал известный недостаток в «сырой бумаге». Не случайно поэтому правление Александровской мануфактуры еще в марте 1806 г. выдвинуло проект отправки своего корабля «Мария» в Америку «с грузом пеньки, полотен и железа» для закупки «из первых рук сырой хлопчатой бумаги»²⁵. Предприятие казалось заманчивым, и вскоре было решено отправить в Соединенные Штаты уже два корабля. По ходатайству Н. П. Румянцева царь распорядился освободить эти корабли от уплаты пошлин, подтвердив позднее свое решение и на случай, если груз будет доставлен на нейтральных судах²⁶.

²³ См. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 114.

²⁴ См. В. К. Яцунский. О влиянии континентальной блокады..., стр. 302—307.

²⁵ Правление Александровской мануфактуры — Н. П. Румянцеву, 5(17) марта 1806 г.— ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1156, л. 1.

²⁶ Александр I — Н. П. Румянцеву, 16(28) марта 1806 г.— Там же, л. 5; Александр I — Н. П. Румянцеву, 15(27) марта 1807 г.— ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, 1807 г., д. 292, л. 611.

Используя полученные льготы, правление Александровской мануфактуры в 1806 г. отправило в Филадельфию два корабля — «Мария» и «Екатерина». Позднее, «по опасению, чтобы те корабли на обратном пути не могли быть задержаны крейсировавшими по американским морям французскими военными судами», правление «предписало корреспондентам своим продать оные», а товары отправить на двух американских кораблях. Тем временем выяснилось, что корабль «Екатерина» разбился на пути в Америку, а «Мария» совершил «по открывшемуся удобному случаю» плавание с грузом товаров на о-в Сан-Доминго и привез оттуда в Филадельфию 24 «российских матрозов, бывших в плену у французов и высаженных на упомянутый остров». Из цитируемого письма правления мануфактуры Н. П. Румянцеву видно также, что часть товаров из Филадельфии уже была доставлена на американском корабле, а остальной груз готовился к отправке²⁷.

Введенное в конце 1807 г. в Соединенных Штатах эмбарго не могло не сказаться на доставке хлопка в Россию. В 1808 г. ввоз хлопка составил всего 7,5 тыс. пудов, и в стране остро ощущался недостаток сырья для производства пряжи. Стремясь ликвидировать сырьевой голод, Александровская мануфактура закупает хлопок в самых различных местах: в Одессе (так называемый македонский, или смирнский), Астрахани (персидский) и, наконец, в Оренбурге (бухарский). Однако только когда в августе 1809 г. удалось закупить большую партию высококачественного американского хлопка (около 5 тыс. пудов), недостаток в сырье был окончательно ликвидирован²⁸.

В дальнейшем огромное расширение ввоза американского хлопка в 1810 и 1811 гг. не только с избытком насытило ограниченный рынок внутри России, но послужило, как уже отмечалось, источником для снабже-

²⁷ Правление Александровской мануфактуры — Н. П. Румянцеву, 23 ноября (5 декабря) 1807 г. — ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1156, лл. 23—24. (Состав и количество груза, доставленного из Филадельфии для Александровской мануфактуры, остались невыясненными. Известно только, что с него «доводилось пошлин до 73 тыс. руб.» — Там же, л. 28.)

²⁸ См. В. К. Яцунский. О влиянии континентальной блокады..., стр. 304.

ния сырьем бумагопрядильных предприятий европейских стран.

Вопрос об экспорте США в Россию и, в частности, о ввозе американского хлопка в годы континентальной блокады на первый взгляд может показаться довольно малозначительным и частным. В то же время его внимательное изучение позволяет поставить и разобраться в целом ряде важных проблем, связанных с присоединением России к континентальной блокаде и предыстории войны 1812 г. Хотя общая история этих лет изучена самым тщательнейшим образом, по ряду проблем и, в частности, по вопросу о влиянии континентальной блокады на развитие торговли и промышленности в России не существует единства мнений. Довольно естественным кажется предположение, что разрыв с Англией и прекращение ввоза изделий английской промышленности должны были стимулировать развитие русских мануфактур.

Подобное мнение в свое время высказывал еще французский посол в С.-Петербурге Коленкур²⁹, а позднее такие известные ученые, как М. И. Туган-Барановский, М. Н. Покровский и др. В определенной мере его разделяли и современные авторы (С. А. Покровский, М. К. Рожкова и др.). Все они, однако, не занимались детальным исследованием вопроса и опирались на сравнительно ограниченный документальный материал.

С другой стороны, еще в 1931 г. с интересной работой выступил А. В. Предтеченский, сумевший на основе архивных и опубликованных источников показать отрицательное влияние континентальной блокады на экономику России в целом и в том числе на промышленность. Как отмечал автор, континентальная блокада резко нарушила внешнюю торговлю страны, вызвала ряд неблагоприятных явлений в финансово-экономической области и, наконец, оказала совершенно ничтожное влияние в области промышленного развития России. Гораздо большее значение для оживления промышленности сыграл запретительный тариф 1810 г., но и

²⁹ См. Коленкур — Наполеону, 5 февраля 1810 г.; Коленкур — Шампаньи, 21 марта 1811 г. — «Дипломатические сношения России и Франции... 1808—1812», т. I—VII. СПб.—Пг., 1905—1914, т. IV, стр. 271, т. V, стр. 370 и др.

он не мог компенсировать ущерб, нанесенный блокадой всему хозяйству страны³⁰.

Совсем недавно к этому мнению присоединился и В. К. Яцунский. Любопытно, что материалы, которыми он пользовался, казалось бы, говорили о расцвете бумагопрядения в России. И в свое время как М. И. Туган-Барановский, так и М. Н. Покровский ссылались в подтверждение своего мнения именно на учреждение в связи с сокращением импорта пряжи ряда новых бумагопрядильных фабрик. Такие фабрики действительно учреждались. Помимо существовавшей ранее казенной Александровской мануфактуры в С.-Петербурге, первая бумагопрядильня возникла в 1808 г. в Москве. В 1810 г. существовало уже шесть бумагопрядильных предприятий (четыре в Москве и два в С.-Петербурге). В 1811 г. в одной Москве их насчитывалось 11 и, наконец, в январе 1812 г. управляющий Александровской мануфактурой составил «ропись» существовавшим в то время «механическим бумагопрядильням», в которой числилось 16 предприятий, включая девять в Москве, два в С.-Петербурге, а также в Суздале, Орловской и Новгородской губерниях, в Новинке и Купавне³¹.

Но все дело в том, что продукция этих предприятий, использовавших, главным образом, американский хлопок, не могла обеспечить потребности ткацких предприятий. Поэтому в целом хлопчатобумажная промышленность России, лишившись английской пряжи и получив взамен американский хлопок, испытывала серьезные трудности. Как США не могли в то время заменить на русском рынке Англию, так и американский хлопок, хотя и привел к расцвету Александровской мануфактуры, не мог полностью заменить потребности хлопчатобумажной промышленности в английской пряже. Характерно поэтому, что хотя первоначально в результате введения континентальной блокады импорт пряжи силь-

³⁰ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады...— «Известия АН СССР. Отд. общ. наук», 1931, № 8, стр. 920.

³¹ См. «Сборник сведений и материалов по министерству финансов», т. III, № 9. СПб., 1865, стр. 159; М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика. Пг., 1922, стр. 57; М. Н. Покровский. Империалистическая война. М., 1934, стр. 11; В. К. Яцунский. О влиянии континентальной блокады..., стр. 308—309.

но упал, уже в 1811 г. он достиг 122 тыс. пудов, т. е. превысил уровень 1805—1806 гг. Благоприятные условия для русской бумагопрядильной промышленности оказались очень недолговечными, и озабоченные московские фабриканты жаловались в марте 1812 г. министру внутренних дел О. П. Козодавлеву на чрезвычайный и совсем неожиданный привоз «бумажной пряжи иностранной, под названием американской, но совсем подобной английской»³².

Как показано в исследовании А. В. Предтеченского, число бумаготкацких фабрик (по Московской губернии) в годы континентальной блокады остается примерно на одном уровне. Не наблюдается роста числа предприятий и в большинстве других отраслей производства, а в некоторых из них (например, в шелковой) наблюдается довольно заметная тенденция к сокращению³³. Ни о каком настоящем расцвете промышленности, таким образом, говорить не приходится, да и это вполне понятно. Все области экономики тесно связаны друг с другом. Континентальная блокада нарушила традиционные торговые связи, резко отрицательно сказалась на внешнеторговых оборотах, привела к пассивному торговому балансу, вызвала сильное падение курса русского рубля, значительно сократила приток в страну свободных капиталов и тем самым подрывала самую основу для успешного промышленного развития.

Расширение торговых связей с Соединенными Штатами в то время могло лишь в очень ограниченной мере восполнить ущерб, связанный с разрывом с Великобританией, и в целом экономическое значение русско-американской торговли в 1809—1811 гг. не следует поэтому слишком переоценивать. Гораздо серьезнее оказалась внешнеполитическая сторона этой торговли и прежде всего ее влияние на развитие франко-русских противоречий.

Приехав в С.-Петербург осенью 1809 г., американский посланник Д. К. Адамс вряд ли мог рассчитывать на особый успех своей миссии: ему предстояло защищать права слабой и далекой республики от посяга-

³² Цит. по: А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады...— «Известия АН СССР. Отд. общ. наук», 1931, № 8, стр. 898.

³³ Там же, стр. 918—919.

гельств самой могущественной державы — наполеоновской Франции при дворе ее официальной союзницы — царской России. И тем не менее, совершенно неожиданно для всех, в том числе и для самого Д. К. Адамса, уже в самом начале его пребывания в С.-Петербурге ознаменовалось удивительным и блестящим успехом.

Дело в том, что еще на пути в Россию Д. К. Адамс обнаружил множество американских судов, задержанных датскими властями. Только в Кристиансанне (Норвегия) находилось более 400 американских моряков и 36 судов, захваченных датскими каперами. Кроме того, еще 16 судов находились в портах Ютландии. Общая стоимость секвестрованной собственности США оценивалась в 5 млн. долл.³⁴ Естественно, что владельцы и капитаны американских судов сразу же обратились к Д. К. Адамсу с просьбой оказать им всевозможное содействие и помощь. И хотя посланник не имел на этот счет никаких инструкций, он тем не менее счел возможным переговорить с датским министром иностранных дел графом Х. Бернсторфом. С этой целью 1 октября 1809 г. он предпринял поездку в загородную резиденцию Х. Бернсторфа, но, не застав его, был вынужден уехать, так ничего и не добившись³⁵.

Сразу же после своего приезда в С.-Петербург, в первой беседе с Н. П. Румянцевым 25 октября 1809 г. американский посланник обратил внимание канцлера на незаконные действия датских каперов. Русский канцлер, хотя и выразил свое неодобрение по поводу их действий, дал понять своему собеседнику, что в условиях континентальной блокады трудно пока рассчитывать на более либеральную систему³⁶. Действительно, вскоре Д. К. Адамс получил из Дании новое письмо, в котором сообщалось о неожиданном задержании по распоряжению датского правительства собственности американ-

³⁴ См. J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. II, p. 21 ff.; Д. К. Адамс — Р. Смиты, 23 сентября 1809 г. — J. Q. Adams. *Writings*, Vol. III, p. 346—347; H. Adams. *Op. cit.*, Vol. V, p. 409; S. F. Bemis. *John Quincy Adams...*, p. 170.

³⁵ J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. II, p. 36; *idem*. *Writings*, Vol. III, p. 348 f.; Д. К. Адамс — Р. Смиты, 4 октября 1809 г. — NA, *Diplomatic Despatches, Russia*, Vol. I.

³⁶ Д. К. Адамс — Р. Смиты, 14(26) октября 1809 г. — NA, *Diplomatic Despatches, Russia*, Vol. I.

ских граждан в портах Гольштейна. Не очень рассчитывая на успех, Д. К. Адамс по собственной инициативе, без каких-либо указаний из Вашингтона, все же решил обратиться за помощью к царскому правительству. По просьбе посланника 26 декабря 1809 г. состоялась его встреча с Н. П. Румянцевым³⁷. Д. К. Адамс просил о предоставлении русским правительством «добрых услуг» с тем, чтобы побудить Данию как можно скорее снять секвестр с имущества американских граждан. Как мы видим, Д. К. Адамс не принадлежал к обычному типу осторожных дипломатов, которые больше всего боятся выйти за рамки своих инструкций и проявить хоть малейшую личную инициативу. В беседе с Н. П. Румянцевым американский посланник откровенно заявил, что поскольку предмет просьбы не входит в его обычные функции, он не считал целесообразным направлять официальную ноту. Вместе с тем он выразил надежду, что Александр I не оставит эту просьбу без внимания и найдет способ оказать соответствующее воздействие на Данию.

При всем расположении к Соединенным Штатам Н. П. Румянцев не решился обнадеживать Д. К. Адамса в успехе столь трудной и щекотливой просьбы. Канцлер заявил, что он не одобряет действий Дании и по донесениям посланника в Копенгагене В. Г. Лизакевича ему известно, что ими не довольны сами датчане. «Это не был добровольный акт со стороны правительства Дании,— отметил Н. П. Румянцев,— он был сделан по требованию Франции, чьи войска у ее границ так сильны, что Дания не имеет каких-либо средств сопротивляться»³⁸. Не очень рассчитывая на выполнение своей просьбы, Д. К. Адамс тем не менее настойчиво убеждал канцлера в справедливости своего представления. В конце концов Н. П. Румянцев согласился довести его просьбу до сведения Александра и поступить затем в соответствии с царскими указаниями. Поскольку, одна-

³⁷ Подробный отчет о беседе см. Д. К. Адамс—Р. Смигу, 7 января 1810 г.—NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I; J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 372 ff.; *idem*. Memoirs, Vol. II, p. 81 ff. (Содержание донесения Д. К. Адамса здесь, как и в других случаях, почти дословно совпадает с его дневниковыми записями.)

³⁸ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 83.

ко, действия Дании явились результатом личного распоряжения Наполеона I, то Н. П. Румянцев предупредил, что «на свете нет такого влияния, которое было бы достаточным, чтобы поколебать его решение»³⁹.

Надо сказать, что сам Д. К. Адамс отлично понимал, что противиться воле Наполеона, да еще по такому вопросу, как нарушение континентальной блокады, очень опасно не только для Дании, но и для России. И после беседы он, вообще говоря, уже не сомневался в отрицательном исходе дела. Его общее впечатление сводилось к тому, «что сам граф полностью убежден в справедливости его представлений и что он действительно не одобряет действий Дании, но Россия не будет вмешиваться в это дело»⁴⁰.

Велико же было изумление Д. К. Адамса, когда через три дня он узнал, что император счел возможным полностью удовлетворить его просьбу. 29 декабря 1809 г. Н. П. Румянцев сообщил американскому посланнику, что довел его просьбу до сведения Александра. Канцлер не скрыл, что решение императора отличалось от его собственных рекомендаций и было необычайно благоприятно для Соединенных Штатов. Александр I приказал немедленно поставить датское правительство в известность о «своем желании ускорить расследование и как можно скорее возвратить американскую собственность». Утром 29 декабря 1809 г. Н. П. Румянцев уже успел побеседовать по этому вопросу с датским посланником О. Бломом и особо подчеркнул, что император придает большое значение выполнению своей просьбы⁴¹.

«Откровенная и искренняя манера» ведения дела со стороны Н. П. Румянцева произвела на американского посланника огромное впечатление, и он говорил канцлеру, что, поскольку первоначально на успех рассчитывать почти или совсем не приходилось, теперь он тем более рад узнать, что его соотечественники воспользуются результатами «могущественного заступничества» императора⁴².

³⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 87.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid., p. 88.

⁴² Ibid., p. 89.

Соотечественники Д. К. Адамса действительно очень скоро воспользовались результатами «могущественного заступничества»: их собственность, секвестированная в портах Гольштейна, была освобождена. В феврале 1810 г. О. Блом от имени датского правительства сообщил Н. П. Румянцеву, что представлению Александра I будет уделено «самое тщательное внимание» и что собственные намерения Дании совпадают с желанием императора. В результате 27 февраля 1810 г. в беседе с американским посланником Н. П. Румянцев смог выразить свое удовлетворение в связи с тем, что представление русского правительства увенчалось успехом⁴³. Значение «добрых услуг» России оказалось весьма велико. Только одна стоимость освобожденного американского имущества во много раз перекрывала скромные расходы на содержание дипломатической миссии в С.-Петербурге, которую некоторые бережливые конгрессмены когда-то считали бесполезной.

В то же время то, что с такой легкостью удалось достичь в результате ходатайства русского правительства, в дальнейшем оказалось предметом сложных и длительных переговоров. В марте 1811 г. в Данию был направлен Д. Ирвинг со специальной миссией для освобождения американских судов, захваченных датскими военными кораблями, но особого успеха не достиг⁴⁴. За время континентальной блокады датский флот захватил 160 американских судов, из которых 42 были затем конфискованы. Впоследствии Соединенные Штаты потребовали от Дании возместить свои потери, исчислявшиеся в сумме 2262280,36¹/₂ долл. Хотя убыток был вычислен с точностью до половины цента, американцы явно завысили свои требования. Сам Д. Ирвинг оценивал убыток в 1750 тыс. долл. и, видимо, был ближе к

⁴³ Ibid., p. 100—101; Д. К. Адамс — Р. Смит, 24 марта 1810 г.—NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

⁴⁴ Комментируя результаты этой миссии, русский посланник в Вашингтоне писал 3(15) декабря 1811 г., что датское правительство приостановило судебные процессы по делам тех захваченных судов, которые имели документы о происхождении своих товаров до 13 ноября 1811 г., однако отказалось отменить вынесенные ранее приговоры, а также статью королевских инструкций, по которой законной добычей становились суда, идущие под английским конвоем (А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 3(15) декабря 1811 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 9240, лл. 74—90).

истине. После многолетней тяжбы Дания согласилась в 1830 г. (!) уплатить всего 650 тыс. долл.⁴⁵

В Соединенных Штатах не могли не оценить значения заступничества русского правительства, и государственный секретарь Р. Смит от имени президента Д. Мэдисона поручил своему посланнику в С.-Петербурге «в наиболее подходящей форме выразить самую теплую признательность» Александру I⁴⁶. В архиве сохранился соответствующий официальный документ, написанный характерным мелким и четким почерком Д. К. Адамса. По указанию президента посланник выражал признательность правительству Соединенных Штатов Америки за предоставление «добрых услуг» в декабре 1809 г. «в пользу американских граждан, собственность которых была секвестирована в портах Гольштейна»⁴⁷.

Все значение действий русского правительства в пользу американской торговли можно правильно оценить лишь с учетом общей международной обстановки того времени. Дело в том, что успешно и активно отстаивая права нейтрального торгового мореплавания в С.-Петербурге, Д. К. Адамс затронул очень болезненную струну французской политики в Европе. Сам того не подозревая или, вернее, не желая этого, посланник, ходатайствуя в пользу собственности американских граждан, наступил на больной мозоль Наполеона. И в этой связи нельзя не признать справедливость замечания известного американского историка Г. Адамса, что «если бы Д. К. Адамс умышленно интриговал с целью добиться разрыва между Францией и Россией, он не смог бы изобрести более действенной меры, чем

⁴⁵ См. S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 171, а также ASPFR, Vol. III, p. 327, 344, 523, 529—536; J. B. Moore. Digest of International Arbitrations, Vol. V. Washington, 1898, p. 4549 ff.

⁴⁶ Р. Смит — Д. К. Адамсу, 21 июня 1810 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 102—103.

⁴⁷ Д. К. Адамс — Н. П. Румянцеву, 9 (21) октября 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3339, л. 20. В соответствии с обычной процедурой Н. П. Румянцев довел содержание ноты Д. К. Адамса до сведения императора, который в свою очередь уполномочил канцлера сообщить посланнику о своей заинтересованности в счастье и процветании Соединенных Штатов (см. Н. П. Румянцев — Д. К. Адамсу, 27 октября (8 ноября) 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3338, лл. 7—8).

выступление царя против господства Наполеона в Дании»⁴⁸.

Поощрение русским правительством нейтральной американской торговли вызывало в Париже постоянные вспышки гнева всемогущего диктатора. Наполеон, как известно, предпочитал не утруждать себя определением, какой груз имеет английское, а какой американское происхождение. Куда проще ему казалось все суда и все грузы считать английскими и раз и навсегда покончить со сложным и утомительным препирательством по этому поводу. Еще весной 1808 г., ссылаясь на эмбарго, введенное Соединенными Штатами, властелин континентальной Европы попросту распорядился считать все суда, приходящие во Францию, Италию, Ганзейские города и Голландию под американским флагом как английские, а их бумаги фальшивыми⁴⁹. И хотя на практике французскому правительству приходилось так или иначе отступать от этого жесткого правила, отношения империи с Соединенными Штатами находились временами по сути дела в состоянии «полуразрыва» (*l'état de demi-rupture*)⁵⁰.

Стремясь еще более усилить режим континентальной блокады, Наполеон I подписал 5 августа 1810 г. новый закон об огромном повышении пошлин на ввозимые во Францию колониальные товары — сахар, хлопок, кофе, чай и т. д. (известный Трианонский тариф)⁵¹. Несколько позже, 19 октября 1810 г., последовал декрет о конфискации всех британских товаров, ввозимых во Францию и ее владения⁵². «Цезарь безумствовал» — на Европейском континенте запылали костры из английского ситца, сукон, хлопка, кофе, сахара и т. п.

Как явствовало из официального сообщения в «Монитер» от 10 июля 1810 г., во Франции перестали доверять даже сертификатам своих собственных консулов в Соединенных Штатах, которым «с некоторого времени» было строго запрещено выдавать любые документы

⁴⁸ H. Adams. Op. cit., Vol. V, p. 411.

⁴⁹ Наполеон — Годену, 17 апреля 1808 г. — «Correspondance de Napoléon», t. XVII, p. 16.

⁵⁰ См. Е. В. Тарле. Сочинения, т. III, стр. 331.

⁵¹ G. Martens. NR, t. I, p. 513—514; Е. В. Тарле. Сочинения, т. III, стр. 203.

⁵² G. Martens. NR, t. I, p. 522—523.

о происхождении груза. Французское правительство утверждало, что Англия разрешает американцам торговать только, поскольку они перевозят британские товары, и поэтому «все сертификаты французских консулов и все другие бумаги, которыми их снабжают, являются фальшивыми... Нет ни одного корабля, пришедшего в порты России с так называемыми американскими бумагами, который в действительности не прибыл бы из Англии»⁵³.

Раздражение Наполеона по поводу американской торговли в Балтийском море было столь велико, что он попытался прямо вмешаться во внутренние дела России (чего ранее никогда не делал), предложив царскому правительству запретить ввоз колониальных товаров и принять в качестве образца французский тариф. В собственноручном письме царю от 23 октября 1810 г. Наполеон сообщал о 600 английских торговых кораблях, которым не было разрешено зайти в порты Мекленбурга и Пруссии и которые направились в русские владения. «Какие бы бумаги они ни имели и какими бы названиями ни маскировались — французскими, немецкими, датскими, русскими, шведскими, — в. в. может быть уверен, что они являются английскими». Всесильный властелин Европейского континента настаивал ни больше ни меньше, как на конфискации всех поступающих в Россию колониальных товаров и на введении полного запрета на их дальнейший ввоз⁵⁴.

В этих условиях защита интересов нейтрального мореплавания представлялась делом исключительно сложным, если не безнадежным. А между тем именно этот вопрос с самого начала стоял в центре внимания как Л. Гарриса, так и Д. К. Адамса. Со времени своего прибытия в С.-Петербург Д. К. Адамс систематически поднимал этот вопрос в своих многочисленных

⁵³ Кадор — Куракину, 2 декабря 1810 г. — «Correspondance de Napoléon», t. XXI, p. 297. Этот вопрос также обсуждался Д. К. Адамсом и Н. П. Румянцевым 28 августа 1810 г. (J. Q. Adams. Mémoires, Vol. II, p. 157; idem. Writings, Vol. III, p. 498).

⁵⁴ Наполеон — Александру I, 23 октября 1810 г. — «Correspondance de Napoléon», t. XXI, p. 233—234. Переписка Наполеона с царем за 1801—1812 гг. опубликована также в специальной работе С. Татищева (см. S. Tatistcheff. Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite. Paris, 1891).

беседах с министрами царского правительства. В дневнике и донесениях в Вашингтон за 1810—1811 гг. можно встретить подробное и систематическое изложение многочисленных бесед посланника с Н. П. Румянцевым, министром финансов Д. А. Гурьевым, а также с государственным казначеем Б. Б. Кампенгаузенем, на которого было возложено руководство торговыми делами. Характерным примером в этом отношении может служить обращение Д. К. Адамса к царскому правительству в августе 1810 г. по поводу американских судов, задержанных в Архангельске⁵⁵. Эти суда прибыли из Португалии, торговля с которой была запрещена 22 мая 1810 г. Посланник настаивал на их освобождении на том основании, что в момент выхода из Лиссабона там еще не было известно об этом запрещении.

Касаясь в беседе с Д. А. Гурьевым 10 сентября 1810 г. результатов своих обращений к Н. П. Румянцеву, а также соответствующих демаршей Л. Гарриса, Д. К. Адамс выразил «бесконечное удовольствие» в связи с тем, что в каждом случае император принимал решение в пользу американских граждан, о чем ему немедленно сообщал барон Кампенгаузен⁵⁶.

Надо сказать, что далеко не всегда оказывалось возможным точно установить происхождение корабля и груза, и представления Л. Гарриса и Д. К. Адамса служили предметом длительного разбирательства в различных правительственных инстанциях вплоть до комитета министров⁵⁷. Общее отношение к представлениям в

⁵⁵ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 143 ff.

⁵⁶ Ibid., p. 160.

⁵⁷ Одно из таких запутанных дел об американском корабле, доставившем в Россию запрещенный груз английского свинца, излагалось в записке к журналу заседания комитета министров от 8(20) сентября 1808 г. (см. ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, 1808 г., д. 7, лл. 28—31). Американские суда в ряде случаев несомненно занимались перевозкой английских товаров, и в этом смысле протесты французского правительства были вполне справедливы. Значительное число кораблей приходило из Англии с балластом, что открыто признавал сам Д. К. Адамс в беседах с французским послом в С.-Петербурге (см. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 307—308). Более того, пользуясь своими связями при дворе и расположением царского правительства, консул США Л. Гаррис, ходатайствуя за соответствующую плату по сомнительным делам, сумел составить целое состояние. В его «беспринципной жадности» и продажности, наносившей ущерб интересам самих Соединенных Штатов, Д. К. Адамс разобрался далеко не сразу. Достоянием общественности машина-

защиту интересов американских купцов и судовладельцев оказывалось, однако, неизменно благожелательным. Н. П. Румянцев неоднократно заверял американского посланника, что русское правительство будет радо оказать «любое возможное содействие прямой торговле между Соединенными Штатами и этой страной и что он с удовольствием согласится на любую необходимую меру для содействия ее дальнейшему расширению»⁵⁸.

Большую известность получила знаменитая фраза Н. П. Румянцева, сказанная им в беседе с Д. К. Адамсом 9 октября 1810 г.: «Наша привязанность к Соединенным Штатам постоянна — более постоянна, чем Вы это сознаете»⁵⁹.

Следует сказать, что американский посланник, вообще говоря, высоко ценил благожелательное отношение России к Соединенным Штатам и поэтому поспешил заверить Н. П. Румянцева, что правительству США эта привязанность хорошо известна. «Простое сравнение мер, принятых не только Францией, но и всеми соседями России на севере Европы (Дания, Пруссия, Швеция) в отношении американской торговли, — отметил Д. К. Адамс, — с действиями России в текущем году само по себе будет служить для правительства и народа Соединенных Штатов твердым показателем, что позиция России совершенно отлична от той, которую они встречают в любом другом месте»⁶⁰.

ции Л. Гарриса стали лишь после того, как американский купец У. Льюис, вернувшись из России в 1819 г. в Соединенные Штаты, возбудил против него судебное дело. Гаррис обвинялся в использовании служебного положения в корыстных целях. Последовал громкий и длительный процесс, в ходе которого адвокат Гарриса признал, что его клиент действительно нажил состояние, но что при этом он действовал не как консул, а как купец! Изучив документальные материалы, относящиеся к деятельности Л. Гарриса в России, современные исследователи пришли к выводу, что предпринимчивый консул систематически обманывал не только русское, но и американское правительство (см. S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 169; J. B. Rhoads. Harris, Lewis and the Hollow Tree. — «American Archivist», July 1962, Vol. 25, p. 295—314; John Quincy Adams and Russia, p. 14, 61—62).

⁵⁸ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 147.

⁵⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 180; Д. К. Адамс — Р. Смитю, 12 октября 1810 г. — NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I; S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 174; J. Hildt. Op. cit., p. 52; ASPFR, Vol. V, p. 443.

⁶⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 480.

И хотя, как мы видим, Д. К. Адамс отзывался о позиции России самым лестным образом, даже он не мог предполагать, что царское правительство решится пойти на открытый конфликт со своим могущественным союзником — наполеоновской Францией именно по вопросу о торговле с Соединенными Штатами. Настаивая на полном прекращении ввоза колониальных товаров во все европейские страны, венценосный деспот только в России встретил неожиданный и резкий отпор. Уже 7 декабря 1810 г. в беседе с французским послом А. Колленкуром Александр I категорически отклонил требование Наполеона⁶¹. Некоторое время спустя, 19(31) декабря 1810 г. в развитие предложений министра финансов Д. А. Гурьева, получивших одобрение большинства членов Государственного совета, были изданы знаменитое «Положение о нейтральной торговле на 1811 год...» и перечень разрешенных для ввоза и вывоза товаров⁶².

С формальной стороны новый тариф ни в коей мере не нарушал принципов континентальной блокады: один из его параграфов строго запрещал ввоз «неприятельских», т. е. английских, товаров. Однако, разрешая импорт любых колониальных товаров и предоставляя льготы нейтральным странам (в первую очередь имелись в виду США), «Положение» от 19(31) декабря 1810 г. представляло собой по сути дела скрытый вызов Наполеону. По своему содержанию тариф был протекционистским, и основная цель его введения заключалась в поощрении национальной промышленности.

«Положение» 19(31) декабря 1810 г. не могло не вызвать крайнего раздражения в Париже: там ожидали новых льгот для торговли Франции, а получили значительное повышение пошлин на ряд важнейших статей французского экспорта, в частности, дорогие вина, бархат и, что особенно важно, лионский шелк, ввоз которого в Россию фактически совсем ликвидировался. Не приходится удивляться поэтому, что введение нового тарифа окончательно испортило отношения между Рос-

⁶¹ Колленкур — Наполеону, 8 декабря 1810 г. — «Дипломатические сношения России и Франции...», т. V, стр. 221—230.

⁶² «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 2. СПб., 1881, стр. 1138—1152 (Протокол заседания совета от 2(14) декабря 1810 г.); ПСЗРИ, т. XXXI, стр. 486—492; т. XLV, Книга тарифов, III раздел, стр. 58—62.

сией и наполеоновской империей и именно с этого времени вполне определенно стала вырисовываться перспектива неизбежного военного столкновения между обеими странами⁶³. Раздраженный новым тарифом, а также протестом России против занятия Францией герцогства Ольденбургского, Наполеон, используя в качестве повода слухи о предстоящем вторжении русских войск в герцогство Варшавское, развернул с начала 1811 г. активные военные приготовления и даже составил в апреле соответствующий план операций против России⁶⁴. О подготовке Наполеона к войне и неизбежности столкновения между Россией и Францией все чаще и настойчивее сообщали из Парижа А. И. Чернышев, А. Б. Куракин и особенно К. В. Нессельроде, использовавший секретную информацию, которую ему давал Талейран⁶⁵.

В причинах для военного столкновения недостатка не ощущалось, но континентальная блокада, несомненно, была одной из главных. Во Франции не скрывали своего раздражения по поводу упорного поощрения Россией американской торговли и непрекращавшегося ввоза колониальных товаров. Хотя формально правила континентальной блокады строго соблюдались, в Париже было, конечно, прекрасно известно, что поступление на русский рынок сахара, кофе, хлопка, красильного дерева и т. д. не только не уменьшилось, но благодаря посредничеству американцев даже увеличивалось. Именно это обстоятельство имел в виду Наполеон, когда подчеркивал в одной из своих бесед с А. И. Чернышевым, что в течение лета 1810 г. американские корабли принесли Англии «бесконечную пользу» и «почти совершенно

⁶³ Е. В. Тарле. Наполеон. М., 1957, стр. 272; ВПР, т. VI, № 5, 32, 135, 136, 139, а также соответствующие примечания.

⁶⁴ ВПР, т. VI, стр. 694—695, 730—731 и др.

⁶⁵ Обширные документальные материалы об этом см. ВПР, т. VI, Сборник РИО, т. 21 и особенно бумаги К. В. Нессельроде (Ch. R. V. Nesselrode. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, t. III, 1805—1811. Paris, 1905). Можно сослаться, в частности, на донесения А. И. Чернышева от 3 (15) января и 9 (21) февраля 1811 г. (Сб. РИО, т. 21, стр. 49—66, 145—156), письма К. В. Нессельроде М. М. Сперанскому от 4 (16) февраля (Ch. R. V. Nesselrode. Lettres, t. III, p. 317—323), 9 (21) февраля 1811 г. (ВПР, т. VI, № 26, стр. 75—77) и т. д. Анализ писем Нессельроде см. Е. В. Тарле. Талейран. М., 1957, стр. 107—112.

уничтожили значение континентальной системы, наводнив всю Европу колониальными товарами»⁶⁶.

Непослушная экономика явно смеялась над всемогущим диктатором, для которого, казалось, уже не было ничего невозможного. За нарушение правил континентальной блокады Наполеон мог одним росчерком пера уничтожить целое королевство, как он сделал это в 1810 г. с Голландией, попросту присоединив ее особым декретом к Французской империи. Венценосный деспот мог потребовать себе в жены юную дочь австрийского императора, на которую не удосужился посмотреть даже в день официального бракосочетания, и это, тем не менее, считалось великой честью для самой древней и надменной династии. Но вот заставить Европу полностью отказаться от употребления кофе или сахара Наполеону явно не удалось. Чай все продолжали предпочитать пить сладким, а ситец никак нельзя было производить без хлопка.

Следуя инструкциям из Парижа, французский посол в С.-Петербурге А. Коленкур в резких тонах протестовал против нового тарифа и, в частности, против решения царского правительства не прекращать торговлю с Соединенными Штатами. Герцог Виеннский утверждал, что не видит принципиальной разницы между английской и американской торговлей, так как суда Соединенных Штатов просто перевозят британские товары. Но то, что удавалось навязать зависимым от Наполеона странам Западной Европы, в отношении России оказалось явно непосильной задачей, даже для блестящего французского посла, который пользовался расположением как Н. П. Румянцева, так и самого царя.

В вопросе о торговле с США русский канцлер проявлял, казалось бы, совершенно необъяснимую твердость и решительно возражал против доводов А. Коленкура. Н. П. Румянцев заметил, что развитие интенсивной торговли с обеими Америками, наоборот, ведет к ослаблению позиций Англии в мировой торговле. «Он напомнил мне,— доносил А. Коленкур,— что он много раз говорил мне, что еще будучи министром коммерции он сделал все для того, чтобы установить торговые отношения с американцами, которых он рассматривает как естественных соперников англичан. Было бы политической близору-

⁶⁶ А. Н. Попов. Отечественная война, т. 1. М., 1905, стр. 138.

костью, сказал он, быть в плохих отношениях с американцами в тот момент, когда они столь открыто выступают против англичан»⁶⁷.

Вокруг вопроса о торговле с Соединенными Штатами и ввоза Россией колониальных товаров завязывается в эти годы один из главных узлов международных противоречий того времени. Хорошо известна насмешливая фраза Фуше о том, что простой народ сначала думал, что война 1812 г. была «предпринята из-за сахара и кофе»⁶⁸. Желчный министр полиции был, конечно, прав, возражая против этого наивного и утрированного мнения. Однако при всей своей наивности в какой-то части оно довольно метко отражало всю непримиримость экономических интересов России с континентальной блокадой, соблюдение которой ей упорно навязывал Наполеон I. Здесь действовали уже объективные законы экономического развития, изменить которые не могли ни Наполеон, ни Александр I. Как указывал Ф. Энгельс, «экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые отношения с Англией втихомолку были возобновлены; условия Тильзитского договора были нарушены, и разразилась война 1812 года»⁶⁹.

Скромный американский посланник со своими безобидными на первый взгляд жалобами и просьбами по поводу задержанных судов и их грузов, сам того не подозревая, во многом способствовал обострению грандиозного конфликта. На протяжении зимы 1810/11 года он продолжал настойчиво хлопотать перед царским правительством об освобождении кораблей, задержанных в Ревеле, Риге, Либаве, а также в Архангельске и Кронштадте⁷⁰. Многие случаи оказались сложными и запутанными, сильно мешало противодействие французского посла, а также бюрократическая процедура, установленная строгими правилами континентальной блокады. В конце концов, однако, усилия Д. К. Адамса и на этот

⁶⁷ Коленкур — Шампаньи, 15 января 1811 г. — «Дипломатические сношения России и Франции...», т. V, стр. 263.

⁶⁸ Цит. по: Е. В. Тарле. Сочинения, т. III, стр. 367.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 30.

⁷⁰ См., в частности, J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 191—192, 194—195, 233—236, а также многочисленные ноты Н. П. Румянцеву, прилагавшиеся в копиях при донесениях Д. К. Адамса, в NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

раз увенчались полным успехом: около 23 американских судов были освобождены как раз к началу весенней навигации 1811 г.⁷¹ Любопытно, что первое известие об этом посланник получил на торжественном обеде у французского посла 18 марта 1811 г. Как только посланник вошел в зал, к нему подошел государственный казначей барон Кампенгаузен и сообщил о решении, принятом накануне по его докладу императором Александром I. Из дневниковой записи Д. К. Адамса видно, что барон сообщил, «что дела всех американских судов (за исключением «Элизы» в Архангельске) окончательно решены; что их грузы и части грузов, не имевшие необходимых сертификатов, будут допущены при обязательном заинтересованных в них лиц представить свидетельства позднее; что касается всех остальных мелких партий товаров, с которыми были другие неполадки, то император также распорядился об их допуске и, таким образом, все, что признано американским, должно быть освобождено»⁷².

Успехи, которыми неизменно заканчивались представления Д. К. Адамса, немало озадачивали самого посланника. Ему казалось просто невероятным, что царское правительство столь упорно и последовательно отстаивало право нейтрального мореплавания даже перед лицом страшной угрозы открытого военного конфликта с Наполеоном, тогда как сами Соединенные Штаты терпеливо переносили унижительные оскорбления их флага как со стороны Франции, так и Англии. Силой каких-то, не вполне ясных для Д. К. Адамса, причин русский царь стал большим американцем, чем сами американские лидеры. Заступничество в пользу США перед правительством Дании, всемерное поощрение американской торговли, систематическое освобождение задержанных судов и, наконец, принятие нового тарифа — все это могло показаться удивительным сном, если бы не было объективной реальностью, легко объяснявшейся острыми внутренними противоречиями, разъедавшими развалины франко-русского союза и континентальной системы. Неравная борьба блестящего французского герцога со

⁷¹ Д. К. Адамс — Р. Смиты, 26 марта 1811 г. — NA, *Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II*; S. F. Bemis. *John Quincy Adams...*, p. 171.

⁷² J. Q. Adams. *Memoirs, Vol. II*, p. 246.

скромным посланником далекой заокеанской республики закончилась полным триумфом американца. Свою неудачу в конце концов вынужден был признать сам Колленкур: «Вы здесь большие фавориты. Вам удалось получить могущественную защиту, и почти всем вашим судам разрешен доступ»,— заявил наполеоновский герцог Д. К. Адамс⁷³.

Победу, одержанную Д. К. Адамсом в С.-Петербурге в 1810—1811 гг., американские историки называют иногда «самым блистательным успехом его дипломатической карьеры»⁷⁴. Если быть точным, то с этим мнением вряд ли можно полностью согласиться. Уже будучи в преклонном возрасте, Д. К. Адамс называл «самым важным моментом в своей жизни» и результатом самых успешных переговоров, которые когда-либо велись правительством США,— заключение договора 22 февраля 1819 г. с Испанией, оформившего присоединение Флориды и установившего разграничение вплоть до берегов Тихого океана⁷⁵. В целом же блистательных успехов у Д. К. Адамса за его долгую политическую деятельность было немало (в этой связи достаточно вспомнить его выдающуюся роль в подготовке провозглашения доктрины Монро в конце 1823 г.). Что касается его русской миссии, то при всех заслугах американского посланника как умелого и опытного дипломата ее успех объясняется не столько действиями самого Д. К. Адамса, сколько мощными подводными течениями европейской политики, делавшими неизбежным франко-русский разрыв. И хотя этот разрыв по сути дела был уже только вопросом времени, обе стороны внешне в 1811 г. еще стремились соблюдать известные приличия. Царское правительство твердо не желало провоцировать Наполеона и тем более первой начинать войну. Со своей стороны император французов еще не был подготовлен к вторжению в пределы России и стремился выиграть время. Весьма показательны, что, с одной стороны, в беседе с А. И. Чернышевым в Париже 13(25) февраля 1811 г. Наполеон заявил, что «из-за сахара или каких бы то ни было других товаров не сойдутся и тем более не начинают войны», а с другой,— в

⁷³ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 226.

⁷⁴ H. Adams. Op. cit., Vol. V, p. 420.

⁷⁵ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. XII, p. 78.

тот же день вечером была утверждена инструкция новому послу в С.-Петербурге генералу Ж. Лористону, в которой прямо говорилось, что император «не доверяет никаким переговорам, если только двинутые е. в. в поход 450 тыс. человек с их громадными боевыми средствами не наведут петербургский кабинет на серьезные размышления и не заставят его вернуться искренне к установленной в Тильзите системе и не поставят Россию в то подначальное положение, в котором она была тогда»⁷⁶.

Объективный ход событий между тем неумолимо приближал крах тильзитской системы. «Скажите императору Наполеону,— заявил Александр I в прощальной беседе с А. Коленкуром в мае 1811 г.,— что земля тут трясется подо мною, что в моей собственной империи мое положение стало нестерпимым... Передайте ему от моего имени это честное и последнее заявление: раз уже начнется война,— ему, Наполеону, или мне, Александру, придется потерять свою корону»⁷⁷.

В то время как мир, затаив дыхание, следил за приближающимся конфликтом между двумя величайшими империями — наполеоновской Францией и царской Россией,— деятельные и практичные американские купцы и судовладельцы торопились использовать благоприятные возможности для выгодных торговых операций.

На какой-то период (пусть и очень непродолжительный) обстановка для развития русско-американской торговли складывалась исключительно благоприятно. И в этом прекрасно отдавал себе отчет Д. К. Адамс. Из своих частных бесед с Н. П. Румянцевым посланник вынес твердое убеждение, что канцлер весьма расположен к США и готов пойти на всемерное поощрение русско-американских торговых связей. Н. П. Румянцев не раз вспоминал, что еще будучи министром коммерции он стремился всячески содействовать торговым связям России и США. «Это же горячее желание» он сохранил, став позднее министром иностранных дел. Канцлер подчеркивал, что он с удовольствием согласился бы «на любую подходящую меру» для расширения прямой торговли с

⁷⁶ См. ВПР, т. VI, № 32, стр. 90—91, 693—694; А. Вандаль. Указ. соч., т. III, стр. 314.

⁷⁷ ВПР, т. VI, стр. 701; Caulaincourt. *Memoirs du général de Caulaincourt*, t. I. Paris, 1933, p. 289.

США, и, в частности, особенно интересовался возможным поощрением ввоза звонкой монеты⁷⁸.

Учитывая сложившуюся в России багоприятную обстановку, Д. К. Адамс счел целесообразным поставить вопрос о заключении специального торгового договора и настойчиво рекомендовал эту меру своему правительству.

Предложение Д. К. Адамса привлекло внимание президента Д. Мэдисона, и в феврале 1811 г. посланнику были даны инструкции начать по этому вопросу переговоры с русским правительством⁷⁹. Одновременно в С.-Петербург направлялись «основы» будущего договора, утверждавшего в отношениях между Россией и США «мир, дружбу и взаимопонимание»⁸⁰.

Получив официальную санкцию правительства, Д. К. Адамс поставил этот вопрос в беседе с Н. П. Румянцевым 4 июля 1811 г. Посланник заявил, что за время своего пребывания в С.-Петербурге он вполне оценил «важность и взаимную выгоду торговых связей между Россией и Соединенными Штатами». Отношение России к справедливой торговле и нейтральным правам Америки резко отлично от позиции всех других воюющих европейских держав, и в этой связи ему пришла мысль «еще более укрепить их дружбу заключением торгового договора». Д. К. Адамс отметил далее, что он сам предложил эту идею американскому правительству и в настоящее время уполномочен вести соответствующие переговоры. «Я счел наиболее целесообразным,— записал Д. К. Адамс в своем дневнике,— сделать ему первоначально устное сообщение вместо посылки по этому вопросу официальной ноты. Я просил его рассматривать это сообщение как конфиденциальное с тем, чтобы оно стало известно только тогда, когда он сочтет это желательным»⁸¹.

⁷⁸ См. Записи бесед от 8 августа 1810 г. и 3 января 1811 г.— J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 147, 207.

⁷⁹ Р. Смит — Д. К. Адамсу, февраль 1811 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 149—151. Точная дата на отпуске отсутствует, однако Д. К. Адамс в донесении от 2 июня 1811 г. ссылается на получение инструкции с полномочиями для переговоров о торговом договоре от 13 февраля 1811 г.

⁸⁰ Heads of a Treaty between the United States of America and the Emperor of All Russias.— Ibid., p. 151—154.

⁸¹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 271.

Со своей стороны Н. П. Румянцев вновь подтвердил «свое большое и давнее расположение к Соединенным Штатам» и подчеркнул, что поощрение торговли с Америкой для него не только результат личной симпатии, но уже давно «принцип политики». «В интересах России,— заявил канцлер,— поощрять, укреплять и умножать торговые державы, которые могут стать соперниками Англии и образовать противовес ее превосходящей силе». Поскольку эти соображения уже неоднократно излагались императору и последний всегда с ними соглашался, Н. П. Румянцев не сомневался в том, что предложение Д. К. Адамса не встретит затруднений. Единственно, что, по его мнению, может помешать, так это «возбужденное и конвульсивное состояние мировой торговли», в результате чего вряд ли возможно вообще договориться о чем-либо⁸².

Наряду с международными осложнениями, которые имел в виду Н. П. Румянцев, известное влияние на перспективы соглашения оказало состояние личных дел Д. К. Адамса. Следует сказать, что уже вскоре после своего приезда в С.-Петербург Д. К. Адамс обнаружил, что его скромное жалованье совершенно не соответствует огромным расходам «на представительство». Американскому посланнику за границей полагалось в год всего 9 тыс. долл. (что составляло около 40 тыс. руб.) и, кроме того, примерно такая же сумма выделялась на покрытие издержек по переезду, устройству дома, на почтовые расходы и пр. Для бережливых конгрессменов эта сумма представлялась непомерно большой. И их в известной степени можно понять, если учесть, что только президент США получал 25 тыс. долл. в год (а вице-президент всего 5 тыс.). С другой стороны, если сравнить жалованье Д. К. Адамса с расходами герцога Виценцкого, превышавшими 1 млн. руб. в год, то станет ясно, что американскому посланнику его «зарплата» казалась совершенно недостаточной⁸³. Необычайная дороговизна жизни в царской столице стала главным поводом для жалоб в письмах в Соединенные Штаты, а также в дневниковых записях экономного и щепетильного пуританина⁸⁴.

⁸² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 271—272.

⁸³ Ibid., p. 72, 132 ff.

⁸⁴ С необычайной пунктуальностью Д. К. Адамс вел точный учет всех своих расходов в С.-Петербурге. Если в Америке годовой бюд-

Взволнованная мать посланника Абигейль Адамс обратилась прямо к президенту с просьбой немедленно отозвать ее сына домой. Учитывая это обращение, Д. Мэдисон разрешил посланнику покинуть свой пост, когда он сочтет это для себя необходимым, но одновременно, принимая во внимание значение его миссии, просил, если возможно, продлить пребывание в С.-Петербурге⁸⁵.

8 января 1811 г. в беседе с Н. П. Румянцевым Д. К. Адамс сообщил, что он получил от своего правительства разрешение на отъезд в США, но, по-видимому, воспользуется им не ранее лета. Как Н. П. Румянцев, так и царь выразили посланнику свое глубокое сожаление по этому поводу и надежду, что его пребывание в С.-Петербурге еще продлится⁸⁶. Несколько позже, в феврале 1811 г., президент Д. Мэдисон с согласия сената назначил Д. К. Адамса в состав Верховного суда США, о чем государственный секретарь Р. Смит официально сообщил как Ф. П. Палену, так и самому Д. К. Адамсу⁸⁷. По ряду соображений и прежде всего по семейным обстоятельствам (Луиза Адамс ждала ребенка) посланник отказался от нового назначения и предпочел остаться в С.-Петербурге⁸⁸.

жет его семьи составлял всего 2680 долл., то в русской столице он возрос до 10 680 долл. (в 1813 г. он составил по точной записи самого Д. К. Адамса 11 741 долл. 52 цента, или 50 678 руб. 02 коп.). См. John Quincy Adams and Russia, p. 31—34.

⁸⁵ См. частное письмо Д. Мэдисона — Д. К. Адамсу, 16 октября 1810 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. III, p. 518—519.

⁸⁶ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 218.

⁸⁷ См. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 11 (23) февраля 1811 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12165, л. 18; Р. Смит — Д. К. Адамсу, 26 февраля 1811 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 145—146; J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 275. Вскоре после этого ушел в отставку и государственный секретарь Р. Смит, вместо которого был назначен Д. Монро. Любопытно, что в качестве «утешения» президент предложил Р. Смиту пост посланника в С.-Петербурге, но последний после некоторого размышления предпочел отказаться (см. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 27 марта (8 апреля) 1811 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12165, л. 26).

⁸⁸ См. Д. К. Адамс — Д. Монро, 2 июня 1811 г.— J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 275—276. В начале следующего, 1812 г., Д. К. Адамс сообщил Н. П. Румянцеву, что президент согласился продлить его пребывание на посту посланника в России и в этой связи назначил в состав Верховного суда США другое лицо (*ibid.*, p. 335, запись от 4 февраля 1812 г.).

Не зная, каково будет окончательное решение правительства США в отношении его миссии, Д. К. Адамс не сделал официального предложения о заключении торгового договора, сославшись в беседе с Н. П. Румянцевым 6 июля 1811 г. «на неопределенность состояния как государственных дел, так и его собственного положения». Со своей стороны канцлер заметил, что «ввиду этой неопределенности во всем действительно представляется невозможным вступать в какое-либо обсуждение по вопросам торговли», и, таким образом, официальные переговоры о заключении договора в то время так и не были начаты⁸⁹.

В ходе продолжительных и непринужденных бесед между Д. К. Адамсом и Н. П. Румянцевым обсуждались, как правило, самые различные политические проблемы. Собеседники касались не только собственно русско-американских отношений, но обычно подробно рассматривали многие важнейшие аспекты иностранной политики в целом: взаимоотношения США с Англией и Францией, проблемы международной торговли и континентальной блокады, изменения в составе британского кабинета и особенности политической системы Наполеона. Так, по мнению Н. П. Румянцева, политика французского правительства в области торговли отличалась крайней противоречивостью и непоследовательностью и что в этом отношении на Наполеона совершенно нельзя полагаться. Любое его решение и любое действие — «результат случайного впечатления» и итог минутного порыва. По словам Н. П. Румянцева, Наполеон I никогда не считал, что в торговле заинтересовано все человечество, а видел в ней лишь результат деятельности относительно небольшой части населения. «В действительности же,— подчеркивал канцлер,— торговля — это дело всех нас. Хотя купцы, конечно, только одна группа индивидуумов, составляющая небольшую часть всего народа, но торговля **как обмен взаимных излишков на взаимные нужды** есть именно то связующее звено, которое образует человеческое общество, основа полезного мирного общения меж-

⁸⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 289, а также донесения Д. К. Адамса государственному секретарю Д. Монро от 9 июня и 9 августа 1811 г.— NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II.

ду нациями, жизненная необходимость для всех классов населения»⁹⁰.

Приглашая Д. К. Адамса к «свободной беседе», русский министр любил предупредить, что они разговаривают, «как один частный джентльмен с другим». Н. П. Румянцев желал, чтобы посланник видел в нем не канцлера могущественной империи, а частное лицо, которое нуждается в полезном совете. Эта своеобразная манера консультации представляла особую форму вежливости, а также личного расположения⁹¹.

Постоянной темой для взаимного обмена мнениями между Н. П. Румянцевым и Д. К. Адамсом служили бурные события начавшейся революционной войны за независимость в Латинской Америке. Русский канцлер, по отзыву Д. К. Адамса, всегда проявлял особенный интерес к Южной Америке⁹². Его интересовали последние сообщения о положении в испанских колониях, позиция европейских держав и США в этом вопросе, общее влияние революции в Новом свете на мировую торговлю и международные отношения и т. д. Оба собеседника вполне разделяли мнение о важности расширения торговых связей с новыми государствами и весьма определенно склонялись к мысли о неизбежности окончательного отпадения испанских колоний от метрополии.

Интересно отметить, что, правильно угадав перспективы начавшейся революции в Испанской Америке, Д. К. Адамс (а вместе с ним и Н. П. Румянцев) сильно ошибался в оценке ее последствий для Великобритании. Д. К. Адамс считал само собой разумеющимся, что «смертельный удар по старой колониальной системе» прежде всего противоречит интересам Англии, так как подрывает самую основу ее могущества. Посланник исходил при этом из того, что испанские и португальские колонии в Америке, завоевав независимость и право на свободную торговлю со всеми странами, тем самым заставят Англию отказаться от монопольной системы в отношениях с ее колониальными владениями (имелась в виду прежде всего британская Вест-Индия)⁹³. Вместе с тем собеседники совершенно не учитывали, что именно

⁹⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 336.

⁹¹ Ibid., p. 144, 159, 290 ff.

⁹² Ibid., p. 102, 217 ff.

⁹³ Ibid., p. 182—184, 217, 339—340.

Великобритания, как первая промышленная и торговая держава мира, больше всех выигрывала от установления регулярных связей с новым обширным рынком в Южной Америке.

Дальний политический прогноз — вещь, как известно, слишком сложная и опасная, чтобы можно было ставить в вину Д. К. Адамсу или Н. П. Румянцеву ошибку в оценке конкретных результатов отпадения Испанской Америки от метрополии. Гораздо более существенным представляется совпадение их взглядов по вопросу о выгоде установления прямых торговых связей с новыми государствами и твердая уверенность в неизбежности полного развала старой колониальной системы в Америке.

Испано-американский вопрос очень скоро перерос узкие рамки частных консультаций русского канцлера с посланником США и уже осенью 1811 г. стал предметом официального обсуждения в высших правительственных сферах царской России. Не касаясь всех сложных аспектов общей позиции России в войне Испанской Америки за независимость, мы позволим себе остановиться на этой важной проблеме лишь в связи с русско-американскими отношениями и, в частности, с деятельностью Д. К. Адамса и Л. Гарриса⁹⁴.

В августе 1811 г. генеральный консул США в С.-Петербурге Л. Гаррис сообщил Н. П. Румянцеву о приезде своего соотечественника К. Л. Паркера из Нью-Йорка, жившего до этого несколько лет в Каракасе и имевшего полномочия сделать русскому правительству предложение от властей этой страны. Л. Гаррис сообщил канцлеру, что «провинции Каракас, Венесуэла и вице-королевство Санта-Фе» отделились от Испании, учредили временные правительства, одним из первых актов которых было открытие портов для торговли всех дружественных стран. Провозгласив свою независимость, жители

⁹⁴ Впервые этот вопрос на основе новых архивных материалов был поставлен нами в специальной публикации: «Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость». — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 120—131. Ряд документов (№ 65, 77, 85 и др.) включен также в VI том ВПР. Общая позиция России в войне Латинской Америки за независимость подробно рассматривается в новой монографии Л. Ю. Слезкина «Россия и война за независимость в Испанской Америке». М., 1964.

Южной Америки хотели бы установить прямые торговые связи с Россией.

Вслед за этим состоялись две беседы Н. П. Румянцева с К. Л. Паркером⁹⁵. Американец информировал канцлера о положении в Южной Америке и отметил, что новые государства хотели бы получать из России льняные изделия, парусину, ткани, железо и другие товары. В специальной записке К. Л. Паркер сообщил также подробные сведения о торговле и производстве новых государств Испанской Америки и прежде всего провинции Венесуэла, провозгласившей 19 апреля 1810 г. свою независимость от метрополии. В частности, он приводил таблицу цен на товары, производившиеся в Каракасе за 1800—1810 гг.⁹⁶ Паркер заверил канцлера, что «какой бы конец ни последовал с войной в Гишпании, жребий сей страны не будет иметь влияния на участь колоний ее в Америке; что они решились навсегда сложить с себя иго ее владычества, и хотя ныне управляются именем Фердинанда, но сие только для того, чтобы поставить в виду народа признак власти, удаленной, впрочем, от всякого влияния и лишенной всех способов действовать». Н. П. Румянцев, не оспаривая слов Паркера, заметил, что главное затруднение в предлагаемых сношениях заключается в правилах континентальной системы, которые Россия обязана строго соблюдать. Впрочем, сам канцлер не считал это препятствие непреодолимым и в этой связи подчеркивал в своей записке Государственному совету 16(28) сентября 1811 г.: «Не может настоять сомнения в том, сколь полезно было бы для торговли нашей сие новое распространение непосредственных сношений с краем, найзобильнейшим всякими произведениями и даже самыми драгоценными металлами, но нуждающимся в избытках наших»⁹⁷.

Н. П. Румянцев полагал, что установление прямых торговых отношений с новыми государствами Испанской

⁹⁵ См. «Запись двух бесед канцлера Российской империи с г-ном Паркером гражданином Нью-Йорка, проживающим в Каракасе», август 1811 г.—АВПР, ф. Административные дела, II—3, 1811 г., д. 17, лл. 8—15.

⁹⁶ Там же, лл. 1—4.

⁹⁷ «Записка об открытии торговых сношений с гишпанскими колониями». 16 (28) сентября 1811 г.—«Исторический архив», 1962, № 3, стр. 125—127.

Америки не противоречит и политическим связям России, поскольку по указанию Наполеона I его министр внутренних дел граф Монталиве заявил 13 декабря 1809 г. во французском законодательном собрании: «Если Испания лишится своих колоний, то это ее собственная воля. Император никогда не будет против независимости стран на американском материке»⁹⁸. Основываясь на этом, Н. П. Румянцев полагал, что для России не только не может быть «какой-либо неудобности в открытии торговых сношений с сими колониями, но что сей торг разрешить должно, с соблюдением только, чтобы оное разрешение было точно основано на общих правилах континентальной системы».

В соответствии с распоряжением Александра I 16 (28) сентября 1811 г. Н. П. Румянцев направил государственному секретарю М. М. Сперанскому свою записку и проект соответствующего указа на имя министра финансов Д. А. Гурьева об открытии русских портов для кораблей Латинской Америки с тем, чтобы вопрос был рассмотрен на заседании Государственного совета⁹⁹. «Приемля в уважение,— отмечалось в проекте указа,— что перемены в торговой системе колоний полуденной Америки от нового политического в сей части света положения произошедшие открыли там порты для всех торгующих народов, мы признали, что какой бы образ управления в сих областях ни был установлен, но естли неприятели наши не имеют на оный влияния, он не может быть препятствием к торговым сношениям тамошних обывателей с нашими подданными»¹⁰⁰. В соответствии с правилами континентальной системы корабли, прибывающие из Латинской Америки, обязаны были представлять установленные свидетельства от русских генеральных консулов в США или в Рио-де-Жанейро.

9 (21) октября 1811 г. состоялось общее собрание Государственного совета, посвященное рассмотрению представления Н. П. Румянцева. Четыре члена совета высказались за утверждение предложений канцлера. Большинство (21 член) проголосовало за отсрочку предложенных мер, «доколе правительство трех провинций,

⁹⁸ ЦГИА, ф. 1148, оп. том 1, 1811 г., д. 2, лл. 12—13.

⁹⁹ Н. П. Румянцев — М. М. Сперанскому, 16 (28) сентября 1811 г. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 125.

¹⁰⁰ Там же, стр. 127.

домогающихся о вступлении с нами в торговые сношения, не утвердится прочным образом и нами торжественно признано не будет»¹⁰¹.

Комментируя это решение, Д. К. Адамс писал государственному секретарю Д. Монро, что оппозиция проистекает из опасения, что принятие предложений Н. П. Румянцева неизбежно повлечет за собой признание независимости Испанской Америки. Эта цель, по мнению посланника, без сомнения, имелась в виду канцлером: «Русская политика, по его замыслу, должна была содействовать независимости провинций Южной Америки», а его желание, по-видимому, заключалось в том, чтобы Россия стала первой державой, признавшей новые государства¹⁰².

Объясняя мотивы отклонения предложений Н. П. Румянцева большинством Государственного совета, Д. К. Адамс ссылаясь прежде всего на позицию Великобритании и «действовавшее подспудно английское влияние»¹⁰³. Именно в этом влиянии посланник усматривал истинную причину неудачи проекта канцлера, тогда как на самом деле вопрос был гораздо сложнее. Если иметь в виду иностранное влияние, то речь, по-видимому, должна идти в первую очередь об Испании, с которой именно в это время, осенью 1811 г., были возобновлены строго секретные переговоры о заключении союзного договора¹⁰⁴.

¹⁰¹ Протокол общего собрания Государственного совета, 9 (21) октября 1811 г.—«Исторический архив», 1962, № 3, стр. 127—128. Подлинный текст протокола хранится в ЦГИА, ф. 1148, оп. 9, 1811 г., д. 13, лл. 48—53. Хотя все подписи на подлиннике удалось в конце концов расшифровать, установить, кто из членов совета голосовал за и кто против, оказалось невозможным, так как ни в самом протоколе, ни в материалах, связанных с его подготовкой, никаких сведений на этот счет не имеется.

¹⁰² Д. К. Адамс — Д. Монро, 26 октября 1811 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. IV, p. 256; NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II.

¹⁰³ Д. К. Адамс — Д. Монро, 26 октября 1811 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. IV, p. 256; Д. К. Адамс — Д. Монро, 29 февраля 1812 г.— Ibid., p. 300—301; NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II.

¹⁰⁴ См. Сеа Бермудес — Р. А. Кошелеву, 16 (28) сентября 1811 г.— АВПр, ф. Канцелярия, д. 3279, лл. 17—20 и публикацию: Н. М. [Романов]. Император Александр I. Опыт исторического исследования, т. 2. СПб., 1912. История вопроса освещается также в статье И. Звавича «Испания в дипломатических отношениях России в 1812 г.»—«Исторический журнал», 1943, кн. 3—4.

Еще большее значение имели, однако, острые внутренние разногласия, существовавшие в то время в правящих кругах самой царской России. Реакционное большинство Государственного совета, отражавшее настроение верхушки русского дворянства, явно не разделяло «американские симпатии» Н. П. Румянцева, который стал в это время утрачивать свое прежнее влияние. С его именем связывали ненавистный Тильзитский мир и сближение с Францией. И если канцлер избежал участи М. М. Сперанского и продолжал (по крайней мере формально) возглавлять министерство иностранных дел, то среди членов Государственного совета он имел много политических противников и личных врагов. Именно эти лица всячески противодействовали осуществлению предложений Н. П. Румянцева, тем более, что в глазах высших царских сановников они выглядели «якобинскими».

В этой связи очень показательны письма члена Государственного совета, обер-гофмейстера Р. А. Кошелева царю в сентябре-октябре 1811 г., написанные не без влияния представителя регентского совета Испании Сеа Бермудеса¹⁰⁵. Р. А. Кошелев пользовался в то время особым доверием Александра I. Именно ему было поручено вести секретные переговоры с Сеа Бермудесом, вновь приехавшим в С.-Петербург осенью 1811 г. Стремясь не допустить принятия предлагавшихся Н. П. Румянцевым мер, этот крайний реакционер и мистик ссылался на пример Екатерины II и называл восставшие колонии «жертвами сатанинского внушения» (*victimes du souffle satanique*)¹⁰⁶. Несколько позже, 11 (23) октября 1811 г., обер-гофмейстер с горечью жаловался Александру I, что «гнусное дело восставших торжественно обсуждается Советом», в то время как агенту законного правительства не удастся «в течение более чем четырех недель получить неопределенный официальный ответ»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Обратим внимание, в частности, на письмо Сеа Бермудеса от 23 сентября (5 октября) 1811 г., в котором испанский дипломат прямо жаловался Р. А. Кошелеву на химерические проекты эмиссаров восставших колоний, вносящие, по его словам, «семена раздора» (см. Сеа Бермудес — Р. А. Кошелеву, 23 сентября (5 октября) 1811 г. — АВПР, ф. Канцелярия, л. 3279, лл. 26—28).

¹⁰⁶ Р. А. Кошелев — Александру I, 23 сентября (5 октября) 1811 г. — Н. М. [Романов]. Указ. соч., т. 2, приложение, стр. 48.

¹⁰⁷ Р. А. Кошелев — Александру I, 11 (23) октября 1811 г. — Там же, стр. 51.

В тот же день в другом письме к царю Р. А. Кошелев, не останавливаясь перед клеветой, прямо обвинил «недостойного министра», «завидующего славе своего государя», в том, что «без соблюдения установленных форм» он позволил себе поставить «бесчестное дело Каракаса» на рассмотрение «пленума Совета» и прочитал указ, намеренно подготовленный против монаршей воли¹⁰⁸.

Формально Александр I сделал не в меру прыткому обер-гофмейстеру резкий выговор, подтвердив, что «дело Каракаса» было представлено Государственному совету «в соответствии с его указаниями». Царь заявил также, что он не потерпит вмешательства посла любой иностранной державы, и в другой раз лицу, которое предпримет «дерзость», придется за нее раскаяться¹⁰⁹. Однако, начертав 27 октября (8 ноября) 1811 г. на решении Государственного совета привычную резолюцию: «быть по мнению большинства голосов», Александр I тем самым отказался в решительный момент поддержать Н. П. Румянцева¹¹⁰.

В этих действиях ярко проявилась вся двуличность Александра I. В то время царь еще не отказался от либеральной маскировки, которой так умело пользовался в первые годы своего правления. Вместе с тем Александр I, сославший вскоре (март 1812 г.) М. М. Сперанского ради более тесного сближения с русскими ретроgrадами, ни в коей мере не хотел возбуждать своим решительным вмешательством недовольство большинства Государственного совета. Подчиняясь результатам голосования и отказываясь от действительно прогрессивной меры, царь по существу был уже заодно с Р. А. Кошелевым и А. А. Аракчеевым.

Эпилог этих событий относится уже к началу следующего, 1812 года. Представитель независимых провинций Южной Америки в Лондоне Луис Лопес Мендес обратился 12 января к Л. Гаррису с просьбой оказать содействие для получения санкции с.-петербургского двора «на акт независимости, провозглашенной народом

¹⁰⁸ Р. А. Кошелев — Александру I, 11 (23) октября 1811 г. — Н. М. [Романов] Указ. соч., т. 2, приложение, стр. 51.

¹⁰⁹ Александр I — Р. А. Кошелеву, 11 (23) октября 1811 г. — Там же, стр. 4.

¹¹⁰ «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 129.

Венесуэлы». Выполняя эту просьбу, американский консул некоторое время спустя представил Н. П. Румянцеву письмо Л. Мендеса и «частным путем беседовал с графом по этому поводу». В ходе беседы Л. Гаррис сообщил канцлеру, что «вместе со всеми либеральными и просвещенными людьми» он заинтересован «в успехе великого и справедливого дела, которое избрали наши братья в Новом свете», и что ему особенно приятно быть посредником в этом деле, поскольку в результате длительного знакомства с Н. П. Румянцевым он «имел честь узнать его чувства в подобных вопросах». По свидетельству Л. Гарриса, «канцлер воспринял это сообщение с большим удовлетворением», заверил в правильной оценке его взглядов и указал, что этот вопрос «немедленно станет предметом рассмотрения императора»¹¹¹.

Этот же вопрос стал предметом обсуждения между Н. П. Румянцевым и Д. К. Адамсом 4 февраля 1812 г. Канцлер осведомился о позиции правительства США в отношении провинций Испанской Америки и, в частности, спросил, имеются ли в Вашингтоне их представители. Д. К. Адамс ответил, что ему известно, что в США находятся представители Венесуэлы и что американское правительство благожелательно относится к изменениям, происходящим в этих провинциях, считая, что они в общем будут выгодны для «интересов человечества». Посланник с тем большей готовностью сообщил об этом канцлеру, потому что из «предыдущих бесед» и «других обстоятельств» он знал, что взгляды Н. П. Румянцева и взгляды правительства США в этом вопросе полностью совпадают¹¹².

Вновь подтвердив, что такое совпадение действительно имеет место, Н. П. Румянцев вместе с тем высказал одно сомнение, которое проливает дополнительный свет на причины отклонения его проекта Государственным советом в октябре 1811 г. «Население этих провинций, заявил канцлер, держалось в состоянии такого жестокого угнетения, что он опасается, что,

¹¹¹ Л. Гаррис — Д. Монро, 1 (13) мая 1812 г. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 130.

¹¹² См. запись беседы от 4 февраля 1812 г. — J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. IV, p. 339—340, а также донесение Д. К. Адамса Д. Монро от 29 февраля 1812 г. — J. Q. Adams. *Writings*, Vol. IV, p. 300; NA. *Diplomatic Despatches*, Russia, Vol. II.

добиваясь своей независимости, они проявят примеры того же насилия и те же сцены жестокости, которые, как показывает опыт, столь обычны для подобных революций».

Будучи готов приветствовать революцию «американского образца», Н. П. Румянцев явно не хотел, чтобы события пошли по примеру Великой французской революции 1789—1794 гг., и прямо выражал надежду, что в испанских провинциях дело будет происходить иначе. Сообщая о своем предложении Государственному совету об открытии прямых торговых связей с новыми государствами, что повлекло бы за собой признание их нового положения, Н. П. Румянцев заметил: «Но в этом я потерпел неудачу. Опасение тех беспорядков, о которых я упоминал, помешало моему успеху. *В настоящее время можно будет снова вернуться к этому вопросу*»¹¹³.

Вернуться к этому вопросу Н. П. Румянцеву, повсей видимости, так и не удалось. Правда, Л. Гаррис упоминал в письме Д. Монро от 1(13) мая 1812 г., что «Совет на нескольких заседаниях обсуждал предложенную меру, но в конце концов большинством в два или три голоса отклонил ее. Настоящее политическое положение Европы и, в частности, Испании, на что было специально обращено внимание императора, явилось причиной несогласия Совета с предложениями государя»¹¹⁴. И хотя Л. Гаррис пишет о нескольких заседаниях, его информация, по-видимому, относится к обсуждению проекта Н. П. Румянцева осенью 1811 г. Пленумы Государственного совета собирались очень редко, и изучение материалов ЦГИА свидетельствует, что никакого другого общего собрания по вопросу об отношениях с Латинской Америкой, кроме заседания 9(21) октября 1811 г., не было.

Что касается нового обращения Л. Мендеса в январе 1812 г., то Н. П. Румянцев специально просил Л. Гарриса передать в ответ, «что он сохраняет чувства, аналогичные тем, которые он выразил г-ну Паркеру,

¹¹³ Как обычно, дневниковая запись от 4 февраля 1812 г. почти буквально совпадает с текстом последующего официального донесения государственному секретарю.

¹¹⁴ Л. Гаррис — Д. Монро, 1 (13) мая 1812 г. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 130.

начавшему переписку по этому вопросу, и что е. и. в. проявляет глубокую заинтересованность в прогрессе в направлении самоуправления, который происходит в Южной Америке, но что в настоящее время признание независимости этих провинций, изменение политического положения которых стало здесь известным, не может получить официальной санкции Александра I.

Развитие дружественных чувств в отношении жителей Южной Америки, поощрение и защита всех торговых операций, осуществляемых ими в портах его империи, всегда будут соответствовать желаниям русского монарха, и после того, как независимость провинций Южной Америки будет признана Великобританией, он, не колеблясь, последует столь достойному примеру. Политическое положение Европы в настоящее время не дает ему возможность сделать большего»¹¹⁵.

Хотя никакого официального признания восставших испанских колоний в Америке в то время (да и впоследствии) не произошло, в своей практической деятельности русское правительство не только не препятствовало контактам с южноамериканским рынком, но, как известно, всемерно поощряло ввоз колониальных товаров.

Общее расширение сферы внешней политики России, значительное увеличение торговли с США, а через их посредничество и со странами Латинской Америки, вызвало известную реорганизацию в 1811—1812 гг. русских дипломатических и консульских представительств в Америке. Летом 1811 г. Ф. П. Пален был назначен посланником в Рио-де-Жанейро. В соответствии с указом от 16 (28) июля 1811 г. вместе с ним в «Рио Янейро» должны были отправиться советник посольства П. Полетика и секретарь Ф. Иванов¹¹⁶. Столь экзотическому месту назначения Ф. П. Пален с формальной стороны был обязан тому, что португальский двор в

¹¹⁵ Л. Гаррис — Л. Мендесу, 19 (31) марта 1812 г. — Там же, стр. 129.

¹¹⁶ См. Н. П. Румянцев — Ф. П. Палену, 28 июля (9 августа) 1811 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 4, л. 13. Текст указа от 16 (28) июля 1811 г. — Там же, л. 14. Ссылаясь на мнение врачей, П. Полетика предпочел уклониться от нового назначения и не поддерживать свое здоровье опасному действию «знойного климата» (см. П. Полетика — Н. П. Румянцеву, 19 (31) октября 1811 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12165, л. 100).

1807 г. в связи со вторжением французских войск бежал в Бразилию. Сообщая об этом перемещении Д. К. Адамсу, Н. П. Румянцев со смехом добавил, что «для графа Палена, по-видимому, сама судьба уготовила посетить всех государей Америки» и что если в этом полушарии возникнет еще одна подобная держава, то ему вновь придется давать поручение об установлении с ней дипломатических отношений¹¹⁷.

В связи с переездом принца-регента Португалии в Рио-де-Жанейро возникла необходимость изменения старого русско-португальского торгового договора 1798 г., поскольку теперь речь шла уже о товарах, которые производились не в самой метрополии, а в ее колониях и прежде всего в Бразилии¹¹⁸.

В инструкциях новому посланнику в Рио-де-Жанейро от 22 августа (3 сентября) 1811 г., подписанных Александром I и контрассигнованных Н. П. Румянцевым, прямо указывалось: «С тех пор как местопребыванием португальского правительства стала Бразилия, существует, собственно говоря, лишь один вопрос в отношениях с этой державой, который, действительно, может представлять для России интерес: это торговля, выгоды которой кажутся несомненными. Это признают все торговцы, и последний договор, подписанный в Рио-де-Жанейро с Великобританией, свидетельствует о том, какое значение может иметь эта торговля. Взяв на

¹¹⁷ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 280—281 (запись от 25 июля 1811 г.). Официальное извещение о перемещении Ф. П. Палена русский канцлер направил Д. К. Адамсу 18 (30) июля 1811 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 3340, л. 4.

¹¹⁸ Впервые этот вопрос обсуждался Государственным советом по инициативе Н. П. Румянцева еще 7 (19) февраля 1810 г., а вскоре после этого, в марте того же года, в результате обмена письмами с поверенным в делах Португалии было оформлено временное соглашение, предусматривавшее, в частности, снижение пошлин на товары, привозимые из Бразилии (см. «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 2, стр. 1137; ПСЗР, т. XXXI, стр. 173). Весной следующего 1811 г. Н. П. Румянцев вновь представил на рассмотрение Государственного совета проект декларации, предусматривавшей уменьшение наполовину пошлин на товары, доставляемые в Россию из португальских колоний (см. ВПР, т. VI, № 29, стр. 83—84, 692; «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 2, стр. 1160—1162). Окончательное соглашение о продлении срока действия русско-португальского договора 1798 г. о дружбе, торговле и мореплавании было заключено 29 мая (10 июня) 1811 г. (см. ВПР, т. VI, № 168, стр. 420—421).

себя, наряду с англичанами, эту торговлю, Россия, безусловно, получит большую выгоду; в то же время это обеспечит значительные выгоды Бразилии».

Следует учесть также, что, хотя официально назначение Ф. П. Палена в Рио-де-Жанейро не связывалось с начавшейся войной за независимость в Испанской Америке, по существу пост посланника в Рио-де-Жанейро открывал, понятно, новые возможности для получения информации о положении в этой части света, развития торговых связей, а быть может, и установления предварительных дипломатических контактов с новыми государствами.

Особый интерес представляет в этой связи то место в инструкции Ф. П. Палену, которое прямо касается позиции России в отношении новых государств Испанской Америки: «Не исключено, что некоторые сторонники независимости колоний будут делать Вам предложения относительно установления связей с Россией; возможность этого подтверждается тем фактом, что подобная мысль уже возникла у новых властей Каракаса, Санта-Фе и Венесуэлы. Если Вам будут сделаны какие-либо предложения в этом смысле, Вы не должны отказываться выслушать их, ограничиваясь, однако, общими заверениями относительно широкого покровительства, оказываемого в моих владениях всякой законной торговле, и избегая давать какие-либо обязательства, могущие оказаться преждевременными. В ожидании того момента, когда обстоятельства покажут, какую позицию нам следует занять в отношении их, следует льстить их самолюбию, искусно рисуя перспективы того, что русское правительство, очевидно, охотно признает их новый политический статус; особый упор делайте на то, что они уже теперь могут рассчитывать на благоприятное отношение к их торговцам, независимо от того, какое правительство будет ими управлять»¹¹⁹.

Откровенный и даже несколько циничный тон царской инструкции позволяет с уверенностью считать, что, будучи заинтересовано в развитии торговых отношений с Южной Америкой, русское правительство в то же время избегало давать какие-либо твердые обязатель-

¹¹⁹ Александр I — Ф. П. Палену, 22 августа (3 сентября) 1811 г. — ВПР, т. VI, № 58, стр. 156—159.

ства в отношении юридического признания восставших колоний. Миссия Ф. Палена должна была в этом смысле выполнять роль своеобразной предварительной разведки, и не удивительно поэтому, что Д. К. Адамс в беседе с Н. П. Румянцевым в феврале 1812 г. отмечал выгоды пребывания посланника в Рио-де-Жанейро для наблюдения о положении не только в самой Бразилии, но и в провинциях Испанской Америки¹²⁰.

Одновременно с перемещением Ф. П. Палена в Бразилию на вакантное место посланника в Вашингтоне указом от 16(28) июля 1811 г. за подписью Александра I и Н. П. Румянцева был назначен А. Я. Дашков. Советником миссии назначался коллежский ассессор Сверчков¹²¹. 20 июля (1 августа) 1811 г. царь подписал верительные грамоты о назначении А. Я. Дашкова, которые в соответствии с обычной процедурой 3(15) ноября 1811 г. были официально вручены посланником президенту Д. Мэдисону¹²². Накануне прощальной аудиенции удостоился Ф. П. Пален¹²³. К месту назначения он выехал, однако, лишь в следующем, 1812 году. Незадолго до своего отъезда Ф. П. Пален завершил написание обширного «Мемуара», в котором подвел итоги своим американским наблюдениям¹²⁴.

Серия перемещений в составе русских представителей в Америке завершилась назначением 5(17) августа 1811 г. на пост генерального консула в Филадельфии Н. Я. Козлова¹²⁵. Тогда же на должность секретаря «к посту генерального консула» в Филадельфии был

¹²⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 339.

¹²¹ Указ коллегии иностранных дел от 16 (28) июля 1811 г.—АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 4, л. 18; Н. П. Румянцев—А. Я. Дашкову, 28 июля (9 августа) 1811 г.—Там же, л. 17; ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 74, л. 1. Весной 1812 г. «сверх штата» в миссию в Филадельфии был зачислен переводчик коллегии иностранных дел А. Дивов (см Н. П. Румянцев—А. Я. Дашкову, 27 марта (8 апреля) 1812 г.—АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 5, л. 22).

¹²² См. АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 4, лл. 22—23; А. Я. Дашков—Александрю I, 3 (15) ноября 1811 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 9240, лл. 51—52; NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 69.

¹²³ Ф. П. Пален—Александрю I, 2 (14) ноября 1811 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12165, лл. 108—110.

¹²⁴ «Мемуар о Соединенных Штатах Америки», 11 (23) февраля 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12166, лл. 5—52.

¹²⁵ ЦГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 310, л. 174.

«определен» упоминавшийся выше Павел Свиньин. 12(24) августа 1811 г. Н. П. Румянцев от имени коллегии иностранных дел подписал подробную инструкцию для нового консула¹²⁶. В своей деятельности Н. Я. Козлову поручалось «следовать уже определившейся линии и продолжать содействовать проведению в жизнь политики России по отношению к Соединенным Штатам, заключающейся прежде всего в установлении на прочной основе прямых торговых связей между двумя странами и во всемерном их развитии» (п. 2-й).

Одновременно в инструкции весьма определенно указывалось на заинтересованность России в установлении деловых связей с новыми государствами Южной Америки, которые открыли свои порты для иностранной торговли. Н. Я. Козлову вменялось в обязанность не пренебрегать никакими средствами для того, «чтобы обеспечить России возможность воспользоваться преимуществом, которое она могла бы извлечь из этого». С этой целью русский генеральный консул должен был установить связи с жителями новых государств, которые приедут по торговым делам в Филадельфию, и довести до их сведения о выгодах торговли с Россией, о покровительстве, которое они там встретят, и, наконец, о политической важности дружбы «столь могущественной державы» (п. 3-й). Н. Я. Козлову особо поручалось собрать точные и подробные сведения о новых государствах Латинской Америки, состоянии их торговли и также постановлений, «изданных после того, как они отделились от метрополии» (п. 4-й).

Помимо обычных консульских функций, Н. П. Румянцев поручил Н. Я. Козлову «следить за состоянием и развитием науки и литературы, ремесел и промышленности. Все произведения этого рода, заслуживающие внимания ввиду их выдающихся достоинств и полезности, входят в категорию предметов, о которых Вы должны сообщать императорскому министерству; Вам надлежит посылать ему также все получившие положительную оценку труды по этим вопросам» (п. 10-й). Надо сказать, что этот пункт выглядел несколько необычно в тексте инструкции коллегии иностранных дел

¹²⁶ Полный текст инструкции Н. Я. Козлову от 12 (24) августа 1811 г. см. ВПР, т. VI, № 55, стр. 147—154.

и свидетельствовал о том, что на Н. Я. Козлова возлагались также функции своеобразного научного и культурного представителя.

Расширению торговли с Соединенными Штатами (а через них и с Латинской Америкой) было призвано служить назначение в 1810—1811 гг. консульских агентов в основных североамериканских портах. Напомним, что еще при назначении А. Я. Дашкова летом 1808 г. ему было дано право «назначить агентов в основных портах Соединенных Штатов... из числа американских или иностранных купцов, пользующихся всеобщим уважением» (ст. 10-я)¹²⁷. На этом основании А. Я. Дашков уже весной 1810 г. назначил гражданина г. Балтимор, американского купца Джона Хоскинса своим консульским агентом в штате Мэриленд¹²⁸. 9(21) сентября 1810 г. Н. П. Румянцев известил А. Я. Дашкова, что в соответствии с его просьбой император разрешил присваивать назначенным им агентам в главных американских портах звание вице-консулов¹²⁹. В условиях значительного расширения русско-американской торговли в 1810—1811 гг., а также необходимости строго соблюдать все формальности, связанные с континентальной блокадой, учреждение разветвленной консульской сети в США представлялось весьма целесообразным. Именно эту меру рекомендовал хорошо знакомый с положением в Соединенных Штатах советник миссии в Вашингтоне П. Полетика в своем известном «Мемуаре» о русско-американских отношениях¹³⁰.

Число русских консульских агентов в США в течение 1811 г. быстро возрастает. В соответствии с просьбой Ф. П. Палена от 8 мая 1811 г. правительство США 12 июня официально признало русским вице-консулом в Нью-Йорке Джона Богарта¹³¹. К весне 1812 г. рус-

¹²⁷ Инструкция А. Я. Дашкову от 18 (30) августа 1808 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 159.

¹²⁸ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 1 (13) мая 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, л. 25.

¹²⁹ Н. П. Румянцев — А. Я. Дашкову, 9 (21) сентября 1810 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, 1810 г., д. 3, л. 82.

¹³⁰ См. Мемуар П. Полетики об отношениях между Россией и США, 30 мая (11) июня 1811 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7697, лл. 2—17.

¹³¹ Ф. П. Пален — Д. Монро, 8 июня 1811 г.— NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 57; Д. Монро — Ф. П. Палену, 12 июня 1811 г.— АВПР,

ские консульские агенты имелись также в таких городах, как Чарлстон, Новый Орлеан, Саванна и других.

Особый интерес представляют обнаруженные нами документы о назначении первого русского консульского агента на остров Куба в феврале 1813 г. Являясь активным сторонником «директорных сношений с испанскими колониями», новый генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов направил 20 февраля 1813 г. в С.-Петербург специальное донесение, в котором настоятельно рекомендовал «поспешить завести сношения с испанскими колониями»¹³². В этом же донесении генеральный консул подробно информировал Н. П. Румянцева о предпринятых им практических шагах и, в частности, о своих беседах с испанским посланником Л. Онисом. «По речам сего министра и по всем забранным мною справкам оказывается,— писал Н. Я. Козлов,— что лучшее для нашей торговли место в колониях есть Хавана на острове Кубе», поскольку именно в этом месте «находится, так сказать, складка всех продуктов прочих испанских владений, с которыми невозможно еще иметь прямых оборотов...»

Н. Я. Козлов сообщал далее, что «по разным уважениям» он «почел» необходимым «назначить в Хавану агента и избрал к тому природного тамошнего подданного купца Антония Линча». Последний, по отзыву Н. Я. Козлова, «разумеет аглинский, французский и испанский языки и знающ весьма в торговых делах». В соответствии с имевшимися у него правами, генеральный консул «снабдил г-на Линча патентом, в коем наименовал его *российским коммерческим агентом на острове Куба*». Одновременно он снабдил консульского агента специальной инструкцией, состоящей из 11 ста-

ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 4, л. 12. Весьма благожелательно относилось правительство США и к последующим просьбам об учреждении русских консульств и вице-консульств в различных американских портах. См. в частности, письмо А. Я. Дашкова Д. Монро от 8 июля 1812 г. о назначении Бивирли Чесса русским вице-консулом в Новом Орлеане и ответ государственного секретаря от 14 июля того же года (Russia, Notes, Vol. I, p. 77; АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 5, л. 67).

¹³² См. Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 20 февраля 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 2585, лл. 24—30.

тей, в которой детально регламентировались его функции¹³³.

Н. Я. Козлов полагал, что назначение русского коммерческого агента, став известным в Гаване, обратит внимание «тамошнего купечества к выгодам прямых с нами сношений. По мнению г-на Линча, хаванцы сами поспешат отправлением к нам кораблей, и я тем более сему верю, что агент сей располагает употребить на то собственные свои капиталы». Касаясь общих перспектив торговых связей с Латинской Америкой, русский консул писал: «Товары наши известны уже в испанских колониях. Оные до селе доставлялись им от американцев, которые и ныне продолжают снабжать их оными через Хавану посредством нейтральных судов. Отпускную торговлю нашу с островом Куба составлять будут те же артикулы, какие продавали мы американцам. Цены тамошние железным всякого рода вещам, канатам, веревкам, парусине, салу, стеклянной посуде, зеркалам весьма выгодны; холст и тонкие полотна наши более всего принесут прибыли. В возврат получать мы будем сахар, кофей, индиго, кошениль, красильное дерево, хину, салсанарил и все прочие продукты Южной Америки».

Судя по изученным нами документам, надежды Н. Я. Козлова на установление регулярных торговых связей с Испанской Америкой не оправдались и назначение коммерческого агента на Кубу не принесло ожидаемых им результатов. По всей видимости, А. Линч счел более целесообразным не рисковать своими капиталами для установления связей с отдаленным русским рынком, а заняться более привычной и главное надежной торговлей с Великобританией. Известно, в частности, что спустя более полутора лет, 10 ноября 1814 г. Н. Я. Козлов сообщал в С.-Петербург: «Учрежденный мною агентом нашим в Хаване Антоний Линч принужден быв по делам своим отправиться в Англию, извещает меня, что он не в состоянии более продолжать нам свои услуги. Я стараться буду прискать на место его другого агента»¹³⁴.

¹³³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 2585, лл. 31—32.

¹³⁴ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 10 ноября 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, лл. 103—104.

Вполне возможно, что дальнейшие поиски в архивах позволят выяснить новые подробности, связанные с назначением и деятельностью первого русского консульского агента в Гаване, но даже уже известные нам документы представляют огромный интерес для истории ранних связей России с Латинской Америкой, и в частности с Кубой.

Что касается отношений России с Соединенными Штатами, то они, как показывают материалы настоящего раздела, складывались весьма благоприятно. Уже первые известия о приеме, оказанном А. Я. Дашкову и Ф. П. Палену в Вашингтоне, и успешном начале их деятельности в США вызвали в С.-Петербурге полное удовлетворение. В письме к Ф. П. Палену от 7 (19) декабря 1810 г. Н. П. Румянцев отмечал, что император вполне удовлетворен началом их деятельности в Вашингтоне и надеется, что посланник употребит свои старания, чтобы содействовать развитию дружественных связей с Соединенными Штатами¹³⁵.

Обозревая общее международное положение России в начале 1811 г., царь писал: «Соединенные Штаты неоднократно давали доказательства своего большого желания развивать дружественные связи с Россией и установить с ней постоянные отношения... Эти отношения могут со временем оказаться весьма полезными для России, способствуя развитию ее торговли»¹³⁶.

Примерно аналогичных взглядов на отношения с Россией придерживалось и американское правительство, что получило, в частности, лаконичное выражение в тексте годового послания конгрессу президента Д. Мэдисона от 5 ноября 1811 г. Касаясь отношений с Россией, президент коротко заметил, что они развиваются «на самой дружественной основе»¹³⁷. Спустя

¹³⁵ Н. П. Румянцев — Ф. П. Палену, 7 (19) декабря 1810 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, 1810 г., д. 3, лл. 80—81.

¹³⁶ Александр I — Г. Д. Мочениго, 21 января (2 февраля) 1811 г. — ВПР, т. VI, № 10, стр. 25.

¹³⁷ J. Richardson (ed.). Messages, Vol. I, p. 491. Первое предложение специально отметить дружественную позицию России в отношении Соединенных Штатов в президентском послании конгрессу было сделано Д. К. Адамсом в донесении государственному секретарю от 2 августа 1811 г. (NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II).

некоторое время государственный секретарь США Д. Монро специально просил Д. К. Адамса передать императору, что президент Д. Мэдисон с огромным удовлетворением выражает признательность за дружественную позицию русского правительства в отношении Соединенных Штатов и испытывает твердое намерение содействовать развитию «подобной связи между двумя странами»¹³⁸.

Русскому посланнику в Вашингтоне хотелось бы, конечно, чтобы лестные оценки роли России в международной политике давались в официальных документах правительства США подробнее и чаще, но даже он не скрывал своего удовлетворения, познакомившись с текстом послания президента конгрессу от 4 ноября 1812 г. «Я был приятно удивлен тем, что президент упомянул о России с благожелательностью, способной внушить американскому народу расположение к ней»,— сообщал А. Я. Дашков Н. П. Румянцеву 23 октября (4 ноября) 1812 г. и выражал предположение, что этому способствовали его осторожные внушения и «неизменное стремление выказывать неослабевающий интерес к процветанию Соединенных Штатов»¹³⁹.

Дружественные заверения систематически выражались в ходе обычных дипломатических контактов как в С.-Петербурге, так и в Вашингтоне, и в частности при регулярных встречах Н. П. Румянцева с Д. К. Адамсом. Следует сказать, что слово «дружба», столь часто употреблявшееся в документах того времени для характеристики отношений между Россией и Соединенными Штатами, вообще говоря, вряд ли является правильным. Русско-американская «дружба» была по сути дела в лучшем случае «союзом по расчету», и ни о какой настоящей искренности в отношениях царской России и республиканской Америки говорить, конечно, не приходится.

¹³⁸ Д. Монро — Д. К. Адамсу, 23 ноября 1811 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 180.

¹³⁹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 23 октября (4 ноября) 1812 г.— ВПР, т. VI, стр. 595—596; Annals of Congress, 12th Congress, 2nd Session, p. 11—16, а также АВПП, ф. Канцелярия, д. 9240, лл. 74—90; д. 12168, лл. 223, 243—248; ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 5, лл. 84—86.

Это, однако, не меняет важного объективного значения происходившего в эти годы сближения между обеими странами. В сложных условиях кануна англо-американской войны 1812 г. и обострения отношений с западноевропейскими странами в связи с введением континентальной блокады Россия была едва ли не единственной державой, которая в начале 10-х годов оказывала совершенно необычное покровительство торговле США и со стороны которой американцы могли в то время вообще рассчитывать на поддержку. Находясь в С.-Петербурге, Д. К. Адамс в известной мере выполнял функции американского дипломатического представителя на всем европейском континенте, а с 1 марта по 1 ноября 1811 г., в один из наиболее критических периодов, он вообще оказался единственным полномочным посланником США в Европе.

В то же время русская миссия в Филадельфии являлась важным источником информации царского правительства не только о положении в самих США, но и в Латинской Америке, что имело существенное значение для формирования общей позиции царского правительства в отношении новых государств, возникших на месте бывших испанских колоний. Именно в эти годы в С.-Петербурге были выдвинуты официальные проекты открытия торговых связей с новыми государствами Испанской Америки, а в феврале 1813 г. назначен первый русский консульский агент в Гавану.

Русско-американские отношения на Северо-Западе Америки и заключение конвенции от 20 апреля (2 мая) 1812 г.

Одной из важнейших задач, стоявших перед А. Я. Дашковым и Ф. П. Паленом в Соединенных Штатах, являлось договорное урегулирование русско-американских отношений на Северо-Западе Америки. Устанавливая дипломатические связи с США и посылая А. Я. Дашкова и Ф. П. Палена в Америку, в С.-Петербурге рассчитывали без особого труда склонить вашингтонский кабинет к заключению соглашения, которое бы официально запретило нелегальную продажу оружия туземцам во владениях Российско-американской компании и разрешило гражданам Соединенных Штатов производить торговлю исключительно с самой компанией.

Приехав в Америку летом 1809 г., А. Я. Дашков, прежде чем направить в государственный департамент официальную ноту, решил, по его словам, предварительно осведомиться о всех «прилежащих обстоятельствах»: «о положении и торговле наших российско-американских селений; каким образом здешнее правительство о них разумеет; какую торговлю американцы в том крае производят; о правах их касательно внешней торговли и о правах исполнительной власти над оною; на каком положении таможи выдают корабельные отпуски?» и т. д.¹

¹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 15 ноября 1809 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 89.

Как видно из донесений Н. П. Румянцеву от 11 августа и 15 ноября 1809 г.², А. Я. Дашков довольно быстро обнаружил, что решить поставленную перед ним задачу не так-то просто — продажу оружия местным жителям американские торговцы считали вполне законным делом и совсем не желали принимать на себя какие-либо стеснительные обязательства. «Свобода торговли Соединенных Штатов, — сообщал генеральный консул в С.-Петербург, — почти неограничена... Американец грузит на свой корабль военный заповедный товар, как всякий другой, и объявляет назначение оно по желанию». Чем больше А. Я. Дашков знакомился со всеми «прилежащими обстоятельствами», тем очевиднее становились для него трудности выполнения возложенной на него деликатной миссии. «Весьма сомнительно, — сообщал консул в том же донесении Н. П. Румянцеву в ноябре 1809 г., — чтобы здешнее правительство согласилось заставить американцев иметь дело с одной нашей факторией».

Сложность задачи, поставленной перед А. Я. Дашковым, увеличивалась неопределенностью его инструкций по вопросу о границах русских владений в Америке, а также характере взаимоотношений компании с местными жителями. Уже в донесении от 11 августа 1809 г. А. Я. Дашков высказывал мнение, «что для удержания американцев от торговли с дикими на северо-западных берегах Америки военною контрабандою едва ли найдется действительнейший способ, как поместить в первой конвенции или трактате с Соединенными Штатами статью, в силу которой обе договаривающиеся стороны обязались бы запретить и *не допускать* своих подданных доставлять заповедные военные товары неприятелю одной из них», а затем объявить «Российские американские селения воюющими противу диких народов, их окружающих».

Позднее, после размышления и по «некоторым политическим примерам», А. Я. Дашков решил в своих сношениях с правительством США отзываться о всех местных жителях «около» русских селений «на северо-западных берегах Америки и на островах обретающихся,

² См. А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 11 августа 1809 г., 15 ноября 1809 г. — Там же, лл. 76—77, 89—92.

как о находящихся *под державой Российской империи*, а о их нападениях..., как о *бунтующих*».

С учетом этих соображений 4 января 1810 г. осторожный консул решился, наконец, направить государственному секретарю Роберту Смиту первую официальную ноту вместе с копиями писем, которыми обменялись по этому вопросу Н. П. Румянцев и Л. Гаррис в мае 1808 г.³ В конце ноты А. Я. Дашков писал, что если президент найдет предложенную русским правительством идею заключения конвенции подходящим средством «для устранения всех дальнейших претензий и укрепления уз дружбы и взаимопонимания, существующих между двумя государствами», то он официально извещает правительство США, что ему даны «необходимые полномочия для открытия этих переговоров»⁴.

Как выяснилось, «полномочия» А. Я. Дашкова оказались явно недостаточными. В ходе переговоров американская сторона сразу же указала на необходимость точно определить южную границу русских владений. Между тем именно этого вопроса А. Я. Дашков должен был, в силу данных ему главным правлением Российско-американской компании указаний, всячески избегать. Не слишком откровенными оказались и сами американцы. Не случайно поэтому, что как только А. Я. Дашков «перевел разговор на экспедицию к реке Колумбия капитана Льюиса», президент Д. Мэдисон сразу же стал «исключительно сдержан»⁵. Стремясь склонить правительство США к большей уступчивости, А. Я. Дашков неизменно подчеркивал значение дружественного расположения России к Соединенным Штатам. Эту мысль он, в частности, неоднократно развивал в письмах к государственному секретарю, а также в беседах с американскими конгрессменами. «Я счел своим долгом внушить им,— сообщал он Н. П. Румянцеву 25 марта 1810 г.,— что единственная искренняя

³ См. А. Я. Дашков — Р. Смит, 4 января 1810 г.— *NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 13.*

⁴ Полный текст ноты А. Я. Дашкова Р. Смит, 4 января 1810 г.— *Ibid., p. 14—15.* Заверенную копию этого документа генеральный консул переслал в С.-Петербург вместе с рапортом от 6 января 1810 г. (см. *АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, лл. 5—6.*)

⁵ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 25 марта 1810 г.— *АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, л. 45.*

поддержка, которую Соединенные Штаты на начальном этапе своего существования могут найти на старом континенте, это — Россия»⁶.

Как видно из прилагавшихся к этому донесению записей бесед А. Я. Дашкова с Р. Смитом по вопросу о Северо-Западе Америки, эти аргументы явно не произвели на государственного секретаря ожидаемого впечатления. Р. Смит продолжал ссылаться на то, что вывоз военной контрабанды разрешен в США так же, как и вывоз всех других товаров, и что даже если эту торговлю запретить, то было бы трудно заставить американских граждан соблюдать соответствующее постановление. Государственный секретарь высказывал также серьезные сомнения в том, что сенат одобрит подобную меру, даже если бы она была предложена исполнительными властями⁷.

«Г-н президент,— писал А. Я. Дашков,— узнав, что я не уполномочен определить южную границу наших владений, которая бы служила демаркационной линией для американских судов, производящих торговлю у этих берегов, находит затруднительным провести определенный закон, запрещающий контрабандную торговлю...»⁸.

В окончательном виде позиция правительства США в этом вопросе была изложена Р. Смитом в официальном письме от 5 мая 1810 г. Отмечая, что «президент будет весьма удовлетворен любым справедливым соглашением», Р. Смит одновременно подчеркивал, что поскольку у А. Дашкова нет полномочий «определить точную демаркационную линию, никакое определенное соглашение не может быть достигнуто». В то же время государственный секретарь здесь же добавлял, что в случае устранения этого препятствия, возникают новые трудности очень деликатного свойства. «Если индейцы находятся под русской юрисдикцией,— указывал Р. Смит,— то Соединенные Штаты должны только разрешить своим гражданам подчиняться тем штрафам, которые действуют в пределах территориальных гра-

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, л. 67.

⁷ Там же, лл. 47—65.

⁸ А. Я. Дашков — Р. Смит, 24 апреля 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9238, л. 96; NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 25—26.

ниц. Если индейцев следует рассматривать в качестве независимых племен, населяющих независимую территорию, то Россия не имеет права запрещать другим нациям торговать с ними, если только это не военная контрабанда во время войны, в случае чего она может в открытом море принудить к выполнению этого запрещения. Аналогичное правило применялось бы, если рассматривать индейцев в качестве повстанцев и восставших против власти России». Достижение соглашения осложнялось, по словам Р. Смита, также тем, что США не признавали аналогичных притязаний Испании в отношении территорий к югу от русских владений. В итоге, указывая государственный секретарь, «подобная мера не находится в компетенции правительства и не может быть официально предложена законодательным властям без соблюдения взаимности»⁹.

В тот же день для ведения соответствующих переговоров в С.-Петербург были направлены официальные инструкции Д. К. Адамсу, в которых специально оговаривалась необходимость установить границу русских владений, «елико возможно менее продвинутой к югу»¹⁰.

Отсутствие у правительства Мэдисона всякого желания пойти на заключение предложенной А. Я. Дашковым конвенции становится понятным, если учесть общую позицию Соединенных Штатов в отношении Северо-Запада Америки и интересы американских торговцев в этом районе.

К началу 10-х годов XIX в. стало очевидным, что в лице Соединенных Штатов старые колониальные соперники на Северо-Западе Америки (Испания, Россия и Англия) приобрели нового опасного конкурента. Первоначально «права» Соединенных Штатов на северо-западном побережье Американского континента выглядели не слишком внушительно — их первые сведения о богатствах этого края основывались на свидетельствах участника экспедиции Д. Кука Д. Ледиарда, открытии

⁹ Р. Смит — А. Я. Дашкову, 5 мая 1810 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 3, лл. 39—40; ф. Канцелярия, д. 9238, л. 98; см. также А. Я. Дашков — Р. Смицу, 10 мая 1810 г.— NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 28—29.

¹⁰ Р. Смит — Д. К. Адамсу, 5 мая 1810 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 92.

капитаном Р. Греем в мае 1792 г. устья р. Колумбии, получившей название от имени его корабля — «Колумбия», а также последующих плаваниях бостонских корабельщиков, осуществлявших свою коммерческую деятельность у берегов русских и испанских владений.

Предпринятая в 1804—1806 гг. с научными и коммерческими целями экспедиция Льюиса и Кларка должна была, по мысли ее инициаторов и прежде всего Томаса Джефферсона, предоставить Соединенным Штатам новые (хотя и довольно запоздалые) аргументы для обоснования их притязаний на бассейн реки Колумбии. Перспектива выхода Соединенных Штатов к берегам Тихого океана представлялась в то время необходимой прежде всего для развития торговых связей со странами Азии. По мере расширения торговли Соединенных Штатов с Азией «путь в Индию» через континент рассматривался в качестве одного из главных аргументов для обоснования необходимости выхода к берегам «Южного моря» (как в то время в США называли Тихий океан)¹¹.

Северо-Запад Америки уже в это время начинает привлекать внимание крупных торговцев и зверопромышленников из таких городов, как Бостон, Нью-Йорк и др. В их числе следует назвать прежде всего основателя знаменитой династии миллионеров Джона Джекоба Астора, превратившегося, по выражению одного из его биографов, в «апостола империи». Торговля мехами и чаем стала одним из главных источников его огромного состояния. 6 апреля 1808 г. в Нью-Йорке было объявлено о создании «Американской меховой компании» с капиталом в 1 млн. долл., который полностью принадлежал Д. Д. Астору. Спустя некоторое время, 23 июня 1810 г., Астор организовал первый филиал для деятельности на западном побережье — «Тихоокеанскую меховую компанию» с капиталом в 200 тыс. долл., из которых половина находилась в его руках¹². По замыслу Д. Д. Астора, район деятельности его компании должен был охватывать гигантское прост-

¹¹ Подробнее см. R. C l e a n d. *Asiatic Trade and the American Occupation of the Pacific Coast.*— «American Historical Association. Annual Report 1914». Washington, 1916, Vol. I, p. 283—289.

¹² См. A. D. H. S m i t h. *John Jacob Astor.* Philadelphia — London, 1929, p. 134, 137.

ранство Американского континента вдоль Великих озер и реки Миссисипи до Сент Луиса, далее по Миссури на запад к Скалистым горам и, наконец, вниз по течению р. Колумбия до берегов Тихого океана. В 1811 г. в устье р. Колумбия был построен форт и торговый пост, названный в его честь Асторией¹³.

С учреждением этого форта связывались весьма обширные планы. Интересно, например, что Томас Джефферсон рассматривал Асторию в качестве зародыша великой, свободной и независимой империи по ту сторону Американского континента. По более практичной мысли самого Д. Д. Астора, форт должен был служить местом хранения товаров и обеспечить возможность развития торговли через континент к бассейну реки Колумбия и далее к Кантону и обратно¹⁴.

Касаясь причин полной безрезультатности официальных представлений по поводу незаконной торговли оружием граждан США в русских владениях на северо-западном побережье Америки, русский посланник Ф. П. Пален отмечал, что поскольку «многие влиятельные лица в восточных штатах», мало расположенные к нынешней администрации, заинтересованы в этих операциях, правительство опасается их раздражать. «Из информации, которую я получил по этому вопросу,— сообщал посланник Н. П. Румянцеву в июле 1810 г.,— я все более и более убеждаюсь, что правительство Соединенных Штатов не имеет ни желания, ни власти положить конец этой незаконной торговле»¹⁵.

Практике контрабандной торговли оружием во многом способствовали, по мнению Палена, и сами условия, на которых предпринимались экспедиции к северо-западным берегам Американского континента. Капитан и экипаж судна не получали никакого жалованья, но на их долю приходилась определенная часть прибыли. Поэтому они оказывались заинтересованными в про-

¹³ См. Th. D. Clark. *Frontier America*. New York, 1959, p. 448—451; R. Riegel. *America Moves West*. New York, 1956, p. 153—154; M. Mattes. *Jackson Hole, Crossroads of the Western Fur Trade, 1807—1829*.—«Pacific Northwest Quarterly», Vol. 37, N 2, Apr. 1946, p. 93—97.

¹⁴ См. Д. Астор — Д. К. Адамсу, 4 января 1823 г.— ASP, Miscellaneous, Vol. II, p. 1009.

¹⁵ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 9 (21) июля 1810 г.— АВІР, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 35.

даже любых товаров (в том числе и военной контрабанды), которые могли увеличить их доходы¹⁶.

Учитывая все эти обстоятельства, как А. Я. Дашков, так и Ф. П. Пален считали, что «желаемую цель» можно было бы более эффективно достичь, «не прибегая к добрым услугам правительства Соединенных Штатов». «Некоторое время тому назад,— писал Ф. П. Пален,— Американская меховая компания получила от здешнего правительства патент на учреждение своего заведения в устье реки Колумбия; хотя ее деятельность еще не началась, эта компания предлагает действенным образом осуществить цели нашего двора, без вмешательства правительства Соединенных Штатов»¹⁷.

Еще ранее первые связи с Американской меховой компанией установил А. Я. Дашков, сообщавший Н. П. Румянцеву 15 ноября 1809 г., что он начал «негосиацию между Российско-американских селений главным правлением и некоторым купцом из Нью-Йорка, которому сей торг уже известен; посредством оной,— заключал консул,— надеюсь я дойти до желаемого предмета..., более чем распоряжениями здешнего правительства, хотя оные и были бы в нашу пользу»¹⁸.

Действительно, если переговоры с американским правительством в январе—мае 1810 г. никаких практических результатов не принесли, то контакты с компанией Д. Астора развивались довольно успешно. Сам Д. Д. Астор был крайне заинтересован в установлении прочных деловых связей с Российско-американской компанией и надеялся таким путем ослабить позиции своих главных конкурентов—Северо-западной компании и компании Гудзонова залива в Канаде. Именно с этой целью Д. Д. Астор представил Ф. П. Палену развернутый «проект соглашения между Российско-американской компанией и Американской меховой компанией на предмет исключения посторонних из торговли и предупреж-

¹⁶ АВГР, ф. Канцелярия, д. 12163, лл. 35—36.

¹⁷ Там же, л. 37а.

¹⁸ А. Я. Дашков—Н. П. Румянцеву, 15 ноября 1809 г.—АВГР, ф. Канцелярия, д. 9236, л. 91. В дальнейшем А. Я. Дашков неизменно выступал активным сторонником развития деловых контактов с Д. Д. Астором и именно через него были установлены прямые торговые связи Американской меховой компании с русскими селениями в Америке. См. переписку А. Я. Дашкова с Д. Д. Астором и А. А. Барановым за 1809—1815 гг. (ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 55).

дения ввоза оружия для местного населения», который был переслан в С.-Петербург в качестве приложения к донесению от 9(21) июля 1810 г.¹⁹

Проект Д. Астора предусматривал проведение ряда мероприятий как с американской, так и с русской стороны и, в частности, учреждение фактории на реке Колумбия, которая, не вмешиваясь в русскую торговлю и не нарушая ее границ, действовала бы в пределах между 44 и 55° северной широты. Обе компании обязывались не поставлять оружия местному населению, проживающему в районе деятельности каждой из них. Русские поселения должны были покупать необходимые им товары только у Американской меховой компании и не прибегать к помощи отдельных частных торговцев. Американская компания предлагала также свои услуги для продажи пушнины в Кантоне. Наконец, Д. Астор особо оговаривал разрешение ежегодно ввозить в Россию беспошлинно «по две тысячи шкур черного медведя, барсука и хорька». В целом обе стороны обязывались оказывать друг другу всемерную помощь и содействие прежде всего «в деле устранения посторонних из торговых операций». В результате, по мнению Д. Д. Астора, можно было бы достичь двойной цели: «добиться выгодной торговли и лишить местное население средств получать оружие и снаряжение»²⁰. Через два-три года отдельные торговцы, потерпев убытки, будут вынуждены «покинуть северо-западное побережье Америки, которое не будет представлять выгод для их спекуляций»²¹.

Переслав полученный от Д. Д. Астора проект в С.-Петербург, Ф. П. Пален вслед за этим предпринял поездку в Нью-Йорк, откуда направил Н. П. Румянцеву 1(13) августа 1810 г. подробное донесение с описанием деятельности Северо-западной компании в Канаде

¹⁹ Полный текст проекта Д. Д. Астора см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 39 и далее; ВПР, т. VI, стр. 711—713. О представлении проекта соглашения президентом Американской меховой компании Д. Д. Астором Ф. П. Палену см. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву 14(26) октября 1810 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, лл. 67—68. На л. 376 имеется помета, из которой видно, что проект Астора был позднее препровожден «директорам Американской компании при письме от 24 сентября 1811 г.».

²⁰ В оригинале: «D'accaparer un commerce avantageux, et d'ôter aux indigènes les moyens de se procurer des armes et des munitions».

²¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, лл. 43—44 («Резюме»).

и обоснованием в этой связи выгоды сотрудничества с Американской меховой компанией.

Следует отметить, что в деятельности англичан и американцев на Северо-Западе континента имелись некоторые различия. Если американские торговцы преимущественно действовали со стороны моря, то коммерция подданных английского короля в основном производилась со стороны суши. По данным Ф. П. Палена, число служащих могущественной Северо-западной компании достигало 3 тыс. человек, а ее сфера влияния простиралась к северу от оз. Верхнее²². «Канадская Северо-западная компания,— отмечал посланник,— уже имеет пост на самом северном притоке реки Колумбия, и она надеется достичь берега моря». Соглашение с компанией Астора могло бы, как считал Ф. П. Пален, предотвратить появление вблизи русских поселений «этих нежелательных соседей». Действуя с моря, Американская меховая компания имела известные преимущества, поскольку ее конкуренты должны были преодолеть по земле около 6 тыс. миль (плавание по Тихому океану запрещалось в силу привилегий, данных знаменитой Ост-Индской компанией). «Объединенные усилия русских и американцев,— писал Ф. П. Пален,— безусловно отстранили бы от побережья Северо-западную компанию, а также американских авантюристов, на которых так много жалуются наши селения»²³.

Со свойственными ему энергией и размахом Д. Д. Астор сразу же приступил к действиям. 8 сентября 1810 г. к устью р. Колумбия отправилась морская экспедиция на корабле «Тонкин». Почти одновременно была снаряжена сухопутная экспедиция во главе с У. Хантом и Д. Маккензи. Любопытно, что в обоих случаях на службе Астора находилось немало англичан, служивших ранее в Северо-западной компании²⁴.

В качестве уполномоченного для ведения переговоров с Российско-американской компанией Астор назначил Адриана Бенсона²⁵. Бывшего советника на службе

²² Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 1 (13) августа 1810 г.— Там же, л. 49.

²³ См. там же, л. 50.

²⁴ A. D. H. Smith. Op. cit., p. 137 ff.

²⁵ Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 19 (31) августа 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, л. 54.

датского короля и губернатора острова Санта Крус в Вест-Индии, женившегося в 1807 г. на дочери Д. Д. Астора Магдалине, сочли вполне подходящей кандидатурой для светского С.-Петербурга. В связи с предстоящей поездкой Бенсона в Россию Ф. П. Пален снабдил его 18(30) сентября 1810 г. специальным паспортом и сообщил в соответствующем порядке о его миссии Н. П. Румянцеву²⁶.

Между тем в С.-Петербурге вопрос о контрабандной торговле на Северо-Западе Америки стал уже с конца лета 1810 г. предметом обсуждения между Д. К. Адамсом и Н. П. Румянцевым. В качестве дополнительного аргумента в пользу заключения конвенции русский канцлер указал на выгоды для американцев от посреднической торговли между Российско-американской компанией и Кантоном. Впрочем, этот вопрос не слишком интересовал Д. К. Адамса, и посланник прежде всего стал выяснять у Н. П. Румянцева, как далеко на юг простираются русские владения на Американском континенте. Но как раз на этот вопрос Н. П. Румянцев не мог дать удовлетворительного ответа. В ходе дальнейшего обсуждения канцлер лишь обещал довести об этом до сведения императора и в то же время заверил, что русское правительство не испытывает по поводу всего этого дела особого беспокойства. Наиболее целесообразным, по мнению Н. П. Румянцева, было бы вообще отложить обсуждение вопроса о границах до более подходящего времени в будущем²⁷.

В несколько измененном виде позиция США была изложена в инструкциях Р. Смита, данных Д. К. Адамсу в феврале 1811 г. по поводу переговоров о заключении с Россией общего торгового договора. В частности, в 9-м пункте «Основ» предполагаемого договора предусматривалось, что в торговле с туземцами, проживавшими в пределах русских владений (о них говорилось, как об индейцах, «которые, возможно, находятся под контролем русского правительства»), США должны по-

²⁶ См. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву, 14 (26) октября 1810 г.— Там же, лл. 67—68; д. 12165, л. 117. А. Бенсон выехал в Россию в марте 1811 г. (A. D. H. Smith. Op. cit., p. 139).

²⁷ См. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 152—153 (28 августа 1810), 179—180 (9 октября 1810) и др.; Д. К. Адамс — Р. Смиты, 5 сентября, 12 октября 1810 г.— NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

лучить права наиболее благоприятствуемой нации. Что же касается независимых племен, то в случае, если они находились в состоянии войны с Россией, запрещалась торговля с ними оружием и военным снаряжением. В целом до окончательного разграничения на северо-западном побережье Америки торговля должна была вестись на «взаимно либеральной основе»²⁸.

Несмотря на дружественный характер взаимоотношений, сложившихся в то время между Н. П. Румянцевым и Д. К. Адамсом, вопрос о заключении как специальной конвенции о Северо-Западе Америки, так и общего торгового соглашения между двумя странами по существу даже не стал предметом серьезного обсуждения. Как уже отмечалось, обменявшись предварительными соображениями летом 1811 г., обе стороны согласились, что в связи с напряженным международным положением и, в частности, угрозой англо-американской войны вести переговоры по вопросам торговли нецелесообразно.

Ни Н. П. Румянцев, ни Д. К. Адамс не хотели обострять отношения в вопросе о территориальном разграничении на Северо-Западе Америки, причем каждый из них рассчитывал, что в будущем можно будет достичь более выгодного для своей страны решения. Нельзя не заметить, что планы скромного пуританина в отношении будущих территориальных границ США могли поразить даже самого пылкого экспансиониста. Так, например, своей матери посланник писал 30 июня 1811 г. о США как о стране, которая по занимаемой площади равнозначна континенту Северной Америки. Этот континент, по мнению Д. К. Адамса, «бог и природа» предназначили стать населенным самым многочисленным и самым могущественным народом²⁹. Не менее откровенно мысль о господстве США над всем континентом Д. К. Адамс сформулировал в письме к своему отцу спустя два месяца. По его словам, божественное провидение, по всей видимости, предопределило, чтобы весь континент Северной Америки был населен одной нацией, говорящей на одном языке, исповедующей одну общую религию и

²⁸ NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 153.

²⁹ Д. К. Адамс — А. Адамс, 30 июня 1811 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. IV, p. 128.

политические принципы и придерживающейся одного общего уклада социальных отношений и обычаев³⁰.

Д. К. Адамс, понятно, не высказывал подобных мыслей в беседах с русским канцлером, но его общие взгляды о предопределенном для США свыше «великом будущем» вряд ли могли содействовать урегулированию противоречий на Северо-Западе Америки. Деликатный сюжет о взаимных правах и «замыслах провидения» явно целесообразнее было предоставить будущему.

Более успешными оказались переговоры между директорами Российско-американской компании и уполномоченным Д. Д. Астора А. Бенсоном. Прибыв в С.-Петербург в конце лета 1811 г., А. Бенсон сразу же представил на рассмотрение главного правления Российско-американской компании упоминавшийся выше проект соглашения вместе с запиской, в которой доказывал выгоду предложенных Д. Д. Астором условий для русской стороны.

На полях американского проекта первенствующий директор Российско-американской компании М. М. Булдаков сделал ряд замечаний, помеченных 26 августа (7 сентября) 1811 г.³¹ Возражения М. М. Булдакова касались в основном двух вопросов — территориального разграничения на Северо-Западе и просьбы компании Астора разрешить ввоз в Россию американских мехов. Для того чтобы избежать споров, М. М. Булдаков предлагал воздержаться от обсуждения вопроса о границах, поскольку это относится к компетенции правительств и Американская меховая компания не имеет соответствующих полномочий.

Следует отметить, что первенствующего директора явно не устраивало предложение Астора ограничить район деятельности Российско-американской компании на юге 55 параллелью, и он предлагал хотя бы временно считать, что южная граница русских владений проходит южнее островов Кадьяк и Ситха. Он ссылался при этом на исследование, по поручению А. А. Баранова, устья р. Колумбия и проект основания нового русского поселения в Калифорнии. В целом в отношении территории между 44° и 55° северной широты, которая по проекту

³⁰ Д. К. Адамс — Д. Адамсу, 31 августа 1811 г. — Ibid., p. 209.

³¹ АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, лл. 85—93.

Астора должна была отойти к американцам, М. М. Булдаков предлагал договориться о проведении обеими компаниями совместного промысла. Касаясь предложения компании Астора посредничать в сбыте русских мехов на китайском рынке через Кантон, М. М. Булдаков вновь повторял старую просьбу компании «о исходатайствовании дозволения ездить русским в Кантон». Он просил также послать русский военный корабль для обеспечения безопасности поселений компании.

Свои соображения по поводу заключения соглашения с Д. Д. Астором главное правление Российско-американской компании изложило в письме Н. П. Румянцеву от 26 сентября (8 октября) 1811 г.³² Одобряя в целом идею соглашения между Российско-американской компанией и компанией Астора, главное правление подробно излагало Н. П. Румянцеву свои возражения по поводу территориального разграничения на Северо-Западе Америки и предоставления Соединенным Штатам права привозить меха в Россию. Главное правление подчеркивало, «что точное определение границ в северо-западной части Америки... подлинно не есть дело обеих компаний, но обоих правительств, до которых сей предмет и относится».

Соглашаясь не касаться «отнюдь тех мест, в коих помянутая меховая компания вновь завела или заведет еще свою оседлость с воли тех природных жителей, коим занятые ею земли принадлежат», Российско-американская компания в свою очередь настаивала, что «такое же право» должна соблюдать и американская сторона «относительно пространства мест, занятых уже Российско-американскою компаниею, ею описанных, или изведанных, или впредь ею занимаемых, разумея последние, когда на них ничей еще европейской оседлости не сделано, или по трактатам какой нации еще ни принадлежат, или по таким же актам от какой нации нам будут уступлены, или отданы самими природными тамошними жителями». В письме указывалось далее, что «равномерно и дозволение» привозить в Россию меха «не зависит от воли и установления Российско-американской компании, но есть дело правительства, сообразующегося по всем частям с пользами и выгодами национальной

³² См. ВПР, т. VI, № 70, стр. 180—181.

промышленности». Главное правление вместе с тем отмечало, что компания Астора «может привозить меха к одному здешнему порту и отдавать единственно в комиссию Российско-американской компании или вручать оные ей в самой Америке».

Что касается других статей американского проекта соглашения, то главное правление в принципе полагало, что согласиться с ними «нет затруднений», хотя и делало при этом некоторые оговорки. Торговые сделки с американцами должны были прежде всего основываться на взаимовыгодной основе, или, как выражалось правление, «на праве и манере купецком». Особо выгодным для себя правление считало обязательство не продавать местным жителям оружия и военного снаряжения, «ибо русские не продают диким американцам вообще повсюду никаких огнестрельных и протчих орудий, пороха и свинцу, но все сии пагубные вещи привозят самые Северо-Американских Штатов граждане».

После того как Н. П. Румянцев доложил об этих замечаниях Александру I, главное правление получило «всемиловитвейшее соизволение» приступить к переговорам с А. Бенсоном и заключить «особый взаимный трактат», исходя из своих собственных интересов с тем, однако, чтобы его условия были предварительно согласованы с правительством. «Из сих переговоров,— писал Н. П. Румянцев в октябре 1811 г.,— должны быть исключены статьи 1— об определении границ между тою меховою и Российско-американскою компаниями, яко дело, до обоих правительств относящееся, и 2— о дозволении привозить меха в Россию на счет той американской компании, каковое дозволение принадлежит также к соображению правительства»³³.

В ходе дальнейших переговоров между Российско-американской компанией и А. Бенсоном довольно легко и быстро удалось согласовать все основные условия конвенции, за исключением вопроса о беспошлинном ввозе компанией Астора в Россию мехов, и 15(27) октября 1811 г. главное правление Российско-американской компании представило на рассмотрение Н. П. Румянцева соответствующий проект соглашения.

³³ Н. П. Румянцев — М. М. Булдакову и В. В. Крамеру, 4 (16) октября 1811 г.— ВПР, т. VI, № 75, стр. 191.

Поскольку в русском проекте отсутствовало разрешение на ввоз пушнины гражданами Соединенных Штатов, уполномоченный Американской меховой компании А. Бенсон категорически отказался подписать предложенный вариант. Получение разрешения на ввоз мехов в Россию Д. Д. Астор рассматривал «одним из основных средств» для осуществления всего намеченного им плана сотрудничества с Российско-американской компанией. Сообщая 14(26) октября 1811 г. Н. П. Румянцеву о достигнутом единстве по всем пунктам предполагаемого соглашения за исключением вопроса о ввозе пушнины, А. Бенсон решительно настаивал на разрешении Американской меховой компании привозить свои меха в Россию и доказывал, что это было бы выгодным не только для американцев, но и для русских³⁴.

Иного мнения на этот счет придерживалось главное правление Российско-американской компании, которое поспешило представить Н. П. Румянцеву 19(31) октября 1811 г. за подписью М. М. Булдакова «ответную записку по поводу письма г. Бенсона»³⁵. Как отмечалось в «ответной записке», главная цель приезда уполномоченного Американской меховой компании А. Бенсона в С.-Петербург «состоит не в том, чтоб заключить конвенцию... о взаимных между обеими компаниями связях», а чтобы «безпошлинно привозить в Россию медведей, енотов и прочего, как единственной выгоды, за которую та меховая компания берется пожертвовать услугами своими...» По оценке главного правления, американцы хотели продать «всему отечеству к его подрыву» 2 тыс. медведей, которые будут стоить 100 тыс. руб., а также енотов и прочих меховых шкур примерно на ту же сумму. Между тем, указывал М. М. Булдаков, «наша Сибирь имеет довольно» этих пушных богатств и «российские промышленники от того должны получать законную для себя выгоду». Обещанная же А. Бенсоном компенсация в размере 30 тыс. пиастров серебра «будет совсем несоразмерна помянутому привозу мехов, отчего и баланс с российской стороны потеряется».

³⁴ А. Бенсон — Н. П. Румянцеву, 14 (26) октября 1811 г.— ЦГИА, ф. 560, оп. 4, д. 5, лл. 10—11.

³⁵ М. М. Булдаков — Н. П. Румянцеву, 19 (31) октября 1811 г.— Там же, лл. 12—13.

В записке высказывалось далее опасение, что значительное количество мехов будет привозиться американцами тайно. Их примеру в этом случае последовали бы, по мнению М. М. Булдакова, и канадцы. «Впрочем и то подозрительно,— писал он,— что компания та не желает, чтобы предлагаемые ею к привозу сюда меховые товары были вверены в комиссию нашей компании, а сама берет в комиссию брать ее товары для продажи в Кантоне».

Не очень полагаясь на возможность и выгодность достижения соглашения с А. Бенсоном, главное правление 18(30) декабря 1811 г. вновь подробно излагало свои жалобы на действия «мореходов Северо-Американских Штатов» во «всеподданнейшем донесении» Александру I³⁶. Прекратить контрабандную торговлю оружием, по мнению директоров компании, «иначе нельзя, как совершенною острасткою североамериканских мореходов, которые по вольности конституций их и по свободе плавать и промышлять, где кто хочет и как может, не внемлют никаким внушениям, неоднократно им Барановым деланным».

В этом же донесении еще раз подчеркивалось, что главная цель «вновь учреждающейся от нев-йоркских купцов при реке Колумбии меховой компании» и ее поверенного А. Бенсона «состоит в том только, чтоб позволить им привозить сюда некоторые меховые товары, ими приобретаемые, каковое требование не безвредно российской торговле и промышленности, ибо тех товаров довольно может нам дать пространная и изобильная Сибирь и наша в Америке промышленность...» Главное правление уповало в заключение, что царь не дозволит «далее стеснять российскую промышленность частным североамериканским торгашам и помянутой компании, которая, заселяясь при Колумбии и продолжая с прочими неумными своими согражданами променивать индейцам оружием, отнимет всю возможность производить более промыслы и совершенно нарушит спокойствие российских колоний».

Разногласия, возникшие в ходе переговоров А. Бенсона с директорами Российско-американской компании, стали в дальнейшем предметом длительного рассмотре-

³⁶ Главное правление Российско-американской компании — Александру I, 18 (30) декабря 1811 г.— ВПР, т. VI, № 99, стр. 249—251.

ния в высших сферах царского правительства. Н. П. Румянцеву аргументы главного правления показались вполне основательными, и в докладе Александру I «О переговорах директоров Российско-американской компании с г. Бентсоном» от 21 октября (2 ноября) 1811 г. канцлер по сути дела повторял основное содержание записки М. М. Булдакова³⁷. Окончательное решение по этому вопросу было принято, однако, не сразу. Царь пожелал предварительно запросить мнение министра финансов Д. А. Гурьева о возможных последствиях в случае удовлетворения «домогательства» А. Бенсона. «Е. и. в. указать мне соизволил,— писал Н. П. Румянцев Д. А. Гурьеву,— чтобы я о всех оных обстоятельствах... сообщил Вашему высокопревосходительству с тем, чтобы Вы благоволили уведомить меня для доклада государю императору, какие выгоды или неудобства произойти могут, если бы было допущено изъясненное в бумагах г. Бентсона домогательство»³⁸. Донесение главного правления от 18(30) декабря 1811 г. в свою очередь стало предметом рассмотрения министра внутренних дел О. П. Козодавлева.

Интересно отметить, что оба сановника представили Н. П. Румянцеву соображения, которые существенно расходились с тем, чего добивались директора Российско-американской компании. Так, министр финансов Д. А. Гурьев заметил, что вся сумма от продажи американских мехов в 200 тыс. руб. «не столь значительна, чтоб могла произвести невыгодное действие в торговом балансе нашем, особенно, когда г. Бентсон обязывается на оную закупать и вывозить российских произведений и сверх того привозить 30 тыс. пиастров». В то же время министр финансов находил, что «все сии предложения по самой их неважности не представляют, кажется, достаточных причин, чтобы сделать отступление от общих правил, которыми запрещается привоз означенных мехов в Россию». В целом же, писал Д. А. Гурьев Н. П. Румянцеву, «если бы и признано было удобным допустить нарушение общих правил в пользу меховой американской компании, то в отвращение того, чтоб не было привозимо больше мехов, нежели сколько теперь полагается, при-

³⁷ См. ВПР, т. VI, стр. 722.

³⁸ Н. П. Румянцев — Д. А. Гурьеву, 26 октября (7 ноября) 1811 г.— ЦГИА, ф. 560, оп. 4, д. 5, л. 2.

воз оных нужно бы ограничить одним каким-либо портом нашим и притом требовать, чтоб на привезенные меха было всегда представляемо свидетельство российского консула, означающее, какое оных число сюда отправлено будет»³⁹.

Важные замечания по поводу «упований» главного правления Российско-американской компании на решительную защиту своих интересов царским правительством высказывал в своем письме и министр внутренних дел О. П. Козодавлев, основывавшийся на общих соображениях государственной политики⁴⁰. «Я считаю,— писал министр внутренних дел Н. П. Румянцеву,— что всякие средства отклонить покушения североамериканцев силою и оружием доставляемые, хотя бы они и в успехе своем были несомненны, не могут иметь здесь места по тому именно убеждению, что нарушать связи государственные для одной частной компании было бы поступком не совсем основательным». О. П. Козодавлев полагал поэтому «ближе всего употребить старание через поверенного в делах наших при Соединенных Штатах уничтожить предприятия американцев, и если бы все доводы и домогательства с нашей стороны бессильны были преклонить их к тому, то предложение Бенсона, а особливо с некоторыми ограничениями, было бы самым благовидным для сего способом».

Трудно отрицать справедливость соображений, изложенных в этом письме — ссориться с Соединенными Штатами для защиты интересов Российско-американской компании и «нарушать связи государственные», действительно, «было бы поступком не совсем основательным». В сложившихся условиях заключение конвенции с компанией Астора, несомненно, представлялось наиболее подходящим средством для устранения возникших противоречий на Северо-Западе Америки. В то же время автор записки явно недооценивал особое положение «частной» Российско-американской компании как в обла-

³⁹ Д. А. Гурьев — Н. П. Румянцеву, 16(28) января 1812 г. — ЦГИА, ф. 560, оп. 4, д. 5, лл. 14—16.

⁴⁰ Полный текст см. ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1201, лл. 12—15. Письмо адресовано Н. П. Румянцеву, но ни подписи, ни даты не указано. Автором письма считают О. П. Козодавлева (см. С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 74). Документ был составлен, видимо, не ранее 16 (28) января 1812 г. (возможно, в этот день).

сти внутренней, так и внешней политики. По его мнению, в результате принятия предложения Бенсона «постановится здесь в меховом торге равновесие и положится преграда единопродавству, если бы оное Российско-американская компания предпринять замыслила».

«Наивность» автора письма в отношении Российско-американской компании кажется просто удивительной. Компания не только замыслила монополию на продажу американской пушнины, но и всеми дозволенными и недозволенными способами добивалась ее, еще будучи частным предприятием в XVIII в. С 1799 г., когда ей были дарованы известные «привилегии» Павлом I, осуществление этой монополии стало своего рода государственной политикой, о чем позволил себе «забыть» О. П. Козодавлев, но зато достаточно хорошо «помнил» Н. П. Румянцев. Сам по себе вопрос о ввозе американских мехов в Россию с точки зрения общих государственных интересов, несомненно, представлялся очень мелким и незначительным, но он затрагивал монопольные права компании и тем самым подрывал принцип, на котором основывалась вся ее деятельность. Именно поэтому директора компании столь ожесточенно сопротивлялись удовлетворению просьбы А. Бенсона и в конце концов одержали победу.

Ссориться с Соединенными Штатами в 1812 г. из-за интересов Российско-американской компании ни Н. П. Румянцев, ни Александр I, конечно, не собирались. У них не было и свободных средств для организации серьезного противодействия контрабандной торговле у северо-западных берегов Америки. Естественно, поэтому, что в ответном письме А. Бенсону, утвержденном царем 7(19) февраля 1812 г., Н. П. Румянцев от имени Александра I вновь выразил полное удовлетворение по поводу того, что Колумбийская меховая компания поручила ему «ведение переговоров с Российско-американской компанией о соглашении, имеющем установление между ними деловых и дружественных связей»⁴¹. Вместе с тем в отношении просьбы А. Бенсона о разрешении Американской компании беспошлинно ввозить с Россию меха канцлер проявил неожиданную твердость, ссылаясь на

⁴¹ Н. П. Румянцев — А. Бенсону, 7 (19) февраля 1812 г. — ВПР, т. VI, № 115, стр. 285.

то, что такая мера «явилась бы нарушением тарифа, от которого е. и. в. положил себе за правило не отступать». Мнение Д. А. Гурьева, таким образом, оказалось использованным довольно своеобразно: из него была заимствована лишь удачная ссылка на знаменитый тариф 1810 г. В «Положении о нейтральной торговле на 1811 год» ввоз в Российскую империю всех мехов за исключением шкурок бобра, выдры и «выпоротков», облагавшихся высокой пошлиной, действительно был запрещен⁴². И хотя с формальной стороны все выглядело вполне естественно, по сути дела упоминание тарифа являлось благовидным предлогом для отклонения просьбы А. Бенсона. «Я могу лишь предложить Вам договориться с русской компанией относительно вышеупомянутого соглашения,— писал в заключение Н. П. Румянцев,— если это будет отвечать вашим обоюдным интересам. Для этого вмешательство правительства отнюдь не необходимо».

Российско-американской компании, как мы видим, удалось в этом вопросе добиться полной поддержки со стороны царского правительства. Н. П. Румянцев не посчитался с мнением своих коллег и окончательно отклонил домогательство А. Бенсона о разрешении Американской меховой компании ввозить в Россию свою пушнину. В результате американскому уполномоченному пришлось пойти на уступки, и он решился, наконец, принять предложенный ему еще в октябре 1811 г. проект соглашения.

20 апреля (2 мая) 1812 г. А. Бенсон явился к директорам Российско-американской компании и, предъявив свои полномочия от 21 января 1811 г., подписал текст конвенции, сделав специальную оговорку о том, что соглашение должно быть ратифицировано Американской меховой компанией в Нью-Йорке⁴³. Здесь же А. Бенсон отметил, что его подпись не налагает на правление обязанности ратифицировать эту конвенцию. С русской стороны соглашение было подписано директором Российско-американской компании Михаилом Булдаковым, Венидиктом Крамером и Андреем Севериным.

⁴² ПСЗРИ, т. XXXI, стр. 489; т. XLV, раздел III, стр. 60.

⁴³ Текст конвенции между Американской меховой компанией и Российско-американской компанией от 20 апреля (2 мая) 1812 г. см. ВПР, т. VI, № 156, стр. 385—388.

Пересылая копию конвенции Н. П. Румянцеву, главное правление сообщало 30 апреля (12 мая) 1812 г., что вторая копия вручена А. Бенсону для ратификации правлением меховой компании, а третья — послана А. А. Баранову для руководства после утверждения соглашения американской стороной⁴⁴. 20 декабря 1812 г. в Нью-Йорке президент Американской меховой компании Джон Джекоб Астор подписал текст конвенции, и с этого времени она официально вступила в силу⁴⁵.

В соответствии с условиями заключенного соглашения обе компании взаимно обязывались «не промышлять зверей, ни морских, ни земляных, также и никакой торговли... не производить» в местах, где одна из них уже имеет оседлости и производит соответствующий промысел (ст. 1-я). Договаривающиеся стороны брали на себя обязательство «не продавать диким индейцам... никакого огнестрельного и холодного оружия, также пороху, свинцу, ядер и прочего сему подобного во всех местах, обеими компаниями занимаемых и впредь заниматься могущих» (ст. 2-я).

Меховая компания Астора должна была привозить в русские колонии в Америке на своих судах «всякие жизненные продовольствия и разные другие вещи, припасы и материалы» по согласованным ценам и заказу «главноуправляющего в тех колониях». В свою очередь Российско-американская компания соглашалась не покупать эти товары нигде, кроме как у Американской меховой компании (ст. 3-я).

По условиям конвенции Д. Д. Астор брал на себя также обязательство отвозить за соответствующее вознаграждение на своих судах русские промысловые товары в Кантон по согласованию с главноуправляющим в Русской Америке (ст. 5-я). Наконец, «для общих своих польз и выгод» обе компании улаживались действовать единодушно в отношении всех возможных иностранных конкурентов и подавать в необходимых случаях друг другу «руку помощи» (ст. 4-я). Срок действия конвенции устанавливался в четыре года с последующим про-

⁴⁴ ВПР, т. VI, стр. 729.

⁴⁵ В архиве сохранился подлинный текст конвенции на французском языке, подписанный Д. Д. Астором и скрепленный печатью Американской меховой компании 20 декабря 1812 г. (АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 5, лл. 41—42).

длением «на таковое же число годов, естьли какне-нибудь обстоятельства неожиданные не потребуют тогда перемены» (ст. 6-я).

Заключение конвенции 1812 г. совпадало с годами наибольшего оживления деловых контактов русских поселений в Америке с торговцами Соединенных Штатов, и, в частности, с компанией Д. Д. Астора. Еще в ноябре 1809 г. из Нью-Йорка был отправлен первый корабль Д. Д. Астора «Энтерпрайз» под командованием Д. Эббетса, с грузом продовольственных товаров, предназначенных для русских колоний в Америке⁴⁶. В письме к А. А. Баранову А. Я. Дашков рекомендовал Д. Д. Астора как деятельнейшего из коммерческих людей Нью-Йорка, который «желает учинить с Вами договор не менее как на три года быть поставщиком нужных для нашей колонии вещей» и «предлагает свои суда под фрахт для отвозу Вашего товара в Кантон». Русский генеральный консул сообщал также о намерении Д. Д. Астора основать «колонию на северном берегу реки Колумбии при ее устье»⁴⁷. В свою очередь сам Д. Д. Астор в письме к А. А. Баранову отмечал, что, отправляя на корабле «Энтерпрайз» нужные для русских товары, он дает Эббетсу полномочия договориться о посылке в Русскую Америку ежегодно от «одного до трех кораблей по 150—350 тонн каждый»⁴⁸.

Хотя стоимость привезенных летом 1810 г. на корабле «Энтерпрайз» товаров превышала местные цены почти на 50%, А. А. Баранов «на первый случай» купил у Эббетса различных товаров на 54 тыс. руб. (27 тыс. пиастров), заплатив ему мехами. Соблюдая осторожность, главный правитель Русской Америки воздержался от немедленного заключения долгосрочного соглашения с компанией Астора, «но составил роспись потребностей по известным ценам, по каким можно принять грузы одного или двух кораблей»⁴⁹. В то же время с Д. Эб-

⁴⁶ Д. Д. Астор — А. Я. Дашкову, 4 ноября 1809 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 138, л. 1.

⁴⁷ А. Я. Дашков — А. А. Баранову, 7 ноября 1809 г. — Там же, д. 55, лл. 3—10.

⁴⁸ Д. Д. Астор — А. А. Баранову, ноябрь 1809 г. — Там же, д. 138, лл. 5—6.

⁴⁹ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 179—180. К. Хлебников. Указ. соч., стр. 137.

бетсом был заключен контракт о продаже большой партии русских мехов в Кантоне и покупке «потребных для колоний китайских товаров», которые доверялись честности американского капитана «по особому уважению и доверенности к почтенному г. Астору». В числе отправленных с Д. Эббетсом товаров находилось около 3 тыс. морских бобров, 6220 морских котов, меха выдр, лисиц, песцов, соболей и т. д., а также более 100 пудов китового уса и 17 пудов моржовых клыков, всего на 145 611 руб. По соглашению Д. Эббетс должен был получить 5% за комиссию проданных и закупленных товаров, а также 36 тыс. руб. за фрахт⁵⁰.

Полученные от А. А. Баранова товары были проданы в Кантоне за 148 043 руб., т. е. довольно выгодно: бобры по 43 руб. (21,5 пиастра), котики — по 2 руб., выдра — по 8 руб. и т. д. В результате Эббетс возвратился на о-в Ситху в мае 1811 г. с богатым грузом китайских товаров, в числе которых было «100 ящичков сахара леденца, 1000 пиколей (1 пиколь = 148 русским фунтам) пшеница, 8 тыс. концов китайки, 520 ящичков чая, 100 ящичков чайной и 14 столовой посуды, 1200 штук разных шелковых материй и довольно разных мелочных вещей, всего на 64 тыс. пиастров», а по местным ценам более чем на 150 тыс. руб. ассигнациями. Этой «расторжкой» А. А. Баранов остался «весьма доволен» и купил у Эббетса еще на 35 тыс. пиастров (т. е. 70 тыс. руб.) английских товаров, заплатив за них мехами, с которыми американец вновь отправился в Кантон⁵¹.

Получив известие об успешных торговых сделках Д. Эббетса с А. А. Барановым и список товаров, в которых нуждались русские колонисты, Д. Д. Астор осенью 1811 г. отправил к северо-западным берегам Америки новое судно «Бивер» под командованием шкипера Соль. (Первоначально этот корабль доставил дополнительное снаряжение и людей в форт Асторию, а затем, взяв на борт У. Ханта в августе 1812 г. отправился на о-в Ситха.) На «Бивере» находилось довольно

⁵⁰ «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. 3, стр. 15—16, а также К. Хлебников. Указ. соч., стр. 138—139; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 180.

⁵¹ См. К. Хлебников. Указ. соч., стр. 139—140; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 180; «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 15—18.

много различных товаров, но из-за невыгодности цен в сравнении с предварительно условленными А. А. Баранов согласился купить лишь часть груза на сумму 124 тыс. руб. ассигнациями с оплатой пушниной⁵².

Значительные торговые контракты заключались и с другими американскими купцами. Так, в отчете главного правления Российско-американской компании общему собранию акционеров от 1(13) февраля 1812 г. указывалось, что с 1808 г. А. А. Баранов променял бостонским мореходам пушнины на «жизненные припасы и разные для компании потребности» на 142 859 руб. 92 коп.⁵³ В то же время из других источников известно, что торговля А. А. Баранова с американцами на о-ве Ситха в целом произведена была «на сумму до 1 170 000 рублей, в коем счете состояли и пять покупных кораблей: «Юнона», «Миртель» (Кадык), «Леди» (Ильмень), «Атаелния» (Беринг) и «Аметист»... К американцам перешло в платеж бобров морских разных сортов — 4884; хвостов бобровых — 43 845; бобров речных — 9694; котиков — 362 730 шкур, выдр — 864 и лисиц — 235». Кроме того, на главное правление в С.-Петербурге было переведено 94 587,5 пиастра. Поскольку А. А. Баранов считал пиастр за два рубля, то в результате падения курса ассигнаций в России «компания от оных переводов потерпела значительные убытки»⁵⁴.

Наряду с покупкой судов у американцев А. А. Баранов начал строить корабли в Ново-Архангельске собственными силами. Под руководством американца Линкена в 1807—1809 гг. были построены три новых корабля высокого качества — «Ситха», «Открытие» и «Чириков». Кроме того, на о-ве Ситха были отремонтированы «Александр I» и «Юнона»⁵⁵.

⁵² П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 180—181; D. O. Johnson and M. Gates. Empire of the Columbia. A History of the Pacific Northwest. New York, 1957, p. 133—134. Об отправке судна «Бивер» и разногласиях по поводу цен см. также Д. Д. Астор — А. А. Баранову, 10 октября и А. Я. Дашков — А. А. Баранову, 1 (12) октября 1811 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 55, лл. 15—16, 17—18.

⁵³ Отчет главного правления Российско-американской компании общему собранию акционеров, 1 (13) февраля 1812 г. — ВПР, т. VI, № 112, стр. 278.

⁵⁴ «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 13.

⁵⁵ Там же, стр. 12—13.

В результате успешных торговых связей с купцами Соединенных Штатов в Русской Америке не только перестал ощущаться недостаток в «жизненных продовольствиях», но были накоплены значительные запасы. По сведениям от 25 апреля (7 мая) 1811 г., «всякими жизненными продовольствиями, выменом от бостонских мореплавателей и доставленными через Охотск, тамошний главноуправляющий г-н Баранов для всех мест запаса изобильно так, что достаточно будет на 3 или 4 года»⁵⁶.

В то же время успешно развивался совместный промысел русских и американцев у берегов Калифорнии. Бостонские корабельщики систематически заключали соответствующие контракты с А. А. Барановым, получали значительное число байдарок (по 50—60) с алеутами под начальством опытных русских «промышленных» и отправлялись затем на промысел морских бобров, который продолжался обычно 10—14 месяцев. Интересные сведения об этих экспедициях приводит К. Хлебников, а также американская исследовательница А. Огден⁵⁷.

О размерах совместного промысла можно судить по следующим данным⁵⁸:

Таблица 4

Год	Название судна	Капитан	Число	
			байдарок	бобров, полученных компанией
1809	«О'Кейн»	Д. Виншип	50	2728
1810	«Албатрос»	Натан Виншип	68	560
	«Изабелла»	Вильям Дэвис	48	2488
1811	«Аметист»	Томас Мик	52	721
	«Екатерина»	Вильям Бланшард	50	758
1812	«Харон»	И. Виттимор	—	896

⁵⁶ Отчет главного правления Российско-американской компании общему собранию акционеров, 1 (13) февраля 1812 г.— ВПР, т. VI, № 112, стр. 279.

⁵⁷ A. Ogden. Op. cit., p. 45—57.

⁵⁸ Приводимая таблица заимствована нами из материалов К. Хлебникова («Материалы для истории русских заседаний...», вып. 3, стр. 10; К. Хлебников. Указ. соч., стр. 148) с дополнительной проверкой и уточнением транскрипции собственных имен по монографии А. Огден.

В итоге всего за несколько лет совместный промысел принес на долю компании 8151 морского бобра (у К. Хлебникова ошибочно показано в одном случае 6149, а в другом — 7149), что позволило современникам делать вывод о выгодности взаимных связей для обеих сторон⁵⁹.

В то же время следует учитывать, что данные, приводимые К. Хлебниковым, по всей видимости, не являются исчерпывающими. Так, например, в приводимой таблице нет упоминания о бостонском корабле «Меркурий» под командованием Д. Эйрса. Между тем в рукописном отделе ГБЛ сохранились его контракты с А. А. Барановым от 25 мая (6 июня) 1808 г. и 10 (22) сентября 1809 г.⁶⁰ По отзыву А. Огден, известно также, что Д. Эйрс был одним из наиболее предприимчивых и смелых американских торговцев, который вплоть до 1813 г. вел обширную коммерческую деятельность у западного побережья Северной Америки⁶¹. Из этой же монографии мы узнаем, что в конце 1810 г. у берегов Калифорнии по контракту с А. А. Барановым промыслом занимались одновременно четыре бостонских корабля («О'Кейн», «Изабелла», «Меркурий» и «Албатрос»)⁶².

«Экспедиции для общего промысла к калифорнийским берегам,— отмечает П. Тихменев,— по условиям, заключенным в течение 1811, 12, 13-го годов, со шкиперами Витимором, Бланшардом и Миком доставили на долю компании... 270 тыс. руб. ас.»⁶³ Хотя выгоды при этом «разделялись с иностранцами», преимущество совместного промысла состояло в том, что он производился вне русских колоний, где число бобров в результате их хищнического истребления уже значительно уменьшилось. В то же время, получая значительные выгоды от деловых контактов с русскими, американские торговцы дорожили расположением А. А. Баранова и отзывались о нем с благодарностью и похвалой⁶⁴.

⁵⁹ «Материалы по истории русских заселений...», вып. 3, стр. 9.

⁶⁰ ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, л. 11.

⁶¹ A. Ogden. Op. cit., p. 52 ff.

⁶² Ibid., p. 53—54.

⁶³ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 172.

⁶⁴ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 149.

Значительный ущерб успешным деловым контактам между Российско-американской компанией и торговцами Соединенных Штатов был нанесен англо-американской войной 1812—1815 гг.

Несмотря на все усилия А. Я. Дашкова и Д. Д. Астора, прямые рейсы американских судов в русские владения почти прекратились, а условия конвенции 1812 г. остались по существу не выполненными. Правда, в сентябре 1813 г. А. Я. Дашков сообщил из Нью-Йорка об отправке под русским флагом корабля «Энтерпрайз» с грузом товаров для русских колоний в Америке⁶⁵. Но никаких подробностей от этой экспедиции выяснить пока не удалось.

В то же время известно, что компания Астора лишилась нескольких судов (одно из них потерпело крушение у «Сандвичевых островов», второе уничтожили туземцы в заливе Нутка), а после прибытия британского корабля «Рэкун» в ноябре 1813 г. англичане овладели фортом Астория, переименовав его в форт Джордж. (Незадолго до этого форт был продан канадской Северо-западной компании⁶⁶.)

Следует отметить также, что сама Российско-американская компания стремилась по возможности ограничить контакты А. А. Баранова с иностранными торговцами и в этой связи не проявляла особой заинтересованности в практическом осуществлении соглашения с Д. Д. Астором. Более того, сообщая осенью 1815 г. А. Я. Дашкову о предполагаемой посылке из С.-Петербурга новой кругосветной экспедиции со всеми необходимыми товарами в Русскую Америку, главное правление Российско-американской компании прямо указывало, что поскольку эти товары вместе с посланными ранее на корабле «Суворов» составят «довольство» на несколько лет, «то и не нужно уже нам, что г. Астор располагался посылать туда для нас грузы», тем более,

⁶⁵ А. Я. Дашков — Д. Монро, 28 сентября 1813 г. — NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 116.

⁶⁶ См. Главное правление Российско-американской компании — А. Я. Дашкову, 16 октября 1814 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 55, лл. 25—27; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 182—183; D. O. Johansen and M. Gates. Empire of the Columbia, p. 136—139.

что срок конвенции, заключенной в 1812 г. на четыре года, скоро истекает⁶⁷.

Участились и жалобы Российско-американской компании на коммерческую деятельность в русских владениях иностранных конкурентов, и особенно торговлю бостонцев оружием с местным населением. «Г-н Баранов,— указывалось в отчете главного правления компании общему собранию акционеров от 1(13) февраля 1812 г.,— сильно жалуется на умножившихся в тамошних краях мореплавателей, граждан Северо-Американских Соединенных Штатов, которые привозят свои и чужие колониальные товары и оные променивают индейцам на пушные промысловые, отвозя сии последние в Кантон на продажу... Всего же более жалуется на то, что те мореплаватели променивают индейцам огнестрельные и другие орудия, порох, ядра и свинец и что индейцы, научась употреблению сих орудий, затрудняют некоторым образом свободный и безопасный промысел нашим русским промышленным...»⁶⁸

Большое недовольство Российско-американской компании вызвала, в частности, деятельность поверенного Астора У. Ханта, заводившего «ухищренные и самые низкие прицепки» во время своей «расторжки» с А. А. Барановым в 1812 г. После перехода форта «Астория» к англичанам У. Хант явился на о-в Ситха на корабле «Педлер» в 1814 г. «с какими намерениями неизвестно». Впоследствии стало очевидным, что цель его приезда заключалась в том, чтобы «смуглировать торговлей с островитянами». «Как и протчие его земляки», У. Хант продавал туземцам оружие и вступил в 1816 г. в открытый конфликт с А. А. Барановым⁶⁹.

«Вредная конкуренция», по мнению главного правления, происходила и в результате платы А. А. Барановым за купленные у американцев товары пушиной, в част-

⁶⁷ Главное правление Российско-американской компании — А. Я. Дашкову, 28 августа (9 сентября) 1815 г.— ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 154, лл. 1—2.

⁶⁸ ВПР, т. VI, № 112, стр. 279.

⁶⁹ Подробному изложению этого конфликта посвящена «Записка о торговле североамериканцев в русских колониях в Америке, декабря 23 дня 1816 года», за подписями М. Булдакова, В. Крамера, А. Северина и Зеленского.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, лл. 31—49.

ности морскими котами. «Шкипер Бенит,— отмечал П. Тихменев,— приняв в колониях коты за уступленный им груз разных запасов, привез эти меха на продажу в Охотск и тамошняя компанейская контора, чтобы не допустить переход их в посторонние руки... должна была скупить их по ценам, несравненно превышающим полученные за них Барановым в Ново-Архангельске»⁷⁰. Узнав о понесенном убытке, главное правление предписало А. А. Баранову ограничить «расторжки» с иностранцами и приберегать морских котов как необходимый товар для торговли с китайцами на Кяхте. Контакты с иностранцами тем самым все более ограничивались, и хотя в 1816 г. в Русской Америке побывало до 15 иностранных кораблей, А. А. Баранов купил только небольшое количество продовольственных товаров, а с большинством шкиперов отказался иметь торговые сношения, тем более, что они не принимали векселей на главное правление, а требовали уплаты испанскими пиастрами по старому невыгодному курсу⁷¹.

Желая уменьшить зависимость русских селений в Америке от бостонцев, Российско-американская компания давно уже искала новые пути для получения «жизненных продовольствий» и, в частности, стремилась установить постоянные торговые связи с Калифорнией. Выгоды от торговли с этим краем стали хорошо известны еще со времени поездки Н. П. Резанова в Сан-Франциско в 1806 г. О богатствах Калифорнии сообщали и участники совместных русско-американских промысловых экспедиций.

В 1808—1809 гг. для обозрения берегов и проведения самостоятельного промысла бобров к югу от р. Колумбия были направлены шхуна «Николай» и корабль «Кадьяк». Отправляя осенью 1808 г. экспедицию «на берега американские Нового Альбиона при судах компанейских «Мирт Кадьяк» и «Николай»», А. А. Баранов

⁷⁰ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 172. Несколько позже подобные же меха привез на Камчатку шкипер Пигот. Несмотря на строгое запрещение продажи, Пигот успел реализовать свой товар камчатскому комиссионеру с переводом денег на главное правление по 15 руб. ассигнациями за шкуру (получив их в Ново-Архангельске по 2 руб. 50 коп.) на сумму в 61 тыс. руб. Основываясь на том, что колониальные постановления были хорошо известны покупщику, главное правление в производстве этого платежа отказало.

⁷¹ Там же, стр. 173.

в инструктивном письме И. А. Кускову ставил задачу «осмотреть и описать весь берег тот от пролива Дефука до Калифорнии во всей точности и положить на карту»⁷². В целом экспедиция И. А. Кускова окончилась довольно успешно. Правда, шхуна «Николай» потерпела крушение, но зато второй корабль, на котором находился И. А. Кусков, возвратился в октябре 1809 г. на о-в Ситха с богатым грузом морских бобров (2350 штук). Во время экспедиции И. А. Кусков «присмотрел» в заливе Румянцева (Малый Бодего) места, удобные для заселения, но из-за недостатка строительных материалов и побега нескольких человек постройка укрепления была отложена⁷³.

Новая экспедиция к берегам Калифорнии для «подробнейшего обозрения» местности, предпринятая И. А. Кусковым в 1810 г. на корабле «Юнона», закончилась неудачей. У островов королевы Шарлотты на русскую промысловую партию напали хорошо вооруженные индейцы, и экспедиция была вынуждена вернуться в Ново-Архангельск⁷⁴.

Касаясь позднее результатов предварительного обследования района предполагаемого заселения, директора Российско-американской компании сообщали, что А. А. Баранов «посылал к Ново-Албионским берегам экспедицию для отыскания лутчего противу Кадьяка и Ситхи места под поселение компанейское, и сия экспедиция под начальством коммерции советника Кускова отыскала оное в соседстве калифорнского порта Св. Франциско в заливе и бухте Бодего, оседлость в котором, однако ж, не произведена до будущего времени и распоряжений, что наши промышленные, переходя из Бодего

⁷² А. А. Баранов — И. А. Кускову, 14 (26) октября 1808 г. — ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 34, л. 107 и далее; см. также «Приказания» А. А. Баранова служащему компании Тараканову, 18 (30) сентября 1808 г. (там же, д. 7), штурману Булыгину, 22 сентября (4 октября) 1808 г. (там же, д. 8), штурману Петрову, октябрь 1808 г. (там же, д. 9).

⁷³ См. рапорт И. А. Кускова А. А. Баранову, 5 (17) октября 1809 г. — ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 15; «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 10—11, 137; П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 207—208. О самостоятельных русских экспедициях для промысла бобров к берегам Калифорнии см. также A. Ogd e n. Op. cit., p. 57 ff.

⁷⁴ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 208.

горами в калифорнский порт Св. Франциско, скрытно осматривали тамошнее местоположение и были противу самой крепости гишпанской, не видали в нем ни одного ни военного, ни торгового судна, ни войска, и, производя в самом заливе тамошнем скрытно промышленность морским зверям, находили везде сплошную тишину... что виделись также и с тамошними дикими народами, кои наших, сочтя за гишпанцев, хотели было напасть, но узнав, что не они, свободно допустили путешествовать, из чего заключить можно, что они обладателями своими недовольны»⁷⁵.

Стремясь «сыскать удобнейшее и выгоднейшее место» для новой колонии, Российско-американская компания рассчитывала приобрести в результате новые «пособия в промыслах» и устранить «затруднения в доставлении в нынешние наши поселения жизненных продовольствий»⁷⁶.

Следует напомнить, что главное правление давно уже настойчиво добивалось содействия правительства в установлении регулярных торговых связей с испанскими владениями в Америке, а затем и учреждении русской колонии в Калифорнии. 20 декабря 1809 г. (1 января 1810 г.) М. М. Булдаков «именем всего сословия Российско-американской компании» сделал повторное представление «о изспрошении торговли с Калифорнией»⁷⁷.

Хотя добиться официальной санкции Мадрида и конкретной помощи царского правительства главному правлению не удалось, из ответа царя, переданного через Н. П. Румянцева, было ясно, что в С.-Петербурге не будут возражать против организации русского поселения в Калифорнии силами самой компании. «Е. и. в., отказывая в настоящем случае производить от казны на Альбионе поселение,— писал Н. П. Румянцев 1 (13) декабря 1809 г.,— предоставляет правлению на волю уч-

⁷⁵ Главное правление Российско-американской компании — Н. П. Румянцеву, 16 (28) мая 1811 г.— ВПР, т. VI, № 44, стр. 119—120.

⁷⁶ Отчет главного правления Российско-американской компании общему собранию акционеров компании 1 (13) февраля 1812 г.— ВПР, т. VI, № 112, стр. 280.

⁷⁷ «Повторение о восстановлении торговли с Калифорнией». — ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1414, л. 5; ГБЛ ОР, ф. 255, к. 15, д. 34.

реждать оное от себя, обнадеживая, во всяком случае, монаршим своим заступлением»⁷⁸.

Воодушевленный довольно туманным обещанием монаршего «заступления», А. А. Баранов отправил 22 января (3 февраля) 1811 г. новую экспедицию к берегам Калифорнии на корабле «Чириков». В инструктивных письмах начальнику экспедиции И. А. Кускову главный правитель обращал внимание на действия компании Астора, а также отдельных американских торговцев и зверопромышленников (Н. Виншипа, Д. Брауна (у Баранова — Броун) и Д. Эйрса), исследовавших бассейн р. Колумбии. Ссылаясь на разрешение Александра I, А. А. Баранов поручал И. А. Кускову основать в Калифорнии редут, окопать его рвом, отыскать места для причаливания судов и т. д. Он должен был также выяснить отношение испанских властей к основанию русского поселения, расследовать причины нападения на участников первых экспедиций (в 1808—1809 и 1810 гг.) и вступить в переговоры с комендантом Сан-Франциско для получения продовольствия. Помимо постройки крепости, И. А. Кускову поручалось положить начало хлебопашеству, огородничеству и скотоводству, изучить местные обычаи и составить словарь языка индейцев. А. А. Баранов специально указывал на необходимость «с народами сколько можно покороче знакомиться, коих всех как наивозможно миролюбивыми и дружественными видами и приемами приласкивать, избегая и малейшей причинять досады..., а паче всего не допускать в грубостях... наших служителей» (п. 4-й)⁷⁹.

Первоначально экспедиция занималась только осмотром берегов и промыслом морских бобров. Вернувшись летом 1811 г. на о-в Ситха, И. А. Кусков привез 1160 бобров и 78 кашалотов⁸⁰. В ноябре 1811 г. шхуна «Чириков» вновь направилась к берегам Калифорнии, и на этот раз И. А. Кускову удалось обосноваться на выбранных

⁷⁸ Записка о колонии Российско-американской компании, именуемой Росс.— «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 167, 172; Архив гр. Мордвиновых, т. VI, СПб., 1902, стр. 668.

⁷⁹ См. инструктивные письма А. А. Баранова И. А. Кускову от 18 (30) января и 20 января (1 февраля) 1811 г.— ГБЛ ОР, ф. 204 к. 32, д. 12; ВПР, т. VI, стр. 722.

⁸⁰ «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 11, 137—138.

им местах в районе 38°30' северной широты и 123°15' западной долготы, недалеко от залива Бodega и всего в 50 милях от Сан-Франциско. В продолжение зимы 1811/12 года И. А. Кусков сблизился с местными индейскими вождями, роздал им подарки и договорился об уступке территории, которая была необходима для русского поселения. Доставив необходимые материалы и рабочих, Кусков заложил в мае 1812 г. на хорошо защищенной от возможных нападений возвышенности селение, получившее название форт Росс⁸¹. «Дом правителя, казармы, магазин, кладовые сарай, поварни, мастерские, баня, кожевенный завод, ветряная мельница, скотный двор и другие службы окончены постройкой в 1814 г.»⁸².

Если с местными индейцами, используя их ненависть к испанским угнетателям, компания договорилась довольно легко, то гораздо сложнее было урегулировать взаимоотношения с испанскими властями. Поскольку испанское правительство «по видам фанатизма духовных» запретило торговлю с иностранцами, в новых условиях в результате восстания «по всей Мексике» и «учреждению республиканского начальства» главное правление надеялось склонить жителей Калифорнии к установлению торговых связей и получать оттуда «разный хлеб», «живую и битую скотину», «сало, шелковые и мануфактурные произведения и прочее необходимое в наших колониях»⁸³. Учитывая эти обстоятельства, Российско-американская компания решила обратиться непосредственно к «благородным и высокочтимым соседям гишпанцам, живущим в Калифорнии». «...По обстоятельствам Европы и самой Гишпании кажется нам,— указывалось в «прокламации» главного правления от 15(27) марта 1810 г.,— вы развязаны от затруднений иметь с россиянами торговые связи, тем паче, что они взаимно полезны»⁸⁴.

⁸¹ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 208 и далее; В. Потехин. Селение Росс. СПб., 1859, стр. 9—10; «Историческая записка о селении Росс на берегах Нового Альбиона».— АВПР, ф. РАК, д. 363, лл. 7—11.

⁸² «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 138.

⁸³ ВПР, т. VI, № 112, стр. 281.

⁸⁴ Полный текст «прокламации» за подписью М. Булдакова и В. Крамера см. В. Потехин. Указ. соч., стр. 5—8; ГБЛ ОР, ф. 255, к. 15, д. 34.

Через Бакадарова, поверенного А. А. Баранова на судне «Меркурий» американского купца Д. Эйрса, эта «прокламация» была передана в начале 1812 г. коменданту крепости Сан-Висенте Мануэлю Люису (Руису). В своем ответе испанский комендант сообщил весной 1812 г., что калифорнийские жители «рады видеть у себя русских как друзей и приятелей», но что вице-король в Мехико «не желает дать такового на свободную торговлю позволения» и вновь рекомендовал обратиться через русского царя в Мадрид⁸⁵.

Не дали практических результатов ни новая «прокламация» главного правления, отправленная из С.-Петербурга на корабле «Суворов» осенью 1812 г.⁸⁶, ни обращение директоров компании к Н. П. Румянцеву и к испанскому консулу Сеа Бермудесу весной 1814 г.⁸⁷

Несколько более успешной оказалась, однако, практическая деятельность И. А. Кускова, который в начале 1813 г. получил от губернатора Верхней Калифорнии Х. Арильяга словесное разрешение на производство взаимной торговли при условии, что суда компании до получения официального согласия испанского правительства не будут входить в порт Сан-Франциско⁸⁸. Некоторое время на основе этой предварительной договоренности торговля с Калифорнией велась беспрепятственно. Выгодные сделки в течение лета 1815 г. осуществил, в частности, Кусков, посетивший Сан-Франциско на шхуне «Чириков», и комиссионер компании американец Элиот, плававший на бриге «Ильмень». В обмен на различные изделия мануфактурной промышленности (ткани, железо, свечи и т. п.) от испанцев удалось получить

⁸⁵ В. Потехин. Указ. соч., стр. 14—15; ГБЛ ОР, ф. 255, к. 15, д. 34, 35.

⁸⁶ В. Потехин. Указ. соч., стр. 15—17. О посылке корабля «Суворов» в кругосветное плавание из Кронштадта в Русскую Америку осенью 1812 г. см. «Журналы комитета министров», т. II, СПб., 1881, стр. 536; ЦГИА, ф. 1263; оп. 1, 1812 г., д. 29, лл. 194—212.

⁸⁷ См. М. М. Булдаков, В. В. Крамер и А. Северин — Н. П. Румянцеву, 15 (27) мая 1814 г. — ГБЛ ОР, ф. 255, к. 15, д. 35; текст записки «О торговле России с Калифорнией», поданной Сеа Бермудесу, см. там же, д. 34.

⁸⁸ П. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 213.

продовольственные товары (пшеницу, сало, муку и пр.)⁸⁹

В августе 1815 г. в Калифорнию пришел корабль «Суворов» под командованием лейтенанта М. П. Лазарева. Член команды С. Я. Унковский в связи с пребыванием корабля в Сан-Франциско отметил: «...Провизию свою мы пополнили обычными запасами... купили несколько быков, в каждом от 18 до 20 пудов веса, не дороже 2 талеров испанских за быка, и заготовили отличную провизию слонины; пшеница, тоже купленная у монахов, обошлась очень дешево»⁹⁰.

Новые затруднения начались, однако, после приезда в Калифорнию губернатора Пабло Винсенте де Сола. Осенью 1815 г. в Сан-Франциско были задержаны комиссионеры компании и захвачены в плен алеуты, занимавшиеся пушным промыслом⁹¹. Испанские власти с еще большей настойчивостью возобновили свои требования об уничтожении форта Росс. Впереди предстояла длительная и в целом бесплодная дипломатическая переписка.

Основывая форт Росс, компания рассчитывала «упредить североамериканцев» и прочно закрепиться на берегах богатой Калифорнии. В конечном итоге эта попытка, как мы знаем, потерпела неудачу, и в начале 40-х годов XIX в. русская колония в Калифорнии была ликвидирована⁹². Оставались неурегулированными и вопросы, связанные с территориальным разграничением с Соединенными Штатами на Северо-Западе и контрабандной торговлей оружием в русских владениях в Америке. Их дальнейшая история непосредственно связана с генезисом доктрины Монро и заключением русско-американской конвенции от 5 (17) апреля 1824 г.⁹³

⁸⁹ «Материалы для истории русских заселений...», вып. 3, стр. 146—147.

⁹⁰ М. П. Лазарев. Документы, т. I. М., 1952, стр. 44; Л. Ю. Слезкин. Указ. соч., стр. 83—84.

⁹¹ См. ГБЛ ОР, ф. 204, к. 32, д. 25, 37.

⁹² Наряду с уже упоминавшимися работами о форте Росс см. также книгу С. Б. Окуня «Российско-американская компания», стр. 112—144.

⁹³ См. Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро. М., 1959, стр. 186—209, 287—294.

В то же время в результате систематических деловых контактов с бостонскими корабельщиками в Русской Америке был накоплен большой положительный опыт взаимовыгодных торговых связей, а также организации совместных русско-американских промысловых экспедиций.

Заключение 20 апреля (2 мая) 1812 г. специальной конвенции, хотя и не дало существенных практических выгод из-за начавшейся вскоре англо-американской войны 1812—1815 гг., тем не менее свидетельствовало о возможности преодоления противоречий путем прямых переговоров между заинтересованными сторонами.

Часть четвертая

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА
1812—1815 ГОДОВ
И ЦАРСКАЯ РОССИЯ**

1812 год внес много перемен в жизнь народов Европы и мировую историю в целом. К его началу наполеоновская империя, казалось, достигла вершины своего могущества, и мало кто мог подумать, что ее уже очень скоро ждет полное крушение.

Грубо попирая национальные интересы европейских народов, Наполеон победоносным военным штыком и искусным дипломатическим пером в течение 15 лет кроил и перекраивал политическую карту Европы по своему усмотрению. Впрочем, после Аустерлица, Йены и Ваграма особого умения для этого уже не требовалось. Достаточно было простого распоряжения. Накануне войны 1812 г. Наполеон был властелином 130 французских департаментов, сюзереном семи вассальных королевств и тридцати монархов. «От Пиренеев до Одера, от Зунда и до Мессинского пролива — все Франция», — доносил из Парижа русский посол А. Б. Куракин¹. Давно прошли времена, когда войны, которые вела Франция, носили справедливый, национальный и революционный характер. «...Когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получили империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона»². Молодая, но алчная французская буржуа-

¹ А. Н. Попов. Указ. соч., т. 1, стр. 3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5—6.

зия безраздельно господствовала в Западной Европе и мечтала уже распространить свое влияние на весь мир.

Ведя смертельную борьбу со своим давним соперником — буржуазной Англией, Наполеон стремился покорить своей воле последнее сильное самостоятельное государство на европейском материке — Россию. Своему адъютанту графу Нарбонну венценосный повелитель Европейского континента говорил: «Теперь, чтобы добраться до Англии, нужно зайти в тыл Азии с одной из окраин Европы». Наполеон считал, что после разгрома России и взятия Москвы одного прикосновения французской шпаги будет достаточно, «чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия» Англии³.

В ночь с 11(23) на 12(24) июня 1812 г. первые соединения наполеоновских войск перешли на правый берег Немана, а вслед за этим началась переправа основных сил 640-тысячной «великой армии». Как часто случается, именно в эти дни в русской главной квартире вторжения не ждали, так как разведка не сообщила ничего особенно подозрительного. Само известие о начавшейся переправе Александр I получил 12(24) июня во время бала, устроенного для литовской знати в имении Л. Л. Беннигсена.

Накануне вторжения — 10(22) июня 1812 г. — французский посол в С.-Петербурге Жак Лористон передал управляющему министерством иностранных дел России А. Н. Салтыкову официальную ноту, из которой изумленный царский чиновник узнал, что «его императорское и королевское величество» (Наполеон был императором Франции и королем Италии) «считает себя в состоянии войны с Россией» со времени просьбы князя Куракина о выдаче ему паспортов, т. е. с конца апреля — начала мая 1812 г. (!)⁴ Замешательство А. Н. Салтыкова легко можно было понять — в С.-Петербурге в то время отсутствовали не только царь, но и почти все ответственные военные и политические руководители России. Хотя нота Лористона была немедленно отправлена специальным срочным курьером в Вильно, царь, понятно, смог ее получить только 13(25) июня, т. е., когда вторжение вели-

³ См. А. Вандаль. Указ. соч., т. III, стр. 347.

⁴ Ж. Лористон — А. Н. Салтыкову, 10(22) июня 1812 г. — ВПР, т. VI, стр. 756.

кой армии уже началось. Узнав о начавшейся войне, Александр I предпринял последнюю попытку к примирению, послав к Наполеону министра полиции А. Д. Балашева с личным письмом, в котором соглашался считать все происшедшее простым «недоразумением»⁵, но вряд ли уже серьезно верил в успех этой миссии. Война 1812 г. стала фактом.

Почти одновременно с нашествием Наполеона на Россию по другую сторону Атлантического океана началась война между Соединенными Штатами и Англией. В июне 1812 г. президент США Д. Мэдисон направил послание конгрессу, в котором рекомендовал немедленное объявление войны Великобритании⁶. Президент ссылаясь при этом на продолжающуюся практику оскорбления флага Соединенных Штатов и насильственный захват американских матросов, нарушение британскими военными кораблями спокойствия берегов и безопасности торговли США, объявление «бумажной (буквально: мнимой — pretended) блокады» и, наконец, «указы в совете», грубо попиравшие интересы нейтрального мореплавания.

Процедура объявления войны оказалась (с учетом обычной практики американского конгресса) довольно простым и даже относительно быстрым делом. Без особой дискуссии, всего через три дня, палата представителей одобрила законопроект об объявлении войны 79 голосами против 49 (голосование 4 июня 1812 г.). Несколько более длительными оказались дебаты в сенате, который принял постановление с рядом изменений лишь 17 июня 19 голосами против 13⁷. Сразу же этот законопроект был возвращен в палату, которая одобрила его 18 июня 1812 г. В тот же день в три часа дня президент Д. Мэдисон подписал акт об объявлении войны Англии и одновременно государственный секретарь Д. Монро официально сообщил об этом британскому посланнику в Вашингтоне А. Фостеру⁸.

⁵ Александр I — Наполеону, 13 (25) июня 1812 г. — S. Tatistcheff. *Op. cit.*, p. 587—588; ВПР, т. VI, № 177, стр. 442; текст отчета А. Д. Балашева о поездке к Наполеону см. «Записки императорской Академии наук», т. 43, прил. № 1, стр. 14—31.

⁶ J. Richardson (ed.). *Messages*, Vol. I, p. 499—505.

⁷ *Annals of Congress*, 12th Congress, 1st Session, p. 1629—1637, 265—298.

⁸ Акт конгресса об объявлении войны от 18 июня 1812 г. см. *British and Foreign State Papers*, Vol. I, Pt. II. London, 1841, p. 1322.

Англо-американская война 1812—1815 гг. и ее оценки русскими представителями в Соединенных Штатах

Война 1812 г. между Англией и США освещена в десятках больших и малых книг, специальных статей, обзоров и заметок. Приходится констатировать, однако, что по наиболее кардинальным проблемам, связанным с происхождением и характером конфликта, все еще не существует единого мнения ни в буржуазной, ни в марксистской литературе. Используя выражение канадского историка-марксиста С. Райерсона, война 1812 г. оказалась «запутанной паутиной» (the tangled skein), распутать которую оказалось не так-то просто¹.

Английская буржуазия, не примирившаяся с потерей своих колоний в Северной Америке, упорно проводила враждебную Соединенным Штатам политику, стремясь к подрыву их торговли и экономики. В упоминавшемся выше послании президента Д. Мэдисона конгрессу от 1 июня 1812 г. Великобритания справедливо обвинялась «в ряде актов, враждебных Соединенным Штатам как независимой и нейтральной стране».

Резко осуждая действия Англии на море, К. Маркс отмечал, что она «продолжала нарушать морские права Америки, в чем она сама признавалась. Это длилось с 1806 г. и было прекращено 23 июня 1812 г., после того как 18 июня 1812 г. Соединенные Штаты объявили Англии войну. Англия отказывалась таким образом, в данном случае в течение шести лет, не от того, чтобы дать удовлетворение за открыто совершившееся ею наруше-

¹ «The Marxist Quarterly», Summer, 1962, N 2, p. 16—23.

ние права,— она отказывалась прекратить это нарушение»².

В этом смысле война 1812—1815 гг. являлась в значительной степени продолжением революционной, освободительной борьбы США за независимость 1775—1783 гг. Но это отнюдь не означает, что обе войны были тождественны и что между ними можно поставить знак равенства. Правда, в буржуазной историографии употребляли в свое время термин «вторая война за независимость», но даже в самих Соединенных Штатах он не получил широкого признания, и наиболее осведомленные и авторитетные авторы им не пользовались. Никогда не употреблял этого термина и К. Маркс, упоминая о войне лишь вскользь и не касавшийся ее характера по существу³. Практически (за очень редким исключением⁴), не встречается этот термин и в советской литературе, поскольку он может создать одностороннее и даже просто неверное представление о происхождении и характере событий 1812 г.

За 30—35 лет, истекших со времени войны за независимость 1775—1783 гг., безусловно, произошли большие изменения как в международной политике, так и во внутреннем положении Соединенных Штатов. Если усматривать причины столкновения только в политике Англии, в частности в ее действиях на море, то в таком случае непонятным было бы, почему против войны решительно выступали представители торговой Новой Англии? И, наоборот, почему самыми воинственными оказались представители Запада и Юга, которых мало затрагивали нарушения прав морского судоходства? Ответить на эти вопросы нельзя без учета экспансионистских планов правящих кругов самих США. Касаясь этой проблемы, У. З. Фостер пишет: «Правящие классы Соединенных Штатов, ставшие к тому времени открытыми экспансионистами, видели в этой войне прекрасную возможность осуществить один из своих главных замыслов — присоединение Канады»⁵.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 454—455.

³ См. там же, стр. 399, 403, 511.

⁴ См. «Новая история», т. II. М., 1958, стр. 200.

⁵ У. З. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, стр. 99.

Наиболее яркими сторонниками разрыва с Англией выступали так называемые «военные ястребы» (war hawks) — Клей, Кэлхаун, Портер, Джонсон, Чивз, Крауфорд, Харпер, Грунди и др. Эта группа (в основном из числа представителей Юга и Запада) действовала в конгрессе уже с 1810 г. и накануне войны 1812 г. заняла господствующее положение⁶. Г. Клей был избран председателем палаты представителей, Д. Кэлхаун занял ведущее положение в комиссии по иностранным делам палаты.

Материалы конгресса США, личные бумаги Г. Клея, Д. Кэлхауна и др. содержат многочисленные данные, свидетельствующие о широких экспансионистских планах «военных ястребов»⁷.

Еще выступая в сенате в 1810 г., Генри Клей пространно обосновывал необходимость войны с Великобританией и легкость захвата Канады⁸. Несколько позже пылкий конгрессмен выразил надежду увидеть скоро новые Соединенные Штаты Америки, «охватывающие не только старые тринадцать штатов, но и всю страну к востоку от Миссисипи, включая Восточную Флориду, а также некоторые территории к северу от них»⁹.

Аппетит «военных ястребов» быстро возрастал, и на заседаниях конгресса 12-го созыва, первая сессия которого открылась в ноябре 1811 г., стали раздаваться еще более воинственные голоса. «Я до тех пор не смогу почувствовать удовлетворение,— заявил Р. Джонсон,— пока не увижу ее (т. е. Англию.— Н. Б.) изгнанной из Северной Америки, и ее территории — включенными в Соединенные Штаты»¹⁰. «Мне представляется,— уверенно заявил другой воинствующий член палаты представителей, Д. Харпер,— что творец природы наметил наши

⁶ См. J. Pratt. *Expansionists of 1812*. Gloucester, 1957, p. 48—49; Th. D. Clark. *Op. cit.*, p. 260—288.

⁷ См., в частности, новые издания бумаг Г. Клея и Д. Кэлхауна. *The Papers of Henry Clay*, ed. by James F. Hopkins, Vol. I. Lexington, 1959. *The Papers of John C. Calhoun*, ed. by R. Meriwether, Vol. I. University of South Carolina Press, 1959 (далее: J. Calhoun. *Papers...*).

⁸ *Annals of Congress*, 11th Congress, 1st Session, p. 579—580.

⁹ *Ibid.*, 3d Session, p. 63.

¹⁰ *Ibid.*, 12th Congress, 1st Session, p. 457, 458.

границы на юге Мексиканским заливом и на севере — районами вечного холода»¹¹.

Наставная на захвате английской Канады и испанской Флориды, алчные представители Запада и Юга мало считались с элементарной логикой. По этому поводу Р. Стэнфорд (школьный учитель из Северной Каролины) справедливо заметил: «Как же, господин спикер, мы собираемся защищать торговлю захватом Канады... Это похоже на то, как если бы фермер для защиты своего рисового поля захватил и огородил кукурузное поле соседа»¹².

Если быть точным, то следовало бы сказать, что Соединенные Штаты стремились «огородить» сразу два соседних поля: одно — на севере (Канада), другое — на юге (Флорида). Такое «огораживание» как бы уравнивало южные и северные интересы и вполне устраивало обе основные «секции» Союза. Именно на этой основе в конгрессе сложился единый блок северных и южных экспансионистов — так называемая «канадско-флоридская сделка», против которой так решительно протестуют некоторые современные авторы¹³. Эта «сделка», понятно, никогда и нигде не была официально зафиксирована, но в силу объективных обстоятельств и северные, и южные сторонники экспансии оказались по сути дела в одном лагере.

Достаточно выразительно и откровенно мысль о «сохранении равновесия правительства» путем одновременного присоединения к «этой империи» (речь шла о США) как Флориды на Юге, так и Канады на Севере сформулировал Ф. Грунди (Теннесси) в своем выступлении в палате представителей 9 декабря 1811 г.¹⁴ Именно в этом смысле восприняли его выступление не только позднейшие историки (Г. Адамс и Д. Пратт), но и его непосред-

¹¹ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 657.

¹² «Очерки новой и новейшей истории США», т. 1, стр. 142.

¹³ Эту мысль, выдвинутую в свое время еще Д. Праттом, критикуют, в частности, А. Берт, И. Брант и др. (см. A. Burt. The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New Haven, 1940, p. 305; I. Brant. James Madison: Commander in Chief. Indianapolis, 1961, p. 17—18).

¹⁴ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 426—427.

ственные слушатели в конгрессе, в частности знаменитый оратор Юга Д. Рэндольф¹⁵.

Последний в то время был настроен очень критически в отношении «военных ястребов» и зло высмеивал истинные замыслы своих коллег. Выступая в палате 16 декабря 1811 г., красноречивый глашатай интересов Юга заявил: «Если вы начнете войну, то это будет война не за сохранение или защиту ваших морских прав... Аграрная жадность, а не морское право вызывает необходимость войны... Мы слышим только одно слово — жалобно скулящее, вечно на одной и той же монотонной ноте — Канада! Канада! Канада!»¹⁶

Д. Рэндольф был, конечно, прав, высмеивая лицемерность и лживость аргументов «военных ястребов», хотя важную роль противоречий в области торговли и мореплавания не следует при этом забывать. Кстати, само содержание этих противоречий в годы, непосредственно предшествовавшие войне 1812 г., начинает существенно меняться. «Речь идет не о посреднической торговле, — заявил в палате уже цитировавшийся выше Ф. Грунди, — по поводу которой в настоящее время наша страна спорит с Великобританией... Действительный предмет спора носит совсем иной характер; он затрагивает интересы всей нации. Дело заключается в праве экспортировать на внешний рынок продукцию нашего собственного сельского хозяйства и промышленности»¹⁷.

Это заявление Ф. Грунди имеет важное принципиальное значение, так как показывает заинтересованность Соединенных Штатов, испытывавших в то время серьезные экономические трудности, в расширении экспорта своих собственных товаров.

Учитывая настроения районов «подвижной границы», генерал Э. Джексон обосновывал весной 1812 г. необходимость захвата английских владений в Северной Америке ссылками на право Соединенных Штатов на свободную торговлю, и особенно продажу на внешнем рынке товаров американского производства, «которые в настоящее время гибнут у нас на руках, потому что

¹⁵ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 441 ff.; H. Adams. Op. cit., Vol. VI, p. 141; J. Pratt. Op. cit., p. 140—141.

¹⁶ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 533.

¹⁷ Ibid., p. 424.

владычица морей запрещает нам перевозить их в любую зарубежную страну»¹⁸. «Цена нашего хлопка понизилась до 7 центов, а наш табак уже не стоит ничего», — возмущался в конгрессе представитель Мэриленда Р. Райт и связывал это прежде всего с политикой Англии и Франции, в результате чего был крайне затруднен доступ американских товаров на европейский рынок¹⁹.

Очень четко и ясно существо вопроса сформулировал спикер палаты представителей Г. Клей: «Еще вчера мы боролись за посредническую торговлю — право экспортировать в Европу вест-индский кофе и сахар. Сегодня мы отстаиваем требование на прямую торговлю — право экспортировать наш хлопок, табак и другие продукты отечественного производства»²⁰.

Итак, война 1812 г., как нам представляется, явилась результатом, с одной стороны, своекорыстной политики Англии, ее стремления к подрыву торговли и экономики США, деспотичных действий на море и нарушения элементарных прав нейтрального мореплавания. С другой стороны, она была вызвана экспансионистскими устремлениями правящих кругов самих США, их намерением захватить Канаду и Флориду, оттеснить индейские племена и т. п.

Выяснение различных по своему содержанию и характеру тенденций, вызвавших войну 1812 г., еще не означает решения всей проблемы в целом. Необходимо определить, какая из этих двух основных тенденций и в какой период преобладала.

Правильно решить этот вопрос, на наш взгляд, можно только с учетом конкретного внутреннего и международного положения США и Англии, а также развития событий в ходе самой войны.

Выше уже отмечалось, что 1812 год был самым критическим годом наполеоновских войн в Европе. Англия переживала один из наиболее трудных периодов своей истории, оказавшись практически в полной изоляции. И в этом смысле нельзя не согласиться с Д. Мэдисоном, когда он, защищая много лет спустя действия правитель-

¹⁸ Correspondence of Andrew Jackson, ed. by J. Bassett, Vol. I. Washington, 1926, p. 221—222.

¹⁹ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 470—471.

²⁰ Ibid., p. 601.

ства США, подчеркивал, что момент для объявления войны был выбран очень удачно²¹. В то же время очевидно, что 1812 год был явно неподходящим временем для осуществления агрессивных замыслов Великобритании в отношении США, и хотя она отнюдь не желала отказываться от своей тиранической практики на море, ей так или иначе приходилось считаться с реальным развитием международных событий.

Р. Уэлсли, а затем Кэстльри (ставший министром иностранных дел Великобритании в конце февраля 1812 г. и занимавший этот пост вплоть до смерти в 1822 г.) вновь и вновь повторяли избитые аргументы, ссылаясь в оправдание деспотических действий английского флота на море на политику и декреты Наполеона²². Британский кабинет упорно настаивал на том, что «указы в совете» будут отменены только тогда, когда Франция официально и недвусмысленно отменит свои декреты не только в части, относящейся к США, но и по всему миру. Весьма подробно позиция Англии была изложена, в частности, в известных инструкциях Кэстльри британскому посланнику в Вашингтоне А. Фостеру 10 апреля 1812 г.²³ В литературе в этой связи много писали о непримиримой и вызывающей позиции Англии. Нельзя, однако, не отметить, что эта позиция накануне войны 1812 г. не только не была более резкой по сравнению с предшествующими годами, но, скорее, характеризовалась известным стремлением к примирению, в связи с чем можно сослаться на то, что в одной из инструкций от 10 апреля 1812 г. содержались существенные уступки по вопросу о так называемой системе лицензий²⁴.

Особо следует обратить внимание на «частное» указание Кэстльри, содержащееся в специальном письме

²¹ Мэдисон — Уитону, 26—27 февраля 1827 г.— J. Madison. Writings, Vol. IX, p. 274.

²² В. Мауо (ed.). Instructions to the British Ministers to the United States, 1791—1812.— «Annual Report of the American Historical Association for the Year 1936», Vol. III, Washington, 1941 (далее В. Мауо (ed.). Instructions). В. Перкинс. Prologue to War.

²³ Кэстльри — Фостеру, 10 апреля 1812 г.— В. Мауо (ed.). Instructions, p. 353—363. Английский посланник довел их содержание до сведения государственного секретаря 30 мая (ASPFR, Vol. III, p. 454—457).

²⁴ В. Мауо (ed.). Instructions, p. 363—367.

А. Фостеру от того же числа. Министр иностранных дел настойчиво рекомендовал посланнику соблюдать в переговорах с правительством США «крайнюю умеренность» и ни в коей мере не провоцировать военное столкновение. «Вы должны строго придерживаться принципов, которыми это правительство считает нужным руководствоваться,— указывал Кэстльри,— но Вам надлежит избегать навязывать их Америке в такой форме, которая может привести переговоры к внезапному прекращению». Стремясь, насколько возможно, отсрочить разрыв, британский министр отмечал, что со временем «для американского правительства станет все труднее и труднее втянуть свою страну в войну с Великобританией»²⁵. Речь, понятно, идет не о каком-то действительном миролюбии британского правительства, а о прозаическом расчете, тактическом маневре и понимании очевидной невыгодности развязывания войны летом 1812 г.

А. Фостер не смог выполнить возлагавшихся на него сложных поручений, и предотвратить разрыв британской дипломатии не удалось. К тому же в деятельности британского кабинета в мае — начале июня 1812 г. наступила непредвиденная пауза. 11 мая во второй половине дня в вестибюль палаты общин проник некто Д. Беллингхэм — озлобленный маньяк, вооруженный пистолетом. Он претендовал на компенсацию за какие-то «убытки», понесенные, якобы, в России и, очевидно, по этой причине намеревался убить лорда Г. Л. Гоуэра, бывшего английского посла в С.-Петербурге. По какой-то случайности Гоуэр не приходил, и Беллингхэм разрядил свой пистолет в британского премьера Спенсера Персиваля²⁶. Новое правительство сформировал лорд Ливерпуль.

По иронии истории оказалось, что когда конгресс США в Вашингтоне объявил войну Великобритании, по другую сторону Атлантики — в Лондоне официально отменили ненавистные «указы в совете». За два дня до официального объявления войны, 16 июня 1812 г., лорд Кэстльри официально объявил в парламенте о намерении британского кабинета прекратить действие «указов

²⁵ Кэстльри — Фостеру, 10 апреля 1812 г. — В. Мауо (ed.). Instructions, p. 368.

²⁶ Кэстльри — Фостеру, 11 мая 1812 г. — Ibid., p. 379; H. Adams. Op. cit., Vol. VI, p. 284—285; «История XIX века», т. 2, под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938, стр. 72.

в совете» в той части, в которой они касаются США, и сразу же направил А. Фостеру соответствующие секретные инструкции²⁷. 23 июня 1812 г., в то время как британский посланник нанес прощальный визит в Белый дом, злополучные «указы в совете» от 7 января 1807 г. и 26 апреля 1809 г.²⁸, ограничивавшие доступ торговых судов иностранных держав в порты Франции и зависимых от нее стран, были уже отменены. Распоряжением от 23 июня 1812 г. британский королевский совет разрешал торговым судам США заход в указанные порты с 1 августа при условии, если американское правительство отменит введенные им ограничения в отношении торговли Англии²⁹.

Трансатлантического кабеля в те времена еще не существовало, и решение английского правительства долгое время оставалось в США неизвестным. (Текст инструкций от 17 июня 1812 г. А. Фостер получил 22 июля уже в Галифаксе, откуда он собирался отправиться в Англию. В Вашингтоне же их получили только 5 августа.) Сейчас бессмысленно гадать, что случилось бы, если бы в 1812 г. были современные средства связи. Зато историки твердо знают, что война не прекратилась и после того, как в США узнали, что «указы в совете» отменены.

Уже на следующий день после объявления войны А. Фостер предложил отсрочить начало военных действий до того времени, пока об этом станет известно в Лондоне, и вызвался сам поехать в Англию с любым предложением, которое пожелает сделать правительство США. В Вашингтоне, однако, сразу же отклонили это предложение. Во время своей прощальной аудиенции 23 июня британский посланник вновь настаивал на отсрочке военных действий, «пока из Англии не будут получены новые сообщения», и осведомился, приведет ли к прекращению войны отмена «указов в совете». Ему ответили, что такой перспективы не предвидится. Кроме того, их отмена должна сопровождаться обещанием

²⁷ Кэстльри — Фостеру, 17 июня 1812 г. с приложением текста меморандума, содержание которого было доведено до сведения обеих палат британского парламента.— В. Мауо (ed.). Instructions, p. 381—383.

²⁸ G. Martens. NR, t. I, p. 444—452, 483—484.

²⁹ G. Martens. NR, t. I, p. 547—549; ASPFR, Vol. III, p. 433; В. Мауо (ed.). Instructions, p. 383.

начать переговоры о прекращении практики насильственной вербовки американских матросов в английский флот³⁰.

Разочарованному посланнику пришлось покинуть Вашингтон, так ничего и не добившись. Не дали положительных результатов и переговоры Кэстльри с американским поверенным в делах Расселом. Камнем преткновения оказалось требование США прекратить практику насильственной вербовки американских матросов и освободить уже захваченных³¹, что в свою очередь было отвергнуто британским кабинетом.

Наконец, 30 сентября 1812 г. по поручению английского правительства адмирал Д. Уоррен направил государственному секретарю Д. Монро официальное сообщение об отмене «указов в совете» и предложил «немедленное прекращение военных действий между обеими странами»³². Отклоняя это предложение, правительство США вновь ссылалось на необходимость прекращения насильственной вербовки американских матросов в английский флот. Настаивая на условиях, которые бы обеспечили «прочный и длительный мир»³³, США по сути дела в то время не желали идти на какие-либо уступки для примирения с Англией, надеясь на успехи своих вооруженных сил, а также дальнейшее изменение международной обстановки в их пользу. «Если бы французский император не был разгромлен, как это случилось в полном противоречии со всем, что человеческий разум мог предположить;— задавал позднее вопрос Д. Мэдисон,— разве не вынуждена была бы Великобритания в результате своего собственного положения и требований своих союзников прислушаться к нашим разумным условиям примирения?»³⁴

³⁰ A. Burt. Op. cit., p. 313; I. Brant. James Madison: Commander in Chief, p. 33—34.

³¹ ASPFR, Vol. III, p. 585, 594.

³² Уоррен — Монро, 30 сентября 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3344, л. 44. (Обширная официальная переписка по этому вопросу была прислана А. Галлатином русскому правительству летом 1813 г.— Там же, лл. 20—66.)

³³ Монро — Уоррену, 27 октября 1812 г.— Там же, л. 46. См. также Annals of Congress, 12th Congress, 2nd Session, p. 1197—1198.

³⁴ Мэдисон — Уитону, 26—27 февраля 1827 г.— J. Madison. Writings, Vol. IX, p. 274.

Вряд ли необходимо доказывать, что действия Англии и ее неожиданная «уступчивость» диктовались отнюдь не искренним стремлением к миру и прекращению разбойничьих действий на море (показательно, что от насильственной вербовки матросов англичане упорно не желали отказываться), а были вынужденным тактическим шагом и дипломатическим маневром. Цена «миролюбия» британского кабинета очень скоро стала для всех очевидной.

Разгром Наполеона I в России и первые успехи английских войск в Америке окончательно развеяли всякие иллюзии на этот счет.

При всем значении международных проблем и прежде всего грандиозной военной эпопеи, происходившей в 1812 г. в Европе, решающее влияние на характер англо-американской войны 1812—1815 гг. оказывали, в конечном счете, внутривнутриполитические моменты. Выступая в сенате в 1810 г., Генри Клей хвастался, «что только одной милиции Кентукки будет достаточно, чтобы положить Монреаль и Верхнюю Канаду» к ногам победителей³⁵. 6 мая 1812 г. Джон Кэлхаун (Южная Каролина) открыто заявил, что для захвата «всей Верхней и части Нижней Канады» потребуется всего каких-нибудь «четыре недели»³⁶. Красноречивый спикер палаты представителей и его коллега из комитета по иностранным делам, конечно, не слишком хорошо разбирались в военных вопросах, чего нельзя сказать о генерале Эндрю Джексоне.

Последний, однако, также рисовал американскому народу радужные перспективы, когда 7 марта 1812 г. призывал добровольцев к войне против «вечных врагов американского процветания», писал о «захвате всех английских владений на континенте Северной Америки» как вознаграждении за причиненный ранее ущерб и гарантии безопасности от будущей агрессии³⁷.

³⁵ Annals of Congress, 11th Congress, 1st Session, p. 579—580.

³⁶ J. Calhoun. Papers, Vol. I, p. 104—105. Кстати, именно этот воинственный политический деятель, ставший впоследствии крайним сепаратистом и идеологом рабства, был автором доклада комитета по иностранным делам от 3 июня 1812 г., в котором обосновывалась необходимость разрыва с Англией (ibid., p. 109—112, 122—123).

³⁷ Correspondence of Andrew Jackson, p. 220—222. Об экспансионистских замыслах правящих кругов Соединенных Штатов Аме-

Экспансионистские планы правящих кругов США не вызывали, однако, энтузиазма в народных массах. Военственный конгресс еще в начале 1812 г. постановил увеличить регулярную армию, насчитывавшую 10 тыс. человек, еще на 25 тыс. 6 февраля был одобрен законопроект, разрешавший президенту призвать на один год 50 тыс. добровольцев. Наконец, в апреле 1812 г. было принято постановление о призыве 100 тыс. человек в милицию штатов³⁸. Все эти торжественные решения оставались, впрочем, на бумаге. Для завоевания Канады не удалось собрать ни добровольцев, ни сколько-нибудь значительно пополнить регулярную армию.

На эти и другие обстоятельства систематически обращали внимание в своих донесениях русский посланник А. Я. Дашков, сомневавшийся, что правительству США удастся сделать войну популярной³⁹, и особенно новый генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов⁴⁰. «Отзывы членов конгресса и газеты, под влиянием одного печатаемые,— писал Н. Я. Козлов Н. П. Румянцеву в марте 1812 г.,— наполнили все Статы слухами о неминуемой войне с Англией. Угрозы сии, однако ж, не произвели никакой пользы, и правительство почло за нужное сделать более твердую поступь. Вследствие сего президент уполномочен собрать 25 тысяч регулярного войска, 50 тысяч волонтеров, умножить флот, починить крепости; речь идет о наложении на время войны экстраординарных податей и сверх того предполагается ученить заем... Хотя ни денег, ни флота, ни армии еще не существует,— общал далее русский генеральный консул,— не менее, однако ж, в заседаниях конгресса происходят споры о мерах, какие могут быть наилучше приняты к овладению Канадой и Квебеком.

С другой стороны, правительство располагаетя присвоить себе обе Флориды. Некоторая часть оных занята

рики в отношении Канады см. также S. B. Ryerson. The Founding of Canada. Beginnings to 1815. Toronto, 1960, p. 293—315.

³⁸ См. Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session; H. Adams. Op. cit., Vol. VI, p. 294—295; J. Pratt. Op. cit., p. 144—145.

³⁹ См., например, А. Я. Дашков — А. Б. Куракину, 5 (17) января 1812 г. — ВГП, т. VI, № 104, стр. 259—260.

⁴⁰ Следует отметить, что их донесения и прилагавшаяся к ним документация представляют собой ценный и почти совершенно еще не использовавшийся источник о войне 1812—1815 гг.

уже Статами, и аглинский двор протестовал против сего насилия»⁴¹.

Обращая внимание на «скудость» Соединенных Штатов в деньгах и «трудность собрать... предполагаемое число войска для завоевания пустой и непроходимой Канады», Н. Я. Козлов не очень верил в реальность того, чтобы «распри» с Англией дошли до «явной войны». «Кроме людей, участвующих в правительстве,— сообщал он Н. П. Румянцеву,— не нахожу я никого здесь, кто бы верил таковому событию. Аглинский министр, угощая часто у себя членов конгресса, шутил с ними на шет угрожающего жителям Канады кровопролития, а купечество здешнее, не взирая на сии военные предзнаменования, начав уже отправление своих судов в Европу, вяще заставляяют думать, что Американские Статы... найдут средство надолго еще продлить без войны распри с Англией»⁴².

Примерно два месяца спустя тот же Н. Я. Козлов писал в С.-Петербург: «Предположение собрать 25 т. регулярного войска, 50 т. волонтеров и 100 т. милиции встречает в исполнении непреодолимые трудности. Армия Статов по ныне не простирается свыше семи тысяч»⁴³. Хотя прогноз русского консула в отношении вероятности вооруженного конфликта с Англией оказался неточным, он был, безусловно, прав, когда упоминал «отвращение народное от войны и медленность, с какою выполняются определения конгресса»⁴⁴.

Уже после объявления войны численность армии на бумаге была определена конгрессом в 36 700 человек, однако фактически под ружьем продолжало оставаться не более 10 тыс.⁴⁵ Эту же цифру, как наиболее достоверную, называл и русский посланник А. Я. Дашков, отмечавший, что американские войска к тому же «плохо во-

⁴¹ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 7 марта 1812 г. (Козлов датировал свои донесения новым стилем).— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9242, л. 3.

⁴² Там же, л. 4.

⁴³ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 апреля 1812 г.— Там же, л. 63. В этом же донесении консул специально обращал внимание, что «партикулярные письма из Лондона согласно утверждают, что Англия не расположена первая начинать войну с американцами».

⁴⁴ Там же, лл. 63—64.

⁴⁵ H. A d a m s. Op. cit., Vol. VI, p. 295.

оружены и еще хуже обучены»⁴⁶. В целом как историки, так и современники событий единодушно обращают внимание на полное отсутствие в народных массах военного энтузиазма.

В конце 1812 г. состав армии был установлен в 58 тыс., но, несмотря на все старания правительства, он никогда не был заполнен даже наполовину⁴⁷. Еще хуже обстояло дело с «добровольцами» и милицией, которая не только отказывалась присоединять Канаду, но даже участвовать в каких-либо военных операциях вне границ своих штатов⁴⁸. Вполне справедливым поэтому следует признать замечание Г. Адамса, что пропорционально численности населения военные усилия в 1814 г. были в 10 раз меньше, чем в 1864 г.— во время гражданской войны в США⁴⁹.

С огромными трудностями вашингтонскому кабинету пришлось столкнуться и в финансовой области. В 1812—1815 гг. расходы правительства на 68,8 млн. долл. превысили обычные статьи его доходов, и финансировать войну приходилось, в основном, за счет выпуска займов. С 14 марта 1812 г. по 3 марта 1815 г. конгресс шесть раз прибегал к займам на общую сумму свыше 80 млн. долл. Реально до 1815 г. удалось получить лишь 41 млн., причем подавляющая часть (87%) была внесена Нью-Йорком, Филадельфией, Балтимором и федеральным округом Колумбия. Богатейшая часть страны—Новая Англия внесла только 7%, а воинственные Юг и Запад предоставили еще меньше—6%⁵⁰.

Затруднительное положение правительства Мэдисона усугублялось, наконец, позицией федералистских штатов, в частности открытым недовольством войной в штатах Массачусетс, Коннектикут и др. Между тем именно Новая Англия занимала важное стратегическое положение на границе с Канадой, имела наибольшую концентрацию населения и материальных средств. Отказ федералистских штатов Новой Англии предоставить в

⁴⁶ А. Я. Дашков—Н. П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12168, л. 134.

⁴⁷ A. Burt. *Op. cit.*, p. 323.

⁴⁸ J. Pratt. *Op. cit.*, p. 160—161.

⁴⁹ H. Adams. *Op. cit.*, Vol. VII, p. 385.

⁵⁰ C. P. Nettels. *Op. cit.*, p. 332.

распоряжение центрального правительства свою милицию и поддержать финансовые мероприятия не мог не подорвать военные усилия страны в целом.

Летом 1812 г. известный бостонский юрист Д. Лоуэлл (укрывшийся под псевдонимом «фермер Новой Англии») опубликовал серию едких антиправительственных памфлетов, озаглавив их: «Война г-на Мэдисона: беспристрастное расследование»⁵¹. Обвиняя президента Мэдисона в том, что он был чуть ли не единственным человеком, ответственным за войну, которая велась якобы целиком в интересах Франции, федералисты явно грешили против истины. И тем не менее следует сказать, что сам термин «война г-на Мэдисона» как отражение недовольства войной и политикой правительства в целом получил в то время значительное распространение.

Противодействие федералистских штатов войне с Англией не ограничивалось одной агитацией. Продолжая торговлю с Канадой и предоставляя ссуды англичанам, федералисты встали по существу на путь открытой измены. Любопытно, что сам главнокомандующий британскими войсками Превост сообщал 27 августа 1814 г., что из Новой Англии поступают «большие суммы звонкой монеты» и что «две трети армии в Канаде в настоящее время едят мясо, предоставленное американскими поставщиками, главным образом из штатов Вермонт и Нью-Йорк»⁵².

Учитывая всю совокупность изложенных фактов, можно вполне определенно констатировать, что начатая Соединенными Штатами летом 1812 г. война существенно отличалась по своим причинам и характеру от действительно освободительной и действительно революционной борьбы, которую они вели в 1775—1783 гг. Молодое капиталистическое государство теперь уже не только отстаивало свои законные права, но и стремилось воспользоваться благоприятными обстоятельствами для выполнения собственных экспансионистских планов на континенте Северной Америки. Образно говоря, у молодого хищника уже прорезались настоящие зубы, и он

⁵¹ Mr. Madison's War. A Dispassionate Inquiry into the Reasons Alleged by Mr. Madison for Declaring an Offensive and Ruinous War against Great Britain. By a New England Farmer. Philadelphia, 1812.

⁵² H. Adams. Op. cit., Vol. VII, p. 146.

попытался при удобном случае испробовать их крепость на своем прежнем угнетателе — закоренелом морском разбойнике.

Русскому посланнику А. Я. Дашкову нельзя отказать в наблюдательности, когда он в своих донесениях в С.-Петербург неоднократно подчеркивал стремление Соединенных Штатов к всемерному расширению своих владений. «Их вторжение в Канаду, захват которой в большей мере является действительной целью войны, чем намерение заставить Англию уважать их нейтральные права, их поведение в отношении индейцев, на земли которых они с вожделием смотрят и стремятся овладеть ими любыми средствами, наконец, их нападение на Восточную Флориду, их участие в революции в северных провинциях Мексики и недавняя оккупация испанского форта Мобиль», — все это, по словам А. Я. Дашкова, «достаточно убедительные доказательства того, что очень преждевременный вкус к захватам уже привился американскому правительству»⁵³.

На первый взгляд может показаться просто невероятным, как вообще могло случиться, что США с их плохо обученной армией, небольшим военно-морским флотом и полупустой казной решили начать войну с величайшей державой того времени. Население Великобритании составляло почти 20 млн. человек, страна располагала огромными финансовыми средствами, первоклассной промышленностью, сильной армией и непобедимым военно-морским флотом, овеянным славой лорда Нельсона. Достаточно сказать, что английский военный флот насчитывал более 1000 кораблей, из которых в июне 1812 г. 700 находилось в плавании, включая 260 линейных кораблей и фрегатов. В то же время во флоте США числилось всего... 17 единиц, в том числе восемь фрегатов, из которых три в плавание не годились. Кроме того, имелся еще 20-пушечный корабль

⁵³ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 30 июня (12 июля) 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, л. 261. Подробно о действиях США в отношении испанской Флориды и Мексики см. С. А. Гонионский. Территориальная экспансия США в начале XIX в. — «Новая и новейшая история», 1958, № 5; Н. Н. Болховитинов. Присоединение Флориды Соединенными Штатами. — Там же, 1959, № 5; М. С. Альперович. Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964, стр. 217—224.

«Джон Адамс», восемь мелких сторожевых кораблей и бригов⁵⁴. Линейные корабли у США вообще отсутствовали.

Но если в стратегическом плане война против Англии может показаться бессмысленной, то практически на американском театре военных действий соотношение сил складывалось совсем иначе. Занятая смертельной борьбой с наполеоновской Францией, Англия по существу не располагала никакими свободными военными силами, ее лучшие войска под командованием А. Веллингтона сражались на Пиренейском полуострове, экономика была серьезно истощена континентальной блокадой, а многочисленные коалиции против Наполеона требовали колоссальных финансовых расходов. В результате, в Канаде имелось всего лишь около 5 тыс. солдат, разбросанных по отдельным гарнизонам на огромной территории⁵⁵. Население этой провинции не превышало 500 тыс., тогда как в США уже было почти 8 млн. человек. Кроме того, значительная часть жителей Канады французского происхождения была настроена в то время в отношении англичан враждебно.

Таким образом, если победить Англию на море США практически не могли, то, с другой стороны, захват Канады мог представляться для них относительно простым и вполне выполнимым делом. Очевидно также, что само объявление войны Соединенными Штатами выглядело бы совершенно нелепым, если бы они не рассчитывали захватить английские владения в Северной Америке.

Как часто случается, однако, реальная действительность быстро опрокинула все предварительные расчеты и прогнозы. Уже в самом начале войны «военных ястребов» ждало жестокое разочарование. Генерал Хэлл не только не смог захватить Канаду, но сам позорно капитулировал в Детройте (16 августа 1812 г.)⁵⁶. Учитывая наличие многочисленных и детальных описаний войны 1812—1815 гг., здесь нет необходимости во всех подробностях воссоздавать запутанную картину военных

⁵⁴ I. Brant. James Madison: Commander in Chief, p. 39.

⁵⁵ A. Burt. Op. cit., p. 319.

⁵⁶ H. Adams. Op. cit., Vol. VI, p. 289—295; A. R. Gilpin. The War of 1812 in the Old Northwest. Michigan State University Press, 1958, p. 109—125.

действий. В общем, американцы не могли похвастаться какими-либо серьезными успехами на суше, если не считать захват весной 1813 г. незащищенного Йорка (Торонто). Впрочем, в этой операции они отличились главным образом тем, что сожгли здание парламента, ограбили частные дома, общественную библиотеку и церковь⁵⁷.

Несмотря на многочисленные неудачи и поражения (чему в немалой степени способствовали бездарность и беспомощность генералов Хэлла, Диаборна, Уилкинсона и др.), вплоть до лета 1814 г. перевес сил продолжал оставаться на стороне США, которые в целом сохраняли инициативу в своих руках. Успешные действия на Великих озерах, и в частности победа на оз. Эри (сентябрь 1813 г.), обеспечили американцам контроль над важными внутренними водными путями. Внимательно следивший за ходом военных действий Н. Я. Козлов сообщал весной 1814 г., что вашингтонский кабинет «не перестает принимать всевозможные меры, чтоб наступившая кампания была успешнее прежних. Все внимание его обращено к завоеванию Канады... Армия Статов, состоявшая в прошлом феврале из 18-тысяч рядовых и 12412-ти офицеров, ныне знатно умножена, и наборы рекрутов все еще продолжают»⁵⁸. Несколько позднее Н. Я. Козлов писал, что США намерены прежде всего «очистить от неприятельских флотилий Озера», а затем «устремиться на Монреаль, составляющий главный предмет здешних желаний»⁵⁹.

Однако то, что не удалось достичь в 1812 г., вряд ли можно было осуществить в 1814 г. По мере того как Наполеон терпел поражения в Европе, позиция британского правительства в отношении США становилась все более жесткой. От первоначального «миролюбия» не осталось и следа. С другой стороны, с весны 1813 г. пути к примирению начинают искать уже Соединенные Штаты. К началу лета 1814 г. в США стали приходить тревожные известия о занятии союзными войсками Парижа,

⁵⁷ A. Burt. Op. cit., p. 332—333; W. B. Kerr. The Occupation of York (Toronto), 1813.—«Canadian Historical Review», Vol. V, p. 9—21.

⁵⁸ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 7 апреля 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, л. 25.

⁵⁹ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 27 мая 1814 г.— Там же, л. 53.

падении Наполеона и о посылке значительных английских военных соединений в Канаду. «Известия сии,— доносил Н. Я. Козлов из Филадельфии,— встревожили весьма вашингтонский кабинет, который никогда не полагал подобное произшествие возможным. Беспокойствие его еще умножено было разнесшимися здесь слухами, что Англия отправляет сюда из Бордо знатную часть армии, состоявшей под командою лорда Веллингтона»⁶⁰.

Военные силы Англии в Северной Америке стали быстро увеличиваться, и в августе 1814 г. в Канаде, по сообщению Н. Я. Козлова, уже числилось «до 40 тыс. аглинского войска»⁶¹.

Комментируя дальнейшие перспективы войны, русский генеральный консул с завидной проницательностью отмечал: «Все уверены, что правительство, наконец, принуждено будет отказаться от своих претензий, но опасаются, чтобы со стороны Англии не произошло таких требований, могущих заградить вовсе путь к скорому примирению. Требования сии могут относиться до запрещения американцам производить рыбную ловлю на Терневской банке и берегах Лабрадора, до торговли с Ост-и Вест-Индиями, до возвращения гишпанцам Флорид и Луизианы и уступления Англии земель со стороны Канады. Если Англия подлинно имеет такие виды, то рыбная ловля и торговля с Индиями сделаются камнем предковения к всякому зближению, и даже вовсе невероятно, чтобы лондонский двор когда-либо нашелся в состоянии лишить американцев сих выгод, на которых существенно основано благосостояние всех северо-восточных штатов. По сих пор не принимали они в войне сей почти никакого участия, но нет сомнения, что до какой бы степени ни были они недовольны правительством, не преминут они за первым известием о подобных со стороны Англии требованиях примириться с президентом, снабдить его средствами продолжать войну с успехом и выставят сами армию, которая достаточна будет отразить нападения агличан и отнять у них Канаду. Если же бы для поддержания своих требований

⁶⁰ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 июня 1814 г.— Там же, л. 57.

⁶¹ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 27 августа 1814 г.— Там же; л. 70.

лондонский двор и действительно решился употребить здесь от 50-ти до 60-ти тысяч войска, то и сия сила недостаточна бы была принудить американцев покориться их воле. Войска сии могли бы разорить несколько городов, но не в состоянии будут овладеть землею, коей жители столь разсыпаны, что большого вреда от неприятеля им опасаться не следует»⁶².

Война 1812—1815 гг. принесла обеим сторонам немало неожиданностей. И едва ли не самыми значительными из них оказались операции на море. В то время как превосходящие сухопутные силы американцев, несмотря на неоднократные попытки, так и не сумели добиться сколько-нибудь значительных успехов на границе с Канадой, небольшой военно-морской флот США оказался достойным противником владычице морей⁶³. Несмотря на потери, военно-морской флот США в 1813 г. не только не уменьшился, но даже значительно вырос. Как отмечал П. Свиньин, США располагали в это время 23 военными кораблями, включая «10 фрегатов большой руки» и, кроме того, «160 канонерских лодок». В постройке находилось еще 10 фрегатов. В ходе военных операций американцы доказали «превосходство в морском искусстве перед всеми народами»⁶⁴. Почти все столкновения отдельных американских военных кораблей с английскими неизменно заканчивались в пользу США. Эти победы имели, правда, скорее символическое, чем практическое значение, поскольку никакого серьезного вреда британскому флоту США нанести не могли. Впрочем это не мешало американцам выражать необычайный восторг по поводу успешных операций своих военных кораблей.

Гораздо более существенными оказались действия американских каперов, которые нанесли чувствительный удар по британскому торговому судоходству. Небольшие, легкие и быстроходные суда Соединенных Штатов (а их число доходило иной раз до 500), доставляли англи-

⁶² Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 июня 1814 г.— Там же, лл. 60—61.

⁶³ См., в частности, Н. М. Brackenridge. History of the Late War between the United States and Great Britain, 3d ed. Baltimore, 1817, p. 55—57.

⁶⁴ П. Свиньин. Опыт..., стр. 25—26.

чанам массу забот. Только «Америка» — знаменитый «король» каперов Новой Англии — захватил 26 британских судов общей стоимостью более 1 млн. долл. Всего же за время войны американцы захватили или уничтожили около 2 тыс. английских кораблей⁶⁵.

При объяснении неожиданных морских успехов Соединенных Штатов, по нашему мнению, необходимо учитывать значение морального фактора, которым так часто пренебрегают военные специалисты, занимающиеся по преимуществу только простым подсчетом боевых единиц, качества вооружений, численности войск и пр. Захват Канады не вызывал, да и не мог вызвать патриотического энтузиазма народных масс. Американские солдаты и милиция штатов отказывались воевать во имя осуществления захватнических планов «военных ястребов». В то же время война на море с самого начала была справедливой борьбой за обеспечение законных прав США как независимого и нейтрального государства. Именно это обстоятельство позволяет, на наш взгляд, в значительной мере объяснить причины сюрприза, который американцы преподнесли британскому флоту. Волей-неволей гордой владычице морей пришлось более серьезно отнестись к своему неожиданному сопернику, осмелившемуся бросить вызов ее морской монополии. 26 декабря 1812 г. лорд Кэстльри объявил в циркулярной ноте о блокаде Чесапикской бухты и Делавэра⁶⁶. Хотя первоначально блокада оказалась малодейственной, англичане упорно продолжали ее расширять и усиливать. 26 мая 1813 г. адмирал Д. Уоррен издал распоряжение о блокаде Нью-Йорка, Чарлстона, Саванны, р. Миссисипи и т. д. (вне блокады оставались по сути дела только порты Новой Англии). Затем последовали еще более грозные прокламации (16 ноября 1813 г.) адмирала Д. Уоррена и, наконец, 25 апреля 1814 г. адмирала А. Кохрейна — все побережье США объявлялось «в состоянии строгой и действенной блокады»⁶⁷.

⁶⁵ С. Р. Nettels. *Op. cit.*, p. 337—338.

⁶⁶ *British and Foreign State Papers. 1812—1814, Vol. I, Pt. II.* London, 1841, p. 1360—1361.

⁶⁷ H. Adams. *Op. cit.*, Vol. VII, p. 262 ff.; АВПР, ф. Канцелярия, д. 3346, л. 48 и далее (Гаррис — Ведемейеру, 30 августа (11 сентября) 1814 г. и копия прокламации А. Кохрейна от 25 апреля).

К началу 1814 г. американский военный флот был уже почти полностью уничтожен. Англичанам удалось также вытеснить с морских путей почти все американские каперы. Около 450 судов было захвачено и приведено в Галифакс (Новая Шотландия)⁶⁸. Освободившись от операций в Европе, британский флот к лету 1814 г. полностью контролировал морские подступы к США, что в значительной мере облегчило действия английских войск на суше и создавало возможность для нанесения неожиданных ударов.

18 августа 1814 г. адмирал Кохрейн известил правительство США, что в качестве «ответной» меры за разрушения, причиненные американцами в Верхней Канаде, он отдал приказ об уничтожении прибрежных городов, которые будут заняты англичанами⁶⁹. Первой жертвой нападения оказалась столица федерального Союза — г. Вашингтон. 19 августа в Чесапикском заливе высадился 4-тысячный отряд британских солдат, возглавляемый генералом Россом. Поддержанные действиями кораблей под командованием адмирала Кокбурна англичане, практически не встречая никакого сопротивления, начали продвигаться к Вашингтону.

В американской столице началась паника. В «начальниках» недостатка не было, а мало-мальски толкового военного командира не оказалось. Наспех собрали около 1500 солдат и 5 тыс. ополченцев из окрестных городов, в частности из Балтимора, построили артиллерийскую батарею и т. д.⁷⁰ Командование поручили бездарному генералу Уиндеру, решившемуся, наконец, дать бой англичанам у местечка Бладенсбург, близ Вашингтона, 24 августа⁷¹. Хотя в общей сложности у американцев насчитывалось не менее 7 тыс. человек, эти силы даже при большом воображении трудно было назвать армией⁷². Полная растерянность и паника привели к тому, что организовать серьезный отпор небольшому отряду

⁶⁸ H. Adams. Op. cit., Vol. VIII, p. 174. A. Burt. Op. cit., p. 318; C. P. Nettels. Op. cit., p. 335—336.

⁶⁹ А. Кохрейн — Д. Монро, 18 августа 1814 г. — ASPFR, Vol. III, p. 693; АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, лл. 76—79.

⁷⁰ См. «Очерки новой и новейшей истории США», т. 1, стр. 144.

⁷¹ См. Уиндер — Армстронгу, 24 августа 1814 г. — ASP, Military Affairs, Vol. I, p. 548.

⁷² H. Adams. Op. cit., Vol. VIII, p. 141.

английских профессионалов не удалось. «Балтиморцы рассеялись, артиллерия ускакала, а милиция разбежалась», — не без иронии сообщал об этих событиях русский посланник А. Я. Дашков⁷³. Американское правительство поспешно бежало из столицы. Заняв Вашингтон 24—25 августа 1814 г., англичане сожгли Капитолий, Белый дом и другие правительственные здания, а затем, не теряя времени, вернулись к своим судам. Впрочем, их никто и не думал преследовать, а сам президент Мэдисон прятался в это время в Виргинских лесах⁷⁴.

«Несмотря на все вышеизложенные обстоятельства, хотя и унижающие правительство и народ американский, — отмечал А. Я. Дашков в цитированном выше донесении в С.-Петербург, — остерегусь я однако же перед в. с-вом заключить, чтобы в сей нации находился недостаток в способах оборониться и отбиться от наступающего неприятеля, внутренние силы и ресурсы сего народа немаловажны»⁷⁵. В конечном итоге захват американской столицы с военной точки зрения особого значения не имел, но он ярко символизировал всю серьезность положения, сложившегося к началу осени 1814 г.

Открывшиеся 8 августа 1814 г. мирные переговоры в Генте в результате непомерных требований Англии быстро зашли в тупик, и уже вечером 19 августа американские уполномоченные писали Д. Монро, что в настоящее время у них нет «никакой надежды на мир»⁷⁶. В числе других условий английские делегаты настаивали на некоторых территориальных уступках, прежде

⁷³ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 1 (13) сентября 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12172, л. 136. О захвате Вашингтона см. также донесение Н. Я. Козлова — Н. П. Румянцеву, 27 августа 1814 г. — Там же, л. 9243, лл. 70—71.

⁷⁴ H. Adams. *Op. cit.*, Vol. VIII, p. 146—148, 151 ff. (Обширный материал имеется также в ASP, *Military Affairs*, Vol. I.)

⁷⁵ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 1 (13) сентября 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12172, л. 40.

⁷⁶ Д. К. Адамс, Д. Бейард, Э. Клей, Д. Рассел, А. Галлатин — Д. Монро, 19 августа 1814 г. — *Documents Relative to the Negotiations for Peace between the United States and Great Britain*. Philadelphia, 1814, p. 53. Эта публикация была издана в США осенью 1814 г. специально для того, чтобы показать неприемлемость требований, выдвинутых в ходе переговоров в Генте британскими уполномоченными (см. также ASPFR, Vol. III, p. 709).

всего на отторжении части территории будущего штата Мэн для проведения дороги от Галифакса до Квебека, запрещения для США содержать флот и возводить укрепления на Великих озерах, одновременном заключении мира с индейскими племенами, воевавшими на стороне Англии, и создании буферного индейского государства, прекращении рыболовства в Северной Атлантике (у берегов британских владений) и т. д.

Прибытие свежих подкреплений английских войск в Канаду создавало реальную угрозу территориальной целостности самих Соединенных Штатов, а захват Вашингтона показывал уязвимость для вторжения даже, казалось бы, глубокого тыла. Положение осложнялось позицией федералистских лидеров и угрозой отделения северо-восточных штатов. Так, в ходе самой войны ее характер начал существенно изменяться, и на заключительном этапе она, в связи с развитием патриотического движения, стала все больше приобретать характер борьбы за обеспечение независимости и территориальной целостности США⁷⁷. В этом смысле, как нам представляется, следует понимать и замечание У. З. Фостера о войне 1812—1815 гг.: «Если бы Англия победила в этой войне,— а одно время перспективы войны были весьма неопределенными,— она, несомненно, попыталась бы восстановить свой старый колониальный режим на развалинах Соединенных Штатов. Для американцев поэтому война 1812 г. была справедливой и оборонительной войной»⁷⁸.

⁷⁷ Нами дается только самая общая схема событий, и в этой связи мы не имеем возможности, в частности, подробно останавливаться на операциях генерала Уилкинсона, а затем Э. Джексона в испанской Флориде в 1813—1814 гг., на непрекращавшейся жестокой борьбе против индейских племен и т. д.

⁷⁸ У. З. Фостер. Негритянский народ в истории Америки, стр. 99. Приводимая цитата обычно используется для оправдания позиции правительства США в войне 1812 г. и доказательства, что война с самого начала носила с американской стороны справедливый и оборонительный характер. Следует сразу же оговориться, что система аргументации, строящаяся на отдельной цитате, как бы ни уважаем был ее автор, вряд ли может считаться достаточно убедительной, тем более, что сам У. З. Фостер пишет сразу же вслед за этим о присоединении Канады как одним из главных замыслов правящих кругов США. Обратим также внимание, что У. З. Фостер связывает справедливый и оборонительный характер войны 1812 г. с возможностью победы Англии, ее попытками восстановить на разва-

Большой интерес в этой связи представляет анализ письма члена американской делегации на переговорах в Генте сенатора Д. Бейярда, написанного им одному из лидеров федералистов Роберту Харперу в самые критические дни августа 1814 г., когда стало известно о непомерных притязаниях и жесткой позиции британского кабинета. Сам Д. Бейард был федералистом, и его трудно заподозрить в каком-либо особом патриотизме или симпатиях к республиканскому правительству. И именно поэтому его свидетельство представляет для нас особую ценность.

«Если война продолжится,— писал Д. Бейард,— она не будет больше войной нашего правительства. Как по своему характеру, так и по своим операциям она станет оборонительной. Взгляды британского кабинета без сомнения изменились в результате огромных перемен, которые произошли на этом континенте». Говоря о Великобритании, сенатор продолжал: «Она завидует возрастающим ресурсам нашей страны, способностям нашего народа к торговле и мореплаванию, а также его отваге в морском деле. В настоящее время она видит такое положение вещей, которое, может, никогда вновь не повторится, когда без опасения вмешательства какой-либо европейской державы ей представляется возможность употребить всю свою силу против нас. Будет сделана попытка полностью нас уничтожить и если это окажется невозможным, то нанести такие раны, которые остановят наш рост или, по крайней мере, его задержат»⁷⁹.

Заканчивал письмо Бейард уже 20 августа, после получения так называемого ультиматума — ноты британских уполномоченных от 19 августа. «Их условия — это условия победителя побежденному народу...», — с возмущением писал сенатор и далее замечал: «Когда харак-

линах Соединенных Штатов колониальный режим с весьма неопределенными перспективами военных действий, а все эти обстоятельства могут быть отнесены лишь ко второму, заключительному этапу войны, т. е. ко времени, когда появилась известная угроза независимости и территориальной целостности Соединенных Штатов.

⁷⁹ Д. Бейард — Р. Харперу, 19—20 августа 1814 г. — Papers of James A. Bayard 1796—1815, ed. by E. Donnan. Washington, 1915, p. 317—318 (разрядка наша.— Н. Б.).

тер войны коренным образом изменился и когда мы не просто отстаиваем честь нации, а вынуждены бороться за ее существование, федералисты докажут, что они... являются действительными и верными друзьями своей страны. Что касается происхождения войны, то в этом мы все согласны. Но когда отказывают в мире на справедливых и умеренных условиях и выдвигают самые экстравагантные притязания, что остается нам, как не мужественно бороться или подчиниться позору и гибели?»⁸⁰

Примерно аналогичные взгляды высказывали в то время и другие члены американской делегации в Генте, в частности Д. К. Адамс, который писал 29 августа 1814 г.: «Англия поставила нас перед альтернативой — или долгая, разорительная и кровопролитная война, или подчинение позорным условиям и согласие на уступки, затрагивающие чуть ли не самую независимость. Это кризис,— делает вывод Д. К. Адамс,— который должен вызвать негодование нашей страны»⁸¹.

Если в начале войны американцы, как правило, стремились уклониться от вступления в армию и отказывались от участия в военных действиях против Канады, то теперь появляются признаки определенного патриотического подъема для отпора неприятелю. «В Балтиморе, в Нью-Йорке и даже в самой Филадельфии,— писал Н. Я. Козлов в августе 1814 г.,— жители встревожены до крайности. Первый из сих городов действительно в опасности, но Нью-Йорк приведен уже в некоторое оборонительное состояние. Что же касается до Филадельфии, то невероятно, чтобы англичане решились сделать на оную какое-либо покушение»⁸². «Тем не менее,— сообщал русский консул несколько позже,— здесь чинятся... всевозможные на такой случай приготовления. Город наполнен милицией. Везде бьют в барабаны, везде учение... На берегах Скульки и Делавара построены огромные батареи и, чтобы привести сей город совершенно

⁸⁰ Д. Бейард — Р. Харперу, 19—20 августа 1814 г.— Papers of James A. Bayard, p. 318.

⁸¹ Д. К. Адамс — У. Крауфорду, 29 августа 1814 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 105.

⁸² Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 27 августа 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, л. 71.

в безопасное состояние, не достает здесь одних только пушек»⁸³.

В течение нескольких дней в Нью-Йорке 25 тыс. человек встали под ружье, полные решимости оборонять город. Среди них были рабочие нью-йоркской мануфактурной компании, члены городского общества печатников и др.⁸⁴

От планов захвата Нью-Йорка англичанам пришлось отказаться, зато они попытались повторить «вашигтонский вариант» в отношении Балтимора, высадив «от 3-х до 4-х тысяч войска» и приблизившись к городу на пять миль. Жители Балтимора, однако, уже успели подготовиться к обороне, вырыли полевые укрепления, установили батареи, укомплектованные моряками, и т. д. Общая численность защитников города составляла 16 800 человек под командованием генерал-майора милиции сенатора С. Смита.

Еще на дальних подступах к Балтимору англичане встретили упорное сопротивление, а огонь легких британских кораблей 13 сентября не смог нанести серьезного ущерба американским батареям. Увидев, что «окрестности» города заняты «многочисленной милицией, составленной по большей части из самих балтиморских жителей», командир английского отряда полковник Брук (генерал Росс был ранен) решил «оставить свое предприятие» и поспешил вернуться на суда⁸⁵. В связи с этим событием был написан национальный гимн США, воспевающий «усыпанное звездами знамя».

Полной неудачей закончилось и вторжение 11-тысячной английской армии под командованием губернатора Канады Превоста, предпринятое в начале сентября 1814 г. Превост так и не смог овладеть Платсбургом (американской базой на оз. Шамплейн), а британская флотилия была 11 сентября 1814 г. разгромлена более слабыми силами американцев. Комментируя эти

⁸³ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 17 сентября 1814 г.— Там же, л. 75.

⁸⁴ Ф. Фонер. История рабочего движения в США, т. 1. М., 1949, стр. 114—115.

⁸⁵ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 17 сентября 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, лл. 74—75; А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 18 (30) сентября 1814 г.— Там же, д. 12172, лл. 156—158; Н. Adams. Op. cit., Vol. VIII, p. 166—272.

события, Н. Я. Козлов отмечал: «Покушение агличан на Platsburg при озере Champlain имело еще того худшие следствия. Войска их после упорной атаки на крепость, защищавшую сей городок, должны были с потерию ретироваться. В то же время флотилия их была разбита и взята американцами»⁸⁶.

Это неожиданное поражение показало, что даже для сильной профессиональной армии действия на американской территории оказывались делом совсем не таким легким, как об этом первоначально думали. С другой стороны, и положение США оставалось очень трудным. «Последние в Европе происшествия,— писал Н. Я. Козлов в ноябре 1814 г.,— появление на берегах сих новых аглических эскадр с десантным войском, ощутимый здесь повсюду недостаток в средствах к отражению неприятеля, а наипачте совершенное истощение казны, следствие прекращения американской торговли, заставили президента созвать на сей раз конгресс прежде положенного тому срока»⁸⁷.

Одним из важнейших вопросов сессии конгресса, открывшейся 20 сентября 1814 г., было рассмотрение финансового положения и изыскание средств для покрытия все возрастающих военных расходов⁸⁸.

В октябре 1814 г. стало известно о тяжелых условиях, выдвинутых британским кабинетом на переговорах в Генте. «Конгресс нашел кондиции Англии непомерными,— сообщал Н. Я. Козлов Н. П. Румянцеву 8 ноября 1814 г.— Народ, ожидав скорого заключения мира, озлоблен оными до крайности, и демократы стараются раздражить его еще более. Правительство смотрит на все сие с удовольствием, надеясь, что федералисты, удостоверясь ныне в необходимости продолжать войну, решатся действовать с ним заодно. Надежда сия, однако ж, по сих пор ни мало не оправдывается. Народ вообще наскучил сею войною; но нигде не проклинают более оную и виновников ее, как в Массасушетской области,

⁸⁶ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 17 сентября 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243; л. 75; Н. A d a m s. Op. cit., Vol. VIII, p. 102—112.

⁸⁷ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 7 ноября 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, л. 82.

⁸⁸ Там же, лл. 82—87.

которой все благосостояние зависело от торговли и рыбной ловли. Жители ее, лишась, с одной стороны, промышленности своей, а с другой,— платя в казну высокие подати, надеялись, что по крайней мере часть оных употребит правительство на доставление им средств к обороне. Напротив того, все деньги истрачены были на завоевание Канады; в Массасушет не послано ни одной пушки, и неприятель допущен без всякого сопротивления занять всю часть Маинской области (будущий штат Мэн.— *Н. Б.*)... Взяв ныне за основание жалоб своих впадение неприятеля в Маинскую область и доказывая тем неспособность вашингтонского кабинета вести войну надлежащим образом, решилось бостонское правление перенять на себя защиту провинции и в следствие того уполномочило губернатора собрать 10 000 войска, занять на военные расходы один миллион талеров и пригласить другие соседственные области к составлению с ним конфедерации...»⁸⁹

Используя трудное положение правительства Мэдисона и спекулируя на недовольстве народных масс, лидеры федералистов (Пикеринг, Стронг, Отис, Ллойд и др.) продолжали свою сепаратистскую деятельность. 17 октября 1814 г. было опубликовано приглашение законодательного собрания Массачусетса другим штатам Новой Англии принять участие в созываемой конференции⁹⁰, а 15 декабря собрался знаменитый федералистский конвент в Хартфорде⁹¹. После окончания конференции в январе 1815 г. в Вашингтон были направлены представители с требованием изменить конституцию, признать право отдельных штатов создавать собственные вооруженные силы, оградить население Новой Англии от налогов и военной службы и т. д. В случае отклонения этих требований лидеры федералистов угрожали заключением сепаратного мира с Англией и выходом из Союза⁹².

⁸⁹ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 8 ноября 1814 г.— Там же, лл. 100—101.

⁹⁰ «The Weekly Register», Vol. VII, p. 179.

⁹¹ Н. Adams. Op. cit., Vol. VIII, p. 287—310.

⁹² Как позднее выяснилось, губернатор Массачусетса Стронг направил агента к Д. Шербруку в Галифакс с целью прощупать почву в отношении заключения Новой Англией сепаратного мира и

В условиях острых внутренних противоречий, тяжелого финансового кризиса, хронического недостатка военных сил и широкого недовольства неумелым ведением правительством войны заключение 24 декабря 1814 г. Гентского мирного договора может показаться, на первый взгляд, редкой удачей и даже счастливым случаем для Соединенных Штатов. Речь идет, однако, не о какой-то доброй воле Англии или случайной ошибке британского кабинета. Все дело заключалось в том, что английские вооруженные силы оказались не в состоянии нанести серьезное поражение американцам, а ряд неудач, которые потерпели британские войска осенью 1814 г., показывали, что расправиться с Соединенными Штатами будет не так-то просто. Резко и, надо сказать, не всегда справедливо отзываясь о правительстве Д. Мэдисона, А. Я. Дашков в то же время неизменно отмечал, что «народ имеет, однако ж, в себе крепость и силу, достаточную отразить внешнего неприятеля... Судя по удачным отражениям неприятеля в различных статах собственными оных милициями, не без основания можно заключить, что если бы народ был более единодушен с правительством к продолжению войны, агличане были бы везде отражены в усилиях своих ворваться в здешние границы»⁹³.

Еще не зная о заключении мира в Генте, американские войска под командованием генерала Э. Джексона не только отразили нападение сильной английской экспедиции на Новый Орлеан, но и одержали 8 января 1815 г. полную победу над войсками Пэкинхэма⁹⁴. Это был самый крупный успех американцев за всю войну, который принес Э. Джексону огромную популярность. Комментируя эту победу, Н. Я. Козлов сообщал 13 февраля 1815 г.: «Сравнивая число войска, употребленного агличанами в сию экспедицию, со средствами, какие могли иметь американцы к отражению сей атаки, последние оказались столь ничтожны, что и публика, и пра-

союза с Великобританией (см. J. S. Martell. A Side Light on Federalist Strategy.— AHR, Vol. XLIII, p. 553—556; A. Burt. Op. cit., p. 344).

⁹³ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 20 декабря 1814 г. (1 января 1815 г.) — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12174, л. 4.

⁹⁴ Подробно см. Ch. B. Brooks. The Siege of New Orleans. Seattle, 1961.

вительство почитали уже Новый Орлеан погибшим. Ошибки, однако ж, аглинских начальников, опрометчивость их, а наипаче высокомерие, с каким судят они американцев, не только спасли город, но еще повредили весьма тому мнению, которое до сего существовало здесь о могуществе Англии». По словам Н. Я. Козлова, англичане, «полагаясь столько ж на храбрость, сколько на число отборного своего войска», рассчитывали взять приступом построенные американцами «земляные ретраншаменты», но потерпели неудачу. «Через несколько дней возобновили они атаку, но были совершенно разбиты, потеряли много генералов, знатное число офицеров и до четырех тысяч рядовых. За сим уроком агличане принуждены были возвратиться на флот с такой поспешностью, что не успели увезти ни раненых своих, ни артиллерии.

Спасение Нового Орлеана,— продолжал Н. Я. Козлов,— вообще для земли сей, а наипаче для западных областей, есть, конечно, щастливое произшествие. Каждому народу свойственно восхищаться победами над неприятелем, но американцам, которые с младенчества заражены самолюбием, обстоятельство сие вскружило голову. Они и на море и на суше почитают себя ныне превосходнее агличан. Издатель придворной газеты, не зная, какому знаменитому полководцу уподобить генерала Жаксона (Джексона.— Н. Б.), придумал, наконец, назвать его американским Бонапартием»⁹⁵.

Если описание Н. Я. Козлова (а равно и А. Я. Дашкова) сражения под Новым Орлеаном в деталях и не было абсолютно точным, а замечания о характере

⁹⁵ Н. Я. Козлов — К. В. Нессельроде, 13 февраля 1815 г. Полный текст см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9244, лл. 2—5. Несколькоми днями позже об этом же сражении сообщил в С.-Петербург и А. Я. Дашков: «Экспедицию аглинскую составляли до 9 т[ысяч] человек, но в высадке употреблено было не более шести тысяч. Агличане штурмовали два раза ретраншаменты и отбиты были с потерю их главного начальника Пакенгама, множества офицеров и более трех тысяч отборного войска. Гарнизон, защищавший ретраншаменты, состоял из 1500 регулярных и около 4000 милиции. Потеря здешней стороны так мала, что почти неимоверно, но не менее того справедливо, что число убитых не простирается до 400 человек. Агличане,— справедливо заключал А. Я. Дашков,— поздно узнали, что европейская тактика противу американцев недостаточна» (А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 8(20) февраля 1815 г.— Там же, д. 12174, л. 11).

американского народа выглядят несколько упрощенными, в одном вопросе русскому генеральному консулу надо отдать должное: он сумел вполне объективно оценить реальное положение в стране и увидеть многое из того, что в то время, да и впоследствии, казалось удивительным и непонятным для хорошо осведомленных специалистов. «Взирая на нынешнее состояние сих Статов,— писал Н. Я. Козлов,— внутренние раздоры, повсеместное либо недоверие, либо непослушание к правлению и крайнюю скудость в деньгах, следовало бы, кажется, заключить, что американцы в короткое время принуждены будут согласиться на непомерные лондонского двора требования. Многие, однако ж, опыты доказывают, что внутреннее положение дел республики ни мало не спешествует подобному ожиданию Англии. Недостаток в деньгах не помешал до сих пор правительству содержать армию или строить корабли и фрегаты с удивительной скоростью. Неуважение, оказываемое генеральному правительству, не воспрепятствовало отразить неприятеля при Платсбурге, истребить его флотилию на озере Шамплен или соединиться жителям Балтимора на защиту своего имущества... Что же касается до жалоб народных на тягость податей, то оные потому единственно почитаются тягостными, что жители здешние податей сего рода не плачивали».

«До какой бы степени ни простирались внутренние здесь беспорядки,— продолжает консул,— и доколе не последует отделение северных статов, чего поныне опасаться еще не следует, американцы не перестанут вести войну. Число регулярного войска их достаточно отразить всякое покушение со стороны Канады, а для защиты побережных городов каждая область зделала свои собственные распоряжения, и случившееся при Новом Орлеане есть пример, доказывающий, что оборонительное состояние сей республики соразмерно по крайней мере тем силам, какие поныне Англия могла употребить противу Соединенных Статов»⁹⁶.

Значительный интерес представляли и общие выводы о войне 1812—1815 гг., сделанные А. Я. Дашковым. «Прошедшая война,— отмечал посланник в своем донесении

⁹⁶ Н. Я. Козлов — К. В. Нессельроде, 13 февраля 1815 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9244, лл. 4—5.

в С.-Петербург, — кажется, утверждает три следующие важные мнения: 1-е, что постройка судов, вооружение, состав экипажей и притом врожденная предприимчивость в американцах и часто безразсудная отважность дают им решительный верх над агличанами при встречах равных сил; 2-е, что американцы имеют все те качества, кои образуют лучших солдат; 3-е, что каждая война действительно учиняет сию землю менее и менее зависимою от аглинских мануфактур»⁹⁷.

Говоря об итогах войны 1812—1815 гг., нельзя не отметить ее значение для национальной консолидации Соединенных Штатов. Речь идет не только о том, что американцы сумели отстоять свою национальную независимость и территориальную целостность и что в результате войны распалась федералистская партия и было покончено с сепаратизмом Новой Англии. Весьма существенным представляется также отметить внутреннюю консолидацию американского народа как самостоятельной нации. В сентябре 1815 г. известная газета Найлса «Уикли реджистер» писала, что «народ начинает все более и более осознавать национальный характер», и очень показательно, что эти слова были помещены в первом номере, набранном новым шрифтом, шрифтом американского производства.

Буржуазные историки⁹⁸, изучая процесс становления американской нации, обычно обращают внимание на внешние формы и атрибуты независимого государства (национальный герб, флаг, гимн), анализируют Декларацию независимости, конституцию и обходят главное — развитие капитализма, возникновение внутреннего рынка, формирование экономической общности. Между тем именно эти процессы отражают само существо становления американской нации, и, надо сказать, что в этом смысле значение войны 1812—1815 гг. оказалось весьма важным.

Начав войну с Англией в целях обеспечения своих прав на море и для захвата Канады, США за два с половиной года трудной борьбы не сумели достичь ни того,

⁹⁷ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 8 (20) февраля 1815 г. — Там же, д. 12174, л. 11.

⁹⁸ M. Cunliffe. *The Nation Takes Shape 1789—1837*. Chicago, 1959, p. 122 ff.

ни другого. Зато важным итогом войны в экономической области оказалось прочное основание в стране национальной промышленности. И в этом смысле вне зависимости от субъективных намерений и целей правящих кругов как США, так и Англии, война 1812—1815 гг. объективно оказывалась продолжением революционной войны за независимость.

Редакторы новой десяти томной экономической истории США (Г. Дэвид, Г. Фолкнер, Л. Хэкер, К. Неттлс и Ф. Шэннон) отмечают, что за сорок лет с начала войны за независимость американский народ создал не только новую страну, но и новую национальную экономику. В то же время автор соответствующего тома («Возникновение национальной экономики 1775—1815 гг.») К. Неттлс подчеркивает, что за этот период в экономической жизни США не произошло коренных изменений. Появились, правда, хлопкоочистительная машина, речной пароход, начала развиваться фабричная система, но страна все еще находилась на пороге решающих перемен⁹⁹. Промышленная революция еще только началась, да и то лишь на развитом Северо-Востоке. И пройдет еще очень много лет, прежде чем США действительно станут полностью независимой и развитой индустриально-аграрной державой.

⁹⁹ С. Р. Nettels. *Op. cit.*, p. I, VI, 130.

**Вопрос о мирном
посредничестве России
между США и Англией
в 1812—1814 гг.**

Позиция русской дипломатии в англо-американской войне 1812 г. уже служила предметом нашего исследования, опубликованного в 1961 г.¹ В общих чертах эта статья, написанная главным образом на основе архивных документов, дает достаточно точное и полное представление о дипломатическом посредничестве, предпринятом Россией для примирения Англии с Соединенными Штатами, и у нас нет оснований пересматривать ее основные выводы. Вместе с тем в результате дальнейшего изучения богатейших материалов русских архивов, получения документов Национального архива и ряда ценных публикаций из США (как, например, бумаг А. Галлагина, Д. К. Адамса и др.), первоначальное изложение удалось существенно углубить и дополнить.

Прежде всего стало возможным более конкретно проследить объективные мотивы, которыми руководствовалось царское правительство, выступив в 1812 г. с предложением о мирном посредничестве, и, в частности, подтвердить тезис об известном значении в этом вопросе торговых интересов. В соответствующем разделе мы уже подробно останавливались на проблеме русско-американского сближения и расширения торговых отношений в начале второго десятилетия XIX в. Надвигавшаяся война между Англией и США грозила полностью прекратить торговые связи между Россией и Америкой, которые столь успешно развивались в 1810—1811 гг., и в рус-

¹ «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 31—45.

ских правящих кругах прекрасно отдавали себе в этом отчет.

«Активность американской торговли с Россией в этом году полностью зависит от исхода разногласий между этой республикой и Англией», — писал А. Я. Дашков А. Б. Куракину в самом начале 1812 г. «Я очень ясно представляю себе, — отмечал он в этом же письме, — все неблагоприятные для нашей торговли последствия разрыва между Соединенными Штатами и Англией. Надеюсь, однако, что этот последний удар торговле континента не будет нанесен. Я основываю мои предположения как на слабости и неподготовленности этой страны в военном отношении, так и на трезвой оценке англичанами их собственных интересов, не принимая, однако, в расчет ошибочной политики и страстей, опрокидывающих все доводы разума»².

Последующие события, однако, оставляли все меньше надежд на мирное урегулирование конфликта и верх все определеннее стали брать «страсти, опрокидывающие все доводы разума». В ответ на непрекращавшиеся насилие британского флота конгресс США принял закон о введении эмбарго на 90 дней, подписанный президентом Д. Мэдисоном 4 апреля 1812 г.³ В результате этого торговля с Россией оказалась под угрозой полного прекращения. А. Я. Дашкову и Н. Я. Козлову пришлось срочно отыскивать всякого рода косвенные пути для сохранения хотя бы самых ограниченных русско-американских торговых связей.

В донесении Н. П. Румянцеву весной 1812 г. Н. Я. Козлов отмечал, что в связи с введением в США эмбарго он считал необходимым «сделать через агентов наших в южных штатах и в Бостоне внушение тамош-

² А. Я. Дашков — А. Б. Куракину, 5 (17) января 1812 г. — ВПР, т. VI, № 104, стр. 259—261. Аналогичные взгляды А. Я. Дашков неоднократно излагал и в своих донесениях в С.-Петербург. В письме к Н. П. Румянцеву в начале марта 1812 г. посланник отмечал, в частности, что предвидит в случае мирного урегулирования англо-американского конфликта большие выгоды для торговли России, и подчеркивал, что в интересы России входит поддержание хороших отношений между Англией и США (см. А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 23 февраля (6 марта) 1812 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 3, лл. 35—41).

³ Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 2262—2264.

нему купечеству о новых способах продолжать с нами торговлю колониальными продуктами прямо из испанских владений и всяких других нейтральных портов»⁴. В специальном циркулярном письме русским консульским агентам в Бостоне, Чарлстоне, Новом Орлеане и Саванне Н. Я. Козлов указывал, что капитаны кораблей, отправляющихся в Латинскую Америку (Каракас, Вера Крус и др.) «с намерением взять там колониальные товары для ввоза в Россию», имеют право на получение всех необходимых документов для привоза своих грузов в русские порты, получив «в месте погрузки надлежащие свидетельства от компетентных местных властей»⁵. (Кстати, этот документ важен и как известное признание новых правительств, учрежденных в восставших испанских колониях в Америке.) Генеральный консул общал также Н. П. Румянцеву, что «несколько американских судов, отплывших сего года в Хавану и Кадикс за грузами, назначенными в наши порты, прибыли к бостонским берегам после наложения эмбарго и поэтому, не входя в порт, бросили якорь на рейде и послали к консулу Евстафьеву просить нужных на допущение их у нас бумаг. Я предписал ему не делать таким судам ни малейшей остановки и снабжать их без затруднения сертификатами...»⁶

Сразу же после объявления США войны Великобритании у А. Я. Дашкова возникла мысль о предоставлении в некоторых случаях американским кораблям русского флага⁷. 20 июля (1 августа) 1812 г. посланник сообщал в С.-Петербург, что торговцам, пожелавшим воспользоваться русским флагом, был предоставлен пропуск с условием направиться в Россию и оформить там документы о том, что судно является собственностью русского подданного. А. Я. Дашков писал также о предпринятых им мерах для поощрения отправки в Российскую

⁴ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 апреля (12 мая) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9242, л. 64.

⁵ Н. Я. Козлов — русским консульским агентам в Бостоне, Чарлстоне, Новом Орлеане и Саванне, 14 апреля 1812 г. — ВПР, т. VI, № 142, стр. 357—358.

⁶ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 апреля (12 мая) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9242, лл. 64—65.

⁷ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1812 г. — Там же, д. 12168, лл. 139—141.

империю нейтральных кораблей, идущих из Южной Америки⁸.

Все усилия А. Я. Дашкова и Н. Я. Козлова не могли, понятно, компенсировать прекращения прямых русско-американских торговых отношений в результате объявления эмбарго и последовавшей затем открытой войны между США и Англией. Достаточно даже беглого взгляда на сообщения о прибытии в Кронштадт иностранных судов, регулярно помещавшиеся в русской прессе (в «С.-Петербургских ведомостях», а также «Северной почте»), чтобы увидеть почти полное прекращение русско-американских торговых связей после начала англо-американской войны 1812 г.

Так, например, в номере от 23 июля (4 августа) 1812 г. «С.-Петербургские ведомости» сообщили о прибытии в Кронштадт с 27 мая (8 июня) по 10(22) июля 82 иностранных кораблей, из которых американских было 16, шведских — 17 и т. д.⁹ Спустя некоторое время, в августе 1812 г., число американских кораблей, приходящих в русские порты, резко упало, но зато начали систематически и во все возрастающих размерах регистрироваться английские суда¹⁰. С 12(24) августа по 28 августа (9 сентября) 1812 г. в Кронштадт вновь прибыло 82 корабля, из которых американских с товаром — 5 и английских — 6¹¹. Наконец, в «С.-Петербургских ведомостях» № 77 мы читаем, что из 57 купеческих кораблей, прибывших в Кронштадт с 26 августа (7 сентября) по 10(22) сентября, английских числилось уже 30, а американских всего один¹². Утратившие в период континентальной блокады свое монопольное положение на русском рынке английские торговцы очень быстро восстановили прежние позиции и практически полностью вытеснили своих американских конкурентов.

Подводя итоги торговым отношениям между Россией

⁸ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 20 июля (1 августа) 1812 г. — Там же, лл. 143—154.

⁹ «С.-Петербургские ведомости», 23 июля (4 августа) 1812 г., № 59.

¹⁰ См. Указ Александра I о восстановлении торговых отношений с Англией. 4 (16) августа 1812 г. — ВПР, т. VI, № 228, стр. 541.

¹¹ «С.-Петербургские ведомости», 13 (25) сентября 1812 г., № 74.

¹² «С.-Петербургские ведомости», 24 сентября (6 октября) 1812 г., № 77.

и США в 1812 г., Н. Я. Козлов писал: «Война здешних Статов и предшествовавшее оной двухмесячное амбарго затруднили всякие отсюда сношения с Россиею. Начавшая едва процветать торговля американцев с нашими портами приведена сими обстоятельствами в упадок и по всем видимостям должна будет надолго вовсе прекратиться, естли по каким-либо причинам наше купечество или нейтральные нации не примут в оной никакого участия.

В течение прошлой навигации из портов здешних отправилось в Россию только 65 кораблей. 30 — в С.-Петербург, 14 — в Архангельск, 2 — в Ригу и 19 — в разные иностранные порты и потом — в Россию. Суда сии большею частию вышли из Нью-Йорка и портов Массасушестской области.

Приняв заблаговременно меры продлить доколе можно торговые наши связи с Америккою, предупел я в продолжение амбарго доставить нескольким судам способ отправиться в наши порты с грузами гиспанских колониальных продуктов; но со времени объявления войны отправление кораблей в Балтику и вообще в северные края Европы, можно сказать, совершенно пресеклось...

Совершенное, так сказать, пресечение американской торговли,— указывал далее генеральный консул,— при исчезающей надежде к скорому восстановлению мира произвело необходимо повышение цен на все иностранные товары. Наши продукты ежедневно становятся реже. Многие суда, следовавшие из России, оставили грузы свои в Англии; другие захвачены были неприятельскими корсарами. Холст, парусина, канаты наши и пр. должны сделаться тем дороже, чем более в конгрессе мечтать будут о немедленном приведении морских сил здешних в почтенное состояние...»¹³

Отмечая роль торговых связей в формировании политики царского правительства в отношении США, мы обращаем внимание лишь на одну, и далеко не главную, причину заинтересованности России в урегулировании англо-американского конфликта. Не приходится сомневаться, что главной причиной было стремление прави-

¹³ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 21 декабря 1812 г. — ВПР, т. VI, № 283, стр. 650—652.

тельства России обеспечить единство всех сил в борьбе против Наполеона и предотвратить отвлечение внимания Англии на американский театр военных действий. Значительную роль при этом, как будет показано, играла и давняя заинтересованность России в обеспечении прав нейтрального мореплавания.

Историю русского посредничества в целях прекращения войны между США и Англией все исследователи (в том числе Г. Адамс, Д. Хилдт и др.) начинают с сентября 1812 г., когда состоялась первая беседа Н. П. Румянцева с Д. К. Адамсом. Между тем материалы АВПР показывают, что русское правительство предприняло первый важный дипломатический демарш с целью предотвращения надвигавшегося конфликта еще в апреле 1812 г. через своих представителей в Швеции¹⁴. Исключительный интерес в этой связи представляет обращение, осуществленное через П. К. Сухтелена, который был послан весной 1812 г. в Швецию с особым поручением и фактически исполнял там должность русского посланника. В специальной инструкции, собственноручно написанной Н. П. Румянцевым и одобренной Александром I, П. К. Сухтелену поручалось через шведского крон-принца Ж. Бернадотта и английского дипломата Э. Торнтон предпринять демарш с целью добиться скорейшей отмены Великобританией знаменитых «указов в совете» и тем самым предотвратить преближающуюся войну с Соединенными Штатами. «Государь император,— писал русский канцлер,— рассмотрев состояние отношений между Англией и Америкой, пришел к убеждению, что невозможно, чтобы Великобритания не сделала всего от нее зависящего, дабы избежать войны с Соединенными Штатами, а она не сможет избежать ее, если не согласится отменить так называемые распоряжения Совета; по-видимому, большинство парламента уже считает их отмену выгодной, а нация, кажется, также желает этого».

Царское правительство, как мы видим, было прекрасно информировано о положении дела и давало своему будущему союзнику вполне разумный и очень своевременный совет. «Е. и. в. полагает,— продолжал Н. П. Румянцеv,— что в интересах Великобритании,— не дожидать-

¹⁴ См., в частности, АВПР, ф. Канцелярия, д. 10825, 10827.

ся того, чтобы эта отмена ее указов явилась вынужденным следствием мирного договора с Соединенными Штатами, а (и это было бы гораздо выгоднее и почетнее) провозгласить ее в качестве принципа в интересах народов, которые в свою очередь отвергнут стесняющие их правила, навязанные в результате Миланского и Берлинского декретов.

Сколько политических проблем было бы разрешено благодаря такому мудрому заявлению! Сколько затруднений это создало бы для императора Наполеона!»¹⁵

Уполномочивая П. К. Сухтелена предпринять через Бернадотта и Торнтонна демарш «перед британским правительством с целью добиться столь важного результата», Н. П. Румянцев исходил из необходимости быстрого сплочения всех сил для предстоявшей решающей схватки с Наполеоном. Следует учитывать, что в это время Швеция стала местом важнейших дипломатических переговоров, для ведения которых П. К. Сухтелену и русскому поверенному в делах в Стокгольме П. А. Николаи давалось несколько специальных инструкций.

Подчеркивая значение предстоящей борьбы, Н. П. Румянцев писал в одной из них: «Англия не может не понимать, что предстоящая война против грозной и могущественной Франции, ее вечного врага, будет последней... Сохранят свою независимость все монархии или не сохранят — вот вопрос, который будут решать армии... Это своего рода крестовый поход, которому каждый призван содействовать всеми средствами, вверенными ему провидением и определяемыми его положением и местными условиями. Таким образом, все это очень ясно определяет роль Англии в нынешней обстановке. Она должна содействовать общему делу своими морскими силами, боеприпасами и провиантом и стать своего рода казначеем воюющих наций; она должна быть готова предоставить необходимые им денежные средства с тем, чтобы использовать все их военные силы в войне против подлинного и исконного врага Британской империи и обеспечить им возможность в случае необходимости вести войну в течение длительного времени»¹⁶.

¹⁵ Н. П. Румянцев — П. К. Сухтелену, 12 (24) апреля 1812 г. — ВПР, т. VI, № 149, стр. 369.

¹⁶ Там же, № 150, стр. 371, 373.

Как видно из донесения П. К. Сухтелена от 27 апреля (9 мая) 1812 г., он выполнил возложенное на него поручение и переговорил с Э. Торнтоном по вопросу об отмене «указов в совете» и желательности предотвращения конфликта между Англией и США¹⁷. Сделать это было нетрудно, так как английский дипломат сам регулярно посещал П. К. Сухтелена и последний быстро завоевал его доверие. Э. Торнтон заверил П. К. Сухтелена в том, что британское правительство со своей стороны уже пошло на отмену старых постановлений об ограничениях торговли США, и показал ему соответствующий печатный документ. Британский дипломат считал, что принятое самой Англией решение отменить «указы в совете» с того дня, когда Наполеон отменит Миланский и Берлинский декреты, «отнимает у него всякую надежду на войну между Великобританией и Америкой»¹⁸.

Без изучения английской документации, и прежде всего материалов лондонских архивов, сейчас трудно оценить конкретное значение апрельского демарша России. Не приходится сомневаться, однако, что Э. Торнтон довел до сведения британского кабинета содержание своих бесед с П. К. Сухтеленом. В конечном итоге, с учетом русского демарша или без его влияния, британское правительство, хотя и с опозданием, но все же действительно отменило «указы в совете» 23 июня 1812 г. Предотвратить конфликт с США, однако, ему не удалось.

Начало англо-американского вооруженного конфликта поставило русское правительство в двойственное положение. Объявляя войну Великобритании, США одновременно стремились всячески подчеркнуть, что они не являются союзниками Франции и, в частности, надеются на сохранение дружественных отношений с Россией. Характерно, что уже 1 июля 1812 г. в письме к Д. К. Адамсу Д. Монро специально подчеркивал, что нет никаких причин для того, чтобы «война между Соединенными Штатами и Великобританией хотя бы в малейшей степени затрагивала самые дружественные отноше-

¹⁷ П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву, 27 апреля (9 мая) 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 10825, л. 175.

¹⁸ П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву, 28 апреля (10 мая) 1812 г.— ВПР, т. VI, № 157, стр. 391, 392.

ния, которые в настоящее время существуют между США и Россией. Искренним желанием американского правительства,— писал государственный секретарь,— является сохранение в полной мере подобных отношений с этой державой»¹⁹.

Установление дипломатических отношений с США и русско-американское сближение в начале 10-х годов XIX в. определялись, как указывалось в соответствующих разделах, в значительной мере общими интересами защиты нейтрального мореплавания и борьбы против морского деспотизма Англии. В этой связи в России не могли не сочувствовать выступлению США в защиту прав нейтральных держав, что было официальным мотивом при объявлении войны Англии. Следует учитывать, что вплоть до начала 1814 г. во главе русской внешней политики формально продолжал стоять убежденнейший противник морского деспотизма Англии канцлер Н. П. Румянцев. Британский кабинет и в 1813 и в 1814 гг. испытывал постоянные опасения, что Россия в той или иной форме поставит на обсуждение вопрос о правах нейтральной торговли — либо на европейском конгрессе по выработке условий мира с Францией, либо на переговорах об урегулировании англо-американского конфликта.

С другой стороны, необходимость борьбы с Францией постоянно требовала тесного объединения сил России и Англии. 6(18) июля 1812 г. в Эребру (Швеция) П. К. Сухтелен, П. А. Николаи и Э. Торнтон подписали русско-английский мирный договор²⁰. В соответствии со ст. 3-й договора обе стороны обязывались «защищать один другого». Одновременно был подписан аналогичный англо-шведский договор²¹, что положило начало созданию союза этих трех стран против Наполеона. Александр I и находившийся вместе с ним в ставке К. В. Нессельроде (доверенное лицо императора и фактически исполняющий обязанности руководителя внешней политики) не могли не считаться с интересами своего основного союзника. По мере расширения общеевропейской

¹⁹ Д. Монро — Д. К. Адамсу, 1 июля 1812 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 216; ASPFR, Vol. III, p. 625.

²⁰ ВВП, т. VI, № 199, стр. 491—492.

²¹ British and Foreign State Papers, Vol. I, Pt. 1, p. 15—17.

войны против Наполеона I русско-английские отношения становились все более тесными. Усиливалась и зависимость участников коалиции от английских субсидий. Все это делало вопрос об отношении к США и англо-американской войне 1812 г. со стороны России сложным и деликатным. Этим же объясняется известная непоследовательность позиции русской дипломатии и противоречия внутри самого царского правительства.

Не подлежит, однако, сомнению, что с самого начала англо-американской войны Россия стремилась способствовать ее скорейшему завершению. Не оставляя надежды на возможность мирного урегулирования и А. Я. Дашков, писавший в официальной ноте государственному секретарю: «Хотя Соединенные Штаты и оказались вовлеченными в войну, несмотря на все их старания избежать ее, они являются единственной действительно нейтральной страной. Имея в виду лишь благо Соединенных Штатов, Россия искренне желала бы, чтобы они и впредь проводили ту же заслуживающую уважения политику. Правительство е. и. в. всегда будет радо способствовать поддержанию должного уважения к правам нейтральных держав. В то же время оно не может не желать, чтобы разногласия, имеющиеся у Соединенных Штатов с другими державами, были урегулированы в ближайшее время почетным для них образом, а последствия начавшихся военных действий не оказались столь серьезными, чтобы они могли помешать желаемому примирению»²².

В сентябре 1812 г., едва только в С.-Петербурге стало известно о начале англо-американской войны, русское правительство приняло решение предложить воюющим сторонам свое посредничество для мирного урегулирования. Такой миссии русское правительство, несомненно, придавало серьезное значение. Показателен уже сам факт выдвижения этого предложения в то время, когда, казалось бы, Россию мало могли интересовать события в далекой Америке. 7 сентября 1812 г. произошло Бородинское сражение, а в середине сентября Наполеон I вступил в Москву.

²² А. Я. Дашков — Д. Монро, 2 августа 1812 г.— ВПР, т. VI, № 227, стр. 541.

21 сентября 1812 г. в беседе с Д. К. Адамсом Н. П. Румянцев сообщил о намерении России выступить в качестве посредника и запросил мнение американского посланника о возможном отношении его правительства к этому предложению. Д. К. Адамс, хотя и не имел специальных инструкций на этот счет, выразил уверенность, что подобное предложение будет рассматриваться «как новое свидетельство уважения и дружбы е. и. в. к Соединенным Штатам» и что лично он не видит препятствий для принятия русского посредничества²³. Н. П. Румянцев сообщил также, что он беседовал с английским послом лордом Каткартом и последний уже отправил отчет об этой беседе своему правительству.

30 сентября (12 октября) 1812 г. А. Я. Дашкову были направлены инструкции, уполномочивающие его сделать правительству США официальное предложение о мирном посредничестве²⁴. Еще ранее, 6 (18) сентября 1812 г., аналогичные инструкции были даны П. А. Николаю, который одновременно получил назначение на пост поверенного в делах в Лондоне. Обосновывая предложение о посредничестве, Н. П. Румянцев писал: «Казалось, что мир между Россией и Англией приносит огромную выгоду торговле почти всех народов, имеющих торговое мореплавание, избавляя их от того стеснения и беспокойства, которые они беспрестанно испытывали на протяжении нескольких лет... Однако с момента возникновения войны между Англией и Америкой результат этот стал сомнительным». Канцлер отмечал далее, что, стремясь предотвратить возникновение у сторон предубежденности при прямых переговорах, император предлагает Великобритании и Соединенным Штатам Америки свое посредничество и предписывает сделать соответствующее представление. В случае согласия заинтересованных сторон «переговоры о столь полезном сближении могли бы начаться в С.-Петербурге под покровительством и при прямом содействии е. в.»²⁵.

²³ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 401—404, 411—413, 415. См. также донесения Д. К. Адамса Д. Монро от 30 сентября и 17 октября 1812 г.—NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II; J. Q. Adams. Writings, Vol. IV, p. 389, 401.

²⁴ Н. П. Румянцев — А. Я. Дашкову, 30 сентября (12 октября) 1812 г.—ВПР, т. VI, № 247, стр. 582—583.

²⁵ Н. П. Румянцев — П. А. Николаю, 6 (18) сентября 1812 г.—ВПР, т. VI, № 236, стр. 558—559.

Если русское правительство, естественно, выражало тревогу в связи с прекращением столь успешно начавших было развиваться торговых отношений с США, то в Англии по этому поводу могли только радоваться. Сразу же после официального возобновления в августе 1812 г. торговых связей с Россией Великобритания стала активно восстанавливать свои прежние позиции и даже добиваться по сути дела монопольного положения на русском рынке, что вызывало беспокойство определенной части русских помещиков и купцов. Объявление блокады портов Соединенных Штатов и грубые нарушения британским флотом свободного нейтрального мореплавания вели к нежелательному в то время обострению отношений между Россией и Англией. И в марте 1813 г. русский посол в Лондоне Х. А. Ливен, по ходатайству русских купцов в Англии, был вынужден сделать довольно резкое представление британскому министерству, выразив «сожаление, которое испытывает его двор» в связи с установлением блокады американского побережья, «меры, столь пагубной для торговли России»²⁶.

При выдвижении предложений о мирном посредничестве между США и Англией в С.-Петербурге отлично понимали (и это соображение было в то время решающим), что война в Америке не может не отвлекать значительную часть английских сухопутных и морских сил, а главное — денежных средств, столь необходимых для борьбы с Наполеоном²⁷. В декабре 1812 г. Х. А. Ливен откровенно заявил министру иностранных дел Англии Кэстльри, что Александр не может остаться безразличным, видя раздробление сил «из-за войны, столь отдаленной и чуждой великой цели человечества, какой является американская война»²⁸.

²⁶ Х. А. Ливен — Кэстльри, 31 марта (12 апреля) 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6829, л. 32.

²⁷ В некоторых кругах существовало, кроме того, опасение (правда, как выяснилось позднее, ошибочное), что война между США и Англией усилит французское влияние в Вашингтоне. Показательно в этой связи, что в июле 1813 г. К. В. Нессельроде, мотивируя стремление России к прекращению англо-американской войны, писал о необходимости «положить конец успеху французских интриг в этой части Нового света» (См. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 28 июля (9 августа) 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6835, л. 103).

²⁸ Х. А. Ливен — Н. П. Румянцеву, 24 декабря 1812 г. (5 января 1813 г.). — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6822, л. 62.

Каково же было отношение правительств США и Англии к мирной инициативе России?

Первое известие о предложении русского посредничества пришло в Вашингтон 24 февраля 1813 г. Соответствующие донесения Д. К. Адамса и письмо Н. П. Румянцева А. Я. Дашкову от 30 сентября (12 октября) 1812 г. в США доставил Д. Л. Гаррис — племянник американского генерального консула в С.-Петербурге²⁹. 15 (27) февраля А. Я. Дашков в устной форме изложил содержание письма Н. П. Румянцева государственному секретарю Д. Монро, который принял его *ad referendum*, пообещав дать быстрый ответ³⁰.

Спустя десять дней, 8 марта, Монро пригласил Дашкова на беседу и сообщил, что президент США Д. Мэдисон «с удовольствием соглашается на посредничество е. в.». Здесь же было решено обменяться официальными нотами³¹. Нота Дашкова была послана в тот же день, а 11 марта Монро прислал ответную ноту, в которой Дашков уведомлялся, что президент Соединенных Штатов «охотно принимает» посредничество России³².

Уже 9 марта 1813 г. на страницах вашингтонского официоза газеты «Нэшенл интеллидженсер» появилось сообщение о сделанном русским посланником А. Я. Дашковым предложении о посредничестве, которое затем было перепечатано и в других американских газетах, в частности, «Уикли реджистер». В сообщении совершенно ясно давалось понять, что правительство США положительно отнеслось к сделанному ему предложению, «которое, имея своей целью только и единственно мир, может принести выгоду и не может повредить Соединенным Штатам»³³.

²⁹ I. Grant. James Madison: Commander in Chief, p. 155.

³⁰ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 1 (13) марта 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 80—82.

³¹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 5 (17) марта 1813 г. — Там же, лл. 98—99. Некоторая задержка с ответом была связана с тем, что президент Д. Мэдисон, не желая создавать у Великобритании впечатление излишней уступчивости, сначала направил традиционное послание конгрессу 4 марта 1813 г., выдержанное в весьма воинственных тонах, и только после этого официально принял мирное посредничество (I. Grant. James Madison: Commander in Chief, p. 156).

³² А. Я. Дашков — Д. Монро, 24 февраля (8 марта) 1813 г. — NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 91—93; Д. Монро — А. Я. Дашкову, 11 марта 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 72—73.

³³ «The Weekly Register», March 13, 1813, Vol. IV, p. 32.

Американская пресса и в дальнейшем продолжала уделять русскому посредничеству значительное внимание³⁴.

Готовность, с которой США приняли русское посредничество, нетрудно понять: у американского правительства имелись для этого самые веские основания. Важнейшими из них были известия о полном разгроме и изгнании Наполеона из России. 18 октября 1812 г. началось отступление французской армии из Москвы, а 26—28 ноября жалкие остатки «великой армии» переправились через Березину и в декабре 1812 г.— через Неман.

В то же время война с Англией принимала для США явно неблагоприятный оборот. Надежды на быстрый захват Канады не оправдались. Все более острыми становились финансовые затруднения, внутренние противоречия и недовольство народных масс. Давая общую оценку положения США весной 1813 г., столь авторитетный специалист в этом вопросе, как Генри Адамс, пишет: «С падением власти Наполеона и установлением тесного союза между Великобританией и Россией исчез последний шанс вырвать уступки от Англии. Соединенным Штатам предстояла долгая война без перспективы на успех»³⁵. Возможность остаться без единого друга на свете и вести войну без надежды на успех придавала дружбе России, как отметил Г. Адамс, совершенно новое значение³⁶.

Переговоры с Англией при русском посредничестве были в этих условиях наилучшим шансом для США. В том, что позиция России благоприятна Америке и что принятие ее посредничества выгодно для США, не сомневались ни президент Мэдисон, ни государственный секретарь Монро.

«В настоящее время мы заняты посредничеством России,— писал Д. Мэдисон 2 апреля 1813 г.— Это единственная держава в Европе, которая может пользоваться уважением как Франции, так и Англии, и в данный момент она находится в своем зените. Мы попытаемся насколько возможно лучше использовать это посредничество для того, чтобы добиться справедливого мира». Президент отмечал далее, что, учитывая «известное друже-

³⁴ «The Weekly Register», Vol. IV, p. 65, 81, 100, 159, 209, 337—339, 402.

³⁵ H. Adams. Op. cit., Vol. VII, p. 33.

³⁶ Ibidem.

ственное расположение» русского правительства, а также общность интересов обеих стран в вопросах морского права, посредничество Александра I будет благожелательным к Соединенным Штатам в той мере, в которой это совместимо со взятыми им на себя функциями³⁷.

Обосновывая позднее целесообразность принятия русского посредничества, Д. Монро отмечал, что влияние России никогда не могло быть использовано против «справедливого кодекса прав нейтральных держав»³⁸.

О значении, которое США придавали переговорам при посредничестве России, можно судить уже по составу американских уполномоченных, направленных в С.-Петербург. Как писал Д. Монро Д. Адамсу, случай сочли имеющим столь большое значение, что, согласно обычаю страны, была назначена специальная миссия³⁹. В ее состав наряду с посланником в С.-Петербурге Д. К. Адамсом и представителем федералистов сенатором Д. Бейардом вошел один из самых видных американских государственных деятелей того времени, министр финансов Альберт Галлатин.

Расчитывая на особые выгоды для США от русского посредничества, Д. Монро в секретной части инструкций, предназначенных для членов американской миссии, писал: «Нет ни одного вопроса из числа тех, которые вам надлежит урегулировать, в котором Россия и другие балтийские державы не могли бы рассматриваться, как имеющие общие интересы с Соединенными Штатами. Трудно предположить, что русский император захотел бы, чтобы Соединенные Штаты делали уступки, которые были бы невыгодны самой России» (секретный § 4), и далее: «Взаимопонимание между Соединенными Штатами и Россией в отношении прав нейтральных держав может оказать важное влияние на их обеспечение от нарушения в любой будущей войне и может даже повли-

³⁷ Д. Мэдисон — Д. Николасу, 2 апреля 1813 г.— J. Madison. Writings, Vol. VIII, p. 243—244.

³⁸ The Writings of James Monroe, ed. by S. M. Hamilton, Vols. I—VII. New York, 1898—1903, Vol. V, p. 279 (далее: J. Монрое. Writings).

³⁹ Д. Монро — Д. Адамсу, 19 апреля 1813 г.— J. Монрое. Writings, Vol. V, p. 251, а также Д. Монро — Т. Джефферсону, 7 июня 1813 г.— Ibid., p. 267—268.

ять на предотвращение войны для пользы всех стран» (секретный § 5)⁴⁰.

Наряду с заключением мира с Англией при русском посредничестве США рассчитывали также подписать в С.-Петербурге торговый договор. В предварительном порядке этот вопрос был затронут Д. Монро 11 (23) марта 1813 г. в беседе с А. Я. Дашковым. «Подчеркнув свое убеждение в пользе, которая может проистечь для воюющих сторон из того, что они будут вести переговоры о мире в С.-Петербурге,— доносил посланник Н. П. Румянцеву,— он (т. е. Монро.— Н. Б.) добавил, что это обстоятельство могло бы привести даже к заключению с Россией... договора, который сможет служить примером для других держав и открывает благоприятные перспективы для расширения торговли между Россией и Америкой после заключения мира». Дашков ответил, оговорившись, что это лишь его личное мнение, что он не исключает возможности того, что «в случае, если подобная сделка будет особо выгодна для Соединенных Штатов и если она установит принципы, благоприятные для торговли, императорское правительство не откажется дать доказательства дружбы, если только не возникнет непредвиденных возражений»⁴¹. Ободренное этим ответом, правительство США 22 апреля 1813 г. снабдило Д. К. Адамса, А. Галлатина и Д. Бейарда соответствующими полномочиями⁴².

Несколько дней спустя американским уполномоченным были даны на этот счет подробные инструкции. «Президент, полагая, что посредничество русского императора может создать благоприятную возможность для улучшения наших отношений с самой Россией,— писал государственный секретарь,— ...счел целесообраз-

⁴⁰ Д. Монро — А. Галлатину, Д. К. Адамсу и Д. Бейарду, 15 апреля 1813 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 269, 270; J. Монрое. Writings, Vol. V, p. 256 (открытый текст инструкций в ASPFR, Vol. III, p. 695—700).

⁴¹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 12 (24) марта 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 111—112. Спустя некоторое время А. Я. Дашков переслал в С.-Петербург «Проект различных статей для возможного включения в договор или конвенцию, которые могли бы быть заключены между Россией и США» (там же, лл. 174—219).

⁴² Там же, д. 3344, лл. 16, 19.

ным уполномочить вас заключить с этой державой договор о дружбе и торговле». Основой этого договора, по мнению правительства США, должен был стать принцип наибольшего благоприятствования. Большое значение придавалось также «взаимопониманию между Соединенными Штатами и Россией в соблюдении нейтральных прав»⁴³.

До своего отъезда в С.-Петербург в мае 1813 г. А. Галлатину необходимо было закончить самые неотложные дела по министерству финансов. Наиболее важным из них было размещение займа в 16 млн. долл., которое началось 12 марта. Следует иметь в виду, что в это время казна была фактически пуста. По свидетельству А. Галлатина, денег едва могло хватить до конца месяца⁴⁴. Вначале казалось, что новый заем потерпит полную неудачу. Лишь после того, как в финансовых кругах узнали о возможном заключении мира в связи с принятием правительством США русского посредничества, положение резко изменилось. «С тех пор,— по отзыву русского генерального консула в Филадельфии Н. Я. Козлова,— все препятствия в займе кончились, и в два дня казна получила все 16-ть миллионов талеров, платя не более как по 7 с 1/2 процентов на сто»⁴⁵. Действительно, благодаря поддержке трех крупнейших финансистов (Д. Астора, С. Джирарда и Д. Пэриша), которые приобрели ценных бумаг на 10 млн. долл., А. Галлатину удалось к 7 апреля 1813 г. реализовать заем на несколько большую сумму. В федералистских кругах были уверены, что условием поддержки займа С. Джирард и Д. Пэриш поставили назначение А. Галлатина уполномоченным для ведения мирных переговоров⁴⁶.

Активную посредническую деятельность развил весной 1813 г. русский посланник в Вашингтоне А. Я. Дашков. Именно по его ходатайству и специальной поездке советника русской миссии Сверчкова к командующему

⁴³ Д. Монро — Д. К. Адамсу, А. Галлатину и Д. Бейарду, 27 апреля 1813 г.— Papers of James A. Bayard, p. 115—116.

⁴⁴ А. Галлатин — Д. Мэдисону, 5 марта 1813 г.— A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 532.

⁴⁵ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 22 апреля 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 2585, л. 58.

⁴⁶ H. Adams. Op. cit., Vol. VII, p. 44—45; I. Brant. James Madison: Commander in Chief, p. 158.

английским флотом адмиралу Д. Уоррену был получен пропуск для проезда А. Галлатина и Д. Бейарда в С.-Петербург⁴⁷. Более того, решив использовать благоприятную ситуацию, А. Я. Дашков по собственной инициативе попытался добиться перемирия и с этой целью дал Сверчкову соответствующее поручение. Уоррен согласился с предложением русского посланника и сообщил свои предварительные условия для переговоров о перемирии⁴⁸. Однако, когда Дашков осторожно, чтобы не «скомпрометировать добрую волю», проявленную Уорреном, навел справки у американского правительства, выяснилось, что обсуждение вопроса о насильственной вербовке моряков США поручили своим представителям, направленным в С.-Петербург⁴⁹.

Если в Соединенных Штатах предложение русского посредничества встретило самое благожелательное отношение, то реакция британского кабинета была совсем иной. Первые успехи английского оружия сделали войну против США весьма популярной среди правящих кругов страны: дважды (в конце 1812 г. и осенью 1813 г.) английский парламент единодушно, без голосования принимал приветственные адреса принцу-регенту и министерству в связи с американской войной. В конце 1812 и в 1813 г. английское правительство вовсе не желало каких-либо мирных переговоров с США. Тем более не желало оно переговоров при русском посредничестве, учитывая общность интересов России и США в вопросах торговли и морского права. Вместе с тем, не желая без особой нужды раздражать своего главного союзника, британское правительство первоначально предпочло воздержаться от категорического и окончательного отклонения посредничества, сославшись на то, что главнокомандующему английскими вооруженными силами в Америке адмиралу Уоррену уже даны полномочия для мирного урегулирования с Соединенными Штатами.

⁴⁷ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 25 марта (6 апреля) 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 138—140; А. Я. Дашков — Д. Монро, 15 апреля 1813 г.—NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 97—98; «The Weekly Register», April 3, 1813, Vol. IV, p. 81, May 8, Vol. IV, p. 159.

⁴⁸ АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 6, лл. 70—73.

⁴⁹ Там же, лл. 146, 154.

Сообщая в Петербург о своей первой беседе с премьер-министром Ливерпулем по этому вопросу в октябре 1812 г., русский поверенный в делах П. А. Николай писал: «Премьер-министр, выражая мне заранее признательность, с которой должен быть принят здесь подобный дружественный жест со стороны е. и. в. ...сообщил, что адмирал Уоррен был наделен полномочиями для восстановления мира между обеими сторонами» и что поэтому, «возможно, было бы разумнее не предпринимать ничего нового» до получения сведений о результатах этих переговоров, которые ожидаются через месяц⁵⁰. В этом же смысле высказался 12 ноября 1812 г. в беседе с П. А. Николаем и министр иностранных дел лорд Кэстльри. Отмечая, что принц-регент бесконечно ценит предложение русского императора о посредничестве, британский министр одновременно заявил, что «ввиду полномочий, которыми снабжен г-н адмирал Уоррен, и, с другой стороны, ввиду стремления американского правительства продолжать войну во что бы то ни стало, ничего, по-видимому, не остается делать, пока народ там не начнет стонать под бременем военных налогов»⁵¹.

Касаясь в беседе с Д. К. Адамсом 10 декабря первой реакции английского правительства на предложение о посредничестве, Н. П. Румянцев отметил: «Они не приняли и не отвергли его, но намекнули, что оно не будет приемлемо в Америке, и они думают, что время еще не наступило. Однако, по-видимому, они послали адмирала Уоррена с полномочиями для переговоров»⁵². Со своей стороны Д. К. Адамс в соответствии с инструкциями из Вашингтона заверил канцлера в стремлении США в полной мере поддерживать дружественные отношения с Россией (в частности, расширять торговые связи) и подчеркнул, что американское правительство не замышляет установить какую-либо тесную связь с Францией.

По согласованию с Д. К. Адамсом Н. П. Румянцев довел заверения о позиции США в отношении Франции

⁵⁰ П. А. Николай — Н. П. Румянцеву, дата отправления депеши не указана (получена 4 (16) ноября 1814 г.).— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6820, лл. 4—5.

⁵¹ П. А. Николай — Н. П. Румянцеву, 1 (13) ноября 1812 г.— ВПР, т. VI, № 256, стр. 598, 599.

⁵² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 433.

до сведения английского правительства⁵³. В этом последнем случае Д. К. Адамс действовал по своему усмотрению и, как полагают некоторые историки, совершил ошибку: рассеяв опасение Англии, он лишь укреплял ее неуступчивость⁵⁴. Впрочем, это вряд ли могло сколько-нибудь существенно повлиять на позицию британского кабинета. Уже 18 ноября 1812 г. лорд Кэстльри вручил П. А. Николаи ноту, в которой довольно определенно давал понять, что Англия не склонна принимать русское посредничество. «Е. к. в. ...с сожалением признает,— указывалось в ноте,— что благодаря характеру требований, на которых правительство Соединенных Штатов сочло в последнее время необходимым основать продолжение войны, вмешательство дружественной державы не будет способствовать восстановлению мира...»⁵⁵.

Прибыв в Лондон в декабре 1812 г., русский посол Х. А. Ливен при первом удобном случае возобновил обсуждение вопроса о посредничестве. В беседе с лордом Кэстльри он весьма подробно изложил позицию России в англо-американской войне 1812 г., выразил беспокойство по поводу отвлечения английских сил от борьбы против Наполеона ради продолжения американской войны и подчеркнул, что собственные интересы России также заставляют ее желать скорейшего прекращения вооруженного конфликта между Англией и Соединенными Штатами. Возобновляя предложение о посредничестве, или, как он более мягко выразился, о «добрых услугах», Х. А. Ливен отметил, «что после огромных жертв, только что понесенных Россией, она более чем когда-либо должна заботиться о своей торговле, что ее торговля

⁵³ J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. II, p. 427, 428, 431—432; Д. К. Адамс — Д. Монро, 11 декабря 1812 г. — NA, *Diplomatic Despatches, Russia*, Vol. II. В депеше Х. А. Ливену от 30 ноября (12 декабря) 1812 г. Н. П. Румянцев поручал новому русскому послу в Лондоне «использовать в целях сближения между Англией и Соединенными Штатами» заверение Д. К. Адамса в том, что США «не предусматривали ничего, что могло бы повлечь установление между ними и Францией более тесных связей, чем те, которые существуют в настоящее время» (ВРП, т. VI, стр. 786).

⁵⁴ J. Hildt. *Op. cit.*, p. 62.

⁵⁵ Кэстльри — Николаи, 18 ноября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, л. 6820, л. 30.

с Америкой довольно значительна, а эта война с Америкой создаст для нее много препятствий»⁵⁶.

В ответ на эти замечания русского посла Кэстльри почти дословно повторил все то, что уже ранее говорилось П. А. Николаи. «Англия (и это известно всем), — заявил Кэстльри, — рассчитывала избежать разрыва путем отмены соответствующих распоряжений совета, но американское правительство, с явным ожесточением стремящееся к войне, стало настаивать на одном из пунктов, а именно на пункте о розыске матросов, по которому ни английская нация, ни какое бы то ни было английское министерство никогда не пойдут на уступки». Британский министр отметил далее, что все поведение правительства США доказывает, «что оно хочет только войны и что Франция толкает его на это, будучи весьма заинтересована в том, чтобы англичане дрались с американцами; что, следовательно, до тех пор, пока эти последние не захотят действовать самостоятельно, исключена возможность переговоров, которые могли бы привести к положительному результату, в котором Англия гораздо более заинтересована, чем Россия».

Таким образом, не желая принимать русское посредничество, Кэстльри в то же время стремился завуалировать истинные причины жесткой позиции Англии и всячески подчеркнуть неуступчивость и агрессивность Соединенных Штатов. Царского посла, с которым он сразу же нашел общий язык, ему удалось, по-видимому, убедить довольно легко. (Не удивительно поэтому, что Х. А. Ливен пришелся в Лондоне очень ко двору и пробыл на своем посту более 30 лет! — до 1832 г.) Со слов лорда Кэстльри, Х. А. Ливен доносил в С.-Петербург, что английское министерство, «по своей натуре робкое и привыкшее запрашивать мнение нации, сделало все для сохранения мира с Соединенными Штатами и что только от последних зависит восстановить его».

Свалить вину за продолжение войны и отказ от русского посредничества на США британскому правительству, однако, не удалось. В мае 1813 г. в Лондоне было получено известие о действиях А. Я. Дашкова в Вашинг-

⁵⁶ Здесь и далее цитируется донесение Х. А. Ливена Н. П. Румянцеву от 24 декабря 1812 г. (5 января 1813 г.) — ВПР, т. VI, № 290, стр. 664—666.

тоне и о согласии правительства США на русское посредничество. Лорду Кэстльри пришлось, наконец, прямо и категорически сообщить об отказе Англии от всякого русского посредничества. В беседе с Ливеном Кэстльри решительно заявил, что «характер спора между Англией и Америкой» не допускает вмешательства в него третьей стороны⁵⁷. Это заявление было сделано в момент, когда Россия была уже прочно втянута в войну в Европе и оказывалась в известной зависимости от действий всех членов коалиции и английских субсидий.

Отклонив посредничество, английское правительство не решилось, однако, полностью игнорировать русский демарш в пользу мира между Англией и Соединенными Штатами. В этой же беседе с Ливеном Кэстльри впервые намекнул, что английское правительство согласится вести переговоры с американскими представителями, если эти переговоры будут происходить в Лондоне и без посредников. «Кэстльри заявил мне,— писал Ливен,— что вопрос слишком сильно затрагивает особые интересы и даже национальные чувства англичан, чтобы его можно было обсуждать где-нибудь еще, а не здесь»⁵⁸.

Таким образом, из «двух зол» — прямых переговоров и переговоров при русском посредничестве — английское правительство выбрало, естественно, наименьшее — прямые переговоры. Этот шаг британского кабинета в определенной степени явился прямым результатом мирной инициативы России. Показательно в этой связи, что, подтверждая свой отказ от посредничества в начале июля 1813 г., сам Кэстльри мотивировал согласие Англии на переговоры с США стремлением «предоставить е. и. в. возможность осуществить свои дружеские намерения и одновременно дать ему доказательство стремления Англии положить конец этой борьбе, от которой никто не выигрывает». Британский министр заверил, что «здесьшний двор готов назначить представителей для переговоров с американскими уполномоченными...», которые не могут, однако, происходить нигде, кроме Лондона⁵⁹.

⁵⁷ Х. А. Ливен — Н. П. Румянцеву, 13 (25) мая 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6829, лл. 293—294.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 4 (16) июля 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6834, лл. 2—3.

Оценивая согласие Англии на прямые переговоры о мире с США, Г. Адамс писал, что оно было получено «благодаря русскому предложению посредничества и имело целью не умиротворить Америку, а заставить замолчать Александра и Румянцева»⁶⁰.

Будучи вынужденной согласиться на переговоры о мире с Соединенными Штатами, Англия стремилась создать для себя наиболее выгодные условия их проведения и, конечно, самым решительным образом оградить их от всякого вмешательства России. Подробно останавливаясь на этом вопросе в письме к английскому послу в С.-Петербурге У. Каткарту от 14 июля 1813 г., Р. Кэстльри писал: «Исключительно важно освободить любые переговоры между Америкой и нами даже от *видимости* иностранного вмешательства»⁶¹. Инструктируя Каткарта настаивать в качестве места для переговоров на Лондоне или в крайнем случае на Готтенбурге, лорд Кэстльри отмечал, что уступка в этом вопросе «придала бы нашему отказу от посредничества характер жалкой претензии». Ни одно английское правительство, указывал Кэстльри, не осмелится согласиться отказаться от права обыска. Вопрос о морском праве вообще не считалось возможным даже обсуждать. Предварительное исключение любого относящегося к морскому праву вопроса было непременным условием участия Англии даже в общих переговорах в Европе. «Великобританию можно лишить участия в конгрессе, но не лишить ее морских прав, и, если континентальные державы понимают свои интересы, они не отважатся на это»⁶².

Через косвенные каналы Кэстльри информировал о позиции Англии и американских представителей, тем более, что для этого представился удобный случай. Будучи проездом в Готтенбурге, А. Галлатин написал о своей миссии братьям Баринг и К^о (банкиры, с которыми он вел дела) и попросил их довести об этом до сведения английского правительства. В свою очередь 22 июля 1813 г. после консультации с Кэстльри Александр Баринг

⁶⁰ H. Adams. Op. cit., Vol. VII, p. 343.

⁶¹ Р. Кэстльри — У. Каткарту, 14 июля 1813 г. — Correspondence, Despatches and Other Papers of Viscount Castlereagh, Vol. IX. London, 1852, p. 35.

⁶² Ibid., p. 34—35.

направил подробное письмо А. Галлатину о желании Англии вести переговоры сепаратно и непосредственно с американскими представителями без русского посредничества в Лондоне или Готтенбурге. Поскольку война между Англией и США — своего рода «семейная ссора», всякое иностранное вмешательство принесло бы только вред, особенно учитывая современное положение в Европе, когда со стороны других держав могли бы быть сделаны попытки использовать Америку в качестве своего орудия. Одновременно А. Баринг весьма недвусмысленно указал, что если американские уполномоченные обязаны по своим инструкциям упрямо придерживаться своих требований в вопросе о насильственной вербовке моряков в британский флот с судов США, то он считает, что переговоры бесполезны⁶³.

Все эти события происходили на фоне напряженной обстановки в Европе. В мае 1813 г. Наполеон одержал победы при Люцене и Бауцене. В июне при посредничестве Меттерниха было заключено временное перемирие. Велись сложные переговоры о расширении коалиции против Наполеона и английских субсидиях. И именно в это время стало известно, с одной стороны, об отклонении Англией предложений о посредничестве, а с другой, — о посылке американской миссии в С.-Петербург.

Н. П. Румянцев, получив соответствующие донесения Ливена, 22 июня 1813 г. информировал Д. К. Адамса об отклонении Англией русского предложения ввиду того, что характер разногласий с США таков, что британский кабинет не считает посредничество подходящим путем для их решения⁶⁴. Н. П. Румянцев не считал, однако, или не хотел считать ответ английского правительства окончательным и находил, что было бы целесообразно возобновить предложение о посредничестве. Канцлер не желал примириться с тем, что Россия окажется отстраненной от переговоров, в которых он видел средство «окончательно изменить принципы ее (Англии.— Н. Б.) политики, столь деспотической и столь разрушительной

⁶³ А. Баринг — А. Галлатину, 22 июля 1813 г.— A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 545—546.

⁶⁴ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 479; Д. К. Адамс — Л. Монро, 26 июня 1813 г.— NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II.

для процветания нейтральных держав»⁶⁵, и поэтому в своих письмах к Александру I убеждал царя, что интересы и достоинство империи требуют не отказываться от мысли о посредничестве и не оставлять без внимания американскую миссию в С.-Петербурге⁶⁶.

Испытывая давление Англии и находясь под влиянием своего окружения в ставке, царь колебался. Его первым побуждением было настаивать перед Англией на принятии русского посредничества. 6(18) июля он послал Румянцеву короткую записку: «Я полностью одобряю Ваш взгляд на вопрос о посредничестве и уполномочиваю Вас действовать соответственно»⁶⁷. Однако очень скоро мнение Александра стало меняться. Получив в конце июля упоминавшуюся выше депешу Ливена от 4(16) июля с уведомлением о согласии Англии вести прямые переговоры в Лондоне с американскими уполномоченными, Александр I предписал К. В. Нессельроде послать для передачи английскому правительству ответ, гласивший: «Желание увидеть окончание ссоры, крайне губительной для обеих стран, побудило е. и. в. предложить свое посредничество Великобритании и Соединенным Штатам; как только британское правительство сочло уместным отклонить это предложение, мы стали рассматривать его, как не имевшее места. Пока продолжалась переписка, конгресс, по-видимому, решил послать уполномоченных; е. в. до сих пор не знает, предприняли ли они какой-либо демарш, чтобы объявить о своих полномочиях, однако, если бы случилось так, что они пожелали бы начать какие-либо переговоры, в пр-во можете дать заверения, что им будет предложено направиться в Лондон»⁶⁸. Примерно аналогичного содержания ответ был дан Александром I и лорду Каткарту, о чем последний писал, в частности, Кэстльри из Рейхенбаха 5 августа 1813 г.⁶⁹

⁶⁵ Н. П. Румянцев — Александру I, 24 июня (6 июля) 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7942, лл. 200—201.

⁶⁶ Н. П. Румянцев — Александру I, 14 (26) июля 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7942, л. 226.

⁶⁷ Александр I — Н. П. Румянцеву, 6 (18) июля 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7944, л. 389.

⁶⁸ К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 28 июля (9 августа) 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6835, лл. 102—103.

⁶⁹ Каткарт — Кэстльри, 5 августа 1813 г.— С. К. Webster (ed.). *British Diplomacy 1813—1815*. London, 1921, p. 16.

Решение об отказе от посредничества было принято Александром в том момент, когда стоял вопрос о том, ратифицирует ли Англия подписанную незадолго перед этим в Рейхенбахе конвенцию⁷⁰ о субсидиях и согласится ли она на увеличение выплат, чего настойчиво добивалось русское правительство. Пользуясь финансовыми затруднениями России, британский кабинет предпринял едва прикрытое давление на правительство Александра I, добиваясь уступок в вопросах торговли, обязательства России не допускать обсуждения вопроса о «морском праве» в мирных переговорах с Францией и отказа от посредничества в англо-американских делах⁷¹. Заявление об отказе от посредничества и формально словесная уступка в вопросе о правах нейтральной торговли, содержащиеся в той же инструкции Нессельроде Ливену от 28 июля (9 августа), должны были, по всей видимости, служить платой за английскую «щедрость».

Между тем 21 июля 1813 г. А. Галлатин и Д. Бейард уже прибыли в С.-Петербург и 24 июля были представлены Д. К. Адамсом Н. П. Румянцеву. Американские представители познакомили канцлера с копиями своих полномочий и верительного письма за подписью Д. Мэдисона, а спустя некоторое время стороны обменялись официальными нотами⁷². 22 июля (3 августа) 1813 г. Д. К. Адамс, А. Галлатин и Д. Бейард направили Н. П. Румянцеву также ноту с предложением о заключении между Россией и США торгового договора⁷³. Хотя сам Н. П. Румянцев являлся, как известно, активным сторонником расширения торговых связей с США, тем не менее в сложившихся в то время условиях и в отсут-

⁷⁰ Союзная конвенция между Россией и Англией, заключенная в Рейхенбахе 3 (15) июня 1813 г.—Ф. Мартенс. Собрание трактатов, т. XI, стр. 169—174.

⁷¹ См. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 4 (16) июля 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 6834, л. 5.

⁷² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 491 ff.; А. Галлатин, Д. К. Адамс и Д. Бейард — Н. П. Румянцеву, 18 (30) июля 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 3344, лл. 2—3. Копии верительных грамот и письма Д. Мэдисона от 6 мая 1813 г.—Там же, лл. 4, 5, 11. Ответную ноту Н. П. Румянцева американским уполномоченным от 21 июля (2 августа) 1813 г. см. там же, д. 3345, лл. 2—4.

⁷³ Д. К. Адамс, А. Галлатин и Д. Бейард — Н. П. Румянцеву, 22 июля (3 августа) 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 3344, л. 9.

ствие в столице Александра I он не решился начать новые переговоры⁷⁴. Впрочем, и сами американцы не настаивали на своем предложении, поскольку их главной задачей являлось заключение мира с Англией. Именно на этом вопросе и было сосредоточено все последующее внимание как Н. П. Румянцева, так и американских уполномоченных.

Учитывая особую заинтересованность США в мирных переговорах при русском посредничестве и получив от Александра I записку, в которой он уполномочивался «действовать соответственно» своим взглядам, Н. П. Румянцев, ничего не зная о принятом в ставке императора решении, задумал и попытался осуществить, вопреки отказу английского правительства, план, целью которого было сохранить в руках России «посредничество в столь важном деле»⁷⁵.

Нотой от 19(31) августа 1813 г. Н. П. Румянцев официально сообщил, что Александр I, узнав о назначении американских уполномоченных, предписал ему возобновить через Х. А. Ливена предложение о посредничестве России. Исполняя эти указания, канцлер уполномочил русского посла в Лондоне передать лорду Кэстльри соответствующую ноту, копия которой одновременно пересылалась американским делегатам⁷⁶.

Еще ранее, подготавливая проект новых инструкций о возобновлении предложения о посредничестве для Ливена, Н. П. Румянцев действовал в тесном контакте с американской делегацией. В беседе с Д. К. Адамсом 19 августа 1813 г. Н. П. Румянцев запросил мнение посланника на случай, если Англия предложит перенести переговоры в Лондон. Мнение Д. К. Адамса сводилось к следующему. В случае, если переговоры в Лондоне будут

⁷⁴ Н. П. Румянцев — американским уполномоченным, 24 июля (5 августа) 1813 г.— Там же, д. 3345, л. 5. Как и другие официальные документы, Н. П. Румянцев направил копию этой ноты Александру I, который возвратил ее с пометой об апробации. Аналогичным образом царь одобрял и другие документы, исходившие от Н. П. Румянцева.

⁷⁵ Н. П. Румянцев — Александру I, 21 августа (2 сентября) 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7942, л. 321.

⁷⁶ Н. П. Румянцев — американским уполномоченным, 19 (31) августа 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3345, л. 5 (копия с апробацией Александра I).

вестись при русском посредничестве, он не предвидел каких-либо особых помех. Однако если речь будет идти о прямых переговорах, то, как видно из полномочий, копии которых переданы Н. П. Румянцеву, американская делегация может вести переговоры только при посредничестве России⁷⁷. Одновременно американские делегаты заявили, что они согласны терпеливо ждать, пока сохранится хоть какое-то основание надеяться, что посредничество будет принято Англией⁷⁸.

Показательна также реакция американских уполномоченных на предложение о прямых переговорах, содержащееся в письме А. Баринга, полученном в С.-Петербурге 17 августа. После двухчасового обсуждения письма с А. Галлатином и Д. Бейардом Д. К. Адамс сделал следующую запись в своем дневнике: «Желание перетянуть нас в Лондон выражено весьма откровенно, но нет ничего, кроме туманных и общих выражений, что давало бы надежду на то, что мы имели бы там какую-либо перспективу на успех»⁷⁹.

Депешей от 16(28) августа 1813 г. Н. П. Румянцев предписал Ливену вручить Кэстльри прилагающуюся ноту, возобновляющую предложение о посредничестве⁸⁰. При этом Румянцев считал возможным «удовлетворить желание англичан перенести переговоры в Лондон», возложив осуществление посредничества на Ливена⁸¹. Все материалы, направлявшиеся Ливену для возобновления предложения о посредничестве, были предварительно показаны членам американской миссии, и в дальнейшем в соответствии с замечаниями А. Галлатина Н. П. Румянцев внес в окончательный текст необходимые исправления⁸².

Со своей стороны американские представители познакомили Н. П. Румянцева 7 сентября 1813 г. с содержанием письма А. Баринга от 22 июля и их ответом на

⁷⁷ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 511.

⁷⁸ Papers of James A. Bayard, p. 231—236.

⁷⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 509.

⁸⁰ Н. П. Румянцев — Х. А. Ливену, 16 (28) августа 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6831, лл. 100—101.

⁸¹ Н. П. Румянцев — Александру I, 13 (25) августа 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7942, л. 282.

⁸² Подробно об этом см. J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 516—518.

него⁸³. «Г-н Галлатин,— писал Н. П. Румянцев Александру,— прочел мне несколько мест из своего ответа: он написал г-ну Барингу, что не видит абсолютно никаких препятствий к тому, чтобы с согласия в. в. переговоры происходили не в Петербурге, а в каком-нибудь другом месте; но что полномочия, которыми они снабжены, полностью исключают возможность для них вести переговоры о мире без участия в. в.; что заставлять их запрашивать другие — значило бы, кроме многих трудностей, затянуть дело примирения... Г-н Галлатин не сомневается, государь, что письмо г-на Баринга было ему предписано министерством...»⁸⁴

Рассчитывая на прямое посредничество России, американские уполномоченные высоко оценивали значение ее поддержки на мирных переговорах. Характерно, в частности, что А. Галлатин неоднократно высказывал твердую уверенность в том, что «Россия является единственной державой, действительно дружественной в отношении Америки»⁸⁵, и расточал непомерные комплименты (как, впрочем, это делали почти все государственные деятели того времени) в адрес русского самодержца.

В то время как в С.-Петербурге Н. П. Румянцев вел переговоры с американской миссией и подготавливал возобновление соответствующих предложений в Лондоне, в ставке императора английские представители занимались проектом окончательного официального отказа от русского посредничества. Как позднее утверждал новый английский посол в России лорд Уолпол, он сам написал в Праге 23 или 24 августа ноту Каткарта к Нессельроде⁸⁶, которая была вручена 1 сентября 1813 г. в Тёплице. Задержку с вручением легко понять, если учесть, что 10 августа истек срок перемирия с Наполеоном и начался решающий этап кампании 1813 г. 27 августа Наполеон одержал свою последнюю крупную победу в битве под Дрезденом и союзники отступили в Богемию. Вернувшись в Тёп-

⁸³ А. Галлатин — А. Барингу, 27 августа 1813 г.— A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 564—567.

⁸⁴ Н. П. Румянцев — Александру I, 27 августа (8 сентября) 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7942, лл. 331—332.

⁸⁵ А. Галлатин — Л. Гаррису, 1(13) сентября 1813 г.— A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 575, а также А. Галлатин — генералу Моро, 2 сентября 1813 г.— Ibid., p. 579.

⁸⁶ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 593.

лиц, Александр I, помимо многочисленных дел, связанных с организацией борьбы с Наполеоном, вновь оказался перед сложной проблемой посредничества в англо-американской войне.

В ноте от 1 сентября 1813 г. наряду с категорическим отклонением посредничества Каткарт от имени британского правительства просил добрых услуг России для передачи американским уполномоченным предложения прибыть в Лондон или Готтенбург, чтобы вести прямые переговоры с английскими представителями⁸⁷.

Около месяца Александр I медлил с ответом лорду Каткарту. Когда же, наконец, 22 сентября (4 октября) 1813 г. К. В. Нессельроде вручил английскому дипломату ответную ноту, то она оказалась составленной вполне определенно: «Е. в.,— писал К. В. Нессельроде,— не колеблясь, довел до сведения американских уполномоченных предложение английского министерства о ведении прямых переговоров с ним либо в Лондоне, либо в Готтенбурге. Милорд Каткарт может быть уверен, что как только их ответ придет в главный штаб, нижеподписавшийся не замедлит сообщить ему об этом»⁸⁸.

В обычных условиях ведения дел трудно предположить, чтобы К. В. Нессельроде не довел содержания ноты Каткарта до сведения американских представителей. Тем не менее эта нота никогда даже не была переслана Н. П. Румянцеву, который в результате был поставлен в С.-Петербурге в самое двусмысленное положение. Переписку с канцлером вел лично Александр I. Получив от Н. П. Румянцева подробную информацию об инструкциях, посланных Ливену для возобновления предложений о посредничестве, Александр I не только не сообщил о последней ноте британского посла, заключавшей в себе по существу окончательный и решительный отказ от посредничества, но написал Румянцеву подряд три собственноручные записки, одобряя предписания, направленные Ливену, и распорядившись принять от американских уполномоченных их верительные грамоты⁸⁹.

⁸⁷ Каткарт — К. В. Нессельроде, 1 сентября 1813 г. — ASPFR, Vol. III, p. 622; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 329—330.

⁸⁸ К. В. Нессельроде — Каткарту, 22 сентября (4 октября) 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 1478, л. 17.

⁸⁹ Александр I — Н. П. Румянцеву, 6, 8 и 10 сентября 1813 г. (ст. ст.) — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7944, лл. 398, 405, 410.

Трудно сказать, понимал ли царь, в какое двусмысленное положение ставит он своего канцлера в С.-Петербурге. Может быть, он надеялся, что, несмотря на свой решительный отказ, английское правительство в конце концов пойдет на уступки. Наконец, может быть, император действительно не видел или, точнее, не хотел видеть каких-либо противоречий в своей позиции. Их, однако, не мог не увидеть в Лондоне граф Ливен, который отдался вручить лорду Кэстльри присланную ему Н. П. Румянцевым ноту. «...В связи с заявлением,— писал он Нессельроде 16 (28) сентября,— которое я сделал английскому министерству согласно переданному мне от имени е. в. предписанию о том, что американским уполномоченным будет предложено нашим двором обратиться со своими предложениями в Лондон, мне показалось, что представлять упомянутую ноту значило бы действовать против высочайшей воли, и вследствие этого я счел необходимым отложить выполнение распоряжений, содержащихся в депешах г-на государственного канцлера впредь до новых указаний»⁹⁰. Граф Х. А. Ливен, однако, явно «переоценивал» свои умственные способности, если рассчитывал обнаружить противоречия там, где их не хотел видеть царь.

В ноябре 1813 г. Нессельроде направил Ливену строгое предписание выполнить распоряжение канцлера и вручить ноту английскому правительству, сообщив, что «е. и. в. отнюдь не считает, что смысл этой ноты противоречил инструкциям, которые он непосредственно переслал Вам через меня». «В моей депеше от 28 июля (9 августа),— продолжал К. В. Нессельроде,— я Вам сообщал, что император предложит американским уполномоченным направиться в Лондон, чтобы вести там прямые переговоры с британским правительством; это предложение было им сделано. Они согласились перенести в Лондон место переговоров, но они заметили в то же время, что смогут вести там переговоры только при посредничестве в. пр-ва, так как их полномочия составлены в соответствующей форме. Поскольку изменение редакции этих полномочий можно было бы осуществить, лишь

⁹⁰ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 16 (28) сентября 1813 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6834, л. 91.

потеряв значительное время, е. и. в. счел себя не в праве отказаться от того, чтобы передать английскому правительству предложения американских уполномоченных, содержащиеся в проекте ноты, которую послал в. пр-ву граф Румянцев»⁹¹.

В наиболее трудном положении в результате всех этих событий оказался Н. П. Румянцев. Реальное руководство делами явно ускользало из его рук. С каждым днем американские представители, естественно, становились все более нетерпеливыми и все чаще осведомлялись об окончательном ответе Англии. Правда, канцлер делал все от него зависящее, чтобы пребывание американской миссии в С.-Петербурге оказалось как можно более интересным: устраивал торжественные обеды, представлял делегатов членам императорского дома и т. д. В соответствии с намерением Александра I оказать американским уполномоченным особый знак внимания, Н. П. Румянцев даже предложил оплатить расходы миссии или подарить послан какие-нибудь особые изделия мануфактурной промышленности России, если это только совместимо с обычаями и нормами Соединенных Штатов⁹². Американские представители, однако, сочли за лучшее воздержаться от этого необычного знака внимания, сославшись на то, что конституция США запрещает государственным служащим принимать подарки и денежные пожертвования любого рода от иностранных государей. Не была оставлена без внимания и просьба Д. К. Адамса в отношении попавшего в плен маркиза Виктора де Траси⁹³. В виде особого исключения Александр I разрешил ему приехать в С.-Петербург и поселиться в доме американского посланника⁹⁴.

На следующий день после получения писем от Александра I из Тёплица с одобрением его действий Н. П. Ру-

⁹¹ К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 14 (26) ноября 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6835, л. 196.

⁹² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 504—505.

⁹³ Сын Д. де Траси — автора известного «Комментария о Духе законов Монтескье», опубликованного впервые в США в 1811 г. при участии Т. Джефферсона и оказавшего впоследствии влияние на декабристов, в частности на П. И. Пестеля (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 283); Е. Dvoichenko-Markov. Jefferson and the Russian Desemibrists. — «The American Slavic and East European Review», Oct. 1950, Vol. IX, p. 162—168.

⁹⁴ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 522.

мянцев довел их содержание до сведения Д. К. Адамса⁹⁵. Канцлер, в частности, специально показал записку от 8(20) сентября 1813 г., в которой царь писал: «Я полностью одобряю, г-н граф, Ваше письмо к графу Ливену по поводу американских дел, и я прошу Вас продолжать это дело таким же образом»⁹⁶. Одновременно Н. П. Румянцев направил американским представителям официальную ноту, в которой сообщал, что император уполномочил его принять у них верительные грамоты, а также извиниться за задержку с ответом, что объясняется особыми обстоятельствами военной кампании⁹⁷. Сразу вслед за этим 12 октября 1813 г. состоялась официальная церемония вручения А. Галлатином, Д. К. Адамсом и Д. Бейардом их верительного письма для передачи императору⁹⁸.

Между тем время шло, а Н. П. Румянцев все еще не мог сделать главного: сообщить об окончательном ответе английского правительства на предложение о посредничестве и ноте Каткарта от 1 сентября 1813 г., так как он никогда не получал этого документа из ставки императора. Единственно, о чем канцлер мог сообщить А. Галлатину 3 ноября 1813 г., было известие о том, что Ливен не вручил присланную ему ноту с предложением о возобновлении посредничества. По отзыву А. Галлатина, Н. П. Румянцев выглядел очень огорченным поведением посла в Лондоне и чувствовал, что оно задевает его лично. Канцлер заявил, что он сразу же перешлет донесение Ливена императору без всяких комментариев, однако с просьбой прочитать его полностью и дать указания о том, что в связи с этим делать. Уязвленный Н. П. Румянцев заметил также, что предложение о посредничестве было

⁹⁵ Ibid., p. 529—532 (запись от 10 октября 1813 г.).

⁹⁶ Ibid., p. 531.

⁹⁷ Н. П. Румянцев — американским уполномоченным, 28 сентября (10 октября) 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3345, лл. 7—8.

⁹⁸ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 532—534. Вскоре стало известно, что в июле 1813 г. сенат США большинством в один голос отверг назначение А. Галлатина на том основании, что функции министра финансов и чрезвычайного посланника несовместимы (Д. Монро — А. Галлатину, 5 августа 1813 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 305—306; «The Weekly Register», Aug. 7, 1813, Vol. IV, p. 377—379). Узнав об этом из газет, А. Галлатин соответственно известил Н. П. Румянцева 3 ноября 1813 г.

первоначально идеей самого императора и последний сам настаивал на ее осуществлении⁹⁹.

Английская дипломатия не преминула воспользоваться выгодами создавшегося положения. Особую активность в этом отношении проявил новый британский посол в С.-Петербурге лорд Уолпол, стремившийся окончательно сломить влияние Н. П. Румянцева и вбить клин в отношения между Россией и США. В разговоре с секретарем американской миссии Л. Гаррисом 3 ноября 1813 г. Уолпол утверждал, что перед своим отъездом из Англии он беседовал с Кэстльри по вопросу о русском посредничестве. Последний сказал ему, что впервые о посредничестве ему стало известно только из сообщения о выдаче адмиралом Уорреном паспорта на проход судна с американскими представителями (весна 1813 г.), после чего английский кабинет сразу же принял решение об отклонении посредничества и желании вести прямые переговоры с США в Лондоне или Готтенбурге. После того как Каткарт довел это до сведения Александра, последний ответил, что он ничего не может больше сделать в этом деле, и дал инструкции канцлеру выразить сожаление американским представителям по поводу отклонения Англией посредничества и заявить, что он не может предпринять больше никаких мер. Далее Уолпол выражал свое сожаление в связи с задержкой американских представителей в С.-Петербурге и выражал мнение, что если только они начнут прямые переговоры, то было бы легко прийти к соглашению. Л. Гаррис, однако, заявил, что представители США не имеют полномочий вести переговоры, кроме как при русском посредничестве, в связи с чем английский посол поспешил ответить, что если они начнут переговоры, он уверен, что британское правительство без колебания признает их полномочия¹⁰⁰.

Свою версию об истории русского посредничества лорд Уолпол постарался распространить как можно ши-

⁹⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 541—542.

¹⁰⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 542—543. О категорическом отклонении британским кабинетом русского посредничества и предложении вести прямые переговоры Д. К. Адамс сообщил Д. Монро в депеше от 22 ноября 1813 г. (NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. II).

ре. 20 ноября 1813 г. в разговоре с Бейардом во дворце при большом стечении гостей британский посол намеренно громко вновь начал рассказывать о том, что английское правительство никогда не имело даже намека о русском посредничестве до сообщения от адмирала Уоррена¹⁰¹. Наконец, много позднее, 2 апреля 1814 г., Уолпол прямо заявил Д. К. Адамсу, что содержание ноты Каткарта было умышленно скрыто от американских представителей. «...Румянцев вбил себе в голову какой-то дикий и абсурдный проект конгресса и морского права, и он (Уолпол) столь же уверен, как он уверен в своем собственном существовании, и думает, что сможет это доказать, что Румянцев *обманывал всех нас*»¹⁰².

Длительность пребывания американских уполномоченных в С.-Петербурге и неопределенность вопроса о русском посредничестве создавали благоприятную обстановку для появления разного рода предположений, лживых версий и газетных инсинуаций. Еще в мае 1813 г. «Уикли реджистер» отмечала, что британские газеты ничего не пишут о русском посредничестве и поэтому в Бостоне сделали вывод, что такого предложения вообще не было¹⁰³. В сентябре появилось сообщение (опровергнутое в «Нэшенл интеллидженсер»), что предложение посредничества сделано А. Дашковым без каких-либо полномочий из С.-Петербурга¹⁰⁴ и т. д.

Нельзя не отметить, что версия Уолпола не только вызвала беспокойство у американских уполномоченных, но и в определенной степени повлияла на позднейших историков. Не избежал этого влияния даже столь осведомленный автор, как Д. Хилдт, утверждавший, что впервые в Англии стало известно о посредничестве лишь после известия о выдаче Уорреном паспорта на проход судна с американскими представителями¹⁰⁵. Эту сомнительную «новость» исследователь преподнес чуть ли не как важное научное открытие, отмечая в заключении своей монографии, что предложение посредничества не было сделано, как это утверждало русское правительство,

¹⁰¹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 551—552.

¹⁰² Ibid., p. 591.

¹⁰³ «The Weekly Register», May 29, 1813, Vol. IV, p. 209.

¹⁰⁴ «The Weekly Register», Sept. 4, 1813, Vol. V, p. 5.

¹⁰⁵ J. Hildt. Op. cit., p. 68—69.

одновременно Англии и Соединенным Штатам¹⁰⁶. Между тем, как совершенно бесспорно свидетельствуют рассмотренные выше документы, и прежде всего материалы переписки с Лондоном, предложение России о посредничестве было сделано Англии даже несколько раньше, чем США, в том же сентябре 1812 г. Уже осенью 1812 г. Ливерпуль и Кэстльри обсуждали это предложение с русскими представителями в Лондоне — сначала Николаи, а затем Ливеном. Однако, если Уолпол пошел на очевидное искажение фактов в отношении России и особенно Н. П. Румянцева, то в одном вопросе он был безусловно прав: Англия была решительно против русского посредничества и соглашалась пойти только на прямые переговоры. Как доносил в декабре 1813 г. Ливен, «мнение всей нации по этому вопросу настолько определено, что ни одно министерство не решилось бы его не разделить»¹⁰⁷.

Желая раз и навсегда покончить с вопросом о русском посредничестве, британский кабинет решил завязать переписку непосредственно с правительством США. 4 ноября 1813 г. Р. Кэстльри направил государственному секретарю Монро письмо, предлагая ему начать прямые переговоры о мире. К письму была приложена нота Каткарта Нессельроде от 1 сентября 1813 г. Ссылаясь на донесение Каткарта, Кэстльри писал, что американские представители в С.-Петербурге дали понять в ответ на ноту Каткарта, что они не возражают против переговоров в Лондоне и в равной степени с Англией не желают смешивать их с делами Европейского континента, но что их полномочия ограничены переговорами при русском посредничестве. Кэстльри поэтому предложил президенту во избежание дальнейших отсрочек послать американским уполномоченным новые инструкции¹⁰⁸.

Британская дипломатия могла торжествовать — ей удалось изолировать Соединенные Штаты. Россия все больше погружалась в сложный комплекс европейских дел. 16—18 октября 1813 г. в «битве народов» под Лейп-

¹⁰⁶ J. Hildt. Op. cit., p. 193.

¹⁰⁷ X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 15 (27) декабря 1813 г. — АВПР, ф. Канцелярия д. 6834, лл. 309—310.

¹⁰⁸ Р. Кэстльри — Д. Монро, 4 ноября 1813 г. — ASPFR, Vol. III p. 621.

цигом Наполеон потерпел поражение, от которого уже не мог затем оправиться. Силы оказались слишком неравными. К борьбе против Франции присоединялись все новые страны. Началось отступление наполеоновских войск за Рейн.

Окончательно решила фактически и судьба канцлера Н. П. Румянцева. Правда, Александр I еще не дал министру иностранных дел, несмотря на его неоднократные просьбы, официальной отставки, но по существу вся политическая система, которую связывали с именем Н. П. Румянцева, была уже давно похоронена. В беседе с А. Галлатиным канцлер откровенно признался, что не ушел до сих пор в отставку только из-за американской миссии и что он не в состоянии вести дела императора: царь запретил кому-либо из своего окружения писать Н. П. Румянцеву, а сам посылал лишь короткие записки, полные любезности и снисхождения, но ничего не говорящие по существу¹⁰⁹.

В январе 1814 г. американские уполномоченные вновь официально осведомились о состоянии дел, и канцлер, несмотря на все свое расположение к ним, не мог сообщить ничего нового, кроме уже известного отказа Х. А. Ливена передать Кэстльри ноту с повторным предложением посредничества¹¹⁰.

В этих условиях дальнейшее пребывание американских уполномоченных в С.-Петербурге становилось ненужным, в связи с чем А. Галлатин и Д. Бейард известили Н. П. Румянцева о своем отъезде, который состоялся 25 января 1814 г.¹¹¹

1 февраля 1814 г. Н. П. Румянецв пригласил Д. К. Адамса к себе домой и познакомил его с только что полученным из ставки императора донесением Ливена от 26 ноября (8 декабря) 1813 г., в котором посол подробно сообщал о шагах, предпринятых Кэстльри для начала

¹⁰⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 553—554 (запись от 3 января 1814 г.).

¹¹⁰ Д. К. Адамс, Д. Бейард — Н. П. Румянцеву, 31 декабря 1813 г. (12 января 1814 г.).— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3346, лл. 4—5; Н. П. Румянецв — американским уполномоченным, 5 (17) января 1814 г.— Там же, д. 3347, лл. 3—4.

¹¹¹ Д. К. Адамс и Д. Бейард — Н. П. Румянцеву, 7 (19) января 1814 г. и А. Галлатин — Н. П. Румянцеву, 10 (22) января 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3346, лл. 6—7, 8 и далее.

прямых переговоров с США, и непосредственном обращении английского министра в Вашингтон. Несколько дней спустя, по просьбе Д. К. Адамса, канцлер изложил содержание этого донесения в официальной ноте на имя американского посланника¹¹².

Наряду с официальными делами канцлер сообщил 1 февраля 1814 г. целый ряд интересных деталей, касавшихся его лично. Содержание этой, совершенно необычной в дипломатической практике, беседы посланник подробно записал в своем дневнике и затем направил специальное конфиденциальное донесение в Вашингтон¹¹³. Д. К. Адамс особо оговаривался, что его сообщение предназначается только для информации президента и ни в коем случае не может быть опубликовано. Как это случалось и ранее, Н. П. Румянцев разговаривал с посланником в самой откровенной и дружественной форме. Он сообщил, что с начала нового года переехал из «отеля министерства иностранных дел» в свой собственный дом и уже неоднократно просил царя об отставке. «Я могу сказать,— заявил канцлер,— что мое сердце принадлежит Америке, и, если бы не мой возраст и болезни, я бы непременно уехал в эту страну»¹¹⁴. Мысль об отъезде в Америку уязвленный вельможа высказывал уже неоднократно и, в частности, упоминал об этом в беседе с Галлатином и Бейардом в январе 1814 г. Трудно сказать, насколько русский канцлер был серьезен в своем намерении, но в его искренности сомневаться не приходится.

В настоящей работе нам уже неоднократно приходилось касаться различных сторон деятельности и взглядов Н. П. Румянцева в свете борьбы мнений внутри царского правительства, а также общих тенденций внешней политики России. Учитывая приводившиеся выше документальные материалы, трудно согласиться с явно несправедливой и односторонней оценкой этого выдающегося деятеля, широко распространенной в литературе.

¹¹² Д. К. Адамс — Н. П. Румянцеву, 21 января (2 февраля) 1814 г. и Н. П. Румянцев — Д. К. Адамсу, 23 января (4 февраля) 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3346, л. 18; д. 3347, л. 9.

¹¹³ Д. К. Адамс — Д. Монро, 5 февраля 1814 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 12—18; I d e m. Memoirs, Vol. II, p. 568—573.

¹¹⁴ J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 13. В дневниковой записи приведены французские слова: «Je puis dire que j'ai les entrailles Américaines» (J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 571).

С именем Н. П. Румянцева обычно связывают унижительный Тильзитский мир и так называемую «профранцузскую» ориентацию внешней политики. Справедливость требует сказать, что Н. П. Румянцев вообще не имел отношения к Тильзитскому миру, при заключении которого активную роль играли А. Б. Куракин, Д. И. Лобанов-Ростовский и др. Любопытно даже, что в начале 1806 г. при обсуждении Государственным советом вопроса об отношениях с Францией после Аустерлица именно Н. П. Румянцев заявил, что «скоропостижные искания мира» унижительны для достоинства России¹¹⁵.

Но не в этом главное. В соответствующем разделе уже отмечалась роль Н. П. Румянцева в становлении отношений с США, а также подробно рассматривался его интереснейший проект открытия торговых связей с новыми государствами Латинской Америки осенью 1811 г. То, что канцлер Российской империи выступал решительным сторонником сближения с Соединенными Штатами и даже стремился установить непосредственные контакты с восставшими испанскими колониями, отнюдь не было случайностью или историческим парадоксом, а являлось результатом совершенно объективных факторов и хорошо укладывалось в общую систему политики, корни которой восходили еще к вооруженному нейтралитету 1780 г. Всемерное поощрение русского купечества, защита нейтрального мореплавания, стремление оградить внешнюю торговлю от чрезмерной зависимости от Англии, сближение с Соединенными Штатами и поощрение прямых связей с американским рынком — все это различные стороны одной и той же общей системы внешней политики, активным проводником которой с начала XIX в. выступал Н. П. Румянцев.

Крайние реакционеры из ближайшего окружения царя ненавидели Н. П. Румянцева и считали его вместе с М. М. Сперанским чуть ли не «якобинцем». Мы далеки от того, чтобы приписывать Н. П. Румянцеву какие-то левые симпатии (в лучшем случае он выступал как умереннейший либерал), но совершенно очевидно, что с такими деятелями, как Аракчеев, Кошелев и Нессельроде, ему было явно не по пути. Принципиально ошибочно также приписывать ему какую-то «профранцузскую»

¹¹⁵ ВПР, т. III, стр. 651.

или «проамериканскую» ориентацию. Н. П. Румянцев всегда действовал в интересах русских помещиков и купцов, или, вернее, той части из них, которые опасались чрезмерного влияния Англии на русском рынке.

Несмотря на неудачу русского посредничества, американские уполномоченные единодушно высоко отзывались о деятельности Н. П. Румянцева. В цитированном выше письме Д. К. Адамс называл канцлера «действительным и искренним русским патриотом» и самым безупречным государственным деятелем, с которым ему когда-либо приходилось иметь дело. Касаясь причин падения влияния Н. П. Румянцева, посланник отмечал «могущественное и непримиримое английское влияние», которое непрерывно действовало против русского канцлера¹¹⁶.

Получив сообщение о согласии правительства США на открытие прямых переговоров с Англией, Д. К. Адамс направил 26 марта (7 апреля) 1814 г. официальную ноту, в которой известил о своем предстоящем отъезде из С.-Петербурга. Одновременно он опроверг ссылки на какой-либо ответ американских уполномоченных на ноту Каткарта от 1 сентября 1813 г., поскольку им ничего о ней не было известно¹¹⁷.

Эти же соображения Д. К. Адамс повторил во время своей прощальной беседы с Н. П. Румянцевым 23 апреля 1814 г. Канцлер подтвердил, что он никогда не получал ноты Каткарта, и высказал предположение, что Уолпол мог сообщить о неофициальных беседах Каткарту, в результате чего и возникли подобные утверждения Кэстльри. «Все это, заявил канцлер, происходит от двойственности в ведении дел — здесь через один канал и в ставке через другой. Но он (Н. П. Румянцев) всегда был откровенен и прям с нами. Кто-нибудь другой, возможно, стал бы хитрить и увиливать и, по обычной практике, как Англия, так и Франция, оставлять наши ноты три или четыре месяца без ответа. Этот метод ведения не для него; он сказал нам сразу и непо-

¹¹⁶ Д. К. Адамс — Д. Монро, 5 февраля 1814 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 15—16.

¹¹⁷ Д. К. Адамс — И. А. Ведемейеру, 26 марта (7 апреля) 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3336, лл. 23—24; J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 29—33.

средственно, что он не получал от императора по этому вопросу ничего и что император запретил графу Нессельроде писать ему что-либо, кроме простой пересылки официальных документов. Если мы когда-нибудь ответили так, как утверждает лорд Кэстльри, пусть они воспроизведут наш ответ. Он должен быть в письменном виде, так как ничто, кроме письменного документа, не может рассматриваться в качестве такого ответа»¹¹⁸.

Касаясь позиции Англии, Д. К. Адамс в письме к Д. Монро от 15 апреля 1814 г. отмечал, что британский кабинет не только стремится скрыть от общественности свой отказ от русского посредничества и его причины, но даже представить, что такого предложения вообще не делалось¹¹⁹.

Правительство Соединенных Штатов с большой неохотой пошло на прямые переговоры с Англией. В ответном письме лорду Кэстльри от 5 января 1814 г. Монро выразил от имени президента сожаление в связи с тем, что Англия отвергла русское посредничество, что явилось «новым препятствием к началу переговоров о примирении...»¹²⁰. В Соединенных Штатах прекрасно отдавали себе отчет в причинах отказа Англии от русского посредничества и ее целях. «Почему Великобритания отвергла русское посредничество? — писал Д. Монро в специальной записке по этому вопросу. — Потому что она боится его. Почему она предложила вести с нами прямые переговоры? — Потому что она желает предотвратить объединение Соединенных Штатов с северными державами, предотвратить, как она говорит, смешение наших дел с делами континента». «Она теперь приглашает нас вести переговоры самим, чтобы отделить нас от континента, т. е. от наших друзей». «Ее цель, — отмечал государственный секретарь, — вести с нами переговоры вне континента и заставить заключить невыгодный для нас договор без той помощи, которую мы могли бы получить от объединения и дружеского общения с северными державами»¹²¹.

¹¹⁸ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 599—600.

¹¹⁹ Д. К. Адамс — Д. Монро, 15 апреля 1814 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 35.

¹²⁰ Д. Монро — Р. Кэстльри, 5 января 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 310—312.

¹²¹ J. Monroe. Writings, Vol. V, p. 280.

Принимая предложение Кэстльри о прямых переговорах, правительство США стремилось одновременно избежать ухудшения отношений с Россией и самым решительным образом подтверждало свое стремление содействовать взаимопониманию между обеими странами. Так, в ноте А. Я. Дашкову от 7 января 1814 г. Д. Монро, извещая посланника о согласии президента США на прямые мирные переговоры с Англией, отмечал, что эти переговоры обязаны своим происхождением дружественному посредничеству России¹²².

В соответствии с инструкциями из Вашингтона от 8 января 1814 г. при отъезде из С.-Петербурга американским уполномоченным надлежало поставить русское правительство в известность, «что президент США осознает дружественное расположение императора, проявившееся в предложении посредничества, выражает сожаление по поводу его отклонения британским кабинетом и желание, чтобы в будущем в отношениях между двумя странами могли возобладать наибольшее доверие, сердечность и взаимопонимание»¹²³. В аналогичных выражениях государственный секретарь инструктировал Д. К. Адамса в начале февраля 1814 г. Предложение посредничества, по его словам, составило «интересную эпоху в отношениях между Соединенными Штатами и Россией, развитие и укрепление дружественного характера которых станет в будущем целью президента»¹²⁴.

Для заключения мира с Великобританией правительство Соединенных Штатов направило очень представительную и сильную делегацию¹²⁵. В дополнение

¹²² Д. Монро — А. Я. Дашкову, 7 января 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 305 и далее.

¹²³ Д. Монро — Д. К. Адамсу и Д. Бейарду, 8 января 1814 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 310.

¹²⁴ Д. Монро — Д. К. Адамсу, 3 февраля 1814 г.— Ibid., p. 327—328.

¹²⁵ См. S. F. Bemis. John Quincy Adams..., p. 189. Инструкции американским уполномоченным от 28 января 1814 г.— NA, Diplomatic Instructions, All Countries, Vol. VII, p. 311—321. Открытую часть см. ASPFR, Vol. III, p. 700—701, секретную часть — в «Papers of James A. Bayard», p. 263—265. В одном из секретных параграфов Д. Монро развивал свои соображения о причинах отказа Англии от русского посредничества и о выгодах этого посредничества для США (NA, Diplomatic Instructions, Vol. VII, p. 319). Он также спе-

к прежним делегатам в Европу был послан спикер палаты представителей Генри Клей — известный лидер «военных ястребов» в конгрессе и в будущем неизменный претендент на пост президента, а также Д. Рассел — молодой дипломат, представлявший США накануне войны 1812 г. в Париже и Лондоне в качестве поверенного в делах. Хотя первым в списке стояла кандидатура Д. К. Адамса, который и был официальным главой делегации, наиболее видной фигурой среди американских представителей оставался Альберт Галлатин, с мнением которого обычно больше всего считались.

С другой стороны, британский кабинет не считал нужным назначить в Гент сколько-нибудь известных дипломатов, хотя в то время недостатка в них в Англии не ощущалось — достаточно назвать имена Д. Каннинга, Уэлсли, Гренвилля или Кэстльри. Для переговоров с американцами в Лондоне сочли вполне достаточным послать Г. Гуолберна, Гамбьера и У. Адамса.

И хотя достойных соперников за столом конференции у американских уполномоченных не оказалось, их положение в силу объективных условий было не из легких. В этой связи накануне и в ходе переговоров в Генте представители Соединенных Штатов неоднократно обращались к России как к единственной державе, на чью поддержку они могли рассчитывать, с просьбами оказать воздействие на британский кабинет и сделать его более уступчивым. Особую активность в этом направлении уже весной 1814 г. проявил А. Галлатин, попытавшийся использовать для встречи с Александром I американского посланника в Париже У. Крауфорда, который, однако, так и не смог добиться царской аудиенции¹²⁶. Интересно отметить, что в качестве надежного связного для пересылки секретной корреспонденции Галлатин и Крауфорд использовали П. Полетику.

Несколько успешнее оказалась деятельность маркиза Лафайета, который сумел в конце мая 1814 г.

циально подчеркивал необходимость сохранения полного взаимопонимания с Россией и другими балтийскими державами, «как если бы переговоры происходили при русском посредничестве» (*ibid.*, р. 320).

¹²⁶ А. Галлатин — У. Крауфорду, 21 апреля 1814 г. — A. Galatin. Writings, Vol. I, p. 602—605; У. Крауфорд — американским уполномоченным от 13 и 24 мая 1814 г. — *Ibid.*, p. 614—617.

переговорить с Александром I по вопросу о посредничестве. В ответ на настоятельную просьбу маркиза предпринять еще одну, третью и последнюю, попытку вмешательства в ход переговоров, царь ответил, что во время своей предстоящей поездки в Лондон он постарается сделать все, что сможет ¹²⁷.

Наконец, 17 июня 1814 г. во время визита Александра I в Англию А. Галлатин и Л. Гаррис добились специальной царской аудиенции. Следует сказать, что и американские уполномоченные, и Лафайет, и руководители правительства США (в частности, Д. Мэдисон и Д. Монро) в официальных и частных письмах необычайно лестно, или, вернее, льстиво отзывались о русском императоре как о «миротворце и освободителе Европы», «друге США», «выдающемся государе» и т. п. Следует признать, что «благородный» Александр I действительно умел очаровать посетителей и в то время все еще продолжал разыгрывать в Европе «роль героя либерализма» ¹²⁸. Не удивительно поэтому, что и Лафайет и А. Галлатин с восторгом отзывались о своих встречах с русским самодержцем, оказавшимся в результате героической борьбы русского народа в ореоле победителя Наполеона. Впрочем, «милостивый царь» не слишком обнадеживал американских представителей, хотя и заверял в своем неизменном расположении к Соединенным Штатам. «Англия не допустит вмешательства в ее спор с вами третьей стороны,— заявил Александр I при встрече с А. Галлатином и Л. Гаррисом.— Это связано с вашим прежним положением по отношению к ней (колониальное состояние), о чем не забыто» ¹²⁹.

На второй день после этой встречи А. Галлатин в соответствии с договоренностью обратился к царю с официальной нотой, в которой выражал надежду, что в результате содействия России Соединенным Штатам все же удастся склонить британский кабинет к примирению, «хотя значительные вооруженные приготовления Англии, особенно посылка в Америку сухопутных войск,

¹²⁷ Лафайет — У. Крауфорду, 26 мая 1814 г.— А. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 623—624.

¹²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 511.

¹²⁹ А. Галлатин — Д. Монро, 20 июня 1814 г.— А. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 633.

в момент, когда должны открыться переговоры, заставляют подозревать, что эта держава хочет мира лишь на неприемлемых условиях». В прочувствованных выражениях на изысканном французском языке А. Галлатин¹³⁰ писал в заключение, что даже, если попытки императора окажутся безрезультатными, Америка навсегда сохранит признательность за это и ряд других доказательств его дружественного расположения¹³¹.

Не оставляли надежд на поддержку России американские представители и после начала официальных переговоров в Генте 1 августа 1814 г. Так, например, в сентябре 1814 г. поверенный в делах США в С.-Петербурге Л. Гаррис, по отзыву И. А. Ведемейера, «говорил с некоторым беспокойством о худом положении их дел на конгрессе, собранном в Ганте», и просил русское правительство сделать в их пользу «новые домогательства»¹³².

Все это время позиция английской дипломатии оставалась, однако, жесткой и непреклонной. Уже сам выбор в качестве места проведения переговоров с США провинциального бельгийского городка — Гента свидетельствовал о стремлении британского кабинета полностью оградить их от всякой возможности иностранного влияния. «Я не удивился, что император спросил — почему Гент? и почему Готтенбург? — писал Д. К. Адамс. — На эти вопросы может ответить только английское правительство... мы больше предпочли бы вести переговоры в С.-Петербурге»¹³³.

Даже на известном расстоянии Россия внушала английским министрам большие опасения. Не случайно поэтому англичане всячески стремились создать на Венском конгрессе представление о своей умеренности и стремлении к миру с США. 27 сентября 1814 г. премьер-министр Ливерпуль писал Кэстльри в Вену: «Я опа-

¹³⁰ По происхождению он был швейцарцем и до конца жизни по-английски изъяснялся с сильным акцентом.

¹³¹ А. Галлатин — Александру I, 19 июля 1814 г. — A. Gallatin. Writings, Vol. I, p. 629—631 (англ. перевод); франц. оригинал см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 1657, лл. 3—4.

¹³² И. А. Ведемейер — К. В. Нессельроде, 8 (16) сентября 1814 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7953, л. 76.

¹³³ Д. К. Адамс — Л. Гаррису, 9 июля 1814 г. — J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 58.

саюсь, что русский император наполовину американец, и было бы очень желательно рассеять любые предрассудки, которые могут существовать у него или у графа Нессельроде по этому вопросу»¹³⁴.

Хотя никакого прямого вмешательства русское правительство не предприняло, сам ход Венского конгресса и резкое обострение противоречий между недавними союзниками не могло не оказывать существенного влияния на переговоры в Генте. Для того чтобы успешно противостоять России и Пруссии в Вене, Англии необходимо было как можно скорее довести до конца переговоры в Генте и покончить с затянувшейся войной в Америке. Характерно в этой связи, что на решающем, заключительном этапе переговоров, когда английское правительство решило отказаться от территориальных притязаний к США, оно прямо ссылалось в числе других причин на неудовлетворительное состояние переговоров в Вене¹³⁵.

После сложных и длительных переговоров 24 декабря 1814 г. был, наконец, подписан Гентский мирный договор, который скорее обходил молчанием, чем разрешал спорные вопросы, вызвавшие войну 1812 г. (вопрос о границах, свободе морей, правах нейтральных государств и т. д.). Договор предусматривал, в частности, взаимный отказ от захваченной территории (ст. 1-я), возвращение пленных (ст. 3-я), прекращение военных действий против индейцев (ст. 9-я), обязательство принять решительные меры к прекращению работорговли (ст. 10-я) и т. д. Были образованы смешанные комиссии для определения границ¹³⁶.

Таким образом, основное содержание договора сводилось к простому прекращению военных действий и восстановлению старых границ.

Начиная войну 1812 г., правящие круги США не сомневались в том, что им без особого труда удастся захватить Канаду и добиться коренного изменения депотической политики Великобритании на море. Осенью

¹³⁴ А. Т. Mahen. The Negotiations at Ghent in 1814.— AHR, Vol. XI, N 1, Oct. 1905, p. 78.

¹³⁵ Ливерпуль — Кэстльри, 18 ноября 1814 г.— Н. Adams. Op. cit., Vol. IX, p. 42.

¹³⁶ Н. Millar (ed.). Treaties..., Vol. II, p. 574—584.

1814 г. они уже были довольны, что дело обошлось в конце концов без территориальных потерь со стороны Соединенных Штатов. Свою независимость американскому народу отстаивать удалось, но от всяких попыток изменить позицию Великобритании в вопросе о нейтральном мореплавании и торговле пришлось отказаться.

Комментируя заключение Гентского договора, Л. Гаррис в секретном сообщении И. Ведемейеру 8(20) января 1815 г. отмечал: «Условия мирного договора между Соединенными Штатами и Англией, подписанного 24 декабря 1814 года, основаны на принципе *status quo ante bellum*. Все вопросы морского права по взаимному согласию оставлены в стороне... Ни та, ни другая сторона не сделали территориальных уступок, но определенные места прежней границы подлежат рассмотрению уполномоченных, которые будут назначены обеими державами, и в случае, если они не придут к согласию, спорные вопросы будут переданы на решение дружественного монарха». В заключение Л. Гаррис от имени Соединенных Штатов вновь выражал признательность русскому правительству за предложение посредничества, которое, несмотря на совершенно разное отношение к нему воюющих сторон, «без сомнения, содействовало успеху»¹³⁷.

Содействие русской дипломатии оказывалось необходимым для Соединенных Штатов и в дальнейшем. Отметим, в частности, что летом 1815 г. американский поверенный в делах обратился к И. А. Ведемейеру с просьбой оказать через русского посланника в Константинополе А. Я. Италинского помощь уполномоченным США для заключения мира с алжирцами¹³⁸.

Вслед за Гентским договором последовало заключение с Англией торговой конвенции 1815 г., соглашения

¹³⁷ Л. Гаррис — И. А. Ведемейеру, 8 (20) января 1815 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3348, лл. 6—7.

¹³⁸ См. письма Л. Гарриса И. А. Ведемейеру и А. Я. Италинскому от 27 июля (8 августа) 1815 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 3348, лл. 14, 16. На л. 15 имеется помета, свидетельствующая о том, что обращение Л. Гарриса отправлено А. Я. Италинскому в Константинополь с письмом от 2 (14) августа. Месяц спустя А. Я. Италинский сообщал о первых шагах, предпринятых им в этой связи в Константинополе (А. Я. Италинский — Л. Гаррису, 2 (14) сентября 1815 г. — Там же, д. 3349, л. 3).

о демилитаризации Великих озер 1817 г., конвенции 1818 г. о рыболовстве в Северной Атлантике, разграничении на севере и так называемом «совместном владении» Орегоном. Долгое время оставался открытым вопрос о толковании ст. 1-й Гентского договора относительно эвакуации английских войск с территории США. Так как обе стороны не смогли прийти к соглашению, в начале 1820 г. по предложению американского посланника в Лондоне Р. Раша и с согласия английского правительства было решено передать этот спор на третейское решение Александра I (в соответствии со ст. 5-й конвенции 1818 г.).

Обращение к Александру I выглядело со стороны довольно «забавным» (*whimsical* — по выражению Д. К. Адамса), поскольку обе говорящие по-английски державы просили помощи русского царя для определения точного смысла текста, который они сами написали. В результате грамматического разбора текста ст. 1-й Гентского договора русское правительство признало более основательной точку зрения США. 30 июня (12 июля) в С.-Петербурге при посредничестве России была подписана конвенция в соответствии с решением Александра I в отношении действительного содержания ст. 1-й Гентского договора¹³⁹.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о позиции России в период англо-американской войны 1812—1815 гг., можно констатировать, что в конечном счете, несмотря на то, что русское посредничество было отклонено Англией, позиция России способствовала примирению сторон и сыграла положительную роль для США. Отклонив русское посредничество, в то же время Англия, учитывая ясно выраженное желание России видеть окончание англо-американской войны, согласилась на ведение прямых переговоров. В дальнейшем позиция России явилась существенным фактором, оказавшим благоприятное для США влияние как на ход переговоров в 1814 г. в Генте, так и при урегулировании спора о толковании ст. 1-й Гентского договора в 1822 г.

¹³⁹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов, т. XI, стр. 289—299.

Расширение культурных связей и отношение общественности США к Отечественной войне 1812 г.

Русско-американское сближение в первой половине 10-х годов XIX в. охватило не только сферу дипломатических и торговых отношений, но и получило выражение в значительном расширении научных и культурных связей. Д. К. Адамс и Л. Гаррис в России, так же, как А. Я. Дашков, Ф. П. Пален и Н. Я. Козлов в Америке (в еще большей степени это относится к А. Г. Евстафьеву, П. И. Полетике и П. П. Свиныну) выполняли не только собственно дипломатические и консульские функции, но в известном смысле были, так сказать, культурными послами, которые в определенной мере способствовали развитию научных, литературных и общественно-политических контактов между русским и американским народами.

Внимательно изучая положение в Соединенных Штатах, русские представители проявляли интерес к успехам американского сельского хозяйства и промышленности, а также к важнейшим техническим изобретениям, сделанным в Америке. Так, в январе 1811 г. А. Я. Дашков подробно информировал Н. П. Румянцева о сельскохозяйственных культурах, распространенных в Соединенных Штатах, и сообщал о посылке зерен винограда и семян других растений для разведения в России¹. Позднее А. Я. Дашкову удалось достать

¹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 6 января 1811 г. — ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 72, лл. 1—2; Реестр североамериканским растениям. — Там же, лл. 3—4. Еще ранее семена хлопка в С.-Петербург переслал Ф. П. Пален (см. Ф. П. Пален — Н. П. Румянцеву).

хлопкоочистительную машину, которая, по его словам, принесла «успех» торговле Соединенных Штатов и «могла бы произвести такой же результат на юге России»².

Как А. Я. Дашков, так и особенно П. П. Свиньин выступали активными пропагандистами «стимботов», а через Д. К. Адамса в С.-Петербурге уже с октября 1812 г. начались официальные переговоры об использовании изобретения Р. Фултона в России. Их результатом явилось подписание в декабре 1813 г. указа о выдате Р. Фултону привилегии на строительство пароходов в России при условии выполнения им ряда обязательств, включая представление соответствующей технической документации³. Настойчиво рекомендовали различные американские изобретения А. Я. Дашков, А. Г. Евстафьев, П. П. Свиньин и в дальнейшем⁴.

Большое значение для развития контактов американских научных учреждений (в первую очередь Философского общества в Филадельфии, Академии искусств и

ву, 13 (25) декабря 1810 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12163, лл. 103—104).

² См. докладную записку А. Я. Дашкова К. В. Нессельроде о деятельности в США за десять лет.— ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 102, л. 3, а также подробное описание хлопкоочистительной машины.— Там же, д. 104, лл. 1—2. В свою очередь в ноябре 1810 г. Д. К. Адамс направил в Вашингтон все сведения, которые ему удалось собрать относительно производства русской пеньки, в том числе соответствующие выписки из книг, рисунки с объяснениями и пр. См. Д. К. Адамс—Р. Смитю, 17 (29) ноября 1810 г., а также приложения «On the Culture and Preparation of Hemp in Russia», «On the Culture of Hemp».— NA, Diplomatic Despatches, Russia, Vol. I.

³ А. Я. Дашков—Н. П. Румянцеву, 4 января 1811 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9240, лл. 2—3; ПСЗРИ, т. XXXII, стр. 698; Д. К. Адамс—Р. Фултону, 29 января 1814 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. V, p. 12. Ввиду невыполнения Р. Фултоном условий указа 1813 г. и преждевременной смерти изобретателя 13 февраля 1815 г. права его наследников на получение привилегии в России были отменены. Подробно см. В. С. Виргинский. Роберт Фултон 1765—1815. М., 1965, стр. 214—251.

⁴ См., в частности, протокол заседания комитета министров от 6 (18) октября 1817 г. по поводу записки А. Г. Евстафьева о машинах, привезенных им из Америки, а также представления А. Я. Дашкова К. В. Нессельроде от 29 августа (10 сентября) 1819 г. о изобретенном Томасом Бэрри автомате (fusil à dix coups) и т. д. (ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 128, лл. 136, 167—176; ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 94, лл. 3, 7 и др.).

наук в Бостоне и Гарвардского университета) с Петербургской академией наук, Медико-хирургической академией, Московским обществом любителей естествознания и т. д. имела активная деятельность Д. К. Адамса и Л. Гарриса.

Судя по дневниковым записям, Д. К. Адамс неоднократно лично встречался с членами Петербургской академии наук (Г. Тилезусом, Н. Фуссом, Б. Германом, Ф. Шубертом), выдающимся русским мореплавателем И. Ф. Крузенштерном, графом Лавалем, директором инженерного института Бетанкуром, обменивался различными изданиями, посещал музеи и специальные научные учреждения.

Хотя в науке американский посланник оставался всего лишь дилетантом, он, тем не менее, и в этой области (как и в дипломатии) не останавливался перед проявлением личной инициативы. Так, узнав из литературы, что профессор Ф. Шуберт проводил наблюдения кометы 1807 г., Д. К. Адамс по собственной инициативе посетил его 28 января 1811 г. и подарил «Записки Американской академии искусств и наук», в которых был опубликован отчет об аналогичных наблюдениях Боудвича в Соединенных Штатах⁵.

При посещении Морской академии и некоторых других учебных заведений большое впечатление на Д. К. Адамса произвел высокий уровень математического образования. По его наблюдениям, в России «занятиям по математике уделяется гораздо больше внимания», чем в Америке, и даже девушки получают больше, чем он, математических знаний⁶.

При отъезде из Бостона Д. К. Адамс получил от Д. Дейвиса ящик с коллекцией североамериканских камней, который он передал Обществу любителей естествознания при Московском университете. 30 апреля 1810 г. в число почетных членов этого научного учреждения были избраны Д. Уиллард (вице-президент Американской академии и президент Бостонского университета), а также отец американского посланника Д. Адамс. Членами этого общества стали также Д. Дейвис и

⁵ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 220.

⁶ John Quincy Adams and Russia, p. 42.

Д. К. Адамс⁷. Несколько позже, в июне 1811 г., к американскому посланнику обратился К. Эттер с просьбой переслать в Соединенные Штаты собранную им коллекцию русских минералов. По рекомендации Д. К. Адамса эта коллекция, состоявшая из 64 предметов, была направлена в Американскую академию искусств и наук в Бостоне. В свою очередь К. Эттер получил из США образцы американских минералов⁸.

В ноябре 1812 г. связи Бостонской академии с Россией были закреплены избранием в ее состав таких видных ученых, как Г. Фишер, Н. Фусс и Ф. Шуберт. Несколько ранее, 19 августа 1812 г. членом Академии стал также К. Эттер⁹.

Значительный интерес представляет также установление первых прямых контактов между американскими врачами и русской Медико-хирургической академией в С.-Петербурге, основанной в 1798 г. Сначала д-р Ш. Рикетсон, а затем известный американский ученый медик Бенджамин Раш переслали через Д. К. Адамса свои труды для императора Александра I. В феврале 1812 г. Б. Рашу было сообщено, что он избран в состав Медико-хирургической академии в С.-Петербурге¹⁰.

Как видно из содержания писем Л. Гарриса и Д. К. Адамса в адрес Философского общества в Филадельфии, а также Академии искусств и наук в Бостоне, все эти годы между США и Россией происходил довольно регулярный и очень плодотворный обмен научными изданиями¹¹. Особую заботу Д. К. Адамс проявлял к комплектованию фондов библиотеки Гарвардского университета, профессором которого он в свое время состоял. Показательно в этой связи, что 11 апреля

⁷ John Quincy Adams and Russia, p. 50. По возвращении из США почетным членом Общества любителей естествознания был избран А. Я. Дашков. См. диплом общества от 15 (27) марта 1824 г. за подписью Г. Фишера (ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 96, л. 2).

⁸ John Quincy Adams and Russia, p. 49.

⁹ E. Dvoichenko-Markov. The Russian Members...— PAPS, Vol. 109, N 1, p. 56.

¹⁰ E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society...— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 566. Позднее, 20 апреля 1821 г., членом Американского философского общества стал президент русской Медико-хирургической академии Я. В. Виллие.

¹¹ Ibid., p. 590—592.

1810 г. американский посланник специально побывал у Г. Тилезуса и просил помочь достать ему для пополнения этой библиотеки все тома трудов Петербургской академии наук¹². Весьма усердно он занимался и распространением в России «Записок Американской академии искусств и наук», о чем сообщил, в частности, в письме от 21 мая 1811 г.¹³

В общей сложности Д. К. Адамс приобрел в С.-Петербурге около 300 книг, и среди них в первую очередь заслуживают быть отмеченными «Путешествие вокруг света» И. Ф. Крузенштерна на немецком языке¹⁴, лично подаренное посланнику автором книги, а также известное сочинение П. С. Палласа «*Flora Rossica*», которое ему с большим трудом и за значительную сумму удалось достать для Гарвардского колледжа¹⁵. Чаще всего, однако, как Л. Гаррис, так и Д. К. Адамс посылали в Соединенные Штаты разнообразные словари, грамматики и специальные труды по русскому языку¹⁶.

Отмечая заслуги Д. К. Адамса в развитии научных и культурных контактов между Соединенными Штатами и Россией, остается только пожалеть, что ни он, ни секретарь миссии А. Эверетт (впоследствии известный литератор и редактор крупного журнала) не проявили достаточной настойчивости и терпения, чтобы овладеть русским языком. Между тем времени для его изучения у Д. К. Адамса было более чем достаточно — только на посту посланника в России он находился более четырех с половиной лет (не считая своего пребывания в С.-Петербурге в 1781—1782 гг.). Все эти годы он тщательно записывал подробные данные о погоде, вел систематический учет своей корреспонденции и расходов, состав-

¹² J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol. II, p. 115.

¹³ E. Dvoichenko-Markov. *The Russian Members...—PAPS*, Vol. 109, N 1, p. 54.

¹⁴ A. J. von Krusenstern. *Reise um die Welt in den Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806. Erster Teil*. St. Petersburg, 1810.

¹⁵ John Quincy Adams and Russia, p. 42, 46.

¹⁶ Интересно отметить, что в списке книг, приложенном к одному из писем Д. К. Адамса президенту Гарвардского университета С. Уэбберу, под № 6 значится сочинение Каржавина (*ibid.*, p. 47). Речь идет о книге Е. Н. Каржавина, изданной Ф. В. Каржавиным в С.-Петербурге в 1789 г. и 1791 г. в исправленном и дополненном виде («*Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*. Publ., corr. et augm. par Phéodore Karjavine»).

лял бесчисленные таблицы различных мер и весов, употребляемых в России и других странах. (Результаты последнего увлечения очень пригодились при составлении им в 1821 г. по предложению конгресса США «доклада о весах и мерах», в котором в полной мере проявилась его поразительная эрудиция в этом вопросе) ¹⁷.

Трудно предугадать, какие важные последствия могли бы произойти, если бы Д. К. Адамс, А. Эверетт, А. Галлатин или какой-либо другой из известных политических и общественных деятелей Соединенных Штатов, побывавших в то время в России, хотя бы часть своего времени и энергии употребили на изучение лучших достижений русской литературы и на ознакомление с ними американской общественности. Напомним, что уже в то время эта литература была представлена такими именами, как М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский и др., а с 1814—1815 гг. засиял блистательный талант молодого А. С. Пушкина. Вообще говоря, Д. К. Адамс и тем более А. Эверетт не были, конечно, чужды литературным интересам. Известно, например, что американский посланник знакомился с сочинениями на латинском и греческом языках и¹ особенно любил басни. (За время пребывания в С.-Петербурге он приобрел около пяти собраний басен на французском языке.) И тем обиднее, что Д. К. Адамс, по-видимому, даже не знал о существовании И. А. Крылова, хотя уже первая книга его басен, вышедшая в 1809 г., пользовалась в России совершенно исключительным успехом ¹⁸.

В результате американский посланник, сумевший очень быстро завоевать расположение русского царя и установить дружеские отношения с канцлером Н. П. Румянцевым, в то же время оказался в изоляции от широких кругов русской общественности и в первую очередь передовых литераторов.

Совсем иначе в этом смысле складывалась деятельность русских коллег Д. К. Адамса в Соединенных Штатах и, в частности, их связи с американской общественностью, о чем нельзя не сказать подробнее. До послед-

¹⁷ John Quincy Adams and Russia, p. 50—51.

¹⁸ Ibid., p. 44 ff.

него времени о позиции общественности США в отношении России практически почти ничего не было известно. Считалось, что само исследование этого вопроса вряд ли возможно в связи с отсутствием в наших библиотеках американской прессы первой половины XIX в. и других необходимых документальных материалов. Дополнительные поиски в библиотеках и архивах Москвы и Ленинграда выявили, однако, ряд ценных источников, на основе которых оказалось возможным достаточно обстоятельно осветить как отношение различных кругов американской общественности к России и Отечественной войне 1812 г., так и большую и полезную общественно-политическую деятельность, которую провели в США в первой половине десятых годов XIX в. русский консул в Бостоне А. Евстафьев, секретарь генерального консульства в Филадельфии П. Свиньин, советник посольства П. Полетика и др.¹⁹

В начале XIX в. о России и русском народе еще очень мало знали даже в основных европейских странах, не говоря уже о Соединенных Штатах. В общественном мнении на Западе широкое распространение получили разного рода небылицы и предрассудки как результат плохой информации и заведомых инсинуаций. Высшими авторитетами признавались иностранцы, побывавшие некоторое время в России и опубликовавшие затем свои поверхностные и часто совершенно необъективные наблюдения. Характерным примером в этом отношении может служить обширнейший труд Э. Д. Кларка, который получил широкую известность как в Европе, так и в Америке²⁰.

Отсутствие объективной информации о России, естественно, наносило серьезный ущерб не только форми-

¹⁹ Один из фрагментов настоящего раздела опубликован нами в журнале «Новая и новейшая история», 1962, № 6.

²⁰ См. E. D. Clark. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*, Vol. I—VI. London, 1810—1823. Том 1, посвященный в основном России, неоднократно переиздавался, а также был переведен на французский и немецкий языки. Богатейшая коллекция старинных иностранных изданий о России хранится в ГПБ в Ленинграде (коллекция «Rossica»). Состав этого фонда отражен в специальном указателе: *Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg Catalogue de la Sec. des Rossica ou'Ecrits sur le Russie en Langues Etrangères*, 2 vols. St. Pétersbourg, 1873.

рованию общественного мнения США, но и развитию русско-американских отношений в целом. Не случайно в этой связи А. Я. Дашков в донесениях в С.-Петербург жаловался на то, что вашингтонское правительство относится с известным безразличием к развитию отношений с Россией. Причины этого безразличия посланник усматривал в национальных предрассудках, незнании действительных ресурсов России и выгод от торговых связей между обеими странами²¹.

Именно поэтому небольшой «русской колонии» в Америке, возникшей после установления дипломатических и консульских отношений между Россией и США, пришлось провести в первой половине 10-х годов XIX в. огромную работу, чтобы хоть в какой-то степени ознакомить общественность с положением внутри Российской империи, ее ресурсами, обычаями и культурой русского народа и т. п. Сообщая о первых шагах, предпринятых в этом направлении, А. Я. Дашков обращал внимание на выход в Соединенных Штатах трех специальных публикаций о России. Первая представляла собой литературное сочинение (трагедию) А. Г. Евстафьева с приложением «Собрания анекдотов» о Петре I, изданного впоследствии в виде специальной книги²². Кроме того, в приложении к одной из влиятельных филаделфийских газет был помещен портрет Александра I работы известного американского художника, пользовавшегося консультацией П. П. Свинына, а также заметка о русском правительстве, вызвавшая, по отзыву А. Я. Дашкова, большой интерес читателей газеты и рост числа ее подписчиков. Наконец, последняя брошюра, о которой упоминал А. Я. Дашков, принадлежала перу П. И. Полетики и представляла собой оттиск из распространенного в федералистских кругах журнала. Ее автор давал подробный критический разбор тенденциозной книги д-ра Кларка и тем самым способствовал созданию у американцев более правильного представления о России²³.

²¹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 10 (22) декабря 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12168, лл. 261—264.

²² A. Eustaphieff. Reflections, Notes and Original Anecdotes Illustrating the Character of the Peter the Great. Boston, 1814.

²³ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 26 февраля (9 марта) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12168, л. 34.

Большую ценность для научной общественности США представлял интереснейший подарок, сделанный в начале 1812 г. Американскому философскому обществу П. И. Полетикой,— редкий экземпляр «Русской правды» — первого из дошедших до нас древнейших сводов русских законов, относящегося к XI в.²⁴

Другой ценный подарок — «Пантеон русских писателей» Н. М. Карамзина — Американское философское общество получило от П. П. Свинына, который специально перевел на английский язык краткий биографический очерк, посвященный М. В. Ломоносову²⁵.

Подробному ознакомлению американской общественности с условиями жизни в России, обычаями и традициями народа, внешним обликом Москвы и С.-Петербурга призвана была служить оригинальная книга П. П. Свинына, изданная в Филадельфии в 1813 г.²⁶ Ссылаясь на пример д-ра Кларка, П. Свинын призывал читателей не доверять поверхностным свидетельствам иностранцев, ради занимательности публиковавших часто всякого рода домыслы. Такие «очевидцы», по его словам, увидев зимой костры на улицах, посмеивались над «глупостью» русских, которые надеются согреть воздух. Автор книги выступал активным пропагандистом сближения между Россией и США²⁷. Значительный интерес для иностранных читателей представляли красочные описания Москвы и С.-Петербурга, наблюдения автора об условиях жизни в России, казаках, Кавказе и т. д.

²⁴ Текст соответствующей протокольной записи от 17 января 1812 г. см. E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society...— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 570. Позднее, в 1822 г., П. И. Полетика был избран в состав иностранных членов Общества (ibid., p. 610).

²⁵ П. П. Свинын — Американскому философскому обществу, 18 октября 1812 г.— E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society...— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 595—596.

²⁶ P. Svenin. Sketches of Moscow and St. Petersburg. Philadelphia, 1813. Книга была иллюстрирована оригинальными рисунками, сделанными с натуры. Следует отметить, что П. Свинын являлся членом Академии художеств в С.-Петербурге (см. ГПБ, ф. 679, д. 10, л. 1). Приехав в Америку, П. Свинын установил контакт с Академией художеств в Нью-Йорке и стал ее почетным членом. Тем самым между академиями обеих стран были установлены первые прямые связи.

²⁷ P. Svenin. Op. cit., p. 2.

Особого внимания заслуживает литературная и общественная деятельность в Соединенных Штатах русского консула в Бостоне А. Г. Евстафьева. Личность Алексея Григорьевича Евстафьева почти не привлекала к себе внимание исследователей, и в литературе сохранилось лишь немного отрывочных, а подчас и противоречивых биографических данных. Между тем А. Г. Евстафьеву, так же, как его коллегам П. И. Полетике и П. П. Свиныну, а еще ранее Ф. В. Каржавину, по праву принадлежит одно из самых видных и почетных мест в истории первых русско-американских культурных и общественно-политических связей.

Широкую известность в Западной Европе и Америке в начале 10-х годов XIX в. завоевала его интересная книга о ресурсах России в случае войны с Францией, в которой автор на основе тщательного анализа статистических материалов и истории предшествовавших войн приходил к выводу о способности русских успешно отразить нападение неприятельской армии. Книга Евстафьева неоднократно переиздавалась как в Соединенных Штатах, так и в Англии и служила предметом острой полемики на страницах печати²⁸. Возражая своим оппонентам, А. Евстафьев опубликовал в Бостоне специальную брошюру, в которой едко высмеивал «поразительное невежество д-ра Кларка и эдинбургских рецензентов в отношении положения в России»²⁹.

Понятно, что далеко не во всем можно полностью согласиться с А. Евстафьевым и П. П. Свиныным. Их описание условий жизни в России выглядит в ряде случаев явно идеализированным, но в целом оно, несомнен-

²⁸ Мы пользовались вторым бостонским изданием (1813 г.), а также знакомились с несколькими более ранними изданиями книги в Лондоне (A. Eustaphievs. The Resources of Russia in the Event of a War with France with a Short Description of the Cozaks. 2nd ed., corrected and improved with an appendix, containing a sketch of the campaign in Russia. Boston, 1813; I dem. The Resources of Russia..., 3d ed. London, 1813).

²⁹ Reply to the Edinburgh Reviewers. By the author «The Resources of Russia» etc. Boston, 1813, p. 6. Брошюра явилась, по всей видимости (у А. Евстафьева нет точной ссылки), ответом на пространную рецензию, опубликованную на страницах популярного в то время журнала «The Edinburgh Review or Critical Journal», Vol. XXI, N 41, Feb. 1813... July 1813, p. 219—252.

но, было куда более достоверным, чем «ученые труды» доктора Кларка и его коллег.

Великий подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 г. со всей очевидностью показал всему миру огромные потенциальные силы России, ускользавшие ранее от поверхностных взоров западных «вояжиров», и вполне подтвердил прогноз, данный в упомянутой выше книге А. Евстафьева.

События, происходившие в 1812 г. в России, затрагивали судьбы не только нашей страны. От исхода битв на полях России во многом зависели судьбы Европы, а в конечном итоге — и всего мира. Своей великой победой русский народ нанес сокрушительный удар авантюристическим претензиям Наполеона на мировое господство, и широкие общественные круги многих стран выражали искреннюю радость по поводу поражения наполеоновских войск³⁰. Успехи русского оружия активизировали борьбу угнетенных народов Европы против французского господства³¹. Каждое новое сообщение об этих успехах укрепляло их веру в свое освобождение.

Не удивительно поэтому, что героическая борьба русского народа привлекала внимание всей Европы. И не только Европы. За развитием событий в России пристально следили и в далекой Америке. Для того чтобы правильно понять отношение общественности США к Отечественной войне 1812 г., необходимо учитывать влияние целого ряда сложных и противоречивых факторов. Прежде всего следует напомнить, что с 18 июня 1812 г. США находились в состоянии войны с Англией, основной союзницей России в борьбе с Наполеоном. В то же время собственно русско-американские отношения, как уже подробно говорилось, не только не были

³⁰ См. публикацию М. Радецкого и Н. Гороховой «1812 год: мир приветствовал великую победу русского народа». — «Международная жизнь», 1962, № 8, стр. 154—158; Н. Г. Гуткина. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года. — «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 84—91.

³¹ См. материалы сессии Комиссии историков СССР и ГДР, посвященной 150-летию освободительной войны 1813 года в Германии (доклады Н. М. Дружинина и А. Л. Нарочницкого опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1964, № 4), статью А. Г. Власкина («Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 72—83) и другие работы.

прерваны, но продолжали развиваться в благожелательном плане, и именно от России США рассчитывали в дальнейшем получить поддержку на мирных переговорах.

Значительный ущерб правильному представлению о России и русском народе был нанесен враждебной пропагандой и ошибочными представлениями, издавна существовавшими в западной литературе. Поскольку в то время обычно не проводилось никакого различия между царским самодержавием и русским народом, враждебные оценки в адрес России часто исходили из кругов, которые в целом были настроены довольно прогрессивно. Наконец, при анализе позиции американского общественного мнения очень важно принимать во внимание партийную борьбу и расстановку классовых сил внутри самих Соединенных Штатов. Понятно поэтому, что в оценках событий Отечественной войны 1812 г. в Америке с самого начала существовали значительные разногласия.

Показательны в этой связи уже первые отклики в США на известия о Бородинском сражении и о последующем оставлении Москвы. Филадельфийская «Аврора», как обычно, занимала явно профранцузскую позицию и была не в состоянии объективно оценить обстановку. В номере от 10 ноября 1812 г. ее издатель У. Дуан опубликовал пространную статью со спекулятивными рассуждениями по поводу разгрома России и возможном заключении мира. В случае захвата Москвы автор статьи считал неизбежным, что «русская нация примет другой характер и подвергнется разделу». Он предвидел также в этой связи перемещение «варварских легионов» русских войск с берегов Волги к Ламаншу³².

Месяц спустя, 8 декабря 1812 г. полуофициальный орган «Нэшенл интеллидженсер» даже перепечатал тенденциозную статью Коббетта, в которой ехидно отмечалось: «Наполеон приближается к Москве. Возможно, что он теперь уже там; и все же говорят о храбрости и патриотизме русских». Ничего не поняв в своеобразной тактике русской армии, Коббетт восхищался Наполеоном, «который сделал после того, как в последний раз

³² «Аурога», Nov. 10, 1812.

покинул Париж, больше, чем величайшие из известных в истории завоевателей за всю жизнь», и не видел ни малейшей возможности, чтобы в России ему что-либо помешало³³.

Нападки Дуана и Коббетта на Россию не остались без ответа. В газетах появились протестующие письма читателей, а 3 декабря 1812 г. «Бостон газетт» опубликовала специальную статью «Коббетт и Дуан против России», в которой давался решительный отпор все усиливавшимся с начала войны 1812 г. попыткам филадельфийской «Авроры» очернить Россию³⁴.

Во многих американских газетах, особенно печатавшихся в Новой Англии («Бостон газетт», «Уикли мессанджер» и др.) систематически публиковались объективные и благожелательные в отношении России комментарии. Так, в издававшемся Джеймсом Катлером еженедельнике «Уикли мессанджер» 20 ноября 1812 г. вслед за кратким сообщением о Бородинском сражении была помещена большая статья под заглавием «Состояние войны в России», в которой предлагалось не доверять французским сообщениям. Автор статьи писал: «Они (т. е. русские.— Н. Б.) могут отступить, и Наполеон может вступить в Москву; но разве они не отступали раньше? Разве их армии были разбиты во время отступления? Именно эти армии, а не Москву он (Наполеон.— Н. Б.) должен завоевать, чтобы надеяться на успешное выполнение своих рискованных планов»³⁵.

Весьма подробный отчет о Бородинском сражении поместила «Бостон газетт». Сражение 7 сентября 1812 г. газета называла «самой кровопролитной битвой, которая когда-либо происходила в современной Европе». Хотя в официальном французском бюллетене признавалась потеря только 10 тыс. человек, однако, сравнивая это признание с предшествующими явно заниженными данными, автор статьи приходил к выводу, что потери Наполеона убитыми и ранеными составляют по крайней мере 50 тыс. человек³⁶, и он был, как мы знаем, недалек от истины.

³³ «The National Intelligencer», Dec. 8, 1812.

³⁴ «The Boston Gazette», Dec. 3, 1812.

³⁵ «The Weekly Messenger», Nov. 20, 1812.

³⁶ «The Boston Gazette», Dec. 3, 1812.

В целом осень 1812 г. принесла в США много самых различных сообщений из далекой России: отступление русской армии, кровопролитное сражение на Бородинском поле, оставление Москвы и, наконец, грандиозный пожар в древней столице. Ложь хвастливых французских бюллетеней, инсинуации Дуана и насмешки Коббетта, понятно, сильно затрудняли правильную оценку характера и значения происходивших событий. Тем не менее даже в этих условиях в США нашлись люди, которые смогли ясно оценить подлинный смысл событий и твердо верили в непобедимость героического русского народа. Одно из таких свидетельств нельзя не воспроизвести: оно волнует и трогает сердце и сейчас — спустя более 150 лет после его написания. Речь идет о письме Джозефа Хопкинсона из Филадельфии русскому посланнику в США А. Я. Дашкову. «Москва захвачена, но нация не обескуражена. Народ, который может своими собственными руками сжечь древний и великолепный город, ...который может положить горящий факел во дворцы своих князей и храмы своего бога, который может оставить и разрушить жилища своих предков и родные дома, — такой народ должен быть непобедимым».

«Какое беспримерное великодушие!.. Какая блистательная жертва! — восклицал автор. — Как мало значит все величие Наполеона в сравнении с этим единственным подвигом». «Москва в своей великолепии была гордостью России, а в языках своего пламени она стала ее *славой*».

«В этот час Россия завоевала больше подлинного, непреходящего величия, чем Франция всеми своими победами и завоеваниями», — писал Д. Хопкинсон и в заключение выражал твердую уверенность в окончательной победе русского народа над Наполеоном³⁷.

Сообщения о блестящих победах русской армии над Наполеоном и его изгнании из России, пришедшие в США в начале 1813 г., произвели на американцев огромное впечатление. Описывая первую реакцию в Америке на эти сообщения, генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов писал в середине января 1813 г.:

³⁷ Д. Хопкинсон — А. Я. Дашкову, 11 декабря 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12168, лл. 271—272.

«Известие сие произвело в здешних умах величайшее впечатление... В газетах здешних эти вести напечатаны были под заголовком «Des nouvelles glorieuses», титл, который не был дан и самим успехам американцев над англичанами... Коварные здесь внушения неприятелей наших были доселе весьма деятельны... обратились ныне в посрамление французской партии, споспешествовали к вящему утверждению мнения о действительном могуществе нашем и заставили удивляться твердости духа, с каковым сделаны нами величайшие пожертвования для отражения неприятеля. Созжжение Москвы чрезмерно поразило здешних жителей. Здесь думали, что за вступлением французов в сию столицу мы решимся на все их предложения»³⁸.

«Действие, которое произвели у американцев сии новости,—сообщал две недели спустя А. Я. Дашков из Вашингтона,—почти невероятно... Все внушения французских проныр и сочинителей разного рода, которых издатели подряжены были клеветать Россию, исчезают так очевидно, как туманы при солнечном восходе...

Я получил письма из Бостона, из Нью-Йорка, из Филадельфии, в которых радостно меня уведомляют, что жители поздравляют друг друга с российскими победами, как будто бы со своими собственными—если не более!.. Народ американский,—отмечал далее русский посланник,—вместо совершенного покорения России видит ее торжествующую; ...вместо неопытных военачальников и новобранного войска видит искусство, мужество и достаточное образование к ниспровержению замыслов французских полководцев и к разрушению их армии, об успехах которых не смели здесь и сомневаться»³⁹.

Сообщения о победах русского оружия широко комментировались в американских газетах. В качестве примера можно сослаться на номер «Бостон газетт», в котором приводилось подробное описание русских побед

³⁸ Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 14 января 1813 г.— Там же, д. 2585, л. 2 и далее.

³⁹ А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 16 (28) января 1813 г.— АВПр, ф. Канцелярия, д. 12170, лл. 22—27. Частично опубликовано М. Радецким и Н. Гороховой в журнале «Международная жизнь», 1962, № 8.

и публиковалась статья «Американская свобода защищалась донскими казаками», принадлежавшая перу А. Г. Евстафьева⁴⁰.

Надо сказать, что русский консул в Бостоне опубликовал в американской печати большое число статей и заметок о войне 1812 г., и приходится только удивляться, сколь точно и обстоятельно он описывал ход военной кампании в России, находясь вдали от родины и пользуясь часто лишь информацией французских бюллетеней. Им были даны, в частности, обстоятельные и удивительно точные оценки Бородинской битвы, ее действительного значения для исхода войны 1812 г., стратегического замысла и тактики М. И. Кутузова, характера войны против Наполеона⁴¹ и т. д. Вместе с тем следует отметить, что, справедливо осуждая завоевательную политику Наполеона, А. Г. Евстафьев не был свободен от переоценки освободительного значения кампании 1813 г. Он не видел корыстных целей царского правительства и расточал непомерные похвалы «освободителю Европы» Александр I, что, однако, отчасти объяснялось официальным положением А. Г. Евстафьева как русского консула.

Отклики в США на войну 1812 г. не ограничивались лишь газетными статьями, высказываниями отдельных лиц, письмами в адрес русской миссии и т. д. Весной и летом 1813 г. в ряде городов США состоялись специальные торжества, на которых присутствовали многие

⁴⁰ «The Boston Gazette», Jan. 24, 1813.

⁴¹ Исключительная точность «предсказаний» и ценный фактический материал работ А. Г. Евстафьева заставили его бостонских издателей Монро и Френсиса обратиться к нему позднее с предложением опубликовать выдержки из его сочинений. Так появилась интересная сводная работа А. Г. Евстафьева, в которой наряду с отрывками из книг, брошюр и памфлетов автора собраны выдержки из его многочисленных статей в различных американских газетах, публиковавшихся обычно без подписи (см. *Memorable Predictions of the Late Events in Europe, Extracted from the Writings of Alexis Eustaphie, esquire. Boston, 1814*). Как и большинство других редких иностранных изданий о войне 1812 г., книги Евстафьева с собственноручной дарственной надписью хранятся в ГПБ в коллекции «Rossica» (см. также Н. М. Гольдберг. Указ. соч.). В этой коллекции имеется самое большое в мире собрание иностранных изданий о войне 1812 г. (свыше 1100 книг, брошюр и листовок). См. «Вопросы истории», 1962, № 6, стр. 208—212.

видные представители американской общественности, члены конгресса, известные адвокаты и др.

«Самым разительным,— по отзыву А. Я. Дашкова,— было празднование русской победы в Бостоне». За церковной службой в Stone Chapel 15 марта 1813 г. последовали торжественные речи и банкет. «Целый город выражал свой энтузиазм»⁴². Краткий отчет об этом торжестве был помещен в ведущих американских газетах и, в частности, в балтиморском еженедельнике Х. Найлса «Уикли реджистер»⁴³. Основное содержание отчета составляли тексты речей, произнесенных Отисом и Евстафьевым по случаю празднования русских побед. Заканчивая свое выступление, главный оратор д-р Отис от имени собравшихся заявил: «Давайте же приветствовать эти славные события как прелюдию к лучшим временам для нашей страны, так же, как для непосредственного дела счастья и свободы других»⁴⁴.

Подробное изложение всех деталей этого торжества содержалось в брошюре, изданной в том же 1813 г. На «фестивале» в Бостоне присутствовал недавно вернувшийся из С.-Петербурга молодой Александр Эверетт, сочинивший о сынах России, поднявшихся «из своих храмов и хижин» на борьбу «за свободу России и права человечества», специальную оду. Интересно отметить, что эта ода была написана на мотив («Апасгеон in Heaven»), послуживший спустя полтора года основой для американского гимна — «Усыпанное звездами знамя»⁴⁵.

Большое торжество по случаю русских побед над Наполеоном состоялось 5 июня 1813 г. в Джорджтауне (округ Колумбия). На нем присутствовало около 300 человек, включая многих видных общественных деятелей, сенаторов, членов палаты представителей, а также

⁴² А. Я. Дашков — П. П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1813 г. — АВГР, ф. Канцелярия, д. 12170, л. 254; см. также Н. Я. Козлов — П. П. Румянцеву, 1 мая 1813 г. — Там же, д. 2585, лл. 72—74.

⁴³ «The Weekly Register», Vol. IV, April 10, 1813, p. 89—91. Газета Найлса и ранее уделяла значительное внимание войне 1812 г., хотя в своих оценках России далеко не всегда была объективной. (Ibid., Vol. III, Dec. 19, 1812, p. 254—255).

⁴⁴ «The Weekly Register», Vol. IV, p. 90.

⁴⁵ Sketch of the Church Solemnities at the Stone Chapel and Festival at the Exchange, Thursday, March 25, 1813, in Honour of the Russian Achievements. Boston, 1813; John Quincy Adams and Russia, p. 19—20.

русского посланника А. Я. Дашкова и иностранных консулов⁴⁶. Открывая собрание, председательствующий Джордж Кастис призвал присутствующих выразить свою симпатию и солидарность по случаю разгрома Наполеона в России. В огне московского пожара, заявил оратор, завоеватель нашел «погребальный костер своему честолюбию»⁴⁷. Д. Кастис говорил, что России не следует останавливаться на достигнутом, а освободить народы Европы от наполеоновского господства. Он подчеркнул также, что имя Кутузова наряду с именем Вашингтона продолжит «список благородных героев», «освободителей своей страны и благодетелей человека»⁴⁸.

С основной речью на праздновании выступил Роберт Харпер⁴⁹. По яркости изложения, убедительности аргументации, стилю и содержанию (если не считать обычного для того времени приторного восхваления «освободителя» Александра I) эта речь представляет собой выдающийся успех знаменитого адвоката. Оценивая «памятную Бородинскую битву», Р. Харпер заявил: «В этом столкновении двух могущественных империй, в котором одна боролась за мировое господство, а другая за национальную независимость... захватчик был, наконец, остановлен». «Здесь он получил свою смертельную рану». «Именно тогда..., — продолжал оратор, — гений Кутузова задумал тот глубокий план дальнейших операций, который в своем развитии и выполнении привел к таким великолепным результатам». Подробно анализируя причины поражения Наполеона, Р. Харпер подчеркивал: «Таким образом, он был уничтожен не преждевременной зимой, не суровостью климата, а уме-

⁴⁶ Отчет об этом праздновании был опубликован в газетах с неточностями (см. «Federal Republican and Commercial Gazette», June, 9, 1813) и несколько позже также издан отдельной брошюрой (The Celebration of the Russian Victories, In Georgetown, District of Columbia; on the 5th of June, 1813. Georgetown, 1813).

⁴⁷ The Celebration of the Russian Victories, p. 2.

⁴⁸ Ibid., p. 4. Специальным письмом от 7 июля 1813 г. русский посланник выразил Д. Кастису глубокую признательность и послал ему как особый знак уважения специальную медаль. В своем ответе, поблагодарив за награду, Д. Кастис писал: «Россия воевала за самое благородное дело, во имя которого смелая нация когда-либо обнажала меч,— за самое святое право... Право на Самоопределение (The Right of Self Government)» (ibid., p. 39).

⁴⁹ Полный текст речи Р. Харпера см. ibid., p. 10—27.

нием и отвагой своих противников». В целом победы России Р. Харпер рассматривал не только как ее собственные успехи, но как победы, достигнутые во имя всего человечества.

Исключительно высокую оценку значения победы, одержанной над Наполеоном, давал Д. Аллен Смит, бывавший в начале XIX в. в России и поддерживавший с того времени дружеские связи с семьей Воронцовых. В июне 1813 г. в письме к М. С. Воронцову из Филадельфии Аллен Смит подчеркивал, что в анналах мировой истории нет ничего, что сравнимо с победой России, и отмечал, что в Америке все его поздравляли с правильной оценкой, которая давалась им русским солдатам⁵⁰. В русских победах он видел победу всего человечества и подчеркивал в этой связи, что в России был положен «предел тирану, который угрожал овладеть всем миром»⁵¹.

Не следует, конечно, полагать, что все отклики в США на Отечественную войну 1812 г. были только положительными. В США в то время (как, впрочем, и впоследствии) не было недостатка в политических и общественных деятелях самых разнообразных убеждений, издавалось множество газет, существовали различные политические партии и группировки⁵². Не удивительно поэтому, что празднования русских побед (особенно в условиях продолжавшейся войны США с Англией) встретили протесты со стороны части американской общественности, выразителем настроений которой стал известный в то время журналист и литератор Роберт Уолш. Свои возражения по поводу торжественного празднования побед России над наполеоновской Францией он изложил в письмах к Р. Харперу, опубликованных затем в виде отдельной книги⁵³.

⁵⁰ Д. Аллен Смит — М. С. Воронцову, 24 июня 1813 г. — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, д. 205, лл. 7—8.

⁵¹ Д. Аллен Смит — М. С. Воронцову, 16 марта 1815 г. — Там же, л. 10.

⁵² Одних только газет и журналов в США, по сообщению А. Я. Дашкова, издавалось до 359 (см. «Note sur les gazettes Américaines», 1812. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12168, лл. 13—14; ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 66, л. 1).

⁵³ Correspondence respecting Russia, between Robert Goodloe Harper, esq. and Robert Walsh, Jun. Philadelphia, 1813.

О России и русском народе Р. Уолш придерживался самого отрицательного мнения. «Просвещенный» автор не постеснялся заявить, что «неизвестно ни одно правительство и ни один народ, чья история была бы более жестокой»⁵⁴. Усиленно напирая на якобы свойственное русским «варварство», восточный деспотизм и отсутствие цивилизации, Р. Уолш высказывал опасения в отношении захватнических планов России и ее непомерно-го усиления⁵⁵.

Некоторые исследователи на Западе поспешили увенчать Р. Уолша сомнительными лаврами первооткрывателя русской опасности. Так, например, по утверждению Д. Шулима, он был первым американцем, который дал «самое ясное предупреждение о русской угрозе миру в наполеоновскую эпоху»⁵⁶. Мы не собираемся оспаривать «приоритет» Р. Уолша в этом вопросе, однако такие «лавы», мягко выражаясь, вряд ли могут считаться почетными. Спекулятивность и тенденциозность рассуждений Р. Уолша о «русской угрозе» представлялись вполне очевидными, и в этой связи нельзя не признать справедливость возражений со стороны Р. Харпера. Соглашаясь с тем, что полное подчинение Франции господству России было бы столь же опасно, как и завоевание Российской империи Наполеоном, Р. Харпер подчеркивал, что он никогда не считал такое подчинение возможным. Конечным результатом разгрома Наполеона в России Р. Харпер считал изгнание французов из Германии, Голландии, Италии и ограничение территории Франции Рейном, Альпами и Пиренеями⁵⁷.

Подробный критический анализ «Переписки о России», изданной Р. Уолшем, дал в 1813 г. А. Г. Евстафьев. На основе большого фактического материала он показал несостоятельность оскорбительных измышлений Р. Уолша и вновь подчеркнул, что борьба русского на-

⁵⁴ Correspondence respecting Russia, between Robert Goodloe Harper, esq. and Robert Walsh, Jun., p. 30. (Р. Уолш — Р. Харперу, 27 июля 1813 г.).

⁵⁵ Ibid., p. 32, 61, 107.

⁵⁶ J. Shulim. The United States Views Russia in the Napoleonic Age.—PAPS, Vol. 102, N 2, April 20, 1958, p. 155.

⁵⁷ Correspondence respecting Russia, p. 40—41 (Р. Харпер — Р. Уолшу, 7 августа 1813 г.).

рода против Наполеона носила справедливый и освободительный характер⁵⁸.

Говоря о позиции американского общества в отношении Отечественной войны 1812 г., необходимо учитывать, что республиканцы (или демократы), как правило, отрицательно отзывались о России — союзнице Англии по борьбе с Наполеоном. С другой стороны, склонные к соглашению с Англией федералисты, представители торгово-промышленного Северо-Востока, занимали благожелательную позицию. Об этом пишут современные исследователи⁵⁹, а в свое время указывали еще А. Я. Дашков и Н. Я. Козлов в донесениях Н. П. Румянцеву в 1813 г.⁶⁰ Победы русского оружия особенно радостно приветствовались в газетах Новой Англии, на торжествах в Бостоне и Джорджтауне присутствовали в основном федералисты, а сами торжества нередко использовались для открытой критики демократической администрации, втянувшей страну в войну с Англией. Более того, У. Дуан, французский посланник Серюрье и др. приложили немало усилий, чтобы возбудить в этой связи недовольство правительства США и в известном смысле даже преуспели. Д. Монро сделал А. Я. Дашкову представление по поводу поведения А. Г. Евстафьева на торжествах в Бостоне по случаю русских побед,

⁵⁸ A. Eustaphievs. *Strictures on «The Correspondence respecting Russia»*. Опубликовано как приложение к переведенной Евстафьевым книге Чуйкевича о войне 1812 г. (см. P. Tchoukevitch. *Reflection on the War of 1812*. Boston, 1813). При анализе возникшей полемики следует учитывать, что в ряде случаев критические замечания Р. Уолша были по существу справедливы (о крепостном праве, тяжелом положении народа, примитивности сельского хозяйства и др.), хотя по форме являлись оскорбительными и явно преувеличенными. Возражая против них, А. Евстафьев объективно вынужден был выступать защитником крепостного права и пропагандистом его преимуществ, хотя в действительности таковым, по-видимому, никогда не был. Не случайно в этой связи у него вырывается характерное признание: «Я не являюсь адвокатом рабства в любой форме и не владею никакими рабами в России» (A. Eustaphievs. *Strictures...*, p. 110).

⁵⁹ J. Shulim. *The United States Views Russia...*—PAPS, Vol. 102. N 2, p. 154, 156, 159.

⁶⁰ См. Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 14 января 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, л. 2585, л. 2; А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 16 (28) января 1813 г.— Там же, л. 12170, лл. 24—25; А. Я. Дашков — Н. П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1813 г.— Там же, лл. 254—256.

хотя затем согласился оставить этот вопрос без внимания⁶¹.

В условиях англо-американской войны трудно было, конечно, ожидать выражения особой радости правительства США по случаю сокрушительного разгрома на полях России наполеоновской империи — главного врага Англии. Вместе с тем было бы большой ошибкой считать на этом основании, что отношение республиканско-демократической партии и правительства США в целом к России и к русским победам над Наполеоном было враждебным. Достаточно вспомнить в этой связи известное письмо Томаса Джефферсона У. Дуану от 20 июля 1807 г., в котором выдающийся американский государственный деятель, основатель республиканской партии, стремясь умерить антирусский пыл редактора филадельфийской «Авроры», писал о России, как она более дружественной к США державе, о совпадении русско-американских интересов в отношении прав нейтрального мореплавания и т. д.⁶² Известно также, что Т. Джефферсон исключительно резко отзывался о Наполеоне.

Значительный интерес представляет и высокая оценка героических усилий русского народа в борьбе с Наполеоном, данная Джоном Куинси Адамсом. Находясь в С.-Петербурге, американский посланник имел благоприятные возможности следить за положением внутри России, а также регулярно получать разнообразную информацию о ходе военных операций. Характерно, например, что, несмотря на отступление русских войск, Д. К. Адамс был настроен довольно оптимистически и совсем не склонен был, как некоторые из его западных коллег, преждевременно хоронить русскую армию. Уже в июле 1812 г. он заметил в одном из своих писем, что

⁶¹ См. А. Я. Дашков — Д. Монро, 26 апреля 1813 г. с приложением письма А. Г. Евстафьева от 17 апреля 1813 г. — NA, Russia, Notes, Vol. I, p. 102, 103; Д. Монро — А. Я. Дашкову, 27 апреля 1813 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 6, л. 79.

⁶² Понятно, что Д. Шулим не может обойти это письмо Т. Джефферсона (J. Shulim. The United States Views Russia... — PAPS, Vol. 102, N 2, p. 149—150). Однако, как правило, он предпочитает цитировать ричмондский «Enquirer» и филадельфийскую «Аутога» и лишь глухо упоминает об оценках политики России руководителями правительства США (ibid., p. 157).

цель отступления русских заключается в концентрации всех своих сил⁶³. В дальнейшем комментируя успешные результаты общего стратегического замысла русского командования, Д. К. Адамс писал: «Фабианская система, которая успешно применялась в нашей революционной войне, с равным успехом использовавшаяся лордом Веллингтоном в Испании и Португалии и которая в этой стране еще сто лет назад привела к триумфу над шведским королем Карлом XII, снова увенчалась блистательной победой»⁶⁴.

Наконец, давая общую оценку событий 1812 г. в донесении государственному секретарю в феврале 1813 г., обычно сдержанный и скептический пуританин не скрывал своего восхищения патриотическим поведением всех классов русского общества во время борьбы с наполеоновским нашествием. «Дух патриотизма,— писал Д. К. Адамс,—загорелся самым чистым и самым ярким пламенем в каждом классе общества. Усилия нации были почти беспримерными, величайшие жертвы были принесены с радостью и самопроизвольно... Во время самого крайнего испытания они были спокойны и собраны, глубоко озабочены, но совершенно уверены и оптимистичны в своих надеждах на конечные результаты»⁶⁵.

Итак, подводя итоги рассмотрению отношения американской общественности к России и Отечественной войне 1812 г., следует отметить, что далеко не все в Соединенных Штатах и далеко не сразу сумели правильно понять и оценить все значение происходивших событий. Не все разобрались в самом характере войны 1812 г. и особенностях положения внутри Российской империи. По-разному комментировались в американской печати также последующая борьба за освобождение Европы от наполеоновского господства и роль в этих событиях русской армии⁶⁶. Но уже сам факт появления острых

⁶³ Д. К. Адамс — Т. Б. Адамсу, 14 июля 1812 г.— J. Q. Adams. Writings, Vol. IV, p. 375.

⁶⁴ Д. К. Адамс — Д. Монро, 16 декабря 1812 г.— Ibid., p. 422—423.

⁶⁵ Д. К. Адамс — Д. Монро, 2 февраля 1813 г.— Ibid., p. 432.

⁶⁶ Показательно, например, что в ответ на резкое антирусское письмо «Освободители Европы», помещенное 1 августа 1815 г. на страницах «National Intelligencer», от имени «United States Gazet-

дискуссий, споров и разногласий свидетельствовал о том, что Россия из почти неизвестной и загадочной страны и какого-то неопределенного географического понятия стала приобретать в глазах американцев вполне конкретные и реальные очертания. В эти годы в Соединенных Штатах по существу впервые узнали об огромных возможностях, скрытых в героическом русском народе, об условиях жизни и обычаях, государственном устройстве России и ее ресурсах.

Не меньшее значение имело также внимательное изучение русскими представителями положения в самих Соединенных Штатах, особенностей их экономического и политического развития, деятельности американского правительства и конгресса. Так, в феврале 1812 г., незадолго до своего отъезда из Филадельфии Ф. П. Пален направил в С.-Петербург обстоятельную памятную записку, в которой были собраны и обобщены ценные сведения об общем экономическом и политическом положении в Соединенных Штатах⁶⁷. Огромный фактический материал о различных сторонах жизни в США собрал за время своего десятилетнего пребывания в этой стране А. Я. Дашков. Среди его бумаг можно встретить ценные обзоры развития русско-американской торговли, многочисленные выписки из литературных источников и собственные наблюдения о социально-экономическом и политическом развитии США, переводы официальных документов и договорных актов, описания устройства школ, приютов, больниц, дневниковые заметки и т. д.⁶⁸

те» была опубликована заметка, в которой отмечались дружественные связи между Россией и США и осуждалась позиция вашингтонского официоза, служившего во время войны «лишь слабым эхом французского «Moniteur»» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 12174, лл. 53—54).

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12166, лл. 5—52.

⁶⁸ См. личный фонд А. Я. Дашкова в ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 50, 52, 66, 68, 69, 73, 79, 91, 92, 98, 107, 125 и др. Не касаясь подробно этих материалов (многие из них относятся к периоду после 1815 г.), обратим внимание лишь на любопытную заметку об обществе «для колонизации вольных негров», ошибочно озаглавленную в архивном деле как записка «о составе населения в Филадельфии». «Уважение к правам человечества и признание, что негры не должны оных лишаться потому только, что родились они в других с нами климатах и что цвет кожи их темнее нашей, обнаруживались в Северной Америке еще в то время, когда колонии подчинены были анг-

К сожалению, ценный документальный материал, собранный А. Я. Дашковым, никогда не был им обработан в окончательном виде и русская общественность не смогла с ним познакомиться. Гораздо более успешной в этом смысле оказалась деятельность П. П. Свинына и П. И. Полетики. Вскоре после своего возвращения в Россию П. П. Свинын опубликовал свои американские наблюдения на страницах популярного в то время журнала «Сын общества» (1814). Интересный очерк П. П. Свинына о Соединенных Штатах сразу же привлек к себе внимание русских читателей и на протяжении короткого времени дважды (в 1815 и 1818 гг.) переиздавался в расширенном варианте вместе с оригинальными иллюстрациями, выполненными с натуры самим автором⁶⁹.

Читая книгу П. П. Свинына, часто можно лишь удивляться проницательности автора, сумевшего сделать множество тонких и интересных наблюдений о развитии промышленности и торговли США, национальных особенностях американцев, условиях их жизни и т. д. С его взглядами, конечно, не всегда можно согласиться, особенно, когда он подчеркивает свое отрицательное отношение к бурным революционным событиям во Франции, на о-ве Сан-Доминго и противопоставляет им

лийскому правительству», — справедливо писал А. Я. Дашков и ссылался далее на пример американских квакеров. С большой проницательностью посланник сумел разобраться и в истинных намерениях организаторов нового Колонизационного общества, отмечая, что главная цель вывоза из США «вольных негров» заключалась в том, чтобы «утвердить еще более право собственности над принадлежавшими им невольниками и на должайшее время укрепить цепи их» (см. ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 69, л. 1).

⁶⁹ Касаясь истории опубликования своего сочинения, П. П. Свинын писал: «В Англии, где все любопытное и новое принимается публикою с особенным покровительством, имел я лестные предложения для издания рисунков моих и чертежей с описаниями об Америке; но мысль, что я должен буду писать не на природном языке и часто противу сердца, понятий моих и справедливости, не так, как чувствую, но как будет требовать политика Англии или как будут желать издатели моего сочинения, кои, может быть, употребят меня орудием их ненависти к Соединенным Областям; наконец, мысль, что труды мои достанутся в руки чужеземцев и первый плод оных пожнет не мое отечество... заставили меня отвергнуть все предложенные мне выгоды и заняться здесь на отечественном языке описанием моего живописного путешествия по Соединенным Американским Областям» (П. Свинын. Опыт..., стр. 2—3).

революцию в Северной Америке. В его работе встречаются иногда фактические неточности и явно несправедливые оценки (например, в отношении индейцев). Но в целом появление работы П. П. Свинына следует, несомненно, оценить, как крупное событие в русской литературе.

Еще больший интерес представляет книга П. И. Полетики, которая хотя и вышла уже в 20-е годы XIX в., но включала отчасти наблюдения автора во время его первого приезда в Соединенные Штаты в начале 10-х годов XIX в.⁷⁰ При чтении этой книги вполне очевидными становятся прогрессивные взгляды ее автора. П. И. Полетика не скрывает своих либеральных симпатий, подробно анализирует судопроизводство в Америке, с восторгом отзываясь о «Хабеас корпус» и суде присяжных. Он явно сочувствует угнетенным индейцам и резко осуждает рабство. Заметим, кстати, что автор книги, как правило, очень точен в своих наблюдениях. Широко пользуясь материалами цензов 1810 и 1820 гг., он сумел избежать примитивизма и ошибок, столь характерных для многих современных ему работ.

Характерно в этой связи, что когда в 1826 г. книга П. И. Полетики была переведена в Америке, ее издатель дал самую высокую оценку эрудиции автора, специально отметив его глубокое знакомство с положением в Соединенных Штатах, а также объективность сделанных им замечаний⁷¹.

⁷⁰ Еще в 1811 г. П. И. Полетика составил для царского правительства обстоятельную записку о внутреннем положении в США и их отношениях с Россией (АВПР, ф. Канцелярия, д. 7697, лл. 2—17). Собрав огромный фактический материал, П. И. Полетика уже в то время предполагал опубликовать статистический обзор о Соединенных Штатах и, в частности, упоминал об этом при встрече с Д. К. Адамсом в С.-Петербурге в 1812 г. (J. Q. Adams. Memoirs, Vol. II, p. 406). К сожалению, в ближайшем будущем осуществить свои планы П. И. Полетике не удалось, и он завершил свой труд только весной 1823 г., после возвращения с поста посланника в США. Книга была издана анонимно на французском языке в Лондоне и переведена в Соединенных Штатах (*A Sketch of the Internal Conditions of the United States and Their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826*). Отметим также, что в 1830 г. при участии А. С. Пушкина в «Литературной газете» была опубликована статья П. И. Полетики «Состояние общества в Соединенных Штатах Америки».

⁷¹ A Sketch of the Internal Conditions... Publisher's Preface.

С большой проницательностью П. И. Полетика сумел проанализировать особенности исторического развития США и, в частности, показать роль колонизации западных земель. Непрерывно расширяя свои границы, отмечал П. И. Полетика, американские переселенцы лишали индейцев принадлежавших им земель «либо силой, либо под прикрытием формальных соглашений». В результате быстрого расширения территории и колонизации новых земель существенно менялись обычаи и культура самих колонистов, так же, как и весь их образ жизни. По мере продвижения на запад «цивилизация» становилась все менее выраженной и, путешествуя по стране, по выражению П. И. Полетики, можно было «подниматься и спускаться по лестнице цивилизации»⁷².

Замечательный труд П. И. Полетики никогда не был в полном виде опубликован в России, и в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. В обстановке реакции, которая господствовала в стране после 1815 г., вряд ли было возможно издание работы, в которой довольно недвусмысленно защищалась конституционная форма правления, а рабство характеризовалось как абсолютное зло⁷³. И не случайно, по-видимому, даже за границей П. И. Полетика предпочел издать свой труд анонимно, тем более, что он продолжал состоять на государственной службе.

Разнообразная и ценная информация, собранная русскими дипломатами, во многом способствовала расширению сведений о Соединенных Штатах не только царского правительства, но и широких кругов обществу. Итоги изучения П. П. Свиныным и П. И. Полетикой положения в США получили оформление в

⁷² A Sketch of the Internal Condition of the United States and Their Political Relations with Europe, p. 21, 106—111. Мы видим, таким образом, что еще до Гегеля, Токвиля и Лорна, не говоря уже о Ф. Тернере, П. И. Полетика довольно обстоятельно развил теорию колонизации и «подвижной границы». Подробнее см. Н. Н. Болховитинов. О роли «подвижной границы» в истории США (Критический анализ концепции Ф. Д. Тернера).— «Вопросы истории», 1962, № 9.

⁷³ A Sketch of the Internal Condition of the United States and Their Political Relations with Europe, p. 29, 40—41, 121 ff.

виде оригинальных и ценных печатных трудов, которые стали достоянием как русской, так и иностранной общественности. И если первоначально работы П. П. Свинына и П. И. Полетики явились, так сказать, побочным результатом русско-американского сближения в области внешней политики, итогом их наблюдений во время пребывания в США на дипломатической работе, то после выхода в свет сами эти труды, как источник объективных и интересных сведений, становились существенным фактором в укреплении и развитии дружественных связей между русским и американским народами.

Заключение

Настоящая работа была предпринята с целью всестороннего исследования начального этапа отношений между Россией и Соединенными Штатами Америки — детального изучения становления русско-американских дипломатических контактов, а также первых научных, культурных, общественно-политических и торговых связей между обеими странами.

В результате обследования разнообразных и богатых фондов основных советских архивов, получения отдельных рукописных (в виде микрофильмов) и печатных источников из США, а также широкого использования русских, американских и западноевропейских публикаций, корреспонденции и трудов государственных, общественных и научных деятелей, мемуарной и справочной литературы, прессы и статистических материалов удалось воссоздать конкретную документированную картину становления первых русско-американских связей и проследить их развитие за значительный хронологический период (1775—1815). Тем самым была выполнена, так сказать, чисто конкретная, но в данном случае весьма сложная и очень трудоемкая фактическая сторона исследования.

В теоретическом плане главным общим итогом настоящей работы явилось документальное опровержение тенденциозной версии о существовании в отношениях между Россией и Америкой «извечной» и «естественной» враждебности, которая широко пропагандировалась в годы «холодной войны» реакционными политиче-

скими деятелями и историками на Западе. В ходе исследования удалось решить целый ряд и других важных проблем как общего, так и специального характера. Так, при рассмотрении позиции русской дипломатии в период войны США за независимость было установлено, что, хотя формального признания Соединенных Штатов как независимого государства в то время не произошло, тем не менее, как свидетельствуют приведенные выше архивные документы, можно с полным основанием говорить о признании Россией нового государства де-факто. Вне зависимости от субъективных симпатий царского правительства и мотивов его действий общая позиция России в трудные для США годы борьбы за их свободу и независимость объективно имела положительное значение для улучшения международного положения восставших колоний, дипломатической изоляции Англии и в конечном итоге победы Соединенных Штатов. Огромное международное значение имело, в частности, провозглашение Россией декларации о вооруженном нейтралитете, которая получила в октябре 1780 г. официальное одобрение Контиентального конгресса США.

Существенный интерес представляет в этой связи и выявление неизвестных ранее документов о существовании русско-американских торговых связей и первых плаваниях русских кораблей из Бордо к берегам далекой заокеанской республики еще в период войны США за независимость. С 1783 г. между Россией и Америкой уже завязываются более или менее регулярные прямые торговые контакты и американский флаг начинает систематически регистрироваться в кронштадтских рапортах. В конце XVIII в. в С.-Петербург ежегодно приходило несколько десятков американских кораблей, и хотя в целом объем первых торговых связей был все еще очень невелик, уже сам факт, что с республиканской Америкой торговали, в то время как с революционной Францией в конце XVIII в. воевали, свидетельствует о важном различии французской и американской политики царской России.

В принципе, конечно, война США за независимость 1775—1783 гг. и французская революция 1789—1794 гг., как однотипные по своему характеру явления, вызывали резко отрицательную реакцию правящих классов как

России, так и других феодально-абсолютистских государств. Но это только в принципе. На практике же в силу конкретных объективных причин и обстоятельств, о которых подробно говорилось в соответствующих разделах, общая международная обстановка складывалась для США (в отличие от Франции) весьма благоприятно. События в Америке затрагивали прежде всего интересы Великобритании, что не могло не радовать ее европейских соперников. Кроме того, эти события происходили где-то очень далеко, за океаном и, казалось, не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы существующему строю, тогда как великая революционная буря 1789—1794 гг. разразилась в самом центре Европы и создала реальную перспективу крушения старых порядков и всего феодально-абсолютистского строя.

Следует учитывать также наступление реакции внутри США после окончания войны за независимость, что нашло выражение в подавлении восстания Д. Шейса (1786—1787 гг.) и приходе к власти федералистов (президентства Г. Вашингтона 1789—1797 гг. и Д. Адамса 1797—1801 гг.). Показательно в этой связи, что весной 1799 г. в результате неофициальных переговоров между русским и американским посланниками в Лондоне С. Р. Воронцовым и Р. Кингом в предварительном порядке был согласован вопрос об установлении дипломатических отношений и заключении торгового договора, а в С.-Петербурге даже дали официальное согласие на обмен соответствующими миссиями. Наконец, закономерным итогом развития торговых связей между Россией и США явилось признание осенью 1803 г. в качестве американского консула в С.-Петербурге Л. Гарриса, который осуществлял одновременно и некоторые дипломатические функции.

Как показывают изученные нами материалы, события и идеи американской революции XVIII в. весьма сочувственно воспринимались передовыми кругами русского общества. Острейшие классовые противоречия внутри Российской империи, жесточайший крепостнический гнет, сочетавшийся с новыми буржуазными формами эксплуатации в связи с начавшим возникать в недрах феодализма капиталистическим укладом, могучая волна стихийного крестьянского движения, не утихавшая и после подавления восстания Е. Пугачева,— все это

создавало благоприятную обстановку для распространения в стране революционных, демократических и освободительных идей.

В условиях царского самодержавия нельзя было, конечно, открыто говорить о праве русского народа на революцию, демократические свободы и на изменение политического строя своей страны, но в силу ряда благоприятных причин оказывалось возможным более или менее объективно писать о праве на свободу и независимость американского народа и опыте его победоносной революционной борьбы против Англии. В то же время опубликование огромного фактического материала о войне США за независимость в крепостнической России по своему объективному содержанию приобретало особый смысл и значение. Чтение сообщений об успешных военных действиях восставших колонистов против королевских войск, факт победоносного завершения революционной войны за независимость и утверждение в Америке республиканского государства заставляло русского читателя критически взглянуть на окружающую действительность, сравнить республиканскую Америку с крепостнической Россией и наводило на мысль о возможности успешной борьбы с царским самодержавием.

Первостепенное значение имела в этой связи просветительская деятельность Н. И. Новикова, опубликовавшего на страницах «Московских ведомостей», а также издававшихся им журналов и книг большой и разнообразный материал об Америке и американской революции XVIII в. Русский народ может по праву гордиться и подвигом А. Н. Радищева, воспевшего американскую революцию в своей бессмертной оде «Вольность» и давшего подробный и глубокий анализ положения в Америке в «Путешествии из Петербурга в Москву». Высоко оценивая революционные достижения американского народа, А. Н. Радищев и Н. И. Новиков в то же время гневно осуждали рабство негров и истребление индейцев.

Серьезное внимание в работе уделяется изучению вопроса о пребывании в России первых американцев, а также путешествиях в Соединенные Штаты русских подданных в XVIII в. На основе неизвестных ранее документов удалось выяснить ряд запутанных обстоятельств, связанных с пребыванием в России П. Джонса

и Д. Ледиарда. Подробному всестороннему анализу подвергнуты также архивные и опубликованные материалы об американском путешествии Ф. В. Каржавина и его общественно-политических взглядах.

Значительный интерес представляет также систематическое изучение становления научных, культурных, и общественно-политических связей между Россией и Америкой во второй половине XVIII—начале XIX в. М. В. Ломоносов, Г.-В. Рихман, Ф. У. Эпинус в России не только хорошо знали и ценили научные труды Б. Франклина, но и сами внесли выдающийся вклад в развитие теории электричества, о чем было известно и в Америке. Характерно в этой связи, что Б. Франклин очень высоко отзывался о достижениях своих русских коллег и поддерживал систематические контакты с Петербургской академией наук:

С начала 70-х годов XVIII в. устанавливаются официальные связи между Американским философским обществом в Филадельфии и Академией наук в С.-Петербурге, а в 1789 г. Б. Франклин был принят в число ее иностранных членов. Еще ранее, в 1781 г., в состав американской Академии искусств и наук в Бостоне был избран Леонард Эйлер. В дальнейшем связи американских научных учреждений с С.-Петербургской академией наук были закреплены избранием в их состав таких видных ученых, как П. С. Паллас, Н. Фусс, Г. Фишер и др.

В конце 80-х годов XVIII в. по просьбе Екатерины II через маркиза Лафайета устанавливаются контакты, так сказать, на «высшем уровне». При прямом участии Г. Вашингтона и Б. Франклина в Россию был передан ценный материал о языках американских индейцев для издававшегося в то время всеобщего сравнительного словаря. Позднее, уже в начале XIX в. завязывается непосредственная личная переписка между Александром I и Томасом Джефферсоном, что явилось важной предпосылкой последующего обмена дипломатическими миссиями.

Пристальное внимание в начале XIX в. в России обращалось на успехи молодой республики и возможность использования американского опыта для поощрения национальной промышленности. С этой целью в 1807 г. по инициативе министра финансов Д. А. Гурьева

был издан, в частности, известный доклад А. Гамильтона о промышленности. «Сходство Американских Соединенных Провинций с Россией,— писал в предисловии к книге ее переводчик В. Малиновский,— является как в разсуждении пространства земель, климата и натуральных произведений, так и в разсуждении несоразмерного пространству населения и той младости, в которой находятся разные общепользные заведения; по тому весьма пристойны и для нашего отечества все предлагаемые здесь правила, замечания и средства»¹.

Предметом детального анализа в работе стали отношения с Соединенными Штатами на Северо-Западе Америки в связи с общей проблемой русской колонизации Аляски в XVIII — начале XIX в. Изучение документальных источников подтвердило мнение о том, что коммерческая деятельность «бостонцев» наносила серьезный ущерб Российско-американской компании. Граждане Соединенных Штатов продавали местным жителям огнестрельное оружие, порох, свинец и подстрекали их к выступлению против русских. Привозом пушных товаров из Русской Америки прямо в Кантон американцы серьезно подрывали интересы компании и крайне затрудняли русско-китайскую торговлю на Кяхте.

Вместе с тем наше исследование позволило установить, что появление американских торговцев в Русской Америке принесло и определенные положительные результаты, связанные, в частности, с установлением прямых торговых контактов с Соединенными Штатами. Деловые контакты А. А. Баранова с «бостонскими корабельщиками», покупка необходимых товаров (прежде всего продовольствия, судов) и организация совместного промысла позволили русским колониям в первые полтора десятилетия XIX в. не только самостоятельно удовлетворять значительную часть своих потребностей в разного рода припасах, но и получать в результате «расторжек» с американцами значительное число морских бобров.

Весной 1808 г. вопрос о торговле бостонцев в русских владениях в Америке был официально поставлен

¹ А. Гамильтон. Отчет генерал-казначея А. Гамильтона, учиненный Американским Штатам 1791 г. о пользе мануфактур в отношении оных к торговле и земледелию. СПб., 1807, стр. 1.

перед Соединенными Штатами. Для его решения царское правительство предложило заключить специальную конвенцию, которая была призвана, с одной стороны, оградить русские владения от подрывной деятельности опасных конкурентов, запретив снабжение местного населения оружием, а с другой,—обеспечить развитие регулярных торговых связей между Русской Америкой и США. Хотя последовавшие затем в Вашингтоне и С.-Петербурге официальные переговоры результатов не дали, 20 апреля (2 мая) 1812 г. соответствующая конвенция была подписана между главным правлением Российско-американской компании и Американской меховой компанией Д. Д. Астора.

По-новому освещается в работе фигура русского министра иностранных дел канцлера Н. П. Румянцева и, в частности, показывается его выдающаяся роль в сближении с Соединенными Штатами и выдвижении осенью 1811 г. проекта открытия торговых связей с новыми государствами Латинской Америки.

Отмечая разногласия и борьбу мнений как в С.-Петербурге, так и в Вашингтоне, автор доказывает, что причины русско-американского сближения и установления дипломатических отношений в 1808—1809 гг. были вполне объективными. Они вытекали из общего международного положения, сложившегося после Тильзита, и во многом определялись предшествующим развитием русско-американских торговых, культурных и общественно-политических связей. И Россия, и Соединенные Штаты руководствовались в своих отношениях не отвлеченными понятиями о «благе человечества», а вполне реальными интересами.

Александр I и Н. П. Румянцев, по их собственным словам, искали в Соединенных Штатах «своего рода соперника Англии», рассчитывали расширением американской торговли смягчить тяжелые последствия континентальной блокады, урегулировать отношения Российско-американской компании с бостонцами и т. д. Со своей стороны в условиях крайнего обострения отношений с Англией и Францией, Соединенные Штаты были заинтересованы в разрыве дипломатической изоляции и сближении с Россией, которая в то время оказывалась единственной великой державой, объективно расположенной к ним благожелательно. Американское прави-

тельство, в частности, особенно рассчитывало на поддержку Россией прав нейтрального мореплавания, а также надеялось на выгоды от расширения торговли с обширным русским рынком.

Дружественный прием А. Я. Дашкова и Ф. П. Палена в Соединенных Штатах, блистательный успех миссии Д. К. Адамса в С.-Петербурге, быстрое расширение русско-американской торговли в 1810—1811 гг., предложение посредничества России в англо-американской войне 1812—1815 гг. и другие «парадоксальные», на первый взгляд, факты являлись, как уже отмечалось, результатом совершенно объективных причин и конкретных обстоятельств, а не каких-то «американских симпатий» царского правительства или «дружественных чувств» вашигтонского кабинета в отношении России.

Русско-американская «дружба» была, таким образом, союзом по расчету, и ни о какой искренности в отношениях царской России и республиканской Америки говорить, конечно, не приходится даже в период наибольшего сближения между ними. Непрочность этой «дружбы» становилась вполне очевидной при каждом резком изменении международной обстановки. Так, развитие противоречий на Северо-Западе Америки, и особенно начало англо-американской войны, сделало невозможной реализацию заключенного 20 апреля (2 мая) 1812 г. соглашения Д. Д. Астора с Российско-американской компанией. Союз с Великобританией против Наполеона и увеличение зависимости России от английских субсидий вынудили царское правительство примириться с отказом британского кабинета от русского посредничества в англо-американской войне. В то же время в полной мере выявились разногласия между Н. П. Румянцевым, с одной стороны, и Александром I и его окружением в лице нового руководителя внешней политики страны К. В. Нессельроде — с другой, что привело к фактическому отстранению канцлера и его последующей отставке в 1814 г.

В самих Соединенных Штатах к России относились в изучаемый нами период по-разному. В целом о России XVIII в. в Америке конкретно знали очень мало, хотя высоко оценивали ее позицию в войне за независимость, и особенно провозглашение вооруженного нейтралитета. В дальнейшем представители федералистской

партии, как правило, отзывались о России довольно благожелательно. С другой стороны, демократы (или республиканцы, как их обычно называли) были настроены резко отрицательно. Ни те, ни другие, однако, никакого различия между царским правительством и русским народом не проводили. Профранцузски настроенные «Аврора» (Филадельфия), а также «Уикли реджистер» (Балтимор) и полуофициальный «Нэшенл интеллидженсер» (Вашингтон) часто помещали тенденциозные сообщения, резко отзывались о России и русском народе, писали о «дикой стране», «легионах варваров» и т. д. Вместе с тем федералистская пресса и, в частности, газеты Новой Англии («Бостон газетт», «Уикли мессанджер» и др.) занимали в отношении России благожелательную позицию.

Острые споры и разногласия в оценках России впервые вполне определенно выявились в 1812—1814 гг., когда в США широко комментировался разгром Наполеона русской армией. Из почти неизвестной и загадочной страны Россия стала приобретать в глазах американцев вполне конкретные и реальные очертания. Именно в это время в США узнали о действительных ресурсах России и об огромных возможностях, скрытых в героическом русском народе, который сумел в тяжелейших условиях феодально-крепостнического строя преградить путь непобедимому до того времени завоевателю, отстоять свою независимость и освободить Европу от наполеоновского господства. Особо следует отметить высокую оценку, которую давали России такие выдающиеся американские деятели, как Б. Франклин, Г. Вашингтон, Т. Джефферсон, Д. К. Адамс и др., а также специальные торжества в Бостоне и Джорджтауне по случаю победы русского народа над Наполеоном.

Таким образом, говоря о развитии русско-американских отношений в целом в благожелательном направлении, отмечая существование дружественных традиций между русским и американским народами, взаимную пользу давних научных, культурных, общественно-политических, торговых и дипломатических контактов между обеими странами, мы отнюдь не стремимся рисовать какую-то идиллическую картину и создавать впечатление, будто между Россией и Америкой никогда не было разногласий и противоречий.

На протяжении двух прошедших столетий и в том числе в рассмотренный нами период 1775—1815 гг. в русско-американских отношениях можно найти немало спорных вопросов, противоречий и даже конфликтов, решение которых, безусловно, осложнялось различием в общественно-политических системах. Игнорировать классовые противоречия, писать о существовании «искренней» и «забытой» дружбы царей и президентов, как это делают иногда некоторые современные авторы с монархическими симпатиями, столь же неверно, как и пропагандировать тезис об «извечной враждебности». И если уже говорить о главном уроке русско-американских отношений, то он состоит совсем не в отсутствии разногласий и конфликтов, а в том, что опыт истории свидетельствует о возможности их преодоления не с помощью оружия, а мирным путем, путем переговоров. Так было в прошлом, и хочется верить, что так будет в будущем.

Источники и основная литература

- К. Маркс.* Нищета философии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4.
- К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8.
- К. Маркс.* Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 9.
- К. Маркс.* Американский вопрос в Англии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Гражданская война в Северной Америке.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Гражданская война в Соединенных Штатах.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Общественное мнение Англии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Капитал, т. 1.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23.
- К. Маркс.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), часть вторая.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II.
- Ф. Энгельс.* Положение в Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2.
- Ф. Энгельс.* Внешняя политика русского царизма.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22.
- Ф. Энгельс.* Конспект книги Гюлиха «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия».— Архив Маркса и Энгельса, X. М., 1948.
- В. И. Ленин.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
- В. И. Ленин.* Гонители земства и аннибалы либерализма.— Полн. собр. соч., т. 5.
- В. И. Ленин.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Полн. собр. соч., т. 27.
- В. И. Ленин.* О брошюре Юниуса.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Полн. собр. соч., т. 34.
- В. И. Ленин.* Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.

І. Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВНР)

Материалы о пребывании Ф. Дейна в С.-Петербурге (ф. Сношения России с США, 1783 г., дд. 1—3); переписка с американскими представителями в С.-Петербурге — консулом Л. Гаррисом с 1804 г. и посланником Д. К. Адамсом с 1809 г. (ф. Канцелярия, д. 3325—3349); Александр I и Т. Джефферсон (ф. Канцелярия, д. 6033—6034); переписка МИД России с посланниками Ф. П. Паленом и А. Я. Дашковым, генеральным консулом в США Н. Я. Козловым за 1809—1815 гг. (ф. Канцелярия, д. 12160—12174, 9235—9245, 2585, 7698, 13405); материалы русской дипломатической миссии в Соединенных Штатах за 1809—1815 гг. (ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512 (3), д. 1—9 и оп. 512 (2), д. 1—6).

Целиком и выборочно просматривалась также переписка с основными европейскими столицами (прежде всего с Лондоном, Парижем, Мадридом и т. д.), в частности:

Лондон — ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, 1774 г., д. 261, 1775 г., д. 266—267, 36—37, 1776 г., д. 274, 177, 282, 1778 г., д. 288, 595—596, 295, 298, 1779 г., д. 599—600, 1780 г., д. 312, 1781 г., д. 320, 604, 319, 323, 1782 г., д. 331—333, 73, 1783 г., д. 341; ф. Лондонская миссия, оп. 36, 1779—1781 гг., д. 345, 1781 г., д. 357; ф. Сношения России с Англией, 1799 г., д. 507—509; ф. Канцелярия, д. 6807—6810, 6820—6822, 6829, 6831, 6834—6835.

Париж — ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, 1775 г., д. 303, 1776 г., д. 312, 1777 г., д. 323, 1778 г., д. 333, 1779 г., д. 343—345, 1780 г., д. 354, 1782 г., д. 386, 1783 г., д. 393—394, 397, 1784 г., д. 411; ф. Парижская миссия, оп. 941, 1781 г., д. 4, 1782 г., д. 1, ч. 1, 1783 г., д. 1.

Гаага — ф. Сношения России с Голландией, 1780 г., д. 207—208, 1781 г., д. 218, 223, 1782 г., д. 236—237, 28, 1784 г., д. 268, 271.

Мадрид — ф. Сношения России с Испанией, оп. 58/1, 1780 г., д. 388; ф. Канцелярия, д. 7512, 7513, 3279, а также дела о вооруженном нейтралитете, 1780 г., оп. 374/1, д. 10, 14; Константинополь — ф. Канцелярия, д. 111; Стокгольм — ф. Канцелярия, д. 10824—10827; Рио-де-Жанейро — ф. Канцелярия, д. 9911; консульство в Бордо — ф. Сношения России с Францией, д. 684—697 (1778—1782 гг.) и др.

ф. Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании и русских владений в Северной Америке, оп. 888, д. 36, 68, 105, 130, 153, 172—174, 177—178, 183, 192, 207, 215, 219, 284, 419, 963, ф. Главный архив II—3, 1805—1817 гг., оп. 34, д. 8, 1803—1824 гг., д. 7, 1806—1810 гг., д. 4; материалы о первой кругосветной экспедиции — ф. Главный архив I—7, 1802 г., д. 1, п. 28 и др.

Материалы так называемой внутренней переписки, фонды секретных мнений и административных дел — ф. Секретные мнения, 1725—1798 гг., д. 597, 1779—1783 гг., д. 591, 1742—1799 гг., д. 593; ф. Высочайше апробованные доклады по сношениям с иностранными державами, 1782 г., д. 8, 1783 г., д. 9; ф. Кан-

целярия, д. 7942—7944, 7953 и др.; ф. Административные дела П—З, 1811 г., д. 17 и др.

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА)

ф. 1263, оп. 1, Журнал заседаний комитета министров (с 1808 по 1817г. выборочно), в частности, д. 7, 42, 45, 77, 79, 82, 128, а также д. 992 (16 июля 1835); ф. 468, оп. 43, д. 739; ф. 37, оп. 3, д. 192; ф. 994, оп. 2, д. 1655; ф. 560, Общая канцелярия министра финансов, д. 1; ф. 13, оп. 4, д. 5, ф. 1329, оп. 3, д. 310, 233, 301, 292; ф. 1409, оп. 1, д. 937; ф. 796, оп. 87, д. 268; ф. 1409, оп. 1, д. 937; ф. 1148, оп. 9, д. 13, Реестр журнала государственного совета. Общие собрания с 1810 по 1820 г., ф. 1148, оп. 1, 1811 г., д. 2; ф. 13 (министра коммерции), оп. 1, д. 373, 382, 399, 687; ф. 13, оп. 2, д. 52, 777, 1128, 1156, 1243, 1392, 1408, 1414, 1417, 1443, 1445, 1462, 1629, 1645, 1702; ф. 18, оп. 5, д. 1201; ф. 159, оп. 1, д. 304; ф. 1146, оп. 1, д. 176; ф. 851, оп. 1, д. 2.

Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ)

Материалы о пребывании П. Джонса в России — ф. 172, оп. 1, д. 99, 349, ф. 197, оп. 1, д. 52, 67, 77, ф. 223, оп. 1, д. 63, ф. 227, оп. 1, д. 51, 53, ф. 245, оп. 1, д. 16, 17, 22, а также ф. 243, оп. 1, д. 1224 (Сонтаг), ф. 25, оп. 1, д. 81 (конвенция 20 апреля (2 мая) 1812 г.), ф. 410, оп. 2, д. 980.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)

ф. 168, д. 166 (переписка П. Джонса); ф. 15, д. 214 (обзор отношений с США), 457, 668; ф. 19, оп. 1, Кронштадтские рапорты, д. 262 (14 частей), ч. 11, 12, 13, д. 332, 360, 3796; ф. 13, д. 433; ф. 246, оп. 1, д. 668; ф. 276, оп. 1, д. 675 (о назначении А. Дашкова и А. Евстафьева), ф. 19, д. 264; Гос. архив, ф. XXIV, оп. 1, д. 62, ч. II и ч. III (Д. Ледиард), ф. 1261 (Воронцовых), оп. 1, д. 608, 833, 874, 987; ф. 796 (коллекция Г. В. Юдина), д. 163, 182, 298.

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР)

Материалы бывшего Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ).

Документы, связанные с пребыванием А. Я. Дашкова в США, официальная и частная переписка, дневники, заметки и т. д., ф. 907 (А. Я. Дашков), д. 47, 49, 51, 54—57, 59, 64, 65, 66—69, 71—75, 78—79, 83—84, 88, 90—94, 96—98, 102—105, 107—108, 115—118, 120, 123, 125, 138, 142, 154, 159, 161, 163, 170, 172—173, 175—176, 182—183, 193, 262—263, 276, 290, 300, 304, 312, а также ф. 728, оп. 1, ч. 1, д. 174, д. 284, ф. 109, оп. 214, д. 168.

Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ ОР)

ф. 255 (Румянцевы), к. 15, ед. хр. 29, 32—35, ф. 204 (Общество истории древностей российских—ОИДР), к. 32. Российско-американский архив.

рианская компания. Инструкции, приказы и переписка Баранова с Кусковым, ед. хр. 1—20, 24—26, 34, 35, 37, 39, 40.

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГИБ)

ф. 679 (Свиньин П. П.), д. 4, 7, 9, 10, 19, 20, 40, 119, ф. Сухтелина, кн. 102, дд. 1—13, 15, 16, 19, 26, 26а, 30, 33, 34а, 40. Коллекция автографов Вашингтона, Франклина, Д. Адамса, Д. К. Адамса, Мэдисона, Монро, Джефферсона и др.

Архив Академии наук СССР

ф. 1, оп. 3, 1789, д. 83, ф. 1, оп. 2, 1791, д. 6, ф. 216, оп. 3, д. 1731, ф. 89, оп. 1, д. 180, ф. 129, оп. 1, д. 332—334; Р. III, оп. 1, д. 170, ф. 1, оп. 1, д. 33.

Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (Архив ЛОИИ)

ф. 238, 1 (Коллекция Н. М. Лихачева), к. 146 (Ф. В. Каржавин), д. 1—26, ф. 36 (Воронцовы), торговля России XVIII—нач. XIX в., т. I—VII, оп. 1, д. 543/520, 544/190, 545/191, 546/623, 547/418, 548/439; дела Комиссии о коммерции в 2-х томах, д. 550/196, 551/1033; торговля салом, мясом, поташом и пенькой XVIII в., д. 563/840; 564—570; историческое описание торговли С.-Петербурга и Кронштадта, д. 578/342; дело о навигации, 1780 г., д. 586/83; ф. 36, оп. 2, д. 205 (переписка Д. Аллена Смита с Воронцовыми).

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (РОИРЛ)

Материалы о Ф. В. Каржавине (из собрания П. Я. Дашкова), ф. 98, оп. 2, д. 100—103.

Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. г. Тарту (ЦГИА ЭстССР)

Материалы об участии в войне США за независимость Г. Х. Веттер-Розенталя, ф. Канцелярия эстляндского дворянства (ф. 854), оп. 2, д. СИ 128, СИV 54.

National Archives. Washington, USA (NA)

Diplomatic Instructions of the Department of State 1801—1906. All Countries, 205 Vols (Diplomatic Instructions, All Countries). Vol. 6, October 2, 1801—May 2, 1808, vol. 7, May 1, 1808—July 21, 1815 (Microcopy, 77, Rolls 1—2).

Despatches from the United States Ministers to Russia, 1808—1906, 66 vols. (Diplomatic Despatches, Russia). Register, vol. I, September 20, 1808—January 27, 1811, vol. II, February 1811—May 9, 1815 (Microcopy 35, Rolls 1—3).

Despatches from the United States Consuls in St. Petersburg 1803—1906, 24 Vols. (Consular Despatches, St. Petersburg). Register, vol. I, April 17, 1803—October 25, 1809 (Microcopy 81, Roll 1).

Notes from the Russian Legation in the United States to the Department of State, 1809—1909, 14 Vols. (Russia, Notes). Register 1827—1906 and Volume I, July 1809—July, 1826 (Microcopy 39, Roll I).

II. Опубликованные источники

Публикации официальных документов, дипломатическая переписка, протоколы

- Андреев А. И.* Материалы о Российско-американской компании и ее деятелях.— «Известия всесоюзного географического общества». М.—Л., 1943, т. XXV, вып. 5.
- Арсеньев К. И.* Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым, Приведены в порядок и изданы акад. П. Пекарским. СПб., 1872. Архив Государственного совета, т. I—V. СПб., 1869—1904.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1, 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий, т. I—IV, VI, М., 1960—1965.
- Военский К.* Русское посольство в Японию в начале XIX века.— «Русская старина», июль, октябрь, 1895.
- Горяинов С. М.* 1812. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов. СПб., 1912.
- Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822, ч. 1. Акты публичные. СПб., 1823.
- Документы о политике России на Дальнем Востоке в начале XIX в. Сост. и автор вст. статьи В. Г. Сироткин.— «Исторический архив», 1962, № 6.
- Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815).— «Записки императорской Академии наук», т. 43. СПб., 1882, приложение № 1.
- Дубровин Н.* Записка М. М. Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира.— «Русская старина», т. 101, январь, 1900.
- Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I, т. I—II. СПб., 1888—1891.
- Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и о последствиях оногo.— «Русский архив», 1865, № 4.
- Записка о финансах, политике и торговле Российского государства в 1810. Под ред. П. Муханова и М. Семевского.— «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1868, кн. 4, смесь.
- К истории Российско-американской компании (сборник документальных материалов). Красноярск, 1957.
- К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809). Составитель и автор вст. статьи Н. Н. Болховитинов.— «Новая и новейшая история», 1959, № 2.
- Козловский В. М.* Император Александр I и Джефферсон. По архивным данным.— «Русская мысль», 1910, № 10.
- Маргенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. I—XV. СПб., 1874—1909.
- Николай Михайлович [Романов]*, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров

- Александра и Наполеона 1808—1812, т. I—VII. СПб., 1905—1914.
- Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н. С. Орлова. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1951.
- Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость. Составитель и автор вст. статьи Н. Н. Болховитинов.— «Исторический архив», 1962, № 3.
- О вооруженном морском нейтралитете. Составлено... по документам Московского главного архива министерства иностранных дел. СПб., 1859; «Морской сборник», т. XLIII—XLIV, 1859 сентябрь—декабрь, № 9—12.
- Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (собрание 1-е), т. XIX—XXXII (за 1775—1815 гг.), а также т. XL, XLV. СПб., 1830.
- Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Особенно т. III (1771—1785). СПб., 1900; т. IV (1786—1803). СПб., 1911.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке. Под ред. и со вступ. статьей А. И. Андреева. М., 1948.
- Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии, вып. I—XVI. СПб., 1876—1917.
- Сборник русского исторического общества, т. 1—3, 5—7, 10, 12, 13, 19—21, 23, 26, 27, 33, 42, 44, 48, 51, 54, 57, 67, 70, 77, 82, 83, 87—89, 97, 112, 118, 121, 135, 145. Среди изданных в этих сборниках материалов отметим:
- Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел, ч. I—V.—Сб. РИО, т. 7, 10, 13, 27, 42; Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (1762—1776).—Сб. РИО, т. 12, 19; Дипломатическая переписка имп. Екатерины II, ч. I—IX (1762—1777).—Сб. РИО, т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145; Письма имп. Екатерины II барону Мельхиору Гримму.—Сб. РИО, т. 23; Письма барона Мельхиора Гримма к имп. Екатерине II.—Сб. РИО, т. 33, 44; А. С. Трачевский. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I, ч. I—IV.—Сб. РИО, т. 70, 77, 82, 88; Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе в 1814—1816 гг. Под ред. А. А. Половцова.—Сб. РИО, т. 112.
- American History Told by Contemporaries, ed. by 'A. B. Hart (8th print), Vol. II, Building of the Republic 1689—1783; Vol. III. National Expansion 1783—1845. New York—London, 1956.
- American State Papers. Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States, 38 Vols. Washington, 1832—1861. Особенно Class I. Foreign Relations. Washington 1832—1859, VI Vols. (Vol. I—III), а также отдельные тома других серий.—Finance, Commerce and Navigation, Public Lands, Military Affairs, Indian Affairs.
- The American Independence through Prussian Eyes. A Neutral View of the Peace Negotiations of 1782—1783; Selections from Prussian Diplomatic Correspondence. Durham, 1959.
- Annals of Congress. The Debates and Proceedings in the Congress

- of the United States... Comprising the Period from [March 3, 1789] to May 27, 1824 Inclusive. Washington, 1834—1856, 42 Vols
Bartlett R. G. (ed.). *The Record of American Diplomacy. Documents and Readings in the History of American Foreign Relations*, 3d ed. New York, 1954.
- Beloff M.* (ed.). *The Debate on the American Revolution 1761—1783*. London, 1949.
- British and Foreign State Papers*. Vol. I, 1812—1814, Pt. I—II. London 1841; Vol. XIII. London, 1827.
- Clercq*. *Recueil des traités de la France*, t. I—II. Paris, 1864—1880.
- Comptager H. S.* (ed.). *Documents of American History*. New York, 1958.
- Diplomatic Correspondence of the United States of America from the Signing of the Definitive Treaty of Peace, 10th September, 1783 to the Adoption of the Constitution March 4, 1789*, 7 Vols. Washington, 1834.
- Documents Relative to the Negotiations for Peace between the United States and Great Britain*. Philadelphia, 1814.
- Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Solesbury (1902)*... Edited with Historical Introduction by Harold Temperley. Cambridge, 1938.
- Garden G.* *Historie générale des traités de paix et autres transaction principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie*, vol. I—XV. Paris, 1848—1887.
- Hans N.* Tzar Alexander and Jefferson: Unpublished Correspondence.—«*The Slavonic and East European Review*», Vol. XXXII, 1953, N 78.
- Journals of the Continental Congress, 1774—1789*, 34 Vols. Washington, 1904—1937.
- Martens G. F.* *Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échanges etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entr'elles qu'avec les puissances et Etats dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent*, vols I—VII. Gottingue, 1791—1802. В соответствии с Table générale du Recueil des traités de G. F. Martens et de ses continuateurs. Gottingue, 1876; для данного и последующих изданий приняты сокращения: R.—Recueil, 1-ère édition; NR—Nouveau recueil; S—Supplément; NS—Nouveau supplément.
- Mayo B.* (ed.). *Instructions to the British Ministers to the United States, 1791—1812*.—«*Annual Report of the American Historical Association for the Year 1936*», Vol. III. Washington, 1941.
- Millar H.* (ed.). *Treaties and Other International Acts of the United States of America 1776—1863*, 8 Vols. Washington, 1931—1948 (Vols. I—II).
- Moore J. B.* (ed.). *A Digest of International Law*, 8 Vols. Washington, 1906.
- The Parliamentary Debates (1803—1815)*, Vols. 1—31. London, 1804—1815 (отдельные тома).
- Richardson J. D.* (ed.) *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789—1897*, 10 Vols. Washington, 1896—1899 (Vol. I).
- Scott J. B.* *The Armed Neutralities of 1780 and 1800, a Collection of Official Documents*. New York, 1918.
- Webster C. K.* (ed.). *British Diplomacy 1813—1815*. London, 1921.

Wharton F. (ed.). The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States, 6 Vols. Washington, 1889.

Бумаги из личных архивов. Переписка, сочинения, мемуары и дневники политических и общественных деятелей, ученых, литераторов

- Архив графов Мордвиновых, т. I—X. Предисловие и примечания В. А. Бильбасова. СПб., 1901—1903 (т. III, IV, VI и др.).
- Архив князя Воронцова, 40 кн. М., 1870—1895. Роспись сорока книгам архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имен. М., 1897.
- Гамильтон А. Отчет генерал-казначая А. Гамильтона, учиненный Американским Штатам 1791 г. о пользе мануфактур в отношении оных к торговле и земледелию. СПб., 1807.
- Дашкова Е. Р. Записки книжны Дашковой. Под ред. и с пред. Н. Д. Чичулина. СПб., 1907.
- Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1—2. М., 1952.
- Карамзин Н. М. Сочинения (в различных изданиях, в частности, т. I. Пг., 1917; т. III. СПб., 1848; Переводы, т. VIII. СПб., 1833).
- Куракин А. Б. 1807 год. Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне.— «Русский архив», 1868, вып. 1.
- Кутузов М. И. Сборник документов, под ред. Л. Г. Бескровного, т. I—V. М., 1950—1956 (особенно т. IV—V).
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, т. 1—10. М.—Л., 1950—1957.
- Новиков Н. И. Избранные произведения. М.—Л., 1951.
- Панин Н. П. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770—1837), т. I—VII. СПб., 1888—1892, особенно т. VI, СПб., 1892.
- Письма и бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Публичной библиотеке. Изданы А. Ф. Бычковым. СПб., 1873.
- Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. т. 1—3. М.—Л., 1938—1952.
- Рихман Г. В. Труды по физике. М., 1958.
- Свиный П. П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей.— «Сын отечества», 1814, ч. XVII и XVIII.
- Свиный П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815; 2-е изд. СПб., 1818.
- Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России. (1785—1789). Пер. с франц. СПб., 1865.
- Сперанский М. М. Проекты и записки. Подг. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкин. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1961.
- Суворов А. В. Документы, т. II, М., 1951.
- Ушаков Ф. Ф. Документы, т. I. М., 1951.
- Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866.
- Фонвизин Д. И. Первое полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина. М., 1883.
- Франклин В. Учение добродушного Рихарда. СПб., 1784.
- Франклин В. Как благополучно век прожить, наука доброго человека Рихарда. М., 1791.

- Франклин В. Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений. Пер. с франц. А. Т. М., 1799.
- Франклин В. Собрание разных сочинений Вениамна Франклина. М., 1803.
- Франклин В. Избранные произведения. М., 1956.
- Франклин В. Опыты и наблюдения над электричеством. М., 1956.
- Храповицкий А. В. Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901.
- Чарторыйский А. Мемуары и переписка кн. Адама Чарторижского с императором Александром I, т. 1—2. М., 1912—1913 (см. также иностранные издания *Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre 1-er*, t. II. Paris, 1887; *Memoirs of Prince Adam Czartoryski and His Correspondence with Alexander I. Vol. II. London, 1888*).
- Эпинус Ф. У. Т. Теория электричества и магнетизма. Л., 1951.
- Adams J. *Diary and Autobiography of John Adams*, L. H. Butterfield, ed., 4 Vols, Cambridge, 1961.
- Adams J. and Jefferson Th. *The Adams—Jefferson Letters*, ed. by L. J. Cappon, 2 Vols. Chapel Hill, 1959.
- Adams J. Q. *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848*, ed. by C. F. Adams, 12 Vols. Philadelphia, 1874—1877.
- Adams J. Q. *The Diary of John Quincy Adams, 1794—1845*, A. Nevins, ed. New York, 1928.
- Adams J. Q. *Letters of John Quincy Adams to Alexander Hill Everett, 1811—1837*.—«The American Historical Review», Vol. XI, N 1, Oct. 1905.
- Adams J. Q. *Writings of John Quincy Adams*, ed. by W. S. Ford, 7 Vols. New York, 1913—1917.
- Bayard J. A. *Papers of James Bayard 1796—1815*, ed. by E. Donnan.—«Annual Report of the American Historical Association for the Year 1913», Vol. 2. Washington, 1815.
- Bernstorf A. *Denkwürdigkeiten aus dem Leben des k. dänischen Staatsministers Andreas Peter Grafen v. Bernstorf*. Kopenhagen, 1800.
- Calhoun J. C. *The Papers of John C. Calhoun, Vol. I, 1801—1817*, ed. by R. Meriwether. Univ. of. South Carolina Press, 1959.
- Calhoun J. C. *Correspondence of John C. Calhoun*, ed. by J. F. Jameson.—«Annual Report of the American Historical Association for the Year 1899», Vol. II. Washington, 1900.
- Canning G. *Some Official Correspondence of Lord Canning*, ed. by E. J. Stapleton, 2 Vols. London, 1887.
- Castlereagh R. S. (Londondarry). *Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh*, 12 Vols. London, 1848—1853.
- Clay H. *The Papers of Henry Clay, Vol. I (1797—1814); Vol. II (1815—1820)*, ed. by J. F. Hopkins. Lexington, 1959—1961.
- Dohm Ch. W. *Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Bd. I—II*. Hannover, 1814—1818.
- Eustaphieve A. *The Resources of Russia, in the Event of a War with France...* 2nd ed. London, 1812; 3d ed. London, 1813.
- Eustaphieve A. *The Resources of Russia, in the Event of a War with France...* 2nd ed. Corrected and Improved with an Appen-

- dix, Containing a Sketch of the Campaign in Russia. Boston, 1813.
- Eustaphie A.* Reply to the Edinburgh Reviewers. By the Author «The Resources of Russia» etc. Boston, 1813.
- Eustaphie A.* Memorable Predictions of the Late Events in Europe, Extracted from the Writings of Alexis Eustaphie, esquire, Boston, 1814.
- Eustaphie A.* Reflections, Notes and Original Anecdotes Illustrating the Character of Peter the Great. Boston, 1814.
- Eustaphie A.* Structures on «The Correspondence Respecting Russia».—In: Tchouykevitch P. Reflections on the War of 1812. Translated from the Russian by Eustaphie. Boston, 1813.
- Franklin B.* The Papers of Benjamin Franklin. Leonard W. Labaree, ed., Vols. I—VI. New Haven, 1959—1963.
- Franklin B.* The Writings of Benjamin Franklin, ed. by A. B. Smyth. 10 Vols. New York, 1907.
- Franklin B.* The Works of Benjamin Franklin, ed. by J. Sparks. 10 Vols. Boston, 1840.
- Gallatin A.* The Writings of Albert Gallatin, ed. by Henry Adams, 3 Vols. Philadelphia, 1879, Vol. I (1788—1816).
- Goertz, comte de.* Mémoire ou précis historique sur la neutralité armée et son origine suivi de pièces justificatives. Bâle, 1801.
- Hamilton A.* The Papers of Alexander Hamilton. H. C. Syrett, ed., Vols. 1—2. New York—London, 1961.
- Harris J.* Diaries and Correspondence of the First Earl of Malmesbury, 4 Vols. London, 1844 (Vols. I—II).
- Jackson A.* Correspondence of Andrew Jackson, ed. by J. S. Bassett, 7 Vols. Washington, 1926—1935 (Vols. I—II).
- Jefferson Th.* The Papers of Thomas Jefferson. Julian P. Boyd, ed., Vol. 1—16. Princeton, 1950—1961.
- Jefferson Th.* Memoirs, Correspondence, and Miscellanies, from the Papers of Thomas Jefferson. Thomas Jefferson Randolph, ed. 2nd ed. 4 Vols. Boston, 1830.
- Jones P.* Memoirs of Paul Jones, Late Rear-admiral in the Russian Service... Now First Compiled from His Original Journals and Correspondence, Including an Account of His Services under Prince Potemkin, prepared for publication by himself, Vols. I—II. London, 1843.
- Madison J.* The Writings of James Madison, ed. by G. Hunt, 9 Vols. New York—London, 1900—1910.
- Madison J.* The Papers of James Madison, ed. by W. T. Hutchison and W. M. E. Rachal. Chicago, 1962, Vols. I—II.
- Monroe J.* The Writings of James Monroe, including a Collection of His Public and Private Papers and Correspondence Now for the First Time Printed, ed. by S. M. Hamilton, 7 Vols. New York, 1898—1903 (Vols. I—V).
- Morris G.* Diary of the French Revolution by Gouverneur Morris, Vol. II. Boston, 1939.
- Napoléon I.* Correspondance de Napoléon I, vol. I—XXXII. Paris, 1858—1870.
- Nesselrode Ch. R. V.* Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Extrait de ses archives. Publiés et annotés avec une introduction... par comte A. Nesselrode. Paris, 1904—1912 (t. 2—5).

Sketch of the Internal Conditions of the United States and of Their Political Relations with Europe by a Russian. Translated from French by an American with Notes. Baltimore, 1826.

Svenin P. Sketches of Moscow and St. Petersburg. Philadelphia, 1813.

Svenin P. Sketches of Russia. London, 1814.

Tatistcheff S. Alexandre 1-er et Napoleon d'après leur correspondance inédite. Paris, 1891.

Washington G. The Writings of George Washington. From the Original Manuscript Sources 1745—1799. John C. Fitzpatrick, ed. 40 Vols. Washington, 1931—1944.

Труды путешественников и другие работы современников изучаемых событий

Баранщикова В. Несчастные приключения Василия Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода в 3-х частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г. СПб., 1787, 1788, 1793.

Боссю Ш. Новые путешествия в Западную Индию. Пер. с фр., ч. 1—2. М., 1783.

Головнин В. М. Путешествие российского императорского шлюпа «Диана» из Кронштадта на Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитана 1-го ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах, ч. 1—2. СПб., 1819. Новое издание этих трудов см. «Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах». М., 1961.

Головнин В. М. Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах.—«Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. 2. СПб., 1861.

Головнин В. М. Сочинения и переводы, т. I—V. СПб., 1864.

✓ *Давыдов Г.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, ч. I—II. СПб., 1810—1812.

[*Каржавин Е. Н.* и *Каржавин Ф. В.*] Remarques sur la langue russe et sur son alphabet. Publ., corr. et augm. par Phéodore Karjavine... St. Pétersbourg, 1789, 1791.

[*Каржавин Ф. В.*] Сокращенный витрувий, или Совершенный архитектор. Перевод архитектуры-помощника Федора Каржавина. М., 1789.

[*Каржавин Ф. В.*] Описание хода купеческих караванов в степной Аравии... СПб., 1790.

Каржавин Ф. В. Словарь, в котором, по возможности моей, изъяснены иноязычные, обретающиеся в архитектурических сочинениях речи, из которых многие приняты нашими зодчими без нужды от иноземельных мастеров... М., 1791.

[*Каржавин Ф. В.*] Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилия, трижды умершего, и проч... Перевод Ф[едора] К[аржавина]. М., 1791.

Каржавин Ф. В. Французские, российские и немецкие разговоры в пользу начинателей. СПб., 1791, 1803.

Каржавин Ф. В. Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. Le guide français par Théodore Karjavine. СПб., 1794.

Каржавин Ф. В. Фокус-покус, или Собрание любопытное редких удивительных и забавных ручных искусств. СПб., 1795.

[*Каржавин Ф. В.*] Новоявленный ведун, поведающий гадания духов... СПб., 1795.

[*Каржавин Ф. В.*] *Modèle des jeunes gens. Lecture pour l'étude de la langue française* (Ed. rev. et corr. par Théodore Karjavine). St. Pétersbourg, 1796.

Крузенштерн И. Ф. Путешествия вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», ч. I—III. СПб., 1809—1812. (Новое издание, с сокращениями: Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Вст. статья А. Д. Добровольского и Н. Н. Зубова. М., 1950).

Купер. Сокращенная английская история с древнейших до нынешних времен, сочиненная г. Купером, по распоряжению графа Честерфильда, с присовокуплением в дополнение из другого автора описания войны Англии с Соединенными Американскими областями. Пер. с англ. СПб., 1790.

Ладыгин Д. М. Известие в Америке о селениях аглицких, в том числе ныне под названием Соединенных Провинций, выбрано перечнем из новейших о том пространных сочинителей. СПб., 1783.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, ч. I—II. СПб., 1812.

Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей. Переведено с немецкого на российский язык А. Р. СПб., 1763.

Рейналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Пер. с фр., ч. I—6. СПб., 1805—1811.

Робертсон В. Известие о Америке. Пер. с англ., кн. I—II. СПб., 1784.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Таубе Ф. В. История о аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оные в древние, средние и новейшие времена до 1776 года; с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке и прочих тому подобных вещей до 1776 года. Пер. с нем. М., 1783.

Хлебников К. Записки К. Хлебникова. О Америке.—«Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. 3. СПб., 1861.

Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, ч. II. СПб., 1818.

Brackenridge H. M. *History of the Late War between the United States and Great Britain*, 2nd ed. Baltimore, 1817.

Brown S. R. *Authentic History of the Second War for Independence*, Vols. I—II. Auburn, 1815.

Clark E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*, Vols. I—VI. London, 1810—1823, Vol. I (*Travels in Russia*). London, 1810, 1811, 1813; *Voyages en Russia, en Tartarie et en Turquie*, vols. I—II. Paris. 1812.

- The Celebration of the Russian Victories, In Georgetown District of Columbia; on the 5th of June, 1813. Georgetown, 1813.
- Correspondence respecting Russia between Robert Goodloe Harper and Robert Walsh, Jr., ed. by Robert Walsh, Philadelphia, 1813.
- Coxe T.* A View of the United States of America in a Series of Papers Written at Various Times between the Years 1787—1794. London, 1795.
- History of French Influence in the United States, to which is Added an Exposition of a Congressional Caucus (by Camillus). Philadelphia, 1812.
- Lewis M.* and *Clark W.* The Journals of Lewis and Clark. New York, 1964.
- Mr. Madison's War. A Dispassionate Inquiry into the Reasons Alleged by Mr. Madison for Declaring an Offensive and Ruinous War against Great Britain. By a New England Farmer. Philadelphia, 1812.
- Niemcewicz J. U.* Podróże po Ameryce 1797—1807. Wrocław — Warszawa, 1959.
- Porter R. K.* Travelling Sketches in Russia and Sweeden, Vols. 1—2. London, 1809.
- Porter R. K.* Narrative of the Campaign in Russia during the Year 1812. Philadelphia, 1815.
- Raynal G. T.* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, 10 vols. 1780—1781. Genève, 1780—1781.
- Raynal G. T.* Revolution de l'Amérique. Londre — La Haye, 1781.
- Sketch of Our Political Condition, Addressed to the Citizens of the United States without Distinction of Party by a Citizen of New York. New York, 1813.

Пресса

- «Академические известия», СПб., 1779—1781.
- «Вестник Европы», М., 1802—1815.
- «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», Тобольск, 1790.
- «Московские ведомости», 1775—1815.
- «Московский журнал», 1791—1792.
- «Новые ежемесячные сочинения», 1786—1796.
- «Периодическое издание», 1804.
- «Политический журнал», М., 1790—1802.
- «Прибавление к „Московским ведомостям“», 1783—1784.
- «Приятное и полезное препровождение времени», М., 1794—1798.
- «С.-Петербургские ведомости», 1775—1815.
- «С.-Петербургские еженедельные сочинения», 1778.
- ↓ «С.-Петербургский вестник», 1778—1780.
- ↓ «С.-Петербургский журнал», 1804—1808.
- «С.-Петербургские коммерческие ведомости», 1803—1807, 1810.
- «Северный вестник», СПб., 1804—1805.
- «Северная почта», СПб., 1809—1815.
- «Сын отечества», СПб., 1812—1815.
- «Уединенный пошехонец», Ярославль, 1786.
- «The Annual Register, or a View of the History, Politics and Literature...» London, 1800—1815.

- «The Edinburgh Review or Critical Journal». Edinburgh—London, 1802—1815.
- «The Historical Register of the United States», Vols. I—IV. Washington, 1814—1816.
- «Le Moniteur». Paris (выборочно).
- «Neues St. Petersburgischen Journal vom Jahre 1784».
- «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». СПб., 1789 и др. годы.
- «Register (The American Annual) or Historical Memoirs of the United States for the Year 1796». Philadelphia, 1797.
- «The Times». London (выборочно).
- «Transactions of the American Philosophical Society, held at Philadelphia, for promotion of Useful Knowledge», vol. I. Philadelphia, 1771 и за другие годы.
- «The Weekly Register, Containing Political, Historical etc. Documents, Essays and Facts» (Niles' Weekly Register). Baltimore, 1811—1815.
- Использовались также многочисленные вырезки и полные экземпляры различных американских газет, пересылавшихся в С.-Петербург русскими представителями в США («The National Intelligencer», «The Weekly Messenger», «The Boston Gazette», «Aurora», «The Repertory and General Advertiser» и др.).

Статистические материалы, справочники, указатели

- Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства, ч. I—II. СПб., 1818—1819.
- Брюханов А. Ф.* К судьбе архива Российско-американской компании.—«Вестник АН СССР», 1934, № 9.
- Государственная торговля в разных ее видах, кн. 1—6, 1802—1807 (СПб., 1803—1808) — год издания не обозначен.
- Гольдберг А. Л.* Печатные материалы публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина о войне 1812 года.—«Вопросы истории», 1962, № 6.
- Дипломатический словарь, т. 1—3. Главная редакция: А. А. Громыко, С. А. Голунский, В. М. Хвостов, 2-е изд. М., 1960—1964.
- Затворницкий Н. М.* Наполеоновская эпоха. Библиографический указатель. Выпуск I—II. СПб., 1914—1915.
- Икскуль Ю.* Опись дел Архива Государственного совета, т. I. СПб., 1908.
- Кайданов Н.* Систематический каталог делам государственной коммерц-коллегии (1716—1811 гг.). СПб., 1884.
- Каменецкий В.* Материалы о русско-американских отношениях XVIII—XIX вв. в русских изданиях.—«Исторический журнал», 1943, № 3—4.
- Коммерческая статистика иностранных государств. СПб., 1844.
- Неустроев А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802. СПб., 1874.
- Неустроев А. Н.* Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 и к историческому розысканию о них. СПб., 1898.
- Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.—Л., 1958.
- Рукописные материалы Леонарда Эйлера в архиве Академии наук СССР, т. I. М.—Л., 1962.

- Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, под ред. В. Покровского. СПб., 1902.
- Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1766—1782). М.—Л., 1937.
- Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции, т. 1—7. М., 1781—1788, т. 7.

- The American Historical Association's Guide to Historical Literature. New York, 1961.
- Bemis S. F., Griffin G. G. Guide to the Diplomatic History of the United States (1775—1921). Washington, 1935.
- Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. Catalogue de la Sec. des Rossica ou Ecrits sur la Russie en Langues Etrangères. 2 vols. St. Pétersbourg, 1873.
- Bouloiseau M. Les archives Voronzov.—«Revue Historique», t. CCXXX, Juillet—Sept. 1963.
- Brigham C. S. History and Bibliography of American Newspapers 1690—1820, Vols 1—2. Worcester, 1947.
- Butterfield L. H. The Papers of the Adams Family: Some Account of Their History.—«Proceedings of the Massachusetts Historical Society», Vol. 71 (1953—1957).
- Checklist of U—S. Public Documents 1798—1909, 3d ed., Vol. I, Lists of Congressional and Departmental Publications. Washington, 1911.
- Cronin J. W. and Wise W. H. A Bibliography of John Adams and John Quincy Adams... Washington, 1935.
- Cronin J. W. and Wise W. H. A Bibliography of James Madison and James Monroe. Washington, 1935.
- Dictionary of American Biography..., 20 Vols. New York, 1928.
- Evans Ch. H. (ed.). Exports, Domestic, from the United States to All Countries from 1789 to 1883, Inclusive.—48th Congress, 1st Session, House of Representatives, Miscellaneous Document 49, Pt 2. Washington, 1884.
- Frebe W. Ch. Über Rußlands Handel..., Bd. I. Gotha und St. Petersburg, 1796
- Golder F. A. Guide to Materials for American History in Russian Archives, Vols. I—II. Washington, 1917—1937.
- Griffin G. G. Writings on American History. New York, New Haven and Washington (imprint varies) 1906—1940; Writings on American History, 1948, 1949, 1950, ed. by G. K. Masterson (Vol. II of the Annual Report of the American Historical Association). Washington, 1952, 1954, 1953.
- Guide to the American Historical Review, 1895—1945. Washington, 1945.
- Guide to Archives and Manuscripts in the United States. Comp. for the National Historical Publications Commission. Ph. M. Hamer, ed. New Haven, 1961.
- Handlin O., Schlesinger A. M., Morison S. E. a o. Harvard Guide to American History. Cambridge, 1960.
- John Quincy Adams and Russia. A Sketch of Early Russian-American Relations as Recorded in the Papers of the Adams Family and Some of Their Contemporaries. Quincy, 1965.
- Lips A. Statistik von Amerika. Frankfurt a/M., 1828.
- Macgregor J. The Progress of America, Vols. I—II. London, 1847.

- A National Program for the Publication of Historical Documents. A Report to the President by the National Historical Publications Commission. Washington, 1954.
- Oddy J.* European Commerce... London, 1805.
- Pitkin T.* A Statistical View of the Commerce of the United States of America. New Haven, 1835.
- Storch H.* Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs..., T. I—VII. Riga—Leipzig, 1797—1803.
- Storch H.* Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Teil des historisch-statistischen Gemäldes... Leipzig, 1803.
- U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Washington, 1960.
- United States Congress. Biographical Directory of the American Congress 1774—1949. Washington, 1950.

Биографии

- Барсов Е. В.* Государственный канцлер, граф Н. П. Румянцев.— «Древняя и новая Россия», т. 2, 1877.
- Григорович Н.* Канцлер князь Безбородко, т. I—II. СПб., 1879—1881.
- Дуров Н. П.* Федор Васильевич Каржавин.— «Русская старина», т. XII, февраль 1875.
- Замятин Г. А.* К. А. Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910.
- Иконников В. С.* Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873.
- Макагоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951.
- Макагоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956.
- Николай Михайлович [Романов]*, вел. кн. Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I, т. I—III. СПб., 1903.
- Николай Михайлович [Романов]*, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования, т. I—II. СПб., 1912.
- Полевой Б.* Григорий Шелихов — «Колумб русский». Магадан, 1960.
- Хлебников К.* Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1833.
- Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование, изд. 2, т. I—IV. СПб., 1904—1905.
- Bemis S. F.* (ed.). American Secretaries of State and Their Diplomacy, 10 Vols. New York, 1927—1929 (Vols. I—IV).
- Bemis S. F.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York, 1949.
- Brant I.* James Madison, 6 Vols. Indianapolis—New York, 1941—1961 (особенно James Madison: the President, Indianapolis, 1956; James Madison: Commander in Chief. Indianapolis—New York, 1961).
- Brownson S. M.* Life of Demetrius Augustine Gallizin. New York, 1873 (французское издание — Paris, 1880).
- Chevigny H.* Lost Empire, The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. New York, 1937.
- Chevigny H.* Lord of Alaska, Baranov and the Russian Adventure. London, 1946.

- Cresson W. P.* Francis Dana. New York, 1930.
- Cresson W. P.* James Monroe. Chapel Hill, 1946.
- East R. A.* John Quincy Adams. The Critical Years. 1785—1794. New York, 1962.
- Eaton C.* Henry Clay and the Art of American Politics. Boston—Toronto, 1957.
- Gilman D. C.* James Monroe. Boston and New York, 1911.
- Heyden Th.* Der Missioner Fürst Augustin Gallitzin. Hamburg, 1859.
- Johnson G. W.* The First Captain. The Story of John Paul Jones. New York, 1947.
- Mayo B.* Henry Clay. Boston, 1937.
- Merk F.* Albert Gallatin and the Oregon Problem. 1950.
- Porter K. W.* John Jacob Astor. Cambridge, 1931.
- Smith A. D. H.* John Jacob Astor: Landlord of New York. Philadelphia—London, 1929.
- Sparks J.* Life of John Ledyard, the American Traveller. Boston, 1864.
- Styron A.* The Last of the Coked Hats. James Monroe and the Virginia Dynasty. Oklahoma, 1945.
- Van Deusen G. G.* The Life of Henry Clay. Boston—Toronto, 1963.
- Wiltse Ch. M.* John C. Calhoun Nationalist, 1827—1828. Indianapolis—New York, 1944.

III. Исторические исследования и работы общего характера

- Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. 1—2. Варшава, 1897.
- Алексеев М. П.* Филологические наблюдения Каржавина Ф. В. (Из истории русской филологии в XVIII в.).— «Романская филология». Л., 1961.
- Аптекер Г.* История американского народа, т. 2. Американская революция 1763—1783. Пер. с англ. М., 1962.
- Бак И. С.* Дмитрий Алексеевич Голицын (философские, общественно-политические и экономические воззрения).— «Исторические записки», 1948, № 26.
- Белявская И. А. Б.* Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа.— «Вопросы истории», 1956, № 10.
- Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. М.—Л., 1946.
- Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949.
- Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952.
- Берх В.* Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? СПб., 1823.
- Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов... СПб., 1823.
- Берх В. Н.* Побег графа Бениовского из Камчатки во Францию.— «Сын отечества», 1821, № XXVII, XXVIII.
- Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.

- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй, т. 1—2. СПб., 1890—1891.
- Богданович М.* История царствования императора Александра I и Россия в его время, т. I—VI. СПб., 1869—1871.
- Болховитинов Н. Н.* Отклики в США на Отечественную войну 1812 года.— «Новая и новейшая история», 1962, № 6.
- Болховитинов Н. Н.* Русская дипломатия и война США за независимость 1775—1783 годов.— «Новая и новейшая история», 1964, № 1.
- Болховитинов Н. Н.* Становление научных и культурных связей между Россией и Америкой.— «История СССР», 1965, № 5.
- Болховитинов Н. Н.* Война Латинской Америки за независимость и позиция России.— «Вопросы истории», 1965, № 11.
- Болховитинов Н. Н.* и *Дивильковский С. И.* Русская дипломатия и англо-американская война 1812—1814 гг.— «Новая и новейшая история», 1961, № 4.
- Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи, т. I—III. СПб., 1910—1913.
- Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826), под ред. Н. М. Лаврова (отв. ред.), А. И. Штрахова, Б. И. Коваля. М., 1964.
- Всемирная история, гл. ред. Е. М. Жуков, т. V—VI. М., 1958—1959.
- Гольдберг Н. М.* Русско-американские отношения в начале XIX века. 1801—1815 гг. ЛГУ, 1947 (дисс.).
- Даневский В.* Исторический очерк нейтралитета. М., 1879.
- Дацюк Б. Д.* Русская журналистика в начале XIX века (1800—1812). М., 1948.
- Двойченко-Маркова Е.* Штурман Герасим Измайлов.— «Морские записки» т. 13, № 4, Нью-Йорк, 1955.
- Дружинин Н. М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России.— «Вопросы истории», 1949, № 11.
- Дружинин Н. М.* Генезис капитализма в России.— «Десятый международный конгресс историков в Риме». М., 1956.
- Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М., 1934.
- Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII в.). М., 1948.
- Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий... М., 1950.
- Ефимов А. В.* Общественная деятельность Вениамина Франклина.— «Вестник АН СССР», 1956, № 3.
- Ефимов А. В.* «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера.— «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.
- Ефимов А. В.* Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1955; 2-е изд. М., 1958.
- Захарова М. Н.* О генезисе идей Т. Джефферсона.— «Вопросы истории», 1948, № 3.
- Завич И.* Испания в дипломатических отношениях России в 1812 г.— «Исторический журнал», 1943, кн. 3—4.
- Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.—Л., 1966.
- История дипломатии, т. I, 2-е изд. М., 1959.
- История XIX века под ред. проф. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. под ред. Е. В. Тарле, т. I—III. М., 1938.

- Капица П. Л.* Жизнь для науки. Ломоносов, Франклин, Резерфорд, Ланжевен. М., 1965.
- Каченовский Д.* О каперах и призовом судопроизводстве. М., 1855.
- Лазарев Н.* Первые сведения русских о Новом свете.— «Исторический журнал», 1943, № 1.
- Лехтблау Л.* Из истории просветительной литературы в России.— «Историк-марксист», 1939, № 1.
- Лестер Г. М.* Знакомство ученых Северной Америки колониального периода с работами М. В. Ломоносова и Петербургской академии наук.— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 12. М., 1962.
- Лешков В.* Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли. М., 1841.
- Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947.
- Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1950.
- Майский И. М.* Наполеон и Испания.— «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.
- Майский И. М.* Испания 1808—1917 гг. М., 1957.
- Народы Америки, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, т. 1. М., 1959.
- Нарочницкий А. Л.* Об историческом значении континентальной блокады.— «Новая и новейшая история», 1965, № 6.
- Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 8.
- Нечкина М. В.* Вольтер и русское общество.— «Вольтер. Статьи и материалы». М., 1948.
- Нечкина М. В.* К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма.— «Вопросы истории», 1963, № 12.
- Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.—Л., 1939.
- Орлов В.* Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
- Очерки новой и новейшей истории США. т. 1, под ред. Г. Н. Севостьянова (отв. ред.), И. А. Белявской, Г. П. Куропятника и Б. Я. Михайлова. М., 1960.
- Очерки экономической истории России первой половины XIX века, под ред. М. Рожковой. М., 1959.
- Плимак Е. Г.* Правда книги и ложь комментария (К выходу в США «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева).— «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962.
- Плимак Е. Г.* Злоключения буржуазной компаративистики.— «История СССР», 1963, № 3.
- Попов А. Н.* Отечественная война. Историческое исследование, т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. М., 1905.
- Потехин В. А.* Селение Росс. С116., 1859 (Оттиск из «Журнала мануфактур и торговли», 1859, т. 8).
- Предтеченский А. В.* К вопросу о влиянии континентальной блокады на развитие торговли и промышленности в России.— «Известия АН СССР. Отд. общ. наук», 1931, № 8.
- Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957.
- Преображенский А. А.* О составе акционеров Российско-американ-

- ской компании в начале XIX в.— «Исторические записки». 1960, № 67.
- Радовский М. И.* Вениамин Франклин и его связи с Россией. М.— Л., 1958.
- Рочестер А.* Американский капитализм, 1607—1800. М., 1950.
- Сгибнев А. С.* Бунт Бениовского в Камчатке в 1771 г.— «Русская старина», т. 15, 1876.
- Семенов А. А.* Исторические сведения о внешней торговле и промышленности России, т. I—III. СПб., 1859.
- Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
- Соловьев С. М.* Император Александр первый. Политика — Дипломатия. СПб., 1887.
- Сорель А.* Европа и французская революция. Пер. с франц. Н. И. Кареева, т. 1—8. СПб., 1892—1908.
- Станиславская А. М.* Россия и Англия в годы второй турецкой войны 1787—1791.— «Вопросы истории», 1948, № 11.
- Станиславская А. М.* Англо-русские отношения в конце XVIII века.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», 1956, № 12.
- Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962.
- Старцев-Кунин А. И.* Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века [М., 1946], (дисс.).
- Старцев А.* Франклин и русское общество XVIII века.— «Интернациональная литература», 1940, № 3—4.
- Старцев А.* О западных связях Радищева.— «Интернациональная литература». 1940, № 7/8.
- Старцев А.* Американская война за независимость в русской печати конца XVIII в. Обзор редких изданий.— «Историческая литература», вып. 5—6, 1940.
- Старцев А. И.* Америка и русское общество. М., 1942.
- Старцев А. И. Ф. В. Каржавин и его американское путешествие.*— «История СССР», 1960, № 3.
- Тарле Е. В.* Континентальная блокада.— Соч., т. III. М., 1958.
- Тарле Е. В.* Была ли Екатерининская Россия экономически отсталою страной? — Соч., т. IV. М., 1958.
- Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании..., ч. I—II. СПб., 1861—1863.
- Трачевский А.* Испания девятнадцатого века. М., 1872.
- Фонер Ф.* История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х годов XIX в. Пер. с англ. М., 1949.
- Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1953.
- Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М., 1955.
- Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII в. М.— Л., 1960.
- Хайд Ч.* Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 1. М., 1950.
- Халфин Н. А.* Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М., 1958.
- Широкий В. Ф.* Из истории хозяйственной деятельности Российско-

- американской компании.— «Исторические записки», т. 13. М., 1942.
- Шпрыгова М. Н.* Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» Н. И. Новикова.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3.
- Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789—1794. М., 1956.
- Штурм Г.* Потаенный Радищев.— «Новый мир», 1964, № 11.
- Шур Л. А.* Испанская и Португальская Америка в русской печати XVIII — первой четверти XIX в.— «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М., 1960.
- Шур Л. А.* Россия и Латинская Америка. М., 1964.
- Яцунский В. К.* Основные этапы генезиса капитализма в России.— «История СССР», 1958, № 5.
- Яцунский В. К.* О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность.— «Вопросы народного хозяйства СССР. К 85-летию акад. С. Г. Струмилина». М., 1962.
- Adams H.* A History of the United States of America during the Administrations of Jefferson and Madison, 9 Vols. New York, 1931.
- Albrecht E.* Die Stellung der Vereinigten Staaten von Amerika zur bewaffneten Neutralität von 1780.— «Zeitschrift für Völkerrecht», VI, 1913.
- Alexsandrov V.* L'Ours et la baleine. L'histoire des relations extraordinaires russo-américaines. Paris, 1958.
- America and Russia. A Century and a Half of Dramatic Encounters.* Ed. by O. Jenson. New York, 1962.
- Andrews C. L.* The Story of Alaska. Caldwell, 1938.
- Aptheker H.* Historical Writing and the American Revolution.— «Political Affairs», 1959, Vol. 38, N 7.
- Babcock K. Ch.* The Rise of American Nationality, 1814—1819. New York and London, 1906.
- Babey A. M.* Americans in Russia 1776—1917. A Study of the American Travellers in Russia from the American Revolution to the Russian Revolution. New York, 1938.
- Bailey Th. A.* America Faces Russia. Russian—American Relations from Early Times to Our Day. Ithaca, 1950.
- Bailey Th. A.* A Diplomatic History of the American People, 7th ed. New York, 1964.
- Bancroft H. H.* Californie, Vol. II, 1801—1824. San Francisco, 1885.— «The Works of Hubert Howe Bancroft», Vol. XIX.
- Bancroft H. H.* History of Alaska, 1730—1885. San Francisco, 1886.— «The Works of Hubert Howe Bancroft», Vol. XXXIII.
- Beirne F.* The War of 1812. New York, 1949.
- Bemis S. F.* The Diplomacy of the American Revolution. The Foundations of American Diplomacy 1775—1823. New York—London, 1935, rev. ed. 1957.
- Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States. New York, 1955; 5th ed. 1965.
- Bemis S. F.* Pinckney's Treaty. America's Advantage from Europe's Distress 1783—1800. New Haven, 1960.
- Bergbohm C.* Die bewaffnete Neutralität, 1780—1783. Berlin, 1884.
- Bining A. C.* The Rise of American Economic Life. New York, 1955.

- Bogart E. L.* and *Kemmerer D.* Economic History of the American People. New York, 1948.
- Bonnel U.* La France, les Etats — Unis et la guerre de course (1757—1815). Paris, 1961.
- Brooks Ch. B.* The Siege of New Orleans. Seattle, 1961.
- Brown R. H.* The Republic in Peril: 1812. New York—London, 1964.
- Burt A. L.* The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New Haven, 1940.
- The Cambridge History of British Foreign Policy 1783—1919, ed. by A. W. Ward and G. P. Gooch, Vol. I (1783—1815). Cambridge, 1922; Vol. II (1815—1866). Cambridge, 1923.
- The Cambridge Modern History, Vol. 9. London, 1934.
- Carpenter W. S.* The United States and the League of Neutrals of 1780.—«American Journal of International Law», Vol. XV, 1921.
- Carr A. H.* The Coming of the War. An Account of the Remarkable Events Leading to the War of 1812. New York, 1960.
- Carusi C. F.* and *Kojouharoff C.* The First Armed Neutrality.—«National University Law Review», 1929, N 9.
- Chidsey D. B.* The Battle of New Orleans. An Informal History of the War That Nobody Wanted: 1812. New York, 1961.
- Chinard G.* Jefferson's Influence Abroad—«The Mississippi Valley Historical Review», Vol. XXX, N 2, Sept. 1943.
- Chaboseau A.* Les premiers relations diplomatiques entre les Etats-Unis et la Russie (1776—1809).—«Revue Bleu», Paris, 1926, N 16.
- Channing Ed.* A History of the United States, 6 Vols. New York, 1927—1932 (Vols. III—IV).
- Chittenden H. M.* The American Fur Trade in the Far West: A History of Pionier Trading Posts and Early Fur Companies of the Missouri Valley and Rocky Mountains, 2 Vols. New York, 1936.
- Clark Th.* Frontier America. The Story of the Westward Movement. New York, 1959.
- Clark V. S.* History of Manufacture in the United States (1607—1860). Washington, 1916 (repr. 1929).
- Cleland R. C.* Asiatic Trade and the American Occupation of the Pacific Coast.—«American Historical Association. Annual Report 1914». Washington, 1916, Vol. 1.
- Clive D.* The Early Development of the American Cotton Manufacture.—«Quarterly Journal of Economics», Vol. XXXIX, May 1925.
- Corwin E. S.* French Policy and the American Alliance of 1778. Hamden, 1962.
- Crouzet F.* L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813), t. 1—2. Paris, 1958.
- Crouzet F.* Groupes de pression et politique de blocus: remarques sur les origines des Ordres en Conseil de Novembre 1807.—«Revue historique», t. CCXXVIII, Juillet—Septembre, 1962.
- Cunliffe M.* The Nation Takes Shape 1789—1837. Chicago, 1959.
- Dangerfield G.* The Era of Good Feelings (1815—1828). New York, 1952.
- Davis J.* The Russian Immigrant. New York, 1922.
- Dean V. M.* The United States and Russia. Cambridge, 1948.
- Dulles F.* The Road to Teheran; the Story of Russia and America 1781—1943. Princeton, 1946.

- Dvoichenko-Markoff E.* Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science.—«Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 91, N 3, Aug, 1947.
- Dvoichenko-Markov E.* The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations.—«Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 94, N 6, Dec. 1950.
- Dvoichenko-Markov E.* A Russian Traveler to Eighteenth-Century America.—«Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 97, N 4, Sept. 1953.
- Dvoichenko-Markov E.* John Ledyard and the Russians.—«Russian Review», 1951, N 10.
- Dvoichenko-Markov E.* The Russian Members of the American Academy of Arts and Sciences.—«Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 109, N 1, Feb., 1965.
- Fauchille P.* La diplomatie française et la ligue des neutres de 1780. Paris, 1893.
- Fäulknner H.* American Economic History. New York, 1949.
- Franklin F.* The Rise of the American Nation 1789—1824. New York, 1943.
- Fuller G. W.* History of the Pacific Northwest. New York, 1941.
- Gilpin A. R.* The War of 1812 in the Old Northwest. Toronto, 1958.
- Golder F. A.* Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914.
- Golder F. A.* Catherine and the American Revolution.—«The American Historical Review», Vol. XXI, N 1, Oct. 1915.
- Gray L. C.* History of Agriculture in the Southern United States to 1860, Vols. I—II. New York, 1941.
- Green E. B.* The Revolutionary Generation 1763—1790. New York, 1943.
- Handlin O.* Boston's Immigrants, 1790—1865. Cambridge, 1941.
- Hildt J. C.* Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906.
- Hitsman J. M.* The War of 1812 in Canada.—«History Today», London, 1962, Vol. 12, N 9.
- Hofstadter R. a. o.* The American Republic, Vol. I. New York, 1959.
- Hölzle E.* Russland und Amerika. Aufbruch und Begegnung zweier Weltmächte. München, 1953.
- Hulley C. C.* Alaska 1741—1953. Portland, 1953.
- Hyneman Ch. S.* The First American Neutrality. A Study of the American Understanding of Neutral Obligations During the Years 1792 to 1815. Urbana, 1934.—«Illinois Studies in the Social Sciences», Vol. XX, N 1—2.
- Johnson E. R., Van Metre T. W., Huebner G. G. and Hanchett D. S.* History of Domestic and Foreign Commerce of the United States, Vols. I and II in one volume. Washington, 1915; repr. 1922.
- Jones P.* An Economic History of the United States since 1783. London, 1956.
- Kirkland E. C.* A History of American Economic Life. New York, 1941.
- Laserson M. M.* The American Impact on Russia 1784—1917. Diplomatic and Ideological. New York, 1950; 2nd ed. New York, 1962.
- Latane J. H. and Wainhouse D. W.* A History of American Foreign Policy. New York, 1941.

- Latimer M. K.* South Carolina — a Protagonist of the War of 1812.— «American Historical Review», Vol. LXI (1956).
- Manning C. A.* Russian Influence on Early America. New York, 1953.
- Mahen A. T.* The Negotiations at Ghent in 1814.— «American Historical Review», Vol. XI, N 1, Oct. 1905.
- Marshall P.* Radicals, Conservatives and the American Revolution.— «Past and Present», Oxford, 1962, N 23.
- Madariaga I. de.* Britain, Russia, and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution. New Haven, 1962.
- Mc Cracken H.* Hunters of the Stormy Sea. The History of the Sea Otter Hunters of Alaska. Garden City, 1957.
- Mc Master J.* A History of the People of the United States. 8 Vols. New York, 1917—1921.
- Morison S. E. and Commager H. S.* The Growth of the American Republic, 2 Vols. New York, 1955.
- Nettels C. P.* The Emergence of a National Economy 1775—1815. New York, 1962.
- Nye R. B.* The Cultural Life of the New Nation 1776—1830. New York, 1960.
- Ogden A.* The California Sea Otter Trade 1784—1848. Berkeley and Los Angeles, 1941.
- Parkes H. B.* The United States. A History. New York, 1953.
- Perkins B.* The First Rapprochement. England and the United States 1795—1805. Philadelphia, 1955.
- Perkins B.* Prologue to War. England and the United States 1805—1812. Berkeley, 1961.
- Perkins B.* Castlereagh and Adams. England and the United States 1812—1823. Berkeley, 1964.
- Perkins D. and Van Deusen G.* The United States of America: a History, Vol. I. New York, 1962.
- Philippi G.* Imperialistische und pazifistische Strömungen in der Politik der Vereinigten Staaten von Amerika während der ersten Jahrzehnte ihres Bestehens (1776—1815). Heidelberg, 1914.
- Phillips F. D.* Salem Opens American Trade with Russia.— «The New England Quarterly», Vol. XIV, N 4, Dec. 1941.
- Pilder H.* Die Russisch-Amerikanische Handelskompanie bis 1825. Berlin, 1914.
- Pratt J.* Expansionists of 1812. Gloucester, 1957.
- Pratt J.* A History of the United States Foreign Policy. Prentice Hall, 1955; 2nd ed., 1965.
- Renaut F. P.* Les relations diplomatiques entre la Russie et les Etats-Unis (1776—1825). Catherine II et les insurgés. La mission Dana (1776—1783). Paris, 1923.
- Renaut F. P.* Les Provinces-Unies et la Guerre d'Amérique (1775—1784): 1. De la Neutralité à la belligerence (1775—1780). Paris, 1942; 2. La propagande insurgente: C. W. F. Dumas (1775—1780). Paris, 1925; 3. La Marine Hollandaise, Paris, 1932.
- Riegel R. E.* America Moves West. New York, 1956.
- Rippy J. F. and Debo A.* The Historical Background of the American Policy of Isolation.— «Smith College Studies in History», vol. IX, N 3—4, April—July 1924.
- Ryerson S. B.* Founding of Canada. Beginnings to 1815. Toronto, 1960.

- Ryerson S. B.* The Tangled Skein of 1812.—«The Marxist Quarterly», Toronto, Summer 1962, N 2.
- Shannon F. A.* America's Economic Growth, 3d ed. New York, 1951.
- Sears L. M.* A History of American Foreign Policy. New York, 1938.
- Shulim J. I.* The United States Views Russia in the Napoleonic Age.—«Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 102, N 2, April 30, 1958.
- Stourzh G.* Benjamin Franklin and American Foreign Policy. Chicago, 1954.
- Straus O.* The United States and Russia: Their Historical Relations.—«The North American Review», Vol. 181, N 2, Aug. 1905.
- Tarsaidze A.* Czars and Presidents. The Story of a Forgotten Friendship. New York, 1958.
- Taylor G. R.* Agrarian Discontent in the Mississippi Valley Preceding the War of 1812.—«Journal of Political Economy», Vol. XXXIX, N 4, Aug. 1931.
- Thistlethwaite F.* The Anglo-American Connections in the Early Nineteenth Century. Philadelphia, 1959.
- Vernadsky G.* Reforms Under Czar Alexander: French and American Influences.—«The Review of Politics», Vol. 9, N 1, Jan. 1947.
- Völkl E.* Das russische Pazifik-Imperium, Aufbauversuche und Rückzug.—«Saeculum», Jahrgang, 1965, Band. 16, Ht. 4.
- Weinberg A. R.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935.
- Williams W. A.* American-Russian Relations (1781—1947). New York, 1952.
- Winther O. O.* The Old Oregon Country. Bloomington, 1950.
- Yarnolinsky A.* Russian Americana. Sixteenth to Eighteenth Centuries. A Bibliographical and Historical Study. New York, 1943.

Указатель имен

- Адамс А. 83, 418
Адамс Г. 8, 9, 35, 361, 404, 484, 494, 520, 528, 537
Адамс Д. (Адамс И.) 34, 68, 71, 74, 75, 80, 82, 83, 89, 112, 114, 187, 201—203, 239, 285, 529, 565, 593
Адамс Д. К. 11, 24, 34—37, 83, 84, 160, 206, 235, 254, 358, 360, 361, 372—377, 390, 391, 394, 399—404, 406—409, 412—421, 424, 427, 430, 432, 437—439, 444, 450—452, 506, 515, 520, 522, 525, 527, 529, 530, 533, 534, 538, 540—542, 546—549, 551, 552, 554—557, 559, 562—568, 584, 585, 588, 598, 599
Адамс Л. 373, 418
Адамс У. 557
Адамс Ч. Ф. 35, 373
Адамсы 8, 34, 35
Аделунг Ф. 235, 255
Александр I 8, 23, 24, 30, 36, 161, 205—210, 212, 214, 215, 255—267, 307, 324, 332, 336, 337, 339, 347—349, 356, 358, 363, 364, 367, 375—377, 380, 381, 384, 401—404, 409, 412, 413, 415, 423, 425, 426, 430, 432, 454, 456, 457, 459, 472, 479, 480, 518, 520, 523, 526, 529, 537, 539—541, 543, 544, 546, 548, 551, 557, 558, 562, 566, 570, 578, 580, 595, 597, 598
Александров В. 5
Алексеев М. П. 131, 144, 357
Алопеус М. М. 346—348
Андреев А. И. 28, 32, 271, 273, 284, 296, 299
д'Анмур 133
Анфилатов К. А. 182, 213—217, 219
Аптекаер Г. 47
Аракчеев А. А. 426, 553
Аргуелло Х. Д. 322
Арильяга Х. (Ариллага) 321, 474
Армстронг Д. 345, 359, 364, 374
Астор Д. Д. 21, 175, 445—450, 452—455, 458, 461—463, 467, 468, 531, 597, 598
Астор М. 450
Ашостин 385
Баженов В. И. 134, 141
Бакадаров 474
Бакинхэм 53
Бакунин П. 70
Бакунины, братья 29, 62
Балашев А. Д. 480
Бар 137
Баранов А. А. 28, 280, 302, 303, 309—313, 322, 323, 326—332, 356, 452, 461—470, 472, 474, 596
Баранщиков В. 162
Барбер 312
Баринг А. 537, 538, 542, 543
Баринг, братья 537

- Барлоу Д. 259
 Бартон Б. С. 235
 Бартрэм Д. 162
 Барятинский И. С. 56—60, 76,
 82, 89, 187, 188, 274, 278, 279
 Баташев 384
 Батлер 233
 Баттерфилд Л. 35
 Баффингтон Н. 188
 Безбородко А. А. 80, 85, 155,
 157, 283, 290—293, 301
 Бейард Д. 34, 37, 505, 529,
 530, 532, 540, 542, 547, 549,
 551, 552
 Бейби А. 11
 Бейли Т. 4
 Бекетов 245
 Беллингхэм Д. 488
 Беллини К. 139—141
 Бельский М. 14
 Бем М. 277
 Бемис С. Ф. 8, 9, 48
 Бениовский М. 275—278, 281
 Бенит 469
 Беннигсен Л. Л. 339, 479
 Бенсон А. (Бентсон) 11, 449,
 450, 452, 454—461
 Берг Л. С. 270, 271
 Бергбом К. 66, 67
 Беренс К. 64
 Беринг В. 269, 270, 272, 309,
 355
 Бернадотт Ж. 520, 521
 Бернард Л. 140
 Бернсторф А. 67, 68
 Бернсторф Х. 400
 Берт А. 484
 Берх В. Н. 273, 275
 Бетанкур 565
 Билибин 384
 Биллингс И. 284, 288—290,
 295, 355
 Биттнер К. 120
 Бланшард В. 465, 466
 Блом О. 403
 Бобров С. 253
 Бобух З. 163
 Богаевский И. 95
 Богарт Д. 434
 Богданович И. Ф. 100—102
 Богданович П. И. 98, 100,
 101
 Богослов Г. 13
 Бойд Д. 38
 Болотов А. Т. 108
 Борн И. 252
 Боссю Ш. 96
 Боудвин Д. 240
 Боудвич 565
 Бочаров Д. И. 276, 296
 Брайко Г. Л. 100, 242
 Бранденбург Ф. 179
 Брант И. 484
 Браун Д. (Брун) 314, 472
 Браун И.-А. (Брауниус) 226,
 228, 229, 231
 Брильон 246
 Брук 507
 Брус де 157
 Брэдли 360
 Будберг А. Я. 262, 339
 ✓ Булдаков М. М. 307, 309, 310,
 324, 325, 332, 452, 453,
 455—457, 460, 468, 471, 473
 Булыгин 470
 Бургойн (Бургонь) 56, 107
 Бьелке 54
 Бьюкенен Д. 158
 Бэнкрофт Г. 32, 296
 Бэрри Т. 564
 Вальне Ж. де 133
 Вандаль А. 340
 Ванкувер 280
 Ваугхан Д. 255
 Вашингтон Г. (Васгинтон)
 34, 62, 71, 74, 110, 112, 115,
 116, 122, 123, 145, 163, 173,
 201, 206, 232—234, 247, 248,
 266, 285, 580, 593, 595,
 599
 Ведемейер И. А. 307, 559,
 561
 Веллингтон А. 497, 499, 585
 Венворт 80
 Венель 137
 Верак де 84, 87, 375
 Вержени 57, 67, 82, 87
 Вернадский Г. 266, 267
 Веспуччи А. (Веспуция) 14
 Веттер фон Розенталь Г. Х.
 162—164
 Вильсон 222
 Випер Л. 124
 Виншип Д. 328, 329, 465
 Виншип Н. 465, 472
 Виттимор И. (Витимор) 465,
 466

- Витфорт А. 183—186, 218
 Вишняков 385
 Власкин А. Г. 573
 Водозовов 385
 Водрейль де (Водриоль) 138
 Волф Б. 5
 Вольтер 70, 92, 93, 107, 112, 247
 Воронцов А. Р. 94, 179, 190, 201, 206—209, 261, 273, 283, 298, 300, 384
 Воронцов М. С. 161, 581
 Воронцов С. Р. 70, 156, 161, 201, 202—205, 219, 308, 309, 593
 Воронцовы 23, 28, 161, 185, 273
 Воскресенский Т. 247
 Востоков А. 252
 Вулф 328
 Вяземский 277

 Гагемейстер Л. А. 320
 Галлатин А. 34, 37, 160, 343, 490, 515, 529—532, 537, 538, 540, 542, 543, 547, 551, 552, 557—559, 568
 Гамбьер 557
 Гамильтон А. 76, 174, 202, 258, 596
 Ганнинг Р. 55
 Гарден Г. 67
 Гарнетт К. 240
 Гаррис Д. (лорд Малмсбери) 34, 60, 61, 69, 80, 83, 87
 Гаррис Д. Л. 527
 Гаррис Л. 11, 24, 32, 206—209, 217, 219, 254, 261—263, 266, 333, 334, 343—345, 347—349, 352, 358, 363, 365, 366, 374, 383, 406—408, 421, 427, 428, 442, 548, 558, 559, 561, 563, 565—567, 593
 Гвоздев М. 270, 272
 Гегель 589
 Гейдж (Гаж) 104, 106
 Гейл 189
 Гекевелдер 235
 Гельвечий К. А. 70, 93
 Георг III 51, 53, 54, 69, 222
 Герман Б. 254, 565
 Герц 34, 67

 Гибци 327
 Гиль 313
 Гнедич Н. И. 253
 Голдер Ф. А. 8, 30, 31, 47, 271
 Голиков И. 30, 292, 298—302, 304
 Голиковы 273
 Голицын А. М. 72
 Голицын Д. (Августин Смит) 163, 164
 Голицын Д. А. 70—73, 75, 77—79, 89, 141, 163, 225, 226
 Головкин Ю. А. 316
 Головин В. М. 320
 Гольдберг Н. М. 15
 Гонионский С. А. 44
 Гончаров 168
 Гопкинс Д. 8
 Горбунов 385
 Гордон У. 240
 Горохова Н. 573, 577
 Горчаков А. М. 8
 Горяинов С. 22
 Гоуик 342
 Гоуэр Г. Л. 488
 Грей Р. 445
 Грей У. 175, 373
 Грей Ф. К. 373
 Грейг 237
 Грек М. 13
 Гренвилль 173, 557
 Гримм М. 41, 59, 92, 97, 159, 283, 284
 Гроше Д. Г. 238
 Грунди Ф. 483—485
 Губер А. А. 44
 Гудрич Д. (Годридж) 137
 Гуолберн Г. 557
 Гурьев Д. А. 407, 409, 423, 457, 460, 595
 Гюйгенс 221
 Гюлих 195

 Давыдовский 108
 Д'Аламбер 92
 Даллас Г. 160
 Даллес Д. Ф. 4
 Даллес Ф. Р. 8
 Даневский В. 67
 Данилевский В. В. 168
 Дашков А. Я. 27, 164, 191, 195, 235, 264, 310, 331.

- 351—358, 366—371, 374, 379, 389—391, 432, 434, 435, 437, 438, 440—444, 447, 462, 467, 492, 493, 496, 503, 510—512, 516—518, 524, 525, 547, 530—532, 535, 549, 556, 563, 564, 570, 576, 577, 579—581, 583, 586, 587, 598
- Дашкова Е. Р. (графиня Воронцова) 41, 58, 93, 100, 219, 236—238, 240, 241, 349, 350
- Двойченко-Маркова Е. М. 16—18, 131, 133, 134, 136, 228, 235, 239, 289
- Дежнев С. 270—272
- Дейвис Д. 565
- Дейна Ф. (Дана) 8, 11, 24, 34, 48, 71, 83—89, 130, 148, 160, 182, 372
- Деларов Е. 309
- Демидов 168
- Дерби Э. Х. 175, 188, 189
- Державин Г. Р. 273, 568
- Джей Д. (Яй И.) 114, 173, 188
- Джеймсон Д. Ф. 46
- Джексон Э. (Жаксон) 34, 485, 491, 504, 510, 511
- Дженсен О. 5
- Джефферсон Т. 8, 9, 24, 34, 38, 139, 148, 149, 155, 156, 160, 187, 201, 212, 250, 251, 256—266, 282—287, 336, 337, 343, 345, 347, 351, 355, 358—362, 369, 371, 377, 445, 446, 546, 584, 595, 599
- Джирард С. 175, 531
- Джонс П. (Жонес, Жонс) 11, 27, 34, 43, 130, 145—150, 152—161, 179, 191, 594
- Джонс С. 372
- Джонсон Г. 146
- Джонсон К. 372
- Джонсон Р. 483
- Джэксон Д. 163
- Диаборн 498
- Дивов А. 432
- Дидро 70, 92, 93, 107
- Дикинсон 125
- Диксон 282
- Дин 54
- Дмитриевский П. 146
- Дом фон 34, 67
- Дружинин Н. М. 166, 573
- Дуан Д. 76
- Дуан У. 345, 574—576, 583, 584
- Дуров Н. П. 131, 143
- Дэвид Г. 514
- Дэвидсон М. 5
- Дэвис В. 465
- Дюбург Б. (ди Бург) 101, 228, 242
- Дюма Ш. 71, 73, 75
- Евреинов Ф. 269
- Евстафьев А. Г. 357, 366, 517, 563, 564, 569, 570, 572, 573, 578, 582, 583
- Екатери́на II 4, 8, 23, 29, 30, 41, 47, 49, 53—56, 59, 62, 64, 66, 67, 69—72, 75—80, 85, 87—90, 91—93, 97—101, 116, 146—149, 152, 154, 158, 159, 163, 183, 184, 188, 199, 232—235, 237, 274—276, 278, 283, 284, 289, 290, 293—295, 298—302, 304, 425, 595
- Елизавета 134
- Еропкин 294, 295
- Ефимов А. В. 12—14, 44, 270, 271, 273
- Женэ 201
- Жерар А. 133
- Жильбер де 159
- Жоао 362
- Жуковский В. А. 568
- Замятин Г. А. 217
- Зауэр М. 284, 288, 289
- Звавич И. 424
- Зеленский 468
- Злотников М. Ф. 394
- Зюдерманландский, герцог 237
- Иванов Ф. 364, 429
- Измайлов А. Е. 253
- Измайлов Г. А. 18, 276, 280, 296
- Иосаф 302, 316
- Ирвинг Д. 403
- Италинский А. Я. 208, 209, 561

- Итон Г. 179
Итурригарий Х. 323
- Казакевич В. Д. 37
Кампенгаузен Б. Б. 407, 413
Каннинг Д. 557
Капица П. Л. 221
Карамзин Н. М. 40, 41, 109, 243, 247—252, 568, 571
Карамышев А. 286, 293
Каржавин Е. Н. 567
Каржавин Ф. В. 16, 27, 41, 43, 130—136, 139—144, 160, 162—164, 567, 572, 595
Каржавины, братья 134
Карзалет 189
Карл XII 585
Каролина-Матильда 54
Кастис Д. 580
Кастри де 282
Каткарт У. 525, 537, 539, 543, 544, 547—550, 554
Катлер Д. 575
Кафенгауз Б. Б. 169
Кизел Ф. 207
Кимбелл О. 330
Кинг Р. 202—205, 219, 360, 593
Кларк Э. Д. 569—573
Кларк 282, 355, 445
Клей Г. 34, 38, 483, 486, 491, 557
Клингштэdt 232, 238
Кличка 274, 281
Княжнин 93
Коббетт 574—576
Ковалевский М. 10
Козельский Я. 112
Козлов Н. Я. 147, 386, 387, 432—436, 492, 493, 498, 499, 506, 508, 512, 516—519, 531, 563, 576, 583
Козловский В. М. 258, 261
Козодавлев О. П. 399, 457—459
Кокбурн 502
Коленкур А. (герцог Виценский) 34, 397, 409, 411, 414, 415, 418
Колумб Х. (Колумбус) 131, 250
Колычев С. А. 89
Коммаджер Г. 34
Кондорсе 247
Конингам 312
- Концепсия 322, 323
Константин 339
Корнваллис 81
Корф 52
Костюшко Т. 133, 256
Кохрейн А. 501, 502
Коцебу А. 253
Кочубей В. П. 200, 201
Кочелев Р. А. 30, 425, 426, 553
Крамер В. В. 310, 332, 460, 468, 473
Крауфорд У. 483, 557
Крафт А. Ю. 236
Кремер И. 326
Крессон У. 8, 48
Крокер 312
Крузе 343
Крузенштерн И. Ф. 319, 565, 567
Крылов Н. А. 568
Крюденер А. И. 148, 206
Кук Д. 247, 279—282, 284, 287—289, 291, 292, 444
Купер Т. 258
Купер 100
Куракин А. Б. 339, 390, 410, 478, 479, 553
Куртнер 99
Кусков И. А. 28, 311, 330, 470, 472—474
Кутлье де 159
Кутузов М. И. 578, 580
Кэлхаун Д. 34, 38, 483, 491
Кэстльри 34, 487, 488, 490, 501, 526, 533—537, 539, 541, 542, 545, 548, 550, 551, 554—557, 559
- Лабаре Л. 37
Лаваль 565
Лагарп Ф. 256—259
Ладыгин Д. М. 42, 96, 181
Лазарев М. П. 320, 475
Лазерсон М. 10, 261
Лаксман К. 286
Лангдорф Г. И. 319
Ланской А. 59
Лаперуз 282
Лапорт 136
Лауренс Г. 114
Лафайет 62, 112, 133, 148, 160, 232—234, 283, 285, 557, 558, 595

- Ледиард Д. (Левдар) 11, 18, 27, 130, 279, 280, 282—295, 444, 595
 Лейбниц 269
 Ленин В. И. 21, 28, 29, 46, 60, 169
 Лесепс 282
 Лестер Г. М. 230
 Лешков В. 67
 Ли А. 76
 Ливен Х. А. 526, 534—536, 539—542, 544, 545, 547, 550, 551
 Ливерпуль 488, 533, 550, 559
 Ливингстон Р. 74, 86, 182, 210, 211
 Ливотов И. 100
 Лизакевич В. Г. 55, 401
 Линкольн А. 145
 Линней К. 285
 Линч А. 435, 436
 Лисянский Ю. Ф. 313, 319
 Литтл Д. 189, 240
 Литтлпаж Л. 160
 Лихонин 108
 Ллойд 509
 Лобанов-Ростовский Д. И. 339, 553
 Ломоносов М. В. 17, 18, 37, 41, 94, 220, 223, 224, 226, 228—231, 255, 268, 269, 568, 571, 595
 Лопухин П. В. 309
 Лориа 589
 Лористон Ж. 415, 479
 Лоуэлл Д. 495
 Лужин 269
 Льюис У. 408
 Льюис 282, 355, 442, 445
 Лэнг Д. 120
 Людовик XVI 98, 200, 201
 Льюис М. (Руис) 474
 Люцери 87

 Мабли 112
 Магеллан 59
 Мадариага И. 9, 66, 69, 70
 Маккензи Д. 449
 Макклеллан Д. 160
 Макогоненко Г. П. 115
 Максвелл Д. 225
 Малиновский В. 596
 Малиновский А. Ф. 108
 Малкин М. М. 12
 Маркловский 289, 293
 Марков С. Н. 296
 Маркс К. 21, 171, 308, 341, 342, 481, 482
 Мартенс Г. 34, 67
 Мартенс Ф. 22, 69
 Мартин Д. 356
 Маршалл П. 47
 Маццеи Ф. 139
 Медведников В. 311
 Мейнваринг М. 35
 Меллер 290
 Мельников А. 272
 Мендес Л. Л. 426—428
 Мерикур Т. де 200
 Мерси 82, 83
 Меттерних 34, 538
 Мик Т. 465, 466
 Миллер Г. 280
 Миллер Х. 34
 Миних Х. 98, 298
 Мирес 282
 Монро Д. 7, 34, 346, 347, 390, 414, 418, 424, 428, 435, 438, 475, 480, 490, 503, 522, 525, 527—530, 548, 550, 555, 556, 558, 583
 Монро 578
 Монталиве 423
 Монтестье 93, 112, 135
 Мордвинов Н. С. 307
 Морейс Г. М. 47
 Морков А. И. 78, 80, 83, 211
 Моррис Г. 159, 200—202
 Мошковская Ю. Я. 70
 Муловский Г. И. 283
 Мур Д. 34
 Муравьев Н. 120
 Мусин-Пушкин А. С. 50—52, 56, 64, 104, 105
 Мьяльников 304, 307
 Мэдисон Д. 8, 34, 68, 76, 140, 141, 212, 261, 262, 264, 334, 343, 345, 358, 359, 361, 366—371, 377, 404, 416, 418, 432, 437, 438, 442, 444, 480, 481, 486, 490, 494, 495, 503, 509, 510, 516, 527, 528, 540, 558
 Мэннинг К. 5

 Нагибин П. 272
 Найлс Х. 40, 513, 579
 Наполеон I (Бонапарт, Бо-

- напартий) 34, 161, 162, 262;
 338, 339, 341, 342, 383, 393,
 402, 405, 406, 409—412, 414,
 415, 419, 478—480, 487, 491,
 498, 499, 511, 520—524,
 526, 528, 534, 538, 543, 544,
 551, 558, 573—576, 578,
 579, 582—584, 598, 599
 Нарбонн 479
 Нарбонн де 159
 Нарочницкий А. Л. 394, 573
 Нассау-Зиген 147, 150—153
 Небольсин Г. 43, 169, 183,
 192—196, 393
 Невинс А. 35, 36
 Нельсон 496
 Немцевич Ю. У. 256
 Нессельроде К. В. 23, 30, 315,
 410, 523, 526, 539, 540,
 543—545, 550, 553, 555,
 560, 564, 598
 Неттлс К. 514
 Неустров А. Н. 109
 Нечкина М. В. 166
 Николаи П. А. 521, 523, 525,
 533—535, 550
 Новиков Н. И. 40, 41, 93, 96,
 102, 108—118, 127—129,
 135, 141, 199, 251, 594
 Новосильцов Н. Н. 339
 Норт 51, 103, 106, 109
 Ньютон 221

 Огден А. 327, 465, 466
 О'Кейн Д. (Окейн) 314,
 327—329
 Окунь С. Б. 19, 20, 32, 271,
 299, 300, 304, 475
 Онис Л. 435
 Орлов А. 55
 Орлов Г. 92
 Орловы 163
 Освальд Р. 114
 Остер М. 133
 Остерман И. А. 29, 56, 62, 71,
 72, 79, 80, 84—87, 155—158,
 191
 Острогорский М. 10
 Отис 509, 579

 Павел I (граф Северный) 59,
 100, 199, 204—206, 276, 285,
 305, 307, 459
 Павлов-Сильванский Н. П.
 124
 Пален Ф. П. 265, 363—366,
 376—381, 418, 429—432,
 434, 437, 440, 446—450, 563,
 564, 586, 598
 Паллас П. С. 235, 238, 263,
 285, 293, 567, 595
 Панин Н. И. 29, 50, 52, 55,
 56, 58, 61, 62, 67, 72, 73,
 76, 77, 80, 104, 138, 274,
 275, 277, 279
 Панин П. И. 58
 Паркер К. Л. 421, 422, 428
 Пассек П. Б. 294
 Пенн У. 14
 Перкинс Б. 9
 Персиваль С. 342, 488
 Пестель П. И. 546
 Петр I 13, 14, 269, 272, 570
 Петров 108
 Петров 470
 Пигот 469
 Пикеринг Т. 205, 360, 509
 Пиль И. А. 32
 Пинкни У. 348
 Пири 230
 Питкин Т. 43, 195, 392
 Плотников А. 311
 Пнин И. 252
 Пойнсетт Д. 11
 Покровский М. Н. 397, 398
 Покровский С. А. 397
 Полевой Б. П. 296
 Полетика П. И. 364, 429, 434,
 557, 563, 569—572, 587—
 590
 Поло М. 282, 295
 Половцов А. А. 22
 Понсо П. С. дю 235
 Попов 108
 Попов 287, 288
 Попугаев В. 252, 253
 Портер 313, 483
 Портлон 282
 Потемкин Г. А. 55, 67, 146,
 147, 149, 151—154, 160, 284,
 300
 Потемкин П. С. 93
 Потоцкий 263
 Прайт Д. 484
 Превост 495, 507
 Предтеченский А. В. 397, 399
 Прибл Э. 207—209

- Прингл Д. 222
 Пристли Д. 257, 258, 262
 Прозоровский А. А. 99
 Пугачев Е. 55, 92, 118, 128,
 134, 593
 Пужет 280
 Пулаский К. 278
 Пушкин А. С. 17, 93, 127,
 568, 588
 Пэкинхэм (Пакенгам) 510,
 511
 Пэриш Д. 531

 Радецкий М. 573, 577
 Радищев А. Н. 16, 17, 41,
 93, 112, 118—127, 129, 184,
 185, 199, 220, 249, 252, 253,
 267, 293
 Радовский М. И. 18
 Разумовский К. 93
 Райерсон С. 481
 Райт Р. 486
 Рамбур Ш. 132
 Рассел Д. М. 206, 490, 557
 Раш Б. 566
 Раш Р. 562
 Резанов Н. П. 307, 312, 313,
 315—328, 330, 469
 Рейнбер 99
 Рейналь 16, 93, 97—99, 101,
 112, 115, 119, 120, 122, 124,
 253
 Рено Ф. 8, 48, 70
 Ривьер М. де ля 70
 Рикетсон Ш. 566
 Рихман Г.-В. 41, 223, 226,
 231, 595
 Ричард (Рихард) 59, 242
 Ричардсон Д. 34
 Робертсон В. 95
 Родде Х. 207
 Рожкова М. К. 397
 Рокингэм 81
 Романов Н. М. 22
 Романова М. Ф. 307
 Романовы 7, 381
 Ромм Х. 21
 Росс 502, 507
 Рузвельт Ф. 145
 Румянцев Н. П. 8, 30, 36,
 191, 196, 205, 206, 213—217,
 219, 263—265, 307, 309, 310,
 315, 317—320, 322, 325,
 332—334, 337, 339, 347—
 350, 352, 353, 359, 360,
 362—365, 374, 376, 377, 379,
 380, 383, 389, 391, 395, 396,
 400—404, 407, 408, 411,
 412, 415—428, 430, 432—
 435, 437, 438, 441, 442,
 446—448, 450, 451, 453—
 455, 457—461, 471, 474, 492,
 493, 508, 516, 517, 520, 521,
 523, 525, 547, 530, 533—535,
 537—554, 563, 568, 583, 597,
 598
 Румянцев П. С. 247
 Руссо 93, 112
 Рыкачев 108
 Рылеев 146
 Рэндольф Д. 485

 Салтыков А. Н. 479
 Салтыков Ф. 269
 Сарычев Г. А. 284, 289, 293
 Сверчков 432, 531, 532
 Свиный П. П. 27, 42, 174,
 384—387, 391, 392, 433,
 500, 563, 564, 569—572,
 587—590
 Свифт Б. 314, 329, 330
 Сгибнев А. С. 275, 276
 Сеа Бермудес 425, 474
 Северин А. 460, 468
 Сегюр Л. Ф. 146, 147, 294
 Семенников В. П. 16, 119,
 123
 Сенявин Д. Н. 384
 Серюрье 583
 Симолин И. М. 61, 64, 78, 81,
 83, 148, 283
 Сироткин В. Г. 343
 Скотт Д. 66
 Скотт 161
 Слезкин Л. Ю. 421
 Слободчиков 328
 Смайт А. 37
 Смит Д. А. 11, 161, 581
 Смит Д. С. 373
 Смит Р. 264, 366—368, 370,
 404, 418, 442—444, 450
 Смит С. 507
 Смит У. 285
 Смит У. С. 373
 Соймонов П. А. 283, 298
 Сола П. В. де 475
 Солодовников 385
 Соломон 221

- Сонтаг 161
 Сорель А. 340
 Сохацкий П. А. 40, 101
 Спаркс Д. 37, 286, 289
 Сперанский М. М. 257, 267, 410, 423, 425, 426, 553
 Стайлес Э. 18, 227—230
 Станиславская А. М. 44
 Старжел 314
 Старцев А. И. 16—18, 101, 102, 125, 126, 131, 134, 139, 140
 Старцев 307
 Степанов 108
 Стормонт 83
 Стоун Д. 257—259
 Строганов Г. А. 325
 Строганов П. 23, 200
 Стройновский В. 256
 Стронг 509
 Струмилин С. Г. 166, 168
 Стэнфорд Р. 484
 Суворов А. В. 148, 150, 152—154
 Сумароков А. П. 94, 127
 Сухтелен П. К. 520—523
- Талейран Ш. 339, 410
 Талер Р. 120, 124
 Тараканов В. П. 330, 470
 Тарле Е. В. 9, 168, 171, 340, 392—394
 Тарсаидзе А. 7
 Татищев Д. П. 209
 Татищев С. 406
 Таубе Ф. В. 96
 Темерязев 384
 Тернер Ф. 589
 Тилезус В. Г. 235, 319, 565, 566
 Тиль Ч. (Кист) 162
 Тихменев П. 19, 304, 318, 322, 466, 469
 Токвиль 589
 Толстой А. 309
 Толстой Л. Н. 244
 Толстых А. 299
 Торнтон Э. 520—523
 Траверсе 161
 Трапезников 299
 Траси В. де 546
 Траси Д. де 546
 Трачевский А. 22
 Трескет 314, 327
- Туган-Барановский М. И. 10, 397, 398
 Тургенев А. 245
- Уайз Д. 140, 141
 Убри П. Я. 210, 211
 Углеванников 385
 Уилкинсон 498, 504
 Уиллард Д. 239, 240, 565
 Уильямс Д. 237, 238
 Уильямс У. 8
 Уильямсон Х. 232
 Уиндер 502
 Уинтроп Д. 227
 Уинтерспун Д. 76
 Унковский С. Я. 475
 Уолпол 543, 548—550, 554
 Уолш Р. 6, 581—583
 Уоррен Д. 490, 501, 532, 533, 548, 549
 Уортон Ф. 33, 48
 Уэббер С. 567
 Уэлсли Р. 487, 557
- Фарадей М. 225
 Федоров И. 270, 272
 Фейхтвангер Л. 244
 Филипп 115
 Филлипс Д. 182
 Фишер Г. 566, 595
 Фокс 81, 109
 Фолкнер Г. 514
 Фонвизин Д. И. 41, 58, 59, 93, 129, 244, 277, 568
 Фонер Ф. 47
 Фонтон К. К. (Фон тон) 353
 Форд В. 36
 Форд П. 38
 Фостер А. 480, 487—489
 Фостер У, З. 47, 482, 504
 Фошиль П. 66
 Франклин Б. (Франклин В., Франклейн) 10, 16—18, 34, 37, 54, 56—60, 73, 76, 82, 88, 89, 93, 106, 107, 112, 114, 135, 138, 145, 187, 201, 220—234, 236—238, 240—248, 253, 268, 274—276, 278, 279, 282, 285, 595, 599
 Фридрих II 67
 Фридрих-Вильгельм III 338
 Фрэнсис 578
 Фултон Р. 564

- Фусс Н. 254, 565, 566, 595
Фуше 412
Фэррагут 161
- Хамфри 187, 188
Хант У. 449, 463, 468
Хантингтон С. 76, 88
Хармар 233
Харпер Р. 483, 505, 580—582
Харт А. 34
Хартли Д. (Гартлей) 82
Хатчинс 233
Хаукинс 233
Хвостов Н. А. 320
Хейл У. 5
Хёлцле Э. 5
Хилл Д. 8, 9, 187, 188, 202, 206, 371, 520, 549
Хилл 189
Хлебников К. Т. 296, 313, 384, 465, 466
Хмельницкий И. П. 98
Холидей Е. 5
Хопкинсон Д. 576
Хоскинс Д. 434
Хотинский Н. К. 141, 276, 277
Храповицкий А. В. 59, 294
Христиан VII 54
Хуббел Е. 327
Хэкер Л. 514
Хэлл 497, 498
Хэнс Н. 258, 261, 262
Хюбнер М. 69
- Чаннинг Э. 46
Чарторыйский А. А. 23, 209, 211, 255, 256, 261, 262, 339, 343, 344
Чернышев А. И. 410, 414
Чернышев И. Г. 52, 58
Чернышевский Н. Г. 127
Чернышевы, братья 55
Чесс Б. 435
Честерфильд 100
Чечмэн Д. 237
Чивз 483
Чипмэн Н. 258
Чириков А. 270, 272, 309, 355
Чуйкевич 583
- Швецов 327, 330
- Шейс Д. (Шер, Шанр) 117, 118, 593
Шелихов Г. И. 28, 30, 32, 273, 276, 287, 288, 291, 292, 294—304, 306, 307, 316, 318
Шелихов И. 307, 309
Шелихова А. Г. 322
Шемелин Ф. И. 314, 319
Шербрук Д. 509
Шерман У. 160
Шешковский 93
Шильдер Н. М. 22
Широкий В. Ф. 316
Шнелль Г. 181
Шорт У. 264, 358—360, 362—364, 366, 369, 374, 380
Шпрыгова М. Н. 102
Штейбен 133
Штелин Я. 280
Шторм Г. 123
Штраус О. 6
Шуберт Ф. 238, 565, 566
Шувалов А. П. 58
Шулим Д. 582, 584
Шултц Т. 235
Шэннон Ф. 514
- Эббетс Д. 462, 463
Эванс 192
Эверетт А. Х. 158, 373, 567, 568, 579
Эйлер И.-А. 239, 241, 254
Эйлер Л. 221, 238—240, 247, 595
Эйрс Д. 330, 466, 472, 474
Энгельс Ф. 21, 66, 195, 338, 412
Эндрюс Ч. 46
Эпинус Ф. У. 41, 70, 224—229, 231, 595
Эттер К. 566
- Югов 299
Юркевич Б. 296
- Якобий И. В. 282, 287, 290—297
Ярмолинский А. 10, 11
Яцунский В. К. 394, 398

Оглавление

Введение	3
<i>Часть первая</i>	
Россия и революционная война за независимость в Северной Америке в XVIII веке	45
<i>Глава I.</i> Русская дипломатия и война США за независимость 1775—1783 гг.	50
<i>Глава II.</i> Отношение русского общества к американской бур- жуазной революции XVIII в.	91
<i>Глава III.</i> Первые русские в Соединенных Штатах и амери- канцы в России в конце XVIII в. (Ф. В. Каржавин и П. Джонс)	130
<i>Часть вторая</i>	
Русско-американские отношения в последние десятилетия XVIII и первые годы XIX века	165
<i>Глава IV.</i> Установление и развитие торговых связей между Россией и США (1778—1807 гг.)	182
<i>Глава V.</i> Развитие научных, культурных и общественно-поли- тических связей между Россией и Америкой во второй половине XVIII—начале XIX в.	220
<i>Глава VI.</i> Колонизация Россией Северо-Запада Америки и отношения с Соединенными Штатами (1779—1808 гг.)	269
<i>Часть третья</i>	
Русско-американское сближение (1808—1812 гг.)	335
<i>Глава VII.</i> Установление дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809 гг.)	346
<i>Глава VIII.</i> Расширение торговых связей и русско-американ- ское сближение в начале 10-х годов XIX в.	382

<i>Глава IX.</i> Русско-американские отношения на Северо-Западе Америки и заключение конвенции от 20 апреля (2 мая) 1812 г.	440
---	-----

Часть четвертая

Англо-американская война 1812—1815 годов и царская Россия	477
<i>Глава X.</i> Англо-американская война 1812—1815 гг. и ее оценки русскими представителями в Соединенных Штатах	481
<i>Глава XI.</i> Вопрос о мирном посредничестве России между США и Англией в 1812—1814 гг.	515
<i>Глава XII.</i> Расширение культурных связей и отношение обществственности США к Отечественной войне 1812 г. . . .	563
Заключение	591
Источники и основная литература	<u>601</u>
Указатель имен	<u>626</u>

CONTENTS

Introduction	3
<i>Part I.</i>	
Russia and the Revolutionary War for Independence in North America in the XVIII th Century	45
<i>Chapter I.</i> Russian Diplomacy and the U. S. War for Independence	50
<i>Chapter II.</i> Attitude of Russian Society towards the American Bourgeois Revolution of the XVIII th Century	91
<i>Chapter III.</i> First Russians in the United States and Americans in Russia at the End of the XVIII th Century (Ph. V. Karjavine and J. P. Jones)	130
<i>Part II.</i>	
Russian-American Relations in the Last Decades of the XVIII th and the First Years of the XIX th Centuries	165
<i>Chapter IV.</i> Establishment and Development of Trade Contacts between Russia and the USA (1778—1807)	182
<i>Chapter V.</i> Development of Scientific, Cultural and Social Ties between Russia and America in the Second Part of the XVIII th and the Beginning of the XIX th Centuries	220
<i>Chapter VI.</i> Russian Colonization of the North-West of the American Continent and Relations with the United States (1779—1808)	269
<i>Part III.</i>	
Russian-American Rapprochement (1808—1812)	335
<i>Chapter VII.</i> Establishment of Diplomatic Relations between Russia and the USA (1808—1809)	346
<i>Chapter VIII.</i> Broadening of Trade Contacts and the Russian-American Rapprochement at the Beginning of the Second Decade of the XIX th Century	382
<i>Chapter IX.</i> Russian-American Relations in the North-West and the Conclusion of the Convention of April, 20 (May 2) 1812	440

Part IV.

The Anglo-American War of 1812—1815 and Czarist Russia	477
<i>Chapter X.</i> The Anglo-American War of 1812—1815 and Its Evaluations by Russian Representatives in the United States	481
<i>Chapter XI.</i> Problem of Russian Mediation between the USA and England in 1812—1814	515
<i>Chapter XII.</i> Extention of Cultural Ties and the Attitude of American Public Opinion towards the Patriotic War of 1812	563
Conclusion	591
Bibliography	601
Index	626

Николай Николаевич Болховитинов

**Становление русско-американских
отношений. 1775—1815**

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. И. Беленькая*

Художник *В. Г. Прохоров*

Технические редакторы *А. П. Ефимова, В. В. Тарасова*

Сдано в набор 4/III 1966 г. Т-06270. Подписано к печати 23/IV 1966 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 20(40)+1 вкл. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 35,5
Тираж 1600 экз. Изд. № 985/06. Тип. зак. 277

Цена 2 р. 48 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10